

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

*ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ
ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО*
БЛАГОДАРИТ ПАО «ТРАНСНЕФТЬ»
И ЛИЧНО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА МОО «ИППО»
Н.П. ТОКАРЕВА
ЗА ПОМОЩЬ
В ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОБЩЕСТВА

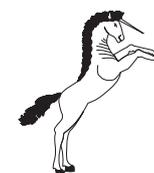

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО»

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
118

ПАМЯТИ
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СЕРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Издательство «ИНДРИК» 2020

ББК 86.372
П 68

ПАМЯТИ
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СЕРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

ВЫПУСК 118

Редакционная коллегия:

С.В. Степашин (председатель),
М.В. Бибииков (заместитель председателя), Бутова Р.Б., Вах К.А.,
А.И. Долинин, С.Ю. Житенёв (ответственный редактор),
С.П. Карпов, О.А. Колобов, В.А. Ливцов,
митрополит Рязанский и Михайловский Марк (Головков),
А.В. Назаренко, М.Б. Пиотровский, М.В. Рождественская,
И.Ю. Смирнова

Тексты статей публикуются в авторской редакции

Православный Палестинский сборник. Выпуск 118.
Памяти Великого Князя Сергея Александровича посвящается /
Отв. ред. С.Ю. Житенёв. — М.: Индрик, 2020. — 540 с.

ISBN 978-5-91674-000-0

© Авторы статей, текст, 2020
© Императорское Православное
Палестинское Общество, 2020
© Издательство «Индрик»,
оформление, 2020

ISBN 978-5-91674-000-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

Памяти Великого Князя Сергея Александровича,
Первого Председателя ИППО

- Степашин С.В.* Истоки современного международного терроризма и трагические уроки России: к 115-летию трагической гибели Великого Князя Сергея Александровича 11
- Громова А.В.* Великий Князь Сергей Александрович и начало Русской Смуты 1905–1907 гг. 17
- Балдин К.Е.* Великокняжеская чета — Сергей Александрович и Елизавета Федоровна во Владимирской губернии в конце XIX — начале XX в. 39
- Мельник В.И.* Последний год Великого Князя Сергея Александровича: хроника жизни и хроника террора 47
- Плотникова И.В.* «Там, где падают алтари, падают и престолы»: отношение Великого Князя Сергея Александровича к насущным вопросам церковно-общественной жизни в начале 1900-х годов . . . 52
- Гришин Д.Б.* Отец и сын: Император Александр II и Великий Князь Сергей Александрович в контексте общей трагической судьбы 57

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

ПО ТЕМАТИКЕ СОВМЕСТНОГО КОНКУРСА РФФИ–ИППО
«РОССИЯ И БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ИСТОРИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ,
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ И СВЯЗИ».

- Алексеев А.И.* О конфликтах в Русской Духовной Миссии
в Иерусалиме при епископе Кирилле (Наумове)
и архимандрите Леониде (Кавелине) 69
- Абузина С.С., Алексеев А.И.* «Именно священное слово
Господа свело нас вместе и повело по одному пути».
Письма Константина Тишендорфа А.С. Норову
в Отделе рукописей РНБ 91
- Беляев Л.А., Вах К.А.* Русские паломники
в Архангельском монастыре Иерусалима.
Исторические свидетельства и современные материалы 137
- Герд Л.А.* Россия и Антиохийский Патриархат XVIII в.
в документах Святейшего Синода 172
- Житенёв С.Ю.* Первая паломническая поездка русских
гимназистов Императорской Казанской 1-й гимназии
в Палестину и Грецию под руководством Н.К. Горталова 184
- Михайлова Е.А.* Путешествие купца Фёдора Ильича Тюменева
на Святую Землю в 1872 году 208
- Петрунина О.Е.* Российские консульства в Леванте
накануне Греческой революции 1821 г.: новые документы.
Публикация документов МИД России 225
- Алленов А.Н., Житин Р.М.* Деятельность Б.П. Мансурова
по организации русского присутствия в Святой Земле
(1850–1880-е гг.) 259
- Копылова О.Н., Додонов Б.Ф., Зайцева А.А.,
Лукина К.А., Монгуш М.В.* Первая паломническая поездка
Патриарха Московского и всея Руси Алексия I на Ближний Восток.
27 мая — 26 июня 1945 г. (Документы и материалы
из фондов Государственного архива Российской Федерации) 269

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ИППО

«ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III — ОСНОВАТЕЛЬ ИМПЕРАТОРСКОГО
ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА: К 175-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА»

- Бутова Р.Б.* «Горячая Вера деятелей первого часа». Император
Александр III и основание Императорского Православного
Палестинского Общества 291
- Закаатов А.Н.* Император Александр III и его брат
Великий Князь Владимир Александрович: родственные
и официальные взаимоотношения 301
- Кудрина Ю.В.* Культурно-историческое наследие
Императора Александра III 320
- Савельев Ю.Р.* Русский стиль Императора Александра III
и храмоустроение на Святой Земле 343
- Дронов И.Е.* Задачи и итоги царствования
Императора Александра III 369
- СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ, ПОСВЯЩЁННЫЕ 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЖУКОВСКОЙ ЛИДИИ ПЕТРОВНЫ
(15.04.1920 — 07.01.1994)
- Аксенова Г.В.* «Впервые подробно и всесторонне...».
Лидия Петровна Жуковская как «выдающееся событие»
отечественной славистики: к 100-летию со дня рождения 389
- Камчатнов А.М.* Лидия Петровна Жуковская. Начало 437
- Панин Л.Г.* Друцкое Евангелие XIV века:
проблемы изучения и издания текста 443
- Родионова А.Е.* Архив и библиотека Л.П. Жуковской в фондах
Отдела рукописей Российской государственной библиотеки 462
- Суворова Е.Ю.* Значение трудов Л.П. Жуковской
в изучении церковного искусства 467

<i>Черных Е.А.</i> История кирилло-мефодиевской миссии в трудах Л.П. Жуковской	472
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОСВЯЩЁННЫЕ БЛИЖНЕМУ ВОСТОКУ	
<i>Хани аль-Ахмар.</i> Слагаемые сирийского кризиса: внутренний конфликт плюс внешняя алчность. (Перевод А.В. Сарабьева)	481
СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ	
<i>Ванькин Е.В.</i> «Народ голоден оттого, что мы слишком сыты». О голоде в России 1891 г. (О сотрудничестве Великого Князя Сергея Александровича и графа Льва Николаевича Толстого в 1891 г.)	497
<i>Якушев М.М.</i> Об учреждении российского вице-консульства в Яффе во главе с Г.И. Мострасом	503
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	
К 75-летию Михаила Борисовича Пиотровского	521
Петру Владимировичу Стегнию исполнилось 75 лет	523
К 70-летию Сергея Викторовича Лаврова	524
Архимандриту Александру (Елисову) исполнилось 60 лет	527
Юбилей Анны Витальевны Громовой	528
ПАМЯТИ ПОЧИВШИХ	
Памяти Сергея Алексеевича Беляева	533
Авторы статей и публикаций	535

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СЕРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, ПЕРВОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИППО

В Москве 17 февраля 2020 г.
в Новоспасском монастыре
прошли Первые Сергиевские чтения,
подготовленные
Научной секцией МОО «ИППО»,
по теме «Истоки современного
международного терроризма
и трагические уроки России:
к 115-летию мученической гибели
Великого Князя Сергея Александровича».
Редакционная коллегия представляет
внимание читателям Православного
Палестинского Сборника статьи
основных докладчиков чтений.

Истоки современного международного терроризма и трагические уроки России: к 115-летию мученической гибели Великого Князя Сергея Александровича

С.В. Степашин

Императорское Православное Палестинское Общество приняло решение о том, что 2020 г., станет Годом памяти Великого Князя Сергея Александровича, который мученически погиб 115 лет тому назад в Московском Кремле от рук террориста. Необходимо отметить, что это трагическое событие напоминает нам о той страшной беде, которая случилась не только с Великим Князем, но и с нашей страной, а в последующем со всем миром. Эта беда и сегодня никуда, к сожалению, не ушла. Называется эта беда — международный терроризм. Именно в таком контексте, мы решили сегодня помянуть Сергея Александровича, с тем, чтобы через ту трагедию, которая произошла в нашей стране и с ним, с его семьей, с Домом Романовых, было напоминанием об опасности этого страшного явления сегодняшнему и будущим поколениям не только в России, но и во всём мире.

В первую очередь, хочу отметить, что проведение Первых Сергиевских чтений и всех памятных мероприятий в честь Великого Князя Сергея Александровича благословил Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Сегодня утром была совершена Божественная литургия в Архангельском соборе Московского Кремля, на которой мы все молились о Великом Князе. Затем впервые многие из членов нашего Общества посетили возрожденный, именно возрожденный, я именно это слово позволю себе употребить, памятный крест, который был впервые воздвигнут в 1908 г. на месте убийства Сергея Александровича в Московском Кремле. В советский период памятный крест был демонтирован, но 04 мая 2017 г. его точная копия была восстановлена на том же самом месте. В настоящее время памятный крест находится в охраняемой зоне Московского Кремля, к нему в принципе сейчас никто просто так прийти не может. Но, по личному распоряжению Владимира Владимировича Путина, нашему Обществу разрешили провести памятные мероприятия у креста на месте гибели Сергея Александровича.

Хочу напомнить, что Президент России принимал непосредственное участие три года назад в открытии памятного креста на месте гибели Великого Князя. Все сегодняшние наши памятные мероприятия в честь Великого Князя Сергея Александровича, с моей точки зрения, являются знаковыми событиями, которые поддержал Президент России Владимир Владимирович Путин и благословил Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Что касается той трагедии, которая произошла в 1905 г., она была, к сожалению, будем говорить откровенно, не случайной. Терроризм России был как явлением нашим собственным, так и, к сожалению, привнесенным. Исторические истоки терроризма ведутся со времён французской революции, особенно периода деятельности Робеспьера, той самой кровавой страницы в истории Европы. Многие и сегодня, в том числе и во Франции, этот период отмечают как государственный праздник, как ни странно. И тем, кто знают историю, кто с ней слабо знаком, я просто напомню о том, что первыми знаками, так называемого международного терроризма и сигнала на уничтожение императорской семьи Романовых прозвучали в 1825 г., кстати, из уст одного из декабристов — П.И. Пестеля. Хочу также напомнить о том, что именно в его манифесте предусматривалось физическое уничтожение всего Императорского Дома Романовых. Поэтому то, что потом было сделано большевиками в 1918 г., не было исторической новинкой. Они опирались на этот страшный и трагический призыв тех самых декабристов, которые долгое время были едва ли не героями в нашем Отечестве. Среди декабристов были разные люди, но давайте говорить откровенно, первый призыв к терроризму пошёл от них. И говоря об этом, нужно вспомнить, что 4 марта 1886 г. была первая попытка убийства Императора Александра II, отца Великого Князя Сергея Александровича, некто Каракозовым. При чём, что самое удивительное, покушение было организовано на царя-освободителя. Именно Александр II издал указ об отмене крепостного права. Именно Александр II подписал 03 декабря 1864 г. основные законодательные акты, на основе которых была проведена по тем временам очень демократическая судебная реформа в Российской Империи. Кстати, именно сегодня, я как сопредседатель ассоциации юристов России хочу напомнить, что 03 декабря 2008 г. указом Президента России в нашей стране был объявлен днем юристов. И мы эту дату определили от начала правовой реформы Императора Александра II. Однако для царя-освободителя его реформаторская деятельность закончилась сначала покушением Каракозова, затем попыткой Халтурина взорвать столовую, где должен был находиться в Зимнем дворце Александр II, в результате которого погибло более 110 человек. К сожалению, 01 марта 1881 г. произошло убийство Императора Александра Николаевича террористом Гриневецким, который взорвал его бомбой.

Если говорить о терроризме, Россия прошла два серьезных и страшных этапа. Первый — это 1870–1880 гг., о чём я уже сказал. И второй — это

начало XX века. Особенно страшным и трагическим временем был период 1905–1908 гг. Возникновение терроризма часто связывают с тем, что у российских властей якобы отсутствовали мирные способы проведения реформ, а также — в тяжелом положении находился народ. И действительно, были разные подходы к защите прав человека в нашей стране в то время, в том числе трудящихся людей. Именно поэтому ненасильственная организация «Земля и воля», которая старалась хоть что-то сделать с точки зрения разговора с населением, увы, переросла в террористическую организацию «Народная воля» в 1879 г. Эту «Народную волю» возглавили такие эсеры-революционеры, как: С. Перовская, Л. Тихомиров, А. Квятковский, В. Фигнер, Халтурин, А. Желябов и другие. Кстати Георгий Плеханов, который был одним из организаторов «Народной воли», категорически не принял терроризм тогда в Царской России и ушел из этой организации. Кстати, и Владимир Ульянов-Ленин, тогда ещё Владимир Ульянов, после казни его брата, который был в группе покушения на Александра III, он не поддержал тогда терроризм и сказал: «Мы пойдем другим путем». Это мы знаем из нашей истории. К сожалению, прогрессивная русская интеллигенция того времени не смогла создать идеологию, которая могла бы действительно противостоять революционному насилию. Не были найдены действенные меры, альтернативные террору, как единственному способу революционной борьбы, которая в основном упиралась, конечно, на манифест Карла Маркса и Фридриха Энгельса, где в первую очередь диктатура пролетариата становилась основой жизни, борьбы за положение, в том числе рабочего класса. Хотя в нашей стране, как вы знаете, рабочий класс составлял тогда всего восемь процентов от всего населения Российской Империи.

После этих событий, начинался самый сложный, самый тяжелый и самый кровавый период в истории России начала XX века, с октября 1904 г. по октябрь 1907 г. За это время, за эти три года было осуществлено более 90 тысяч терактов, погибло более 10 тысяч человек. Даже по сегодняшним временам, поверьте мне, что я говорю сейчас, зная ситуацию, эта цифра очень зловещая. С января 1908 г. по май 1910 г. было совершено уже более 20 тысяч террористических актов в Царской России. Кстати, тот же Ленин уже в 1905 г. открыто призывал совершать убийства помещиков, жандармов, полицейских, взрывать полицейские участки и, что самое страшное, это я цитирую дословно: «Кипятком обливать солдат». Кто такие были солдаты тогда? Это крестьяне, которые были призваны на службу. Кстати Сергей Александрович, Великий Князь, в то время ещё градоначальник и командующий войсками Московского округа предупреждал Императора Николая II, своего племянника, о тяжелой и сложной ситуации, которая сложилась в то время в стране. Я процитирую его письмо Николаю II от 13 марта 1904 г.: «Признаюсь тебе, что мы живем очень трудно. Веяния нехорошие. Проявления прямой революционности, нужно называть вещи

своими именами, чрезвычайно тревожит нашу страну. Время напоминает мне скверные, тяжелые времена моей молодости. Нужно твердо, круто, сильно взять дела, чтобы не скользить дальше по наклонной плоскости». Вот слова, которые были написаны Великим Князем Сергием Александровичем в письме Императору Николаю II. Это было произошло, напоминаю, 13 марта 1904 г. Я думаю, что когда писал эти слова Сергей Александрович, он вспомнил как раз трагические события марта 1881 г. После этого, когда стало ясно, что Сергей Александрович был не услышан своим племянником, и это факт исторический, он после долгих колебаний и сомнений принял решение об уходе с поста генерал-губернатора Москвы, хотя Император Николай II его достаточно долго отговаривал.

Кстати, хочу напомнить о том, что Сергей Александрович был одним из самых конструктивных, говоря сегодняшним языком и самых эффективных, опять же говоря современным сленгом, губернаторов нашей Москвы. Я вспоминаю, когда мы в 2012 г. открывали здание Императорского Православного Палестинского Общества, выступал Мэр города Москвы Сергей Семенович Собянин, который сказал: «Великий Князь Сергей Александрович был одним из лучших, если не лучший губернатор Москвы». Я полностью согласен с его оценкой деятельности Великого Князя. Трамвай, водопровод, забота о рабочих и встречи со студентами университета; Хитров рынок, где он наводил порядок; так называемые ночлежки, там заботились о людях. Это всё о нём. Мы привыкли из советской истории, что всё было плохо в нашей стране, и Царская Россия была тюрьмой народа. Так вот, Москва за время генерал-губернаторства Сергея Александровича приобрела не только европейские черты, как это было со столицей — Санкт-Петербургом, но и становилась городом очень удобным для проживания. И поэтому, конечно, уход Великого Князя 01 января 1905 г. со своего поста был воспринят достаточно сложно.

Ну, а если говорить о его убийстве, здесь кривотолков никаких нет, и быть не может, это была мученическая кончина. Террористическая организация, частично той самой «Народной воли», она потом отпочковалась и стала называться Боевой организацией партии социалистов-революционеров во главе с Борисом Савинковым готовила покушение на трёх генералов-губернаторов: Москвы, Санкт-Петербурга и Киева. Покушение готовил лично Савинков. Кстати фигура весьма любопытная с точки зрения того, что он был сначала социалистом-революционером, потом вошел в состав Временного правительства, потом воевал вместе с белыми, затем служил английской разведке («СИС/МИ-6») и в 1925 г. закончил свою жизнь на Лубянке. Какую идеологию он исповедовал, что представлял собой этот террорист-авантюрист, трудно сказать. Но самое любопытное, позволю вам сказать, что состав террористической организации, кроме И. Каляева и компании входил ещё один человек по фамилии Е. Азеф, который

являлся штатным платным сотрудником охраны... И, безусловно, охранное управление Царской России того времени не могло не знать о том, что готовится покушение на Великого Князя Сергея Александровича. Это удивительно, мягко говоря. На самом деле, это предательство. Кстати, такая же история произошла и в сентябре 1911 г., когда убили П.А. Столыпина в Киеве. Поэтому этот факт — это тоже напоминание о том, что терроризм и борьба с ним — вещь очень сложная. И здесь, конечно, нужно думать и тем, кто занимается этой проблематикой.

После этой трагедии, произошло одно удивительное событие, о котором вы знаете, Великая Княгиня Елизавета Федоровна навестила И. Каляева, убийцу Сергея Александровича, и подарила ему Евангелие, узнав о том, что, оказывается, он является православным человеком. Честно говоря, я не знаю, как совместить Православие и терроризм, веру и убийство. В настоящее время, как известно, существует международная террористическая организация «Игил», запрещённая в России, которая прикрывается Исламом, и объявила об исламском терроризме. Но, нет и, не может быть исламского терроризма, как нет, и не может быть православного терроризма. Есть террор, и он не имеет никакого отношения к истинной религии. Это бандиты, которые должны быть наказаны самым серьёзным образом.

Мы помним трагические события, которые развивались дальше после смерти Великого Князя Сергея Александровича. Осень, декабрь 1905 г., кровавые события в Москве, в том числе на том месте, которое сегодня называется Красная Пресня. Прошло, после этих событий всего 13 лет, и был совершён массовый террор в 1918 г., когда, как бы по завету Пестеля, практически была уничтожена почти вся Императорская семья Романовых, а вслед за ней все те, кто не успел покинуть тогда Россию. Это сотни тысяч убитых людей всех сословий.

И говоря о теме террора, вы знаете, меня всегда удивляет, почему мы не расставляем правильно акценты. Если вы помните, большевики объявили «красный террор» в ответ на так называемый «белый террор», потому что, были покушения на Володарского, Урицкого и Ленина. Так вот, на Володарского, Урицкого и Ленина, как известно, покушались ни белые и ни царская семья, а покушались социалисты-революционеры, эсеры. Совершенно ясно, что это был только предлог для развязывания террора против всех, кто был связан с Императорским Домом Романовых и ему сочувствовал. Поэтому эта история, к сожалению, коснулась потом трагически всей нашей страны. Это надо помнить и понимать, особенно сейчас. Но, увы, мы сегодня должны сказать, что история с террором, к сожалению, не закончилась. Это и события, которые были и в нашей стране, в том числе в современной России, я имею в виду Северный Кавказ. Это также ситуация в Афганистане с так называемым «Талибаном», потом «Аль-Каидой». Это история с «Игил». Когда мне задают вопрос: а что мы делаем в Сирии?

Я отвечаю — российские войска там делают то, что нужно делать сейчас и то, что нужно будет делать всегда- бороться с терроризмом. Именно поэтому сегодня, проводя Первые Сергиевские чтения, мы решили ещё раз напомнить, через трагическую гибель нашего выдающегося соотечественника, первого Председателя ИППО, Великого Князя Сергея Александровича о том, что историю не только надо знать, но и из неё делать правильные выводы.

Ну и последнее. Наше Общество, продолжая дело Великого Князя Сергея Александровича, особенно на Святой Земле, возрождает Сергиевское подворье в Иерусалиме, которое названо его именем и является одним из лучших зданий в Святом Граде. Подворье живёт своей интересной и разнообразной жизнью, на основе тех традиций, которые завещал нам Сергей Александрович. В настоящее время, практически завершается решение вопроса о возвращении в российскую собственность Александровского подворья в Иерусалиме. У нас в планах возвращение — Елизаветинского и Николаевского подворий, а также других русских объектов в Израиле, построенных на деньги русского народа и огромными усилиями ИППО, которые распродал или раздал Н. Хрущёв. Потому, что Святая Земля, как и вера в Бога, очень важна для России. Я уверен в том, что пришло время и что мы должны аккуратно, ненавязчиво, деликатно, по-христиански начать работу по прославлению Великого Князя Сергея Александровича. И я глубоко уверен, что он будет причислен к лику святых!

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ И НАЧАЛО РУССКОЙ СМУТЫ 1905–1907 гг.

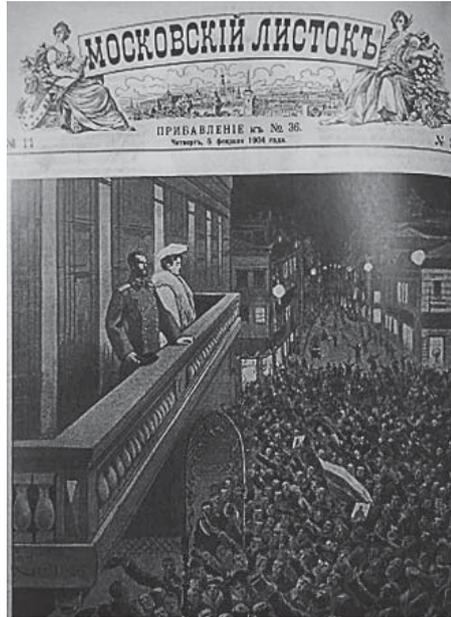
А.В. Громова

26 февраля 1891 г. Император Александр III назначает Великого Князя Сергея Александровича московским генерал-губернатором. В этой должности он осуществлял непосредственное управление Москвой и Московской губернией. Согласно высочайше утвержденной общей инструкции от 23 мая 1853 г. генерал-губернатор объявлялся «главным блюстителем неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства о точном исполнении законов и распоряжений верховного правительства по всем частям управления во вверенном им крае»¹.

На рубеже XIX–XX вв. в России было 10 генерал-губернаторств, определенных важностью территории или особым состоянием местности. Среди них Московское генерал-губернаторство всегда имело важнейшее значение. Состоящее из нескольких центральных губерний, представляющих собой экономическое и транспортное ядро Российской империи, это звено единого государства требовало повышенного внимания, а значение самой Москвы поднимало статус здешнего наместника на несравненную высоту.

Под началом Сергея Александровича одновременно находилось 10 губерний — Московская, Тверская, Смоленская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Тульская, Калужская, Рязанская и Тамбовская². Состояние древней столицы Российской Империи серьезно беспокоило Государя Александра III, и необходимо было иметь верного человека, который проводил бы избранный традиционалистский курс. Великий Князь Сергей Александрович как нельзя лучше подходил для этого.

Он оказался настоящим, рачительным хозяином и даровитым управленцем, навел скоро относительный порядок в городе: было проведено электрическое освещение, отреставрированы башни Кремля, наконец завершен старый проект строительства новых торговых рядов на Красной

1. Их Императорские высочества Великий Князь Сергей Александрович и Великая Княгиня Елизавета Федоровна на балконе Генерал-Губернаторского дома приветствуют патриотическое выступление народа по поводу начала русско-японской войны 29 января 1904 года

площади, которые позже будут известны как ГУМ, Московской Городской Думы (ныне Музей Отечественной войны 1812 г.), а также гостиницы «Метрополь», была проведена обширная реконструкция Большого театра, выстроено новое здание Московской консерватории, а по городу были проложены первые трамвайные линии³.

В лице нового генерал-губернатора Великого Князя Сергея Александровича, Москва получила выдающегося деятеля культуры, обладающего широко развитым художественным вкусом и глубокими знаниями в области искусства.

Особой заботой для Великого Князя стало обеспечение работы новых грандиозных московских музеев европейского уровня. Он способствовал развитию и пополнению Императорского Российского Исторического музея (ныне Государственный исторический музей). Благодаря настойчивой и энергичной политике Великого князя в должности Почетного

Председателя Исторического музея в нем был открыт благотворительный Лекторий для публичных лекций на 700 человек.

При его непосредственном участии открылся Музей изящных искусств имени Императора Александра III (ныне ГМИИ им. А.С. Пушкина). Великий князь возглавлял комитеты по их устройству, изыскивал средства для строительства, привлекал меценатов, по его инициативе разрабатывались просветительские музейные программы⁴.

Великий князь возглавлял множество общественных организаций, занимавшихся делами социальной помощи, проявлял заботу о досуге и нравственном состоянии трудового населения Москвы. Московский генерал-губернатор поддерживал возникшее в 1901 г. Московское столичное попечительство о народной трезвости. Попечительством в течение первого года работы было открыто 13 народных домов в разных частях города, преимущественно на окраинах в рабочих кварталах⁵.

Особую заботу Сергея Александровича вызывали такие сложные и злободневные вопросы как положение рабочих и студентов Москвы. По инициативе

Великого князя в Москве строятся первые общежития для студентов Университета, организуются кассы взаимопомощи для рабочих.

Великий Князь поддерживал деятельность главы Московского Охранного отделения С.В. Зубатова по созданию системы легальных рабочих организаций на предприятиях — «Обществ взаимопомощи рабочим», которые стали прообразами профсоюзов. Работа этих организаций, за счет существенного улучшения социального положения и жизненного уровня московских рабочих и отстаивания их реальных интересов, лишала революционеров и социал-демократов «социальной базы» для организации волнений⁶.

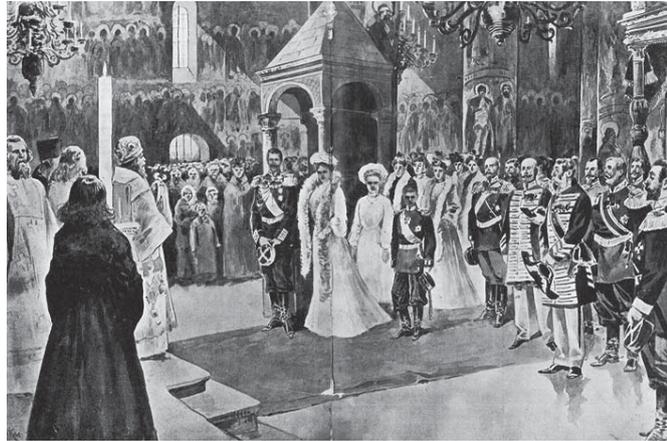
Фабриканты были возмущены ущемлением, как они полагали, своих прав, а социал-демократы с ужасом наблюдали, как их влияние в рабочей среде катастрофически падает. В конце концов, некоторые крупные московские предприниматели во главе с С. Т. Морозовым начали в пику «зубатовщине» и лично Великому князю, которого они не любили, спонсировать революционные организации⁷, в том числе и большевиков.

В день 41-ой годовщины отмены крепостного права, 19 февраля 1902 г., Великий Князь Сергей Александрович возглавил почти 60-тысячную мирную демонстрацию рабочих Москвы и проследовал с ней для возложения венков к памятнику Царю-Освободителю Александру II. Рабочие шли с пением «Боже, Царя храни», порядок во время демонстрации поддерживался не полицией, а патрулями, созданными самими рабочими. Великий князь вспоминал в дневнике: «...громадные толпы рабочих — порядок отличный... Панихида — засим 2 венка возложила депутация от рабочих; молебен. Я пошел смотреть венки — сказал депутации несколько слов. Громовое ура — шапки так и летели; все трогательно, хорошо, назидательно... Когда... венок возлагали, у меня слезы навертывались!»⁸

Позднее, в начале революционных событий, Великий Князь Сергей Александрович сообщал в письме от 15 января 1905 Великому Князю Константину Константиновичу о достаточно благополучной ситуации в среде московских рабочих: «Правда, рабочие и фабричные в Москве представляют элемент менее податливый революционной пропаганде, ибо я старался для них сделать все, что мог в эти 4 года, устраивая кассы самопомощи, разрешая собрания в народных домах общ[ества] трезвости и целый ряд лекций в разных аудиториях, куда часто и сам ездил»⁹.

Великий Князь Сергей Александрович будучи сторонником бескомпромиссной административной системы, в первые годы царствования своего племянника Государя Николая II оказывал на него влияние в вопросах внутренней политики. В 1896 году был назначен командующим Московским военным округом и оставался в этой должности до самой смерти.¹⁰

Московский военный округ охватывал 12 губерний, занимая территорию более 1 млн. кв. км. Округ находился в центре Европейской России,

2. Молебен в Успенском соборе Московского Кремля в присутствии Великого Князя Сергея Александровича и Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Чтение манифеста Императора Николая II о вступлении в русско-японскую войну

важном промышленном и торговом районе Империи, с основным управлением в Москве, от которой во все стороны отходили 11 железных дорог.

В состав округа входило 3 армейских корпуса численностью до 20 тыс. человек каждый (Гренадерский, 13-й армейский и 17-й армейский). Округ играл важную роль в снабжении армии стрелковым оружием, в подготовке кадров офицерского корпуса. В округе находилась одна треть всех российских кадетских корпусов, в количестве семи: 1-й, 2-й, 3-й Московские, Михайловский - Воронежский, Орловский - Бахтина, Нижегородский — Аракчеева и Ярославский кадетские корпуса¹¹.

Он являлся своего рода «резервным» - источником пополнения русской армии живой силой и вооружением в случае войны. Русско-японская война 1904–1905 гг. показала, что значение округа как транзитного (важного для переброски войск) в этот период многократно возросло.

Рассматривая вопрос о начале революции 1905–1907 гг., необходимо обратиться к истории антиправительственных протестных движений в различных слоях российского общества. Особый интерес для изучения начального периода революционных событий 1905–1907 гг. представляет радикальное направление этого движения.

Системный политический террор в России до 1917 года имеет два достаточно определенно выраженных пика: рубеж 1870–1880-х гг. XIX века и начало XX века. На рубеже 1870–1880-х гг. преобладали террористические акты, организованные «Народной волей», направленные против высших сановников и в первую очередь против Императора. Террор начала XX века был делом многих террористических организаций, исчислялся тысячами актов, объектами которых были преимущественно госслужащие низших ступеней иерархической лестницы в том числе полицейские, градоначальники, а также казаки и солдаты.

Еще на рубеже 1890–1900-х гг. среди эсеров были чрезвычайно влиятельны сторонники террора — ряд организаций так называемой южной Партии социалистов-революционеров, А.О. Бонч-Осмоловский, Л.Э. Шишко, другие члены Фонда вольной русской прессы. Но и сторонники террора — Союз социалистов-революционеров, М.Р. Гоц, Н.С. Русанов — не планировали применять его в обозримом будущем, поскольку были убеждены в неприятии радикальных методов борьбы простым народом и «обществом»¹².

Однако убийство П.В. Карповичем министра просвещения Н.П. Боголепова было сочувственно встречено либеральным обществом, оппозиционно и революционно настроенным студенчеством. Именно это обстоятельство подвигнуло лидеров эсеров — сторонников террора (в первую очередь Г.А. Гершуни, М.Р. Гоца и В.М. Чернова) приступить к реализации плана систематического террора.

В 1901 году начался целенаправленный так называемый «революционный террор», а по сути своей физическое истребление наиболее верных служителей и защитников Отечества. В феврале 1901 года на фоне брожения в обществе и новых студенческих волнений был смертельно ранен министр народного просвещения: «После службы узнал о покушении на Боголепова!! Он ранен в шею бывшим выгнанным студентом; это ужасно!»¹³ — записал в дневнике Великий Князь Сергей Александрович, в свое время порекомендовавший Н. П. Боголепова на министерский пост. Вскоре террористы организовали еще одно покушение на крупного государственного деятеля — обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, но он, к счастью, не пострадал.

Предчувствуя надвигающуюся катастрофу, Великий Князь Сергей Александрович писал Императору Николаю II: «Признаюсь тебе, мне очень трудно; веяния нехорошие; проявления прямо революционные — нужно называть вещи своими именами, без иллюзий... Твердо, круто, смело нужно вести дела, чтоб не скользить дальше по наклонной плоскости. Полумерами действовать теперь нельзя... По-моему нужно обратить внимание на фабрики; пропаганда между фабричными идет и со временем может принять плохой оборот и опасный...»¹⁴.

После убийства Н.П. Боголепова Великий Князь пишет брату Великому Князю Павлу Александровичу: «Нет сильной направляющей воли, как было у Саши и теперь мы шатаемся, как в 70-х годах. Зачем? И даже ответ на вопрос не получишь! При этих условиях служить становится невозможно, и я серьёзно подумываю сойти с административной сцены... один в поле не воин»¹⁵.

2 апреля убили министра внутренних дел Д. С. Сипягина. Николай II потерял в нем «друга и преданного человека». На следующий день Великая Княгиня Елизавета Федоровна написала письмо государю, в котором призывала его: «Ники, дорогой мой, ради всего святого,

3. Высочайший Манифест Императора Николая II

будь теперь энергичнее, могут быть новые убийства — положи конец этому террору теперь же»¹⁶

Вслед за убийством министра внутренних дел Д.С. Сипягина в апреле 1902 г. о себе заявила Боевая организация эсеров (БО). Руководители БО Г.А. Гершуни (1901–1903) и являвшийся тайным агентом полиции Е.Ф. Азеф. (1903–1908), были организаторами партии эсеров и самыми влиятельными членами её Центрального Комитета. По стране прокатилась целая серия политических убийств. Террористами-эсерами была объявлена настоящая охота на политическую элиту Российской Империи. Начались беспорядки и забастовки в университетах, массовые волнения, уличные демонстрации, сопровождавшиеся покушениями на государственных деятелей России.¹⁷

Следующими жертвами эсеровского террора стали харьковский и уфимский губернаторы Оболенский и Богданович, помощник пристава Кулешов, полковник Метленко (два последних покушения организовали члены боевых дружин в Бердичеве и Белостоке).

15 июля 1904 года был убит министр внутренних дел В. К. Плеве. Великий Князь записал в своем дневнике: «В 12 ч. узнал об ужасном убийстве Плеве! Я в отчаянии! Считаю его смерть величайшим несчастьем для Государя и для внутренних дел. Теряю в нем очень много — незаменимый человек»¹⁸.

В августе 1904, после убийства В.К. Плеве, произошло окончательное оформление статуса БО — принят ее устав. Верховным органом БО стал Комитет, членом-распорядителем которого избрали Азефа, заместителем — Савинкова, в состав Комитета вошел также Швейцер.

Организаторы политического террора, отмечали что, после убийства в июне 1904 министра внутренних дел В.К. Плеве в их боевую организацию разными путями стали поступать «многочисленные денежные пожертвования», люди предлагали свои услуги для организации «террористической работы». Даже надзиратель тюремной камеры, где сидел арестованный ранее Гершуни, рассуждая о покушении на Плеве, связывал это событие с возможным вскоре объявлением конституции в России и учреждением Государственной думы¹⁹.

«Больная Россия» - так охарактеризовал состояние российского общества Д.С. Мережковский в одном из литературных эссе, стремясь

определить свое отношение к террористическим актам политического характера, которые он не отделял от революции в России²⁰.

Денежные поступления на нужды Боевой организации до конца 1907 были постоянны и весьма значительны. Большие суммы жертвовали известный паромовладелец Н.Е. Мешков, обладатель многомиллионного состояния Н.Е. Парамонов и многие другие состоятельные люди, в том числе представители богатейших купеческих семей Высоцких, Гавроновских, Гоцев, Зензиновых, Фондаминских, чьи дети были видными деятелями партии эсеров. Это, по всей видимости, был самый крупный источник финансовых поступлений в кассы ЦК и Московского комитета партии. Согласно подробному докладу, составленному В.С. Гоцем, с января 1904 по декабрь 1907 Азеф взял из кассы ЦК 319 919 франков, или ежемесячно около 2500 рублей²¹. Согласно утверждениям Савинкова, «дело Плеве» обошлось партии в 30 000 рублей²².

27 января 1904 года началась Русско-японская война и была объявлена мобилизация войск. Великий Князь Сергей Александрович как командующий войсками Московского военного округа возглавил мобилизацию и обеспечивал транзит русских войск, отправлявшихся на театр военных действий. Напряжение этого времени Великий Князь Сергей Александрович передает в письме к Великому Князю Константину Константиновичу, объясняя свое долгое молчание: «Последнее время, правда, я был все время в разъездах по моему округу, прощаясь с частями 17 [армейского] корпуса, уходящими на Дальний Восток...»²³.

Великий Князь Сергей Александрович сразу же начал проверки войск Московского гарнизона, устраивал смотры отправлявшимся на Дальний Восток сформированным ротам различных полков²⁴. Роль МВО в мобилизации была значительной - округ принимал участие в 7 (из 9 проведенных) мобилизаций, а общее число мобилизованных составило 233 810 человек (20 % всех мобилизованных по России). Весной Великий Князь устраивал смотры молодых солдат войск Московского гарнизона²⁵.

В начале мая 1904 года Император Николай II вместе с братом, Великим Князем Михаилом Александровичем, объезжал войска, отправлявшиеся на Дальний Восток. Сергей Александрович сопровождал Государя во время инспекции пехотных, кавалерийских и артиллерийских дивизий в Орле, Туле, Калуге и Рязани. 8 мая Государь прибыл в Москву, во дворе Николаевского вокзала произвел смотр 17-му саперному батальону и 6-му инженерному парку и в тот же день отбыл из столицы. В конце июня Император вновь приезжал в Московский военный округ для напутствования войск и Сергей Александрович находился при нем.

С мая по август 1904 г. Великий Князь, как и в предыдущие годы, производил смотры военных частей МВО в разных губерниях. С 22 мая по 3 июля прошел смотр всех частей 17-го армейского корпуса (в Москве,

4. Панихида по в Бозе почившем Его Императорском Высочестве Великом Князе Сергее Александровиче в Чудовом монастыре. Московский листок №12. 1905 год

Рязани, Туле, Орле, Ельце). 3 июня Сергей Александрович вместе с супругой прибыл в Орел, где состоялись проводы выступавшего на Дальний Восток 51-го Черниговского драгунским полка, шефом которого была Великая Княгиня.

Великий Князь Сергей Александрович и Великая Княгиня Елизавета Федоровна не только поддерживали моральный дух подшефных полков и войск Московского военного округа, но оказывали постоянную благотворительную помощь воинству на полях сражений русско-японской войны, а также их семьям через Российскую Организацию Красного Креста (РОКК)²⁶.

События русско-японской войны, безусловно, сильно повлияли на войска, оставшиеся в округе. О большом некомплекте офицеров сообщается во «Всепоподданнейших отчетах» командующих войсками МВО за 1904–1905 гг.²⁷ В 1904 г. более или менее значительный некомплект офицеров (из-за большого числа командированных и переведенных в действующую армию) существовал во всех полках, на роту часто приходилось по одному офицеру. Некомплект солдат и офицеров пополнялся за счет офицеров запаса, зауряд-прапорщиков и запасных солдат. Это резко ухудшило состав войск и в нравственном, и в строевом отношении. Запасные нижние чины отличались самовольными отлучками, нарушениями внутренней службы, пьянством и буйством. Призванные из запаса младшие командиры по своим качествам не могли их заменить кадровых офицеров.

Учитывая происходящие изменения в кадровом офицерском составе, Великий Князь Сергей Александрович в ноябре 1904 г. издал приказ о ведении зимних занятий в войсках, где акцентировал внимание не только на физической подготовке нижних чинов и офицеров, их обучению военному делу, но и на воспитательно-патриотической части.

Для нижних чинов во всех частях было приказано проводить чтения и беседы о событиях текущей войны, иллюстрируя их туманными картинками. Чтения должны были в доступной для нижних чинов форме объяснять им причины войны, ее значение для родины и подчеркивать отдельные случаи проявления русским солдатом воинской доблести и беззаветной преданности Престолу и Отечеству²⁸.

Преданность прошлому России, беспрекословное доверие самодержавной форме правления, беспрекословное служение консервативному курсу государственной власти в духе политики Государя Александра III были главными мировоззренческими ориентирами Великого Князя Сергея Александровича. Он всю жизнь относился к самодержавию как догмату веры, отступление от которого рассматривал почти как святотатство.

Если до 1905 г. пропаганда радикальных партий в войсках носила спорадический характер и не могла в значительной степени противостоять официальной идеологии, то с началом 1905 г. ситуация стала меняться. Сергей Александрович внимательно следил за тем, что происходит в войсках МВО и старался своевременно отдавать приказы, направленные на стабилизацию положения в военных частях. В начале января 1905 г. он отметил, что участились случаи среди новобранцев в нанесении себе увечий (якобы случайных) с целью уклонения от службы²⁹. Великий Князь незамедлительно издал приказ о принятии действенных мер на местах, чтобы командиры разъясняли новобранцам, что те не только не будут выведены из строя, но и будут отданы под суд.

На фоне усилившегося брожения в обществе на место убитого террористами министра внутренних дел В.К. Плеве был назначен князь П.Д. Святополк-Мирский, настроенный на проведение либеральных реформ и провозгласивший «эру доверия», которую многие консерваторы назвали «эрой попустительства». Как убежденный консерватор, Великий князь Сергей Александрович не мог не противиться новой представительной форме правления, которую предлагал П.Д. Святополк-Мирский, а именно привлечению выборных от дворянских собраний, земств и городских дум к законодательной деятельности Государственного Совета.

А в обществе всё больше и больше распространяется революционное брожение. Читаем записи Великого Князя: «Узнал о подробностях земского съезда в Петербурге: вотировали конституцию!! Депутация земцев принята Мирским, будет принята Государем!! ...Мне иногда кажется, что я с ума схожу...».³⁰

Великий Князь Сергей Александрович, находясь в должности генерал-губернатора Москвы, как подчиненный министра внутренних дел должен был подчиниться и согласиться на новый курс на подведомственной ему территории. Считавший, что проводить радикальные реформы в условиях

5. Поднятие красного флага на подъезде дома
Генерал-Губернатора

политической нестабильности губительно для страны, Великий князь обратился к Императору Николаю II с просьбой об отставке, которая была удовлетворена и утверждена 1 января 1905³¹. При этом, Император убедил Великого Князя сохранить за собой командование войсками Московского военного округа в звании главнокомандующего³².

Должность генерал-губернатора было решено временно не замещать, а его обязанности были разделены между московским губернатором (Г. И. Кристи) и московским градоначальником — на эту новую должность был назначен генерал Е. Н. Волков. До приезда градоначальника его обязанности были возложены

на генерала И. Н. Руднева, бывшего помощника обер-полицеймейстера, переведенного теперь на пост помощника градоначальника³³.

2 января Великий Князь отправился в Санкт-Петербург для доклада Государю. Впечатление от встречи с племянником Великий Князь Сергей Александрович передает в своем дневнике: «...Гулял с Ники — хорошо мог говорить; он бодр, снова энерг[ично] настроен! mais est ce pour longtemp[s]? [но надолго ли? — франц.]»³⁴. Вечером Сергей Александрович вернулся в Москву. Больше они не увидятся.

В 1905 г. узел противоречий в России затянулся особенно сильно. Страна стояла на пороге революции. Провокационные действия революционеров-террористов должны были спровоцировать ужесточение репрессивной политики правительства, чтобы усилить недовольство в обществе и вызвать восстание, которое и произошло 9 января 1905 года в Санкт-Петербурге и оставило в истории название «Кровавое воскресенье». Многие обстоятельства свидетельствуют о том, что революционеры сознательно организовали эту провокацию с целью дискредитировать власть. Зарубежная пресса оперативно включилась в эту кампанию, реальное число

жертв — 96 убитых и 333 раненых многократно завышалось, предпочитали говорить о «тысячах» убитых³⁵.

Под воздействием этой циничной революционной провокации беспорядки вспыхнули как в столице, так и в ряде других городов, в том числе в Москве: «...в Питере ужасный погром с рабочими забастовавшими... забастовки и у нас начинаются... Уже толпа рабочих ходит по городу», — записал на следующий день в своем дневнике Великий Князь³⁶.

Исполнявший обязанности градоначальника генерал И. Н. Руднев не смог справиться со сложившейся ситуацией. Великий Князь Сергей Александрович вынужден был взять на себя ответственность за наведение порядка в Москве.

В условиях разраставшихся волнений Великий Князь как главнокомандующий войсками округа взял на себя ответственность за происходящее в Москве. Его задачей было распределение войск с целью пресечения беспорядков. С 11 по 18 января Сергей Александрович ежедневно непосредственно занимался организацией расстановки войск совместно с начальником штаба Московского военного округа генералом бароном Е.А. Раушем фон Траубенбергом, а также командиром Гренадерского корпуса генералом М. Ф. Ореусом. Необходимо было распределять войска так, чтобы не допустить скопления демонстрантов в большие толпы. Для усиления московского гарнизона Великий князь немедленно вызвал из Твери 1-й Лейб-драгунский Московский Императора Петра Великого полк, а из Смоленска — 4-й пехотный Копорский генерала графа Коновницына имени Его Величества Короля Саксонского полк³⁷.

Меры безопасности, взятые на вооружение Великим Князем Сергеем Александровичем дали положительные результаты. 1 февраля 1905 года он сообщал Д. Ф. Трепову: «У нас пока все тихо и забастовки прошли вполне благополучно...»³⁸.

В целом, уже в двадцатых числах января обстановка в Москве нормализуется, чрезвычайные ежедневные совещания Великого Князя с начальником штаба и командирами воинских частей прекращаются. Предпринятые Великим Князем Сергеем Александровичем своевременные продуманные действия для пресечения беспорядков принесли свои плоды.

Несомненно, январские события в Москве и поведение Сергея Александровича укрепили его авторитет и влияние, как в петербургских правительственных сферах, так и в Первопрестольной, в том числе в рабочей среде. Поэтому для революционеров бывший генерал-губернатор становится главной мишенью.

Разработкой плана теракта занимался непосредственно Б.В. Савинков, который привлёк к подготовке покушения эсеров-боевиков Д.В. Бриллиант и П.А. Куликовского, Б.Н. Моисеенко, И.П. Каляева³⁹.

6. Великая Княгиня Елизавета Федоровна на освящении храма «Русской скорби» 5 апреля 1909 года

4 (17) февраля 1905 г., после полудня карета Великого князя Сергея Александровича выехала из Николаевского дворца Московского Кремля по направлению к Никольским воротам и далее на Тверскую. Великий князь был в карете один, на козлах находился кучер Андрей Рудинкин, против обыкновения карету не сопровождал даже камер-лакей. Лошади завернули от Чудова монастыря на Сенатскую площадь приближаясь к Никольским воротам. Но не успела карета доехать 15 сажень до ворот башни как прогремел оглушительный взрыв. В 2 часа 47 минут, карета была взорвана бомбой, брошенной террористом И. Каляевым⁴⁰.

Из воспоминаний адъютанта Великого Князя Сергея Александровича В.Ф. Джунковского: «Когда карета поравнялась с воротами Окружного суда, раз-

дался взрыв страшной силы, поднявший густое облако дыма. Через момент мчались лошади с изломанной, исковерканной каретой без кучера, которого отбросило на мостовую в двадцати шагах от взрыва, всего израненного. Лошади были остановлены по выезде из Кремля. Когда рассеялся дым, представилась ужасающая картина: щепки кареты, лужа крови, посреди коей лежали останки Великого князя... Через несколько минут после взрыва в санях в ротонде, без шляпы подъехала несчастная Вел. княгиня Елизавета Федоровна... Великая княгиня бросилась к останкам, встав на колени... Появились носилки, которые принесли из Кремлевского склада Великой княгини, уложили останки, один солдат снял с себя шинель и покрыл ею останки Великого князя.»⁴¹

Почти сразу же вслед за Великой княгиней на место трагедии прибыл московский градоначальник, генерал-майор Е.Н. Волков, прокурор судебной палаты, наряды полиции. Так как толпа всё увеличивалась, решено было перекрыть проход в Кремль. Но народ продолжал собираться в толпы и за пределами Кремля - на Красной площади у Исторического музея и здания Верхних торговых рядов. Везде слышалось искреннее негодование против сеятелей смуты и крамольников, призыв наказать преступника⁴².

В Высочайшем манифесте, извещавшем подданных Российской Империи об убийстве Сергея Александровича, Николай II назвал погибшего не только «Любезнейшим Дядей», но и «другом», «коего вся жизнь, все труды и попечения были непрерывно посвящаемы на службу Нам и Отечеству»⁴³.

На следующий день после гибели панихиды по Великому Князю начали служить официально по всей России. 5 февраля в присутствии Царской семьи была отслужена панихида в Александровском Царскосельском дворце. Со всех концов России нескончаемым потоком к гробу шли делегации представителей городов, сословий, министерств, депутации различных благотворительных, научных, культурных обществ, состоявших под покровительством великокняжеской четы, общин милосердия, ими опекаемых, воинских частей и подразделений, коих почивший состоял шефом, а также те, кто знал и любил Великого Князя Сергея Александровича...»⁴⁴

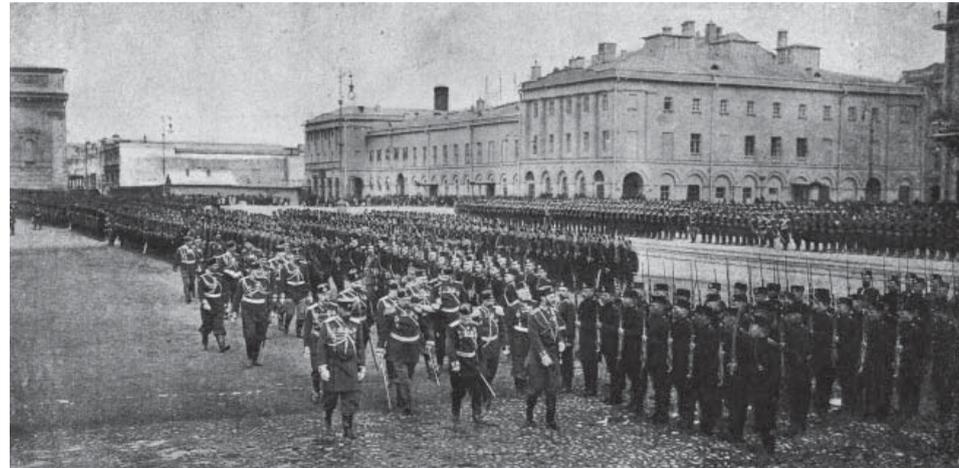
Верный соратник Великого Князя, генерал Д. Ф. Трепов, получив телеграмму об убийстве 4 февраля 1905 года Великого Князя Сергея Александровича, ворвался в кабинет директора департамента полиции А.А. Лопухина и, бросив ему в лицо: «Убийца!», хлопнул дверью. Ничего подобного в истории этого учреждения ранее не бывало⁴⁵.

Д.Ф. Трепов прибыл на погребение своего бывшего начальника и возложил венок на его могилу. Такой поступок воспринимался тогда как акт невероятной смелости, даже безрассудное геройство, почти самоубийственный шаг, ведь террористы уже неоднократно покушались на жизнь генерала. Причем сам же Д. Ф. Трепов перед своим отъездом настоял на том, чтобы император Николай II ни в коем случае не ехал на похороны своего дяди.

На погребении Сергея Александровича присутствовали, помимо его вдовы, близкий друг Великий Князь Константин Константинович, сестра Мария Александровна герцогиня Эдинбургская и Саксен-Кобург-Готская с младшей дочерью принцессой Беатрисой Саксен-Кобург-Готской и брат Великий Князь Павел Александрович, племянники-воспитанники покойного Мария и Дмитрий, его кузены, герцоги Георгий и Михаил Георгиевичи Мекленбург-Стрелицкие. Прибыли и иностранные родственники: сестра Елизаветы Федоровны, принцесса Виктория Баттенбергская, и ее брат, великий герцог Гессенский Эрнст-Людвиг со своей супругой Элеонорой⁴⁶.

В феврале 1905 года с Великим Князем Сергеем Александровичем, выдающимся государственным деятелем, ставившим интересы Отечества превыше всего, просталась не только Москва, но и вся Россия. Многочисленные панихиды, несмотря на угрозы со стороны террористов-революционеров, проходили при огромном стечении народа. Сотни и тысячи людей желали поклониться праху Великого Князя Сергея Александровича, которого любили и уважали.⁴⁷

Газеты того времени отражали искреннюю народную скорбь: «Невыразимо тяжело расставаться с тобой нам, москвичам, свидетелям счастливых дней, когда ты вступил на самоотверженное служение Царю и Родине и так сроднился с Москвой... Ты был верен до самой смерти своему долгу и запечатлел своей кровью верность твою святым исконным заветам земли Русской,

7. Великий Князь Сергей Александрович обходит ряды войск Московского гарнизона на Театральной площади 21 апреля 1904 года

оставив нам высокий пример непоколебимой веры в Бога, преданности Святой Церкви и престолу и служения ближним, не жалея себя...»⁴⁸

С октября 1905 г. в Российской Империи было убито и ранено 3611 государственных чиновников. С 1905 к методам террора прибегали, помимо эсеров, и многие другие партийные организации. По далеко не полным данным, с февраля по май 1906 террористы убили и тяжело ранили 1421 человека, а по статистике департамента полиции, в 1907 г. «невыясненными лицами» было совершено 3487 террористических актов — в подавляющем большинстве против рядовых служащих государственного аппарата⁴⁹.

В память о жертвах революционного террора в Москве был возведен целый ряд часовен и церквей. Особое место среди них занял храм в честь Ватопедской иконы Божией Матери, именуемой Отрада и Утешение на Ходынском поле, сооруженный «в память Великого Князя Сергея Александровича⁵⁰ и всех верных долгу и присяге царских слуг, павших за Царя и Отечество от рук-злодеев революционеров крамолы 1905 года при I гренадерской графа Брюса артиллерийской бригаде в Николаевских казармах». Закладка храма, получившего в истории название Храма-Памятника русской скорби, произошла 29 апреля 1907 г. и была приурочена ко дню рождения Великого Князя Сергея Александровича.

Освящение закладного камня прошло при большом стечении народа. В торжественной речи на закладке протоиерей Иоанн Восторгов подчеркнул важность для христианина понятия долга, который всю жизнь нёс в своём сердце и Великий Князь. Всех погибших при исполнении присяги, основанной на Богооткровенном законе, прот. Иоанн Восторгов назвал «мучениками долга». Все они «отдавали отчёт, что рискуют жизнью из-за

своих убеждений. Они ушли от земли, ибо так подобало исполнить всякую правду, по образу Христа»⁵¹

Храм задумывался в стиле древней базилики, был построен и освящен 5 апреля 1909 года.

Стены храма украшал уникальный мартиролог, выполненный в виде больших мраморных скрижалей, на которых были высечены имена Великого Князя Сергея Александровича и верных долгу и присяге воинов, «убиенных крамольниками жертв по 73 губерниям, областям, городам и воинским частям, в количестве 1845 человек»⁵²

В 1904 году Азеф разделил БО на три территориальных отдела: Киевский, который состоял главным образом из рабочих и был немногочисленным, Московский, состоящий из четырех человек и осуществивший покушение на Великого Князя Сергея Александровича, и Петербургский, насчитывавший пятнадцать человек. После Манифеста 17 октября 1905 она была распущена, но на первом Партийном съезде в январе 1906 восстановлена. Просуществовала она до ноября 1906 и была ликвидирована после отказа Азефа и Савинкова от руководства боевой работой. По свидетельству М.А. Натансона, боевики аргументировали свое решение тем, что «все старые пути оказались несостоятельными, а новые пути — во-первых, их нет, а во-вторых, ЦК дает недостаточно сил и средств, чтобы их можно было искать»⁵³.

Восстановленная под водительством Азефа БО за 1907–1908 не совершила ни одного успешного покушения, Азефом предотвращались все попытки царубийства. К тому времени его положение в пратии было незыбким, и он, предпочитая сохранять свое реноме в глазах охраны, позволял БО действовать активно лишь в известных пределах.

С.В. Зубатов полагал, что занимался Азеф революций только «ради ее доходности, а не по убеждениям, как и службой правительству. Натура его была чисто аферистическая»⁵⁴.

Во взглядах же эсеров на Азефа присутствует не меньшая разногласица. Г.А. Лопатин считал его человеком, сознательно выбравшим «себе профессию полицейского агента, точно так же, как люди выбирают себе профессию врача, адвоката и т.п. Это практический еврей, почуявший, где можно хорошо заработать, и выбравший себе такую профессию». Б.В. Савинков объяснял «двойственность» Азефа еще проще — во всех его действиях он находил лишь «трусость и алчность», отрицая в Азифе всякое сочувствие к революционному движению. М.М. Мельников определял двойную роль Азефа как «революционное негодяйство», морально еще более ужасное, «чем простое провокаторство, не осложненное революционными целями».

В январе 1909, почти сразу после бегства Азефа, состоялось соглашение между ЦК и группой под руководством Савинкова, ставившей своей целью организацию центрального террора.

8. Император Николай II и Великий Князь Сергей Александрович обходят фронт 17-го саперного батальона и 6-го инженерного парка в Москве у Никольского вокзала

Принимая на себя руководство БО в этих условиях, Савинков понимал, что дело Азефа поколебало слабых, «но может смутить и сильных»⁵⁵. Резко сократился приток добровольцев в БО, многие боевики вообще отошли от политической деятельности.

В партии быстро росли и набирали силу антитеррористические настроения. Изменилось отношение к террору со стороны общества, резко сократился приток жертвований.

Если в 1905 году было совершено 54 террористических акта, в 1906 — 78, в 1907 — 68, в том числе после 3 июня — 30 (по уточненным данным, в 1905 — 59, 1906 — 93, 1907 — 81) то в 1908 — 3, 1909 — 2, 1910 — 1, 1911 — 2 покушения⁵⁶.

Измельчание террора, бесчеловечность ряда покушений (как, например, взрыв на даче Столыпина под Петербургом), экспроприаторская гангрена, разоблачение Азефа — эти и другие обстоятельства сделали террор непривлекательным для общества. К 1911 г. партийный политический террор сходит со сцены политической борьбы.

Политические уступки власти наряду с твердой политикой подавления антиправительственных выступлений решительно повлияли на общественное сознание, ярким примером чего явилось «повальное бегство» из революционных и либеральных организаций, вначале интеллигенции, а затем

и рядовых членов. Со второй половины 1907 г. явственно обнаружилось охлаждение либерального общества к революционерам вообще и к террору в особенности. В 1907 г. резко сократились денежные жертвования, в 1908 г. — совсем иссякли⁵⁷.

Последовательное и бескомпромиссное противодействие Великого Князя Сергея Александровича революционной пропаганде в студенческой, рабочей и солдатской среде — с одной стороны, благотворительная помощь, просветительская и социальная работа с наиболее подверженными антиправительственной агитации общественными слоями — с другой стороны, останутся в истории примером взвешенной государственной политики в условиях революционной ситуации. Находясь на посту генерал-губернатора, командующего Московским военным округом, главнокомандующего войсками Московского военного округа в период внутривосточного кризиса в 1901–1905 гг. Великий Князь Сергей Александрович вплоть до своей мученической кончины смог удержать общественные волнения в Москве в мирном русле, не допуская массового насилия и кровопролития. В этот сложный период отечественной истории Великий Князь Сергей Александрович при жизни выполнил свой политический и христианский долг защитника Отечества от братоубийственной войны и хаоса революции.

- ¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. Т. XXVII. Отделение первое. 1853. СПб., 1854. № 27293. С. 260.
- ² Великий Князь Сергей Александрович Романов. Биографические материалы. Кн. 4: 1884–1994. М.: Изд. Новоспасский монастырь, 2011. С.141.
- ³ Плотникова И.В. Августейший Хозяин Москвы // Великий Князь Сергей Александрович на службе Млскве и Отечеству. Сборник материалов Межрегиональной научной конференции 29–30 мая 2013. М.: ЕСПО, С.85
- ⁴ Москва — Святая Земля Великого Князя Сергея Александровича и Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Каталог выставки. М.: ЕСПО, 2017. С.117
- ⁵ Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX века и Владимир Федорович Джунковский. М., 2012.
- ⁶ Софьин Д.М. Поле битвы — Москва: борьба Великого князя Сергия Александровича против революции в начале 1905 года // Великий князь Сергей Александрович на службе Москве и Отечеству. М., 2015. С. 64
- ⁷ Богданович А.В. Три последних самодержца: дневник. М., 1990. С. 161, 441.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 38. Дневник Великого князя Сергея Александровича, 19 февраля 1902 г. Л. 27об.
- ⁹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 255. Письмо Великого князя Сергея Александровича Великому князю Константину Константиновичу, 15 января 1905 г. Л. 129об.–130.
- ¹⁰ Великий Князь Сергей Александрович с 29 апреля 1857 г. (по традиции с рождения) — прапорщик, числился в л.-гв. Преображенском полку. 5.07.1872 — подпоручик.

11.01.1874 — поручик. 30.08.1876 — штабс-капитан. 29.04.1877 — капитан. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Он 21 мая 1877 года вместе с отцом отбыл из С.-Петербурга на Балканы, 5 июля назначен состоять при командире Рушукского отряда наследнике Великом Князе Александре Александровиче (1845–1894), часто находился в фронтовой полосе военных действий при осаде Плевны, а также при Главной императорской квартире. Герой Плевны — награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (20.10.1877). С 29.04.1878 г. — полковник. С 14.01.1882 — командир 1-го батальона л.-гв. Преображенского полка. С 26.02.1887 г. — генерал-майор, командир л.-гв. Преображенского полка. С 26 февраля 1891 г. — генерал-адъютант Свиты Государя, московский генерал-губернатор. С 6 декабря 1894 г. — член Государственного совета. Генерал-лейтенант (14.05.1896). С 16 мая 1896 г. одновременно — командующий войсками Московского военного округа. Участвовал в парадах, смотрах воинских формирований и крупномасштабных военных маневрах. Генерал от инфантерии. 1 января 1905 года — покинул пост и уволен с должности генерал-губернатора с назначением главнокомандующим войсками Московского военного округа.

С рождения шеф: лейб-гвардии 2-го стрелкового батальона и 38-го пехотного Тобольского имени Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича полка.

Шеф 5-го гренадерского Киевского генерал-фельдмаршала Князя Николая Репнина имени Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича полка (с 1903).

Он являлся также почетным шефом иностранных полков: Австрийского пехотного № 101 полка, Императора Александра II № 13, I Бранденбургского.

Числился в списках по гвардейской пехоте в полках: Лейб-гвардии Кирасирском Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, Лейб-гвардии Преображенском, Гусарском Его Величества, а также в Лейб-гвардии 4-ом стрелковым Императорской Фамилии батальоне.

Числился в почетном списке Великого герцога Гессенского пехотном № 115 Лейб-гвардии полку.

Российские награды:

Ордена: Св. апостола Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Белого орла, Св. Анны 1-й ст. (все — при крещении), Св. Станислава 1-й ст. (11.06.1865), Св. Георгия 4-й ст. (20.10.1877), Св. Владимира 4-й (15.05.1883), 3-й (30.08.1890) и 1-й (15.05.1893) ст.

Медали: серебряные в память царствования имп. Александра III (17.03.1896) и в память Свящ. коронования имп. Николая II (13.06.1896), бронзовая за труды по Первой всеобщей переписи России 1897 г. (19.02.1897); портрет имп. Николая II и рескрипт (1900), портрет имп. Александра III (1905).

Рескрипты: 18.08.1898 — в связи с открытием в Москве памятника Александру III, 08.09.1902 — за маневры под Курском.

¹¹ Военная энциклопедия. / под. ред. И.Д. Сытина. Т. 16. Спб, 1914. С. 455

¹² *Леонов М.И.* Левое народничество в начале пролетарского этапа освободительного движения в России. Куйбышев, 1987. С. 7–44, 58–61

¹³ Дневник Великого князя Сергея Александровича, 14 февраля 1901 г. // Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II: документы и материалы (1884–1909 гг.). Спб., 2009. С. 527.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1341. Л. 58об.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 219. Л. 47–47об

¹⁶ Великая княгиня Елисавета Феодоровна — императору Николаю II, 3 апреля 1902 г. // Там же. С. 575.

¹⁷ Новые покушения были совершены на обер-прокурора Святейшего Синода, члена Государственного совета К.П. Победоносцева, московского обер-полицмейстера Д.Ф. Трепова, Виленского генерал-губернатора В.В. фон Валя, на Харьковского губернатора И.М. Оболенского.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 41. Дневник Великого князя Сергея Александровича, 15 июля 1904 г. Л. 102.

¹⁹ *Савинков Б.В.* Воспоминания. М., 1990. С. 89.

²⁰ Индивидуальный политический террор в России. XIX — начало XX в. Материалы конференции М. Мемориал 1996г. 179 с. //Пушкарева И.М. Российское общество начала XX в. И индивидуальный политический террор. С.45

²¹ ГАРФ. Ф.6065. Оп.1. Д.118. Л.4

²² ГАРФ. Ф.6065. Оп.1. Д. 133. Л. 51

²³ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 255. Л. 123–124. Автограф.

²⁴ Московские ведомости. Январь, февраль 1904 г.

²⁵ *Куксин А.И.* Боеготовность русской армии и военно-окружной аппарат в начале XX века (1904–1913 гг). (По материалам Московского военного округа). Дисс. на соиск. ст. канд.ист.наук. М.,2001. С. 32.

²⁶ *Громова А.В.* Московское местное управление РОКК и его руководители — Великий Князь Сергей Александрович и Великая Княгиня Елизавета Федоровна в 1891–1905 гг. // Полтора века милосердия. Российская Империя. Материалы Международной научной конференции к 150-летию РОКК (17 мая 2017): сборник статей / Отв. редактор А.В. Громова. — М., 2018. С. 53–72: Великий Князь Сергей Александрович с момента назначения на пост генерал-губернатора в Москву возглавлял Московское отделение РОКК. Его товарищем (заместителем) и председателем Дамского комитета при Московском отделении стала Великая Княгиня Елизавета Федоровна.

В 1894 г. при Московском Дамском комитете Российского Общества Красного Креста (РОКК) была основана Иверская община сестер милосердия. Ее августейшими попечителями стали Великий князь Сергей Александрович и Великая княгиня Елизавета Федоровна.

К 1900-му году, за неполных шесть лет Иверская община оказала помощь более чем 40 000 больных.

В июле 1901 г. состоялся первый выезд сестер милосердия на Дальний Восток для оказания помощи раненым русским воинам в связи с военными действиями в Китае.

Во время русско-японской войны Иверская община командировала в места боевых действий несколько санитарных отрядов и отряд-госпиталь на 700 кроватей.

Во фронтовых лазаретах работало 79 сестер милосердия, и каждой из них августейшая попечительница Елизавета Федоровна вручала перед отправлением образки и подарки.

По распоряжению вдовствующей Императрицы Марии Федоровны 12 февраля 1904 г. Великая Княгиня Елизавета Федоровна возглавила «Особый комитет Ее Императорского Высочества для объединения в Москве благотворительной деятельности, вызванной войной на Дальнем Востоке».

Особый комитет объявил о сборе пожертвований в пользу РОКК. За время войны Особым комитетом Великой Княгини было собрано 9 039 313 рублей 95 копеек.

Все залы Большого Кремлевского Дворца в Москве были отданы Великой княгиней Елизаветой Федоровной под склады и пошивочные мастерские. Женщины-добровольцы разных сословий при личном участии Великой княгини безвозмездно трудились там или брали работу на дом: изготавливалось белье, теплая одежда и обмундирование для солдат, перевязочные материалы, формировались посылки для фронта.

За время войны Кремлевским складом Великой княгини Елизаветы Федоровны было отправлено для Никольско-Уссурийского склада РОКК 63 вагона различных предметов, общим весом 22 980 пудов, для читинского склада — 43 вагона, общим весом 15 350 пудов.

Комитетом Великой княгини совместно с благотворительными учреждениями императрицы Александры Федоровны было сформировано двадцать летучих санитарных отрядов, которые оказывали помощь непосредственно следуя за войсками на передовой.

Особый комитет снарядил две баржи плавучего лазарета на 400 человек для эвакуации больных и раненых по рекам Сунгари и Амуру. Весной 1904 г. на фронт был отправлен специальный отряд для борьбы с заразными болезнями. По решению Великого князя Сергея Александровича был оснащен специальный ледоделательный поезд в составе из семи вагонов. Кроме того, его императорское высочество оплатил отправку походных кухонь в питательные и эвакуационные пункты для обслуживания 17-го армейского корпуса Московского военного округа.

Великая княгиня Елизавета Федоровна за свой счет сформировала несколько санитарных поездов и организовывала отправку на фронт походных церквей.

Великая княгиня взяла на себя заботу о прибывающих в Москву эвакуированных с театра военных действий больных и раненых воинах. Ее императорское высочество предложила организовать долечивание в семьях. Москвичи сердечно откликнулись на этот призыв. На частных квартирах за годы войны было размещено свыше 27 000 человек.

В 1895 г. по ходатайству Великой Княгини Елизаветы Федоровны была основана Санкт-Петербургская Елисаветинская община сестер милосердия Красного Креста, попечительницей и главной благотворительницей которой до 1917 года оставалась Великая Княгиня.

Елисаветинская община сестер милосердия располагалась в рабочем предместье Петербурга, где проживало 50 тысяч человек. В главном здании Общины размещались

амбулатория, аптека и квартиры для служащих, в 1896–1903 гг. были построены здания Мариинской больницы, лечебных барачков, общежитие для сестер, в 1903 г. было открыто гинекологическое отделение. Великой Княгине Елизаветой Федоровной в 1904 была построена и содержалась Елисаветинская санатория.

В Елисаветинскую общину за медицинской помощью ежегодно обращалось до 41 000 человек.

Санитарный отряд Елисаветинской общины из шести врачей, 40 сестер милосердия и 35 санитаров, снабженных всем необходимым для обслуживания госпиталя на 200–400 кроватей, принял участие в русско-японской войне. Для эвакуированных с полей сражений раненых и больных воинов Общиной было оборудовано несколько барачков.

²⁷ Куксин А.И... С. 84

²⁸ Приказ по войскам Московского военного округа. От 6 ноября 1905 г. // Приказы по войскам Московского военного округа М., 1904.

²⁹ Приказ по войскам Московского военного округа. От 5 января 1905 г. // Приказы по войскам Московского военного округа М., 1904.

³⁰ ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 41. Л. 161

³¹ Отставка была принята Императором Николаем II фактически 20 ноября 1904 г., но вступала в силу с 1 января 1905 г.

³² Софьян Д.М. Поле битвы — Москва: борьба Великого князя Сергея Александровича против революции в начале 1905 года // Великий князь Сергей Александрович на службе Москве и Отечеству. М., 2015. С. 57

³³ ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. XXV. № 25605.

³⁴ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 40. Дневник Великого князя Сергея Александровича, 3 января 1905 г. Л. 5.

³⁵ Боханов А.Н. Император Николай II. М., 1998. С. 199–203; Хорватова Е.В. Указ. соч. С. 74–75.

³⁶ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 40. Дневник Великого князя Сергея Александровича, 10 января 1905 г. Л. 8об.

³⁷ Софьян Д.М. Великий князь Сергей Александрович. Путь русского консерватора. М.: ЕСПО, 2016. С.160.

³⁸ ГАРФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

³⁹ Гришин Д.Б. Трагическая судьба Великого князя. С. 247–248; Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М., 1991. С. 53–87; Спиридович А. Записки жандарма. М., 1991. С. 178–181.

⁴⁰ Коновалова Е. Мученическая кончина Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича. М. 1905. С.5.

⁴¹ Письма преподобномученицы Великой княгини Елизаветы Феодоровны. М., 2011. С. 87.

⁴² Коновалова Е. Мученическая кончина Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича. М. 1905. С. 9.

⁴³ ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. XXV. № 25787.

⁴⁴ Хорватова Е.В. Мария Павловна: драма Великой Княгини. М., 2005.

- 45 Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991. С.95
- 46 Авчинников А.Г. Великий Князь Сергей Александрович. Екатеринослав, 1915. С. 50–52.
- 47 Там же. С. 42.
- 48 Московский листок. Прибавление к №41 от 10 февраля 1905.
- 49 Малиновский И. Кровавая месть и смертные казни. Вып.2. Томск, 1909. С.109–110.
- 50 Альбом Крест Великого Князя. К 160-летию со дня рождения Великого Князя Сергея Александровича. 1857–2017. М.:ЕСПО, 2017. С.152
- 51 Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Восторгова... С. 196.
- 52 Кучмаева И.К. Когда жизнь истинствует... М., 2008. С. 178.
- 53 ГАРФ Ф. 1699. Оп. I. Д.123. Л.32а
- 54 Письмо С.В. Зубатова А.И. Спиридонову // Красный архив. Т.II/М; 1992. С. 282
- 55 Савинков Б.В. Террор и дело Азефа // Знамя труда. Париж.1909. № 15. С. 12
- 56 Памятная книжка социалиста-революционера. Вып. I. С.8–20; Павлов ДБ. Из истории боевой деятельности партии эсеров накануне и в годы революции 1905–1907 гг. // Непролетарские партии в России в трех революциях. М., 1989. С. 149.
- 57 Индивидуальный политический террор в России. XIX-начало XX в. Материалы конференции М. Мемориал 1996г. 179 с. // Леонов М.И. Террор и русское общество.

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ ЧЕТА — СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ И ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX В.)

К.Е. Балдин

В жизни любого провинциального города крупными событиями всегда являются посещения его первыми лицами государства. До революции в памяти местных жителей надолго оставались визиты тех, кто принадлежал к императорской фамилии. Члены правящей династии Романовых не раз навещали город Владимир. Здесь было что посмотреть — древние памятники архитектуры, святыни, чтимые Русской Православной Церковью, и многое другое. Кроме того, в город несложно было доехать, т.к. он располагался рядом с Москвой. Также Романовы посещали село Иваново и Вознесенский посад, преобразованные в 1871 г. в город Иваново-Вознесенск. Хотя он числился безуездным и заштатным, но в XIX и начале XX в. был одним из крупнейших индустриальных центров страны и носил прозвание «ситцевого царства».

Одним из высочайших посетителей древнего Владимира стал Великий Князь Сергей Александрович, который с 1891 г. был назначен московским генерал-губернатором. Одновременно с выполнением своих административных обязанностей Сергей Александрович вел обширную деятельность, которую мы сейчас назвали бы общественной. Он состоял членом десятков организаций, в том числе религиозных, являлся почетным членом Московской Духовной академии, Православного миссионерского общества, Комитета «Христианская помощь» Российского общества Красного Креста, старостой Александро-Невской часовни в Петербурге и т.п.¹

В 1882 г. Сергей Александрович возглавил Императорское Православное Палестинское Общество, которое было создано в том же году. Первоначально существовала лишь его центральная структура в Петербурге, но в первой половине 1890-х гг. началось создание отделов этой организации в губерниях и областях России. 21 декабря 1894 г. Великий Князь Сергей Александрович направил архиепископу Владимирскому Сергию

(Спасскому) рескрипт, в котором сообщал, что в провинции один за другим создаются отделы Палестинского Общества, только за 1894 г. было открыто несколько новых региональных подразделений ИППО. В связи с этим Сергей Александрович предлагал создать отдел общества и во Владимирской епархии². Он был открыт довольно скоро, 9 апреля 1895 г., благодаря организационной работе, проведенной лично владыкой Сергием, ставшим председателем отдела.

В дальнейшем, обмен письмами между Великим Князем и владимирским епархиальным начальством по линии Палестинского Общества происходил регулярно, т.е. ежегодно. Обычно зимой — в декабре или январе из столицы поступал на имя правящего архиерея рескрипт от Сергия Александровича, в котором содержалась благодарность лично владыке за устройство тарелочного сбора в пользу Палестинского Общества в предыдущем году и просьба о содействии очередному сбору. Такого рода мероприятия происходили ежегодно по всей стране в Вербное воскресенье и приносили ИППО десятки тысяч рублей. Они расходовались на нужды православного населения Палестины и русских паломников, направлявшихся в Святую Землю.

Рескрипты Великого Князя из Петербурга не были формальными делопроизводственными документами. Каждый год в этих посланиях поднимались разные темы, которые были тогда актуальными для Палестинского Общества или его отделов. Например, в конце 1901 г. Председатель ИППО просил архиепископа Сергия для привлечения новых членов в общество, как можно шире устраивать палестинские чтения, в которых шла речь о прошлом и настоящем Святой Земли, о достижениях Палестинского Общества в создании и развитии социально-культурной инфраструктуры для русских паломников и православного населения на Ближнем Востоке³.

С 1896 г. Великий Князь Сергей Александрович стал командовать Московским военным округом, в который входило двенадцать губерний центральной России, в том числе Московская, Владимирская, Костромская, Ярославская и др. В качестве начальника войск, дислоцированных здесь, он не раз объезжал вверенные ему части. Одна из таких поездок состоялась в 1898 г., когда утром 18 мая Великий Князь вместе с супругой Елизаветой Федоровной поездом прибыли во Владимир.

На вокзале их встречали: вице-губернатор Н.П. Урусов, губернский предводитель дворянства М.М. Леонтьев, представители различных местных учреждений и сословий, старшие офицеры местного гарнизона. Здание вокзала было украшено флагами; для того, чтобы посмотреть на зрелище, которое не часто бывает в губернском городе, собралась большая толпа народа, она криками приветствовала августейшую чету. На платформе был построен караул 9-го Сибирского полка, размещенного в городе. Великий Князь, выслушав рапорт начальника войск, пропустил их церемониальным маршем, а затем проследовал в Успенский собор.

В храме великокняжескую чету встретил правящий владыка — архиепископ Сергей, викарий епархии — епископ Муромский Платон (Грузов), а также «избранное градское духовенство». Молебен, которые слушали Сергей Александрович и Елизавета Федоровна, завершился провозглашением многолетия всему императорскому дому. Владыка Сергей поднес Великому Князю в дар икону св. владимирских чудотворцев, написанную на кипарисовой доске.

После этого началась экскурсия по собору. Великокняжеская чета познакомилась с главными святынями храма — мощами свв. благоверных Великих Князей Георгия Всеволодовича, Андрея Боголюбского и др. Высочайшие посетители поднялись на хоры собора, осмотрели его ризницу, в которой хранилось облачение духовенства, в том числе митры, пангии из драгоценных металлов и камней. Экскурсию по храму вел владыка Сергей. Посещение собора, главной святыни Владимирской земли, входило в обязательную программу при посещении города высочайшими особами и другими почетными гостями.

Великий Князь приехал во Владимир не только и не столько для осмотра местных древностей. Его прямые обязанности как командующего военным округом требовали от него проведения инспекции военных частей, стоявших в городе. Значительная часть пребывания Сергия Александровича во Владимире была посвящена осмотру помещений, в которых располагались два полка — казарм, лазаретов, полкового храма, складов оружия и др.

По пути из 9-го Сибирского гренадерского полка в 10-й Малороссийский полк Великий Князь нашел время для посещения Золотых ворот и Ризположенской церкви, расположенной в них. Пояснения об этом древнейшем памятнике архитектуры давал священник А. Добролюбов.

После осмотра военного городка Малороссийского полка Сергей Александрович снова обратился к святыням города, прибыв в Успенский Княгинин монастырь. Перед осмотром его Великий Князь принял от игуменьи Маргариты икону св. мученика Авраамия Болгарского, мощи которого почивают в монастыре, а также искусно шитое гладью полотенце, к которому была прикреплена небольшая серебряная табличка с надписью: «Его Императорскому Высочеству, Государю и Великому Князю Сергею Александровичу. Благословение обители св. мученика Авраамия. Владимир». В дальнейшем Сергей Александрович осматривал Дмитровский собор, храм Михаила Архангела на Студеной горе, школу Владимирского благотворительного общества, расположенную рядом.

В Рождественском монастыре Сергей Александрович приложился к гробнице св. Александра Невского, обошел древлехранилище и иконо-книжный склад. На складе он долго и внимательно осматривал иконы, которые были написаны учащимися иконописных школ в Холуе и Мстере Вязниковского уезда. Он отозвался с большой похвалой об иконах, напи-

санных в первой из них, купив 8 икон холуйских и 1 мстерскую. Во время пребывания великокняжеской четы главные городские улицы были украшены флагами, коврами и зеленью. В некоторых местах были поставлены специальные арки. Толпы народа на улицах при проезде Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны приветствовали их. Вечером в городе была устроена по случаю визита августейших гостей иллюминация, тогда же они уехали в Москву⁴.

4 февраля 1905 г. Великий Князь был убит в Москве эсером-террористом. 6 февраля во Владимире в Успенском соборе викарий Муромский епископ Александр (Трапицын) отслужил панихиду по погибшему. Вскоре во Владимире было получено известие о том, что бразды правления Императорским Православным Палестинским Обществом, лишившемся своего Председателя, взяла в свои руки вдова Сергея Александровича — Великая Княгиня Елизавета Федоровна.

Теперь письма и телеграммы в епархиальное правление на адрес Владимирского отдела ИППО приходили за ее подписью. Например, весной 1905 г., новый епископ Владимирский Никон (Софийский) направил Елизавете Федоровне телеграмму, в которой он сообщал ей о том, что члены Палестинского Общества молились на годичном собрании отдела ИППО за упокой своего погибшего Председателя. В ответной телеграмме Великая Княгиня благодарила за память о своем муже. В дальнейшем во Владимир ежегодно приходили рескрипты от Великой Княгини, которая кратко подводила итоги работы Палестинского Общества за предыдущий год и просила владыку и местное духовенство не отказать в дальнейшем содействии. Письма, как правило, были связаны со сбором средств, которые Палестинское Общество проводило на Вербное воскресенье во всех епархиях⁵ России.

После начала Первой мировой войны Елизавета Федоровна активно занялась благотворительной деятельностью по обеспечению фронтовых и тыловых госпиталей специальным оборудованием, медикаментами, бельем. Под ее руководством формировались санитарные поезда, устраивались склады медикаментов, отправлялись на фронт походные храмы. Также она возглавила носивший ее имя комитет по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Руководство Палестинским Обществом отошло для нее на второй план, т.к. помощь раненым на тот момент была более актуальной. Великая Княгиня много ездила по стране, посещая госпитали. На местах она получала информацию о нуждах лазаретов, а затем с присущей ей энергией доставала все необходимое.

В 1915 г. она для осмотра госпиталей приезжала во Владимир. Визит августейшей гостьи освещала местная пресса, в частности, «Владимирские епархиальные ведомости». Утром 27 апреля 1915 г. Елизавета Федоровна прибыла на владимирский железнодорожный вокзал. В половине девятого утра на перроне для встречи собрались руководители губернии: губерна-

тор В.Н. Крейтон, вице-губернатор Н.В. Ненароков, губернский предводитель дворянства В.С. Храповицкий, начальник владимирского гарнизона генерал-майор М.К. Войцеховский, преосвященный Евгений (Мерцалов), епископ Юрьевский и др.

После того, как перечисленные лица были представлены Великой Княгине, она направилась в кафедральный храм — Успенский собор, где ее встретил епархиальный владыка архиепископ Алексий (Дородницын) с духовенством. В храме она прослушала литургию и молебен владимирским чудотворцам — Владимирским благоверным князьям. Затем Великая Княгиня проследовала в «дом владимирского дворянства», т.е. в здание Владимирского губернского дворянского собрания, в котором в это время находился госпиталь для офицеров. Здесь Елизавета Федоровна беседовала с лидерами местной дворянской корпорации — губернским предводителем В.С. Храповицким и уездными предводителями: А.А. Протасьевым (Владимирский уезд), Н.Г. Табаровским (Переславский), Н.В. Рагозиным (Суздальский), Д.В. Култашевым (Шуйский), А.А. Трегубовым (Судогодский), М.А. Юдицким (Меленковский) и др. На встрече обсуждалось участие местного дворянства в устройстве лазаретов⁶.

Из дворянского дома Елизавета Федоровна возвратилась на железнодорожный вокзал в свой вагон-салон и через короткое время прибыла на станцию Боголюбово рядом с Владимиром. Здесь, хотя она и посетила монастырь, который был известен по всей России, но ее больше интересовал лазарет, открытый Боголюбовским волостным попечительством. Здесь, как и везде в лечебных заведениях, Елизавета Федоровна беседовала с ранеными воинами, для каждого у нее находилось слово утешения, каждому она вручала небольшую иконку и Евангелие.

Вернувшись из Боголюбова, Великая Княгиня навестила госпиталь, который был устроен владимирским духовенством в помещении образцовой школы, содержавшейся на епархиальные средства. Отсюда она проследовала в лазарет, носивший имя цесаревича Алексея. Его содержал местный дамский комитет, председательницей его являлась супруга губернатора Мария Львовна Крейтон. Она представила Елизавете Федоровне дам, дежуривших в лазарете, и медицинский персонал. Следующим на пути Елизаветы Федоровны лежал Успенский Княгинин монастырь, который она посещала со своим супругом еще в 1898 г. Здесь она приложилась к мощам св. мученика Авраамия Болгарского, беседовала с настоятельницей игуменьей Августой. Последним лечебным заведением в насыщенной программе поездки Елизаветы Федоровны являлся госпиталь, устроенный местным отделением Земского союза в здании губернской земской управы. В нем Великую Княгиню приветствовал председатель управы С.А. Петров с супругой, которая занималась устройством хозяйства в этом лазарете.

Вечером, в половине девятого вечера под председательством Елизаветы Федоровны состоялось заседание Владимирского губернского отдела Всероссийского благотворительного комитета, состоявшего под покровительством ее младшей сестры — Императрицы Александры Федоровны. На этом собрании были подведены итоги визита Великой Княгини. Уже поздно вечером она снова посетила Успенский собор, где слушала молебен перед иконой Владимирской Божией Матери. Незадолго до полуночи поезд, к которому был прицеплен вагон-салон княгини, отбыл в Москву⁷.

В 1916 году Елизавета Федоровна побывала в Иваново-Вознесенске. Если ее приезд во Владимир широко освещался в епархиальном печатном офицозе, то пребывание в «русском Манчестере» оставило на станицах «Владимирских епархиальных ведомостей» след только в виде текста речи, сказанную правящим архиереем при встрече августейшей гостьи в Иваново-Вознесенске⁸. Подробностей визита не удалось найти и в архивных источниках. В личном фонде Д.Г. Бурылина в Ивановском областном архиве сохранился только список лиц, которые были представлены Великой Княгине в помещении музея Бурылина 12 ноября 1916 г.⁹ Более подробные сведения о поездке Елизаветы Федоровны удалось найти на интернет-сайте «Россия и христианский Восток». Из его материалов следует, что Великая Княгиня посетила Иваново-Вознесенск в связи с открытием дома инвалидов, предназначенного для раненых и больных воинов. Она прибыла сюда утром 12 ноября и сначала направилась в Покровский собор на литургию. Здесь архиепископ Владимирский Алексей сказал адресованную ей прочувствованную речь, которая была вскоре напечатана во «Владимирских епархиальных ведомостях»¹⁰.

После богослужения из Покровского собора многолюдный крестный ход с хоругвями и песнопениями направился к вновь созданному дому инвалидов. Великая Княгиня шла пешком вместе с другими участниками крестного хода. Конечным пунктом его было, приспособленное под дом инвалидов, имение Соловьева на улице Воздвиженской. До наших дней это здание, стоявшее на углу современной улицы Степанова и переулка Семеновского, не сохранилось. Здесь в половине третьего пополудни новое социальное учреждение было освящено и открыто. Во время церемонии открытия Елизавета Федоровна обратилась к собравшимся с кратким словом: «Православные иваново-вознесенцы! Братья и сестры! Господа! Беспримерная ужасная война принесла много горя и слез нашей дорогой Родине. Много осиротелых семей, много бесприютных детей, много потерявших трудоспособность и ставших калеками. Долг каждого, кто еще может работать, и кто имеет некоторый достаток, прийти на помощь обездоленным. Мы все должны сделать, чтобы наши доблестные русские воины, сражающиеся и проливающие сейчас кровь на фронтах, чувствовали поддержку и заботу от нас. Низкий поклон вам от них, меня лично и Его Императорского Величества за открытие приюта инвалидов в вашем трудовом и славном городе».

Во второй половине того же дня в особняке местного текстильного фабриканта Дмитрия Геннадьевича Бурылина состоялся обед, данный в честь Елизаветы Федоровны. На нем кроме членов семьи хозяина дома и его брата — Н.Г. Бурылина, присутствовали члены местной администрации и духовенство¹¹. Наверняка у Великой Княгини нашлись общие темы для разговоров с хозяином и не только с ним. Елизавета Федоровна по-прежнему возглавляла Императорское Православное Палестинское Общество, а Н.Г. Бурылин являлся членом Владимирского отдела этой организации. К Палестинскому Обществу в разное время принадлежали и другие фабриканты Ивановского текстильного края: М.Н. и А.И. Гарелины, И.Н., В.А. и Н.А. Балины, В.А. и Н.А. Ясюнинские¹².

На противоположной стороне улицы от дома Д.Г. Бурылина находился его музей, в котором была представлена уникальная коллекция «редкостей и древностей», собранная этим замечательным меценатом за несколько десятков лет. После обеда собравшиеся перешли в музей и здесь состоялось представление Елизавете Федоровне тех общественников, которые во время Первой мировой войны активно работали на поприще заботы о раненых и больных воинах. Как уже говорилось выше, список представленных сохранился в личном архивном фонде Д.Г. Бурылина. Это были два известных в Иваново-Вознесенске фабриканта: Павел Никанорович Дербенев, бывший городской голова и попечитель местного лазарета на 350 коек, устроенного Иваново-Вознесенским обществом фабрикантов и заводчиков, а также Николай Терентьевич Щапов, содержавший на свои средства лазарет на 20 коек. Также среди собравшихся в музее были представители местного польского комитета помощи жертвам войны В.С. Плужанский и Г.А. Флейшер, священник о. Владимир Каллиоппин — попечитель госпиталя при местной Скорбященской церкви. Среди присутствовавших здесь дам нельзя не отметить Анну Семеновну Дербеневу — попечительницу лазарета общества фабрикантов и заводчиков и дочь Д.Г. Бурылина — Милицу Дмитриевну Сарандинаки¹³.

Высокая гостья с неподдельным интересом осмотрела музей Д.Г. Бурылина и вскоре отбыла из Иваново-Вознесенска вечерним поездом. О том, что музей произвел на нее большое впечатление, свидетельствует тот факт, что через несколько дней она прислала в дар музею картину художника Ю.Ю. Клевера¹⁴.

Великокняжеская чета — Сергей Александрович и Елизавета Федоровна довольно часто ездили по стране, по крайней мере — по европейской ее части. Однако эти поездки никак нельзя назвать ни туристическими путешествиями, порожденными праздным любопытством, ни чиновничьими инспекциями, когда власть имущие «обозревали» в парадной обстановке вверенные им учреждения, скользя по поверхности имевшихся проблем.

Разумеется, они как глубоко верующие люди, отправлялись в путь для паломничества к православным святыням. Целью других их путешествий было обнаружение проблем, имевшихся в тех или иных сферах государственной и общественной жизни, а также помощь в их решении. Для Сергея Александровича как для человека военного, это были вопросы поддержания дислоцированных в Московском военном округе вооруженных сил в состоянии высокой боеготовности. Для Елизаветы Федоровны характерно глубокое проникновение в самые острые социальные проблемы. Это особенно наглядно прослеживается в ее деятельности в годы Первой мировой войны, когда она взяла на себя заботу о раненых и больных воинах. Она обращала по-женски пристальное внимание на многочисленные «мелочи», которые было очень много в работе тыловых лазаретов. Это социальное служение завоевало сердца тысячи простых солдат, лечившихся в госпиталях, созданных и оборудованных, в том числе с ее помощью.

- ¹ Гришин Д.Б. Трагическая судьба великого князя. М., 2006. С. 182–183.
- ² Владимирские епархиальные ведомости (далее — ВЕВ). 1895. 15 марта. № 6. С.150–151.
- ³ ВЕВ. 1901. 15 ноября. № 22. С. 381–382.
- ⁴ ВЕВ.1898, 15 июня. № 12. С.375–392.
- ⁵ ВЕВ. 1905. 15 февраля. № 4. С. 124; 1905. 1 мая. № 9. С. 214.
- ⁶ ВЕВ. 1915. 9 мая. № 19. С.407–408.
- ⁷ ВЕВ. 1915. 9 мая. № 19. С.408–409.
- ⁸ Там же. 1916. 3 декабря № 48–49. С. 589.
- ⁹ Государственный архив Ивановской области. Ф. 205. Оп. 1. Д. 281. Л. 1–2.
- ¹⁰ ВЕВ. 1916. 3 декабря. № 48–49. С. 589.
- ¹¹ Великая Княгиня Елизавета Федоровна в Иваново-Вознесенске в 1916 году. URL: <http://ros-vos.net/sr/pred/palomnichestva/6> (дата обращения: 15. 02. 2017).
- ¹² ВЕВ. 1909. № 27. Приложение. С. 9–10.
- ¹³ ГАИО. Ф.205. Оп.1. Д.281. Л. 1–2.
- ¹⁴ Великая Княгиня Елизавета Федоровна в Иваново-Вознесенске в 1916 году URL: <http://ros-vos.net/sr/pred/palomnichestva/6> (дата обращения: 15. 02. 2017).

«ОТДАЙ ВСЕ, ЧТО ИМЕЕШЬ...»: ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ РУССКОЙ МОНАРХИИ

В.И. Мельник

Разговор о хронике последних месяцев жизни Великого Князя Сергея Александровича следует начинать с 1903 г., когда он вместе с Елизаветой Федоровной — в составе царской свиты — отправился в Дивеево на прославление прп. Серафима Саровского. Духовный смысл его кончины раскрывается в словах Серафима: «Того Царя, который меня прославит, и я прославлю».

Великий Серафим знал, через что придется пройти Государю и его семье. Он предупредил, что после «Пасхи» в Дивеево прольются реки русской крови. Старец понимал, что вместе с Царем-страстотерпцем Господь прославит целый сонм мучеников, готовых умереть за Царя, что, по сути, это одно прославление. И Церковь уже прославила многих, шагнувших на Русскую Голгофу вместе со своим Государем. В их числе — преподобномученица Великая Княгиня Елизавета Федоровна.

Сегодня мы собрались, чтобы почтить память Великого Князя Сергея Александровича, которому Господь первому судил предварить список царственных жертв — по слову преп. Серафима. У Бога нет ничего случайного. Князь Сергей жил под кровом старца и до 1903 г., ибо именно ему 22 мая 1880 г. досталась в наследство мантия прп. Серафима. Батюшка покрыл его своим покровом. Почему он был избран? За какой дар? за какой подвиг? Житие прп. Серафима свидетельствует, что батюшка всем говорил «Радость моя», исцелял и жалел многих, а вот приближал к себе и звал за собою в Царство Небесное только тех, кто был способен целиком и полностью отречься от себя. Это были единицы людей. Напомним о них.

Юная Елена Мантурова, которую в двадцать семь лет батюшка Серафим попросил умереть вместо брата, сказала: «Благословите, батюшка». Ее брату помещику Михаилу Мантурову отец Серафим сказал: «Отдай все, что имеешь, Богу». И он без раздумий отдал. Священномученика Серафима

Чичагова, автора «Летописи Дивеевского монастыря», прп. Серафим спросил: «Чего хочешь ты?» — «Быть с Вами, батюшка». Отец Серафим улыбнулся ему: «Будешь со мной». Но для этого архиерею нужно было пройти через муки, страдания и расстрел на Бутовском полигоне.

Вот каких людей избирал для великих миссий батюшка Серафим. Почему он избрал в числе первых, погибших за прославляемого Царя, князя Сергия? Что Великий князь мог отдать — уже не прп. Серафиму, а всей России? Богу? Вчитываясь в его письма, дневники, вглядываясь в его жизнь, понимаешь — он принес в жертву свою рыцарскую преданность Царю и Отечеству, даже до крови. Это был один из последних истинных, почти в понятиях средневековья, рыцарей монархической идеи, серьезнейшим образом, воспринимавший религиозную, мистическую сторону монархии. Тому есть много доказательств, например, его резкое, несмотря на нежное отношение к отцу и брату Павлу, неприятие нарушений запрета на морганатические браки членов царской фамилии¹. Как известно, он не испытывал большого удовольствия от власти и рассматривал ее как тяжелый, но неизбежный долг члена царской фамилии. И он ревностно исполнял свой долг — сначала, с особым воодушевлением, перед Императором Александром III, потом перед Государем Николаем II. И погиб на своем рыцарском посту, исполняя долг до последнего. Слова последнего царя «Кругом измена, и трусость, и обман», — были сказаны тогда, когда князя Сергия уже не было в живых. Прп. Серафим избрал его в число своих, «серафимовых», отдающих себя без раздумия и без сожаления.

Вернемся в 1903 г. в Дивеево. Очевидцы свидетельствуют об особом благоговении князя Сергия перед памятью преподобного Серафима: «...Великий Князь Сергей Александрович с Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной... Тронули они нас всех до глубины души... Когда им ответили, что принесли гроб, в котором лежал в земле преподобный, они преклонились перед крышкой гроба, целовали ее. В гробу, от ветхости его, есть нечто вроде праха, пыли... Они брали эту пыль, завертывали ее в бумажки и уносили с собой... А Великий Князь Сергей Александрович даже помогал опускать гроб в могилу...».

Конечно, Великий Князь еще не мог осознать всего значения этого события (прославления прп. Серафима) в своей жизни, он, скорее всего, не знал и о словах старца: «Того Царя, который меня прославит, и я прослаблю». Между тем хроника его жизни уже переплеталась с хроникой близко ходящей смерти и близкого же бессмертия.

Через год после дивеевской «Пасхи» 15 июля 1904 г. в Петербурге был убит министр внутренних дел Вячеслав Константинович Плеве², выдающийся государственный деятель, сторонник масштабных реформ. Сергей Александрович восклицает: «Я в отчаянии! считаю его смерть величайшим несчастьем для Государя и для внутренних дел. Теряю в нем очень много — незаменимый человек...»³.

31 июля 1904 г. Великий Князь с воодушевлением и надеждой поздравляет царскую чету с рождением наследника русского Престола царевича Алексея⁴.

26 августа 1904 г. Министром внутренних дел назначен Петр Данилович Святополк-Мирский⁵, деятель либеральной ориентации. Сергей Александрович, не согласный с политикой министра, приходит к решению оставить пост генерал-губернатора Москвы⁶.

22 декабря после известия о сдаче Порт-Артура, Великий князь записывает в дневнике: «...Хожу, как в кошмаре!..»⁷.

1 января 1905 г. Великий Князь оставил должность генерал-губернатора и назначен главнокомандующим войсками Московского военного округа.

Волна террора подходила все ближе. 2 января 1905 г. произошло покушение на жизнь Московского обер-полицмейстера Дмитрия Федоровича Трепова, хотя и неудачное. Сергей Александрович писал об этом драматическом эпизоде: «Когда я вошел в вагон — молодой человек подошел к Трепову и три раза стрелял в него из револьвера. Когда я выскочил на платформу — его уже держали — я к Трепову — осмотрел его со всех сторон и, убедившись, что, слава Богу, он невредим — уехал!!! ужасное впечатление. Помилуй Бог!»⁸.

6 января во время ежегодного Крещенского парада и высочайшего выхода одно из артиллерийских орудий выстрелило не холостыми снарядами, а картечью, задевшей городского, стоявшего за спиной Императора. Сергей Александрович записывает: «Какой ужасный случай 6-го на Иордани, где весь заряд попал в Иордань!! что это было?!»⁹.

9 января 1905 г. «Кровавое воскресенье». Столкновение полиции и войск с демонстрантами на Дворцовой площади в Петербурге. Крайнее обострение ситуации во всей России, в том числе и в Москве. Сергей Александрович записывает в своем дневнике: «В Питере ужасный погром с рабочими забастовавшими... забастовки и у нас начинаются... Уже толпа рабочих ходит по городу».

10 января начинаются забастовки на московских фабриках.

15 января Сергей Александрович записывает в дневнике: «... я старался для них (рабочих — В. М.) сделать все, что мог в эти четыре года, устраивая кассы самопомощи, разрешая собрания в народных домах общества трезвости и целый ряд лекций в разных аудиториях, куда часто и сам ездил»¹⁰.

16 января Великий Князь пишет свое последнее письмо Государю Николаю II: «Я старался, насколько мог, помогать генералу Рудневу... и, я думаю, предупредительными мерами ... удалось нам до сих пор удержать равновесие»¹¹.

С 17 января забастовки начали утихать.

25 января Сергей Александрович «демонстративно забросил карточки Самариным», тем самым выразив поддержку их монархической позиции. На днях московские земцы-либералы послали царю адрес с

требованием немедленных либеральных реформ. Консерваторы под руководством А.Д. Самарина¹² послали свой адрес, призывая царя твердо охранять начала самодержавия.

3 февраля Великий Князь сделал последнюю запись в своем дневнике: «Принимал все утро... Читал детям...»¹³.

4 февраля Сергей Александрович убит взрывом бомбы, брошенной террористом И. Каляевым — членом боевой организации партии эсеров.

В связи с тревожной обстановкой на похороны приехали не все родственники. Тем не менее, несмотря на предупреждения петербургского генерал-губернатора Д.Ф. Трепова и уговоры не приезжать Елизаветы Федоровны, прибыли любимый брат Сергея Александровича — Павел, присутствовавший на похоронах как частное лицо в виду запрета въезжать в Россию, Великий Князь Константин Константинович с супругой Елизаветой Маврикиевной, Великие Князья Алексей Александрович (старший брат Сергея Александровича) и Борис Владимирович, королева эллинов Ольга Константиновна (двоюродная сестра Сергея Александровича) и ее сын королевич Христофор Греческий¹⁴. Также приехали сестра Елизаветы Федоровны принцесса Виктория Баттенбергская и ее брат великий герцог Эрнст Людвиг с супругой, а также герцогиня Эдинбургская — сестра Великого Князя Мария Александровна ...

Несмотря на личные разногласия, тяжело, в течение нескольких недель, переживал трагическую гибель Великого Князя Л.Н. Толстой: «Что же, после убийства Александра II лучше стало?»¹⁵.

Трагическая кончина Великого Князя сразу же была осмыслена как мученичество за Христа и Его правду. Протоиерей Митрофан Сребрянский записал 7 февраля: «Сейчас служили мы панихиду по новом мученике царствующего дома Великом Князе Сергии Александровиче. Царство Небесное мученику за правду!»¹⁶. Ему вторили другие современники: «Твердо верим, что, погребенный в Кремле Московском, он будет все расти в глазах потомства и, когда Русский народ выйдет на свой твердый и широкий путь, память о покойном, окруженная светлым ореолом мученичества, не изгладится со страниц истории и будет свидетельствовать, что и в дни шатаний и замешательства были на Руси люди стойкие, душесильные, готовые и смерть принять за свою веру»¹⁷. Три года спустя, в 1907 году, протоиерей Иоанн Восторгов, будущий священномученик, также высказался о святости Великого Князя Сергея с упованием на его молитвы: «В этот час заупокойного о нем моления... мы призываем его светлый дух, и... уповаем на невидимое его нам вспоможение духом его любви, его загробного дерзновения в молитве к Богу»¹⁸.

Видя, как память о Великом Князе ширится в общественном сознании год от года, мы все более убеждаемся в истинности этих упований и надежд и в правоте слов, сказанных о Сергии Александровиче: «Он будет все расти в глазах потомства».

¹ При всей любви к брату, 5 октября 1902 г. он писал Императору: «Дорогой Ники! Душа моя измучилась в конце за эти два дня, что я узнал о совершившейся свадьбе моего брата! Мысль, что он пред Тобой клятвopеступник, меня преследует как ужасный кошмар, — это несказанно тяжело... как брат и как верноподданный смею умолять Тебя поступить по всей строгости закона. Так дело оставить нельзя. Тем более, что оно касается члена семьи и пример должен быть показан сверху... Умоляю, будь строг, иначе мы все пропали, иначе неуважение к семейству будет полное». Подобное отношение Сергея Александровича к мистике монархии, к общественному уважению царской семьи является лишним доказательством, что возводимые на него обвинения — не более чем подлая клевета.

² Вячеслав Константинович фон Плеве (8 апреля 1846, Мещовск Калужской губ. — 15 июля 1904, Санкт-Петербург) — российский государственный деятель. Сенатор (1884), статс-секретарь (1895), действительный тайный советник (1899), убит эсером Егором Созоновым.

³ Великий Князь Сергей Александрович на службе Москве и Отечеству. Материалы Межрегиональной научной конференции. 29–30 мая 2013 г. Храм Христа Спасителя. Красный зал. М.: Союз Дизайн, 2015. С. 57.

⁴ Великая княгиня Елисавета Феодоровна и Император Николай II: документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб.: Алетейя, 2009. С. 690.

⁵ Князь Пётр Дмитриевич Святополк-Мирский (1857, Владикавказ — 1914, Санкт-Петербург) — русский государственный деятель из рода Святополк-Мирских, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Занимал должность министра внутренних дел Российской империи с 26 августа 1904 г. по 18 января 1905 г. Был уволен вскоре после начала массовых беспорядков в январе 1905 г. Отец литературоведа Дмитрия Мирского.

⁶ Великая княгиня Елисавета Феодоровна и Император Николай II. С. 703.

⁷ Там же. С. 709.

⁸ Великий Князь Сергей Александрович на службе Москве и Отечеству. Материалы Межрегиональной научной конференции. 29–30 мая 2013 г. Храм Христа Спасителя. Красный зал. М.: Союз Дизайн, 2015. С. 58.

⁹ Там же. С. 58–59.

¹⁰ Там же. С. 60.

¹¹ Великая княгиня Елисавета Феодоровна и Император Николай II. С. 716.

¹² Александр Дмитриевич Самарин (30 января 1868, Москва — 30 января 1932, Кострома) — московский губернский предводитель дворянства (1908–1915), обер-прокурор Святейшего Синода (1915), член Гос. совета. Младший брат монархиста Фёдора Самарина. Репрессирован.

¹³ Великая княгиня Елисавета Феодоровна и Император Николай II. С. 721.

¹⁴ Великий князь Гавриил. В Мраморном дворце. СПб.–Дюссельдорф. 2001. С. 40–41.

¹⁵ «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. У Толстого. 1904–1910. Литературное наследство. Т. 90. В 4-х книгах. Книга 1. М.: Наука, 1979. С. 162.

¹⁶ О. Митрофан Сребрянский. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М., 1996. С. 250.

¹⁷ Незабвенной памяти Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1905, вып.1. С. 24.

¹⁸ Прот. Иоанн Восторгов. Полное собрание сочинений. СПб., 1995. С. 353.

**«ТАМ, ГДЕ ПАДАЮТ АЛТАРИ, ПАДАЮТ И ПРЕСТОЛЫ».
ОТНОШЕНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СЕРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА
К НАСУЩНЫМ ВОПРОСАМ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
В НАЧАЛЕ 1900-х гг.**

И.В. Плотникова

Заявленная мною тема достаточно широка — как многогранна деятельность Великого Князя Сергея Александровича в сфере церковно-общественной жизни. Это и его труды как Председателя ИППО, и инициатива организации духовно-просветительских чтений для рабочих, и покровительство церковно-приходским школам Московской епархии, и его горячее участие в распространении народного почитания прп. Серафима Саровского, канонизированного в 1903 г. Он был почетным попечителем Иверской общины сестер милосердия, почетным членом Общины «Утоли моя печали», Кирилло-Мефодиевского братства, Православного миссионерского общества и других церковно-общественных организаций. Придавал большое значение строительству полковых храмов и участвовал во многих военных церковных празднествах. Известна и его щедрая церковная благотворительность и забота о благоукрашении храмов.

Но сегодня ещё малоизученной остаётся тема участия Великого Князя в продвижении одного из важнейших вопросов церковного управления — восстановлении патриаршества в Русской Православной Церкви. Начало обсуждению этого вопроса положила статья философа и религиозного мыслителя Льва Александровича Тихомирова «Запросы жизни и наше церковное управление», опубликованная в 3-х номерах газеты «Московские ведомости» в декабре 1902 г. (№№ 343–345). Уже 14 января 1903 г. она была издана отдельной брошюрой. Несколько экземпляров автор незамедлительно послал в канцелярию Московского генерал-губернатора, на помощь которого очевидно рассчитывал. Великий Князь находился в это время в Санкт-Петербурге. Управляющий его канцелярией В.К. Истомин отозвался о брошюре «с величайшей похвалой»¹ и не позднее 17 января отправил её Сергию Александровичу. Через несколько дней Великий Князь представил эту работу на рассмотрение Государю. Оперативность, с какой

действовали Сергей Александрович и его верный помощник, позволяет предположить, что содержание статьи было известно Великому Князю ещё по публикации в «Московских ведомостях», и он успел составить своё мнение по этому вопросу.

Суть работы Л.А. Тихомирова заключалась в том, что реформа Императора Петра I 1721 г., заменившая Всероссийского Патриарха Святейшим Синодом, сильно ослабила Церковь. Принцип соборности был подменён коллегиальностью. А при постоянно меняющемся составе Синода нарушалась преемственность в рассмотрении дел, многие важные вопросы не рассматривались десятилетия, церковное управление становилось слабым и, наоборот, усиливалась роль государственной обер-прокуратуры, которая фактически надзидала за епархиями и выступала в роли посредника между Церковью и властью. В результате, как отмечает автор, «голоса Церкви не слышно», паства ощущает «недостаток церковного окормления», «перед нами нет ясного светоча Церковного Авторитета».²

И Государь, и Великий Князь очень сочувственно отнеслись к идее восстановления канонического строя Русской Православной Церкви. Империи нужна была сильная Церковь — опора престола и народной нравственности. 8 марта 1903 г. Сергей Александрович поехал к митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию (Вадковскому), чтобы узнать мнение первенствующего члена Св. Синода, очень достойного и уважаемого архипастыря. «Говорил с ним о восстановлении патриаршества — он очень за это»,³ — с удовлетворением записал Великий Князь в своём дневнике.

Но были и противники. В основном из чиновничьей бюрократии. Интересно в этом смысле письмо видного публициста — славянофила А.А. Киреева, который беседовал с обер-прокурором Св. Синода К.П. Победоносцевым и его помощником В.К. Саблером. «Оба смотрят на дело с точки зрения узко-практической (материальной), новоцерковной, — писал он Л.А. Тихомирову 19 января 1903 г. — Отдавая полную справедливость и талантливости, и благим намерениям автора [Тихомирова — И.П.], Победоносцев говорит: ну что, всё это теория. Ведь нужно ходить по земле, а не парить в облаках! какая тут древняя Вселенская Церковь?! Да и настоящая — то, действительно верующая Церковь, где она? Может быть, ютится где-нибудь в каком-нибудь никому не известном медвежьем уголку Великой Православной Руси!.. Очевидно тут ставится дело на совершенно «казенную почву»⁴ — делает вывод автор письма.

Безусловно, зная настороженное отношение Победоносцева к этому вопросу, Сергей Александрович во время приезда Императора Николая II в Москву устраивает его встречу с главным редактором «Московских ведомостей» В.А. Грингмутом, единомышленником Л.А. Тихомирова. Из дневника Льва Александровича мы узнаём, как проходила эта встреча: «10 апреля 1903 г. Вчера В.А. Грингмут принят Государем на частной

аудиенции. Был около 20 минут. Говорил о всех вопросах. Государь был очень милостив. Между прочим, он сказал Грингмуту, что мою брошюру читал (о церкви), и что Победоносцев сказал, что делать что-либо по этой части преждевременно». ⁵ Не поддержал эту идею и министр внутренних дел В.К. Плеве.

Но Николай II считал иначе. Знаменательно, что внутреннее созревание этого судьбоносного для Русской Церкви и государства исторического решения пришлось на время пребывания Царской Семьи в Москве весной 1903 г. И не «в каком-нибудь медвежьем уголку», по выражению Победоносцева, а в первопрестольном граде Царь увидел глубокую народную веру и имел «высокое утешение провести в молитвенном единении с преданным народом дни Страстной недели, удостоится здесь приобщения Святых Тайн и радостно встретить Светлый Праздник Христов» ⁶ — говорилось в Высочайшем рескрипте на имя Московского генерал-губернатора Великого Князя Сергея Александровича. Великий Князь, который прекрасно знал историю московских древностей и святынь, сопровождал Царскую чету, которая исследовала каждый уголок Кремля — теремные храмы, палаты и дворцы. Августейшие паломники прикладывались к святым мощам патриархов и митрополитов Московских в Успенском соборе и Чудовом монастыре. Многие из них, как митрополиты Петр и Алексей, вместе с Великими Князьями Московскими созидали единую Русь, другие, как Патриархи Иов и Гермоген, противостояли разрушению государственных основ Отечества в тяжёлые времена Смуты и междуцарствия. Перед ними прошла вся история патриаршества на Руси. Николай II и Александра Феодоровна впервые спустились в подполье, где был замучен Патриарх Гермоген. Благодаря этому Высочайшему посещению, возрос и общественный интерес к подвигу Патриарха-мученика Гермогена. А в 1913 г. при личном содействии Императора Николая II и Великой Княгини Елизаветы Феодоровны, святитель был прославлен.

Однако начало XX в. было временем, когда революция уже начала пускать свои корни и подтачивала казавшееся незыблемым здание Российской монархии. Не случайно в приветственном слове митрополита Московского Владимира (Богоявленского), будущего священномученика, звучали тревожные ноты: «В наши лукавые дни, — говорил он во время торжественного входа Царской семьи в Успенский собор, — враги нашего Отечества так много употребляют усилий к подрыву нашей веры и Церкви, исходя из того убеждения, что там, где падают алтари, падают и престолы».⁷

Действительно, в подпольных брошюрах часто развивалась мысль, что на пути революционного похода на самодержавие стоит Церковь. Поэтому, как подчеркнул митрополит, «общение Царя и Царицы с народом в религиозной и церковной жизни есть самый животворный источник единства и силы государства».⁸ Но Церковь уже почти как 200 лет была обезглавлена.

В трудные времена испытаний Российский Император оказался один, без мощной духовной поддержки, каким мог стать Святейший Патриарх, высший чин церковной иерархии, соответствующий православному Царю. Патриаршество и было установлено на Руси в конце XVI в., «потому что оную страну Бог удостоил быть царством», — как сказано в Соборном деянии 1593 г. Эту сакральную связь лучше других членов правящей династии понимал Император Николай II и его ближайший верноподданный и дядя Великий Князь Сергей Александрович.

В день отъезда из Москвы царских гостей, 16 апреля, состоялся разговор В.А. Григмута с министром В.К. Плеве. Говоря о церковной реформе и восстановлении патриаршества, министр сообщил, что «Государь очень желает тут нечто совершить, полагая даже этим украсить своё Царствование».⁹ Доказательством того, что это важное решение Николай II обсуждал с Сергием Александровичем, служит запись Тихомирова в дневнике от 21 апреля 1903 г.: «В[ладимир] А[ндреевич] Григмут был у Великого Князя [Сергия Александровича], который спросил его: «А что, г-н Тихомиров очень интересуется судьбой вопроса о церковном управлении?» Вл. Андр. подтвердил, что конечно. «Так скажите ему, что он может не опасаться за судьбу дела этого: оно в хороших руках». Приятно, то есть даже восхитительно, — восклицает Тихомиров. — Подразумевается государь... О, если бы Господь дал Ему твердости совершить великое дело! Но удивительно и далее. Рассказав мне это, Вл. Андр. сказал: «Может быть бесполезно было бы Вам лично поговорить об этом с Вел. Князем?» Я, конечно, сказал, что и весьма бы бесполезно, ибо у них нет хорошего осведомления о вопросе. Тогда Вл. Андр. сказал: «Так я поговорю с ним об этом». Мыслимо ли, чтобы В.А. говорил это от себя? Не Князь ли поручил ему?.. А поговорить может быть очень полезно — для дела Церкви и самого Государя».¹⁰

Неизвестно, состоялась ли эта встреча, но из всего видно, что Сергей Александрович принял близко к сердцу решение этого важнейшего вопроса в судьбе РПЦ и по возможности содействовал его продвижению. В обществе и в печати с этого времени заговорили о необходимости «возглавления вдовствующей Церкви общим для всей России главою — Патриархом».¹¹

В конце 1903 г. Сергей Александрович написал своему Царственному племяннику: «Помоги тебе Господь спасти Россию от всяких бед: вот моя постоянная молитва за тебя».¹² И чем, как не попыткой спасти Россию от революционного террора, объясняется совершенно необычное предложение Государя своей кандидатуры на патриарший престол. По рассказу участника встречи Николая II с членами Св. Синода, которая проходила в феврале — марте 1905г., Царь сказал о восстановлении патриаршества, что он «пришел к заключению, что время назрело и что для России, переживающей новые смутные дни, патриарх и для церкви, и для государства необходим.» И как рассказывал архиерей, «нам нужно было бы ему в ноги

поклониться, преклоняясь пред величием принимаемого им для спасения России подвига, а мы ... промолчали!» Сказание это помещено в книге духовного писателя Сергея Нилуса,¹³ и хотя оно пока не нашло документального подтверждения, но по своей силе и особой драматичности производит достоверное впечатление. По крайней мере, решимость царя идти в этом вопросе до конца выразилась в созыве по его инициативе Предсоборного присутствия в 1906 г. — органа, который должен был подготовить созыв Поместного собора для избрания Патриарха. Но революция и I Мировая война отложили это историческое событие до 1917 г., когда в преддверии страшных испытаний народу снова был дан Патриарх — отец и духовный руководитель на пути к христианскому подвигу.

¹ ГАРФ. Ф.634, оп.1, д.11, л.120.

² Тихомиров Л.А. Запросы жизни и наше церковное управление. М.: Университетская типография, 1903. С. 24, 29.

³ ГАРФ. Ф.648, оп.1, д.39, л.71.

⁴ ГАРФ. Ф.634, оп.1, д.101, л.123.

⁵ ГАРФ. Ф.634, оп.1, д.11, л.158.

⁶ ГАРФ. Ф.826, оп.1, д.45, л.342.

⁷ ГАРФ. Ф. 826, оп. 1, д.45, л.421.

⁸ Там же.

⁹ ГАРФ. Ф. 634, оп.1, д.11, л.163 об.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 634, оп.1, д.11, л.165–166.

¹¹ Нилус С.А. На берегу Божьей реки. Св.-Троице — Сергиева Лавра, 1992, часть 2. С.145.

¹² ГАРФ. Ф. 601, оп.1, д.1341. Письмо Вел. Кн. Сергея Александровича Императору Николаю II от 25 декабря 1903 г.

¹³ Нилус С.А. На берегу Божьей реки. Св.-Троице — Сергиева Лавра, 1992, часть 2. С. 145–147.

ОТЕЦ И СЫН: ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР II И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЙ ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ

Д.Б. Гришин

История может преподносить удивительные совпадения. Рассматривая обстоятельства гибели Великого Князя Сергея Александровича трудно не заметить поразительные факты — в свой последний земной путь он выезжает из Николаевского Кремлевского дворца, где родился его отец. Выезжает, словно осененный рукою статуи Александра II, памятника, сооружением которого Сергей Александрович руководил. И как схожи способы роковых покушений на отца и сына — бомба, брошенная в карету. А затем Великий Князь будет погребен в Чудовом монастыре, месте крещения своего отца, под той самой ракой святителя Алексия, митрополита Московского, на которую возлагался новорожденным младенцем будущий Император Александр II.

На общение с отцом судьба отвела Сергею Александровичу ровно половину жизни. Это, включая годы младенчества и те частые периоды, когда они не могли видеться из-за огромной занятости Императора. Следует учитывать и придворный протокол, нередко отделявший царских детей от их родителей, и особое внимание государя к наследнику и к другим старшим сыновьям, что, безусловно, сокращало время, проведенное юным Сергеем вместе с отцом. Правда, младшие дети иногда сопровождали Императрицу в ее зарубежных поездках на отдых и лечение, и, если к супруге на короткий срок присоединялся Император, то Сергею выпадало счастье подольше побыть рядом с дорогим Папа.

С раннего детства Великий Князь видел в своем родителе не только близкого человека, но и хозяина страны, самодержца, политика, реформатора. Именно Сергея отец взял с собой в Москву на торжества 1861 г. по случаю отмены крепостного права. С восхищением четырехлетний мальчик наблюдал за ликованием людей, впитывая повсюду проявлявшееся единение царя с народом. Позднее, во время домашней игры, когда его попросят

назвать самого любимого из всех знаменитых русских деятелей, он, не задумываясь, назовет отца.¹

В свою очередь, Император Александр II внешне никак не выделял Сергея среди собственных детей, но, без сомнения, всегда помнил, что его пятый сын был порфирородным первенцем и еще до рождения получил имя по царскому обету в дни коронации при молитвах у гробницы преподобного Сергия Радонежского. Помнил и придавал этому особое значение. Как знаку свыше, как благословию своего царствования. В год совершеннолетия Сергея Александровича Император специально привез из Троице-Сергиевой лавры частичку мощей преподобного и благословил ею сына перед их совместным отъездом на фронт Русско-турецкой войны. Эту святыню в золотой ладанке Великий Князь будет всегда носить на груди, окажется она на нем и в минуту гибели.

Сделаем небольшое отступление. Во время первой эксгумации останков Сергея Александровича в Кремле в его захоронении был обнаружен тот самый мощевик, несколько поврежденный взрывом.² Ныне он находится в фондах Государственного музея-заповедника Московский Кремль. Думается, сегодня пришло время восстановить справедливость, как с исторической, так и с духовной точки зрения. Прекрасным шагом стала бы передача реликвии из музея (для которого она не представляет ценности) в Новоспасский монастырь, где возле гробницы Великого Князя ей поклонялись бы все приходящие почтить память Сергея Александровича.

Отдельным примером внимания со стороны Александра II может служить его знание интересов и увлечений Сергея, что проявлялось в соответствующих подарках. Так на Рождество 1880 г. (последний раз в своей жизни) император послал находившемуся в Италии сыну две небольшие копии статуи эпохи Возрождения, биографию художника Рафаэля, иллюстрированную книгу о Флоренции, десяти томную «Историю живописи» Д. Вазари и томик сочинений Данте с иллюстрациями.³ Каждый из даров относился к любимым вещам Сергея Александровича в сферах истории, искусства и поэзии.

В нашу задачу не входит всестороннее и подробное рассмотрение всех обстоятельств, связывающих Императора и его сына Сергея. Остановимся на главном аспекте их судеб, определенном темой конференции. Именно участь отца показала Великому Князю страшное лицо терроризма, и личная трагедия навсегда слилась для Сергея Александровича с трагедией России. Ему было девять-десять лет, когда впервые прозвучали выстрелы, направленные в государя. Сначала у ворот петербургского Летнего сада в 1866 г., потом в Париже в 1867 г. В обоих случаях это были действия фанатиков-одиночек, но они открывали дорогу будущим масштабным преступлениям.

Точно также в начале XX века новая волна террора начнется с одиночного покушения, невольно напомнившего Сергею Александровичу ужасное прошлое. Речь идет о выстреле, прозвучавшем 14 (27) февраля 1901 г. и направленном против министра народного просвещения Н.П. Боголепова. «После службы, — записал Великий Князь в дневнике, — узнал о покушении на Боголепова!!! Он ранен в шею бывшим выгнанным студентом, это ужасно!»⁴ В свое время Сергей Александрович, высоко ценя деятельность Боголепова, помогал его продвижению на министерский пост, так что теперь считал себя косвенно ответственным за несчастье. На похоронах скончавшегося через две недели министра он нес его гроб до могилы. Однако не меньше, чем само злодеяние, Великого Князя потрясло намерение правительства в разгар студенческих беспорядков, приведших даже к теракту, пойти на уступки «общественному мнению» и подвергнуть критике действия полиции.⁵ К чему может привести слабость властей, он отлично помнил.

Очередное покушение на Александра II, произошедшее в феврале 1879 г., характеризовалось особыми обстоятельствами. Злоумышленник, стрелявший в Императора возле Дворцовой площади, оказался членом организации «Земля и воля», что говорило о новом этапе развития терроризма в России. Теперь он вышел на качественно другой уровень, определяемый четкими политическими целями, идеологией и системой. Перед тем в течение года в России совершилось еще три индивидуальных теракта, направленных на представителей администрации и свидетелей существовавших о разрастании насилия со стороны радикального подполья. Вскоре раскол «Земли и воли» привел к созданию сугубо террористической организации «Народная воля» (1879), поставившей своей целью убийство Императора. Именно тогда, на данном отрезке времени в Российской Империи возникает и начинает разрастаться «опухоль» организованного политического террора.

В своем подробном исследовании вопроса историк О.В. Будницкий отмечает, что политические убийства в Европе практиковались давно, «однако говорить о соединении идеологии, организации и действия — причем «носящего «публичный» характер — мы можем лишь применительно к последней трети XIX века. В это время террор становится системой действий революционных организаций в нескольких странах, найдя свое классическое воплощение в борьбе «Народной воли...».⁶ Тем же исследователем подчеркивается, что «возникновение терроризма в России не было чем-то уникальным в тогдашней Европе; террористические идеи развивались в работах германских (К. Тейнцен, И. Мост), итальянских, французских революционеров (преимущественно анархистских). Однако, на наш взгляд, генезис террористических идей в российском освободительном движении носил достаточно самобытный характер, а размах, организация и успех

террористической борьбы русских революционеров сделали их образцом для террористов во многих уголках земного шара».⁷

Среди активных действий народовольцев была попытка подорвать царский поезд, следовавший 19 ноября (1 декабря) 1879 г. из Ливадии в Санкт-Петербург. По ошибке мина сработала под другим, свитским составом, и никто не пострадал. Но в связи с этим событием мы имеем редкое документальное свидетельство реакции Великого Князя Сергея Александровича на преследования его отца со стороны террористов. «Мой друг, — пишет он из Франции своему двоюродному брату, Великому Князю Константину Константиновичу, — как тяжело было быть здесь эти дни — после ужасного покушения на жизнь Папа. Господи, как больно, но я знаю, что ты тоже молился, и наши молитвы слились вместе за него. Невольно спрашиваю себя: зачем ему на долю выпали такие испытания — ему, который сделал столько благодеяний не только своей России, но и стольким другим. Видимо, Господь хранит его, и как сердце переполняется благодарностью Богу за Его новую милость...».⁸

Провидение еще раз сохранило жизнь Александра II, причем на тот раз вместе с жизнью Сергея Александровича. Как известно, 5(17) февраля 1880 г. в Зимнем дворце произошел мощный взрыв, устроенный народовольцами и рассчитанный на гибель Императора вместе с членами его семьи во время обеда. Но основная сила взрыва пришлась на караульное помещение, расположенное на первом этаже, под императорской столовой. К тому же все приглашенные к обеду находились в этот момент в другом зале, ожидая приезда принца Александра Гессенского, который задерживался. Покушение унесло жизни 11 солдат Лейб-Гвардии Финляндского полка, несшего в тот день караул, 56 человек было ранено.⁹ Практика террора впервые привела к единовременным массовым жертвам.

Принято считать, что даже в случае присутствия в столовой на момент взрыва царя и всех приглашенных, никто из них не пострадал бы, поскольку разрушения в комнате были незначительны. Однако к серьезным ранениям могли привести даже осколки стекла, и кроме того, тот же принц Гессенский указывал, что прямо на сервированный стол упала люстра¹⁰, а это потенциально грозило увечьями. Среди избежавших тогда подобной участи был и Великий Князь Сергей Александрович. Ему предстояло погибнуть ровно через двадцать пять лет, практически день в день...

Через неделю после взрыва в Зимнем дворце именованным указом Александра II, данным Сенату, была учреждена Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия — чрезвычайный орган для борьбы с терроризмом.¹¹ Объединяя и координируя деятельность отдельных властей, организация намеривалась действовать, как строжайшими полицейскими мерами, так

и «успокоительными» для общественного мнения. Дальнейшие события показали, что было слишком поздно.

Схожие процессы развития террора в России мы можем наблюдать в начале XX века. После убийства Н.П. Богдановича террористическая деятельность приняла организованный характер, подкрепленный соответствующей идеологией. С 1902 г. последователи народников в лице партии социалистов-революционеров (эсеры) взяли на вооружение практику политических убийств, которыми должен был заниматься их особый орган, Боевая организация. Ее первой жертвой стал 2(15) апреля 1902 года министр внутренних дел Д.С. Сипягин. Следующими намечались обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, покушение на которого сорвалось, и новый министр внутренних дел В.К. Плеве, убитый боевиками 15(28) июля 1904 г. К этому времени в «списке приговоренных» уже числился Великий Князь Сергей Александрович.

Как московский генерал-губернатор¹², Великий Князь хорошо знал обоих погибших руководителей МВД. Д.С. Сипягина, как в свое время надежного главу московской гражданской администрации, а В.К. Плеве, как бывшего директора Департамента полиции, честного и принципиального стража порядка, наиболее подходящего для роли главного борца с крамолой и террором. Потеря столь ценного политика потрясла Сергея Александровича до глубины души. «... Узнал об ужасном убийстве Плеве! — записал он в дневнике — Я в отчаянии! Считаю его смерть величайшим несчастьем для Государя и для внутренних дел. Теряю в нем очень много — незаменимый человек».¹³ И по-французски добавил: «Я морально уничтожен, прихожу в отчаяние»¹⁴, словно предвидя будущие политические шатания или вспомнив либеральные настроения министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова, приведшие к цареубийству.

Весть о гибели отца 1(13) марта 1881 г. Сергей Александрович, находившийся в Риме, получил на следующий день. Срочно вернувшись в Санкт-Петербург, он был совсем раздавлен горем, и только отчасти мы можем почувствовать его эмоции по письмам, адресованным в те дни бывшему воспитателю, Д.С. Арсеньеву. «Все подробности его (Императора — Д.Г.) кончины ужасны. Вся его одежда — одни клочки. Шинель обратилась в маленькую пелерину в крови... Говорят, что вся лестница Собственного подъезда была покрыта кровью... Все эти ощущения невыносимо тяжелы! Для человеческого ума трудно все это переварить... В тот же день были с Пицем (младший брат, Великий Князь Павел Александрович — Д.Б.) на месте преступления. Народу масса и все это горько плачет».¹⁵

Вместе с тем Сергей Александрович нашел в себе силы проявить в такой обстановке милосердие к тому, кого еще недавно ненавидел. Княгиня Е.М. Долгорукова, поздняя любовь Александра II, вызывала у него стойкую неприязнь, особенно после появления на свет внебрачных детей Императо-

ра. Кроме того, Великий Князь видел, как страдает из-за такого положения его мать, и это доставляло ему дополнительную боль. Морганатический брак отца, заключенный вскоре после кончины Императрицы, Сергей Александрович воспринял, как катастрофу, и вначале не хотел признавать. «Ты знаешь, дорогая тетя, — писал он в связи с данными обстоятельствами сестре Императора, королеве Вюртембергской Ольге Николаевне, — какое тяжелое время мы теперь переживаем; мне иногда бывает невыносимо тяжело — хотелось бы сказать с полной верою «да будет воля Твоя», но еще не могу привыкнуть и согласиться с новым ударом; борюсь, но борьба трудна и тяжела. Конечно, долг свой я знаю и доведу до конца. Мы уже писали Папа, и, кажется, он остался доволен нашими письмами; нелегко было и писать».¹⁶ Упомянутый в письме долг, понимался не только, как сыновний, но, прежде всего, как долг верноподданного. Совсем другие чувства руководили Сергеем Александровичем, когда в дни прощания с погибшим отцом он навестил овдовевшую княгиню, от которой сразу отвернулся весь двор. Видя, что «она совсем разбита горем, почти с ума сходит, плачет», он даже позволил себе не раз пообщаться с ее маленькими детьми. «Они мне так жалки, эти бедные дети, — признался Великий Князь Д.С. Арсеньеву, — Папа их так любил, что для него я их полюбил».¹⁷ Поступок истинного христианина! Поступок достойного сына.

Еще одним непростым шагом, связанным с памятью отца, стало для Сергея Александровича решение о передаче брату Александру, как новому Императору, прошения писателя Л.Н. Толстого о помиловании цареубийц. Действуя через философа Н.Н. Страхова, Толстой первоначально рассчитывал на посредничество К.П. Победоносцева, но обер-прокурор Синода категорически отказал. Тогда через историка К.Н. Бестужева-Рюмина, Страхов направил письмо Великому Князю Сергею Александровичу для дальнейшей передачи государю. Сын погибшего Императора оказался перед тяжелым выбором — террористы должны были поплатиться за свое страшное преступление, правосудию следовало их покарать со всей строгостью, то есть казнить, в чем Великий Князь был уверен, но мешать проявлению чужого милосердия он считал себя не вправе. Уже после казни «первомартовцев» Сергею Александровичу придет из Москвы письмо А.Ф. Аксаковой: «Здесь начали уже волноваться предположением, что будут просить у государя помилования и что государь его дарует. Я не верила этому ни минуты, но об этом много говорили. Общественная совесть требовала осуждения и была бы в отчаянии, если бы ей отказали в этом справедливом удовлетворении... Что народ любит и что ему дает уверенность и спокойствие — это сознание, что над ним есть справедливая и строгая власть».¹⁸ Нет сомнения в том, что Великий Князь полностью разделял это мнение. Однако прошение Л.Н. Толстого он все-таки передал Александру III. Император не ответил писателю, хотя по одной версии

попросил устно передать, что покушавшихся на его собственную жизнь он мог бы помиловать, но простить убийц отца не имеет права.¹⁹

Четверть века спустя Сергей Александрович вновь столкнулся с нарастающей волной терроризма. Мы не имеем его прямых оценок данного явления и можем проследить только реакцию на происходившее. Но в одном из писем его супруги, Великой Княгини Елизаветы Федоровны, содержатся некоторые мысли мужа, высказанные в обнаруженных сегодня документах или в частных домашних разговорах. На следующий день после убийства министра Д.С. Сипягина, 3(16) апреля 1902 г., не поставив в известность Сергея Александровича, Великая Княгиня написала Николаю II: «Ники, дорогой, ради Бога, будь сейчас деятелен, может статься, нас ждут и другие убийства — и как положить конец террору?.. О, неужто этих скотов нельзя судить военно-полевым судом? И пусть вся Россия знает, что за такие преступления карают смертью. Не хотите казней, наказаний — пусть террористы первыми перестанут убивать...».²⁰ Отдавая должное собственным размышлениям Елизаветы Федоровны, выдвинем предположение, что процитированные строки во многом основываются на устно высказанных идеях Сергея Александровича, хорошо знавшего историю и суть вопроса. Особенно здесь интересна фраза о применении военно-полевых судов, высказанная за четыре года до введения подобной практики по инициативе П.А. Столыпина.

Несколькими строками ниже, в том же письме Великая Княгиня уже прямо озвучивает мысли супруга: «Я знаю, он писал бедному Сипягину и в день его смерти получил ответ, в котором мысль Сержа признавалась удачной. Она состоит в том, чтобы не публиковать фамилий тех, кто совершил покушение или преуспел в подобных преступлениях. Это помешает им выглядеть героями, и у них пропадет желание рисковать жизнью и идти на преступление. (Я бы предпочла, чтобы преступник заплатил своей жизнью и исчез). Кто он и что он осталось бы неизвестным, а ведь им придает мужества мысль о том, что они станут героями и о них узнает весь мир. Хорошо бы ты прямо сейчас проявил всю необходимую твердость и ни малейшего сострадания по отношению к тем, кто сам не проявил его».²¹

Сергей Александрович смотрел в самый корень. Общественный резонанс и повышенный интерес к личности преступника, особенно характерный для сегодняшних СМИ, стали стержневыми основами террора. «Публичность террористического акта, — отмечает американский исследователь Дж. Хардман, — является кардинальным моментом в стратегии терроризма. Если террор потерпит неудачу в том, чтобы вызвать широкий отклик в кругах за пределами тех, кому он напрямую адресован, это будет означать, что он бесполезен как орудие социального конфликта. Логика террористической деятельности не может быть вполне понята без адекватной оценки показательной природы террористического акта».²²

Новые настроения российского общества, новые технические возможности и зарубежные финансовые вливания позволили российскому терроризму в начале XX столетия выйти на более высокий уровень. Если за период 1878–1881 гг. жертвами покушений помимо Императора, на которого они были направлены в первую очередь, стали четырнадцать человек, включая трех представителей властей, то за период 1905–1907 гг. было убито почти 4500 государственных чиновников.²³ В общей же сложности террор первого десятилетия прошлого века по оценке сегодняшних исследователей привел к гибели и ранениям 17000 человек.²⁴ Цифры, сопоставимые с военными потерями.

Современники тех событий понимали масштабы катастрофы, даже не имея полной статистики. На мемориальных досках возведенного в 1907–1909 гг. московского храма во имя Ватопедской иконы Божией Матери «Отрада и утешение» значились имена 1850 лиц, убитых по политическим мотивам в 1904–1907 гг. в 73 городах и губерниях России. Этот храм русской скорби посвящался памяти Великого Князя Сергея Александровича и «всех верных долгу и присяге царских слуг, павших за Царя и Отечество от руки злодеев-революционеров крамолюю 1905 года».²⁵ В отличие от него, сохранившегося и недавно приведенного в относительный порядок, схожий по значению храм в Санкт-Петербурге был полностью разрушен. К нашей теме история последнего имеет самое прямое отношение.

Она началась с возведения в 1879 г. часовни в память о спасении Александра II при покушении на него в Париже в мае 1867 г. Здесь стали собирать средства на восстановление Сионского храма в Мирах Ликийских, где некогда находились мощи свт. Николая Чудотворца, и сюда же с Афона был привезен список чудотворной иконы Божией Матери «Скороплушницы». Восстановленную после пожара 1885 г. Александровскую часовню приписали к Императорскому Православному Палестинскому Обществу, основанному тремя годами ранее, а Председатель ИППО, Великий Князь Сергей Александрович, стал ее ктиторм. После гибели Великого Князя по предложению помощника ктитора, графа Н.Ф. Гейдена (одного из членов-учредителей ИППО) часовню перестроили в Николо-Александровский храм, посвященный памяти Сергея Александровича. Примечательно, что давая свое согласие на такое посвящение, Великая Княгиня Елизавета Федоровна выразила неременное желание, чтобы молитвы о ее супруге соединялись в этом храме с молитвами обо всех жертвах недавней крамолы.²⁶

Став центром сбора средств на сооружение церкви и паломнического подворья в итальянском городе Бари, петербургский мемориальный храм получил дополнительное название, Барградский, а в 1913–1915 гг. он был вновь перестроен в древнерусском стиле. На новой закладке и освящении присутствовала Великая Княгиня Елизавета Федоровна. В 1932 г. храм был

взорван, сейчас на его месте газон. Главная святыня часовни и Барградского храма — чудотворный образ Божией Матери «Скороплушница» — находится в Троицком соборе Александро-Невской Лавры.²⁷

Думается, что сегодня пришло время решить вопрос об установке на месте уничтоженного храма памятного знака. Сергиевский мемориальный фонд уже предпринял в этом направлении первые шаги, но дело требует общих усилий, ведущая роль в которых должна принадлежать ИППО. Такой знак стал бы символом категорического неприятия любой формы терроризма в российском обществе, символом памяти о жертвах террора и напоминанием о храме, тесно связанном с трагическими судьбами Императора Александра II и Великого Князя Сергея Александровича.

¹ См. Гришин Д.Б. Сергей и Елизавета. М.:ИД «Достоинство», 2015. С. 30–31.

² Гришин Д.Б. Трагическая судьба Великого князя. М.: Вече, 2006. С. 284–285.

³ Великий Князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн.3: 1880–1884. М.: Новоспасский монастырь, 2009. С. 60–61.

⁴ Великая Княгиня Елисавета Феодоровна и Император Николай II: документы и материалы (1884–1909 гг.) СПб. 2009. С.527.

⁵ Там же. С. 534.

⁶ Будницкий О.В. Терроризм и российское освободительное движение: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. С. 4.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ ГАРФ. Ф. 660, Оп.2. Д. 251. Л. 90–91.

⁹ Татищев С.С. Император Александр II, его жизнь и царствование. Кн.2. М.: «Чарли», 1996. С. 581.

¹⁰ Новое время, 1880, 14 февраля.

¹¹ П. С. З., № 60492.

¹² С 1891 года.

¹³ ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1, Д. 41. Л. 102.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Великий князь Сергей Александрович Романов. С. 84–85.

¹⁶ Там же. С. 203–204.

¹⁷ Там же. С. 85, 87.

¹⁸ Там же. С. 89–90.

¹⁹ Зверев А.М., Туманов В.А. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 358.

²⁰ Письма преподобномученицы великой княгини Елизаветы Феодоровны. М.: Православное сестричество во имя преподобномученицы Елизаветы, 2011. С. 160–161.

²¹ Там же. С. 161.

²² Будницкий О.В. Указ.соч. С. 4.

- ²³ Гофман А. Революционный террор в России. 1894–1917. Пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. С. 32
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См. Гришин Д.Б. Трагическая судьба Великого князя. С. 275–276.
- ²⁶ Подробнее см. Дмитриевский А.А. Краткое описание Барградского Николо-Александровского храма в Петрограде. Пг.: Изд. Императорского Православного Палестинского Общества, 1916. — 31 с.
- ²⁷ В феврале 2015 года, в связи с 110-летием памяти Великого Князя Сергея Александровича эта икона стараниями Сергиевского мемориального фонда была впервые принесена из Санкт-Петербурга в Москву и выставлена возле могилы Великого Князя в Новоспасском монастыре. В те дни ей поклонились тысячи паломников.

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ
ПО ТЕМАТИКЕ СОВМЕСТНОГО
КОНКУРСА РФФИ–ИППО
«РОССИЯ И БЛИЖНИЙ ВОСТОК:
ИСТОРИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ,
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ
КОНТАКТЫ И СВЯЗИ»

О КОНФЛИКТАХ в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме при епископе Кирилле (Наумове) и архимандрите Леониде (Кавелине)*

А.И. Алексеев

История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме получила освещение в прекрасных трудах А.А. Дмитриевского, В.Н. Хитрово, Н.Н. Лисового и других исследователей¹. В последнее время изучение Русской Палестины в XIX — начале XX вв. находится на подъеме². Появляются публикации очень важных документов, позволяющие уточнить или заново описать многие эпизоды сложной и противоречивой истории русского присутствия в Святой Земле в этот период³. Одной их дискуссионных тем являются конфликты в Иерусалиме между Русской Духовной Миссией и консульством. В центре нашего внимания будут находиться два самых резонансных конфликта произошедших в период второй и третьей миссий в Иерусалиме: при епископе Кирилле (Наумове) в 1857–1862 гг. и архимандрите Леониде (Кавелине) в 1864–1865 гг. Исследователи предлагают разные причины возникновения этих конфликтов.

Три последовательных события оформили конфигурацию русского присутствия в Святой Земле после окончания Крымской войны: в 1856 г. было организовано Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ), создавшее для паломников возможность пользоваться регулярными рейсами из Одессы в Яффу, в 1857 г. возобновилась деятельность Русской Духовной Миссии, а в 1858 г. открылось консульство в Иерусалиме⁴. А.Г. Грушевой считает, что: «В основе осложнения отношений между всеми российскими представителями на Ближнем Востоке был, прежде всего, чисто человеческий фактор — отсутствие четкого разграничения между сферами полномочий этих институтов»⁵. Нечеткость разграничения полномочий, разумеется, является общим местом ситуаций конкурентной борьбы между представительствами

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-41009.

разных ведомств. Неустрашимым противоречием, однако, являлось то обстоятельство, что строительство всех русских сооружений для религиозных целей было возложено на светский по характеру Палестинский комитет, а осуществление государственной и церковной политики доверено дельцам РОПиТ. Митрополит Филарет (Дроздов) справедливо задавался вопросом: «Что делает или хочет делать Пароходное Общество? Не видно. Оно хочет строить церковь, помещения и больницу для поклонников. Но это не больше ли принадлежит Духовной Миссии, нежели Обществу пароходства и торговли? А между тем деньги, собираемые на богоугодные заведения в Иерусалиме, Общество пароходства и торговли имеет в своих руках и заботится, как бы и впредь в большом количестве получать их в свои руки»⁶. Главным распорядителем палестинских дел стал Б.П. Мансуров — человек незаурядного дарования с авантюрными наклонностями, но лишенный религиозных чувств. Это же можно сказать и о его сотрудниках.

В глазах деятелей «Иерусалимского проекта» Русской Духовной Миссии отводилась второстепенная и несамостоятельная роль. Все попытки главы миссии распространить свое влияние за пределы вопросов богослужения воспринимались враждебно, и отпор таким попыткам эффективно организовывался посредством связей с высшей бюрократией в Петербурге. Находившийся в подчинении Министерства иностранных дел иерусалимский консул существенную часть жалованья получал от РОПиТ. Публикация писем Б.П. Мансурова и В.И. Дорогобужина позволяет проследить, как менялись их отношения к епископу Кириллу (Наумову). Первые восторженные впечатления от знакомства с епископом Кириллом («сразу в него влюбился и чрезвычайно доволен приемом») встречаются в письме к князю Д.А. Оболенскому 19 сентября / 1 октября 1858 г.⁷ В письме тому же адресату неделю спустя Б.П. Мансуров пишет: «Я сужу Преосвященного Кирилла совершенно хладнокровно, потому что не имею к нему никаких претензий и совершенно доволен его внешним поведением в отношении ко мне и пока в отношении к делу построек и обзаведения. Я сознаю, что, несмотря на недостатки, коими всякий человек богат по немощи, выбор Преосвященного Кирилла был удачен потому, что вряд ли найдется в России подобный ему архиерей»⁸.

Негативная оценка Преосвященного Кирилла появляется под пером Мансурова в письме Д.А. Оболенскому от 15 ноября / 27 ноября 1858 г.: «Он, решительно, чиновник и больше ничего; говорит красно, но мелкодушен, страшно неопытен, увлекается всем, что льстит ему на словах и легковерен до невероятия при совершенном отсутствии характера»⁹. Причиной перемены послужили неумелые, на взгляд Б.П. Мансурова, действия Кирилла в деле приобретения земли для русских построек в Иерусалиме. В письме А.В. Головнину от 13 / 25 октября 1859 г. Б.П. Мансуров выражается вполне однозначно: «с таким епископом никакое дело не пойдет нигде и не может идти, потому что он везде видит и ценит только себя и себя»¹⁰.

В своей записке от октября 1859 г., в которой описывается начальный период «Иерусалимского проекта» Б.П. Мансуров инкриминирует главе Духовной Миссии целый набор системных ошибок:

- в полном незнании реалий Иерусалима и в неумении вести дела;
- в расходовании лишних денежных сумм;
- в предвзятом и враждебном отношении к Б.П. Мансурову и консулу В.И. Дорогобужину;
- в стремлении буквально придерживаться инструкций¹¹.

В период 1858–1859 гг. практически все заведывание русскими постройками, включая госпиталь для паломников, перешло в руки консульства. Само же Иерусалимское консульство, по форме являясь официальным представительством МИДа, на деле действовало как агентство Российского общества пароходства и торговли¹². Стараниями Б.П. Мансурова и его сторонников епископ Кирилл потерял значительную часть своего влияния и досаждал консулу лишь бесконечными жалобами. Но Б.П. Мансуров добивался его полного удаления из Иерусалима: «для спасения чести русской иерархии и русского правительства пускай возьмут отсюда скорее Кирилла, который вместе недостойный пастырь и дурной человек без сердца и без разума»¹³. Любопытно, что в ситуации с отозванием с должности главы Русской Духовной Миссии епископа Кирилл (Наумова) официальная позиция Министерства иностранных дел была отрицательной: «Министерство иностранных дел полагает, что отозвание из Иерусалима епископа Кирилла и замещение его архимандритом представит много неудобств, особенно в настоящих обстоятельствах, что подобное распоряжение будет иметь вид резкого, слишком крутого оборота дела и затруднит сношения Духовной Миссии с восточными православными иерархами»¹⁴. Таким образом, стороной вступившей в конфликт с главой Русской Духовной Миссией было не представительство МИДа, а личность Б.П. Мансурова и стоявшего за его спиной Палестинского комитета во главе с Великим Князем Константином Николаевичем¹⁵.

Во-вторых, и это как увидим далее, весьма характерная частности, выясняется, что дополнительный импульс конфликту действительно придал человеческий фактор в виде некоей прекрасной дамы. Из письма епископа Кирилла (Наумова) посланнику в Константинополе князю А.Б. Лобанову-Ростовскому от 30 августа 1859 г. следует, что поводом к началу конфликта послужил факт неблаговидного поведения сотрудников консульства: «Личное озлобление за мой благонамеренный и кроткий совет (о том, чтобы сестра секретаря не жила в доме консула, что составляет вопиющий соблазн для всего Иерусалима и окрестностей) выразилось, по крайней мере, со стороны г. Кривошеина, в действиях именно против моего лица чуть не с первых дней поселения консульства в Иерусалиме»¹⁶. В дальнейшем епископ Кирилл (Наумов), по крайней мере, периодически продолжал следить за нравственностью, как сотрудников консульства, так и соотечественников

прибывающих в Святую Землю с какой-либо миссией, так было, например, в деле с некоей г-жой Брюн де Сен-Ипполит (урожденной Коневои)¹⁷. Что же касается тактики представителей светской власти, то противники главы Духовной Миссии избрали обвинения в злоупотреблениях епископа денежными средствами¹⁸. В письме епископа Кирилла посланнику в Константинополе князю А.Б. Лобанову-Ростовскому от 13 января 1859 г. все обвинения против него рассматриваются как измышления клеветников¹⁹.

Наконец, третьей немаловажной причиной отставки епископа Кирилла (Наумова) с поста главы Русской Духовной Миссии в Иерусалиме следует считать особенности его личности, проявившиеся в пресловутой «неумеренности». Б.П. Мансуров в письме к председателю Палестинской комиссии князю Д.А. Оболенскому ссылался на «словоохотливость и неумеренность Кирилла в речах»²⁰. В донесении от 19 мая 1863 г. иерусалимского консула А.Н. Карцова в Азиатский департамент епископ Кирилл также обвиняется в неумеренности²¹. Обвинения эти весьма конкретны: «Кроме срама и всего вреда для службы от многих его пороков, неумеренность его есть личный и злейший его враг: уже неоднократно требовалась Кириллу помощь медика от припадков белой горячки; но в половине января нынешнего года один из таких припадков был так силен, что пользовавший его доктор Греческой Патриархии и Русского госпиталя, Мазараки, сознался мне, что он тогда уже не надеялся его спасти»²². Пороки главы Русской Духовной Миссии оказывали прямое влияние на положение России в Святой Земле. По словам А.Н. Карцова: «Греческое духовенство дорожит таким начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Поведением своим он лишил себя всякого права на самостоятельность; сам вполне это сознавая, он рад и тому, что греки дозволяют ему невозмутимо предаваться всем слабостям и страстям; за то он служит в руках их бессловесным и покорным орудием для всего, чего они только могут добиться чрез знакомства и связи его в России и Константинополе»²³.

Донесение консула А.Н. Карцова подвело черту под деятельностью епископа Кирилла (Наумова) на посту главы Русской Духовной Миссии. Спустя месяц на основании Высочайшего распоряжения²⁴ появился Указ Св. Синода об увольнении епископа Кирилла от должности и отправлении его в Казанскую епархию для управления Спасо-Преображенским монастырем. Решение Св. Синода было принято по докладу обер-прокурора «касательно образа жизни начальника Иерусалимской Духовной миссии». Попытки епископа Кирилла оправдаться в письме на имя обер-прокурора Св. Синода А.П. Ахматова остались безрезультатными²⁵.

Епископа Кирилла (Наумова) принято считать жертвой клеветнических измышлений со стороны консула А.Н. Карцова²⁶. Существуют, однако, свидетельства и другого лица, безупречная нравственность которого дает им совсем другую цену. Бывший сотрудником миссии при епископе Кирилле иеромонах Леонид (Кавелин) в письме к тому же князю Д.А. Оболенскому

от 4 июля 1861 г. писал, ссылаясь на иеромонаха Ювеналия (Половцева) о постоянных застольях, которые практиковал епископ Кирилл²⁷. В другом письме от июля 1864 г., адресованного А.С. Норову, архимандрит Леонид (Кавелин) позволил себе довольно пространно выразиться о порочных пристрастиях своего бывшего начальника. Воспитанному в строго аскетическом духе Оптиной пустыни архимандриту Леониду образ жизни бывшего начальника казался отвратительным: «его день начинался с 9 часов вечера и покров ночи скрывал отчасти те оргии, которым предавался сей «поэтический архиерей», как величали его ультрамонтаны»²⁸.

Другое обвинение архимандрита Леонида в адрес епископа Кирилла (Наумова) носит более объективный характер и основывается на результатах приема дел в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. В выше цитированном письме А.С. Норову Леонид (Кавелин) заявляет в адрес бывшего главы миссии: «Напоминает мне об нем многое: напоминает бедность расхищенной им ризницы иерус[алимской] нашей церкви, тогда как она могла переполниться бы щедрыми даяниями Государыни Императрицы, а он не постыдился сбыть все лучшее, оставив одну ветошь времен о. арх[имандрита] Порфирия; мебель и все обзаведение Миссии было, как мне известно, приобретено на суммы Государыни Императрицы; он перед отъездом все это на нескольких верблюдах отправил в Яффу жене своего прислужника араба Нигела, которая щеголяет в платьях из церковных материй, присланных для ризницы...»²⁹. Общая оценка личности епископа Кирилла дана архимандритом Леонидом в несвойственных ему сильных выражениях: «Много, много непоправимого зла наделал здесь этот бессовестный человек, решившийся действовать так, чтобы тот, кому пришлось видеть или слышать о его деяниях, — в ужасе произносил: «нет, не может быть, чтобы архиерей решился так действовать!» Дай Бог, чтобы так и было, и я уверен, что другого подобного образца нет в православной иерархии, но горе ей, если она будет терпеть в среде своей такие личности!»³⁰.

Следует заметить, что удаление епископа Кирилла было с неудовольствием воспринято представителями Иерусалимского Патриархата³¹ и православными арабами³². Таким образом, следует признать, что конфликт между главой Русской Духовной Миссией епископом Кириллом, с одной стороны, и консульством и стоящими за ним Палестинским комитетом и РОПиТ был вызван не отсутствием четкого разграничения между сферами интересов конкурирующих ведомств, но глубоким противоречием между интересами частной капиталистической кампании и весьма неотчетливо понимаемыми интересами России в Святой Земле³³. При этом конфликт был спровоцирован и отягощен проявлениями личностных качеств главных действующих лиц: епископа Кирилла (Наумова), Б.П. Мансурова, консулов В.И. Доргобужина, А.Н. Карцова и других.

Неудача постигла и третью Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме. А.Г. Грушевой признает, что в конфликте между архимандритом Леонидом

(Кавелиным) и Иерусалимским консулом А. Карцовым «Ситуация ..., оказалась более сложной»³⁴. Причины конфликта, по его мнению, были заложены противоречиями в инструкциях. В начале своей работы в Иерусалиме архимандрит Леонид получил две инструкции, касающиеся его полномочий во главе РДМ: 27 февраля 1864 г. — от князя А.М. Горчакова³⁵, а 23 марта 1864 г. от Св. Синода³⁶. Инструкция главы МИДа предписывала главе миссии помимо заботы о духовных нуждах паломниках «оказывать благосклонное содействие к устранению и прекращению тех враждебных отношений, которые, к сожалению, часто возникают между греками, армянами, арабами, сирийцами и прочими. При этом Вам необходимо неуклонно стараться, чтобы Ваши действия не возбуждали подозрения и ревности высшего греческого духовенства и не имели бы вида какого-либо вмешательства в их права»³⁷. Указ Св. Синода содержал призыв руководствоваться инструкцией МИДа и содержал рекомендации поддерживать «единодушие и согласие» как с греческим православным духовенством, так и с консульством. В нем также содержался совет воздействовать на угнетенное православное арабское население в духе просвещения. Никаких противоречий между инструкциями не замечается.

Описывая начальную стадию конфликта между главой Русской Духовной Миссией и консульством, А.Г. Грушевой констатирует, что «У архимандрита Леонида с первых месяцев пребывания в Иерусалиме не сложились деловые отношения и с русским консулом в Иерусалиме, и с членами самой Миссии, постоянно жаловавшимися консулу на неподобающее поведение архимандрита Леонида»³⁸. Далее, по мнению исследователя, в конфликт «оказался втянут глава Иерусалимской Патриархии Патриарх Кирилл». Выражения «не сложились деловые отношения», «оказался втянут» лишают нас возможности разобраться в обстоятельствах дела: какая из сторон выступила инициатором конфликта, каковы были мотивы конфликтующих сторон, на ком, в конце концов, лежит вина в грандиозной неудаче третьей Духовной Миссии в Святой Земле. Стоит также заметить, что говорить о том, что отношения между главой миссии и консулом не сложились за несколько месяцев, значит серьезно искажать факты, поскольку в этом случае предполагается, что у обеих сторон было время на выстраивание отношений и желание их наладить. Между тем, как мы увидим, именно у консула А.Н. Карцова не было ни времени, ни желания налаживать с главой Русской Духовной Миссии «деловые отношения».

Архимандрит Леонид возглавлял Русскую Духовную Миссию с мая 1864 г. и в вплоть до декабря того же года не общался с консулом, который находился в отпуске. Лишь 7 декабря консул прибыл в Иерусалим, а уже 12 декабря имел беседу с архимандритом Леонидом, которая стала началом конфликта между консульством и главой миссии. Консул прибыл в Иерусалим, уже готовый открыть враждебные действия против главы Духовной Миссии по плану Б.П. Мансурова, следовательно, нельзя говорить, что

отношения не сложились за несколько месяцев. Отношения не сложились с самого начала, поскольку в планы распорядителя дел Палестинской комиссии Б.П. Мансурова не входило функционирование Духовной Миссии в качестве авторитетного и самостоятельного учреждения.

Преемник архимандрита Леонида на посту главы миссии архимандрит Антонин (Капустин) в письме митрополиту Санкт-Петербургскому Исидору от 8 декабря 1865 г. выражался очень дипломатично: «При всем том я составил себе и высказал ясно в донесении убеждение, что отец архимандрит Леонид не был пригоден для здешнего места, что господин Карцов также не может быть надолго оставлен здесь и что Патриархии полезно дать урок»³⁹. По мнению митрополита Никодима (Ротова), не следует представлять архимандрита Леонида героем, поскольку Патриарх не стал бы напрасно нападать на начальника Русской Духовной Миссии⁴⁰.

Между тем возникновение конфликтной ситуации детально описано А.А. Дмитриевским в его исследовании и может быть исчерпывающим образом представлено на материалах его архива. Началом конфликта следует считать эпизод с составлением иеромонахом Леонидом (Кавелиным) докладной записки на имя обер-прокурора князя С.Н. Урусова от 23 сентября 1863 г. по вопросу о том, что следует сделать для духовного и материального устройства Иерусалимской миссии⁴¹. Выбор членов миссии, произведенный ее главой был крайне неудачным: именно иеромонах Иоанн (Бойко) и архидиакон Арсений стали главными агентами консула А.Н. Карцова в грязной интриге против архимандрита Леонида в Иерусалиме в декабре 1864 — феврале 1865 гг. Но конечная неудача третьей Русской Духовной Миссии в Иерусалиме была обусловлена еще в Санкт-Петербурге в беседах архимандрита Леонида с распорядителем Палестинской комиссии Б.П. Мансуровым.

Архимандрит Леонид оставил свидетельства об этих беседах в четырех документах: 1) в записке «О происшествиях, случившихся в Иерусалимской Духовной Миссии со времени возвращения консула», поданной в Св. Синод в 1865 г.; 2) в письме к митрополиту Филарету от 20 августа 1866 г.; 3) в письме В.Н. Хитрово от 9 апреля 1879 г.; 4) в письме А.С. Норову от 4 марта 1865 г. В последнем письме приводится высказывание Б.П. Мансурова во фразе, обращенной к Леониду: «Я вижу, что в Иерусалиме тогда только пойдет хорошо дело, когда на Вашем месте будет пешка»⁴². При этом было выражено и отношение Б.П. Мансурова к заботе о русских паломниках в Святой Земле: «Иерусалим, все равно, что Лондон и Париж, и потому, что бы ни делали в нем наши богомольцы, начальство духовное и гражданское может смотреть на это равнодушно»⁴³. Согласно выводу А.А. Дмитриевского уже эти предварительные встречи «предвещали немного хорошего» для деятельности архимандрита Леонида во главе миссии. Другим неблагоприятным обстоятельством следует считать личность Иерусалимского консула А.Н. Карцова. Опасениями по поводу его будущих

происков архимандрит Леонид счел необходимым поделиться с послом в Константинополе графом Н.П. Игнатьевым⁴⁴. Третьим неблагоприятным для архимандрита Леонида обстоятельством следует считать отношение к его назначению Иерусалимского Патриарха Кирилла II⁴⁵. Любая из указанных предпосылок могла поставить под сомнение успех третьей Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, но сочетание всех трех причин привело к стремительному краху миссии.

В письме А.С. Норову, которое на основании косвенных признаков следует датировать концом июля 1864 г., отец Леонид пишет: «А теперь наши странноприимные заведения представляют дом без хозяина, т.е. виноват хозяин и тут, как во многих других управлениях: не лицо, а бумаги и книги; на бумаге все отлично исправно, чисто, удивительно, превосходит всякое описание, а на деле, на деле? да нет, что проку говорить о деле, когда не знаешь, затеяно ли это дело для дела или так себе по вдохновению»⁴⁶.

Уже первые действия архимандрита Леонида на посту главы миссии, вызванные заботой о духовно-нравственном облике паломников, породили несколько конфликтных ситуаций. «По свойству своего решительного и настойчивого характера и по своим ригористическим монашеским воззрениям, архимандрит Леонид пожелал подтянуть всех насельников русских богоугодных заведений, подчиненных ему членов Миссии и случайно проживающих здесь с целью урегулировать внутренний нравственный быт их соответственно святости данного места и добровольно принятого на себя подвига паломничества»⁴⁷. Недовольство новым главой миссии сгруппировалось вокруг ставленников Б.П. Мансурова: архитекторов В.А. Дорогулина, М.Ф. Грановского, литератора В.К. Каминского, врача госпиталя Мазараки, его супруги и др. Эта группа с легкостью завербовала себе сторонников из членов миссии иеромонаха Иоанна (Бойко), иеродиакона Арсения, и певчих⁴⁸. Так к общим неблагоприятным для архимандрита Леонида обстоятельствам добавилось еще одно: очень неудачный выбор сотрудников, нравственные качества которых позволили им предать своего начальника при первом удобном случае. По выражению А.А. Дмитриевского «Одни в эту коалицию вошли из личной мести, другие — из ложного оскорбленного самолюбия, а третьи — просто по ложно понимаемому духу товарищества»⁴⁹.

7 декабря 1864 г. в Иерусалим возвратился из отпуска консул А.Н. Карцов, а уже 12 декабря состоялась его беседа с архимандритом Леонидом. Уже в начале беседы консул с вызовом заявил главе миссии, что на него «Все жалуются», а затем потребовал, чтобы архимандриту Леониду «не было никакого дела, до того, что будет делаться в консульском доме»⁵⁰. Выслушав полный достоинства ответ архимандрита Леонида, А.Н. Карцов в запальчивости высказал план, явно внушенный ему в Петербурге Б.П. Мансуровым о том, что вскоре никакого начальника миссии не будет, но лишь два иеромонаха, один из которых за старшего.

Как писал сам Леонид в письме А.С. Норову «Упоенный успехом своим в свержении моего предместника, он, возвратясь в Иерусалим со своею любовницею, хотел без церемоний поместить ее в своем Консульском доме (находящемся внутри наших т.н. богоугодных заведений); когда же я, по своему Пастырскому долгу, наедине представил ему всю неуместность такого поступка, он, мстя за себя и своих пособников (из которых двое, проживая в доме Миссии, недалеко от церкви, два месяца ежедневно сквернили дом сей блудодеянием), воздвиг на меня гонение столь дерзкое, что трудно себе представить»⁵¹. Вообще поведение консула А.Н. Карцова, как и всех делателей «Иерусалимского проекта» во главе с Б.П. Мансуровым, заставляет поставить вопрос о религиозности русской элиты середины XIX в.⁵² Для правильного понимания ситуации необходимо принимать во внимание и нравственный облик главных участников конфликта⁵³. А.А. Дмитриевский писал: «Иерусалимский консул Карцов, любивший широко и даже «бурно» пожить не только на парижских бульварах, но даже в самом Иерусалиме, имея точные инструкции из Петербурга и упоенный легкостью своей первой победы в борьбе с епископом Мелитопольским Кириллом при его удалении из Иерусалима, тотчас по возвращении из отпуска, осведомившись от своих единомышленников о положении дел на русских постройках, вступил с новым начальником миссии в крайне неприятные и резкие переговоры и сразу стал к нему в крайне натянутые отношения»⁵⁴.

Дальнейший ход интриги против архимандрита Леонида хорошо известен⁵⁵. Подстрекаемые консулом А.Н. Карцовым члены миссии уже 29 декабря 1864 г. подали ему жалобу на своего начальника⁵⁶. За этой жалобой последовали другие, и на их основании консул А.Н. Карцов 10 января написал письмо в Азиатский департамент МИДа, в котором обвинял главу миссии в злоупотреблениях и расстройстве дел. Он также сумел внушить свой взгляд на личность архимандрита Леонида и послу в Константинополе графу Н.П. Игнатьеву. Забегая вперед, следует подчеркнуть, что все попытки Леонида открыть Н.П. Игнатьеву глаза на личность и действия консула остались безрезультатными. Посол в Константинополе в письме товарищу министра иностранных дел Н.А. Муханову от 18 мая 1865 г. предпочел пересказать все обвинения в адрес Леонида, особенно подчеркнув его «необузданную ненависть к грекам»⁵⁷. Последнему обвинению посол Н.П. Игнатьев, стремясь удалить Леонида с поста главы миссии, придал политический характер⁵⁸. Именно с этого момента, на наш взгляд, и можно говорить об участии в «Иерусалимском деле» конкуренции ведомств в лице МИДа и Св. Синода. В письме митрополиту Филарету от 20 августа 1866 г. Леонид передал характерное циничное высказывание А.Н. Карцова: «Я справился с архиереем, а с Вами мне справиться нетрудно», «не забывайте, что я служу в таком ведомстве, где принято за правило защищать своих во что бы то ни стало»⁵⁹. На это архимандрит Леонид возразил, что счастлив от того, что

служит в ведомстве, где такое правило не существует». Митрополит Филарет составил свою записку о не устройствах в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, отвечая именно на письмо графа Н.П. Игнатьева.

Поведение членов миссии, подстрекаемых консулом, перешло все границы и стало по-настоящему криминальным. Из квартиры Леонида были выкрадены конфиденциальные письма, некоторые из которых содержали нелицеприятную оценку отношения греческого духовенства к русским паломникам⁶⁰. Копии этих писем через посредство консула были доставлены Иерусалимскому Патриарху Кириллу II. В письме графу Н.П. Игнатьеву от 18 марта 1865 г. Леонид писал: «Патриарх, с самого своего приезда возмущенный против меня г. Мазараки (в особенности) и некоторыми из своих, прочтя мои секретные донесения о ходе дела его Патриархии, об отношении греков к нам и в особенности об отношениях греческого духовенства к нашим поклонникам и поклонницам, пришел в страшное негодование и, как говорят, дал слово всеми мерами содействовать отозванию меня отсюда»⁶¹. Таким образом, греческий Патриарх был вовлечен в конфликт консула и главы миссии действиями консула А.Н. Карцова и его сотрудников, из которых активную роль играл доктор госпиталя Х. Мазараки. И.А. Воробьева полагала, что в основе конфликта Иерусалимского Патриарха Кирилла с русскими представителями лежали чисто материальные интересы. Кирилл мог опасаться, что вместе с появлением консульств сократятся его доходы — деньги, поступающие к нему из России для поддержки Православия⁶².

Патриарх Кирилл II запретил главе Русской Духовной Миссии участвовать в богослужениях на Святой неделе. Причем этот запрет был передан через секретаря консульства в устной форме⁶³. В получении письменного документа, в котором содержался бы такой запрет, архимандриту Леониду было отказано. Враждебность Иерусалимского Патриарха к Русской Духовной Миссии объясняется, в первую очередь, опасениями греков по поводу того, что глава попытается начать борьбу со злоупотреблениями греческого духовенства в отношении русских паломников⁶⁴. Эти опасения были успешно использованы консулом А.Н. Карцовым, который сумел внушить Патриарху идею о необходимости уничтожить значение миссии. В письме А.С. Норову архимандрит Леонид пересказывает сообщенные ему рассуждения Патриарха Кирилла II: «мне не нужно никакой Русской Миссии, я знать не хочу о ее существовании. Русские приходят на богомолье к св[ятым] местам, которые принадлежат нам, след[овательно] мы и суть их законные пастыри, разве нас недостаточно для духовной их пользы. На что нужны архиереи и архимандриты, у нас есть своих довольно, достаточно им содержать здесь какого-нибудь иеромонаха для совершения треб...»⁶⁵. Обвинения Леонида в том, что он враждебно настроен по отношению к греческому духовенству и публично демонстрирует это, являлись клеветническими измышлениями консула Карцова и посла Н.П. Игнатьева. Если бы в их распоряжении

были факты подобного поведения главы миссии, то не потребовалось бы вскрывать квартиру Леонида и выкрадывать его конфиденциальные письма. Инструкция Св. Синода содержала рекомендацию главе миссии заботиться о православном арабском населении, но категорически запрещала портить отношения с греческим духовенством⁶⁶.

Между тем слухи о грекофобии архимандрита Леонида распространились в Петербурге еще до начала конфликта с консулом. В письме к А.С. Норову, написанном в декабре 1864 г. глава миссии уже был вынужден оправдываться от этих обвинений: «Так точно я не превращаю в добродетели и порочных наклонностей наших братьев по вере греков, наклонностей для всех видимых, порождающих в настоящем и грозящих породить в недалеком будущем (через предпочтение личных интересов общим церковным) много новых скорбей Матери нашей Вселенской Православной Церкви». В этом письме Леонид точно указывает источник этой волны слухов, а именно его переговоры с греческим духовенством о положении русских паломников: «Из последовавших по сему поводу келейных объяснений с пр[еосвященны]м Мелетием оказалось ясно, что единственное средство приобрести Его и их благоволение для меня состоит в том, чтобы оставить «дело поклонничества» идти колесей проторенной им при моем предместнике и, повторяю, притворившись слепым и глухонемым, ограничиться в отношении своей пастырской обязанности одною внешнею стороною ее, то есть исправлением церковных богослужений и треб»⁶⁷. В дальнейшем никаких попыток изменить существующий порядок архимандрит Леонид уже не предпринимал, по сути, находясь под домашним арестом в помещении миссии.

Неожиданно для противников главы миссии 20 февраля 1865 г. последовал Указ Св. Синода, которым иеромонах Иоанн и иеродиакон Арсений за возмущение против своего начальника уволялись из состава миссии и им было предписано возвратиться в Россию. Этот указ стал известен в Иерусалиме 29 марта, но благодаря интригам консула А.Н. Карцова смутьяны оставались в Иерусалиме вплоть до мая 1865 г. Показательно, что Св. Синод, не зная всех обстоятельств дела, но имея лишь жалобы на главу миссии решился оспаривать многое из того, что в МИДе было принято за совершенную истину. В отношении обер-прокурора А.П. Ахматова к товарищу министра иностранных дел Н.А. Муханову обращалось внимание, что «консульству не только не следовало принимать жалобы на архимандрита Леонида от лиц, непосредственно ему подчиненных, и подавать им совет изложить ему их претензии письменно, но следовало немедленным внушением и наблюдением принять меры к обращению возбужденных и возмутившихся на путь законного подчинения»⁶⁸. Не удовольствовавшись этим отношением, обер-прокурор на следующий день направил Н.А. Муханову письмо, в котором прямо обвинял иерусалимского консула в «домогательстве для поддержания беспорядков в среде духовного состава миссии»⁶⁹.

Патриарх Кирилл II еще 11 марта 1865 г. направил письмо послу Н.П. Игнатьеву, в которой выражал надежду, что беспорядки в Русской Духовной Миссии будут устранены совместными усилиями МИДа и Св. Синода⁷⁰. Разочарованный неудачей попытки быстро устранить главу миссии из Иерусалима суровое письмо к Леониду написал посол Н.П. Игнатьев. «Ужели не для водворения мира, тишины, согласия и любви заехали Вы во Святой Град, а для явной ссоры?», грозно восклицал он, во всем доверяя клеветам А.Н. Карцова⁷¹. Архимандрит Леонид с достоинством отвечал на это письмо, указывая, что успех миссии может опираться только на единодушие между консульством и Духовной Миссией⁷².

Неблагоприятное развитие ситуации побудило консула Карцова прибегнуть к авторитету Иерусалимского Патриарха. 13 апреля 1865 г. Патриарх Кирилл II направил грамоту канцлеру князю А.М. Горчакову и одновременно грамоту в Св. Синод с требованием отставки архимандрита Леонида. Уже сам факт обращения к канцлеру с требованием уволить духовное лицо, подчиненное Св. Синоду, следует расценить как шаг, сделанный под решающим влиянием консула. Послание канцлеру начиналось строками, напоминающими обвинительный приговор: «Архимандрит Леонид, заступивший за год перед сим место настоятеля здешней Церковной Российской Миссии преосвященного епископа Мелитопольского г. Кирилла, стал своим беспорядочным и неправильным поведением и обращением не только соблазном между благоговейными русскими поклонниками и между самими членами означенной Церковной Миссии, но, что всего прискорбнее, причиною несправедливого упрека русскому имени со стороны с ненавистью следящих за нами и окружающих нас различных иноверческих народов и общин»⁷³.

Грамота Св. Синоду была переполнена обвинениями в адрес Леонида, но содержала также рекомендацию в пользу уволенных из миссии иеромонаха Иоанна и иеродиакона Арсения, которые «страдают от несправедливой к ним жестокости»⁷⁴. Не приходится сомневаться, что консул А.Н. Карцов приложил руку к сочинению обоих документов. Только он мог убедить Иерусалимского Патриарха, благосостояние которого в большой степени зависело от российских паломников, обратиться в высшие инстанции империи с вызывающими посланиями. Сам Леонид был уверен, что обращение Патриарха было санкционировано высшими чиновниками МИДа. В письме А.С. Норову от 2 ноября 1865 г. он писал: «Неужели Вы полагаете, что Патриарх решился бы так действовать, если бы не имел твердых уверений в нашем церковно-политическом незлобии и смирении? А уверения эти были точно тверды, ибо их дал ему русский импер[аторский] консул от лица своего петерб[ургского] покровителя — П.Н. Стремоухова»⁷⁵.

Успех интриги А.Н. Карцова и полностью поддерживавшего его посла Н.П. Игнатьева был бы полным, если бы не Московский митрополит Филарет. Митрополит Филарет дал надлежащую оценку посланиям Иеруса-

лимского Патриарха, определив попытку апеллировать к светской власти как «нецерковное дело». Составленный Филаретом проект ответа на «неприятное послание Патриарха» опирался на твердо установленные факты и был преисполнен достоинства. В ответе говорилось: «Святейший Синод не сомневается, что Ваше Блаженство, если бы имели в виду сии сведения, на несомненных документах основанные, то, с свойственным вам великодушием и предусмотрительностью, удержались бы от решительного осуждения архимандрита Леонида до приведения дела в законную ясность»⁷⁶. Ответ Иерусалимскому Патриарху был отправлен от имени первенствующего члена митрополита Новгородского Исидора. В Константинополе это послание по телеграмме от начальника Азиатского департамента Н.П. Стремоухова было перехвачено послом Н.П. Игнатьевым⁷⁷.

Попытки защитить честное имя главы русской миссии и образумить Иерусалимского Патриарха предприняли крупнейшие авторитеты по Святой Земле А.С. Норов и А.Н. Муравьев. А.С. Норов адресовал Патриарху Кириллу II письмо (не позднее ноября 1865 г.), в котором указывал на недопустимость третирования начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. «Я знаю, что Св. Росс. Синод глубоко оскорблен неуважением, оказанным Иерусалимской Патриархией к Начальнику своей Духовной Миссии который не есть лицо частное»⁷⁸. В конце письма он даже решился пригрозить Патриарху тем, что Россия перестанет оказывать финансовую помощь грекам. «Ко всему мною сказанному не могу не прибавить что если такое печальное дело не получит миролюбивый исход, то я крайне опасуюсь чтоб те приношения, которые делаются из нашей Христолюбивой России Святому Иерусалиму не понесли значительный ущерб». Что характерно вмешательство русских писателей-паломников не понравилось послу Н.П. Игнатьеву и вызвало сильное раздражение Патриарха Кирилла II⁷⁹.

Рассмотрению «Иерусалимского дела» митрополит Филарет посвятил две записки: в записке от 22 апреля 1865 г. он подробно по пунктам разобрал доносы членов миссии, а в записке от 27 апреля 1865 г. рассмотрел действия консула Карцова и Иерусалимского Патриарха. Проницательному московскому митрополиту стала ясна роль консула А.Н. Карцова, как истинного организатора и вдохновителя гнусной интриги. Согласно выводу митрополита Филарета: «Если бы г. консул не принял в действие доноса, непокорность членов Миссии была бы остановлена на первом шагу, и порядок мог быть поддержан. Но когда он не только принял донос в действие, но еще, как видно из письма к нему Арсения, любопытствовал узнать все события и неоднократно напоминанием побуждал к продолжению доносов, и таким образом оказал расположение поддерживать доносителей, то это повело к тому, что непокорные исторгли у начальника Миссии власть и своевольно приняли ее на себя»⁸⁰. По мнению Филарета Св. Синоду нельзя было оставлять без внимания действия консула, наносившие огромный ущерб репутации России в Святой Земле.

Посол Н.П. Игнатъев, деятельно поддерживавший интригу против архимандрита Леонида, из-за позиции Св. Синода оказался в сложном положении. Стремясь любым путем удалить Леонида из Иерусалима, он предложил комбинацию с перемещением настоятеля посольского храма в Константинополе Антонина (Капустина) в Иерусалим, а Леонида — в Константинополь. Это решение устроило и МИД, и Св. Синод: уже 16 июня 1865 г. Антонину был послан указ о принятии дел Русской Духовной Миссии в Иерусалиме⁸¹. В силу ряда причин архимандрит Антонин прибыл в Иерусалим только 11 сентября и приступил к приему дел, которое закончилось к 21 сентября с выездом архимандрита Леонида из Иерусалима. Антонин проявил себя как прирожденный дипломат, проведя расследование о беспорядках, он отправил в Синод свой отчет, в котором постарался никого не обидеть⁸². Можно сказать, что отчет архимандрита Антонина, сгладив все острые углы былых конфликтов, представил их следствием отсутствия «решительной черты, определяющей круг действий консульства и миссии»⁸³. Без большого риска ошибиться, следует сказать, что этот вывод Антонина лег в основу последующей историографии «Иерусалимского проекта». Что же касается конфликта с Иерусалимским Патриархом, то он, по мысли Антонина, был неизбежным следствием ревности греческого духовенства к представителям Русской Церкви и желанием быть единственными хозяевами Святой Земли⁸⁴.

Отчет архимандрита Антонина получил критическую оценку митрополита Филарета. Московский митрополит заметил, что на основании отчета главное остается неясным: «неприятное дело не выходит из запутанности, и о бедном архимандрите Леониде, на которого одного обрушивают всю тяжесть сего дела, мимо виновных более его, и, наконец, о самом архимандрите Антонине, служащем с признаками достоинства и с надеждою более значительного и более полезного служения, но в настоящем деле, представившем опыт, не соответствующий его достоинству»⁸⁵.

Характерно, что представители Министерства иностранных дел воспринимали конфликтную ситуацию между Иерусалимским Патриархатом и Св. Синодом как досадную случайность, на которую не стоит обращать внимания. Посол Н.П. Игнатъев обещал уладить дело с Патриархом Кириллом II при личной беседе в Константинополе и удивлялся настойчивости Св. Синода, который желал получить официальное послание Патриарха, позволяющее урегулировать конфликт⁸⁶. Легкомысленно создавший конфликтную ситуацию между Иерусалимским Патриархатом и Русской Церковью консул Карцев окончательно перетрусил. Посол Н.П. Игнатъев в конце своего письма обращается к архимандриту Антонину с просьбой: «Не оставьте советом и наставлением Вашим Карцова, чтобы из лишнего усердия не наделал нам новых хлопот. Теперь Андрей Николаевич сожалеет, что не предупредил ссоры, принявшей размеры неожиданные в Иерусалиме»⁸⁷. Вероятно, именно А.Н. Карцову пришлось сочинять ответ от имени Патриарха

Кирилла II Св. Синоду: во всяком случае, содержание и тон этого документа далеки от примирительного, в тексте повторяются голословные обвинения в адрес архимандрита Леонида и язвительные нападки на него⁸⁸.

В Св. Синоде констатировали, что появление раздражительного письма Иерусалимского Патриарха стало следствием намеренного устранения от дела посла Н.П. Игнатъева, консула Карцова и архимандрита Антонина⁸⁹. По настоянию митрополита Филарета Патриарху было составлено послание от первенствующего члена Св. Синода митрополита Новгородского Исидора. Яростным противником позиции Св. Синода выступил директор Азиатского департамента Н.П. Стремоухов, который поддерживая позицию посла Н.П. Игнатъева и консула А.Н. Карцова, всю вину за конфликт с патриархией возлагал на архимандрита Леонида. В свою очередь, товарищ обер-прокурора Ю.В. Толстой представил императору целую тетрадь в оправдание архимандрита Леонида, содержащую и заметки митрополита Филарета. Однако, канцлер князь А.М. Горчаков сумел в ходе полуторачасовой беседы с Александром II, по выражению Антонина (Капустина), «отделать синодскую бумагу»⁹⁰. Обер-прокурор Д.А. Толстой соглашался на закрытие Духовной Миссии в Иерусалиме, поскольку «Церковь бессильна перед авторитетом Министерства иностранных дел». Ситуацию вновь спас митрополит Филарет. В письме на имя обер-прокурора Д.А. Толстого он указал, что все трудности устранятся в случае назначения нового консула, а закрытие миссии нанесет непоправимый урон престижу России⁹¹.

Получив достойный отпор, МИД должен был пойти на удаление из Иерусалима консула А.Н. Карцова. Но добиться примирительного послания от Иерусалимского Патриарха долгое время не удавалось. Конфликт получил благоприятное разрешение лишь в июле 1868 г., когда архимандрит Антонин передал Патриарху Кириллу II вексель на сумму 22 457 рублей от церковного кружечного сбора в храмах империи на Святую Землю. Получив деньги Иерусалимский Патриарх счел для себя возможным написать на имя митрополита Новгородского Исидора примирительное послание⁹². Урегулирование конфликта позволило осуществить давно назревшие кадровые решения: указами Св. Синода архимандрит Антонин был утвержден в должности настоятеля миссии в Иерусалиме, а архимандрит Леонид назначен настоятелем Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря⁹³.

В истории третьей Русской Духовной Миссии в Иерусалиме более всего поражает позиция представителей Министерства иностранных дел: неизменно благожелательная по отношению к греческому духовенству, она равнодушна и даже враждебна по отношению к духовенству русскому, что особенно показательно в деле архимандрита Леонида. Встретив моральное осуждение своего поведения от главы Русской Духовной Миссии, А.Н. Карцов организует против него мятеж внутри самой миссии, а когда это не дает желаемых результатов, прибегает к вмешательству Иерусалимского Патриарха,

которого втягивает в конфликт, обещая полную поддержку своего ведомства. Столкнувшись с позицией Св. Синода выступившего в защиту доброго имени главы Духовной Миссии, посол Н.П. Игнатъев и начальник Азиатского департамента Н.П. Стремоухов действуют исключительно в интересах греческого духовенства и поддерживают все голословные обвинения в адрес архимандрита Леонида. Перед этим сплоченным фронтом предпочитает капитулировать обер-прокурор Св. Синода граф Д.А. Толстой и только энергичные протесты митрополита Филарета спасают само существование Духовной Миссии. На наш взгляд, глубоко прав был Н.Н. Лисовой, когда рассуждал о несчастьях русского духовенства: «Мы имеем в виду — как именно самодержавная по форме правления, дворянская по классовой природе, европейская по культуре и менталитету — православная Российская Империя относится непосредственно к Церкви и к духовенству. И беда состояла в том, что относилась *плохо*: без подобающего уважения, без обеспечения должного социального и политического статуса этим самым представителям духовенства. Хуже того: без *доверия* к ним»⁹⁴. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме служит наглядным подтверждением этого вывода.

¹ Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. Сост. Н.Н. Лисовой. М.: СПб., 2009; Дмитриевский А.А. Деятели Русской Палестины. Сост. и автор предисл. Н.Н. Лисовой. М.—СПб., 2010; Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. 1. Православие в Святой Земле. Сост., подг. текста, вступит. статья Н.Н. Лисового. М.—СПб., 2011; Т. 2. Статьи о Святой Земле. Из истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Из истории русского паломничества в Святую Землю. М.—СПб., 2011; Т. 3. Из эпистолярного наследия. М.—СПб., 2012; Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006.

² Вах К.А. Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю. К 150-летию основания Русской Палестины. М., 2011; Вах К.А. «Иерусалимский проект» России: Б.П. Мансуров и русские постройки. // Великий Князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М., 2012. С. 21–36; Воронин В.Е. Роль великого князя Константина Николаевича в обеспечении деятельности Русской духовной миссии в Палестине: по архивным документам. // Великий Князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М., 2012. С. 15–20; Вах К.А. Из предыстории ИППО: кризис Палестинского Комитета, рождение Палестинской Комиссии // Православный Палестинский Сборник. Вып. 107. М., 2011. С. 115–134.

³ Подробный обзор публикаций см.: Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 1. М., 2015. С. 56–64. Коротко укажем наиболее важные для нашей темы публикации: Лисовой Н.Н. Русское духовное присутствие в Святой Земле в XIX — начале XX в. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2 т. Т. 1. М., 2000; Россия в Святой Земле. Документы и материалы. В 3-х томах. М., 2015; Вах К.А. Письма архимандрита Антонина (Капустина) к Аврааму Сергеевичу Норову: 1866–1867 гг. // Иерусалимский православ-

ный семинар. Вып. 4. М., 2013. С. 221–239; Архимандрит Антонин (Капустин). Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891. Изд. подг. Р.Б. Бутова. М., 2010; Архимандрит Антонин (Капустин). Донесения из Константинополя (1860–1865). Изд. подг. Л.А. Герд. М., 2014; Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н.П. Игнатъевым. 1865–1893. Изд. подг. Вах К.А., Анисимов О.М., 2014; Вах К.А. Как начиналась Русская Палестина: Иерусалим в письмах Б.П. Мансурова и В.И. Дорогобужинова. 1856–1860 гг. // Иерусалимский православный семинар. 2017. Вып. 7. С. 111–256; Алексеев А.И., Вах К.А. Переписка архимандрита Леонида (Кавелина) с А.С. Норовым // Православный Палестинский Сборник. Вып. 116. М., 2019. С. 261–316.

⁴ А.С. Норов писал: «В мое время путешествия по Святой Земле были сопряжены с трудностями, лишениями, и даже опасностями. Ныне, благодаря Бога, Русская духовная миссия получила прочное основание в Иерусалиме, а Русское общество пароходства и торговли открыло свободные и безбедные пути ко всем пристаням Востока» (Норов А.С. Несколько мыслей старого паломника // Морской сборник. 1858. № 4. С. 1).

⁵ Грушевой А.Г. Россия на Ближнем Востоке при Александре II и Александре III — создание Русской Палестины (1860–1882) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXXVIII. СПб., 2019. С. 265.

⁶ Отзыв митрополита Филарета об отчете начальника РДМ в Иерусалиме, епископа Кирилла (Наумова), от 10 февраля 1859 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1886. С. 378.

⁷ Вах К.А. Как начиналась Русская Палестина: Иерусалим в письмах Б.П. Мансурова и В.И. Дорогобужинова: 1856–1860 гг. // Иерусалимский православный семинар. 2017. Вып. 7. С. 146.

⁸ Вах К.А. Там же. С. 156.

⁹ Там же. С. 169.

¹⁰ Там же. С. 222.

¹¹ Там же. С. 239.

¹² Это хорошо понимал и епископ Кирилл, когда в письме посланнику в Константинополе князю А.Б. Лобанову-Ростовскому от 13 января 1859 г. писал: «но я не поступлюсь убеждением, что здесь всю роль играет Компания, спорящая с Министерством, и, не шутя, буду просить Министерство разделить Агентство <РОПиТ> с консульством (Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 155)».

¹³ Там же. С. 244.

¹⁴ Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. 127. С. 177–179.

¹⁵ Рескрипт председателя Палестинского комитета Великого Князя Константина Николаевича на имя обер-прокурора Св. Синода А.П. Ахматова. // Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. № 125. С. 174–175.

¹⁶ Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. № 109. С. 163.

¹⁷ Об этой ситуации см. также в Отношении князя А.Б. Лобанова-Ростовского к епископу Кириллу (Наумову): Там же. Д. № 123. С. 173. и в Отношении директора Азиатского департамента графа Н.П. Игнатъева к посланнику в Константинополе князю А.Б. Лобанову-Ростовскому: Там же. Д. № 124. С. 174.

¹⁸ Там же. С. 163.

- 19 Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. 101. С. 154–156.
- 20 *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 189.
- 21 Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. 133. С. 185–187.
- 22 Там же. С. 186.
- 23 Там же. С. 186.
- 24 Высочайшая резолюция на донесении А.Н. Карцова гласила: «Крайне грустно, если все это правда. Но и слухов сих было бы достаточно, чтобы не оставить его на месте» (*Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. Сост. Н.Н. Лисовой. М.; СПб., 2009. С. 215*).
- 25 Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. 135. С. 187–189. А.А. Дмитриевский пишет, что в Св. Синоде епископ Кирилл не имел никакой поддержки, а митрополит Филарет и обер-прокурор А.П. Ахматов относились к нему неблагоприятно (*Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. Сост. Н.Н. Лисовой. М.; СПб., 2009. С. 215*).
- 26 А.А. Дмитриевский, несомненно, прав, когда замечал, что «Консул иерусалимский, опираясь на свои связи, бюрократические и аристократические, пустил в ход все средства: и инсинуации, и злословие, и клевету и сплетни, чтобы дискредитировать личность начальника Духовной Миссии еп. Кирилла и сделать дальнейшее его пребывание в Иерусалиме рядом с собою невозможным» (*Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 213*). А.Н. Карцов, без сомнения, намеренно сгустил краски в своем описании пороков главы миссии, но разве епископ Кирилл не предоставил своим образом жизни повод для обвинений своим недоброжелателям?
- 27 Там же. С. 192.
- 28 *Алексеев А.И., Вах К.А.* Переписка архимандрита Леонида (Кавелина) с А.С. Норовым // Православный Палестинский Сборник. Вып. 116. М., 2019. С. 308.
- 29 Там же. С. 308.
- 30 Там же. С. 309.
- 31 См.: Донесение и.д. поверенного в делах в Константинополе Е.П. Новикова директору Азиатского департамента графу Н.П. Игнатьеву от 27 августа 1863 г. (Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. № 136. С. 189–190).
- 32 См.: Ходатайство арабских православных нобиелей Иерусалима к министру иностранных дел князю А.М. Горчакову (Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. № 137. С. 190–191).
- 33 Замечательный анализ известной «Записки» Б.П. Мансурова, составленной по итогам его поездки в Иерусалим в 1857 г. представил А.А. Дмитриевский. Согласно его выводу: «Неудивительно поэтому, что изложенные руководящие идеи этой «Записки», как они целиком были положены в основу нашей деятельности на Православном Востоке, с настойчивостью и даже редким упорством проводились так называемым Палестинским Комитетом, преобразовавшимся в 1864 г. в Палестинскую Комиссию, в жизни стирая и уничтожая все, что стояло на пути в этом движении вперед, со служением двум господам: Богу и мамоне, Церкви и спекуляции». (*Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. Сост. Н.Н. Лисовой. М.; СПб., 2009. С. 204*).
- 34 Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 272.
- 35 Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. С. 212–213.
- 36 Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. 147. С. 213–215.

- 37 Там же. С. 213.
- 38 *Грушевой А.Г.* Россия на Ближнем Востоке. С. 273.
- 39 «У монаха везде своя родина и свой дом». Письма архимандрита Антонина (Капустина) со Святой Земли. Публ. Т.А. Богдановой // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. 2012. № 1. Ч. 1. Издание РДМ. Иерусалим. С. 147.
- 40 Никодим (Ротов), митрополит. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Серпухов, 1997; То же (в сокращенном варианте): Богословские труды. Сб. 20. М., 1979. С. 15–82.
- 41 Последняя публикация: Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. № 143. С. 206–209.
- 42 *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 246; *Алексеев А.И.* Русская Палестина в документах архива А.С. Норова (1795–1869) // Православный Палестинский Сборник. Вып. 116. М., 2019. С. 200.
- 43 *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 246.
- 44 Там же. С. 247.
- 45 Благоклонный к епископу Кириллу (Наумову) Иерусалимский Патриарх был негативно настроен по отношению к Леониду, который покинул миссию вследствие размолвки с ее главой. Об этом свидетельствует архимандрит Антонин (Капустин) в донесении в Св. Синод от 18 октября 1865 г.: Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 246.
- 46 *Алексеев А.И.* Русская Палестина в документах архива А.С. Норова (1795–1869) // Православный Палестинский Сборник. Вып. 116. М., 2019. С. 199.
- 47 *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 255.
- 48 Трудно оправдать выбор сотрудников миссии, сделанный архимандритом Леонидом. Он должен был хорошо знать нравственные качества иеродиакона Арсения, с которым вместе служил в миссии при епископе Кирилле. Иеромонах Иоанна он, похоже, знал очень поверхностно и, вероятно, выбор в его пользу был сделан из-за общности дворянского происхождения. Нельзя не учитывать и возможности антагонизма между воспитанным в традициях русского иночества Леонидом и питомцами духовной академии. Знакомство с доносами этих лиц производит отвратительное впечатление (РНБ. Ф. 253 Дмитриевский А.А. № 176. Л. 94–105 об., 114–120).
- 49 Там же. С. 264.
- 50 Там же. С. 265.
- 51 РНБ. Ф. 531 Норов А.С. Ед. хр. 427. Л. 28. А.А. Дмитриевский замечал: «Н.П. Игнатьев хорошо знал веселый характер своего любимца — консула А.Н. Карцева, и снисходительно смотрел на его юношеские, не целомудренного характера, происхождения, прощая их ради его талантов на дипломатической службе» (*Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 379, прим. 121*). При этом Н.П. Игнатьев поручил преемнику Леониду Антонину (Капустину) провести беседу с А.Н. Карцовым относительно проживания в консульском доме его содержанки (Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н.П. Игнатьевым. 1865–1893. Изд. подг. Вах К.А., Анисимов О.М., 2014. С. 49).
- 52 В литературе характеристики участников «Иерусалимского проекта» разнятся, но заметна тенденция в сторону положительной оценки. См.: *Лисовой Н.Н.* Люди Русской Палестины в изображении А.А. Дмитриевского // *Дмитриевский А.А.* Деятели Русской Палестины. Сост. и автор предисл. Н.Н. Лисовой. М.—СПб., 2010. С. 11–12; *Вах К.А.* Об изучении

- первого периода создания Русской Палестины // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М., 2012. С. 7–14; Букреева Е.М. Карцовы на дипломатической службе. Материалы к биографии // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М., 2012. С. 59–88.
- 53 Архимандрит Леонид в письме обер-прокурору Св. Синода от 25 марта 1865 г. писал о консуле А.Н. Карцове: «Признаюсь откровенно, что с человеком таких убеждений я не желал бы встретиться не только в Святом Граде Иерусалиме, но и на большой дороге» (Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 293–294). В письме А.С. Норову от 2 ноября 1865 г. характеристика консула подтверждается: «А теперь, прося простить мою, может быть и не всегда разборчивую в выборе выражений, откровенность (разумею относительно «добрейшего и благороднейшего» А.И. Карцева, которого я не считаю врагом своим, но врагом нравственности христианской, человеком, как лично убедился, «без всяких правил и веры»; человеком, лучше которого выбрать для окончательного унижения нашего влияния духовного в Иерусалиме трудно найти между нашей современною молодежью)» (Алексеев А.И., Вах К.А. Переписка архимандрита Леонида (Кавелина) с А.С. Норовым. С. 293).
- 54 *Дмитриевский А.А.* Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида Кавелина, третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению православного востока. РНБ. Ф. 253 Дмитриевский А.А. Ед. хр. 176. Л. 8.
- 55 Наиболее полная подборка документов т.н. «Иерусалимского дела» хранится в составе архива А.А. Дмитриевского: «Документы, относящиеся к деятельности арх. Леонида (Кавелина) в качестве начальника русской духовной миссии в Иерусалиме и к событиям 1864–1865 гг.». РНБ. Ф. 253. Дмитриевский А.А. Ед. хр. 178.
- 56 Текст жалобы опубликован: *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 266–271.
- 57 «Обвиняют его в ненасытном явном корыстолюбии, грубости, непомерной вспыльчивости и заносчивости, беспокойном стремлении во все вмешиваться и забрать все и всех в свои руки, в обидном, недостойном монашеского звания обращении с подчиненными, с поклонниками, с членами консульства и с самим консулом. Основательный повод заставляет подозревать архимандрита в неправильной раздаче денег, пожертвованных Государынею Императрицею и доставленных в Иерусалим г. Дохтуровым». (Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. № 165. С. 235).
- 58 «Ненависть эта проявляется при всяком возможном случае в самых страстных, неприличных выражениях. На замечания касательно необходимости не оглашать без причины подобной враждебности архимандрит отзывался, по словам некоторых соотечественников наших, что он действует по воле правительства на основании данных ему инструкций правительства на основании данных ему инструкций» (Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. № 165. С. 235). Новейшая публикация писем Н.П. Игнатьева: Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н.П. Игнатьевым. 1865–1893. / Изд. подг. Вах К., Анисимов О. М., 2014. С. 307–383.
- 59 *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 296–297.
- 60 Кража была совершена сотрудником миссии иеродиаконом Арсением и приятелем консула М.Ф. Грановским. (*Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 288, 295–296).

- 61 *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 289.
- 62 *Воробьева И.А.* Русские миссии в Святой Земле в 1847–1917 гг. М., 2001. С. 67, 79–89.
- 63 Близкое участие А.Н. Карцева в деле наложения Иерусалимским Патриархом запрета на участие в богослужениях главе русской миссии вызвало опасения у посла Н.П. Игнатьева, который находил этот запрет обидным для всего русского духовенства и требовал объяснения у консула (*Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 381, прим. 147).
- 64 В письме митрополиту Филарету Леонид пишет о том, что под руководством митрополита Петры Аравийской Мелетия создана и доведена до совершенства целая сеть, служащая для коммерческой эксплуатации русских паломников, процветает торговля разрешительными молитвами, которым придается значение католических индульгенций. (*Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 380–381, прим. 139).
- 65 Письмо от 2 ноября 1865 г. *Алексеев А.И., Вах К.А.* Переписка архимандрита Леонида (Кавелина) с А.С. Норовым. С. 293.
- 66 Архимандрит Леонид был единственным главой Русской Духовной Миссии, который сделал попытку ограничить злоупотребления митрополита Мелетия. Его преемники даже не пытались этого делать. Архимандрит Антонин иронично описывает успех коммерческой деятельности митрополита Петры Аравийской: «Преосв[ященный] Мелетий старчески здравствует, неутомимо исповедует наших поклонников и поклонниц, и пастырски стрижет свое неумалющееся стадо, охотно принимая и *пола*, и *роувля* и даже *капѳіа*. Несчетные племянники его также не оставляют мертвым капиталом свое, многое или малое, разумение по-русски» (*Вах К.А.* Письма архимандрита Антонина (Капустина) к Аврааму Сергеевичу Норову: 1866–1867 гг. // Иерусалимский православный семинар. Вып. 4. М., 2013. С. 226).
- 67 Письмо от декабря 1864 г. *Алексеев А.И., Вах К.А.* Переписка архимандрита Леонида (Кавелина) с А.С. Норовым. С. 300.
- 68 Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 220.
- 69 *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 308.
- 70 Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. № 152. С. 221–222.
- 71 *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 297.
- 72 *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 297–300.
- 73 Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. № 153. С. 222–223.
- 74 Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. № 154. С. 223–224.
- 75 Письмо от 2 ноября 1865 г. *Алексеев А.И., Вах К.А.* Переписка архимандрита Леонида (Кавелина) с А.С. Норовым. С. 292.
- 76 Письмо митрополита Филарета к обер-прокурору А.П. Ахматову от 26 мая 1865 г. Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. № 159. С. 232.
- 77 *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 313. В письме Н.П. Стремухову Н.П. Игнатьев писал: «По телеграмме Вашей остановил я синодальное послание Иерусалимскому Патриарху. Почему такие перемены и недоразумения? Впрочем, я очень рад, если это письмо заменят новым, более удачным и согласным с обстоятельствами» (Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. № 164. С. 238).

- 78 Буров А.А. А.С. Норов и урегулирование конфликта с Иерусалимским Патриархатом (1865–1868 гг.) // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М., 2012. С. 98–99.
- 79 Даже год спустя в разговоре с архимандритом Антонином (Капустиным) Иерусалимский Патриарх с раздражением вспоминал про письмо А.С. Норова, в котором содержалась просьба принести извинения Св. Синоду: «При всем том, я мог заметить, что прежнее неприятное впечатление, причиненное ему Вашим к нему письмом (прошлою зимою), еще остается в нем, вместе с недоверием к теперешним словам Вашим». (Вах К.А. Письма архимандрита Антонина (Капустина) к Аврааму Сергеевичу Норову: 1866–1867 гг. // Иерусалимский православный семинар. Вып. 4. М., 2013. С. 223).
- 80 Митрополит Филарет. Продолжение о неурядицах в Духовной Миссии в Иерусалиме. // Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. № 158. С. 230.
- 81 Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 316.
- 82 Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. № 167. С. 241–253. Сам Антонин прекрасно осознавал деликатный характер своей миссии и написал в письме Н.П. Игнатьеву: «О. Леониду я брат, Андрею Николаевичу — друг, Синоду — слуга, а Патриарху — послушный сын» (Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н.П. Игнатьевым. 1865–1893. Изд. подг. Вах К.А, Анисимов О.М., 2014. С. 46).
- 83 Там же. С. 329.
- 84 В этой связи весьма характерен эпизод, произошедший с архимандритом Антонином на первом совместном богослужении в храме Гроба Господня: «При первом служении, в крестном ходу у самого Св. Гроба, при многочисленной публике, в глазах пытливых зрителей всякого языка и исповедания, меня бьет кулаком греческий архиерей?!» (Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н.П. Игнатьевым. С. 46).
- 85 Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. № 170. С. 256–261.
- 86 В доверительном письме архимандриту Антонину граф Н.П. Игнатьев писал: «Дошло до моего сведения, что на меня негодует Св. Синод и г. обер-прокурор за то, что при отъезде Вашем из Константинополя я не дал Вам формального поручения (sic!) требовать удовлетворения (как при дуэлях мирских, прости, Господи!) от Патриарха (для) Русской Церкви, оскорбленной в лице своего представителя о. Леонида» (Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 340).
- 87 Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 342.
- 88 Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 345–349.
- 89 Подробно история попыток примирения сторон изложена в письмах Антонина: Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н.П. Игнатьевым. С. 45–118.
- 90 Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н.П. Игнатьевым. 1865–1893. С. 15.
- 91 Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. № 174. С. 270–271.
- 92 Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. С. 365–369.
- 93 Россия в Святой Земле. Т. 2. Д. № 185. С. 284.
- 94 Лисовой Н.Н. К истории русского духовного и политического присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке // Россия в Святой Земле. Т. 1. С. 23.

«ИМЕННО СВЯЩЕННОЕ СЛОВО ГОСПОДА СВЕЛО НАС ВМЕСТЕ И ПОВЕЛО ПО ОДНОМУ ПУТИ». ПИСЬМА КОНСТАНТИНА ТИШЕНДОРФА А.С. НОРОВУ В ОТДЕЛЕ РУКОПИСЕЙ РНБ*

С.С. Абузина, А.И. Алексеев

Историческая наука всё ещё в большом долгу перед личностью Авраама Сергеевича Норова (1795–1869), государственного деятеля, писателя, путешественника¹. В 1854–1858 гг. А.С. Норов занимал пост министра народного просвещения Российской империи, был сенатором с 1849 г., членом Государственного совета. Широкую известность А.С. Норову принесли его сочинения, написанные после путешествий на Ближний Восток². Полноценная научная биография А.С. Норова ещё не написана. В последнее время наблюдается своего рода всплеск интереса к жизни и деятельности этого замечательного человека³. Активно вводятся в научный оборот материалы архива А.С. Норова, хранящегося в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки⁴.

Архив А.С. Норова поступил в Императорскую публичную библиотеку в 1873 г. в качестве дара от его племянника В.П. Поливанова. Содействие в передаче архива оказал академик А.В. Никитенко⁵. В составе архива: биографические документы А.С. Норова, материалы служебной деятельности, труды и подготовительные материалы к ним, многочисленные письма⁶. Значительной и ценной частью архива являются письма, адресованные А.С. Норову. Среди его корреспондентов: государственные деятели — императоры Николай I и Александр II, канцлер А.М. Горчаков; А.Х. Бенкендорф, М.А. Корф, В.А. Долгоруков, Л.В. Дубельт, К.В. Нессельроде, Д.А. Толстой, Д.Н. Блудов; учёные — Н.И. Костомаров, С.Н. Палаузов, М.П. Погодин, В.Д. Струве, П.И. Савваитов, П.А. Ширинский-Шихматов, Я.К. Грот; писатели — Денис Давыдов, В.С. Норов, В.Ф. Одоевский, Д.И. Языков;

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-41009.

книготорговец А.Ф. Смирдин; библиотекарь В.И. Соболевский. Особо стоит выделить переписку А.С. Норова с церковными деятелями в т.ч. с Восточными Патриархами и начальниками Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

А.С. Норов успешно сочетал государственную деятельность на высоких должностях с учёными занятиями. Он много лет руководил деятельностью Археографической комиссии, пользовался известностью и авторитетом в учёном мире. Знание иностранных языков позволяло ему общаться с иностранными учёными. «При этом, — по выражению К.А. Ваха, — его контакты с западным научным сообществом вообще не попадали в поле зрения современных исследователей»⁷. Обращение к архиву А.С. Норова позволяет, по крайней мере, частично восполнить этот пробел. В фонде А. С. Норова в Российской национальной библиотеки хранится 21 письмо знаменитого учёного-библеиста Константина Тишендорфа⁸. Факт оживлённого общения и переписки российского сановника с известным учёным не следует считать случайностью. Почвой, на которой сошлись эти два лица, занимавшие столь различное положение в обществе, стал интерес к текстам Священного Писания и любовь к Святой Земле.

Критики считали отличительной особенностью сочинений А.С. Норова сочетание двух условий, которыми он руководствовался: «Уважение к местным топографическим преданиям и точный смысл священного текста — вот два превосходных руководства, доставившие русскому исследователю те прекрасные выводы, которые наука и благочестие находят в его сочинении»⁹. В свою очередь, К. Тишендорф сумел составить себе репутацию уникального специалиста по изучению библейских текстов на основании древнейших греческих и латинских рукописей. Он также имел опыт двух, выражаясь современным языком, археографических экспедиций на Ближний Восток, в т.ч. с посещением Синая, где в монастыре св. Екатерины в 1844 г. обнаружил часть Синайской Библии, которую приобрёл для саксонского короля Фридриха Августа II. Тишендорф был одержим замыслом новой экспедиции с целью поиска в монастырях Ближнего Востока древних манускриптов, позволяющих создать научно выверенную текстологическую историю Библии. Свои надежды на финансирование своего путешествия он возлагал на российское правительство. В 1858 г. учёный продал коллекцию вывезенных им с Востока манускриптов Императорской публичной библиотеке. В его планы входило приобретение новых рукописей и передача их в библиотеку¹⁰.

История приобретения Россией Синайского кодекса на сегодняшний день может считаться хорошо изученной на основании большого количества документов¹¹. Известно, что Тишендорф «с согласия короля Саксонии, при помощи российского посланника в Дрездене, убеждает российское правительство предоставить ему средства для научной поездки на Православный Восток»¹². Но о том, кто выступил главным ходатаем в пользу

экспедиции Тишендорфа в правительственных сферах Санкт-Петербурга, до сих пор не было известно. Публикуемые письма Тишендорфа, наряду с письмом министра народного просвещения Е.П. Ковалевского А.С. Норову, позволяют установить личность человека, которому наряду с выдающимся немецким учёным Константином Тишендорфом учёный мир был обязан открытием «Синайского сокровища». Этим человеком оказывается Авраам Сергеевич Норов.

Вероятно, знакомство немецкого учёного с А.С. Норовым состоялось в лето 1857 г. в Лейпциге. В ноябре 1857 г. К. Тишендорф приехал в Санкт-Петербург и был радушно принят А.С. Норовым¹³. 62-летний А.С. Норов находился на пике своей чиновничьей карьеры, занимая пост министра народного просвещения, а 42-летний К. Тишендорф был профессором университета в Лейпциге, составившем себе имя в деле исследования греческих и латинских рукописей. Покровительство единственного человека в правительственных кругах Российской империи, который полностью понимал важность миссии Тишендорфа на Востоке, как следует из публикуемых писем, положительно решило вопрос о финансировании экспедиции Тишендорфа русским правительством.

Формальным поводом для первого письма Тишендорфа А.С. Норову послужило желание издателя Лейпцигской иллюстрированной газеты поместить в одном из номеров портрет и биографический очерк о А.С. Норове. Как явствует из того же письма, Авраам Сергеевич уже отослал издателю свою фотографию работы Фридлендера и теперь Тишендорф просил от него автобиографический очерк. Лейпцигский издатель, по словам Тишендорфа, питал к Норову высокое уважение: «По его словам, любому князю он предпочтёт Вас, в Вашем имени он видит носителя великолепных идей, в высшей степени заботящемся и о высоком, и о мирском». Далее в письме упоминается «о нашем большом предприятии», под которым следует понимать научное путешествие на Восток, о котором уже стало известно из газет. Лейпцигский профессор сумел убедить А.С. Норова в том, что его путешествие за древними манускриптами послужит интересам России и русской науке. Тишендорф в этом не сомневается: «Ваше высокое, искреннее надо мной покровительство, уверен, сможет уладить все трудности, которые могут возникнуть, а само предприятие созреет под Вашим руководством и принесёт затем обильные плоды»¹⁴.

В письме от 2 января 1858 г. Тишендорф уже определённо говорит, что успех замышленного путешествия зависит от А.С. Норова, который должен получить одобрение Св. Синода¹⁵. В письме также сообщается об интересе, проявленном директором Императорской публичной библиотеки бароном М.А. Корфом к приобретению коллекции рукописей Тишендорфа, а также о желании Тишендорфа получить за неё аванс в размере половины или трети денежной суммы. Из письма Тишендорфа от 12 ноября 1864 г. следует,

что наиболее памятная встреча состоялась в Лейпциге в период, когда А.С. Норов ещё занимал пост министра, т.е. до 23 марта 1858 г.¹⁶ Встреча в Лейпциге, о которой Тишендорф вспоминал спустя 6 лет, положила начало дружеским отношениям немецкого учёного с А.С. Норовым. Возможно, именно тогда А.С. Норов занялся поиском денежных средств на экспедицию своего протеже.

В том, что главным ходатаем перед русским правительством в пользу миссии Тишендорфа на Ближнем Востоке был именно А.С. Норов, убеждает письмо к нему министра народного просвещения Е.П. Ковалевского. Как следует из письма, А.С. Норов не позднее июля 1858 г. обратился к императрице с предложением финансировать поездку Тишендорфа на Ближний Восток с целью приобретения древних рукописей для русских библиотек¹⁷. При этом экспедиция планировалась на три года, а сумма, запрашиваемая у русского правительства составляла 24 тысячи (8 тысяч в год) рублей¹⁸. Характерно, что Св. Синод и обер-прокурор совершенно отстранились от этого дела, не находя замысел Тишендорфа отвечающим российским интересам. Поездку было решено финансировать по линии ведомства, которое ранее возглавлял А.С. Норов — министерство народного просвещения. Получив соответствующее поручение, министр Е.П. Ковалевский попал в затруднительное положение, ибо таких денег в бюджете министерства не было. Он обратился к А.С. Норову с предложением провести переговоры с Тишендорфом об уменьшении денежных сумм. Он также сообщил А.С. Норову, что в удовлетворение его ходатайств Тишендорфу высочайше пожалован орден св. Станислава 2-й степени¹⁹. Заручившись поддержкой императрицы, А.С. Норов уже не сомневался в том, что проект Тишендорфа будет поддержан. Как следует из письма Тишендорфа от 21 сентября 1858 г., Норов уже 20 июля писал ему: «У меня есть все основания полагать, что г-н министр окажет Вам свою полную поддержку».

В письме от 7 августа 1858 г. Тишендорф выражает благодарность Норову за награждение орденом Св. Станислава, он также благодарит А.С. Норова и Е.П. Ковалевского за выделение ему суммы в 4 тысячи рублей, из которых 3 тысячи предназначаются на путешествие, а 1 000 рублей на приобретение рукописей. Он просит также, чтобы русское министерство зарезервировало ещё 4 тысячи рублей на возможные приобретение рукописей. Тишендорф упоминает об интересе к произведениям А.С. Норова: «Я уже рад предстоящему путешествию «по Святой земле» и «к семи церквам», с нетерпением его ожидаю и заранее от всего сердца за него благодарю. Надеюсь, что оно послужит на славу и немецкой литературе». Особенно хочется обратить внимание на благодарность А.С. Норову за участие в подготовке критического издания Нового Завета: «И среди всех плодов радости, посланных мне Богом за мою работу, не стоит умалять благосклонного участия Вашего Превосходительства в моем новом «Большом критическом издании Н. З.»²⁰.

В письме от 4 августа 1858 г. Тишендорф сообщает о своём желании перевести сочинения о путешествиях Норова по Ближнему Востоку на немецкий язык: «Я считаю, это будет достойная работа — принять и по возможности усвоить столь прославленный дар северной литературы. В то же время, этот перевод станет должным подношением сочинителю, так богато одарённому Господом»²¹. Он также сообщает о завершении своих 20-летних трудов по подготовке седьмого критического издания Нового Завета и выражает надежду на то, что до своего отъезда на Восток сумеет вручить своему высокому покровителю экземпляр издания.

В письме от 31 августа 1858 г. Тишендорф делится с А.С. Норовым сомнениями, вызванными получением письма от Министра народного просвещения Е.П. Ковалевского с известием о нерешенности вопроса с финансированием путешествия на Восток. Он также сообщает Норову о том, что в лице И.Я. Вебера нашёл издателя его сочинений о путешествиях по Святой Земле и к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе. Тишендорф довольно высокопарно и с пафосом заявляет: «Все рассчитано на то, чтобы познакомить с выдающимся представителем русской литературы самый широкий круг читателей — немецкий народ. Уже воображаю, как славно подобный материал послужит во благо немецкой литературе»²².

В письме от 21 сентября 1858 г. немецкий учёный сообщает о получении им письма от министра Е.П. Ковалевского с сообщением об одобрении императором Александром II проекта его путешествия и о финансировании его русским правительством в размере 8 000 рублей, из которых 3 000 руб. предназначаются на путешествие, а 5 000 рублей на приобретение рукописей²³. В письме от 4 октября 1858 г. Тишендорф уже конкретно говорит о сроках и маршруте своего путешествия на Ближний Восток: «Плыву на корабле 11 нояб. или 27 нояб. — самым коротким рейсом из Триеста в Египет. Своё путешествие я планирую построить так, чтобы сначала посетить Каир и Синай. Затем Иерусалим, Св. Савва, оттуда — через Назарет, Бейрут и Смирну — на Патмос, потом в Константинополь, и затем уже, вероятно, через Афины, хочу добраться до Афона»²⁴.

Известно, что 31 октября 1858 г. в г. Альтенбурге Тишендорф встречался с Великим Князем Константином Николаевичем, отправившимся через Германию и Италию в поездку на Ближний Восток²⁵. Следует полагать, что Тишендорф заручился поддержкой Великого Князя и повысил статус своей миссии²⁶. Из публикуемых писем следует, что расположение великокняжеской четы к Тишендорфу было так велико, что Великая Княгиня Александра Иосифовна впоследствии была крестной матерью одной из дочерей Тишендорфа. Следующая встреча учёного с высокопоставленными покровителями состоялась 29 апреля 1859 г. в Яффе, где возвратившийся из монастыря св. Екатерины на Синае Тишендорф встречал Великого Князя Константина Николаевича, прибывшего во главе русской эскадры.

Письмо от 19 сентября 1860 г. было написано уже после благополучно завершившегося путешествия Тишендорфа. В его первых строках он выражает соболезнование А.С. Норову в связи с кончиной супруги Варвары. Тишендорф сообщает о посылке в Россию и, в частности, к А.С. Норову подготовленного им издания о «Синайской библии»²⁷. Он подчёркивает роль Норова в успешной экспедиции: «Ведь Ваше имя входит в тот определённый узкий круг имён, от которых зависело само путешествие, так успешно завершившееся. Благодаря Синайскому кодексу оно будет сиять вечно, а в моем собственном сердце — ещё дольше»²⁸. Немецкий учёный заявляет о работе по подготовке издания «Синайского кодекса» в трёх томах и обещает выслать Норову факсимильно изданные листы, содержащие послания Варнавы. Информировывает он своего высокопоставленного корреспондента и о ходе работ по подготовке немецкого издания его сочинений: «Над переводом Вашего путешествия в Землю обетованную по-прежнему трудится г-жа д-р Ценкер, половина перевода уже почти готова»²⁹. В целях ускорения работы Тишендорф предлагает Норову пожертвовать издателю 100 или 200 рублей для покрытия издержек.

Следующее письмо датировано 12 сентября 1861 г. Долгий перерыв в переписке Тишендорф объясняет своей огромной занятостью по исследованию «Синайского кодекса». Он спешит поделиться с Норовым своими открытиями: «Убедительнейшим образом подтверждается, что этот текст — самый древний из всех, которыми мы располагаем. При этом самый ближайший к нему — Ватиканский, но во многих случаях, там, где Ватиканский располагает не самыми лучшими вариантами прочтения, Синайский его превосходит: довольно часто он подтверждает уже известные древние свидетельства, как например, Оригена и Евсевия. Выход этого труда произведёт сенсацию. Он поистине станет сенсацией, двойной сенсацией»³⁰. Из письма также следует, что А.С. Норов поделился с учёным планами своего второго путешествия к Святой Земле.

Письмо от 11 марта не имеет указания на год, но, судя по упоминанию в тексте о возвращении А.С. Норова в Петербург из своего путешествия по Святой Земле, его следует датировать 1861 или 1862 г. В письме Тишендорф сообщает о том, что в Германии вышло издание книги Норова о путешествии по Святой Земле в 1835 г.³¹ Письмо от 12 ноября 1864 г. было отправлено Тишендорфом из Парижа. В нем встречаем свидетельство личного общения немецкого учёного и русского сановника: «И снова от всего сердца благодарю Вас за тот день в Лейпцигском отеле «Бавария», который я провёл с российским министром просвещения, и с 10 утра до 8 вечера мы оживлённо беседовали об уже законченных и только начатых исследованиях, о Священном Писании и Святой Земле, пока, наконец, своенравный певец ада и рая не ставил на всем окончательную точку»³². Вероятно, в «певце ада и рая», упомянутом в последних строках, следует видеть Данте,

творчеством которого увлекался А.С. Норов, и которого в молодости пытался переводить. Если так, то круг интересов, объединивших А.С. Норова и К. Тишендорфа, оказывается весьма широким.

Переписка Тишендорфа с А.С. Норовым велась на регулярной основе, но следующее письмо датируется 12 июня 1865 г. В этом письме Тишендорф сообщает о своём визите в Англию, где он за заслуги в издании «Синайского кодекса» удостоился триумфального приёма. Университеты Кембриджа и Оксфорда присвоили Тишендорфу степень доктора гражданского права. Такой чести не удостоивался ни один немецкий учёный, и Тишендорф с удовольствием пересказывает А.С. Норову комплиментарные для него отзывы учёных, государственных деятелей и отклики в прессе. Он выражает желание подготовить доклад для российского министерства народного просвещения. При этом сопровождает свои планы надеждой на уход А.В. Головина с поста министра народного просвещения. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что и отношение самого А.С. Норова к министру Головину являлось негативным. В конце письма немецкий учёный адресует комплимент самому А.С. Норову: «Храни Вас Бог, храни как одного из благороднейших и учёнейших мужей среди министров, которых когда-либо имела Россия, и не только Россия — во всей Европе подобные министры просвещения встречались довольно редко»³³.

В письме от 18 января 1865 г. находятся проникновенные строки, свидетельствующие о глубоком чувстве благодарности, которое выдающийся немецкий учёный испытывал по отношению к А.С. Норову: «Я несколько не ошибался, думая о том, какой достойный приём встретит у Вас посвящение моего Нов. Зав. Синайского кодекса. Оно есть выражение той части моей жизни, с которой неразрывно связано Ваше имя, и я дарю его Вам, дабы оно заняло своё почётное место и в Вашем сердце. Это замечательно, что именно священное слово Господа свело нас вместе и повело по одному пути. И никакая мирская суета не сможет разорвать эту связующую нить»³⁴. Знаменательно, что это письмо Константин Тишендорф писал в день своего 50-летия. К этому моменту он добился признания в учёном мире всей Европы. В письме он сообщает о прекрасном приёме, который был ему оказан французскими учёными в Париже: «я был поражён до крайности, когда в Париже с таким высоким почтением приняли меня и мои работы — даже архиепископ Дарбуа и иезуиты с Рю-де-Пост оценили их не меньше, чем такие, как Гизо, Минье, Тьер, а также специалисты моего профиля — если таковым можно назвать палеографию — в институте. Получив поистине мировое признание, в глубине души я чувствую, что собрал теперь весь свой запас жизненных сил, дабы дать миру все лучшее, что только могу дать»³⁵. Он выражает благодарность А.С. Норову за сочинение в защиту «Синайского кодекса»³⁶. Немецкий учёный заявляет о своём желании познакомиться с изданным под редакцией А.С. Норова

«Путешествием игумена Даниила по Святой Земле»³⁷. Заслуживает упоминание сообщение Тишендорфа о том, что коллекция его рукописей, стоимостью до 5000 рублей, среди которых были редчайшие манускрипты, была получена Публичной библиотекой с большим опозданием и только после официального запроса на российскую почту.

Письмо от 6/18 декабря 1865 г. является сопроводительным к отправленному в адрес А.С. Норова пятому тому «Неизданных священных памятников. Новой коллекции». Тишендорф просит также передать это издание епископу Порфирию (Успенскому), так как при подготовке издания был использован «палимпсест Порфирия». Также он не преминул сообщить своему корреспонденту о чрезвычайном успехе у читающей публики своего доклада о Синайском кодексе и популярной брошюры об Евангелиях. Не скупится он и на похвалы А.С. Норову: «Разумеется, Вы снова полны своей неиссякаемой энергией. Юный герой Бородинской битвы теперь проявляет свою доблесть в битвах другого рода. И пусть Бог, так богато Вас одаривший и так великолепно Вами руководящий, не отнимает у Вас этой прекрасной силы как можно больше»³⁸.

Содержание письма от 1 октября 1866 г. не оставляет сомнений в том, что переписка с А.С. Норовым была для Тишендорфа диалогом с учёным, мнение которого он ценил, а вовсе не данью вежливости. Тишендорф излагает Норову результаты своих наблюдений над древнейшими кодексами Библии: Синайским, Ватиканским, Александрийским. Относительно Ватиканского и Синайского кодексов он замечает: «Обе рукописи были созданы каллиграфами одной и той же школы, но были переписаны с двух различных экз., их свидетельства совершенно самостоятельны, что выводит нас к двум экз., созданным около 340 года в Александрии»³⁹. Немецкий учёный просит А.С. Норова представить отзыв о своей книге про Евангелия⁴⁰.

В письме, написанном на Пасху 1867 г. Тишендорф сообщает А.С. Норову о рождении дочери, ставшей восьмым ребёнком в его семье. Он напоминает своему корреспонденту о том, что ещё в 1862 г. на пути из Варшавы в Санкт-Петербург он сообщил своему собеседнику об обещании Великой Княгини Александры Иосифовны стать крестной матерью и в ответ услышал предложение Норова стать крестным отцом ребёнка. Он просит Норова исполнить своё обещание и быть крестным отцом дочери. Знаменитый исследователь Библии выражается эмоционально: «Но я также знаю и часто с умилением вспоминаю, что мужа, более душевного и ласкового, чем министр Норов, просто не может существовать»⁴¹.

В письме от 13 мая 1867 г. Тишендорф благодарит А.С. Норова за согласие стать крестным отцом своей дочери Александры. Он прямо указывает на роль, сыгранную Норовым в организации экспедиции, открывшей миру Синайский кодекс: «Вы, кто десять лет назад благосклонно протянул мне руку помощи в столь многообещающем предприятии моей научной

жизни»⁴². Он сообщает об отправке Норову своих свежеезданных книг: «Ватиканского Нового Завета» и «Дополнения к известнейшим кодексам: Синайскому, Ватиканскому, Александрийскому».

Ещё одно письмо Тишендорфа не имеет даты и не было отправлено по почте. Судя по содержанию, письмо было написано в период пребывания Тишендорфа в Петербурге в начале 1868 г. В письмо он сообщает А.С. Норову о готовности передать экземпляр Синайского кодекса для графа Метаксы за 480 франков только в период пребывания в Петербурге⁴³.

Год спустя Тишендорф в письме от 15/27 апреля 1868 г. благодарит А.С. Норова за гостеприимство, оказанное ему в Петербурге и за детский костюм, присланный к дню рождения дочери. Он выражает восхищение по поводу внешнего вида и здоровья Авраама Сергеевича: «Сказать прямо, я опасался, что увижу старика, который бы уже совсем близко подошёл к тому, чтобы попрощаться и покинуть блистательную сцену нашей жизни. И насколько я был рад узнать и увидеть собственными глазами, какой энергией и радостью увенчан закат Вашей жизни. Господь держит Ваше Превосходительство в своей благословенной руке, под своей опекой и защитой»⁴⁴. По просьбе Норова, благоговейно почитавшего все, что относилось к памяти усопшей супруги Варвары Андреевны, он сообщает о результатах своих наблюдений над древнейшими греческими рукописями, содержащими «Мученичество Св. Варвары». Тишендорф также просит Норова содействовать пересылке денег за экземпляры Синайского кодекса, отправленные графу Орлову-Давыдову и графу Метаксе.

Письмо от 13 октября 1868 г. Тишендорф начинает с сообщения о подписании соглашения с Синайским монастырём, которым успешно завершается эпопея с приобретением «Синайского кодекса»⁴⁵: «Таким образом, моё наречение кодекса «Петербургским», как я назвал его ещё в 1862 году с согласия архиепископа Кирилла, оправдало себя»⁴⁶. Пережитая радость не мешает учёному посвятить значительный раздел своего письма истории с неудачным отправлением экземпляра Синайского кодекса графу Метаксе. В окончании своего письма он спрашивает о здоровье А.С. Норова и пишет: «Надеюсь, что старый герой ещё долго будет молод и свеж для науки, веры и для друзей».

Ещё одна записка Тишендорфа, адресованная А.С. Норову, не имеет даты. Она была написана карандашом в период пребывания профессора в Санкт-Петербурге, где он удостоился приёма у императора Александра II. Известно, что оригинал Синайской Библии был поднесён императору 29 октября 1862 г. Из текста следует, что Тишендорф представлял императору и подготовленное им издание. «Только что, вернувшись из Царского Села — в половине шестого — спешу сообщить своему почтенному покровителю, что приём Е. Имп. Вел. прошёл весьма благополучно. Император считает работу «настоящим памятником» и по-видимому придаёт очень большое

значение тому, чтобы она завершилась ко времени славного юбилея. «Дай Бог, чтобы она была закончена», — с этими словами он пожал мне руку на прощанье. Помимо печатных образцов я показывал императору кое-что, отпечатанное мною из манускрипта, листы корректуры, а также печатный лист Александрийского кодекса в издании Бабера, для сравнения»⁴⁷.

Надеюсь, что публикация писем выдающегося учёного к А.С. Норову будет способствовать выяснению роли русского сановника в приобретении Россией Синайской Библии. Перевод с немецкого осуществила С.С. Абузина.

ПИСЬМА К. ТИШЕНДОРФА к А.С. Норову в 1857–1868 гг.

I

Лейпциг, 26 нояб. 1857.

Мой всемилостивейший покровитель,

прежде, чем я открою для себя новые труды Вашего Превосходительства, которые я, однако, день ото дня с нетерпением ожидаю получить вот уже две недели, имею необходимость поделиться с Вами некоторыми подробностями касаясь Вас и той заметки в Лейп. иллюстр. газ. А именно: редактор этой газ. желает, чтобы первый выпуск 1858 года, который должен особенно хорошо разойтись, непременно был бы украшен портретом и биографией Вашего Превосходительства⁴⁸. По его словам, любому князю он предпочтёт Вас, в Вашем имени он видит носителя великолепных идей, в высшей степени заботящемся и о высоком, и о мирском. Ту фотографию Фридендера, которую В. Прев. лично рекомендовали, он уже отдал в работу для точнейшей репродукции. Но теперь необходима биография. Напрасно он надеялся на мою ноябрьскую поездку в Санкт-Петербург, я должен теперь помогать ему с этой статьёй прямо отсюда. Уверен, у Вас уже присутствуют подобные статьи, напечатанные по-русски или по-французски. Могу ли я покорнейшим образом просить В. Прев. прислать мне, как только это будет возможно, лучшую статью подобного рода, и может быть, дополненную сверх того от руки? В таком случае я незамедлительно использую это для составления нашей статьи.

Высказав Вам эту просьбу, я всё же не могу не упомянуть о нашем большом предприятии. Верно ли, что совсем скоро я получу от Вас об этом весьма утешительное известие? Ваше высокое, искреннее надо мной покровительство, уверен, сможет уладить все трудности, которые могут возникнуть, а само предприятие созреет под Вашим руководством и принесёт затем обильные плоды.

К моему удивлению обществ. газеты уже озаботились этим научным путешествием. Кажется, им заинтересованы повсюду. Вся эта публичность мне неприятна, однако, чтобы ещё сильнее не усугубить положение, мне не следует ей противиться.

Недавно г-н Штейншнейдер⁴⁹, блестящий знаток еврейской литературы, изучил мои еврейско-караимские рукописи и, к моему удивлению, обнаружил, что многие библейские толкования принадлежат Иафету [Jefet], и что эта большая философская рукопись представляет собой интереснейший автограф. Он готовит об этом доклад. Тем временем д-р Делич⁵⁰ определил, что великолепная арабская рукоп. на пергамене VIII века, с посланиями Павла, является одним из важнейших источников для изучения текста Нов. Зав. и арабского языка. Прилагаю заключение его статьи. Все чаще слышатся сожаления, что столь редкое собрание переедет в Санкт-Петербург. Со своей стороны, я буду сердечно рад, если оно само по себе засияет как сосредоточение истинных сокровищ. И несомненно, оно станет основанием для многих интереснейших публикаций — палеографических, исторических, филологических, богословских.

Наконец, выражаю свою надежду на то, что мы будем иметь честь в будущем году преподнести супруге Его Прев. весьма удачный портрет её супруга, выписанный лейпцигским пером и отпечатанный на фабрике Лейпцига, а за сим пребываю, В. Превосходительство, преданный вам благодарно, покорнейший слуга

К. Тишендорф.

В рекламном проспекте большого издания Библии Мая⁵¹, подготовленного генеральным настоятелем Ордена варнавитов Верчеллоне⁵² (1857 год), вместе с извинениями по поводу отсутствия научного комментария, сказано следующее: (с. 14): *Nam ipsemet Maius in suis schedis testatur Hugium et Tischendorfium fere omnia in hac palaestra praeoccupasse: et sane in horum Scriptis multa industria et intelligentia comparet, multa doctrina.*⁵³

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 1–2.

II

Мой высокий покровитель,

покорнейшим образом спешу высказать Вам мою благодарность, В. Превосходительство, за все меры, уже благосклонно принятые Вами для осуществления моих предложений, и не в меньшей степени за милостивые слова, переданные мне через проф. Хвольсона⁵⁴ по Вашему высокому повелению. Что касается путешествия, то повторю уже высказанное мною в проспекте: я верю в то, что оно — дело рук Божьих. Тщательно

спланированное на осень прошлого года, оно не состоялось, в значительной степени, ввиду обстоятельств, и это заставило меня положить все свои силы на завершение моей большой работы по седьмому изданию Нового Завета⁵⁵. Для меня и, уверен, для очень многих стало большим удовлетворением, что 400 экз. уже выпущены и продаются. Оттого я с ещё большим оживлением ожидаю Вашего окончательного решения по поводу восточных исследований. Я не сомневаюсь, что Священный Синод пойдёт навстречу этому предприятию, угодному В. Превосходительству и благосклонно Вами представляемому. Профессор Хвольсон, в соответствии с Вашим приказом, сообщил о предварительном согласии графа Толстого⁵⁶.

Кроме того, я премного благодарен В. Превосходительству за то, что не только Росс. академия, но и барон Корф⁵⁷ заинтересовались вопросом приобретения моего рукоп. собрания. Если Вашему Превосходительству будет угодно, то по согласовании с главами рассматриваемых библиотек я тотчас вышлю рукописи — их вес полностью удовлетворяет почтовым требованиям — напрямую в Санкт-Петербург или через дипломатическую почту. Прежде этого, вероятно, я получу половину или треть всей суммы покупки, все зависит исключительно от Вашего приказа. Но я ни в коем случае не желаю Вас с этим торопить, я целиком и с радостью сделаю все так, как Вы сами в том распорядитесь.

Биографический материал, переданный мне через проф. Хв., успел получить как раз вовремя. Проф. явно дал понять, что не желает вносить в него существенные изменения. Но сама предложенная им форма была совершенно далека от того, что предполагалось, и разумеется, после рассмотрения выбранной мною формы, он сам это признал. Тем не менее, его материалы были существенно важны. Вместе с этим письмом я посылаю В. Превосходительству два экз. январского номера Иллюстр. газ. (один я также пошлю проф. Хв.). Я счастлив, что решил написать эти биографические записки и, тем самым, сумел представить читателям характер и жизнь человека, на которого сама империя может взирать с истинной гордостью. Надеюсь, что и В. Прев. эта статья понравится. Я прошу Вас принять её снисходительно.

Вчера, в первый день нового года, я был преисполнен мыслями о будущем. Я верю всей душой, что это милостивое провидение послало мне в покровители В. Прев.. Уповаю на то, что предприятие, которому с оказанной Вами протекцией я себя посвящаю, затем принесёт обильные плоды для церкви и науки. Да хранит Вас Бог в своих надёжных руках — таково моё новогоднее желание.

За сим пребываю в искреннем почтении и благодарности. Имею честь быть В. Превосходительству вернейшим слугой,

Конст. Тишендорф.

Лейпциг, 2 янв. 1858.

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 3–4.

III

Мой высокочтимый покровитель,

ожидаемое известие с решением до сих пор мной не получено. Только дружеская записка от Гримма⁵⁸ из Петергофа, где сказано: «Кажется, дело наконец пойдёт на лад, кажется, министр серьёзно относится к делу». Но спешу снова высказать благодарность Вашему Превосходительству, в Висбаден, поскольку Ваш отъезд оттуда последует уже совсем скоро. Итак, благодарю, поскольку Ваше письмо от 20 июля снова уверило меня в Вашей сердечности и благосклонном интересе ко мне и восточному предприятию. После этого я поступил бы несправедливо по отношению к Вам лично, если бы усомнился в том, что путешествие осуществилось бы за счёт российских средств. Для Вашего сердца оно, словно дитя, нуждающееся в опеке и защите. И преемник Вашего Превосходительства на высоком посту министра также не может не протянуть руки помощи столь любовно опекаемому. Пусть только ещё рука Господа поможет нам в нашем деле, благословит нас на все шаги, ведущие к его исполнению. Я уверен не меньше Вашего, что Господу наше дело угодно.

В моем последнем письме я, однако, снова забыл обратиться к переводу (частичному) Ваших путешествий на Восток. Русского экземпляра, столь благосклонно обещанного мне, я до сих пор не получил. Кроме того, я и сам уже занялся другими делами. Может быть, ещё возможно отправить мне один такой экземпляр в ближайшие дни. После получения одного я намереваюсь тотчас начать серьёзные переговоры по поводу, собственно, перевода, а также по поводу публикации последнего. Я считаю, это будет достойная работа — принять и по возможности усвоить столь прославленный дар северной литературы. В то же время, этот перевод станет должным подношением сочинителю, так богато одарённому Господом.

Я предвосхищаю с необыкновенной радостью приближающееся завершение моего седьмого издания Нового Завета, поскольку оно стало самой большой моей работой, некоторый итог моих двадцатилетних исследований в области новозав. текстов. Только в этом году я отыскал и использовал несколько тысяч мест из творений святых отцов. Блок из 80 убористо напечатанных тетрадей, которые при отсутствии печатной экономии составили бы целый фолиант — это только большое критическое издание. Радуюсь и надеюсь, что сам преподнесу Вам эту книгу в качестве прощального подарка перед отбытием на Восток.

Быть может, Вы ещё останетесь на какое-то время в Германии. Надеюсь написать Вам, как только Ковалевский⁵⁹ получит посылку.

Супруге Вашего Превосходительства — мои преисполненные уважения пожелания. А В. Превосходительству лично — снова моя сердечная благодарность и моё почтение.

К. Тишендорф.

Лейпциг, утро 4 августа 1858.

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 10–11.

IV

Мой всемилостивейший покровитель,

Вы сообщили мне поистине радостные вести, В. Превосходительство. Тысяча, тысяча благодарностей! Сей славный орден⁶⁰ подтверждает расположение ко мне Его Имп. Величества и, в то же время, его высоких доверенных — Норова и Ковалевского. В этом лестном награждении я распознаю исключительно Ваше заботливое участие. Во всяком случае, это было не лишним: если учёный, путешествующий на Восток, награждается подобным образом, он становится своего рода доверенным лицом Росс. правительства. И вот, я получил от империи награду, а вместе с тем уже и часть снаряжения. В то же время мне приятно, что мой коллега Флейшер⁶¹ делит эту награду со мной. Его адрес: Морицштр., д. 2. Несколько дней назад он получил орден Меджидие, а около двух лет назад — орден Саксонии.

В том, что касается средств, выделяемых на путешествие, я полностью согласен с предложениями Вашего Превосходительства. Прилагаю листок с моим ответом по этому поводу, написанным по-французски, на случай, если все то же самое сразу же потребует передать министру Ковалевскому. В основном, я согласен на то, чтобы в первую очередь мне выдали 4000 рублей (одним краткосрочным векселем Штиглицу⁶² в Петербурге). Небольшой плюс курса рубля по отношению к талеру я хотел бы использовать наилучшим образом. 3000 определяются на дорожные расходы, а 1000 — в качестве резервного фонда, на покупку рукописей. Теперь мне только остаётся получить официальное сообщение, что дополнительные 4000 рублей выделены Росс. министерством для тех же целей, дабы я, если представится удобный случай выгодного приобретения, тотчас смог бы им воспользоваться. Я самостоятельно договарюсь с банком о том, чтобы получать перевод сразу же, как в том появится необходимость. В отношении остального, что я сочту желаемым приобрести сверх этих сумм, пожалуйста, будем придерживаться самых последних указаний министра. Как только основная часть будет у меня, я прямо с Востока отправлю Росс. правительству соответствующее извещение. Буду весьма рад, если вся эти сведения и все мои предложения встретят поддержку Вашего Превосходительства. В таком случае я сразу же перестану сомневаться в одобрении г-на министра.

Я уже рад предстоящему путешествию «по Святой земле» и «к семи церквям», с нетерпением его ожидаю и заранее от всего сердца за него благодарю. Надеюсь, что оно послужит на славу и немецкой литературе. И среди всех плодов радости, посланных мне Богом за мою работу, не стоит умалять благосклонного участия Вашего Превосходительства в моем новом «Большом критическом издании Н. 3.».

Храни Бог В. Превосходительство, храни как великое сокровище моей жизни. Я нисколько не заблуждался в Вас с того самого момента, как предстал

перед Вами и впервые Вас увидел: Ваше имя было мне предназначено Божьим провидением, Божьей милостью навечно связано с моей жизнью.

За сим пребываю в искреннем почтении, Ваш

Конст. Тишендорф.

Лейпциг, 7 августа 1858.

Относительно средств, выделяемых для путешествия на Восток, я полностью согласен с предложениями В. Прев. Мне будет достаточно получить сумму в 4000 рублей до моего отъезда, из которых 3 тысячи будут определены на дорожные расходы, и одна тысяча — исключительно на покупку рукописей. Но, дабы не быть слишком стесненным в средствах в непредвиденных случаях, которые могут представиться и не потерпят отлагательства, хотел бы получить официальное заверение в том, что в Министерстве нар. просв. выделены дополнительные 4 тысячи рублей для той же самой цели. Со своей стороны я договорюсь с каким-нибудь банкиром таким образом, дабы при необходимости можно было бы легко получить ту же самую сумму, то есть не упустить момент из-за нехватки денег. Как только я ступлю на землю, которую намерен исследовать, то регулярно начну отправлять отчёты министру. Я ожидаю самых блестящих результатов.

Только после того, как уже будет достигнут определённый успех в предприятии, я осмелюсь предложить Е. Прев. г-ну мин. превысить эти 8000 рублей, чтобы оно увенчалось полным успехом.

Что касается выплаты 4000 рублей в качестве первого вклада в путешествие, позволю себе заметить, что предпочёл бы получить их векселем на дом «Штиглиц и Ко» в Санкт-Петербурге, подлежащим оплате в течение двух или трёх недель по предъявлению.

Лейпциг, 7 августа 1858.

Конст. Тишендорф.

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 5–7.

V

Мой высокий покровитель и заступник,

как и обещал, немедленно сообщаю В. Превосходительству о полученном мною сегодня письме министра Ковалевского, которое совершенно обмануло мои ожидания. Датированное 5/17 августа, оно начинается самыми доброжелательными выражениями по поводу представления меня к ордену, а затем: «Если бы не обстоятельства, которые тому препятствуют, мне было бы также приятно дать окончательный ответ на Ваше письмо от 13 июля из Лейпцига по поводу научной экспедиции на Восток. Как только финансовые ресурсы, которыми располагает

Министерство нар. просв., позволят довести до успешного конца предприятие, которое уже давно его занимает, я незамедлительно сообщу Вам необходимые сведения по этому вопросу».

Мне не следует недооценивать столь благосклонного послания. Но вопрос, касающийся финансирования, оставил меня без должного удовлетворения. Смею надеяться, что не ошибаюсь в своих предположениях: это письмо Ковалевского было написано прежде, чем он получил Ваше, касаемо рекомендаций по финансовой стороне вопроса. Если все так и есть, то я уже готов в скором времени получить полное удовлетворение своих ожиданий. Ведь если я не получу его в сентябре, а я готовлюсь уже в октябре отправиться на Восток, то ещё одно недоразумение нанесёт мне глубочайшее огорчение. Однако, я держу себя в руках и набираюсь терпения — простите мне эти выражения моего нетерпения. Немецкая пословица «все приходит к тому, кто умеет ждать» подходит сюда как никогда лучше. «Алое цветёт поздно, но прекрасно»⁶³.

Несмотря на все своё рвение я так и не добрался до рекомендованного «Путешествия на Восток» в пяти томах. Пока могу лишь предвкушать великолепие книги. Но по меньшей мере, я уже нашёл издателя, а также переводчика для той части, что посвящена семи церквам⁶⁴. Она сразу же будет принята в работу и, по возможности, снабжена прекрасными иллюстрациями. Скорее всего, к ней сразу же присоединится «Путешествие по Святой земле»⁶⁵, поскольку к этому склоняется издатель, г-н И.Я. Вебер⁶⁶. В том же самом издательстве скоро выйдет «Иллюстрированный народный календарь», в котором будет напечатан портрет Вашего Превосходительства в меньшем масштабе, но так же, с биографией. Все рассчитано на то, чтобы познакомить с выдающимся представителем русской литературы самый широкий круг читателей — немецкий народ. Уже воображаю, как славно подобный материал послужит во благо немецкой литературе.

Всей душой надеюсь, что экскурсия по французской столице принесла Вам и Вашей супруге поистине большое удовлетворение. Я буду весьма рад вдруг получить письмо из Парижа, которому отдал более двух лет большой работы, и узнать в нем дорогую мне руку. С искренним и преданным почтением я следую за Вами на Вашем пути и счастлив в своей убеждённости, что Вы не теряете своей неустанной благосклонности по отношению ко мне и восточному предприятию. Обязанный В. Превосходительству, благодарнейший, преданный должник,

К. Тишендорф.

Лейпциг 31 августа 1858.

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 14–15 об.

VI

Мой высокочтимый покровитель,

вот и алое в цвету! Вот и пришло письмо от господина министра, которого я так долго и страстно ждал. В нем сказано: «Г-н проф. Та информация, которую я намеревался сообщить Вам в своём кабинете 5/17 августа, сегодня может быть представлена в наилучшем свете. Я имел счастье ознакомить Е. Имп. Величество с планом путешествия на Восток, которое Вы предлагаете осуществить за счёт российского правительства с целью приобретения древних рукописей для наших библиотек и музеев, посетив монастыри Каира, Синайского полуострова, Иерусалима (здесь пропущен монастырь Св. Саввы), острова Патмос, горы Афон, Константинополь и Принцезы острова. Его Имп. Вел., давая Высочайшее Дозволение на этот проект, соблаговолил выделить в качестве субсидии на дорожные расходы сумму в 3000 рублей, а на покупку древних рукописей на греческом и восточных языках — 5000 рублей. Мне особенно приятно объявить Вам об этом Высочайшем Дозволении и, в то же время, сообщить, что нашему послу при королевском дворе в Дрездене поручено связаться с Вами в отношении подробностей Вашего будущего отъезда. Примите и т.д. 2/14 сент.».

На что я сразу ответил:

«Две депеши, которые В. Прев. любезно мне отправили со всей очевидностью показывают, что Е. Прев. г-н Норов был прав, написав мне из Висбадена 20 июля: «У меня есть все основания полагать, что г-н министр окажет Вам свою полную поддержку». Прошу Вас, г-н министр, принять дань моей глубокой признательности за милостивое расположение, которым Вы меня удостоили. Я буду с гордостью носить орден, который на основании доклада В. Прев., Его В. Имп. любезно мне пожаловал. Он несёт прекрасный девиз: *Praemiando incitat*⁶⁷. Я буду счастлив, стать действительным подтверждением тому. Ожидая прибытия орденских знаков и наградной грамоты на него — они до меня ещё не дошли — я слишком долго медлил, чтобы выразить В. Прев., как сильно меня тронуло столь высокое свидетельство благосклонности ко мне Е. Имп.. Письмо, из которого я только что узнал, что мой план путешествия получил высочайшее дозволение Е. Имп. В., переполнило меня радостью. Я знаю, что это предприятие нуждалось во всецелой поддержке В. Прев., чтобы достичь своего счастливого завершения. Тем дороже оно моему сердцу. Я приложу все усилия, чтобы ответить достойно и надеюсь, что Божья милость направит мои исследования на Востоке в нужном направлении. Как только VII издание греч. Н. З. — главный труд всей моей жизни — выйдет из моих рук, что случится где-то к концу октября, я поспешу вступить на новое поле исследований. В ближайшие дни я отправляюсь в Дрезден, чтобы представиться послу Е. Имп. Вел. и получить от него все необходимые сведения. Прошу В. Прев. Повергнуть к стопам Е. Имп. В. уверения в моем почтении и глубокой благодарности,

а также принять дань моего уважения и искренней преданности, с коими я имею честь и т.д. 20 сент.».

Передаю и Вам лично, мой всемилостивейший покровитель, тысячу моих искренних благодарностей за все то многое, сделанное В. Превосходительством, дабы подвести наше предприятие к своему великолепному осуществлению. Все это — следствие Вашей собственной любви к науке и церкви. Дай Бог, чтобы она отдала должное Вашему имени. Сам я полностью предан этому предприятию, и это в повторных заверениях не нуждается. Верю тому, что Господь вложил в мою душу, верю, что рука Его проведёт меня стороной от всех происков недоброжелателей. И я благодарен Богу, что Его я мыслил не напрасно — *posturna manu et diurna*⁶⁸ — я закончу мой Новый Завет ещё до поездки. Осталось так немного, что я уже в этом не сомневаюсь. Возможно, я между тем отправлю часть книги В. Превосходительству, чтобы Вы заранее ознакомились с этой работой.

Новости от супруги Вашего Прев. госпожи Норовой меня ужасно беспокоили. Дай Бог, чтобы все поскорее пошло на поправку. Нижайше кланяюсь Вам и выражаю своё искреннее почтение.

В приложении, составленном управляющим Т. О. Вейгеля⁶⁹, Вы найдёте описание роскошного собрания эльзевиров. Цена окончательная, и по отдельности их купить нельзя. На днях выйдет печатный каталог, куда они так же войдут. Если В. Превосходительство сочтёт нужным принять это во внимание, то для надёжности не лишним было бы поспешить. Но может быть, все эти названия и так уже присутствуют в Ваших богатых собраниях.

Я радуюсь всей душой каждому дорогому для меня письму от Вас. Пусть же следующее принесёт мне радостные известия. За сим пребываю в искренней благодарности и верном почтении, Ваш

К. Тишендорф.

Лейпциг 21 сент. 1858.

Книга Гримма «Княжна седьмой версты»⁷⁰ тоже вышла. Она целиком посвящена отношениям в российском обществе. Её выпустил И. Я. Вебер, издатель Иллюстр. газеты. Недавно супруга Гримма переехала в Петербург.

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 12–13 об.

VII

Мой высокочтимый покровитель,

разумеется, я уже заранее был уверен, что В. Превосходительство примет самое сердечное участие в окончательном решении по поводу предпринимаемого путешествия: последнее письмо от 24 сент. уверило меня в этом совершенно. Вся эта затея в значительной степени и Ваша заслуга.

Дай только Бог, чтобы она была оценена по достоинству. Сам я в этом не сомневаюсь, потому как вижу своими глазами и чувствую сердцем: *Pánvtaíσχύωέντῶένδυναμοῦντίμε*⁷¹. После моего последнего письма я уже побывал в Дрездене и имел счастье познакомиться с князем Волконским⁷² и статским советником бароном Коцебу⁷³. В обоих я нашёл ревностных сторонников нашего предприятия. Росс. посол станет посредником в моем будущем общении с Росс. правительством, так что даже мои письма министру Ковалевскому будут отправляться почтой Росс. посольства в Дрездене. Кроме того, господа снабдили меня всеми бумагами, необходимыми или желательными для путешествия на Восток.

Поездка в Петербург, как и предполагает В. Превосходительство, снова откладывается, что меня при нынешнем положении дел даже устраивает. Ковалевский о ней ничего не писал. Написал только Гримм в своём последнем письме (в июле месяце), что моя поездка в Петербург откладывается до моего возвращения с Востока. Итак, я отправляюсь сразу же на Ближний Восток, вероятнее всего, уже в ноябре. Плыву на корабле 11 нояб. или 27 нояб. — самым коротким рейсом из Триеста в Египет. Своё путешествие я планирую построить так, чтобы сначала посетить Каир и Синай. Затем Иерусалим, Св. Савва, оттуда — через Назарет, Бейрут и Смирну — на Патмос, потом в Константинополь, и затем уже, вероятно, через Афины, хочу добраться до Афона. Сейчас я возлагаю большие надежды на первую часть путешествия. Если все пойдёт так, как мною задумано, за это время все наличествующие средства уйдут на рукописи. Если все так и случится, то я, положив руку на сердце, смогу сказать, что предприятие увенчалось успехом.

Само собой разумеется, что я беспрестанно буду сообщать В. Превосходительству все новости, даже те, что могут принести лишь слабое утешение. И я счастлив в своих помыслах, ведь Вы сами прекрасно сказали: «Вы знаете, что сердцем я последую за Вами в Вашем путешествии». В случае любого успеха, я в первую очередь буду думать о том, какую радость затем и Вы от него испытаете. Я заранее означаю каждый успех выражением моего преклонения перед Вами и моей искренней благодарности.

Ваше пребывание в Париже и то, что вы задержались подольше, кажется, пришлось по нраву супруге Вашего Прев., госпоже Норовой. Я очень благодарен ей за то, что она все более ко мне благосклонна. Разумеется, она тем сильнее уверит в этом чувстве и своего любимого дорогого супруга. С нетерпением жду новостей, не растянулось ли ваше путешествие ещё больше, чем изначально предполагалось — на месяцы. Хотя в таком случае Вы проведёте зиму в Риме или, по крайней мере, в Италии.

Прямо сейчас я держу в своих руках последние листы «Апокалипсиса». А вот комментарий пока ещё вызывает сильные нарекания. Мысли и заботы о поездке немного нарушают покой работы. Но и во время грозовой бури растения не перестают быть прекрасными.

Так что сегодня я лишь прошу Вас принять простое «Береги Господь В. Превосходительство» и остаться верным в свой сердечной благосклонности к Вашему большому должнику.

Искренне Ваш,
К. Тишендорф.

Лейпциг 4 окт. 1858.

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 8–9 об.

VIII

Мой высокочтимый покровитель,

я был несказанно рад, когда в июле мне снова довелось получить от Вас дорогое моему сердцу письмо. Могли бы Вы сперва подтвердить мне то, чего я так опасался: что глубокая боль невозвратимой утраты наполняет Вашу душу и лежит на сердце тяжёлым грузом⁷⁴. В ту же минуту я бы вновь уверился, что даже в тяжёлом горе В. Превосходительство не теряет прежнего большого участия в моих работах и исследованиях. Только сегодня я отвечаю Вам, поскольку хотел обстоятельно рассказать о настоящем положении моих работ, но узнаете Вы об этом не сколько из самого письма, сколько из приложения, содержащего выдержку из более удобочитаемой части моей «Записки о Синайской рукописной Библии и т.д.»⁷⁵, которая была переведена на немецкий, прежде всего, для императора и его семьи. Отдельный экземпляр «Записки» В. Превосходительство в любом случае получит в ближайшие дни, через Росс. министерство, поскольку ящик с экземплярами уже сегодня был отправлен министру. Я позволил себе настоять на том, чтобы один экземпляр был отправлен в первую очередь Вам. Ведь Ваше имя входит в тот определённый узкий круг имён, от которых зависело само путешествие, так успешно завершившееся. Благодаря Синайскому кодексу оно будет сиять вечно, а в моем собственном сердце — ещё дольше.

Вы также спрашиваете о русском переводе посланий Варнавы. Я верен своему слову. За пару месяцев до выхода всего труда в четырёх больших фолиантах я отправлю В. Превосходительству соответствующие листы, чтобы и Вы успели выпустить собственную работу в качестве подарка по случаю большого юбилея. Я надеюсь, мы все подробнее обсудим во время моего следующего визита в Петербург в мае следующего года. У нас ещё много времени, поскольку сначала будет отпечатан Ветхий Завет в двух томах и только потом третий том с Новым Заветом, Варнавой и Ермой.

Над переводом Вашего путешествия в Землю обетованную по-прежнему трудится г-жа д-р Ценкер, половина перевода уже почти готова. Также я вновь справлялся у И. Я. Вебера по поводу новой книги, и не лишился ещё надежды, что все осуществится. И конечно, Вы оказали бы огромную поддержку издателю, если бы пожертвовали на его любимое детище

100–200 руб., скажем, в пределах той суммы, которая покрыла бы некоторое количество экземпляров, поскольку очевидно, что без подобной помощи расходы вряд ли окупятся. Все это касается внешней стороны и совсем не затрагивает ценность самой книги: в той же биографической заметке я выступил её панегиристом.

К своему письму я также прикладываю самый новый рекламный проспект «Неизданных священных памятников»⁷⁶. Первые два тома уже давно украшают Вашу богатую библиотеку, но ещё большим украшением стало бы присутствие Вашего прославленного имени в листе заказчиков первого тома оставшихся четырёх. Он выйдет в ближайшие недели.

Итак, вот и все на сегодня. Надеюсь, что в завершении моё письмо не стало совсем не читаемым. Дай Бог Вашему Превосходительству поистине священной силы преодолеть все горести и сохрани подольше для мира этого старого героя с молодым и горячим сердцем. По-прежнему пребываю в благодарном и искреннем почтении к В. Превосходительству, Ваш

Конст. Тишендорф.

Лейпциг 19 сент. 1860.

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 16–17 об.

IX

Мой высокочтимый покровитель,

хоть и в трёх словах, но всё-таки я должен высказать В. Превосходительству свою радость и пожелания удачи по поводу состоявшегося радостного возвращения домой после паломничества. Пусть же о том у Вас останутся по-настоящему счастливые воспоминания, а все приобретённое Вами станет приобретённым для науки, мне же позвольте стать первым, кто разделит с Вами эту радость. В одной ноябрьской газете из Смирны, в которую дражайший архиепископ Синая завернул для меня посылку, я случайно наткнулся на заметку о том, что Вы отправились из Смирны, через Александрию на Синай⁷⁷. Так что я мог быть мысленно Вашим вернейшим попутчиком. Архиепископ сообщил мне о трудностях, препятствующих нам официально преподнести Е. Императору наше великолепное сокровище⁷⁸. И тут, как раз в нужное время, вернётся В. Превосходительство, дабы позволить добрым намерениям осуществиться.

Книга о Вашем замечательном путешествии уже давно вышла. И поскольку г-н Вебер хотел сразу же отправить один экземпляр знаменитому автору, я написал ему, что лучше отправить его в Росс. посольство в Константинополе. И сегодня утром я узнал, что он туда ничего не отправлял. Тогда я распорядился, чтобы он послал кратчайшим путём в Петербург, по крайней мере, один экз., несмотря на то, что книга там и без того уже продаётся.

Однако, вот и все на сегодня. С нетерпением и с самым сердечным участием жду от Вас известий и пребываю в прежнем почтении к В. Превосходительству, Ваш должник и слуга,

К. Тишендорф.

Лейпциг 11 марта

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 36–36 об.

Х

Лейпциг 12 сент. 1861.

Не правда ли, Превосходительство, в этот раз моё письмо заставило себя ждать намного дольше обычного? Все основные положения Вашего любезного послания мне давно и прекрасно понятны, и уже нет никакой необходимости это подтверждать. Под давлением груза работ, к которому я прикован с утра до самой ночи, приходится постоянно откладывать то, с чем ещё возможно повременить. И оттого я сейчас ещё более счастлив, что не смотря на мою работу по критике текста, я нашёл время написать весточку в Павловск, чтобы снова выразить В. Превосходительству моё прежнее почтение. Наверняка ваш труд уже возымел широкий успех, хоть зверь апокалипсиса ещё и не приближался к типографской краске.

Однако, сперва вернёмся к другому Вашему сочинению, которое в настоящее время должно пережить своё второе рождение в Германии⁷⁹. Перевод печатается очень живо. Вполне может быть, что ещё задолго до светлого праздника Рождества Христова, книга уже будет готова и станет подарком для всех христиан. Стремясь пойти навстречу желанию Вашего сердца и увековечить в памяти покойную блаженную Вашу супругу, я провёл все необходимые для того переговоры. Конечно, г-жа д-р Ценкер уже решила, что книга будет посвящена княжне Виттгенштейн, урожд. Барятинской⁸⁰, с которой та долгое время дружит. Однако, несмотря на это, Ваше желание в некоторой степени может быть удовлетворено. А именно: я предложил ей уделить место Вашим прекрасным словам во вступительном слове, правда, в самом конце. Уверен, что так они произведут даже лучшее впечатление. Желаю, чтобы такой вариант нашёл и Ваше одобрение.

Поскольку издателю книги, блестящему знатоку пиктографии, совершенно не понравились иллюстрации, я решил передать ему не только фотокарточку, но и портрет знаменитого путешественника. Конечно, он очень обрадуется этому подарку. Прекрасная портретная фотография, которую Вы мне подарили, станет преимуществом при создании иллюстрации.

Дуаненшвинделю [Duapenschwindel?] в итоге удалось напасть на след. И все же ему следовало бы избрать себе другой объект, нежели мой Новый Завет. Четыре талера, которые ещё полагаются мне по Вашему любезному

указанию, я прошу передать через господина Исакова⁸¹ (Гостиный двор), а лучше, через его управляющего-немца Бретшнейдера г-ну Фрису, лейпцигскому комиссионеру Исакова (г-н Фрис отправил эту посылку и оплатил доставку). Четвёртый экз. моего VII Бол. крит. изд. Нов. Зав. предназначен г-ну д. теол. пастору Фроманну (Петрикирхе)⁸². Если оно сейчас у Вас на руках, то очень прошу поскорее передать экземпляр ему. (Книга уже почти распродана, от 1250 экз. в 1858 г. осталось лишь 120 экз.!)

Моя большая работа идёт семимильными шагами. Повредив при купании колено, я почти все лето не покидал своей комнаты. К великому счастью, между тем развернулась непрерывная работа над кодексом. На данный момент печатается Новый Завет. Убедительнейшим образом подтверждается, что этот текст — самый древний из всех, которыми мы располагаем. При этом самый ближайший к нему — Ватиканский⁸³, но во многих случаях, там, где Ватиканский располагает не самыми лучшими вариантами прочтения, Синайский его превосходит: довольно часто он подтверждает уже известные древние свидетельства, как например, Оригена⁸⁴ и Евсевия⁸⁵. Выход этого труда произведёт сенсацию. Он поистине станет сенсацией, двойной сенсацией. Я изрядно поломал голову над огромным количеством правок, сделанных разными руками. И тем не благодарнее уже ведут себя те невежды и завистники, которые прежде были верными союзниками. Но *malabonis mirabiliter compensatasentio* (Н. З. 1859. С. XII.)⁸⁶. Если Вы действительно снова собираетесь на Восток, то надеюсь, Вы ещё успеете написать мне словечко об этом. Мне хотелось бы узнать хотя бы предварительный маршрут путешествия, дабы и я, со своей стороны, был извещён о Ваших намерениях. Говоря образно: моё сердце везде последует за Вами. Однажды вы скрасили моё прощание с родиной, и как же я могу, в свою очередь, не сделать для Вас того же?

Итак, надеюсь, что в скором времени получу из Павловска самые добрые и отрадные вести, остаюсь по-прежнему в благодарном почтении к В. Превосходительству, Ваш

К. Тишендорф.

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 18–19 об.

XI

Париж, Рю-Лаффит, 31,
12 нояб., 1864

Мой высокочтимый покровитель,

Вам хорошо известно, как велико, как влиятельно участие Вашего Превосходительства в нашем предприятии, которым я руковожу с 1859 года от имени Е. Имп. Вел. и которое сам Господь благословил на столь

счастливый успех. И снова от всего сердца благодарю Вас за тот день в Лейпцигском отеле «Бавария», который я провёл с российским министром просвещения, и с 10 утра до 8 вечера мы оживлённо беседовали об уже законченных и только начатых исследованиях, о Священном Писании и Святой земле, пока наконец своенравный певец ада и рая не ставил на всем окончательную точку. И сколько других, очаровательных часов связаны с этими первыми. И хотя в своих публичных выступлениях я никогда не забывал выразить Вам свою благодарность за восточное путешествие и особенно за все те жемчужины на моем пути, оставленные для меня Богом, я все же чувствовал потребность найти этому лучшее выражение. И уверен, что я нашёл его в посвящении к моей новейшей публикации о Синайском кодексе⁸⁷. Я прошу принять это посвящение с Вашей прежней верной благосклонностью и любовью. Таким образом, я хочу, чтобы будущим поколениям оно служило скромным напоминанием моей сердечной преданности и благодарного преклонения перед Вами.

Но где же сама книга? Где моя книга? — спросите Вы. Прежде, чем книга действительно поступила в печать, я предпринял ещё одну исследовательскую поездку в Голландию, Париж и Англию. Получается, что я посылаю Вам из Парижа письмо с презентацией, это пока ещё не книга, но текст посвящения в ней есть. По моему распоряжению сама книга придёт к Вам из Лейпцига. И поскольку это прибытие легко может задержаться и вполне вероятно, что Вы уже увидите книгу в лавках Петербургских книготорговцев, я поспешил как можно быстрее исполнить своё намерение и сердечно выразить Вам моё искреннее почтение. Итак, с радостью ожидаю, как Вы будете наслаждаться новыми прибавками к Прологу⁸⁸, а особенно тем великолепным фактом, что текст II в. сохранился в Синайском источнике в самом непосредственном, самом удобочитаемом виде. По его отношению к старо латинским переводам это совершенно очевидно, и по меньшей мере, я привёл тому некоторые доказательства. В 8-м издании Н. З. (8-е крит. изд., но по прежней нумерации это 15-тое) будут приведены самые подробные и проверенные доказательства.

Так что больше никаких подробностей, я сохраню их до следующего раза. Главная цель, которой посвящена моя очередная поездка, это большая Греческая палеография, которую я готовлю с 1840 года. Я буду в Париже до конца декабря, праздновать Рождество приеду в Лейпциг к жене и детям, затем на три месяца уезжаю в Англию.

Дай бог, чтобы эта записка нашла Вас в добром здравии, почтенный покровитель, и, в то же время, немного Вас приободрила. Верный, искренний, преданный слуга В. Превосходительства

Конст. Тишендорф.

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 38–39 об.

ХII

Лейпциг 18 янв. 1865

Мой высокочтимый покровитель,

после моего письма из Парижа в ноябре прошлого года я имел счастье получить два письма Вашего Превосходительства. Оба письма были выражением той сердечной искренности, с которой Вы ещё с нашего первого личного знакомства выражаете своё участие в моей жизни и моих работах. Я ни сколько не ошибался, думая о том, какой достойный приём встретит у Вас посвящение моего Нов. Зав. Синайского кодекса. Оно есть выражение той части моей жизни, с которой неразрывно связано Ваше имя, и я дарю его Вам, дабы оно заняло своё почётное место и в Вашем сердце. Это замечательно, что именно священное слово Господа свело нас вместе и повело по одному пути. И никакая мирская суэта не сможет разорвать эту связующую нить. Мои ничтожные работы были милостиво приняты Господом, и Он благословил меня на счастье нести столь великий дар этой милости для священной науки и церкви. Чувство благодарного долга призвало меня к тому, чтобы искренне и прочно связать Ваше имя с Синайским открытием и, таким образом, запечатлеть его для современников и их потомков.

Именно сегодня я пишу Вам, Превосходительство, 18 января, ровно два года спустя после выхода Вашей «Защиты Син. Библ.»⁸⁹. Сегодня моё 50-летие, я полон глубочайшей благодарности Всевышнему, одаривающему меня все эти полвека успехами, к которым Вы сами так благосклонно относитесь.

Я был бы рад рассказать Вам кое-что из моей поездки в Голландию, где даже Кобет⁹⁰ принял меня с высочайшей любовью и признанием, и о Париже, где Гизо⁹¹ встретил меня словами: «Ваши работы я отношу к числу тех немногих, что определяют весь наш век». Но ограничусь лучше тем, что скажу: я был поражён до крайности, когда в Париже с таким высоким почтением приняли меня и мои работы — даже архиепископ Дарбуа⁹² и иезуиты с Рю-де-Пост оценили их не меньше, чем такие, как Гизо, Минье⁹³, Тьер⁹⁴, а также специалисты моего профиля — если таковым можно назвать палеографию — в институте. Получив поистине мировое признание, в глубине души я чувствую, что собрал теперь весь свой запас жизненных сил, дабы дать миру все лучшее, что только могу дать.

Моё нестерпимое желание увидеть Вашу замечательную книгу о Данииле Паломнике⁹⁵ до сих пор не исполнилось. По этой причине я все время откладывал это письмо, но теперь уже опасаясь, что с посылкой по дороге что-то случилось. По всей видимости, вина лежит на российской почте, от которой у меня остались только худшие воспоминания после отправки посылки в Имп. библиотеку — стоимостью от 4 до 5000 руб. — в начале прошлого года. Посылка с редчайшими манускриптами объявилась в Петербурге только после повторного официального запроса, где-то четыре

месяца спустя после отправки! Надеюсь, что эти экземпляры не потерялись. Заранее сердечно благодарю. Если меня не будет в Лейпциге, когда придет посылка (что вероятно), то экземпляры, предназначенные мадам Ценкер, Тоблеру⁹⁶ и Зеппу⁹⁷ в любом случае будут переданы им в лучшем виде. Примерно 23 января я отбываю отсюда в Англию, и до начала апреля должен употребить там все свои силы для работы над VIII изд. Н. З. Кроме того, летом я надеюсь сдать новый том «Памятников». С продажами большого Синайского кодекса на сегодня все складывается не слишком удачно. Оставшиеся экземпляры, больше 60-ти, снова вернулись ко мне, и я снизил цену с 260 талеров до 175, т.е. чистыми — 150. Сабуров, которого я прошлым летом встретил в Госларе, кажется, хочет заказать один экземпляр. Вероятно, он будет рад узнать, что я готов отправить ему этот экз. напрямую через моего комиссионера Кёлера, по цене 150 талеров, что по текущему курсу составило бы 175 руб.

Моя жена от всего сердца благодарит Вас за то, что Вы так доброжелательно о ней вспоминаете. Храни Бог В. Превосходительство, многоопытного героя на полях духовных битв! И прошу, сохраните ко мне Вашу прежнюю любовь и благосклонность.

С верным и искренним почтением,
К. Тишендорф.

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 20–21 об.

XIII

Лейпциг 12 июня 65.

Мой высокочтимый покровитель,

если Вы ожидали от меня отчёта о моей поездке в Англию, то были в том совершенно правы. У меня и самого это уже давно лежало на сердце. И даже если бы я знал заранее, что наш замечательный Джордж Уильямс⁹⁸ напишет Вам в Петербург, моего собственного долга это никак не отменяет. Также здесь стоит упомянуть, что по моему возвращению домой к Пасхе, я получил 4 экз. Вашей прекрасной книги о Данииле Паломнике, хотя уже совсем о них позабыл. Госпожа д. Зенкер уже давно сама высказала Вам свою благодарность, а Зепп и Тоблер, напротив, возложили эту обязанность на меня. Зепп также писал 26 апреля: «Лик Божий из Едессы, обнаруженный г-ном Норовым в Назарете и описанный им же в роскошной работе (Петербург, 1844 Т. II, 90)⁹⁹, вдохновил меня год назад написать подробный комментарий в «Историко-политических листках». К сожалению, я не располагаю копией этой статьи.» Ещё он сообщает о «Дополнении» к своей топографии (в несколько листов), предназначенной для Вас и меня, но того я ещё не получил. Тоблер писал 28 апреля: «Путешествие Даниила — это очень важная книга, А. Н. самым благодарнейшим образом исполнил и моё

давнее желание. Передайте ему по возможности мою глубочайшую благодарность за драгоценный подарок. Сообщите также, что со времени своей третьей поездки, посвящённой поиску палестин. паломнической литературы, мне удалось уже поймать небольшой улов, и что список Фюльжанса Ригнона (я получил от него последнюю тетрадь 1865 г.) совершенно ненадёжен, поскольку одно и то же произведение предписывается 2–3 различным авторам. Такой приговор я вынес в своём письме к нему, и тот сам охотно со всем согласился». При этом он приложил один экз. своей работы «Силоамский источник и Масличная гора»¹⁰⁰, «которая, кажется, Вам ещё неизвестна». Я сомневаюсь в этом предположении Тоблера, но отправлю эту работу через Исакова в Петербург, вместе с тем, что пришлёт Зепп.

Могу себе представить, с какой любовью В. Превосходительство работали над этим «Путешествием», дабы затем преподнести его европейской литературе. Я Вас от всего сердца поздравляю и благодарю.

Итак, смею ли я предположить, что Вам уже известно об оказанном мне английском приёме. Министр Фалькештейн¹⁰¹ поздравил меня с этим «триумфом в Англии», в действительности это был триумф Синайского кодекса, о котором все высказывались с живым интересом. Мой доклад, для которого Королевское литературное общество устроило отдельное заседание, теперь тоже опубликован (по-французски). К сожалению, 12 обещанных мне экз. я не получил, и не могу теперь Вам ни одного представить. Ваше имя было упомянуто в нем и занимает своё почётное место. В одной сноске я также указал, что английское правительство потратило на издание Бабером¹⁰² В. З. Алекс. код. (3 фолианта) целых 30 000 ф. стерл. И все же наше издание Синайского несравненно превосходит их работу, и кроме того, оно стоило дополнительных расходов (мои поездки в Петербург, факсимильные издания в Генеральном штабе, транспорт, 25 пергаменных текстов и к тому же ещё Лондонский пергамен и т.д.)¹⁰³. Я не претендовал и на десятую часть всего, и таким образом, после выхода 150 экз. «Записки» и 200 экз. «Нов. Зав. Син.» мои расходы составили, в общем и целом, 19 900 руб. серебром. Надеюсь, что хотя бы после моей смерти такую преданность немецкого учёного российской короне оценят по достоинству.

Во время моей поездки произошли два замечательнейших события: 9-го и 16-го марта. Девятого университет Кембриджа во время праздничного университетского заседания возвёл меня в степень д. права, шестнадцатого все повторилось в университете Оксфорда — мне присвоили степень д. гражданского права. Подобной двойной чести, так удачно приуроченной к моему визиту, вероятно, не устаивался ни один немецкий учёный. 23 года назад, как рассказывал мне князь Барятинский¹⁰⁴, подобное произошло с императором Алекс. II., ещё раньше — с Блюхером¹⁰⁵, а недавно — с принцем Уэльским¹⁰⁶. Об этом писали все английские газеты, прежде всего «Таймс»¹⁰⁷. «Атенеум»¹⁰⁸ написал 25 марта: «Должно быть, ему самому это

награждение так же приятно, как и российскому императору, несомненно, будет приятно стать счастливым обладателем Синайского кодекса...» Я также намереваюсь составить доклад для Росс. министерства народного просвещения (надеюсь, что Гол.¹⁰⁹ уйдёт навсегда) и для императора. Д. богосл. Эйнсли¹¹⁰ из Пемброк-колледжа, почтенный старец, заявил: «он скорее предпочёл бы открыть Син. код., чем Кохинур королевы Виктории». Это ли не величайшее признание? Теперь и англичане все чаще судят об этом в подобном духе. Так, сэр Ч. Николсон¹¹¹, учредитель Сиднейского университета, писал мне: «Я был рад узнать, какой высокой чести удостоился университет Кембриджа в своём желании почтить самого выдающегося учёного эпохи». Публичный оратор [OratorPublicus] Кембриджа в своём официальном обращении начал так: «Plurimos iam antehat viros, suis quemque titulis insignem, delato gradu cum academia consociavistis: quos quum animo recensens, nullus occurrit qui honorem illum magis videatur meruisse quam qui hodiernus adest hospes, Const. Ti.»¹¹² Вы знаете, мой почтенный покровитель, с каким рвением я посвятил себя Господу и Его слову, что уже само по себе великолепная награда, но тем не менее, я от всей души радуюсь этому всеобщему и благодарному признанию. В то же время я чувствую себя полностью удовлетворенным, ведь я нисколько не ошибался, что и сама Россия с честью примет мои труды, посвящённые российской короне.

Теперь одно слово по поводу моей книжки: «Когда были написаны наши Евангелия?»¹¹³ Её чрезвычайно хорошо приняли, со всех стороны слышались самые тёплые благодарности. За три недели разошёлся весь первый тираж в 2000 экз. (12 н.-гр./шт.), так что теперь сразу необходимо печатать второй. Король Иоганн¹¹⁴ говорил со мной об этом целых 20 минут, отныне он считает, что подлинность Евангелия от Иоанна доказана. Правительство Саксонии обратилось в союз народной литературы в Цвиккау и поручило ему сделать текст книги ещё более популярным, чтобы он мог попасть в руки каждому. Сам я это популяризирование принял, союзу требуется 10 500 экз. Даже в этой брошюре Син. код. играет особую роль, открытие Синая означает спасение священной частицы веры для церкви и христианской науки. Но у Вас уже есть эта книга, не правда ли? Она надолго задержится в Петербурге. Тем не менее, я пошлю для Вас один экземпляр со своей следующей посылкой в Петербург г-ну Петерсу¹¹⁵ на адрес министерства просвещения.

И снова работа легла на меня тяжким грузом. Нужно продолжать 8-е изд. Н. З., Неизданные священные памятники, 3-ий том апокрифов Н. З.. Поездки в Англию и Париж убедили меня в том, что мои исследования оказали поистине глубокое влияние на науку и церковь, и это огромное удовлетворение даёт мне силы работать дальше. Большая греческая палеография, разумеется, ещё требует от меня больших жертв, и я их с удовольствием принесу.

Я буду от всей души рад услышать и прочесть о том, чем занимается мой высокопочитаемый дорогой Норов. Не хотите ли провести лето снова у нас? Было бы великолепно, снова Вас увидеть и наслаждаться Вашим обществом. Благослови Бог Ваши седины! Храни Вас Бог, храни как одного из благороднейших и учёнейших мужей среди министров, которых когда-либо имела Россия, и не только Россия — во всей Европе подобные министры просвещения встречались довольно редко.

Искренне Ваш, Превосходительство, в прежней благодарности,

Конст. Тишендорф.

Прошу прощения за приложение, передайте его, пожалуйста, по городской почте.

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 22–23 об.

XIV

Д-р. Цунк¹¹⁶,

Мал. Конюш. д. Ц. Св. Петра, нов. д. № 54.

Лейпциг 6/18 дек. 1865

Мой высокочтимый покровитель,

моё сегодняшнее письмо, в первую очередь, должно быть сопроводительным письмом к моему пятому тому «Неизданных священных памятников. Новой коллекции», вышедшему прежде четвёртого, и которое я сегодня же посылаю В. Превосходительству. В том содержатся все без исключения послания Нового Завета в соответствии с палимпсестом епископа Порфирия¹¹⁷. Это очень важный источник, несмотря на то, что датируется он концом VIII-го — началом IX-го вв. Только такие крупные царь-тексты, как Синайский, Ватиканский, Александрийский¹¹⁸ и Ефремов¹¹⁹ кодексы наряду с древними греко-латинскими унциалами, древность которых установлена, предлагают нам более ранние образцы текста посланий. Я занялся пятым томом прежде четвёртого, потому что четвёртый в меньшей степени нуждается в посвящении университету Кембриджа. Также возможно, что уже в следующем году я выпущу Кодекс Лауда¹²⁰ из Оксфордских актов, с посвящением университету Оксфорда, несмотря на то, что это последний из девяти томов «Памятников». Почтовый сбор за посылку я оплатил только до границы, может быть, российский налог будет этому соразмерен. Я позволил себе приложить к посылке ещё один экземпляр для Порфирия Успенского и вверяю его Вам, дабы Вы благосклонно его передали. Я решился на это ещё и потому, как некоторое время назад тот писал мне, что В. Превосходительство уже долгое время пребывает в Киевском монастыре, и вероятно, часто видится с Порфирием.

Квитанцию Вашей подписки на сумму в 16 талеров, что всё-таки при сегодняшнем плохом курсе российских бумаг равняется 18 рублям (курс на сегодня — 87), прикладываю к письму. Но мы можем ускорить время посылки в Лейпциг. Поскольку я должен в ближайшее время препровождать деньги д. Цунку, то прошу Вас также заплатить д. Цунку, чтобы я вычел эту сумму из собственного платежа. Также я подумал о том, что, возможно, В. Превосходительство предпочтёт оплатить все тома без исключения, т.е. с четвёртого по девятый, которые все выйдут, даст Бог, до конца 1969 г. Если это так, то я с полным правом могу уравнивать сумму 96 талеров — 96 руб., тогда и потери при разнице изменившихся курсов будут хорошо урегулированы посредством этой предварительной оплаты. Однако, я ни в коем случае не требую от Вас того, что Вам самим будет неудобно. Но по понятным причинам, в этом случае также можно будет заплатить д. Цунку. Я лишь надеюсь, что ещё не слишком поздно сообщаю об этом.

Кроме того, к тому «Памятников» я приложил ещё один экз. моего «Доклада об обнаружении и древнем происхождении Синайского кодекса»¹²¹ и один экз. «популярного издания» моей книги о Евангелиях. Известность этой брошюры непрерывно растёт. Дважды её переводили на французский (второй перевод — популярный — выполнил проф. Сардину из Монтобана¹²²), дважды — на английский, на голландский, и — как я прочитал в одной Берлинской газете — также на русский. (Это так?). Оба тиража первоначальной книги сейчас распроданы, и ожидается, что я должен написать что-то ещё. Кроме 4000 экз. выйдут ещё 13 000 в популярном переложении. И само собой разумеется, что оно вызвало нескончаемый поток ругательств и оскорблений. Фолькмар из Цюриха даже написал целую книгу против меня и всех четырёх Евангелий¹²³. Вот в каком великолепном обществе я нахожусь.

Кроме того, прикладываю «Силоамский источник» Тоблера. Зепц, к сожалению, так ничего и не прислал, но я ему об этом напомню. Тоблер недавно был на Святой Земле, в четвёртый раз, но он уже вернулся и, таким образом, провёл там только два-три месяца. Также вверяю Вам благосклонно сопроводить письмо Порфирию с оповещением о книге. Конверт с русским адресом, в случае необходимости, увеличит сохранность письма.

В пути. Большое восьмое критическое издание продвигается теперь медленно. Недавно вышел второй выпуск, все 16 тетрадей доведены только до Мк. 5:1. В январе наконец выйдут «Апокрифические апокалипсисы»¹²⁴. В конце января я хочу на пару месяцев уехать в Италию, так что в череде моих публикаций наступит затишье.

С истиной радостью предвкушаю, как снова получу весточку от В. Превосходительства. Дай Бог, чтобы она была доброй. Разумеется, Вы снова полны своей неиссякаемой энергии. Юный герой Бородинской битвы теперь проявляет свою доблесть в битвах другого рода. И пусть Бог, так богато Вас

одаривший и так великолепно Вами руководящий, не отнимает у Вас этой прекрасной силы как можно больше.

Читали ли Вы «Русскую миссию в Палестине» в Ревю де Дё Монд¹²⁵ от 1 июля? Сен-Рене Тайяндье¹²⁶ ужасно все переврал. Все хорошее он написал мне, и этим ужасно глупым заключением просто опозорил Россию. Благородный великий князь¹²⁷, тем не менее, собственноручно написал мне об этом полное прежней доброжелательности письмо.

Так и Вы, мой почтенный покровитель, сохраните ко мне Вашу прежнюю доброжелательность и любовь, а то, что я постоянно храню Ваше имя в своём сердце, полный искренних мыслей и самых тёплых благодарностей, Вашему Превосходительству и так известно.

Сердечно Ваш,
К. Тишендорф.

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 24–25 об.

XV

Лейпциг 1 октбр. 66.

Мой высокочтимый покровитель, после долгого молчания — не правда ли? — я снова пишу Вашему Превосходительству, дабы выразить своё прежнее и искреннее почтение. Д. Цунк уже поведал мне о том, как рады были Вы узнать о моих успехах в Риме. И действительно, это было удовлетворение высшей степени. Хоть папство и не было заинтересовано в том, чтобы окончательно признать именно мои заслуги в отношении Ватиканского кодекса, оно позволило достигнуть другой цели: указать на них в моем издании Ватиканского Нов. Зав., и я чрезвычайно рад, что хоть это мне было позволено отвоевать для моих библейских исследований. Вместе с «Дополнением к известнейшим кодексам: Синайскому, Ватиканскому, Александрийскому»¹²⁸ я выпускаю вещь 20 интереснейших страниц «Кодекса В» в самом точном палеографическом воспроизведении, таким образом, мы впервые можем по-настоящему судить о рукописи, которая так долго была окутана тайной¹²⁹. Не только обилие, а даже сам род тех ошибок, которыми пестрили оба издания Мая, не поддаётся осмыслению. Уверен, что знаменитый кардинал не снискал никаким другим своим трудом столь дурной репутации в науке, как этими изданиями Ватиканского кодекса. Но что скажете Вы, Превосходительство, касаясь моих объяснений по поводу отношений Синайского кодекса к кодексу В и В к Синайскому. Не подлежит почти никакому сомнению, что корректуру С-кого кодекса и кодекса В делал один и тот же человек. Обе рукописи были созданы каллиграфами одной и той же школы, но были переписаны с двух различных экз., их свидетельства совершенно самостоятельны, что выводит нас к двум экз., созданным около

340 года в Александрии. Факт чрезвычайный. Превосходство одного текста над другим вовсе не зависит от того, что первый кодекс старше второго на 10 или 20 лет — доказательства в датировке код. В нельзя назвать неопровержимыми, то же касается и С-кого. Но при рассмотрении С-кого код. непосредственно как одного целого, он во многом выигрывает, чему я с каждым днём нахожу все большее подтверждение, работая над VIII бол. крит. изд. (из всех — XVIII); даже при хорошем количестве толкований кодекса В, даже если они предпочтительнее, чем те же самые в С-ком. И я счастлив, что могу дать тому подробное объяснение, но позднее. Оба кодекса в основной части содержат тексты в том виде, как они были известны уже в 150–200 гг. н. э., но произведённые изменения в Священном Писании свидетельствует о более раннем времени. Н. З. в этом плане невозможно сравнить ни с какой другой книгой древности. Совершенно оригинальные толкования Священного Писания, а именно Евангелий, говорят о том, что очень много рук, в большинстве своём из добрых побуждений, внесли так же много изменений в первоначальную редакцию. Христианскому миру теперь открыта тайна истории этого текста, что замечательно, ведь после такого неопровержимого доказательства древнейшего происхождения Евангелий, все нападки на его возраст становятся лишь причудой, не выдерживающей критики выдумкой.

Несколько дней назад я послал В. Превосходительству бандеролью свою книгу с последними правками: «Когда были написаны наши Евангелия?», а также проспект о Ватиканском Н. З. и «Дополнение». И уже с радостью ожидаю, как впишу Ваше благородное имя в список подписчиков на «Дополнение». При этом без Ватиканского Н. З. Ваша библиотека также не сможет обойтись. К сожалению, работа над VIII изд. Н. З. продвигается медленно, работать тяжело, но тем не менее, через две недели появится третья часть (до нач. Луки), и далее я хочу работать как только можно быстрее. С тем же нетерпением жду Вашего заключения по поводу четвёртого издания книги об Евангелиях.

Но как дела обстоят с Вашими собственными работами? Я очень обрадовался, услышав от Цунка, что Вы чувствуете себя вполне сносно и даже хорошо. Дай Вам Бог сил на то, чтобы окончить начатые Вами замечательные работы — о Н. З. и о последнем путешествии на Восток — в соответствии со своим замыслом. В радости, какую Вы затем испытаете, недостатка не будет.

Оставайтесь же при Вашей прежней сердечной доброжелательности к почитающему Вас, а в моей к Вам искренности и благодарности, знаю, В. Превосходительство, не сомневается.

Сердечно Ваш,
Конст. Тишендорф.

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 26–27 об.

XVI

Мой дражайший высокочтимый покровитель,

угадайте же, Превосходительство, о чем сообщит Вам моё сегодняшнее письмо? Не умаляя своего восхищения Вашими знаниями и Вашим даром предвидения, я все же сомневаюсь, что Вы угадаете. Господь подарил нам, мне и моей дорогой жене, ещё один дар своей милости — прелестное дитя. Если кто-то считал нас стариками, то вот доказательство обратного: ведь старые люди не могут крестить детей. Но почему я пишу Вашему Превосходительству? В 1862 году на пути из Варшавы в российскую резиденцию я рассказывал моему почтенному покровителю, дескать, супруга великого князя Константина¹³⁰ взяла с меня слово, что она станет крестной матерью нашего «восьмого» — в ту пору наш седьмой был уже крещён. Едва я сказал это, как Вы, славный и почтенный господин, тотчас же прибавили: «Тогда Вы должны пообещать мне, что я буду крестным отцом». Я от всей души радовался тому, как прекрасно и искренне Вы того пожелали, однако, совсем не думал, что Вашему желанию будет суждено исполниться. Но Господь распорядился иначе: за $1\frac{1}{2}$ часа до окончания светлого дня Пасхи моя маленькая девочка появилась на свет. Воистину, могу ли я отважиться и напомнить о том слове, что было произнесено Вами, быть может, лишь в сердечном порыве? Я теряюсь в сомнениях, но в то же время я совсем не сомневаюсь. Ваше имя все равно навсегда останется на страницах истории моей жизни, Вы и сами это знаете. Это имя уже и без того стало родным в кругу моей семьи. Конечно, было бы прекрасно, если бы родился мальчик — тогда крестная связь с министром и генералом, чей девиз гласит: «Omnia siperdas, animam servare memento»¹³¹, стала бы только крепче, приобрела бы большой смысл. Но я также знаю и часто с умилением вспоминаю, что мужа, более душевного и ласкового, чем министр Норов, просто не может существовать. И уже это побуждает простить моего высокого покровителя подумать о том, чтобы стать крестным для этой девочки, для моей «Александры», но только в том случае, что я со своей отцовской просьбой полностью удовлетворяю вашему желанию, тому желанию 1862 года.

Я сообщил княгине во время её последнего визита в Альтенбург, что ожидаю счастливого прибавления в семействе. Её Имп. Высочество были настолько благосклонно настроены, что сразу же поведали всему королевскому двору в Дрездене о своём кумовстве со мной. Два дня назад я с радостью сообщил о том, что снова стал отцом, и теперь ожидаю ответа. От Вас я также ожидаю ответа, и надеюсь вместе с ним увериться в том, что наш старый герой все также свеж, радостен и все также живёт во Христе. Больше ни слова, поскольку уже в ближайшие недели, даст Бог, появится мой «Ватиканский Новый Завет», а также «Дополнение к известнейшим кодексам: Синайскому, Ватиканскому, Александрийскому», в общем, близнецы.

В прежней искренней благодарности и почтении, а также с самыми любезными пожеланиями моей дорогой жены, пребываю верным, преданным слугой Вашего Превосходительства

Константин Тишендорф.

Лейпциг, в пятницу

Пасхальной недели 1867 г.

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 30–31 об.

XVII

Лейпциг 13 мая 1867.

Мой высокочтимый покровитель,

итак, я не ошибался в Вас, Превосходительство, когда надеялся на Вашу прежнюю, полную снисхождения искренность и любовь. Вы от чистого сердца приняли и исполнили самое сердечное наше желание — моё и моей супруги. Мы оба за то очень благодарны. Для семьи это великолепное событие и честь, что Вы, столь почитаемый герой, будете крестным отцом моей Александры, Вы, кто десять лет назад благосклонно протянул мне руку помощи в столь многообещающем предприятии моей научной жизни. И вот, Вы нашли в своём сердце местечко и для нашей милой Александры, местечко и в Ваших верных молитвах. Крещение назначено на понедельник 20-го мая (8-го по русскому стилю). В около полуденный час, Бог даст, в 12, свершится таинство крещения. И я знаю, что душой Вы в этот час будете с нами, в центре всего праздничного оживления.

Княгиня телеграфировала мне ^{25 апр. / 7 мая} через свою старую знакомую баронессу Роткирх: Императорское Высочество сердечно поздравляет, рада быть крёстной своей младшей тётки. Поскольку Её Имп. Высочество заранее дали повод это предполагать, ещё в королевской резиденции в Дрездене в конце января, я мог не сомневаться в столь благосклонном принятии и исполнении моей просьбы. Не правда ли, Превосходительство, что это изволение княгини есть ни что иное, как свидетельство её высокой ко мне благосклонности. Как только счастливо разрешилась моя жена, я тоже разрешился, и к тому же — учёными близнецами: «Ватиканским Новым Заветом» и «Дополнением к известнейшим кодексам: Синайскому, Ватиканскому, Александрийскому».

Я думаю, уже сегодня обе книги будут отправлены В. Превосходительству по почте через моего комиссионера. Я позволил себе оплатить пошлину до границы. Сумму за обе книги, 16 талеров и $4 \frac{2}{3}$ талеров, разумеется, можно спокойно передать д. Цунку, в таком случае он затем её вычтет из моего будущего счёта: итого $20 \frac{2}{3}$ тал. От всей души надеюсь, что мне ещё удастся в этой жизни снова посетить Санкт-Петербург и увидеть моего высокочтимого покровителя, я с радостью этого жду.

Итак, на сегодня передаю лишь ещё сердечный привет от моей дорогой жены и самые искренние пожелания от меня лично, за сим пребываю в благодарнейшем почтении к В. Превосходительству, искренне преданный слуга и подопечный

К. Тишендорф.

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 28–29 об.

XVIII

Лейпциг 15/27 апр. 1868.

Мой высокочтимый покровитель,

ещё раз тысячекратное спасибо за все доказательства вашей прежней высокой благосклонности, которыми вы почтили и украсили моё недавнее пребывание в северной резиденции. Сказать прямо, я опасался, что увижу старика, который бы уже совсем близко подошёл к тому, чтобы попрощаться и покинуть блистательную сцену нашей жизни. И насколько я был рад узнать и увидеть собственными глазами, какой энергией и радостью увенчан закат Вашей жизни. Господь держит Ваше Превосходительство в своей благословенной руке, под своей опекой и защитой. Да удостоит Он и меня того же. Кроме того, я вконец убедился в Вашем искреннем участии, которое Вы мне дарите за мои собственные стремления и дела во имя священной науки. И за это ещё раз сердечное спасибо. Все заслуги моих исследований, в центре которых неизменно стоит слово Господа — одновременно и Ваши заслуги. Это очень укрепляет меня и мою душу, поскольку я знаю, насколько высоко Вы цените все это, и я надеюсь достичь ещё большего, к Вашим собственным радости и удовлетворению.

8/20 апреля, то есть ровно 8 дней назад, мы отмечали первый день рождения нашей Александры. О Вас мы тоже сердечно вспоминали и со всей искренностью подняли бокал за Ваше здоровье. Роскошный детский костюмчик уже впору милому ребёнку, и все, кто пришёл на празднование, восторгались им. Теперь перейдём к святой Варваре. У меня, к сожалению, нет списков ни с Оксфордской, ни с Парижской рукописи. Но обе они — всего лишь фрагменты. Oxford. Cod. d. i. Cod. Vaross. 180 л. 115 начинается словами (фрагмент): $\epsilon\pi\iota\sigma\tau\alpha\mu\acute{\epsilon}\nu\alpha\varsigma\kappa\alpha\iota\lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\iota\tau\omicron\iota\varsigma\tau\eta\nu\acute{\iota}\alpha\iota\varsigma\delta\iota\alpha\tau\acute{\iota}$ ¹³². Однако, Парижская рукоп. Нг. 155 является более важной и особенно редкой. Но и здесь древние унциальные листы, находящиеся в начале кодекса, восходят, вероятно, к VIII-му, в крайнем случае, IX-му в. Это $\mu\alpha\rho\tau\acute{\upsilon}\rho\iota\omicron\nu\ \tau\eta\varsigma\ \acute{\alpha}\gamma\iota\alpha\varsigma\ \text{Варβάρας}$ ¹³³ — не знаю, в каком объёме — представлено на этих древних и трудночитаемых листах вместе с деяниями Андрея и Матфея. Из моих «Апокрифических деяний» (Прол. С. LVII и далее)¹³⁴ Вы можете узнать, как мало из всего этого удалось кому-либо расшифровать. Если бы я только мог догадываться, какое значение Вы придаёте этой теме, то употребил

бы все вое усердие, дабы расшифровать и переписать этот текст во время моего последнего пребывания в Париже. Я не отметил у себя, встречалось ли мне свидетельство о том же самом мученичестве в минускульном кодексе № 1470 Императорской библиотеки, датированном 890 г. н. э., но думаю, что вполне возможно. При этом есть и радостная новость, а именно то, что в древних пергаменных рукописях, переданных мной в Петербург есть это же самое *μαρτύριον*¹³⁵. Более подробные размышления над л. 63 XI-го минускульного кодекса я привожу в «Записке о Синайской рукописной Библии». Могу предположить, что он принадлежит столь же древней редакции, как и тот, что датируется временем до Симеона Метафраста¹³⁶. Путь же этот текст оправдывает большие ожидания!

Заказанные Вами «Апокрифические деяния» я хочу отправить по почте вместе с этим письмом, бандеролью с оплаченным налогом сбором. По возможности, я прошу Вас заплатить за все моему другу д. Цунку 3 руб. Сама цена $2\frac{2}{3}$ тал. Нам было бы очень приятно получить Вашу новую фотографию, присланную Вами для милой крестницы.

Один экз. Синайского кодекса для графа Орлова-Давыдова¹³⁷ уже был отправлен отсюда 2/14 апреля срочным грузом, по железной дороге. Я сразу же написал ему напрямую и попросил выписать вексель на 480 франков в Париж, то же самое сообщение от меня получил граф Метакса в Петербурге. Но до настоящего момента вексель не получен ни с той, ни с другой стороны. Возможно, у В. Превосходительства будет возможность напомнить им о деле.

Г-ну Титову я точно такой же бандеролью выслал мой перевод книги «О благодеяниях Христа» во втором и пятом изд., предназначенный для мадам. Я буду очень благодарен, если бы В. Превосходительство откомендует меня г-ну Титову и его супруге самым настоятельным образом, правда, я надеюсь, что в скором времени лично ему напишу и ещё раз отблагодарю.

Превосходному дорогому мне учёному, архимандриту Паламе [Palamas], разумеется, уже ставшему желанным гостем в Вашем доме, а также дорогому г-ну племяннику мои сердечные пожелания.

Моя жена присоединяется к моим заверениям нашего сердечного и благодарного уважения к моему досточтимому верному покровителю и почитаемому крестному отцу нашей Александры. Храни Бог В. Превосходительство. В искреннем и верном почтении, с давних пор Ваш

К. Тишендорф.

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 32–33 об.

ХІХ

Мой почтенный покровитель,

я совсем забыл, Превосходительство, упомянуть о том экземпляре Синайского кодекса, который Вы желали передать графу Метаксе. Дабы

предотвратить недопонимание, собственно, отмечу, что исключительная цена в 480 франков (вместо изначальной в 880 франков [230 руб.] и соблюдаемых мною прежде 570 франков = 150 руб.) может действовать только на время моего пребывания в Петербурге. Собственно, все потому, что после моего возвращения, в соответствии с достигнутым в предварительных переговорах, последние оставшиеся экз. я передам «Гизеке и Девриент» для продажи (это они напечатали книгу). Господа намеревались, со своей стороны, установить минимальную цену в 160 руб. (= 600 фр.), и при этом я не смогу от них более требовать такой же исключительной цены в 480 фр. Конечно, принимайте эти строки лишь для общего сведения. Я должен был сообщить обо всем заблаговременно и прошу прощения, что не внёс ясность в это дело с самого начала.

Вечером следующего понедельника, которого я с радостью ожидаю, я попрошу Вас, однако, показать мне то место у Златоуста, в котором, как он говорит, его экземпляр несовершенен в отношении Иоанна 7:53 — 8:12. В 1858 году мне о нем было неизвестно, насколько я вижу в своём комментарии к VII бол. крит. изд. И замечательно: в случае, если я все же ошибся, да ещё и в своей области, это станет хорошим поводом похвалить моего высокого покровителя. Но я боюсь, что предполагаемое основывается на какой-либо ошибке.

В прежнем почтении, В. Превосходительство, сердечно Ваш

К. Тишендорф.

отель Клее, утро субботы.

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 37–37 об.

XX

Мой Высочтимый покровитель,

растворившись в нескончаемых рабочих заботах, я молчал дольше, чем должен был и чем сам того хотел. И теперь я уже слишком опоздал с тем, чтобы сообщить Вам, что при Вашем чутком участии мои последние решительные действия в Петербурге, наконец, привели наше соглашение с Синайским монастырём к его счастливому заключению¹³⁸. Игнатъев¹³⁹ писал мне от 16/28 августа, что дарственная должна быть оформлена, как только новый Синайский архиепископ прибудет в монастырь¹⁴⁰. Разумеется, Вы получите эту победную грамоту или напрямую с Востока, или из Рос. министерства просвещения. Г-н фон Петерс так же писал мне, что в министерстве уже получили о том официальное извещение. Я сердечно рад. Таким образом, моё наречение кодекса «Петербургским», как я назвал его ещё в 1862 году с согласия архиепископа Кирилла, оправдало себя. Как же сильно я хотел бы отпраздновать это событие с Вами лично. Надеюсь, так и будет.

«Труды Филона»¹⁴¹ действительно к Вам поступят. Мне пришлось разделить посылку на две бандероли, поскольку по северо-германскому регламенту, вес каждой такой посылки не может превышать 1/2 т. Вскоре выйдет 5 ч. моего Нов. Зав. до Ин. 6:23 (всего 50 листов). До конца этого года, даст Бог, все 4 Ев. будут завершены. Мне отправить Вам тот экземпляр, который Вы просили, ещё до завершения всей серии? Или мне следует отправить в один раз все пять частей?

А теперь пару слов об отправленном графу Метаксе экземпляре Синайского кодекса. Этот экземпляр до сих пор лежит в Петербурге: таким образом, Метакса не отправляя его за свой счёт назад, как Вам сказали. «Гизеке и Девриент» намерены подать жалобу на администрацию железной дороги и требовать возмещения ущерба, поскольку, как видится, та действительно потребовала наложный платёж на посылку, чем расстроила всю сделку. Также «Гизеке и Девриент» располагают предписанием к декларации, и в этом предписании указана лишь объявленная стоимость, но совершенно ничего не сказано об обязательном наложном платеже. Эта ошибка произошла исключительно по вине администрации железной дороги, которая перепутала графы в декларации. Но если бы граф Метакса сразу же обратился ко мне или к моим комиссионерам, дескать, по какому праву железная дорога требует с него эту сумму, к тому же неверную, то дело тотчас бы прояснилось и было бы улажено. У порядочных людей в Германии, к коим я отношу себя и моих комиссионеров, принято строго держать данное слово. По отношению к графу Метаксе это должно исполняться в равной степени. И ему нельзя было ни на мгновение сомневаться в том, что оно хоть малым образом может быть нарушено. Я буду по-настоящему рад, если в скором времени снова получу вести о Вашем добром здравии. Надеюсь, что старый герой ещё долго будет молод и свеж для науки, веры и для друзей. Не премину сообщить, что крестная дочь Вашего Превосходительства быстро подрастает, и необычайно скоро развивается как физически, так и духовно. Бегаёт она со всей уверенностью, говорит уже довольно много и замечательно разбирается в книжках с картинками. В прекрасном русском костюме Александра блистала уже не раз. Помимо этого мы лишь надеемся, что она сможет познакомиться со своим почтенным крестным лично. Неправда ли, надежда есть? Моя жена поручила мне высказать Вам её уважение и самые добрые пожелания. Архимандрит Палама [Palamas] относится к Вашим работам все также благосклонно? Прошу, поклонитесь ему от меня.

За сим счастлив пребывать в прежнем искреннем почтении к Вам, Ваш
Конст. Тишендорф.

Лейпциг 13 окт. 68.

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 34–35 об.

XXI

Превосходительство,

только что вернувшись из Царского Села — в половине шестого — спешу сообщить своему почтенному покровителю, что приём Е. Имп. Вел. прошёл весьма благополучно. Император считает работу «настоящим памятником» и по-видимому придаёт очень большое значение тому, чтобы она завершилась ко времени славного юбилея. «Дай Бог, чтобы она была закончена», — с этими словами он пожал мне руку на прощанье. Помимо печатных образцов я показывал императору кое-что, отпечатанное мною из манускрипта, листы корректуры, а также печатный лист Александрийского кодекса в издании Бабера, для сравнения.

Остальное — при встрече. Хотя я и должен поблагодарить Вас за сегодняшний день, надеюсь, я сделаю это устно. А до той поры мои преисполненные уважения пожелания!

К. Тишендорф.

РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 40.

Карандаш.

- ¹ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений 1802–1917 гг. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 467–470; Вацура В.Э. Норов Авраам Сергеевич // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 359–361; Чистикова Е.А. Государственная и общественная деятельность А.С. Норова: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. СПб., 2016.
- ² Норов А.С. Путешествие по Святой Земле в 1835 г. Ч. 1–2. СПб., 1838; Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835 гг. Ч. 1–2. СПб., 1840; Путешествие к семи церквям, упоминаемым в Апокалипсисе. СПб., 1847; Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток. СПб., 1878. Отметим, что оценку сочинений А.С. Норова давали классики русской литературы: Чернышевский Н.Г. Путешествия А. С. Норова // Н.Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений в 15 т. М., 1949. Т. 2. С. 517–543; Чехов А.П. Авраам Сергеевич Норов // Исторический вестник. СПб., 1895. Т. 61. № 8. С. 385–391.
- ³ Косяков Г.В. Мирозобразы лирики А.С. Норова // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского политехнического университета. — СПб., 2011. Т.1. № 118. С. 302–306; Бузов А.А. А.С. Норов и урегулирование конфликта с Иерусалимским Патриархатом (1865–1868 гг.) // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. Материалы конференции. М.: Индрик, 2012. С. 89–102; Вах К.А. К истории знакомства архимандрита Антонина (Капустина) и Авраама Сергеевича Норова // Иерусалимский православный семинар. Вып. 4. М., 2013. С. 215–220; Норов на Святой Земле. // Гуминский В.М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М., 2017. С. 337–352; Вах К.А.

- Путь в Иерусалим. Материалы к биографии А.С. Норова // ППС. Вып. 116.М., 2019. С. 211–228.
- 4 Вах К.А. Письма архимандрита Антонина (Капустина) к Аврааму Сергеевичу Норову: 1866–1867 гг. // Иерусалимский православный семинар. Вып. 4. М., 2013. С. 221–239; Алексеев А.И. Русская Палестина в документах архива А.С. Норова (1795–1869) // Православный Палестинский Сборник. Вып. 116.М., 2019. С. 191–210; Алексеев А.И., Вах К.А. Переписка архимандрита Леонида (Кавелина) с А.С. Норовым // Православный Палестинский Сборник. Вып. 116.М., 2019. С. 261–315.
- 5 Отчёт Императорской публичной библиотеки за 1873 г. С. 34–35.
- 6 Алексеев А.И. Русская Палестина в документах архива А.С. Норова (1795–1869) // Православный Палестинский Сборник. Вып. 116.М., 2019. С. 191–210.
- 7 Вах К.А. Путь в Иерусалим. Материалы к биографии А.С. Норова // Православный Палестинский Сборник. Вып. 116.М., 2019. С. 225.
- 8 РНБ. Ф. 531. Норов А. С. Ед. хр. № 605.
- 9 Никитенко А.В. Авраам Сергеевич Норов. Биографический очерк, читанный в торжественном собрании Императорской Академии наук 29-го декабря, ординарным академиком А.В. Никитенко. СПб.: тип. Акад. наук, 1870. С. 27.
- 10 В 1859 г. 109 рукописей, привезённых Тишендорфом, поступили в Императорскую публичную библиотеку. В их числе и 346 листов Синайского кодекса, который Тишендорф стал именовать «Петербургским». См.: Крушельницкая Е.В. Синайский кодекс и рукописи Синая в фондах Российской национальной библиотеки. Обзор выставки // Синайский кодекс и памятники древней христианской письменности: традиции и инновации в современных исследованиях. СПб., 2012. С. 185–208; Романова Т.В. Константин Тишендорф и синайские рукописи его коллекции // Синайский кодекс и памятники древней христианской письменности. СПб., 2012. С. 213–223.
- 11 Захарова А.В. История приобретения Синайской Библии Россией в свете новых документов из российских архивов // Монфоко. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. М.; СПб., 2007. С. 209–266.
- 12 См.: Вах К.А. Архимандрит Антонин (Капустин) и Синайская Библия // Синайский кодекс и памятники древней христианской письменности. СПб., 2012. С. 23.
- 13 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. № 605. Л. 1.
- 14 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 1 об.
- 15 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 3–4.
- 16 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 38–39 об.
- 17 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 391. Л. 4.
- 18 Там же. Л. 4 об.
- 19 Там же. Л. 5.
- 20 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 6 об.
- 21 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 11.
- 22 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 15 об.
- 23 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 12–13 об.
- 24 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 9.

- 25 Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем: 1857–1861. Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 143.
- 26 Вах К.А. Архимандрит Антонин (Капустин) и Синайская Библия. С. 24.
- 27 Tischendorf, K. von. Notitia editionis codicis biblicorum Sinaitici auspiciis imperatoris Alexandri II. ... — Lipsiae, 1860.
- 28 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 17.
- 29 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 17.
- 30 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 19 об.
- 31 Norov, Avraam S. Die sieben Kirchen der Offenbarung St. Johannis: Reiseerinnerungen aus Kleinasien; mit Abbildungen der sieben heiligen Stätten. Leipzig, 1860.
- 32 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 38.
- 33 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 23 об.
- 34 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 20.
- 35 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 21.
- 36 Норов А.С. Защита Синайской рукописи Библии от нападений отца Архимандрита Порфирия Успенского. СПб., 1863.
- 37 Путешествие игумена Даниила по Святой Земле, в начале XII века (1113–1115). СПб., 1864.
- 38 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 25 об.
- 39 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 26 об.
- 40 Wann wurden unsere Evangelien verfasst? Leipzig, 1865.
- 41 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 30 об.
- 42 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 28. Упоминание о 10 годах, прошедших с момента обещания помощи в деле организации экспедиции Тишендорфа, указывает также на 1857 год, как на время знакомства немецкого учёного с А.С. Норовым.
- 43 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 37–37 об.
- 44 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 32.
- 45 История открытия, издания и приобретение Синайского кодекса описана самим К. Тишендорфом: Tischendorf C. von. Die Sinaibibi, ihre Entdeckung, Herausgabe und Erwerbung. Leipzig. 1871. Русский читатель мог ознакомиться с этой историей в издании: Православное обозрение, 1860. № 11; 1862. № 7. 1869. № 7. Об истории приобретения Синайского кодекса с точки зрения современной науки: Захарова А.В. История приобретения Синайской Библии Россией в свете новых документов из российских архивов // Монфоко. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. М.; СПб., 2007. С. 209–266.
- 46 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 34.
- 47 РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 605. Л. 40.
- 48 Abraham v. Noroff, tats. russischer wirklicher Geheimerrath und Minister des öffentl. Unterrichts // Illustrierte Zeitung. Dreißigster Band. № 757. 2. Januar 1858. Leipzig, Verlag der Expedition der Illustrierten Zeitung. J. J. Weber. S. 4.
- 49 Штейншнейдер, Мориц (нем. Moritz Steinschneider, 1816–1907), немецкий арабист, гебраист, специалист по еврейским рукописям, историк еврейской литературы.

- 50 Делич, Франц (нем. Franz Delitzsch, 1813–1890), немецкий гебраист, теолог, историк еврейской литературы, основатель Института иудаики в Лейпциге.
- 51 Речь идет о первом факсимильном издании Ватиканского кодекса и его издателе. Май, Анджело (итал. Angelo Mai, 1782–1854), итальянский кардинал, филолог, главный хранитель Ватиканской библиотеки в 1819–1854 гг.
- 52 Верчеллоне, Карло (итал. Carlo Vercellone, 1814–1869), итальянский богослов, настоятель Ордена варнавитов. Его первой публикацией стало переиздание Ватиканского кодекса на основе издания Мая в 1857 г.
- 53 Ведь даже сам Май у себя на страницах свидетельствует, что Гуг и Тишендорф почти всё уже сделали в этой области; и действительно, в их сочинениях заметны большое трудолюбие и понимание, большая учёность (*лат.*). Гуг, Иоганн Леонард (нем. Johann Leonhard Hug, 1765–1846), католический теолог, ориенталист, профессор Фрайбургского университета.
- 54 Хвольсон Даниил Авраамович (1819–1911), российский историк и лингвист, специалист по арабской и еврейской письменности, член-корреспондент Императорской Академии наук по разряду восточных языков.
- 55 Novum Testamentum Graece. Ed. 7. Ed. Fridericus Constantinus Tischendorf. Lipsiae, 1859.
- 56 Толстой, Александр Петрович (1801–1873), граф, русский государственный деятель, обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода в 1856–1862 гг.
- 57 Корф Модест Андреевич (1800–1876), барон, директор Императорской публичной библиотеки в 1849–1861 гг.
- 58 Гримм, Август Теодор, фон (нем. August Theodor von Grimm, 1805–1878), немецкий писатель и педагог, воспитатель детей императоров Николая I и Александра II.
- 59 Ковалевский Евграф Петрович (1790–1867), министр народного просвещения в 1858–1861 гг.
- 60 Тишендорф был награжден орденом св. Станислава 2 степени.
- 61 Флейшер, Генрих Леберехт (нем. Heinrich Leberecht Fleischer, 1801–1888), немецкий ученый-востоковед, профессор Лейпцигского университета.
- 62 Штиглиц Александр Людвигович (1814–1884), крупнейший банкир в Санкт-Петербурге.
- 63 В оригинале: Die Aloë blüht spät, aber herrlich. Вероятно, цитата взята из работы Гердера «О пользе школ» (Vom Nutzen der Schulen, 1783).
- 64 *Норов А.С.* Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе. СПб., Тип. III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1847.
- 65 Путешествие по Святой земле в 1835 году. СПб., Типография А. Смирдина, 1838.
- 66 Вебер, Иоганн Якоб (нем. Johann Jacob Weber, 1803–1880), немецкий издатель иллюстрированных сочинений, также «Иллюстрированной газеты» в Лейпциге.
- 67 Устоявшийся перевод девиза ордена св. Станислава «Награждая, поощряет» не совсем точен. Мысль Тишендорфа более понятна, если переводить девиз как «Вдохновлен наградой».
- 68 Денно и ночью (*лат.*). Точная цитата Горация («Наука поэзии»): *Nocturná versáte manú, versáte díúgna* — «Перелистывайте днем, перелистывайте ночью».
- 69 Вейгель, Теодор Освальд (нем. Theodor Oswald Weigel, 1812–1881), книготорговец из Лейпцига, историк искусств, коллекционер старопечатных книг.

- 70 *Grimm, A. Th. von.* Die Fürstin der siebenten Werst: Roman in vier Büchern. Leipzig, 1858.
- 71 Всё могу в укрепляющем меня (Флп. 4:13).
- 72 Волконский Александр Никитич (1811–1878), князь, русский дипломат, тайный советник, чрезвычайный посланник в Саксонии в 1858 г.
- 73 Коцебу Вильгельм Августович (Василий Евстафьевич, нем. Wilhelm von Kotzebue, 1813–1887), секретарь русской дипломатической миссии в Дрездене в 1858–1862 гг.
- 74 21 апреля 1860 г. умерла Варвара Егоровна Норова (урожд. Панина), супруга А.С. Норова.
- 75 *Tischendorf, K. von.* Notitia editionis codicis biblicorum Sinaitici auspiciis imperatoris Alexandri II. ... — Lipsiae, 1860.
- 76 Monumenta sacra. Nova Collectio (1857–1870). Всего вышло 6 томов.
- 77 Второе путешествие А.С. Норова в Святую Землю состоялось с октября 1860 г. по апрель 1861 г.
- 78 Трудности в оформлении дарственной на Синайский кодекс были вызваны конфликтом между архиепископом Синайским Кириллом и братией монастыря.
- 79 *Norov, Avraam S.* Die sieben Kirchen der Offenbarung St. Johannis: Reiseerinnerungen aus Kleinasien; mit Abbildungen der sieben heiligen Stätten. Leipzig, 1860.
- 80 Витгенштейн Леонила Ивановна (1816–1918), дочь И.И. Барятинского и жена князя Л.П. Витгенштейна, фрейлина императорского двора.
- 81 Исаков Иван Павлович (†1865), купец 1-й гильдии в Петербурге.
- 82 Фроманн, Георг Карл Людвиг Готлиб (нем. Georg Carl Ludwig Gottlieb Frommann, 1809–1879), немецкий теолог, пастор Лютеранской церкви Святых Петра и Павла в Санкт-Петербурге в 1839–1865 гг.
- 83 Codex Vaticanus (*лат.*). Это одна из самых ранних греч. пергаменных рукописей (IV в.), содержащая книги Ветхого и Нового Заветов. Рукопись находится в Ватиканской библиотеке (Vat. gr. 1209).
- 84 Ориген (185–254), раннехристианский богослов, экзегет.
- 85 Евсевий Кесарийский (†339/340), церковный писатель, апологет и экзегет.
- 86 Думаю о том, каким удивительным образом зло уравновешивается добром (*лат.*). Цитата из предисловия Тишендорфа к его седьмому изданию Нового Завета.
- 87 Novum Testamentum graece. Ex sinaitico codice omnium antiquissimo vaticana itemque Elzeviriana lectione notata. Lipsiae, 1865. Публикации предшествует посвящение А.С. Норову.
- 88 Prolegomena (*лат.*)
- 89 *Норов А.С.* Защита Синайской рукописи Библии от нападений отца Архимандрита Порфирия Успенского. СПб., в Тип. Императорской Акад. наук, 1863.
- 90 Кобет, Карл Габриель (нидерл. Carel Gabriel Cobet, 1813–1889), нидерландский филолог-классик, профессор Лейденского университета.
- 91 Гизо, Франсуа (фр. François Pierre Guillaume Guizot, 1787–1874), французский историк и государственный деятель, глава правительства в 1847–1848 гг.
- 92 Дарбуа, Жорж (фр. Georges Darbois, 1813–1871), французский теолог, архиепископ Парижа в 1863–1871 гг.
- 93 Минье, Франсуа-Огюст (фр. François-Auguste Mignet, 1796–1884), французский историк, член Французской академии.

- ⁹⁴ Тьер, Адольф (фр. Marie Joseph Louis Adolphe Thiers, 1797–877), французский историк и политический деятель, президент Франции в 1871–1873 гг.
- ⁹⁵ *Норов А.С.* Путешествие игумена Даниила по Святой земле, в начале XII века (1113—1115). СПб., в Тип. Императорской Акад. наук, 1864.
- ⁹⁶ Тоблер, Титус (нем. Titus Tobler, 1806–1877), швейцарский врач, фольклорист и исследователь Палестины.
- ⁹⁷ Зепп, Иоганн Непомук (нем. Johann Nepomuk Sepp, 1816–1909), католический богослов, историк, археолог, профессор Мюнхенского университета.
- ⁹⁸ Уильямс, Джордж (англ. George Williams, 1814–1878), английский религиозный деятель и академик, капеллан англиканского храма в Иерусалиме (1841–1843) и в Санкт-Петербурге (1844–1845).
- ⁹⁹ *Норов А.С.* Путешествие по Святой Земле в 1835 году. С примечаниями на Путешествие игумена Даниила в XII веке. 2-е издание, доп. В 2 ч. СПб.: В тип. III Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1844.
- ¹⁰⁰ *Tobler T.* Die Siloahquelle und der Oelberg. St.Gallen, 1852.
- ¹⁰¹ Фалькенштейн, Иоганн Пауль, фон (нем. Johann Paul Freiherr von Falkenstein, (1801–1882), саксонский барон, государственный деятель, министр просвещения Саксонии в 1853–1871 гг.
- ¹⁰² *Baber H.H.* Vetus Testamentum Graecum e Codice MS Alexandrino... fideliter descriptum cura et labore, 3 vols. London, 1816–1821.
- ¹⁰³ Четырехтомное издание «Bibliogum Codex Sinaiticus Petropolitanus» (1862) было подготовлено всего за 3 года, но поражало полиграфическим качеством. Фотографические работы проводились в Генеральном штабе в Санкт-Петербурге, печать в типографии «Гизеке и Девриент» в Лейпциге. Тираж издания составил 327 экземпляров, из которых 227 были распределены по библиотекам России и Европы. Стоимость издания составила 20 000 рублей.
- ¹⁰⁴ Вероятно, Бяратинский Александр Иванович (1815–1879), генерал-фельдмаршал, член Государственного совета, после 1860 г. находился в отпуске за границей.
- ¹⁰⁵ Блюхер Гебхард Леберехт (1742–1819), прусский фельдмаршал, участник войн против Наполеона, победитель в сражении при Ватерлоо, получил почётную степень доктора права Оксфордского университета.
- ¹⁰⁶ Георг Август Фредерик, позднее Георг IV (англ. George IV, 1762–1830), король Великобритании и Ганновера в 1820–1830 гг., получил степень доктора гражданского права Оксфордского университета.
- ¹⁰⁷ «The Times» (англ.), одна из самых известных ежедневных газет Великобритании, издаётся с 1785 г.
- ¹⁰⁸ «The Athenaeum» (англ.), английский литературный журнал, издавался в Лондоне в 1828–1921 гг.
- ¹⁰⁹ Головнин Александр Васильевич (1921–1886), русский государственный деятель, министр народного просвещения в 1861–1866 гг.
- ¹¹⁰ Эйнсли, Гилберт (англ. Gilbert Ainslie, 1793–1870), английский религиозный деятель, доктор богословия Кембриджского университета.

- ¹¹¹ Николсон, Чарльз (англ. Sir Ch. Nicholson, 1st Baronet, 1808–1903), англо-австралийский политический деятель, учредитель Сиднейского университета, филантроп.
- ¹¹² Прежде вы уже причислили к академии многих мужей, каждого отметили почетным званием, каждому присвоили степень, но о ком из них не думаю, ни один не находится, кто казался бы более заслужившим этой чести, чем сегодня присутствующий гость — Конст. Т. (лат.)
- ¹¹³ Wann wurden unsere Evangelien verfasst? Leipzig, 1865.
- ¹¹⁴ Иоганн Саксонский (нем. Johann von Sachsen, 1801–1873), король Саксонии в 1854–1873 гг.
- ¹¹⁵ Петерс, Карл Карлович (1824–1895), российский государственный деятель, правовед, в 1865 г. директор Департамента народного просвещения.
- ¹¹⁶ Цунк, Герман Леопольд (нем. Hermann Leopold Zunck, 1818–1877), немецкий педагог, библиотекарь Императорской публичной библиотеки в 1849–1877 гг., преподавал немецкий язык и историю детям Александра II.
- ¹¹⁷ Порфирий (Успенский) (1804–1885), епископ Чигиринский, выдающийся русский востоковед, палеограф, коллекционер. Был оппонентом Тишендорфа во взглядах на Синайскую Библию. Известно, что он предоставил К. Тишендорфу из своей коллекции для издания синайский палимпсест (РНБ, Греч. 225).
- ¹¹⁸ Codex Alexandrinus (лат.), пергаменная рукопись греч. Библии сер. V в. Предположительное место создания — Египет, хотя также называют Константинополь. Хранится в Британской библиотеке (Royal 1 D. V–VIII).
- ¹¹⁹ Codex Ephraemi Rescriptus (лат.), пергаменная рукопись греч. Библии сер. V в. Первоначальный текст был затёрт предположительно в XII в., после чего на многих листах кодекса был записан греческий перевод 38 гомилий св. Ефрема Сирина. Получившийся палимпсест впоследствии получил название Codex Ephraemi Rescriptus, то есть «переписанный кодекс Ефрема». Хранится в Национальной библиотеке Франции в Париже.
- ¹²⁰ Codex Laudianus (лат.), одна из древнейших рукописей Нового Завета на греческом и латинском языках, датируемая половиной VI века. В настоящее время рукопись находится в Бодлейской библиотеке в Оксфорде (Laud. Gr. 35 1397, I, 8).
- ¹²¹ Memoir on the discovery and antiquity of the Codex sinaiticus. Read at a meeting of the Royal society of literature, Feb. 15, 1865.
- ¹²² Сардину, Огюст (фр. Pierre Auguste Sardinoux, 1809–1890), французский теолог, профессор теологического протестантского факультета Монтобана в 1847–1875 гг.
- ¹²³ Volkmar, Gustav Hermann J. Ph. Der Ursprung unserer Evangelien nach den Urkunden, laut den neuern Entdeckungen und Verhandlungen. Zürich, 1866. Фолькмар, Густав (1809–1893), немецкий филолог-классик, теолог, профессор Цюрихского университета.
- ¹²⁴ Apocalypses apocryphae Mosis, Esdrae, Pauli, Johannis, item Mariae Dormitio: additis Evangeliorum et actuum Apocryphorum supplementis. Leipzig, 1866.
- ¹²⁵ «Revue des Deux Mondes» (фр.), французский литературный журнал, издавался в Париже в 1829–1944 гг.
- ¹²⁶ Тайяндье, Рене (такж. Сен-Рене) Гаспар Эрнест (фр. René Gaspard Ernest Taillandier, 1817–1879), французский публицист, литературный критик «Ревю де Дё Монд».

- ¹²⁷ Вероятно, Великий Князь Константин Николаевич.
- ¹²⁸ Appendix codicum celeberrimorum sinaitici, vaticani, alexandrini. Lipsiae, 1867.
- ¹²⁹ Novum Testamentum Vaticanum. Lipsiae, 1867.
- ¹³⁰ Великая Княгиня Александра Иосифовна (1830–1911), урожденная принцесса Александра Саксен-Альтенбургская.
- ¹³¹ И если все потеряешь, помни о спасении души (*лат.*).
- ¹³² По всей видимости, инципит рукописного фрагмента.
- ¹³³ Мученичество святой Варвары (*греч.*)
- ¹³⁴ Acta Apostolorum apocrypha, ex triginta antiquis codicibus graecis vet nunc primum eruit, vel secundum atque emendatius edidit. Prolegg. S. LVII sqq.
- ¹³⁵ Мученичество (*греч.*).
- ¹³⁶ Симеон Метафраст (вторая половина X в.), святой, византийский писатель, составитель и редактор житий святых.
- ¹³⁷ Орлов-Давыдов Владимир Петрович (1809–1882), граф, библиофил, собиратель рукописей и меценат.
- ¹³⁸ В феврале 1868 г. К. Тишендорф снова приехал в Петербург и 29 февраля/12 марта подал министру императорского двора графу А.В. Адлербергу прошение о принятии мер для окончательного приобретения Синайской Библии. Граф Адлерберг поручил барону М.А. Корфу выяснить у Тишендорфа все обстоятельства дела, которое было доведено до сведения императора и по его желанию поручено Н.П. Игнатьеву (*Захарова А.В. История приобретения Синайской Библии Россией. С. 232*). Как выясняется из письма его действия направлял А.С. Норов.
- ¹³⁹ Игнатьев Николай Павлович (1832–1908), граф, в 1864–1876 гг. русский посол в Константинополе.
- ¹⁴⁰ Об этом см.: *Захарова А.В. История приобретения Синайской Библии Россией. С. 232–261; Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н.П. Игнатьевым. 1865–1893. / Изд. подг. Вах К.А, Анисимов О.М., 2014.*
- ¹⁴¹ Philonea, inedita altera, altera nunc demum recte ex vetere scriptura eruta. Lipsiae, 1868.

РУССКИЕ ПАЛОМНИКИ В АРХАНГЕЛЬСКОМ МОНАСТЫРЕ В ИЕРУСАЛИМЕ. ИСТОРИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА И СОВРЕМЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ*

Л.А. Беляев, К.А. Вах

«Ерусалимские монастыри весьма пространны и имеют многие покои, с кухнями, и очагами, и со всеми нужными местами. Так что человека ста по три и более свободно умещаютца»¹.

Архангельский монастырь в Иерусалиме — в первой половине XIX столетия это один из двенадцати малых иерусалимских монастырей. Все они, по свидетельству Порфирия Успенского (в июле 1844 г.), — «суть не что иное как гостиницы для помещения богомольцев...»² Собственно вся греческая инфраструктура Святого Града тогда представляла собой одну большую гостиницу для паломников, не исключая и Патриархию³. Муравьев в 1830 году и Норов в 1835 году почти одними словами говорят обо всех малых иерусалимских обителях: *кроме перечисления их имен сказать о них нечего*⁴. Однако именно Архангельский монастырь получил широкую известность в России, поскольку в нем чаще всего размещали русских иноков и паломников духовного звания, которые, в свою очередь, оставляли потомкам описания своих странствий. В данной работе мы предлагаем несколько новых фактов и просто интерпретаций, позволяющих говорить об историческом и археологическом своеобразии обители.

ОБИТЕЛЬ МИССИОНЕРОВ В ИЕРУСАЛИМЕ

Возникновение Архангельского монастыря связано не с греками и не с русскими, а с сербами: его основал король Стефан Урош II Милутин Неманич (1282–1321), получив, как союзник Византии, право на это после

* Статья написана в рамках гранта РФФИ № 18-09-40075.

1. Могила Джона
Николайсона (1803–1856)
на протестантском кладбище
в Иерусалиме

2. Первый англиканский
епископ в Иерусалиме
Михаил Соломон Александер
(1799–1845)

заклучения мира между императором Андроником II и султаном Насиром ад-Дин Мухаммедом, в 1303 г.⁵ Через 200 лет (после 1504 г.), в связи с основанием сербами лавры св. Саввы Освященного, монастырь стал ее подворьем в Иерусалиме, и оставался им до 1623 г., когда перешел во владение греков. Поскольку монастырь исторически имел сербские корни — в нем традиционно размещали славянских паломников.

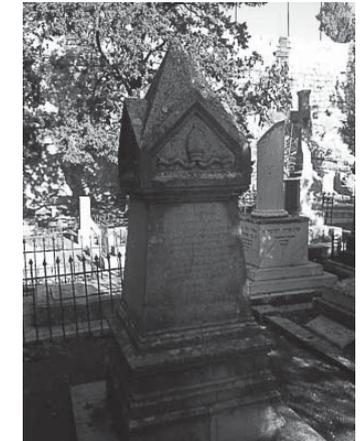
Со времени помещения в Архангельском монастыре Русской Духовной Миссии архимандрита Порфирия (Успенского) имя этой обители сделалось символом русского духовного присутствия в Иерусалиме и в таком качестве закрепилось надолго. Даже осторожный во всем, что касалось церковных контактов с греческим Востоком митрополит Московский Филарет в письме к посланнику в Константинополе В.П. Титову от 20 сентября 1850 г. прямо называет его: «Архангельский *русский* монастырь в Иерусалиме»⁶.

Но монастырь этот видел в своих стенах не одну Русскую Духовную Миссию. Незадолго до архимандрита Порфирия, в 1841 г. греки приняли и разместили там первого англо-прусского протестантского епископа Михаила Соломона Александера; причем этот приют ему выделили после того, как протестантскую миссию отказались принять в католических

заведениях Святого Града. Правда вскоре, после обращения новыми миссионерами одного православного араба в протестантство — Патриархия отказала Александеру в помещении. Протестанты оставили Архангельский монастырь примерно в 1843 г. Еще раньше, с 1820 по 1828 гг. в нем проживали члены американской «духовной» миссии во главе с известным миссионером Николайсоном⁷. Джеймс Вильямс, один из первых исследователей Святой Земли, капеллан миссии епископа Александера в 1841–1842 гг. с теплом вспоминал «имя моего достойного и превосходного друга, отца Иоиля, архимандрита и бывшего настоятеля Архангельского монастыря, а также гостеприимного странноприимца английских и американских миссионеров в Иерусалиме»⁸.

Таким образом, Архангельский монастырь еще до архимандрита Порфирия успел снискать себе в Иерусалиме славу «миссионерского». Для этого монастырь подходил как нельзя лучше. Он был одним из самых больших в Иерусалиме, имел два уровня и мог удобно и при этом обособлено разместить на своей территории небольшое церковное представительство. Он располагался в непосредственной близости к Греческой Патриархии, иностранцы были здесь под присмотром и у Патриархии имелась возможность ограничить взаимодействие миссионеров с местным населением. Б.П. Мансуров специально отмечает это обстоятельство, когда говорит о сложностях, обозначившихся в деятельности Миссии архимандрита Порфирия. «Доступ в церковь не свободен, потому что впуск в монастырь зависит от привратника и местного греческого наблюдателя <...> а на посторонних прихожан рассчитывать не следует, ибо греческое духовенство всегда старалось и старается удалять свою паству от благотельного и бескорыстного влияния нашей Церкви. Вещественное положение Архангельского монастыря таково, что оно слишком облегчало греческому духовенству возможность уменьшать число прихожан Русской Церкви»⁹.

Можно сказать, что Духовная Миссия православных русских единоверцев принималась греками в Иерусалиме точно так же, как незадолго до нее принимались Миссии протестантов, т.е. как чужая и требующая контроля со стороны Патриархии. По словам архимандрита Порфирия (Успенского), Иерусалимский Патриарх Кирилл, передал обитель русским не полностью, временно и с условием, чтобы в незанятых келиях помещались паломники духовного звания из всех православных племен¹⁰. Поэтому туда не редко

3. Могила епископа
М.С. Александера
на Сионском протестантском
кладбище.

4–5. Вход в Архангельский монастырь и надвратная табличка с названием обители. Фото авторов.

7. Вид Архангельского монастыря. Рис. иеромонаха Иеронима (Суханова). 1859 г. НИОР РГБ.

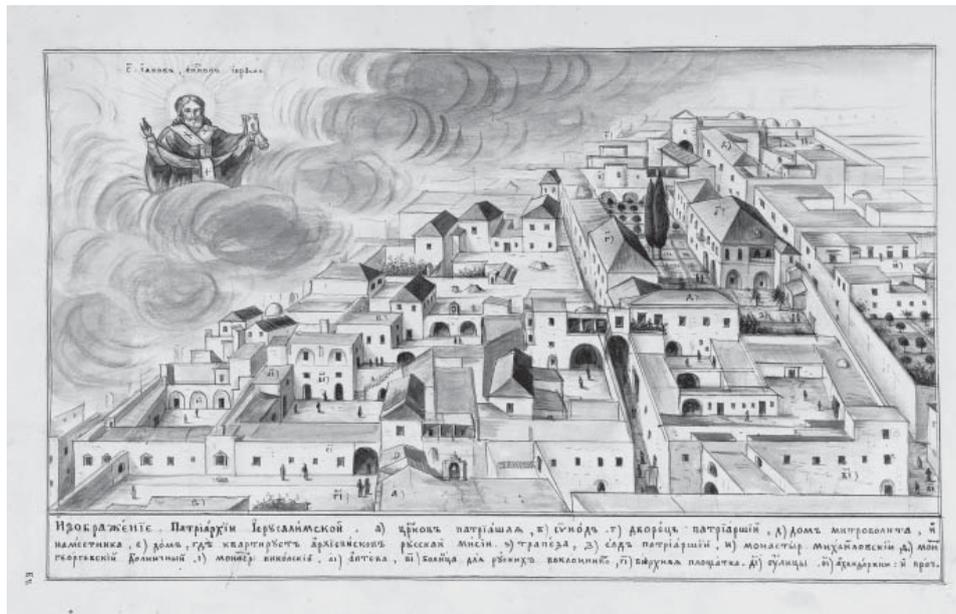
6. Епископ Порфирий (Успенский) (1804–1885).

селились и греки. По шадящим подсчетам Б.П. Мансурова Архангельский монастырь свободно вмещал до 250 поклонников, а по другим источникам в нем штатно помещалось 300–350 человек.

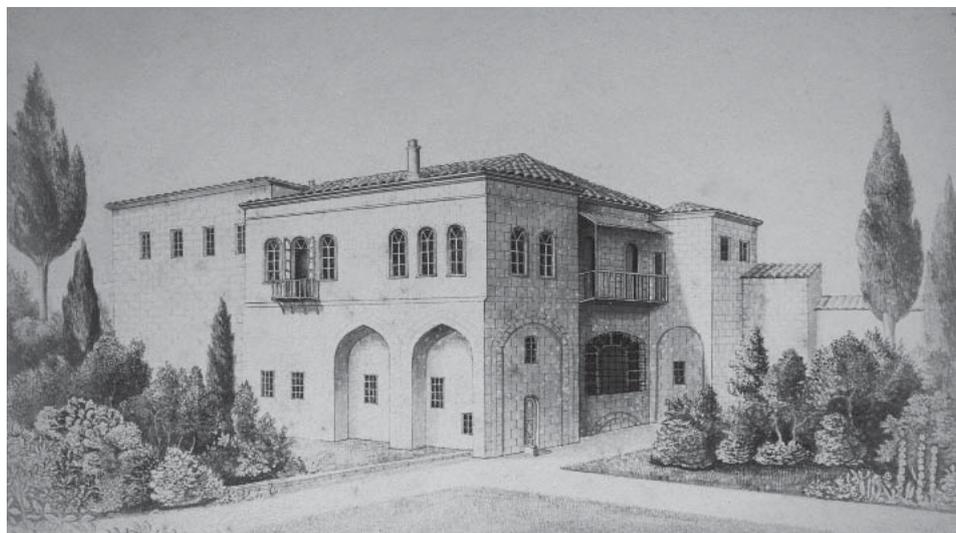
Как уже говорилось, Архангельский монастырь находился напротив Греческой Патриархии, но прямого прохода в нее не имел. Позднее, Порфирий обсуждал с Патриархом вариант устройства такого перехода над улицей, когда решено было строить новый дом для Русской Духовной Миссии в саду Патриархии. На рисунке иеромонаха Иеронима (1859 г.) хорошо виден заделанный проем в виде арки на втором этаже Дома Порфирия, который легко можно было превратить в дверь. В этом месте над улицей даже изображен

8. Дом Порфирия (Успенского) в саду Греческой Патриархии в Иерусалиме. Фрагмент рис. иеромонаха Иеронима (Суханова). 1859 г.

9. Общий вид Греческой Патриархии в Иерусалиме с храма Гроба Господня.
Рис. иеромонаха Иеронима (Суханова). 1859 г. НИОР РГБ.

10. Дом архимандрита Порфирия в саду Греческой Патриархии.
Рис. П. Соловьева. 1854 г. ГМИР.

навес, а возможно и временное перекрытие. Учитывая, что и сама Патриархия представляла собой сложную систему многочисленных зданий, купленных в разное время домов, соединенных между собой различными переходами — идея перебросить через улицу в случае необходимости прямой переход в обитель не кажется чем-то невероятным. Скорее наоборот, если бы российское правительство после Крымской войны не построило собственные паломнические приюты и церковь за городом, Патриархия по обыкновению имела бы возможность предложить русским «автономную» инфраструктуру: дом Духовной Миссии в саду Патриархии и связанный удобным переходом Архангельский монастырь с церковью для паломников. Таким образом, российское правительство могло бы «бесплатно» разместить в Иерусалиме свое церковное представительство, а Патриархия сохранила бы за собой контроль и над деятельностью Русской Духовной Миссии и над финансами русских паломников.

Русская Духовная Миссия в Архангельском монастыре 1847–1854 гг.

Сам монастырь представлял собой типичный для Иерусалима вариант с внутренним двором и периметральной застройкой в двух уровнях, отчасти врубленной в скалу, со стенами, сложенными из местного камня.

О размещении Духовной Миссии в Архангельском монастыре Порфирий подробно рассказывает посланнику в Константинополе В.П. Титову. По его словам Миссия имела в верхнем этаже:

«Одну приемную комнату (архондарик),
Пять келий для архимандрита (в двух из них помещается библиотека),
Три келии для иеромонаха,
Две келии, с прилежащими к ним тремя комнатками, для двух послушников,
Две келии для собеседников и писцов на арабском и новогреческом языках,
Три келии для прислуги.

В нижнем этаже:

Четыре келии, для столовой, кухни, повара и поклажи.

Все эти келии, кроме архондарика, малы, тесны, низки и убоги. В нижнем этаже осталось еще довольно много келий для поклонников или для будущих членов Миссии. В ведомство Миссии отдан немалый фруктовый сад в ограде монастыря. Этот сад требует поддержки и, следовательно, особенной суммы»¹¹.

Можно заметить одну особенность в описаниях Иерусалима, свойственную для многих бытописателей Святого Града: человек часто делает разные, иногда противоположные оценки. Тот же Порфирий пишет сначала (29 октября 1849 года): «Архангельский монастырь был перестроен для кратковременного помещения поклонников. Сообразно с этою целью

с видом монастыря со стороны сада, скорее отражающую последние слова о приятной жизни в Архангельском монастыре.

Действительно члены Русской Духовной Миссии в Архангельском монастыре были поставлены отнюдь не в равное положение с простыми паломниками, они занимали весь верхний более комфортабельный во всех отношениях ярус и пользовались закрытым для остальных жильцов садом. Единственное, что было у них общего — это сложный иерусалимский климат и особенности местной архитектуры: маленькие окна, каменные, не покрытые железом кровли и отсутствие печей.

ЕДИНСТВЕННЫЙ КРЕСТ НАД ИЕРУСАЛИМОМ

До того, когда над новым куполом храма Гроба Господня, сооруженным на средства России и Франции в июне 1868 г. не был поставлен большой вызолоченный металлический крест¹⁴, единственной увенчанной крестом церковью в Иерусалиме являлся храм Михаила Архангела в одноименном монастыре. Конечно, этот факт не мог не выделять обитель в глазах паломников. В книге «Старый Иерусалим и его окрестности», архимандрит Леонид (Кавелин) приводит рассказ русского паломника XVI в. Трифона Коробейникова о чудесном убиении санчака: правителя Иерусалима¹⁵. Санчак был умерщвлен архангелом Михаилом за то, что не позволял покрыть разрушенную крышу трапезной обители. После этого чуда мусульмане уже не препятствовали монахам восстановить крышу, как не препятствовали и установке креста над куполом церкви. Этот факт достоин упоминания, так как ни до ни после него османские власти не позволяли православным райя поставит крест ни на одной церкви в городе.

Если, глядя на план Порфирия, предположить, что трапезная оставалась при нем там же где она бала раньше, а монастырь, как известно, до этого не перестраивался, то получается, что ее кровля составляет практически одну линию и находится по соседству с куполом церкви. Да и с какой стати злому губернатору ломать крышу трапезной? Скорее всего, он сломал именно купол церкви. Османское законодательство запрещало строительство новых христианских церквей, но разрешало при получении фирмана ремонтировать старые храмы. Однако получить фирман на ремонт церкви было намного сложнее, чем на ремонт кровли трапезной или хана (приюта для богомольцев). Поэтому монахи хлопотали о разрешении им восстановить крышу трапезной, намереваясь в первую очередь восстановить купол своей церкви. Произошедшее чудо, которое предание связывает с вмешательством архангела Михаила и страх, сковавший враждебность мусульманских начальников, может служить объяснением легенды о появлении единственного креста над Иерусалимом на куполе церкви Михаила Архангела. А для напоминания

14. Вид купола церкви Михаила Архангела. Фото авторов.

15. Вид бывшей монастырской трапезной. Фото авторов.

о чуде, был создан иконографический образ архангела, попиравшего ногами убитого им санчака и держащего в руке его душу. Иконография эта, несомненно, восходит к образу архангела Михаила как победителя Сатаны, но переосмысленного в контексте местной легенды.

Кстати, Порфирий (Успенский) совершенно условно трактует этот образ, предполагая, что архангел изображен как проводник душ почивших людей. По всей видимости, в 1844 г. он не знал легенды о Санчаке¹⁶ и опирался

16. Колонна с изображением Михаила Архангела в церкви Архангельского монастыря. Фото З. Хальфран.

17. Вход в в церковь Архангельского монастыря. Фото авторов.

на известное ему предание о строительстве монастыря на месте явления ангела Давиду. Место это обозначено обломком колонны и почитается паломниками¹⁷. В настоящее время, правда, колонна заменена и образ архангела Михаила на ней выполнен в привычной иконографической манере: с мечом и шитом. Однако, по отзывам побывавших внутри церкви, большая икона с образом Михаила Архангела, попирающего санчака, там сохранилась.

Если в 1830-е гг. о церкви Архангельского монастыря ничего не пишут ни Муравьев, ни Норов, то позднее картина меняется. И свидетельства опять же бывают противоречивы. По воспоминаниям Б.П. Мансурова относящимся к 1857 г. храм обители «в полной мере носит отпечаток

18. Иконостас в приделе св. Варвары, привезенный А.С. Норовым в 1861 г. Фото Я. Чехановец.

уничуженного положения православия на Востоке. <...> Церковь св. Архангела Михаила ветха, темна, бедна, некрасива и вдобавок так мала, что в ней с трудом помещается 25 человек, а соборного служения в оной вовсе совершать нельзя¹⁸.

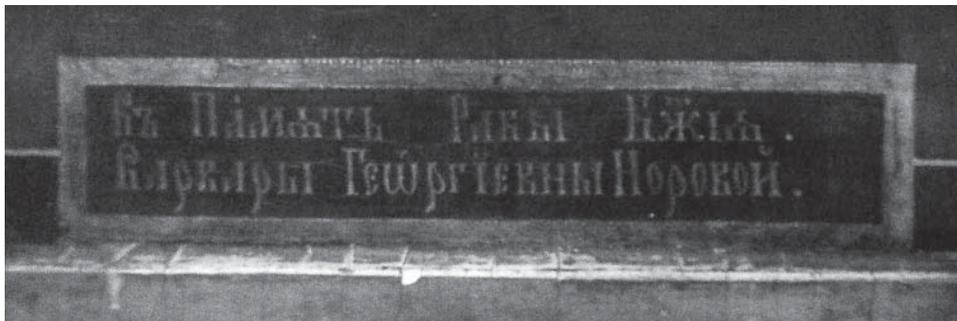
Архимандрит Леонид, сообщает, что монастырская церковь стала «уютная и опрятно содержимая, особенно с тех пор как предоставлена во временное пользование Русской Духовной Миссии для ежедневного служения» (т.е. с 1858 до 1864 года). Его дополняет Норов, вновь обозревший церковь в 1861 году и сообщивший о наличии там придела, посвященного св. Иоанну Златоусту: «В этом обветшалом приделе нет иконостаса. Престол основан в углублении стены, на которой и утверждены иконы. На левой стороне, за боковую стеною, был также другой придел во имя св. Николая Чудотворца, но он упразднен. Туда ведет, незаметная от прислоненных к стене седален, дверь»¹⁹.

Интерес Авраама Сергеевича Норова к заброшенным приделам в иерусалимских церквях был не случаен. Он привез с собой из России небольшой иконостас и договоривался с Патриархом о его установке и повторном освящении придела в память великомученицы Варвары, небесной покровительницы почившей супруги А.С. Норова. В итоге такой придел был освящен в храме Никольского монастыря.

19. Образ св. Варвары в иконостасе, подаренном А.С. Норовым. Фото Я. Чехановец.

20. Табличка с оборотной стороны иконостаса в память Варвары Георгиевны Норовой. Фото Я. Чехановец.

А.С. Норов делал вклады на помин души супруги Варвары Егоровны в различные обители Палестины, и даже на Синае. Такой вклад, икону «Положение во гроб», исполненную в стиле русской академической школы живописи, удалось обнаружить Я.Э. Зелениной в обители Георгия Хозевита.

Скажем несколько слов о насельниках Архангельского монастыря. До открытия Русских подворий у Яффских ворот Святого Града и до появления в Иерусалиме других европейских гостиниц (т.е. до середины 1860-х гг.) среди его жильцов были довольно известные люди. Один из них: Виктор Кириллович Каминский²⁰, один из лучших бытописателей Святой Земли

21. Икона «Положение во гроб» в серебряном окладе, вложенная А.С. Норовым в монастырь Георгия Хозевита на помин души В.Г. Норовой. Фото Я. Зелениной.

в середине XIX в. Его в 1857 г. застал в обители Б.П. Мансуров²¹. Там же в 1850-х гг. жил и знаменитый игумен Вениамин, духовник Крестовоздвиженской общины милосердия во время войны в Крыму, член и духовник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, строитель Вениаминовского подворья. Такие постояльцы занимали верхний ярус монастыря. А в нижнем ярусе размещались простые поклонники. Встречу с ними в том же 1857 г. описал архимандрит Антонин (Капустин): «Пользуясь четвертью часа свободного времени, я пошел в монастырь *Архангельский*, называемый «нашим»... Монастырь этот опять только монастырь по имени. В существе он — заезжий или точнее захожий двор с площадками и переходами вниз и вверх, с закоулками и захолустьями, тесный и мало опрятный, опалемый жгучим тогда полуденным зноем и поражаемый лучами солнца, отражавшимися на белых стенах его келлий. Встречавшиеся мне лица все были поклонники. От них я едва доспросился, где тут церковь, хотя стоял возле самой стены ее. Так она мало похожа на храм Божий. Заглянув в две-три комнаты, и встретив там добрую Русь нашу во всяких положениях, я напрасно добивался узнать, где находятся кельи архимандричьи, и может ли кто-нибудь показать их мне. На все вопросы был один ответ: *а не знаем! мы здесь странные*»²².

В последней четверти XIX в. Архангельский монастырь утрачивает привилегированной монашеской гостиницы и его почти полностью занимают простые паломники разных национальностей: молдаване, болгары, сербы, румыны, греки и др. Следы их пребывания до недавнего времени сохранялись в многочисленных надписях, встречавшихся на камнях в обители повсеместно. Но в 2018 г. его греческие хозяева полностью заново оштукатурили стены, надолго, если не навсегда, скрыв многие из них.

В настоящее время Большую часть помещений монастыря «арендуют» для постоянного проживания семьи арабов-мусульман.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ АРХАНГЕЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ И ЕГО ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В октябре 2017 г. авторам настоящей статьи удалось ощутить на себе условия жизни первых русских миссионеров и около недели провести там же, где некогда жили и работали сотрудники архимандрита Порфирия. Тогда же появилась возможность провести в монастыре предварительное фотографирование северо-западной части построек верхнего уровня, используя для фиксации объектов глазомерную съемку (не в правилах греческих монастырей допускать научные обследования).

Нам отвели келии, помеченные на плане Порфирия буквой *E*, в которых проживал рисовальщик студент Петр Соловьев. На планах, сделанных Л.А. Беляевым можно видеть их современное внутреннее пространство, которое в основном, осталось таким же, каким и было в продолжении нескольких столетий до нас.

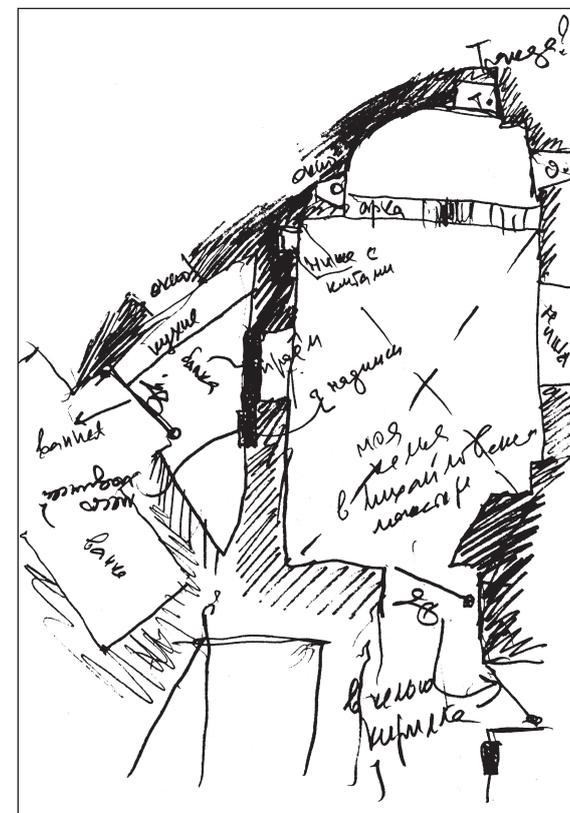
Состояние «арендованных» помещений немного отличается от занятых нами келий, главным образом потому, что все стены и потолок покрывает толстый слой крашенной штукатурки, а пол комнат выстлан современной плиткой. Одну из келий второго яруса, помеченную на плане Порфирия буквой *B*, примыкающую к келии иеромонаха Феофана (Говорова) можно видеть на фотографии.

Встречаемые надписи в значительном количестве разбросаны по плитам мощения обходной галереи, покрывают поверхность ее каменного парапета (она уплощенно-округлая) и внешние стены келий. Кроме того, камни с надписями размещены на стенах и внутри келий, где их могли видеть только постояльцы.

На, примерно, половине галереи удалось зафиксировать до 25 цельных текстов (на полах и стенах келий), внутри двух помещений, в которых проживали авторы, зафиксированы 5 памятных камней (в северном одна надпись, в южном — 4, сгруппированы на правой стороне проема изнутри, и несколько на резной притолоке).

22. Келья Л.А. Беляева. Внутренний вид. Фото авторов.

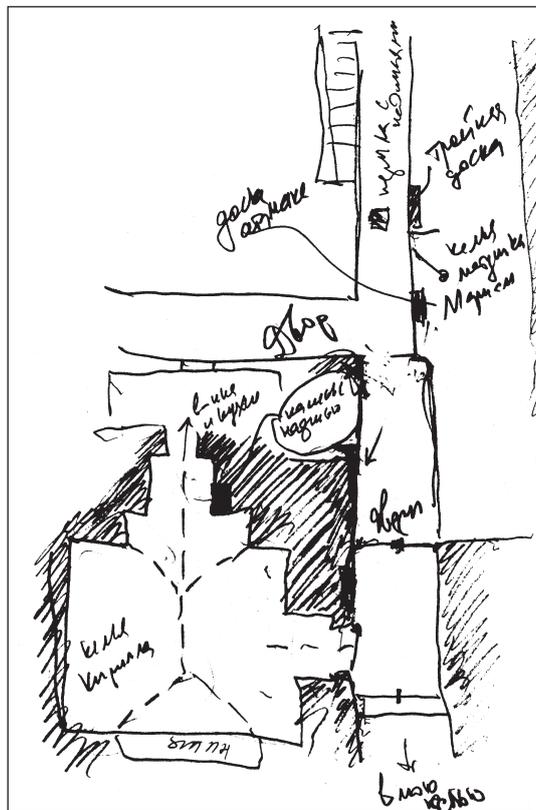
23. Вход в келью Л.А. Беляева. Фото авторов.

24. План кельи Л.А. Беляева. Рис. Л.А. Беляева.

26. Внутренний вид «кельи переводчика», согласно плану о. Порфирия, располагавшейся рядом с кельей иеромонаха Феофана (Говорова). Фото авторов.

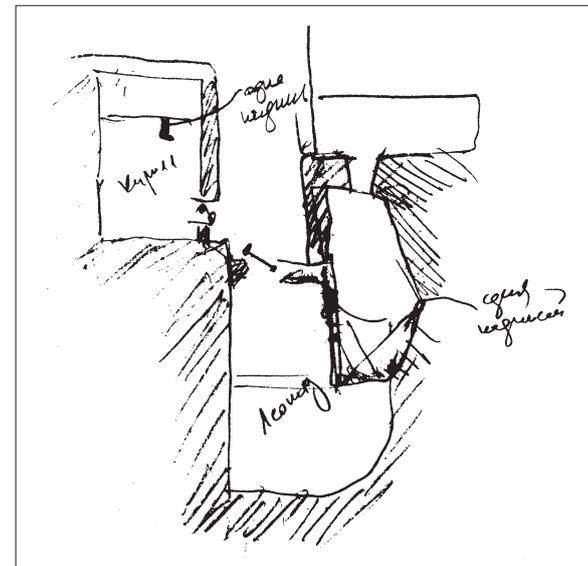
Важно отметить, что часть надписей — не простые граффити, какие может нацарапать на камне или штукатурке паломник, — это классические памятники лапидарной эпиграфики, выполненные профессиональными каменотесами. Они заключены в утопленные в стену ковчеги, иногда с картушами сложного рисунка, хотя сами тексты нарезаны менее профессионально. Более простое оформление типично для надписей во дворе, а на полах галереи оставлены традиционные граффити без специального оформления. Учитывая известную специфику финансовых взаимоотношений членов местной Греческой Патриархии с пришлыми богомольцами, можно

25. План кельи К.А. Ваха. Рис. Л.А. Беляева.

27. Каменный парапет обходной галереи второго яруса монастыря с многочисленными граффити паломников. Фото авторов.

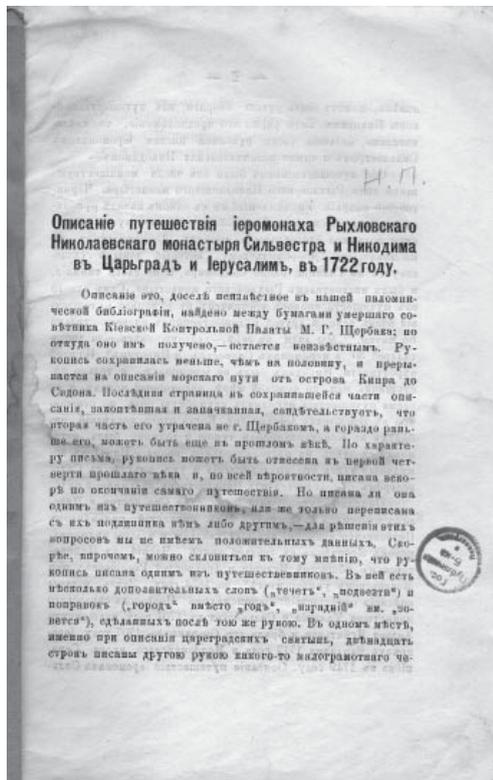
28. План расположения надписей в кельях Л.А. Беляева и К.А. Ваха. Рис. Л.А. Беляева.

предположить, что возможность оставить памятную надпись в красивом оформлении, исполненном профессиональными мастерами была одной из платных услуг, на которой зарабатывал игумен обители.

До нас на граффити Архангельского монастыря обратила внимание израильская исследовательница Хальфран Зоар²³, издав несколько фотографий (в этих случаях мы указываем на ее чтение). Мы приводим здесь малороссийские, сербские и русские надписи²⁴.

1. 1720 г.

Наиболее ранняя из прочитанных надписей (в ее чтении нам помогла И.В. Вернер, за что мы приносим ей глубокую благодарность) — с характерными малороссийским акцентом. Она нарезана на прямоугольном камне с простым ковчегом и скосами сторон, в 6 строк (буквы верхней строки крупнее, в нее включен и знак равноконечного креста с обычными сокращениями). Шрифт надписи не декоративен (близок к полууставу) и по оформлению напоминает памятную доску кладбищенского типа, характерного для конца XVII — первой трети XVIII в. в России; типично для этого времени и указание года: древнерусскими буквами, но от Рождества Христова. Содержание надписи добавляет кое-что к представлениям об истории славянского паломничества в Святую Землю и об истории монастырей Малороссии:

29. Описание путешествия иеромонаха Рыхлевского Николаевского монастыря Сильвестра и Никодима в Царьград и Иерусалим в 1722 году // Труды Киевской Духовной академии, 1883. Вып. 5 (май). (Отдельный оттиск). РНБ.

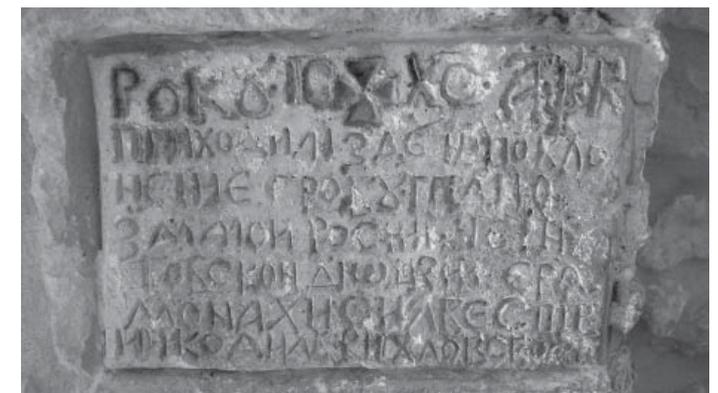
**Року [ic+xc] 1720
приходили zde(сь) на поклоне
ние гробу г(ос)п(о)дню
з малои росии черни
говской діюцезии еро
монахи силвестр
и никодим рихловской**

Сильвестр Диканский и Никодим, монахи Свято-Николаевского Пустынно-Рыхловского монастыря в Черниговской области, действительно, совершили хождение в Константинополь и в Святую Землю — до сих пор считалось, что оно началось в 1722 г., но, скорее, это можно теперь считать годом возвращения. В 1728 г. Сильвестр составил описание паломничества, которое известно по крайней мере в двух списках: текст (менее половины) изданный по рукописи КДА в 1883 г. и полная подносная авторская рукопись в библиотеке Томского государственного университета²⁵.

30. Вид Рыхловского Николаевского монастыря. Литография XIX в. ГМИР.

31. «Путник странствия моего.»
Авторская подносная рукопись путешествия иеромонаха Сильвестра в Иерусалим. 1728 г.
НБ ТГУ.

2. 1739 г.

К XVIII в. относятся все надписи, зафиксированные у проема треугольной комнаты северного помещения. Дата есть только у среднего камня в правом ряду, причем она повторена дважды, оба от Рождества Христова, за пределами картуша: слева буквами (ΑΥΚΘ), справа арабскими цифрами. Текст написан по-гречески в очень сложно устроенном ковчеге с картушем — «короной».

3. 1851 и 1857 г.

На внешней стене того же помещения сделаны две надписи на одном длинном камне, в простых, но глубоких ковчехах, без рамок. Более ранняя из них плохо читается (сильно сбита в середине) и, видимо, написана болгаринном. Надпись в один столбец (6 строк), но хорошо видна только последняя строка, состоящая из даты: 1851.

1857 г. Надпись снаружи, на галерее (Зоар прочла ее точно так же):

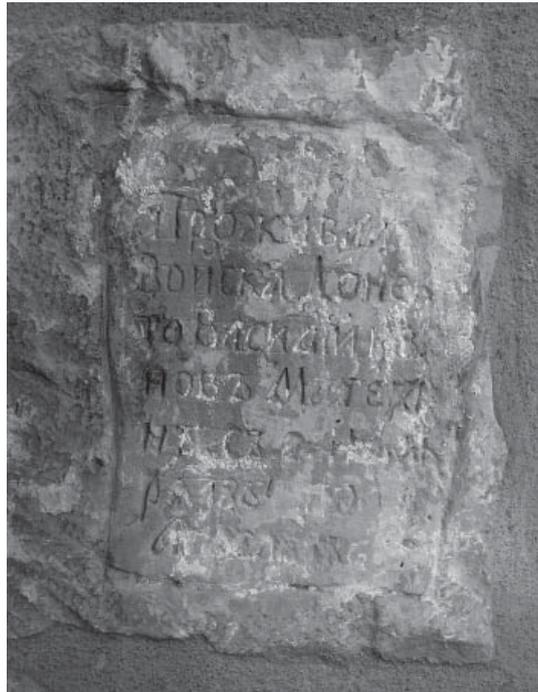
**И здесь находишь из Росий горо
да Воронижа поклонник
Иван Биризовский
1857
Курской села Куденицина
Г Иванъ Дорохов 1857
въ**

4. 1864–1867 гг.

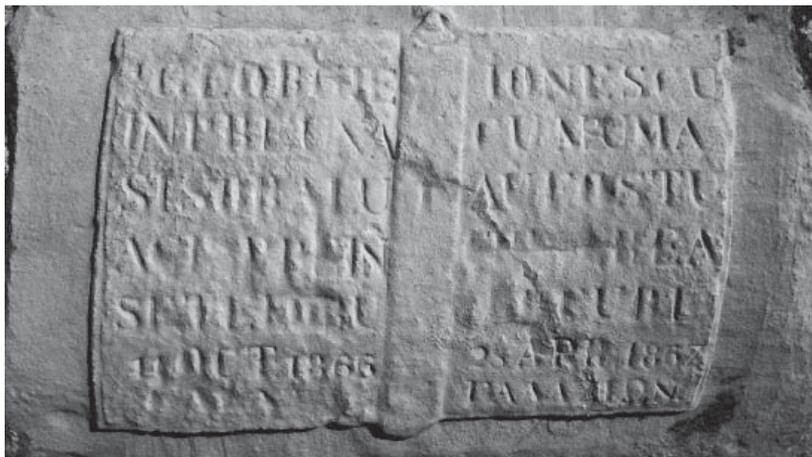
Простая табличка 1867 года на наружной стене, справа от двери в одно из северных помещений. Для надписи была заглажена часть длинного камня, получившееся поле обвели просто бороздой, тем самым создав «страницу», на которой в 7 строк написали по-русски очень простым почерком текст в 8 строк:

**Здесь
Проживал
Войска Донска
го Василій Иван
овъ Малега
нъ с Января
ря 1864 по 9 (?)
Апреля 1867 Гъ**

5. 1866 и 1867 гг.

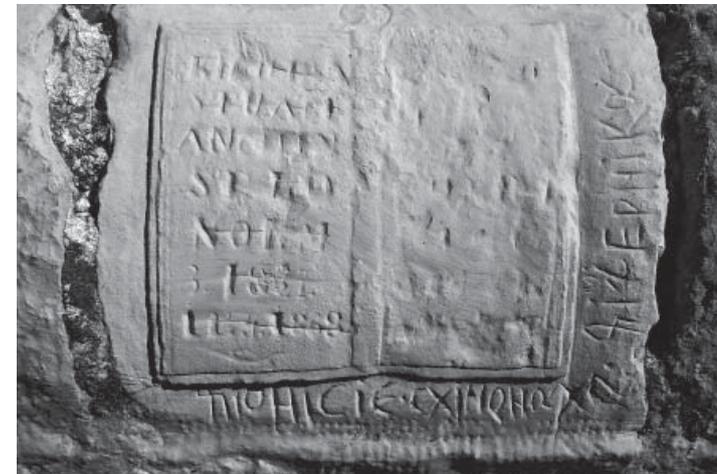
Для надписей на парапете обходной галереи использован прием разделения текста на два столбца, с разделением посередине полосой. Видимо,

это рельефная имитация страниц раскрытой книги с закладкой, напоминающая о распространенном в христианстве XVIII–XIX вв. скульптурном изображении престола с раскрытым Евангелием. Таких «разворотов» на парапете три, один подле другого. Но они принадлежат разным людям и написаны на разных языках (это отметила и Зоар Хальфран, не полностью разобрала два текста²⁶. Наиболее ранняя надпись-разворот сделана по-румынски и читается недостаточно ясно (она густо замазана известью). Каменные «страницы» имеют внизу даты: 1866 г. и 23 апреля 1867 г. Над «закладкой» по центру разворота, вне пределов книги, рельефно вырезан крестик.

6. 1868 г.

Похожая по оформлению надпись. Правая сторона разворота почти утратила текст, левая тоже видна недостаточно хорошо, но по ее нижнему и правому полям идет дополнительная надпись, которую Зоар прочла как «сие схимонаха... Ерника...». Первые буквы этой надписи почему-то опущены, в то время как они меняют смысл фразы: «Дионисие . схимонаха ... ерника (о?). Левая сторона разворота сейчас густо покрыта известкой и читается плохо, но дату можно разобрать: 1868 год.

7. 1869 г.

Надпись паломника Михаила Спасоева, из Неготина (Зоар прочла: «Михаиль Спасове из Турчия...», но на камне порядок букв иной). Текст по-сербски, читается довольно внятно, кроме последней из 8 строк:

михаїль	живоноснаг
спасоев із	о гроба у св.
ч урчия: із	ерусалима
србіє род	тоже аі годе
ом із нег	у свету гору
отіне	поклониітис ву
поклонік 1869 го дошо	мебкотиіі

Рамка текста венчается едва заметным крестиком.

И.В. Вернер предложила следующее чтение:

михаїль спасоев із урчия: із србіє родом із неготіне поклонік 1869 го дошо живоноснаго гроба у св. ерусалима пожел і годе у свету гору поклониітис ву мебкотиіі...?

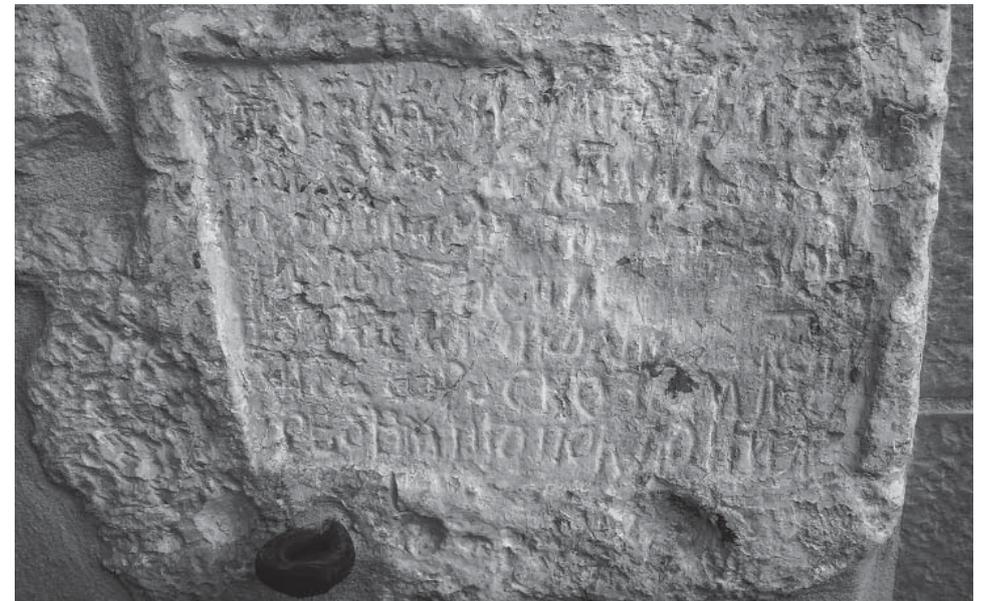
8. Без даты

На внешней стене одного из северных помещений, левее двери, на длинном камне нарезаны три надписи: сначала две слева, затем третья. Две первых надписи заключены в простые широкие рамки без профилировок, такая же полоска отделяет их друг от друга. Третья нанесена позднее (пришлось частично срубить первую рамку) и представляет схематическое изображение церкви (арка над текстом, затем арочный свод, заключенный в треугольник-фронтон). Прочсть надписи без очистки от побелок, специальной съемки и выполнения протирок трудно: отдельные буквы и слога видны хорошо, но есть и значительные утраты. Надписи русские или сербские.

9. Без даты

На внешней стене у входа в северо-западные помещения — простой ковчег с прямой рамкой содержит надпись в 7 строк, близкую по типу № 1, возможно, XVIII в., но совсем не читаемую из-за побелок и повреждений. В то же камень, ниже надписи, вбит постав от не существующей уже двери.

10. БЕЗ ДАТЫ

Среди камней на стенах Зоар Хальфран сфотографировала серию сербских надписей: 3 надписи под крестами, 2 из них — в ковчегах, изображающих купольные, 1 — в простой квадратной раме. Чтения ею не предложено, но для части текстов оно явно возможно. Местоположение камней нам неизвестно²⁷.

Ряд надписей начинается с буквы Х, после которой стоит точка или двоеточие, и следует основной текст. По-видимому, это аббревиатура от «ходжа» (араб. — паломник), которое до XIX в. употреблялось русскими пилигримами, и до сих пор живо у болгар и сербов. Такая буква видна, например, на камне, опубликованном Зоар Хальфран: короткая надпись столбиком помещена в арочный ковчег; буквы сохранились частично. [4. С. 46 и верхнее фото на с. 47]. С учетом мнения Зоар, а также другой подобной пары (иеромонах с сопровождающим его паломником) текст можно прочесть по-славянски или по-гречески как «Ходжа Тимофей иеромонах. Ходжа Кирилл»:

Х. Тимѡ
т... то иеро
м(онах?) ...
хо. Кирилл

Переходя к плитам мощения двора, отметим отсутствие художественно оформленных камней — это обычные прямоугольные плоские камни, в которые врезаны буквы, причем встречаются и перекрывающие друг друга надписи.

11. 1871 г.

Зоар Хальфран представила два таких камня, которые предположительно отнесла к одному паломнику. Мы не видели этих камней, и полагаемся на опубликованные фото и чтение. Первый камень квадратный, с надписью некоего Константина Спирутаки:

Х: КОСТАН
ТИН СПИРУ
ТА.....ЕК
1871

12. 1888 г.

В чтении этого камня гораздо меньше уверенности, хотя имя Константин читается ясно, а следующее слово начинается с букв СП — но дальше графика иная, не позволяющая, судя по фотографии, читать то же самое, что в первом граффити. Дата дана в последней строке (всего их три) и на фото читается неясно.

13. Без даты

Интерес представляют и два рисунка церкви в виде схематического сводчатого здания, увенчанного крестом. Можно предполагать, что такие схемы паломники соотносили с крестом над монастырской церковью, с которым связывалась известная легенда о наказании злого санджака (сенчака, т.е. турецкого губернатора Иерусалима) за отказ разрешить восстановить кровлю трапезной, примыкавшей к монастырской церкви; эта легенда была известна и в России, по крайней мере, ее пересказал Трифон Коробейников [8]. Один из рисунков сопровождается надписью:

ПЕТРОС

Кроме того, на камнях осталось еще отдельное изображение креста и несвязанные буквы.

14. 1883 г.

Три камня в ряд несут надписи по-румынски и частично по-болгарски(?). На одной текст без даты, на двух других несколько строк, нанесенных одной рукой, с трижды повторенной датой: 1883.

Таковы предварительные итоги изучения паломнических надписей в Архангельском монастыре в Старом городе Иерусалима.

Можно сказать, что Архангельский монастырь представляет собой довольно интересное пространство и требует как минимум тщательного археологического обследования.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ МЕСТА СЪЕМКИ ФОТОГРАФИИ СТРОИТЕЛЕЙ РУССКИХ ПОДВОРИЙ

И в заключении хотим обратить внимание на еще один сюжет.

Эта фотография хорошо известна²⁸. На ней изображены строители русских подворий и главные действующие лица Иерусалимского проекта: еп. Кирилл, Леонид, Ювеналий, Мансуров, Доргобужинов, Эппингер, Пьеротти. Она сделана в 1858 г. Но место съемки остается неясным? На заднем плане хорошо виден верх ограды с характерными для Иерусалима керамическими «украшениями». При обследовании Архангельского монастыря часть похожей ограды удалось обнаружить.

Естественно предположить, что фотография могла быть сделана или в Архангельском монастыре, который был местом богослужения для Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, или на террасе Дома Порфирия, напротив обители, где проживал начальник Миссии епископ Кирилл (Наумов) и его сотрудники. Однако это предположение требует дальнейшей проверки.

52. Строители русских подворий в Иерусалиме и члены Духовной Миссии. Сидят слева на право: иеромонах Леонид (Кавелин), консул В.И. Доргобужинов, епископ Кирилл (Наумов), Б.П. Мансуров, иеромонах Ювеналий (Половцев). Между консулом и епископом стоит архитектор М.И. Эппингер. Фото 1858 г.

53. Вид остатков керамического украшения ограждения стены Архангельского монастыря.

- ¹ Путевые записки во Святыи град Иерусалим и в окрестности онаго Калужской губернии дворян Вешняковых и мядынского купца Новикова в 1804 и 1805 годах. М., 1813.
- ² Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Т. 2. СПб., 1895. С. 319.
- ³ Антонин (Капустин). Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме. М.: «Индрик», 2007. С. 27.
- ⁴ Муравьев А.Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году. М.: «Индрик», 2006. С. 215; Норов А.С. Путешествие по святым местам в 1835 году. М.: «Индрик», 2008. С. 73.
- ⁵ Подробнее см.: Хальфран Зоар. Греческий Архангельский монастырь в Иерусалиме // Иерусалимский православный семинар. М.: «Индрик», 2013. Вып. 4. С. 36–39.
- ⁶ Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3-х тт. Т. 1. М.: «Индрик», 2015. С. 194.
- ⁷ Порфирий (Успенский). Там же. С. 321.
- ⁸ Williams G. The Holy Sity. London. 1845. P. 258.
- ⁹ [Мансуров Б.П. Православные поклонники в Палестине. СПб., 1857]. Цит. по: Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3-х тт. Т. 1. С. 505.
- ¹⁰ Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. Т. 3. СПб., 1896. С. 221; Кавелин: «Иноков и одиноких странников помещали преимущественно в Архангельском монастыре...». Леонид (Кавелин). Старый Иерусалим и его окрестности. М.: «Индрик», 2008. С. 52.

- ¹¹ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/1. Д. 3606. Л. 10–10об; См.: Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3-х тт. Т. 2. М.: «Индрик», 2017. С. 68–69.
- ¹² Россия в Святой Земле... Там же. С. 979.
- ¹³ *Порфирий (Успенский)*. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 216.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 1813. Л. 18–19об.
- ¹⁵ *Леонид (Кавелин)*. Старый Иерусалим и его окрестности... С. 118–119. Впервые напечатан в статье: Арх. Леонид (Кавелин) Сербская иноческая община в Палестине // ЧОИДР, 1867. Кн. 3. С. 43–65. Проводником Леонида (Кавелина) по святым местам был настоятель лавры Св. Саввы Освященного игумен Иоасаф, так что многое из того, что передает о Леониде в своей книге «Старый Иерусалим...» есть по сути воспроизведение рассказов легендарного саввинского старца, глубокого знатока палестинских преданий и древностей. См. также Хальфран Зоар. Греческий Архангельский монастырь в Иерусалиме... С. 39–41.
- ¹⁶ *Порфирий (Успенский)*. Книга бытия моего... Т. 2. С. 320.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Мансуров Б.П.* Православные поклонники в Палестине. СПб., 1857]. Цит. по: Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3-х тт. Т. 1. С. 505
- ¹⁹ Норов 1861.
- ²⁰ О нем см.: *Лисовой Н.Н.* Вениамин, игумен, основатель Вениаминовского подворья в Иерусалиме // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 626–627; Игумен Вениамин (Лукьянов), Севастопольский и Иерусалимский, в документах и переписке / Подг. текста, вступ. статья и коммент. Н.Н. Лисового // Православный Палестинский Сборник. Вып. 109. 2014. С. 219–288.
- ²¹ Б.П. Мансуров — П.Б. Мансурову. Письмо от 28 января / 9 февраля 1857 г. ГА РФ, ф. 990, оп. 1, д. 32, л. 62–65об. Опубликовано: Письма Б.П. Мансурова из путешествия по Православному Востоку в 1857 году. М.: «Индрик», 2014. С. 126. (Пер с франц. И. Мироненко-Маренковой). Виктор Кириллович Каминский (1808–1865), соученик Н.В. Гоголя по Нежинской гимназии, профессор математики в Новгородском и Полтавском кадетском корпусах, паломник-писатель, четыре раза ездил в Палестину (в 1850, 1857, 1860 и 1862 гг.), посещал Египет, Сирию и Синай, оставил интереснейшие воспоминания и описания святых мест. Его первая книга «Воспоминания поклонника Святой Земли» выдержала два издания подряд (СПб., 1855. 281 с. и СПб., 1856. 313 с.) Новая книга под названием «Заметки поклонника Святого Гроба» вышла в 1859 г. (СПб., 699 с., 1 л. карт) и представляла собой расширенное описание святых мест, взятое из прежних изданий с прибавлением второй части с описанием путешествия Каминского в Палестину в 1857 г. Он умер в Иерусалиме во время своего последнего посещения Святой Земли, оставив незавершенную рукопись, озаглавленную «Четвертый путь в Иерусалим». Ныне рукопись хранится в библиотеке ИППО в Москве.
- ²² *Антонин (Капустин)*. Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме... С. 53–54.
- ²³ *Хальфран Зоар*. Греческий Архангельский монастырь в Иерусалиме... С. 35–48.
- ²⁴ Публикацию без фотографий см.: *Беляев Л.А., Вах К.А.* Памятные надписи славянских паломников XVIII–XIX вв. в Архангельском монастыре в Иерусалиме (предварительная публикация) // Славяноведение. 2019. № 2. С. 94–99.

- ²⁵ Описание путешествия иеромонаха Рыхлевского Николаевского монастыря Сильвестра и Никодима в Царьград и Иерусалим в 1722 году // Труды Киевской Духовной академии, 1883. Вып. 5 (май). (Отдельный оттиск). С. 1–14.; Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета. Вып. 2. XVIII в. : Каталог / Томский гос. ун-т [Сост. В.А. Есипова]. Томск, 2009. Путник странствия моего. Рукопись. 1728 г. Научная библиотека Томского гос. университета, шифр В-878. <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000370102> Описание в каталоге рукописей НБ ТГУ http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/TODRL/26_tom/Romodanovskaja/Romodanovskaja.pdf Описание Е.К. Ромодановской.
- ²⁶ *Хальфран Зоар*. Греческий Архангельский монастырь в Иерусалиме... С. 45.
- ²⁷ Там же. С. 47.
- ²⁸ *Вах К.А.* Фотография строителей русских подворий в Иерусалиме в собрании видов Святой Земли епископа Порфирия (Успенского) // Иерусалимский православный семинар. Вып. 2. М.: «Индрик», 2011. С. 163–176.

Россия и Антиохийский Патриархат XVIII в. в документах Святейшего Синода*

Л.А. Герд

Петровская эпоха коренным образом изменила политику России в отношении Православного Востока. На место щедрого и плохо контролируемого потока пожертвований в пользу восточных монастырей и церквей в XVII в. пришло ограничение и строгое регулирование отправляемых на Восток средств. Да и сама политика России в XVIII в., более обращенная на Запад и в сторону европеизации государства и церкви, мало способствовала прежней практике. Нельзя сказать, что царь Петр I совсем сократил помощь восточному Православию. В монастырях греческого мира хранятся многочисленные предметы, пожертвованные лично царем, или поступившие от русского правительства: это Евангелия в богатых окладах, иконы, облачения, сосуды. Царь Петр нуждался в поддержке Константинопольского Патриарха для канонического утверждения церковной реформы — упразднения патриаршества и установления Св. Синода. Видимо, этим следует объяснить, что окончательное урегулирование пожертвований произошло не в его царствование, а позднее — в 1835 г., с изданием Палестинских штатов, списка церковных учреждений Востока с суммами ежегодных для них пожертвований. Что предшествовало изданию Палестинских штатов?

Признав каноничным существование в России Святейшего Синода¹, восточные Патриархи не замедлили обратиться к русскому правительству с просьбами о возобновлении пожертвований. Прошения от Антиохийского Патриарха апеллировали к суммам, установленным во время посещения Москвы Антиохийским Патриархом Макарием в 1654–1656 г.² Так, уже через несколько дней после издания утвердительной грамоты, 26 сентября 1723 г. Антиохийский Патриарх Афанасий писал Св. Синоду о том, что

Патриарху Макарию была выдана царем Алексеем Михайловичем жалованная грамота о милостыне его престолу; при его предшественнике Патриархе Кирилле грамота затерялась.³ Ныне Патриарх просил Синод разыскать ее в архиве и издать повторную грамоту. Послание Патриарха было передано в Синод через domestика Константинопольского Патриархата Григория Ватаци.⁴ Просьба об отыскании грамоты была отослана в архив Коллегии иностранных дел. Между тем 27 апреля 1724 г. был издан императорский указ, подтверждающий выдачу Антиохийскому Патриарху жалованья по три тысячи рублей в год. Это жалованье не выдавалось в течение трех лет (с 1721 по 1723 гг.)⁵

XVIII век в истории Антиохийской Церкви — это эпоха борьбы с унией.⁶ Особое место среди Антиохийских Патриархов XVIII в. занимает Сильвестр (1724–1766), который деятельно стремился противостоять католической пропаганде. Для этого он организовал и содержал две школы и пригласил для преподавания просветителя Иакова Патмосского. В 1725 г. открылась школа в Халебе (Алеппо), которая просуществовала около двух лет; в 1728 г., после преследований и заточения в тюрьму, Иаков снова открыл училище в Триполи. В 1744–1745 гг., во время своей поездки за милостыней в Дунайские княжества Патриарх Сильвестр организовал арабскую типографию в Яссах. В архиве Синода сохранилось несколько документов, освещающих контакты Сильвестра с русским правительством. В неблагоприятной для Православной Церкви в Сирии политической обстановке он неоднократно просил русское правительство о помощи, и, не встречая отклика, настаивал на возобновлении изданных в XVII в. жалованных грамот в пользу Антиохийского Патриархата и монастырей, оригиналы которых были утрачены.

В июне 1725 г. Патриарх Сильвестр в пространным письме, написанном по всем правилам риторики, во-первых, извещал Российский Синод о кончине своего предшественника Афанасия и о своем восшествии на престол, а, во-вторых, выражал свои соболезнования по поводу кончины Императора Петра I и одновременно надежды на покровительство со стороны Императрицы Екатерины I.⁷ 29 сентября 1725 г. Сильвестр обратился в Св. Синод с просьбой об отыскании копии грамоты Патриарха Макария и об изготовлении копии с нее: очевидно, что в 1724 г. просьба Патриарха Афанасия выполнена не была. Патриарх Сильвестр изложил историю получения грамоты Макарием, и неудачную попытку ее доставления в Сирию через умершего по дороге иеромонаха. Как отмечает Н.П. Чеснокова, Сильвестр имел о грамоте самое общее представление: он не знал ни точного года ее издания, ни точного содержания.⁸ Также, по обычаю, он горько жаловался на тяжелое материальное положение своей Церкви и приводит мотивы, по которым Антиохийскому престолу необходимо получать милостыню из России — учреждение и содержание школ и борьба

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 19-09-41004

с латинской пропагандой. В заключение Патриарх Сильвестр говорит о том, что в Москве ответа на эту просьбу будет ожидать его доверенное лицо, Фиваидский митрополит Арсений.⁹ Послание Сильвестра было привезено в Москву и заслушано на заседании Синода 11 февраля 1726 г.

Ответа, по всей видимости, Сильвестр не получил. 2 мая 1726 г. он адресует своему представителю в Москве митрополиту Арсению письмо, в котором сетует о неполучении последним его предыдущих писем и подробнее излагает нужды школьного дела в Антиохийском Патриархате.¹⁰ «Отнелиже мы вступили сюда нет способа изъять Вам писанием ради множества понеже недуг сея ереси не токмо простый народ заразил, но и сущим от олтаря чрез павседневная обаче увещания притяжахом паки многих далеко от стада духовнаго прашею отгнаше вредителных и чорних волков, которых ради всеконечнаго разрушения собрахом с великими иждивениями и мздовоздаяниями две школы еллинскаго учения в Дамаске и в Халепии градах, не размышляюще многости долга, коего есть болши осмидесяти мешков. И не токмо учителей наняли, но и учеников. Того ради просим Вас, дабы Вы сию тягость донесли ясно в приличное время не токмо Самодержице и богочестивейшей Царице, но и священному Синоду, подвизая их и возбуждая Ваше пречестное преосвященство к награждению жалованная грамоты, о чем предписали мы». Передавая это письмо со своим доверенным лицом Хаджи Спандонием, Патриарх Сильвестр просил Арсения через него же отправить ему ответ. Находясь в Москве в ожидании ответа из синодального архива, Арсений поручения Патриарха выполнить не мог. В июне 1731 г. Сильвестр снова отправил в Россию послание, на сей раз, обращаясь к новой Императрице, Анне Иоанновне. Гонец был тот же — архимандрит Афанасий Спандоний.¹¹ «Всеумиленно з горкими слезами просим да и впредь помилует нас и святейший сей престол любоблагоутробно удостоит государевою истою своею жалованною грамотою и пожаловать и одеяниями на украшение архиерейскими апостолскому сему престолу, которому також оскудевает священных сосудов и церковных утварей».¹²

По-видимому, было дано новое распоряжение о поисках грамоты, но найдена она и на сей раз не была. В указе Анны Иоанновны, изданном по итогам поисков в Коллегии иностранных дел, говорилось, что еще в 1726 г. из Коллегии иностранных дел поступила справка о том, что Антиохийский Патриарх Макарий приезжал в Россию за милостыней в 1656 и 1668 гг., и ему была выдана грамота с вислой золотой печатью о том, чтобы выдавать его посланцам милостыню через каждые три года деньгами и вещами, а сколько именно — выяснить не удалось.¹³

Поиски в архиве Коллегии иностранных дел на этом не закончились. По справкам «из столпов старых лет» оказалось, что 17 июля 1662 г. путивльский воевода князь Илья Мордвин докладывал Алексею Михайловичу

о прибытии представителя Антиохийского Патриарха Макария архимандрита Неофита и игумена Успенского монастыря Неофита. Согласно представленным ими жалованным грамотам, проезд за милостыней был разрешен от Патриарха каждые три года, а от игумена каждые пять. Далее следовала подробная роспись выдач деньгами, мехами и продуктами. Составители справки, однако, указывали, что самой грамоты, выданной Патриарху Антиохийскому Макарию, в архиве не удалось найти, но зато нашлась аналогичная грамота, выданная Александрийскому Патриарху Паисию в 1669 г.¹⁴

Прецедент 1662 г. был взят за основу указа Св. Синода о выдаче милостинной дачи в 1732 г. «Приказали: означенному прибывшему архимандриту Афанасию и при нем обретающимся логофету Спандонии служителю Георгию и толмачу Григорию, по примеру произведенных в прешедшем оном 170-м году таковым же приезжавшим духовным Антиохийского Макария Патриарха персонам дачу вышешоказанное справкою число, а имянно архимандриту за проезд отпуск и на милостыне в монастырь (...) да за поденной корм считая с приезде ево, как оно архимандрит в Святейшем Синоде явися, ноября со 12го дня 1731 году сего генваря по 12 число и того на два месяца двенадцать рублей за питье за пиво по две и за мед по три копейки, итого архимандриту сто дватцать три рубли. При нем обретающийся логофет Спандоний против иеромонаха денежной дачи и за куницы денгами двадцать два рубли, кормовых шесть рублей, за питье три рубли. Итого тритцать один рубль. Толмачу и служителю денежной дачи и за сукна по семи рублей, кормовых по четыре рубли по осмидесяти копеек, за питье по одному рублю по двадцати копеек, итого по тринадцати рублей человеку, а обоим дватцать шесть рублей, всего сто осмидесят рублей выдать из определенной на чрезвычайные расходы десятитысячной рублевой суммы».¹⁵

Получить соответствующую грамоту архимандриту Афанасию сразу не удалось, так как печати, скрепляющие императорские указы, хранились в Санкт-Петербурге, а он проживал в Москве.¹⁶ Синод принял решение о вторичной отсылке жалованной грамоты в Москву: «дабы от догопродолжительнаго тоя ожидания упомянутый архимандрит Афанасий не понес яко приезжий иностранный излишняго от пребывания своего в Москве иждивения, и скорее мог паки к его святейшеству возвратиться, достождное рассмотрение и решение учинить в коллегии иностранных дел, и опять из святейшаго правительствующаго Синода во оную коллегию послать вторичной указ, и что до оной коллегии иностранных дел учинено будет, в Святейший синод для известия изнесть доношение по обыкновению».¹⁷ Поскольку бюрократическая волокита продолжалась, в конце мая 1732 г. архимандрит Афанасий обратился через настоятеля Чудова монастыря Евфимия в Св. Синод с просьбой о разрешении ему совершать в Москве богослужение. Дозволение было дано 7 июня 1732 г.¹⁸

Задержка в выдаче жалованной грамоты объяснялась разными причинами, в числе которых, несомненно, были и политические — нежелание как иностранной Коллегии, так и Синода брать на себя ответственность. Внешне это выглядело как несогласованность действий обоих ведомств: Синод ожидал ее издание от Коллегии иностранных дел. Последняя же, ссылаясь, во-первых, на отсутствие в архиве отпуска грамоты Патриарху Макарию, и, во-вторых, на указ царя Петра I от 22 декабря 1724 г., в котором говорилось, что Синод должен выдавать жалованье восточным Патриархам от доходов вотчин Патриаршего дома, — возвращала требование обратно в Синод.¹⁹ Прошел год, и в сентябре 1733 г. Синод издал свое заключение, что не считает себя правомочным издавать жалованную грамоту Антиохийскому Патриарху без особого на то указа Императрицы.²⁰

1 августа 1733 г. Патриарх Сильвестр в очередной раз обратился в Синод с просьбой о розыске грамоты царя Алексея Михайловича в пользу Сайданайского монастыря. В феврале 1734 г. в Коллегию иностранных дел был послан запрос об отпуске такой грамоты.²¹ Жалованная грамота в пользу Сайданайской обители в архиве найдена не была, зато удалось разыскать роспись выдач в расходной книге за 7101 и 7102 гг., среди которых числилась милостыня 120 золотых для стариц Сайданайского монастыря.²² Несмотря на невыдачу жалованной грамоты Антиохийскому Патриархату, нельзя сказать, чтобы Патриарх Сильвестр в эти годы не получил из России никакой денежной помощи: в 1731 г. ему было передано через русского резидента в Константинополе Неплюева 1000 рублей, а в 1732 г., по примеру более ранних выдач — еще 130 рублей.²³

Прошел еще год. Из протокола Св. Синода 11 октября 1734 г. мы узнаем, что «От Антиохийского задачею тому патриаршу престолу впредь в милостыню в жалованье от Ея Императорского Величества жалованной грамоты архимандрит Афанасий, архидиакон Макарий, протосиггел Каллиник, которым по силе прошения их надлежащего удовлетворения за находящимися некими неудобствия учинить вскоре не можно», и потому, чтобы архимандрит Афанасий не терпел нужду, императорским указом ему велено выдать тридцать рублей.²⁴

Длительные и безрезультатные поиски отпусков грамот, нежелание российских ведомств идти навстречу требованиям просителей привели к тому, что вопрос был решен изданием одного акта, упорядочившего почти на два столетия выдачу милостыни восточным монастырям и Церквам. Таким актом явились изданные указом от 24 мая 1735 г. Палестинские штаты, согласно которым восточным Патриархатам и целому ряду монастырей в Османской империи, по списку, назначалось ежегодное жалованье. «Имянным Ея Императорского Величества 1735-го года мая 24 дня указом и высочайше конфирмованным тогда же штатом так называемым палестинским повелено: четырехпрестольным Святейшим

Константинопольскому, Александрийскому, Антиохийскому и Иерусалимскому Патриархам производить в милостыню денежное жалованье, из положенной на то пятитысячнорублевой суммы, которую и повелено отпускать из доходов бывшей Коллегии экономии в Синод», — гласит справка, наведенная в конце XVIII в.²⁵ Восточные Патриархи получали, согласно этой росписи, по 100 рублей в год, причем содержание посланцев (прогонные и кормовые расходы) по-прежнему брало на себя русское правительство; представители Патриархов должны были приезжать через каждые пять лет. До конца XVIII в. оно выдавалось, как правило, лично посланцам от Патриархов. В 1742 г. было постановлено, что в случае невозможности прислать гонцов, помощь выдается по векселю от Московской Синодальной конторы через русского резидента в Константинополе, «а в Александрийских и в Антиохийских странах от великобританского или голландского консулов купеческих». На практике гонцы по разным причинам приезжали нерегулярно: иногда этому препятствовали обстоятельства военного времени, иногда — внутренние смуты. Поначалу было введено десятилетнее ограничение в выдаче милостыни, однако впоследствии и оно было отменено. Лишь когда срок превышал несколько десятилетий, жалованье могло быть задним числом не выдано. Указом Императора Павла I от 4 марта 1798 г., предписывалось все денежные отправления за рубеж производить только через российских банкиров и комиссионеров за счет правительства.²⁶ С тех пор посольства для получения денег в Москву от Восточных Церквей прекратились.

Через десять лет после назначения Палестинских штатов Патриарх Сильвестр обратился к Императрице Елизавете Петровне с просьбой о материальной помощи учреждаемой в Яссах арабской типографии.²⁷ В удовлетворении этой просьбы, однако, было отказано — Св. Синод ссылаясь на отсутствие денег сверх выдаваемых сумм по Палестинскому штату.²⁸ Попытки Патриарха Сильвестра получить материальную помощь из России на организацию школ и типографии были, как мы видим, малоуспешными. Неожиданно для себя Сильвестр нашел помощника в школьном деле в лице известного русского паломника на Православный Восток, Василия Григоровича-Барского, который впервые прибыл в Сирию в конце июня 1728 г. и оставался там год, по конец июля 1729 г.²⁹ Высадившись с корабля в Сайде (Сидоне), В.Г. Барский первым делом отметил присутствие там униатов, которые пользовались покровительством французского консула; ближе он с ними познакомился в униатском монастыре Мухаллес, где нашел около двадцати монахов.³⁰ Спустя месяц (в июле 1738 г.) Барский вел прения о вере с униатским Патриархом Кириллом, которого встретил в маронитском монастыре св. Моисея Мурина близ Бейрута.³¹ Детального описания удостоиваются Барским и православные монастыри Сирии — Белемендский, Кофун (свв. Сергия и Вакха), Нурие

(Пресвятой Богородицы), маронитский св. Антония Великого, и несколько позже — Сайданайский монастырь близ Дамаска. Отмечает он бедность христианских сел; так, в селе Енета Илиупольской епархии «ради скудости, ни попа имут людие, точию церковь, и ту опустелу, и суть арави вери греческой православной». ³² В Антиохии в то время также не было православной церкви: Барский вместе с местными христианами в праздник св. Архангела Михаила отправился на литургию в церковь, высеченную в скале за городом. ³³ Во второй половине сентября 1728 г., когда Василий достиг Дамаска, Патриарха он там не застал: «В то бо время бысть святейший Патриарх Антиохийский кир Силвестр, и отъиде в Цариград ради смущения христианского от унийтов, и на месте его бысть епитропом един иеромонах и протосингел, иже обитает в дворе патриаршем с прочими иноки и управляет вся дела церковная». ³⁴ Негостеприимно встретил Барского город Алеппо, который в то время был населен в основном униатами: «приидох в знаменитый град Халеб, идеже многих тогда нестроений ради, сущу митрополиту горду, скупу и странно-ненавистну, никаковой от него не получих милости, ниже благого совета и ниже места к пренощеванию». ³⁵

Вернулся в Сирию Барский несколько позднее, летом 1729 г., и остался пожить в Триполи, где в то время учительствовал приглашенный Патриархом Сильвестром с о. Патмос иеромонах Иаков. ³⁶ С некоторыми перерывами он пробыл при дидаскале Иакове около пяти лет, обучаясь греческому языку и богословию. Иаков посылал Барского в Египет (1730 г.); на Патмос (1731 г.); одной из целей таких миссий была полемика против унии. На обратном пути в Триполи, на о. Самос Барский впервые познакомился с Патриархом Сильвестром, в котором увидел «достойного мужа возрастом и умом, благонравна и добродетельна, и милосердна, иже дни доволни угости мя при себе и милостину ми от сребра и одежд сотвори, благословение же и разрешителнии грамоти даде мне». ³⁷ Патриарх увидел в Барском достойного ученого, который мог быть ему полезен как в училище, так и в полемике с унией. 1 января 1734 г., желая удержать Василия при себе, Патриарх Сильвестр постриг его в монашество. ³⁸ Несмотря на уговоры Сильвестра, В.Г. Барский все-таки не остался в Дамаске, а отправился в дальнейшие странствования.

Переписка с Патриархом Сильвестром продолжалась и в последующие годы. В 1743 г. В.Г. Барский был приглашен в Константинополь русским резидентом А.А. Вешняковым, который хотел сделать его священником при посольстве. Узнав об этом, Патриарх Сильвестр просил его ходатайствовать о скорейшей высылке денег, и передаче их Спандонию, который в то время находился в Москве. ³⁹ Барский (в ответном письме от мая 1844 г.) обещал помочь, но вряд ли преуспел в этом, так как в том же месяце уехал из Константинополя на Афон. ⁴⁰

Характерно, что, несмотря на свои усилия по организации арабской типографии, Патриарх Сильвестр видел залог успеха именно в распространении греческого образования и сетовал на нежелание арабов учиться греческому языку. За годы пребывания в Сирии Барский изучил греческий, а не арабский язык. Между тем католические миссионеры, несмотря на тенденцию к латинизации, уже с XVII в. активно изучали арабский язык и восточное богослужение, печатали на арабском книги и старались ориентировать преподавание на нужды местного населения. ⁴¹

Преемнику Сильвестра на Антиохийском Патриаршем престоле Даниилу также не удалось добиться прибавки милостинной дачи сверх положенной в Палестинских штатах суммы. В 1767 г. он обратился к Императрице Екатерине II и получил отказ. ⁴² На этом фоне удивительным кажется одно исключение, сделанное Св. Синодом в 1747 г. Позволение собирать милостыню в пользу нуждающихся православных христиан Сирии получил шейх Насыр Никон из Бейрута, который прибыл в Петербург и заручился рекомендательными грамотами от трех Восточных Патриархов, «как здесь в Санкт-Питербурхе, так и в Москве милостыню пристойным образом просить позволить впредь на год, с таким предупреждением, дабы он в прошении своем от доброхотодателей милостыни просил со всяким смирением и простотою и с достойным кто что подаст благодарением и учтивостию принимал». ⁴³ По истечении срока проситель вновь обратился в Синод с просьбой о разрешении ему вернуться в отечество через города Нарву, Ревель, Пернов и Псков, чтобы там также воспользоваться подавляющими жителями. В конечном итоге ему было дано разрешение вернуться через Новгород, Тверь, Москву, Смоленск и Киев, причем с уплатой прогонных денег и дорожных расходов. ⁴⁴ За этим исключением, судя по бумагам Св. Синода, на протяжении XVIII в. мы не имеем свидетельств о дополнительных выдачах денег русским правительством в пользу Антиохийского Патриархата.

В 1792 г. в Св. Синоде был составлен подробный отчет о выдаче сумм по Палестинским штатам, а также прогонных и кормовых денег посланцам Восточных Патриархов. ⁴⁵ Согласно этому документу, 4 октября 1760 г. в Москву прибыл от Антиохийского Патриарха Сильвестра архимандрит Анфим с просьбой получить положенное жалование за десять лет. По наведенной справке оказалось, что в 1751 г. прибывшему от того же Патриарха Сильвестра архимандриту Игнатию были выданы деньги за шесть лет (с 1745 по 1751 г.), и затем еще за два года (1751 и 1752), — итого за восемь лет. Поэтому Анфиму были выплачены деньги за восемь лет, с 1753 по 1761 г., всего восемьсот рублей, а также 930 рублей ямских и кормовых денег. Перед отъездом из Москвы в мае 1763 г. Анфим просил получить деньги еще за пять лет вперед (из них два, впрочем, уже прошло с 1761 г.), но ему было отказано. Следующая выдача Антиохийскому престолу, с 1761 по 1767 г., была

отправлена Патриарху Сильвестру через резидента в Константинополе Обрескова⁴⁶ и поверенного в делах Левашова.⁴⁷ Деньги были вручены доверенному лицу Антиохийского престола греческому купцу Хаджи Ангелу, который и доставил их преемнику Сильвестра, Патриарху Филимону.

Наконец, последнее свидетельство о контактах Антиохийской Церкви с Россией в XVIII в. относится к 1799 г., когда Патриарх Анфим послал запрос на отправление денег по Палестинскому штату. Гонцов Патриарх не отправлял, а просил передать деньги через русского посланника в Константинополе Василия Томару.⁴⁸ Деньги были отправлены, согласно решению Св. Синода, в размере 3900 рублей (с 1761 по 1800 г.).⁴⁹

Итак, контакты русского правительства с Православным Востоком в XVIII в. были эпизодическими и сводились исключительно к удовлетворению просьб о материальной помощи или отказе в этом. Несмотря на то, что по традиции в Москве продолжительное время жили представители Антиохийского Патриарха, которые осуществляли переговоры, русское правительство всячески старалось сократить и выплаты, и поводы к ним. Можно предположить, что настойчивые просьбы о помощи и возобновлении утраченных жалованных грамот XVII в. послужили одним из стимулов к изданию в 1735 г. Палестинских штатов — упорядоченной системы выплаты пожертвований восточным монастырям и Церквам. В целом же русское правительство на протяжении XVIII в. проявляло мало интереса к делам Антиохийской Православной Церкви в Сирии, что давало широкие возможности для укрепления позиций католицизма и стоящих за ним Франции и папского престола.

¹ См. утвердительные грамоты восточных Патриархов об учреждении Синода Российской Церкви, с приложением копии исповедания православной веры. РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 6. Грамота Антиохийского Патриарха Афанасия от 23 сентября 1723 г. Л. 4. Русский перевод Л. 5.

² Антиохийский Патриарх Макарий III (1648–1667, или 1672) дважды побывал в России: в 1654–1656 гг., со своим сыном, архидиаконом Павлом Алеппским, оставившем описание путешествия (Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским (по рукописи Московского главного архива Министерства иностранных дел) / Пер. с арабского и предисловие Г. Муркоса. М.: Общество истории древностей при Московском университете, 1896–1900. Т. 1–5; 3-е изд. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2012); второй раз в 1666–1668 г., для участия в Большом Московском соборе по делу Патриарха Никона.

³ Макарий в оба свои приезда вывез из Москвы богатые подарки. В первый раз (1656 г.) они составили около трех тысяч рублей деньгами и пушниной, а также иконы, утварь, облачения и жалованные грамоты Антиохийскому престолу и крупнейшим сирийским

монастырям о регулярном получении милостыни из России (именно об одной из этих грамот ходатайствовал Патриарх Афанасий). Двигался Макарий на родину через Путивль и Яссы. По окончании второго приезда в Россию (1668 г.) он возвращался через Астрахань и Тбилиси; на этот раз большая часть московских даров досталась шемахинскому хану. См.: Панченко К.А. Ближневосточное православие под Османским владычеством. Первые три столетия. 1516–1831. М., 2012. С. 371, 382–383.

⁴ Грамота Патриарха Афанасия от 26 сентября 1723 г. Оригинал. РГИА. Ф. 796. Оп. 5. Д. 211. Л. 11–11об. Русский перевод л. 14.

⁵ Выписка из указа Св. Синода 24 мая 1724 г. Копия. Там же. Л. 7–7об.

⁶ Первые попытки унии в Сирии относятся к XIII в., однако, наибольших успехов движение достигло в эпоху контрреформации, после создания папой Григорием XV конгрегации *Depropaganda fidei* (1622 г.). Главную роль в деле присоединения восточных христиан в Сирии до 1770-х годов играли иезуиты; активны были также миссии францисканцев и капуцинов. В начале XVII в. покровительством Франции пользовались марониты, которые первыми приняли унию. В Риме был открыт специальный маронитский коллегиум. Мельхиты массово перешли под власть папы в первой половине XVIII в. и стали именоваться греко-католиками; так, например, христианское население Алеппо почти полностью состояло из униатов. Принятие унии было выгодно для сирийских христиан: они находились под покровительством католических держав — Франции и Австрии, получали возможность учить своих детей в миссионерских школах и при этом сохраняли традиционный восточный обряд в богослужении и местное общинное самоуправление. Hajjar J. Les chrétiens uniates du Proche-Orient. Paris, 1962; Heyberger B. Les chrétiens du Proche-Orient au temps de la Réforme catholique (Syrie, Liban, Palestine, XVIIe — XVIIIe siècle). Rome, Ecole française de Rome, 2014; Girard A. Quand les « grecs-catholiques » dénonçaient les « grecs-orthodoxes » : la controverse confessionnelle au Proche-Orient arabe après le schisme de 1724 // Eds. Chrystel Bernat et Hubert Bost. Discours et représentations du différend confessionnel à l'époque moderne. Turnhout, Brepols, « Bibliothèque de l'École des Hautes Études — Sciences religieuses », 2012. P. 157–170; Id. Les melkhites de Syrie au sein du catholicisme au XVIIIe siècle : politique romaine, tensions intercommunautaires et doctrine confessionnelle // Religions and Politics in Europe's Orient (s), 16th-21st c. / Eds. D. Stamatopoulos, T. Anastasiadis (forthcoming).

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 328. С аналогичной просьбой о материальной помощи против латинян обращался Патриарх Сильвестр и к Императрице Екатерине I, государственному канцлеру Г.И. Головкину и члену верховного Тайного совета П.А. Толстому. Чеснокова Н.П. Жалованные грамоты греческим иерархам в контексте конфессионально-политических связей России и Православного Востока в XVIII в. // Каптеревские чтения. Вып. 17. 2019. С. 195.

⁸ Чеснокова Н.П. Жалованные грамоты греческим иерархам. С. 196.

⁹ Протокол заседания Св. Синода 11 февраля 1726 г. РГИА. Ф. 796. Оп. 7. Д. 133. Л. 2–4. Фиваидский митрополит Арсений проживал в России с 1718 г. до своей кончины в 1734 г.

- ¹⁰ Патриарх Сильвестр — митрополиту Арсению Фивайдскому. Ф. 796. Оп. 8. Д. 84. Л. 1–1об. Оригинал. Л. 2–2об. русский перевод.
- ¹¹ Протокол заседания Св. Синода 12 ноября 1731 г. РГИА. Ф. 796. Оп. 12. Д. 434. Л. 1–3об.
- ¹² Русский перевод послания Патриарха Сильвестра от июня 1731 г. Там же. Л. 7–12об.
- ¹³ Указ Анны Иоанновны 12 ноября 1731 г. РГИА. Ф. 796. Оп. 12. Д. 434. Л. 5–5об. Указ был заслушан в собрании Св. Синода 8 декабря 1731 г. Донесение Св. Синоду из Коллегии иностранных дел от 4 января 1732 г. Там же. Л. 17–18.
- ¹⁴ Там же. Л. 19–27.
- ¹⁵ Протокол заседания Св. синода 12 января 1732 г. Там же. Л. 30–30об.
- ¹⁶ Донесение архимандрита Афанасия Св. Синоду от февраля 1732 г. Слушано в заседании Синода 6 марта 1732 г. Там же. Л. 37.
- ¹⁷ Протокол Св. Синода от 14 марта 1732 г. Там же. Л. 37–38.
- ¹⁸ Протокол Св. Синода 7 июня 1732 г. Там же. Л. 41–41об.
- ¹⁹ Святейшему Правительствующему Синоду из Коллегии иностранных дел. 16 сентября 1732 г. Там же. Л. 43–43об.
- ²⁰ Протокол Св. Синода от сентября 1733 г. Там же. Л. 53–55.
- ²¹ Патриарх Сильвестр-Св. Синоду. 1 августа 1733 г. Оригинал. РГИА. Ф. 796. Оп. 15. Д. 27. Л. 3–4. Русский перевод. Л. 5–6об. Характерно, что на перевод послание было отдано только в феврале следующего, 1734 г.
- ²² Справка из Коллегии иностранных дел. Там же. Л. 9–9об.
- ²³ РГИА. Ф. 796. Оп. 12. Д. 434. Л. 48
- ²⁴ Протокол Св. Синода от 11 октября 1734 г. Там же. Л. 60–62.
- ²⁵ По требованию экспедиции о государственных доходах о уведомлении оную, включается ли в отпускаемой ежегодно в Московскую Синодальную кантору из тамошняго статнаго казначейства на милостыне палестинским Патриархам с тамошними монастырями 5000-й сумме положенная Антиохийскому патриаршему престолу пенсия [1792 г.] (РГИА. Ф. 796. Оп. 73. Д. 289. Л. 2).
- ²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 80. Д. 165. Л. 13–14.
- ²⁷ Патриарх Сильвестр — Елизавете Петровне. 25 декабря 1744 г. РГИА. Ф. 796. Оп. 26. Д. 159. Л. 1–2 греческий оригинал; Л. 9–12об. Слушано в Синоде 1 мая 1745 г. Об исполнении этой просьбы Патриарх просил ходатайствовать Василия Григоровича-Барского, который в начале 1744 г. находился в Константинополе при русском резиденте в Константинополе А.А. Вешнякове (Странствования Василья Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. /Изданы Православным Палестинским Обществом по подлинной рукописи под редакцией Н. Барсукова. Ч. IV. СПб., 1886. С. 56–59, 59–61).
- ²⁸ Протокол Св. Синода 30 сентября 1745 г. РГИА. Ф. 796. Оп. 26. Д. 159. Л. 43–44об.
- ²⁹ Странствования Василья Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. / Изданы Православным Палестинским Обществом по подлинной рукописи под редакцией Н. Барсукова. Ч. II. СПб., 1886. С. 44–143.
- ³⁰ Там же. С. 47–49.

- ³¹ Там же. С. 54–55.
- ³² Там же. С. 83.
- ³³ Там же. С. 127.
- ³⁴ Там же. С. 99.
- ³⁵ Там же. С. 133.
- ³⁶ Там же. С. 153–155.
- ³⁷ Там же. С. 210.
- ³⁸ Там же. С. 219.
- ³⁹ Патриарх Сильвестр — В. Барскому. 6 апреля 1844 г. Там же. С. 56–59.
- ⁴⁰ Там же. С. 59–61.
- ⁴¹ Heyberger V. Les chrétiens du Proche-Orient au temps de la Réforme catholique. P. 289–291; Hajjar J. Les chrétiens uniates du Proche-Orient. P. 222.
- ⁴² Патриарх Даниил — Св. Синоду. Копия с перевода. 29 октября 1767 г. РГИА. Ф. 796. Оп. 49. Д. 245. Л. 3–5. Указимператрицы 2 октября 1869 г. (цитируется в послании Синода в Московскую синодальную кантору). Там же. Л. 14–14об.
- ⁴³ Протокол Св. Синода 14 августа 1747 г. РГИА. Ф. 796. Оп. 12. Д. 198. Л. 12–13.
- ⁴⁴ Протокол Св. Синода 13 мая 1848 г. Там же. Л. 24–24об.
- ⁴⁵ По требованию экспедиции о государственных доходах о уведомлении оную, включается ли в отпускаемой ежегодно в Московскую Синодальную кантору из тамошняго статнаго казначейства на милостыне палестинским Патриархам с тамошними монастырями 5000-й сумме положенная Антиохийскому Патриаршему престолу пенсия [1792 г.] (РГИА. Ф. 796. Оп. 73. Д. 289).
- ⁴⁶ Обресков Алексей Михайлович (1718–1787), русский дипломат, с 1740 г. выполнял поручения при посольстве Российской Империи в Константинополе. В 1752–1768 гг. — русский резидент в Османской империи.
- ⁴⁷ Левашов Павел Артемьевич (1719–1820), русский писатель и дипломат; поверенный в делах посольства Российской Империи в Константинополе с 19 августа 1763 г. до 1768 г.
- ⁴⁸ Томара Василий Степанович (1740–1813), официальный полномочный посол России в Османской Империи в 1799–1809 гг.
- ⁴⁹ Патриарх Анфим — Российскому Св. Синоду. 15 декабря 1799 г. РГИА. Ф. 796. Оп. 80. Д. 165. Л. 1–1об. греч. оригинал; Л. 3–3об. рус. пер.

ПЕРВАЯ ПАЛОМНИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА РУССКИХ ГИМНАЗИСТОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ 1-й КАЗАНСКОЙ ГИМНАЗИИ В ПАЛЕСТИНУ И ГРЕЦИЮ ПОД РУКОВОДСТВОМ Н.К. ГОРТАЛОВА*

С.Ю. Житенёв

В 1899 г. гимназисты Императорской 1-й Казанской гимназии под руководством своего преподавателя Николая Константиновича Горталова¹ совершили паломническое путешествие в Палестину и Грецию. Николай Константинович имел опыт совершения паломнических путешествий на Православный Восток: в 1895 г. он поклонялся святым местам Вселенского Православия в Палестине и Египте, а в 1897 г. — на Афоне. Обладая знанием условий путешествий по Библейскому региону, он хотел приобщить к этому своих учеников. До этого организованные группы учащейся молодёжи никогда не путешествовали из России в Святую Землю с паломническими целями, поэтому эта поездка по тем временам была уникальной. Н.К. Горталов подробно описал весь процесс подготовки и осуществления первой паломнической поездки русских гимназистов в Палестину и Грецию в своих записках, опубликованных в Сообщениях ИППО² в 1900 г. Поэтому мы имеем редкую возможность узнать о том, как зарождалась и воплощалась на практике, идея первой ученической паломнической поездки из Российской Империи в Святую Землю. Вот, что он писал о своих намерениях: «С давних пор я интересовался устройством ученических поездок. Предпринимая сам ежегодно отдалённые путешествия, я хотел устроить поездку и для учеников, признавая громадное образовательное значение таких поездок. Во время пребывания моего на Афоне летом 1897 года, <...> мне пришла в голову мысль, что при дешевизне теперешних путей сообщения,

при льготах, предоставляемых паломникам Императорским Православным Палестинским обществом, можно было бы, пожалуй, недорого съездить с учениками на Афон или даже в Палестину»³.

Вернувшись в Казань, Н.К. Горталов осенью и зимой 1897 г. обдумывал проект организации паломнической поездки небольшой группы гимназистов в Святую Землю и на Афон. Он предполагал, что в путешествие отправятся ученики не ниже четвёртого класса гимназии, родители которых дадут согласие на паломническую поездку и оплатят часть её стоимости. При этом цена билетов на железнодорожных поездах и на морских пароходах должна быть на уровне третьего класса. Возглавлять группу гимназистов Н.К. Горталов собирался лично и хотел разделять с ними все условия передвижения и размещения во время поездки. Его проект предполагал, что участникам путешествия Российской общество пароконства и торговли (далее РОПиТ) сделает скидки на билеты, Императорское Православное Палестинское Общество (далее ИППО) — предоставит льготное проживание и питание в Святой Земле, а также руководство Императорской 1-й Казанской гимназии выделит пособие на каждого гимназиста по 25 рублей. В результате этой схемы паломническая поездка должна была стоить каждому участнику не более 100 рублей, по тем временам сумма немалая. Поэтому родителям учащихся, желающих отправиться в путешествие в Святую Землю, надо было внести эту сумму перед началом поездки. В этом месте необходимо отметить, что Н.К. Горталов в случае, если руководство гимназии не смогло бы выделить пособие, собирался внести личные средства для учащихся, чтобы покрыть перерасход стоимости поездки. Это намерение говорит о нём, как о щедром человеке и отзывчивом педагоге. Перед гимназистами Николай Константинович поставил задачу, чтобы они вели путевые заметки, в которых в том числе записывали личные и общие расходы, а также писали письма родным во время путешествия. Забегая вперёд важно заметить, что в результате правильной организации поездки и щедрой поддержки со стороны государства, РОПиТ и ИППО, а также доброжелательного отношения к молодым паломникам со стороны очень многих людей, путешествие обошлось каждому участнику не более 75 рублей, включая в эту сумму все расходы по поездке.

Главной целью паломнической поездки Н.К. Горталов планировал посещение Иерусалима и тех мест Палестины, которые можно будет успеть осмотреть в зависимости от расписания пароходов, а также — Константинополь, Смирну, Афины, Александрию и Каир. Посещение Афона он считал желательным, но маловероятным при таком насыщенном и продолжительном путешествии. Учитывая несовпадение графика движения поездов от Казани до Одессы, появлялось свободное время для посещения святых мест и достопримечательностей в Москве, Киеве и других российских городах.

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «История русского православного паломничества в XIX в.», осуществляемого автором по гранту РФФИ № 20-09-41002.

В апреле 1898 г. паломническая поездка учащихся Императорской 1-й Казанской гимназии в Святую Землю была разрешена министром народного просвещения Российской Империи А.И. Деляновым⁴. Осуществить поездку в том же году не удалось по причине появления тревожных известий о появлении чумы на Ближнем Востоке и приближении её к границам Европы. Однако, несмотря на известии об эпидемии чумы, Н.К. Горталов совершил поездку в Константинополь, Грецию и Египет с целью подготовки и оказания содействия будущему путешествию группы гимназистов из Казани.

Зима 1898–1899 гг. для руководства гимназии и Н.К. Горталова прошла в подготовке к путешествию юных паломников. В этот период Николай Константинович специально ездил в Санкт-Петербург, где обратился к министру путей сообщения Российской Империи М.И. Хилкову⁵ с просьбой о предоставлении ученикам гимназии льготного проезда по железным дорогам. По докладу М.И. Хилкова 05 февраля 1899 г. последовало Высочайшее соизволение Государя Императора Николая II на выдачу ученикам гимназии 20 бесплатных билетов третьего класса для проезда от Нижнего Новгорода до Одессы и обратно. Внимание и помощь со стороны Императора Николая Александровича настолько воодушевила организаторов и участников поездки, что известия, полученные в мае 1899 г., о появлении чумы в Египте, не удержали их от поездки в Палестину. 22 мая для учеников были получены билеты на пароход за половину стоимости. В тот же день вечером в гимназии, в домовом храме в честь Воздвижения Креста Господня, законоучителем А.В. Молчановым⁶ был отслужен напутственный молебен, после чего он сказал задушевное и наставническое слово молодым паломникам.

В паломническое путешествие на Святую Землю отправились 15 учеников трёх старших (8, 7 и 6) классов: Н. Германов, А. Зеленецкий, В. Ислентьев, Ф. Маяков, А. Самоделкин, В. Туйков, С. Кивеко, П. Колотов, М. Нагевич, А. Царевский, В. Аристовский, В. Гвоздев, С. Генке, М. Захаров и П. Михайлов. Из остальных пяти учеников, желавших участвовать в поездке, один должен был позже присоединиться в пути, а четверо не смогли поехать по разным причинам. С группой поехал служитель гимназии Семён Романов для оказания необходимых услуг в пути. Руководителем группы был определён Н.К. Горталов, который на протяжении двух месяцев путешествия заботился и нёс ответственность за юных паломников.

Пароход «Пушкин» пришёл 23 мая в 02 часа ночи, когда группа гимназистов уже ждала его на казанской пристани. Ученики получили билеты в общей мужской каюте второго класса, которую заняли практически полностью. Это был единственный случай, когда группа ехала во втором классе, остальную часть пути они путешествовали в третьем классе. К 07 часам

утра на пристань приехали родители учеников, директор, инспектор, законоучитель и некоторые преподаватели гимназии, чтобы проводить молодых паломников в далёкое путешествие. В 07.30 часов утра 23 мая 1899 г. пароход отплыл от пристани Казани и, таким образом, начала своё путешествие ученическая паломническая группа Императорской 1-й Казанской гимназии, имевшая своей целью, достичь Святую Землю.

Утром следующего дня пароход достиг Нижнего Новгорода, где после осмотра города они прибыли на вокзал, где дежурный помощник начальника станции распорядился разместить наших паломников в последний вагон, половина которого была выделена исключительно для участников группы. «Начиная с Нижнего во всё время нашего дальнейшего следования все железнодорожные служащие и на станции, и в пути с недоумением осматривали выданные ученикам «с Высочайшего соизволения» билеты с напечатанным на них извлечением из правил о бесплатном проезде по железным дорогам правительственных должностных лиц; видно было, что по таким билетам ученики едут впервые»⁷.

Из Нижнего Новгорода казанские гимназисты спокойно и с удобствами доехали до Москвы, куда прибыли 25 мая, и по приезду сразу отправились знакомиться со святыми местами и достопримечательностями первопрестольной столицы. «Прежде всего, по русскому обычаю, пошли к Иверской часовне, зайдя по пути в торговые ряды и в Казанский сбор. От Иверской направились в Кремль. Осмотрев Царь-пушку и Царь-колокол, побывали в Архангельском и Благовещенском соборах и любовались памятником Царю-Освободителю. В Успенский собор мы не попали, так как там, по случаю высокаторжественного дня рождения Государыни Императрицы⁸, происходило митрополичье служение и в ожидании приезда Августейшего генерал-губернатора⁹ и его супруги¹⁰ народ в собор более не впускали. После этого мы успели побывать ещё в храме Христа Спасителя, где застали конец молебна»¹¹. Из храма Христа Спасителя благочестивые казанские юноши поехали по конке на вокзал.

Из Москвы они выехали в тот же день в 15.30 по полудню и на следующий день 26 мая прибыли в Курск, где им был выделен отдельный вагон, в котором они добрались до Киева, где пересели на другой поезд и поехали в Одессу. На этот раз нашим паломникам не повезло с вагоном, который был старым и плохо оборудованным, а также переполненным пассажирами, отношение которых к нашим паломникам было недоброжелательным. По прибытии на станцию Казатин в шесть часов утра Н.К. Горталов обратился к станционному начальству с просьбой пересадить группу в другой вагон. Помощник начальника станции любезно предоставил для казанских гимназистов свободный вагон и велел кондуктору никого более в него не пускать вплоть до Одессы, куда поезд прибыл 27 мая 1899 г. в восемь часов вечера.

Паломническая группа разделилась, часть остановилась на Андреевском подворье, а другая часть — на Пантелеимоновском подворье. Разделение группы объяснялось тем, что в Одессе находилось множество паломников, которые прибыли почти одновременно на трёх кораблях, которые возвращались в Российскую Империю после Пасхи из Иерусалима и Афона. На следующее утро Н.К. Горталов поехал к делопроизводителю Одесского отделения ИППО в Одессе М.И. Осипову¹², который сразу же прибыл на подворье, где познакомился со всеми участниками группы, и после этого всё время проводил с юными паломниками, помогая им в оформлении паспортов и приобретении билетов на корабль. Михаил Иванович вместе с Николаем Константиновичем посетили канцелярию Одесского градоначальника, где было подано прошение о выдаче заграничных паспортов. При этом М.И. Осипов хотел получить для всех участников группы один общий паспорт, однако его хлопоты не увенчались успехом, поэтому пришлось платить за 17 отдельных паспортов, 17 гербовых марок, которые прилагались на прошении об их выдачи, и за 17 визирований (виз) в османском консульстве в Одессе. На следующий день М.И. Осипов и Н.К. Горталов занимались оформлением и визированием паспортов, а также приобретением билетов на пароход. Благодаря М.И. Осипову, группа получила билеты на пароход за существенно дешёвую цену, которую он выхлопотал у директора РОПит О.Л. Радлова¹³, скидка составила 50% от паломнического транспортного тарифа¹⁴. В результате стоимость каждого билета от Одессы до Яффы составила 12 рублей за весь морской путь туда и обратно и по рублю за лодку в Яффе. Такая низкая стоимость билетов была большая удача для всех участников паломнического путешествия. После приобретения билетов на пароход, М.И. Осипов и Н.К. Горталов в тот же день смогли получить паспорта и провести их визирование в османском консульстве. За время пребывания в Одессе гимназисты имели возможность познакомиться с её достопримечательностями.

30 мая 1899 г. вся группа в полном составе взойшла на палубу парохода «Чихачов». М.И. Осипов ещё накануне познакомил Н.К. Горталова с капитаном парохода В.К. Бураковым, который предоставил молодым паломникам и сопровождающим их лицам «эмигрантское» отделение в третьем классе с двумя рядами нар, отгороженное от общего трюма и запирающееся на замок. Относительно питания Горталов договорился с матросским поваром, что группу будут кормить два раза в день: обед из двух блюд в полдень и ужин из одного блюда в шесть часов вечера. Кроме того вся группа два или три раза в день пила чай с сахаром и белым хлебом в неограниченном количестве. За всё питание участники поездки платили по 45 коп. в день с человека. Пароход отошёл от берега в десять часов утра, погода стояла великолепная, все стояли на верхней палубе и любовались красавицей Одессой, все гимназисты впервые в жизни оказались в открытом

море. Спутниками наших паломников оказались: профессорский стипендиат МДА И.С. Петровых¹⁵, сельский учитель из Санкт-Петербургской губернии М.О. Ярвеляйнен и казанский житель Н.А. Головин, московский житель Ал.Ап. Майков, варшавский житель А.И. Стеценко с сыном. По счастливой случайности на том же пароходе возвращался в Константинополь русский посол И.А. Зиновьев¹⁶, с которым Н.К. Горталов познакомился в 1898 г. во время своей пригласительной поездки на Православный Восток и просил оказать содействие поездке молодых паломников. Иван Алексеевич сообщил Николаю Константиновичу о том, что он уже сделал соответствующие распоряжения об оказании помощи его группе гимназистов в Константинополе и позаботится о том, чтобы русские дипломатические представительства в других городах Османской империи по маршруту следования также содействовали молодым паломникам.

На следующее утро 31 мая пароход вошёл в пролив Босфор и вскоре остановился напротив Буюк-Дере, где находилась загородная резиденция русского посла. И.А. Зиновьева встречали на шлюпках сотрудники русского посольства, официальные представители султана, которые от имени своего повелителя приветствовали посла Российской Империи. Покидая пароход И.А. Зиновьев, представил Н.К. Горталова советнику посольства Г.Н. Щербачёву¹⁷, поручив ему телеграфировать русским консулам в Смирне¹⁸, Бейруте, Иерусалиме и Яффе от его имени об оказании группе молодых паломников из Казани возможного содействия. Н.К. Горталов писал по этому поводу: «Благодаря этой заботливости посла о нас, мы были окружены полным вниманием во всё время пребывания в пределах турецкой империи»¹⁹. Через полтора часа после прощания с русским послом, пароход с нашими паломниками встал на якорь напротив здания османской таможни в Галате²⁰. Вся группа пересела в лодку Пантелеимоновского подворья в Константинополе и вскоре все вышли на берег. Здесь гимназисты прошли через таможню, затем направились по узким и грязным улицам османской столицы к Пантелеимоновскому подворью. На подворье их встретил гостинник отец Евгений, который поселил всю группу в нескольких больших и светлых комнатах с мягкими постелями и чистым бельём. Во время двухдневного пребывания на подворье учеников кормили вкусной монашеской едой три раза в день. Платы за проживание и питание на подворье определённой не было, проживающие гости давали деньги по мере возможности каждого. Утром следующего дня в сопровождении монаха Пантелеимоновой обители все участники группы пошли осматривать архитектурные памятники Византии, начав, конечно, с мечети Айя-София, в которую был обращён самый великий византийский храм во имя Святой Софии. Затем наши паломники осмотрели мечеть, которая раньше была храмом Двенадцати Апостолов, а также другие — достопримечательности, расположенные в старом городе.

После обеда гимназисты осмотрели Галатскую башню, забрались на смотровую площадку, откуда перед ними открылся чудесный панорамный вид на древний город. Спустившись с башни, они пошли в Русский археологический институт в Константинополе²¹ (далее РАИК). Директор РАИК профессор Ф.И. Успенский²² в это время был в отъезде, поэтому любознательных юношей принял учёный секретарь института Б.В. Фармаковский²³, рассказавший им о деятельности первого русского научного учреждения в Османской империи, а также показал небольшой музей, в котором находились интересные археологические экспонаты и старинные рукописи. Вечером, после ужина вся группа собралась на крыше подворья и любовалась Константинополем и Скутари²⁴, освещённые луною и огнями в окнах домов.

В десять часов утра, 02 июня 1899 г. группа молодых паломников из Казани на том же пароходе «Чихачов», на котором пришли из Одессы, покинула Константинополь. Пароход направился к Галлиполи, куда прибыл вечером того же дня и остановился на ночь, чтобы получить пропуск для дальнейшего следования. 03 июня в десять часов утра корабль подошёл к Смирне, которые наши паломники осмотрели с помощью драгомана русского консульства Папазоглу. Из Смирны они вышли в пять часов вечера и уже утром увидели берега Греции. На входе в порт Пирея греческие власти не хотели пускать русский пароход из-за эпидемии чумы и карантина, введённого в Египте. В результате переговоров и вмешательства русских дипломатов вопрос был решён положительно, пароход вошёл в порт, а наши молодые паломники высадились на берег вместе со всем своим багажом. Паломническую группу встретили драгоман Русской дипломатической миссии в Афинах Агафокл Георгиевич Константиноиди, известный переводчик произведений русских писателей на греческий язык, и отставной матрос Вишневецкий, прикомандированный к группе, которые отвезли всех участников поездки в отдельный дом в Пирее, выделенный специально для них по Высочайшему соизволению Её Величества Королевы Эллинов Ольги Константиновны²⁵. Дом, в который поселили молодых паломников, построили для будущего госпиталя, но к этому моменту ещё не открыли. Прибывшей группе гимназистов также пришло приглашение от командующего отдельным отрядом русских кораблей в Средиземном море контр-адмирала Н.И. Скрыдлова²⁶ осмотреть эскадренный броненосец «Император Александр II». После размещения группы в специально отведённом доме, к ним прибыл русский генеральный консул в Пирее А.С. Троянский, чтобы поприветствовать юных паломников и посмотреть, как они устроились.

Далее группа, сопровождаемая А.Г. Константиноиди, поехала на поезде по железной дороге из Пирей в Афины, которые ходят через каждые полчаса, при чём для наших паломников была сделана скидка в 50%, поэтому

за билет третьего класса туда и обратно они заплатили 15 коп. с человека. В Афинах они осмотрели здания университета и Академии наук, после чего посетили древний стадион, который был возобновлён к открытию Первых Олимпийских игр²⁷ современности, которые прошли на нём летом 1896 г. Н.К. Горталов в своих записках ошибочно указал год проведения Первых Олимпийских игр 1894 г., возможно это была описка. После осмотра города гимназисты вернулись в Пирей. Утром следующего дня молодые паломники снова вернулись в Афины, где посетили Акрополь и с интересом осмотрели афинские древности. Вернувшись в город, они посетили Русскую дипломатическую миссию, где встретились с поверенным в делах А.А. Смирновым²⁸ и поблагодарили его за заботу и внимание, оказанное группе со стороны российских дипломатов. Алексей Александрович подарил каждому гимназисту по экземпляру своего стихотворения «Святая София в Константинополе» в переводе на новогреческий язык. После встречи гимназисты поехали домой в Пирей, а Н.К. Горталов пошёл на встречу к Н.Н. Философову²⁹, секретарю Её Величества Королевы Ольги. Николай Николаевич лично принимал участие в организации приёма группы, поэтому Николай Константинович решил нанести ему визит и поблагодарить за содействие.

На следующий день 06 июня 1899 г., в праздник Святой Троицы, с утра часть гимназистов поехали на службу в русский Троицкий храм в Афинах, а другая часть — посетили греческие храмы в Пиреях. После обеда за группой молодых паломников пришла большая парусная лодка, на которой прибыл Р.И. Берлинг, адъютант адмирала Н.И. Скрыдлова. Парусная лодка быстро доставила гимназистов к Фалернской гавани, где стоял эскадренный броненосец «Император Александр II», на котором их ждали офицеры, показавшие молодым людям свой боевой корабль. В заключение все участники группы посетили и поблагодарили адмирала Н.И. Скрыдлова, который предложил им на следующий день совершить морскую поездку с целью осмотреть Коринфский канал. После чаепития в кают-компании броненосца, гимназисты вернулись в Пирей.

Утром следующего дня в порту Пирея вся группа погрузилась на крейсер «Посадник», который взял курс к Коринфскому каналу, к которому подошёл к часу по полудню и остановился недалеко от города Каламаки. После обильного завтрака, гимназистов посадили в шлюпки, на которых пошли к устью канала, представший перед ними во всей своей грандиозной красоте. У входа в канал группа разделилась, одна часть пошла пешком вдоль канала, а другая часть села на маленький пароходик, на котором доехали до противоположного конца канала, расположенного напротив города Коринфа. Обе части группы соединились на этом пароходике, который их доставил на крейсер «Посадник», отправившийся в Пирей, где высадил на берег наших юных путешественников.

08 июня 1899 г., простившись с гостеприимными и доброжелательными русскими людьми, обеспечившими прекрасное пребывание на греческой земле, казанские гимназисты направились в порт, где взошли на палубу английского парохода «Ei-Kahira». Благодаря заботам агента РОПиТ в Пирее В.К. Муссури, они получили 50% скидки, заплатив по 5 франков с человека за билеты в третьем классе, чтобы доехать до Смирны. Вечером пароход покинул Пирей вместе с нашими молодыми паломниками и уже утром дошёл до Смирны, где их встретил знакомый уже драгоман русского консульства Папазоглу и поселил в местной гостинице, где за проживание они оплатили по одному франку с человека. В Смирне они пробыли сутки, дожидаясь русского парохода «Россия». Русский корабль пришёл вовремя, поэтому на следующий день, 10 июня, после обеда гимназисты во главе Н.К. Горталовым разместились в специально отведённом для них месте. На «России» в Смирну приехали три пассажира, которые с этого времени и до возвращения в Константинополь, совершали путешествие вместе с молодыми паломниками. Речь идёт о преподавателе Олонецкой Духовной семинарии священнике Евгении Мерцалове³⁰, жителе Киева отставном полковнике В.К. Кузьмиченко, студенте Лазаревского института восточных языков С.П. Олферьеве³¹. Также на пароход сел сирийский араб, доктор медицины Балтиморского университета А.Н. Халеби³², обучавшийся ранее в Российской Империи.

Итак, пароход «Россия» вышел из Смирны и направился к Триполи, где русские гимназисты из-за большой волны с трудом добрались на лодках и высадились на берег около небольшого сирийского города Ель-Мина³³, который был предместьем Триполи. В сопровождении А.Н. Халеби они посетили русскую женскую школу ИППО, где работала учительницей его сестра. После осмотра трёх школ в Ель-Мине, вся группа на нескольких повозках направилась Триполи по прекрасной дороге, которая проходила между большими фруктовыми садами. В городе молодые паломники посетили два греческих православных храма и мужскую школу ИППО. Н.К. Горталов следующим образом охарактеризовал деятельность школ ИППО на Ближнем Востоке: «Школы Палестинского Общества и здесь, как и во всей Сирии и Палестине, пользуются громкой славою и имеют гораздо больше учеников, чем школы католические и протестантские; не раз случалось, что школы иноверческие сразу пустели, если в том же селении открывалась русская школа, и некоторые из последних имеют по 300–400 учащихся. Значение их, как охранительниц Православия в туземном населении против инославной пропаганды, велико»³⁴.

Во второй половине того же дня группа молодых паломников вернулась из Триполи в Ель-Мину и взошла на пароход, который отошёл от берега в одиннадцать часов вечера. Утром 14 июня 1899 г. пароход подошёл к Бейруту, который живописно раскинулся на морском берегу, с пышной

растительностью и окружённый высокими горами с белоснежными вершинами. Гимназисты съехали на берег и сразу пошли в русское консульство, где их встретил радушно генеральный консул К.Н. Лишин³⁵, который угостил их чаем в своём саду и показал помещения дипломатического представительства Российской Империи. После этого вся группа посетила одну из русских школ ИППО в Бейруте, которой заведовала М.А. Черкасова³⁶, которая болела в это время и не смогла принять участие во встрече. Помощницы Марии Александровны показали гостям из Казанской гимназии многие классы во время проведения занятий, поэтому молодые паломники смогли лично убедиться в высоком уровне преподавания в этой женской школе. Особенно они были поражены успехами учениц в свободном владении русским языком и дисциплиной, какая поддерживалась в школе.

Вечером гимназисты вернулись на пароход, который вышел из Бейрута и направился в Яффу, куда прибыли 15 июня 1899 г. в семь часов утра, волнение на море было значительное. Однако все молодые паломники благополучно добрались на лодках до берега, где их приветствовал знаменитый кавас Марко Джурич³⁷, который объявил, что он теперь будет вместе с ними всё время пребывания в Иерусалиме. Тут же на берегу находился драгоман русского вице-консульства, чтобы содействовать прохождению таможенного досмотра вещей участников группы. Благодаря этому они без всякой задержки миновали османскую таможню. После этого весь багаж группы навьючили на верблюдов и отправили на железнодорожный вокзал Яффы. После этого Н.К. Горталов вместе с М.Е. Джуричем пошли в агентство РОПиТ, где приобрели билеты на поезд от Яффы до Иерусалима и обратно по 4 руб. во втором классе, т.к. третьего класса не существовало.

По всему маршруту на пути в Святую Землю Н.К. Горталов направлял в Казань телеграммы для помещения их в газете «Казанский Телеграф» и для сведения родителей гимназистов. Из Яффы он направил телеграмму следующего содержания: «15 июля 1099 г. закончился первый крестовый поход; в этот день, овладев Иерусалимом, крестоносцы вступили в Святой Град. Ровно за месяц до наступления 800-той годовщины этого события, 15 июня 1899 года достигли своей цели участники первого паломничества русских гимназистов. Все здоровы, шлют привет родным и знакомым»³⁸.

Пообедав в яффской гостинице, молодые паломники направились к маленькой станции и сели на поезд, который повёз их к Иерусалиму. Поезд преодолел 60 вёрст до Святого Града за четыре часа. На вокзале группу гимназистов и сопровождающих их лиц встречал управляющий подворьями ИППО в Иерусалиме Н.Г. Михайлов³⁹, которому Н.К. Горталов представил всех учеников, сопровождающих лиц и спутников, после чего все погрузились в экипажи и поехали к русским подворьям ИППО. Молодых

паломников разместили на Новом подворье⁴⁰ в комнатах третьего разряда, а Н.К. Горталова поселили в комнате по первому разряду. На подворье Н.Г. Михайлов угостил Н.К. Горталова и гимназистов русским квасом и ржаным хлебом, которых они так давно не ели. После того, как все прибывшие паломники разместились на подворье, иеромонах РДМ в Иерусалиме отслужил в общей трапезной благодарственный молебен, как бывает всегда по приезду богомольцев. После молебна паломникам был предложен бесплатный ужин, а казанские гимназисты направились в баню. Здесь необходимо отметить, что во время пребывания на подворье в Иерусалиме молодые паломники получали бесплатное питание.

На следующее утро, 16 июня вся казанская паломническая группа посетили храм Воскресения Христова и молились у Гроба Господня и Голгофы. Затем они зашли в Русский дом⁴¹ на раскопках, который находится недалеко от храма Воскресения Господня и включает: часть лестницы ведущей в базилику Константина, остатки древней иерусалимской стены и порог «Судных врат», через которые шёл Спаситель, неся Свой крест на Голгофу. «У самого священного порога, помещённого под стеклянным футляром, постоянно читается псалтырь с поминовением усопших деятелей Палестинского Общества, а в храме, устроенном над этим местом и остававшимся в течение многих лет, по окончательной его отделке, неосвященным, несмотря на все старания Палестинского Общества, ежедневно по четвергам служится заупокойная обедня и панихида по в Бозе почивающем Царе-Миротворце, Императоре Александре III, в память которого и церковь посвящена св. Александру Невскому»⁴².

После посещения храма Воскресения и Русского дома на раскопках, молодые паломники вернулись на подворье. После обеда, Н.К. Горталов нанёс визит русскому генеральному консулу А.Г. Яковлеву⁴³, с которым договорился о том, что на следующий день он представит молодых паломников Иерусалимскому Патриарху Дамиану⁴⁴. Во второй половине дня участники группы ходили пешком в Гефсиманию и на Елеонскую гору, где посетили храм во имя св. равноап. Марии Магдалины и Вознесенский монастырь, а также поклонились месту Вознесения Господня.

Утром 17 июня вся группа в парадных одеждах вместе с русским генеральным консулом А.Г. Яковлевым направились Иерусалимскую Патриархию для встречи с Патриархом Дамианом, который приветливо встретил русскую молодёжную группу. «Патриарх всё время поддерживал разговор, прекрасно владея русским языком (он жил некоторое время в России, заведывая находившимися на Кавказе именными Иерусалимской Патриархии). В разговоре выяснилось, между прочим, что наша поездка является первым паломничеством учащейся молодёжи не только из России, но вообще из Европы; было обращено внимание на совпадение нашего приезда с приближающейся 800-летней годовщиной Первого крестового похода. <...>

При прощании Патриарх пригласил нас зайти ещё раз перед отъездом, чтобы он имел возможность благословить нас на дорогу»⁴⁵.

Находясь в Иерусалиме, группа гимназистов вставала в восемь часов утра и к девяти часам заканчивала чаепитие, после чего посещали святые места и достопримечательности Святого Града. В двенадцать часов все собирались, потому что на подворье подавался обед, затем с часа дня и до трёх или четырёх часов по полудню, т.е. в самое жаркое время все отдыхали. Когда становилось прохладнее, гимназисты ходили за покупками, чтобы купить подарки родным и близким. В магазинах и лавках они приобретали изделия из перламутра, масличного дерева, металлические образки, восковые свечи для освящения их на Гробе Господнем, другие вещи и сувениры. Вся группа купила белые арабские плащи и головные уборы, в которых позже сфотографировались вместе с неизменным нашим спутником Марко Джуричем. Возвращались к семи часам вечера, так как в это время был ужин, а в девять часов вечера ещё подавали чай, после которого, погуляв в саду подворья, ложились спать. В свободное время молодые паломники писали письма к родственникам и знакомым, а также заполняли своими впечатлениями дневники. «Участникам первой ученической поездки в Палестину было оказано Палестинским Обществом такое широкое гостеприимство, какое немисливо было ожидать и которое для всех, воспользовавшихся им, останется незабвенным на всю жизнь. И что особенно дорого — всё это не было выпрошено, но Общество само пошло на встречу нашим пожеланиям».⁴⁶

В пятницу 18 июня 1899 г. группа молодых паломников посетила Бет-Джалскую женскую школу, в которой преподавание велось на русском языке. Казанские гимназисты были впечатлены не только знанием учениц русского языка, но и их знакомством с историей и географией России. В завершение посещения занятий в школе по просьбе арабских девочек российские гимназисты и сопровождающие их взрослые паломники исполнили хором несколько русских песен.

На следующий день 19 июня молодые паломники в три часа утра выехали на семи экипажах из Иерусалима и направились в Иерихон. По дороге они побывали у Мёртвого моря, после посещения которого, поехали к реке Иордан, в водах которого омылись все участники поездки. От Иордана они направились к Иерихону, куда прибыли в десять часов утра и расположились в Русском странноприимном доме для паломников, который построил здесь в 1874 г. архимандрит Антонин (Капустин)⁴⁷. Переждав дневную жару в странноприимном доме, вся группа направились к Сорокадневной горе, но на неё не поднимались, а остановились у находящегося у подножия её источника св. пророка Елисея. Далее наши паломники посетили монастырь прп. Георгия Хозевита и уже поздним вечером поехали в сторону Иерусалима, куда прибыли ночью, проведя в дороге ровно сутки.

Проспав до обеда, гимназисты отправились осматривать мечеть Омара в Иерусалиме, после чего спустились в пещеру под скалой, где, по преданию должно было произойти жертвоприношение Авраама. Они также осмотрели мечеть Аль-Акса и там спустились в нижнее помещение, где, по преданию, происходило Сретение Господне с Богоприимцем Симеоном и пророчицей Анной, после этого они проследовали в обширное подземелье со множеством колонн, бывшее некогда, как полагают, царскими конюшнями. Обойдя всю большую площадь, примыкающую к мечети Омара, гимназисты отправились гулять по древнему городу, и дошли до Золотых ворот, через которые совершился вход Господень на осляти в Иерусалим, после чего вернулись на подворье.

22 июня в четыре часа утра молодые паломники поехали в Хеврон, к дубу Мамврийскому, после осмотра которого, остановились в странно-приимном доме, который был создан также трудами архимандрита Антонина (Капустина). Мамврийский дуб был окружён решёткой, запираемой на замок и бдительно охраняемый от покушений на его ветви и кору со стороны паломников. Далее участники группы поехали в Вифлеем, где поклонились месту рождения Спасителя в храме Рождества Христова. Закупив в местных магазинах перламутровые изделия, вернулись в Иерусалим. Следующий день был посвящён отдыху, а после обеда всей группой снимались в лучшей иерусалимской фотостудии Крикориана.

24 июня гимназисты верхом на ослах ездили по узким тропинкам в Лавру прп. Саввы Освященного. Выехав в семь часов утра, они за два с половиной часа преодолели 15 вёрст, отделяющих Иерусалим от монастыря, где поклонились могиле основателя обители и её святыням. После обеда, переждав жару, они вернулись в Иерусалим. На следующий день, благодаря стараниям Н.Г. Михайлова, гимназисты имели возможность осмотреть сокровища патриаршей ризницы, которая включала: кресты с Животворящем Древом Господним, патриархии панагии, митры, Евангелия в дорогих оправах, посохи, облачения с вышитыми на них изображениями тонкой работы, и другие. Так как в саму ризницу никого не пускали, то для молодых паломников все святыни и в драгоценные предметы специально вынесли на площадку перед сокровищницей. В тот же день они осмотрели громадные древние цистерны, расположенные по Иерусалиму. В тот же вечер молодые паломники посетили мастерскую известного архитектора Конрада Шика⁴⁸ для осмотра моделей древних храмов, когда-либо существовавших на горе Мории⁴⁹ в Иерусалиме. Представлял коллекцию и давал объяснения для гимназистов зять К. Шика на английском языке, а переводил Н.Г. Михайлов.

В субботу 26 июня часть гимназистов ездили верхом на лошадях в Горный монастырь, а вечером все в полном составе к восьми часам пошли в храм Воскресения Христова на ночную службу. Все желающие

присутствовать на православной литургии, совершаемой на Гробе Господнем ежедневно после полуночи, должны были приходиться в храм с вечера и оставаться в нём до того времени, когда перед рассветом будут открывать двери, которые закрывали на заходе солнца. Молодых паломников сопровождал священник Евгений Мерцалов. В час ночи началась Божественная литургия, во время которой причастились все русские богомольцы, в том числе и казанские гимназисты.

Утром 28 июня 1899 г. группа молодых паломников из Казани нанесли прощальный визит Иерусалимскому Патриарху Дамиану. Н.К. Горталов следующим образом описал эту прощальную встречу: «Невиданное в Иерусалиме зрелище представляли шедшие по его улицам 15 русских гимназистов в своих мундирах, в сопровождении черногорца Марка в живописном костюме. Патриарх принял нас также приветливо, как и в первый раз, предложил угощение — варенье и кофе, и довольно долго беседовал с нами. На этот раз, кроме учеников и меня, никого у него не было. Очень сочувственно он отзывался о нашей поездке, выражая желание, чтобы этот первый опыт не был последним и чтобы нашему примеру последовали и духовно-учебные заведения. На прощание он каждого благословил металлической иконой Воскресения Христова, представляющей копию с православного образа, находящегося над входом в Кувуклию, каждому дал перламутровые чётки и свой кабинетный портрет»⁵⁰. В тот же день с помощью Н.Г. Михайлова гимназисты осмотрели все подворья ИППО в Иерусалиме, а ещё ранее они посетили Русскую больницу, которую им показал доктор В.Я. Северин⁵¹.

В последний день пребывания в Иерусалиме юные паломники посетили Божественную литургию в Троицком соборе РДМ в Иерусалиме. После службы Н.К. Горталов зашёл к русскому генеральному консулу А.Г. Яковлеву, чтобы проститься с ним и выразить благодарность за внимание и поддержку, оказанную гимназистам из Казани. Второй половине дня в последний раз они ходили в храм Вознесения и молились у Гроба Господня. Вечером все участники группы уложили свои чемоданы и отдали Марко Джуричу для отправки утром на вокзал.

30 июня 1899 г. в шесть часов утра группа молодых паломников приехала на вокзал Иерусалима, вместе с ними туда прибыл Н.Г. Михайлов и некоторые их новые знакомые, чтобы проводить их в дальнюю дорогу. После приезда в Яффу, гимназисты пообедали в агентстве РОПиТ и поехали на пароход «Цесаревич», где им выделили удобные места, отгороженные от проходов. Питание получали от корабельного буфетчика за 80 коп. на человека, в которое входил обед и ужин, а также утренний чай. Завершив размещение на пароходе, они сердечно поблагодарили за заботу и помощь в поездке по Святой Земле Марко Джуричем и простились с ним. Пароход отошёл в три часа по полудню и взял курс на Бейрут. 01 июля гимназисты

прибыли в Бейрут, где вышли на берег и совершили короткую прогулку в город, когда они вернулись, то были поражены известием о преждевременной кончине Наследника Цесаревича Георгия Александровича⁵². Об этом скорбном известии капитану парохода Берберовичу сообщил генеральный консул в Бейруте К.Н. Лишин. На пароходе «Цесаревич» был приспущен флаг Российской Империи, а после отхода священник Евгений Мерцалов отслужил панихиду в присутствии всех пассажиров и паровой команды. В Бейруте на пароход сел инспектор школ ИППО в Сирии Д.Ф. Богданов⁵³ вместе со своим семейством, отправлявшийся в отпуск в Россию. Из членов своей семьи и гимназистов Дмитрий Фёдорович составил небольшой хор, в котором принимали участие некоторые паломники. После небольшой спевки, этот хор пел на пароходе во время богослужений, который совершал отец Евгений Мерцалов.

Выйдя из Бейрута в тот же день в одиннадцать часов утра, они уже вечером достигли Триполи, на берег из-за большого волнения никто из гимназистов не сходил. 02 июля в восемь часов вечера пароход покинул берег около Эль-Мины и направился в сторону Смирны. Однако из-за смерти одного старого пассажира капитан принял решение идти на Кипр, но покойника в Лимасоле не приняли из-за боязни эпидемии, поэтому направили пароход в Ларнаку, где также отказались забрать труп пассажира. Поэтому капитан принял решение придать тело морю и после этого идти своим курсом в Смирну, что и было сделано. В тот же день было произведено отпевание, и тело старика-пассажира было отправлено в море.

05 июля в открытом море, во время плаванья парохода в Смирну, по случаю тезоименитства Августейшего Председателя ИППО Великого Князя Сергея Александровича был отслужен молебен прп. Сергию Радонежскому с провозглашением многолетия Их Императорским Величествам и Их Высочествам Августейшему именованнику и Его августейшей супруге. 06 июля пароход прибыл в Смирну, всем пассажирам разрешили сойти на берег, где они смогли погулять и сделать разные покупки. В тот же день в пять часов вечера пароход покинул Смирну и взял курс на Константинополь, куда прибыл 08 июля в шесть часов утра. Здесь группу молодых паломников встретил кавас русского посольства, который провёл их через таможню и помог заселиться в том же Пантелеимоновском подворье. После этого двух гимназистов отправили в больницу, одному дали лекарство и отпустили, а второго оставили, т.к. ему предстояла небольшая операция. После обеда в четыре часа пополудни, на подворье пришёл Б.В. Фармаковский, по предварительной договорённости, и вся группа вместе с ним направилась осматривать старый Стамбул. Экскурсия, которую провёл Борис Владимирович, была удивительно интересной, особенно познавательным был его рассказ о древних фресках в мечети Кахрие-Джами, которая была придворным храмом византийских императоров.

Утром в пятницу 09 июля русские паломники посетили селамик, торжественный выезд султана Османской империи на молитву в мечеть, билеты на это зрелище были получены заранее в русском посольстве. Сначала прошло османское войско под звуки оркестра, потом проехали в каретах и верхом многочисленные паши, затем — жёны султана и его сыновья. Неожиданно всё смолкло, подъехал открытый экипаж, в котором находился султан Абдул-Гамид⁵⁴ и сопровождавший его престарелый военный министр Гази Осман-паша⁵⁵. Султана Османской империи подъехал к мечети Йылдыз, поднялся по лестнице, покрытой коврами, и скрылся за дверями. Пока шла молитва европейцам, находившимся на почётных местах, подали кофе и чай. В это время к Н.К. Горталову подошёл адъютант султана и проводил его в отдельную комнату, где его ожидал придворный чин, расспросивший о целях поездки молодых паломников, получив исчерпывающий ответ, он передал всем ученикам привет от своего государя. Молитва султана продолжалась более получаса, после чего он вышел, сел в другую коляску и уехал. Участники церемонии также быстро разъехались, а кавас сопровождал группу молодых паломников на подворье.

После обеда гимназисты навестили своего товарища в больнице, где ему в тот день была сделана операция. На следующий день 10 июля больного выписали из больницы, он вернулся на подворье, где все занимались сбором вещей, после чего поехали в порт и погрузились на пароход «Цесаревич», который отошёл от Константинополя в четыре часа дня. Утром 12 июля 1899 г. пароход пришёл в Одессу, где в порту их встретил М.И. Осипов, который счёл своим долгом встретить молодых паломников, вернувшихся из Святой Земли. Пройдя русскую таможню, гимназисты погрузили свои вещи на телегу, которая поехала на вокзал, а они погуляли по городу, пообедали и тоже пришли к поезду, который отходил в три часа дня. М.И. Осипов был всё время с гимназистами, от самой встречи в порту и до отхода поезда. Вся группа тепло простилась с ним и поехала по железной дороге в Киев, куда они прибыли утром 13 июля и сразу направились в Киево-Печерскую Лавру, где помолились перед святыми иконами о благополучном возвращении на Родину. В лаврской гостинице они пообедали, после чего вернулись на вокзал и семь часов вечера поезд выехал из Киева. 15 июля в семь часов утра группа молодых паломников приехала в Москву и сразу направились в Московский Кремль, где молились в Успенском соборе, после этого осмотрели Большой Кремлёвский дворец и Грановитую палату. Ещё они успели посетить Третьяковскую картинную галерею, поле которой поспешили на вокзал к поезду, отходившему в четыре часа дня. Прибыв в Нижний Новгород 16 июля, они перешли с вокзала на пароход «Княгиня», где разместились в вагоне второго класса. В Казань пароход пришёл в семь часов утра 17 июля 1899 г., здесь наших юных паломников встречали родственники и исправляющий должность директора гимназии,

который предложил всей группе сначала заехать в домовый храм Императорской 1-й Казанской гимназии, чтобы совершить благодарственный молебен. Гимназисты поехали в родной храм и, после благодарственного молебна им был предложен чай, во время которого они отвечали на вопросы руководства гимназии и людей собравшихся их послушать.

На этом заканчивается рассказ о первой паломнической поездке русских гимназистов в Палестину и Грецию под руководством замечательно-го преподавателя, организатора детского паломничества и деятеля Казанского отдела ИППО Николая Константиновича Горталова.

¹ Горталов Николай Константинович (1863–1922), действительный пожизненный член ИППО с 12 февраля 1899 г., уполномоченный Общества в г. Казани в 1893–1895 гг., делопроизводитель Казанского отдела ИППО с 26 февраля 1895 г., преподаватель древних языков в Императорской 1-й Казанской гимназии, педагог, историк, коллекционер, общественный деятель. Он окончил с золотой медалью 1-ю Казанскую мужскую гимназию, а затем в 1886 г. — историко-филологический факультет Императорского Казанского университета. В 1886–1891 гг. он преподавал в Алатырской прогимназии. В 1891–1916 гг. он работал преподавателем в 1-й Казанской мужской гимназии. Н.К. Горталов был видным деятелем Казанского отдела ИППО, являясь одним из инициаторов его создания и работая в нём делопроизводителем. Летом 1895 г. Казанский отдел Общества отправил Н.К. Горталова в Святую Землю, чтобы ознакомиться с нуждами паломников и учреждениями ИППО в Палестине. В 1897 г. он с паломническими целями посетил Святую Гору Афон. Н.К. Горталов был организатором и докладчиком народных чтений о Святой Земле и ИППО в Казани. Он являлся инициатором, организатором и руководителем паломнической поездки учащихся семинарии в Палестину и Грецию весной-летом 1899 г., которая стала первым организованным богомольным путешествием русской молодёжи на Ближний Восток. В июне 1902 г. он повторил путешествие в Черногорию вместе с группой своих учеников-гимназистов. В 1910–1912 гг. Николай Константинович заведовал учебным отделом, а с 1912 г. он был директором Казанского городского музея.

² *Горталов Н.К.* Молодые паломники в Святой Земле. Поездка учеников Императорской Казанской 1-й гимназии в Палестину и Грецию в 1899 г. // СИППО. 1900. Т. XI. Вып. 1 (январь-февраль). С. 37–110.

³ *Горталов Н.К.* Там же. С. 37.

⁴ Делянов Иван Давыдович (30.11.1818 — 29.12.1897), граф с 1888 г., почётный член ИППО с 26 апреля 1883 г., министр народного просвещения Российской Империи с 16 марта 1882 г. по 29 декабря 1897 г., государственный деятель Российской Империи, камергер с 02 апреля 1849 г., статс-секретарь Его Императорского Величества с 16 апреля 1867 г., директор Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге в 1861–1882 гг., действительный тайный советник с 01 января 1873 г., член Государственного Совета с 01 января 1874 г. С 1892 г. и до конца жизни занимал наивысшее положение среди всех российских чиновников по старшинству пожалования чином 2-го класса.

⁵ Хилков Михаил Иванович (1834–1909), князь, русский государственный деятель из княжеского рода Хилковых, действительный тайный советник, министр путей сообщения Российской Империи в 1895–1905 гг. С назначением М.И. Хилкова министром, работа ведомства приняла крайне интенсивный характер. Протяжённость железных дорог России выросла с 35 до 60 тыс. км, а их грузооборот удвоился. М.И. Хилков блестяще организовал работу по сооружению Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), грандиозные работы были также развёрнуты на Транссибирской магистрали. В 1906 г. он был назначен членом Государственного Совета.

⁶ Алексей (Молчанов Алексей Васильевич; 05.10.1853–20.05.1914), епископ Тобольский и Сибирский, почётный член ИППО с 04 декабря 1905 г. В 1899 г. он был пострижен в монахи, назначен ректором Казанской Духовной семинарии. В 1900 г. он был назначен ректором Казанской Духовной академии. Епископ Таврический и Симферопольский с 26 марта 1905 по 05 ноября 1910 г., председатель Таврического отделения ИППО с 04 мая 1905 г. по 05 ноября 1910 г.; епископ Псковский и Порховский с 05 ноября 1910 г. по 17 апреля 1912 г., председатель Псковского отдела ИППО в 1910–1912 гг.; епископ Тобольский и Сибирский в 1912–1913 гг., председатель Тобольского отдела ИППО в 1912–1913 гг.

⁷ *Горталов Н.К.* Там же. С. 45.

⁸ Речь идёт о св. страстотерпице Александре Федоровне (25.05.1872 — 17.07.1918), Императрице Всероссийской в 1894–1917 гг., супруги Императора Всероссийского Николая II Александровича, родной сестре Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Она была расстреляна большевиками с мужем, детьми и приближёнными в Екатеринбурге. Память 04 июля.

⁹ Речь идёт о Сергии Александровиче (29.04.1857 — 04.02.1905), Великом Князе из Дома Романовых, генерал-губернаторе Москвы в 1891–1905 гг., дяде Императора Всероссийского Николая II Александровича, муже Великой Княгини Елизаветы Федоровны, первом Председателе ИППО в 1882–1905 гг. Он был убит террористом в Московском Кремле на 48 году жизни.

¹⁰ Речь идёт о преподобномученице Елизавете Феодоровне (20.10.1864 — 18.07.1918), Великой Княгине из Дома Романовых, супруге Великого Князя Сергия Александровича, сестре Императрицы Всероссийской Александры Федоровны, Председателе ИППО в 1905–1917 гг. Она была убита большевиками вместе со своими родственниками в окрестностях г. Алапаевска. Память 05 июля, 28 сентября.

¹¹ *Горталов Н.К.* Там же. С. 45–46.

¹² Осипов Михаил Иванович († после 1914), действительный пожизненный член ИППО с 30 апреля 1888 г., уполномоченный Общества в Одессе с 15 июля 1883 г., делопроизводитель Одесского отдела ИППО с 21 марта 1894 г., секретарь — с 1907 г., казначей — с 02 апреля 1909 г., известный и активный деятель Общества, один из лучших его просветителей, организатор русского православного паломничества в Святую Землю.

¹³ Радлов Отто Леопольдович (27.11.1849 — 15.05.1916), директор РОПиТ в 1897–1904 гг., морской офицер, генерал флота, участник Цусимского похода в период Русско-японской войны в 1904–1905 гг.

- ¹⁴ Паломнический тариф РОПиТ: в 1899 г. стоимость переезда на пароходе от Одессы до Яффы составляла 20 руб. 50 коп. в один конец, билет туда и обратно стоил 41 руб., но те паломники, которые покупали билет туда и обратно, получали скидку и платили всего 24 руб., а также 01 руб. за лодку для переезда с корабля на берег в Яффе. Также паломники имели право по билетам от Одессы до Яффы заезжать без всякой дополнительной платы на Афон.
- ¹⁵ Иосиф (Петровых Иван Семёнович; 1872–1937), митрополит Ленинградский, заместитель Патриаршего Местоблюстителя в 1926 г., лидер движения «иосифлянства», духовный писатель. В 1899 г. окончил Московскую Духовную академию первым кандидатом-магистрантом и был оставлен стипендиатом при академии. В 1928 г. открыто выступил против политики, проводимой митрополитом Сергием (Старгородским). Расстрелян 20 ноября 1937 г. в овраге Лисий Нос под Чимкентом.
- ¹⁶ Зиновьев Иван Алексеевич (26.11.1835 — 04.02.1917), почётный член ИППО с 26 апреля 1883 г., русский дипломат и востоковед, действительный тайный советник с 02 апреля 1895 г., директор Азиатского департамента МИД в 1883–1891 гг., посол в Константинополе в 1897–1909 гг. В 1909–1917 гг. он являлся членом Государственного совета Российской Империи.
- ¹⁷ Щербачёв Георгий (Юрий) Николаевич (24.03.1851-?.10.1917), русский дипломат, историк. Он происходил из старинного дворянского рода. В 1872 г. он окончил юридический факультет Московского университета. С 1873 г. служил по Министерству иностранных дел секретарём консульств в: Сараеве (1874), Сире (1874), Константинополе (1875–1883). С 1876 г. камер-юнкер Двора Е.И.В., с 1883 г. — секретарь, с 1893 — 1-й секретарь посольства в Копенгагене. С 1897 г. — действительный статский советник. В 1897–1902 гг. он был советником посольства в Константинополе. В 1902–1910 гг. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Греции. Он был убит бандитами в своём имении Катрино.
- ¹⁸ Смирна, город, расположенный на западном побережье Малой Азии, на восточном побережье Эгейского моря, на берегу Измирского залива. Современное название города — Измир, находится на территории Турецкой Республики.
- ¹⁹ *Горталов Н.К.* Там же. С. 52.
- ²⁰ Галата, древний торгово-ремесленный район Константинополя, расположенный на северном берегу залива Золотой Рог в европейской части Стамбула. Он был основан генуэзскими колонистами как предместье Константинополя. В настоящее время квартал носит турецкое имя Каракёй, его доминантой является Галатская башня, сооружённая в 1348 г.
- ²¹ Русский археологический институт в Константинополе (РАИК), первое по времени создания российское научное общество по исследованию истории, археологии, искусства Христианского Востока за рубежом, располагалось в Стамбуле, столице Османской империи. Инициатором создания РАИК выступил в 1888 г. известный византист Ф.И. Успенский. Предложение было поддержано русским послом в Константинополе А.И. Нелидовым и советником Обер-Прокурора К.П. Победоносцева по восточному вопросу И.Е. Троицким. В 1894 г. Император Александр III утвердил устав и штат

- РАИК, который был торжественно открыт 26 февраля 1895 г. Директором РАИК был назначен Ф.И. Успенский. Исследования сотрудников РАИК публиковались в журнале «Известия РАИК», вышло 16 томов. В институте были созданы: научная библиотека (к моменту закрытия насчитывала ок. 25 тыс. томов) и Кабинет древностей (музей), пополнявшийся за счёт археологических раскопок и многочисленных даров. Деятельность РАИК была прервана началом Первой мировой войны. В декабре 1914 г. имущество института и музея, за исключением вывезенных ранее части архива и ряда предметов, было конфисковано османским правительством и перевезены в Оттоманский музей. В мае 1920 г. институт был официально упразднён.
- ²² Успенский Фёдор Иванович (07.02.1845 — 10.09.1928), действительный пожизненный член ИППО, всемирно известный русский учёный, византист и славяновед, Председатель РПО при АН СССР в 1921–1928 гг., основатель и директор Русского археологического института в Константинополе (РАИК) в 1894–1914 гг., действительный член Санкт-Петербургской Императорской Академии наук в 1900–1917 гг., академик РАН в 1917–1925 гг., академик АН СССР в 1925–1928 гг.
- ²³ Фармаковский Борис Владимирович (31.01.1870 — 29.07.1928), действительный пожизненный член ИППО, историк искусства и археолог, историк античности. Специалист в области античной археологии и античного искусства. Учёный секретарь РАИК в 1898–1900 гг. Член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук с 1914 г. В начале XX века произвёл большие раскопки древнегреческой Ольвии. В 1924–1928 гг. он был хранителем древностей из Ольвии в Эрмитаже.
- ²⁴ Скутари, район Константинополя, расположенный на азиатском берегу Босфора. В настоящее время этот район Стамбула называется Ускюдар.
- ²⁵ Ольга Константиновна (22.08.1851 — 19.06.1925), Великая Княжна из Дома Романовых, дочь Великого Князя Константина Николаевича, королева Греции в 1867–1913 гг., жена короля Греции Георга I. Королева занималась благотворительностью, основала в Пирее, в котором находилась база российского флота, военно-морской госпиталь. После смерти мужа, королева Ольга Константиновна пребывала до 1917 г. в России, после чего переехала в Грецию. В 1920 г., после смерти своего внука Александра и до повторного вступления на престол своего сына Константина, исполняла обязанности регента Греции.
- ²⁶ Скрыдлов Николай Илларионович (01.04.1844 — 04.10.1918), известный военноморской деятель, адмирал Российской Империи. Окончил Морской кадетский корпус. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Командующий отдельными отрядами судов Балтийского моря в 1895–1896 гг. и Средиземного моря в 1898–1899 гг. Командующий Черноморским флотом и портов Чёрного моря в 1903–1904, 1906–1907 гг. В 1904–1907 гг. — член Адмиралтейств-совета. Умер в Петрограде от голода.
- ²⁷ Первые Международные Олимпийские игры современности проходили с 25 марта по 03 апреля 1896 г. в Афинах, в Королевстве Греция. В соревнованиях принял участие 241 спортсмен из 14 стран. Открытие Первых Олимпийских игр проводился на древнем стадионе в Афинах.

- ²⁸ Смирнов Алексей Александрович (1857–1924), действительный член ИППО, русский дипломат, действительный статский советник, писатель и поэт. Образование получил на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета по «арабско-персидско-турецко-татарскому разряду», по окончании которого 28 октября 1881 г. был направлен в Азиатский департамент МИД. В феврале 1885 г. А.А. Смирнов был назначен помощником секретаря русского посольства в Константинополе. В 1891 г. получил должность второго секретаря посольства в Османской империи. В марте 1897 г. он был назначен первым секретарём русского посольства в Афинах. 31 декабря 1903 г. он был назначен генеральным консулом и дипломатическим агентом в Египте. 05 ноября 1904 г. он был повышен в ранге до чрезвычайного посланника. А.А. Смирнов занимался литературным трудом, писал как прозу, так и поэзию, причём в его работах преобладали восточная, византийская и русская тематики. А.А. Смирнов, после революции 1917 г., остался на своём посту и продолжал дипломатическую деятельность по поддержке русских людей в эмиграции. 06 октября 1923 г. египетское правительство объявило российскую дипломатическую миссию нелегитимной. Он тяжело заболел и скончался в Каире, где был похоронен на христианском кладбище.
- ²⁹ Философов Николай Николаевич (1867–1946), русский офицер, секретарь Её Величества Королевы Эллинов Ольги Константиновны, впоследствии служил штабс-капитаном в русской армии, воевал на фронтах Первой мировой войны. В 1919 г. эмигрировал в Грецию, где жил в Афинах и Салониках. В 1923 г. он второй раз женился на русской эмигрантке одесситке Марии Ивановне Цюкало.
- ³⁰ Евгений (Мерцалов Евгений Александрович; 06.03.1857 — 07.05.1920), епископ Олонецкий и Петрозаводский, духовный писатель. Родился 06 марта 1857 г. в Тульской губернии в семье диакона. В 1876 г. он окончил Тульскую Духовную семинарию и был назначен надзирателем в Ефремовское Духовное училище. В 1883 г. он был рукоположен во священника, в 1889 г. поступил в Московскую Духовную академию, которую окончил в 1895 г. со степенью кандидата богословия. В 1895 г. он был назначен преподавателем Олонецкой Духовной семинарии. Летом 1899 г. он совершил паломничество в Святую Землю, под впечатлением которого впоследствии написал ряд очерков. В 1902 г. он был возведён в достоинство архимандрита и назначен ректором Олонецкой Духовной семинарии. В 1903 г. о. Евгений был назначен ректором Тверской Духовной семинарии. 16 декабря 1907 г. он был рукоположен в сан епископа Муромского, викария Владимирской епархии, проживал в Муромском Спасском монастыре, управляя им на правах настоятеля. 14 июня 1912 г. владыка Евгений был назначен епископом Юрьевским, викарием Владимирской епархии. 17 ноября 1919 г. его назначили епископом Олонецким и Петрозаводским. Скоропостижно скончался в Петрозаводске на 63 году жизни.
- ³¹ Олферьев Сергей Петрович (1875 — 15.01.1942), русский дипломат, востоковед, писатель. Родился в Пензе, в дворянской семье, в 1896 г. окончил 1-ю Пензенскую гимназию и в том же году поступил в Лазаревский институт восточных языков в Москве. В студенческие годы начал сотрудничать с различными газетами и журналами, псевдо-

- ним С. Вегин). В качестве корреспондента газеты «Курьер» совершил поездку в Турцию и Аравию. По окончании Лазаревского института в течение года слушал лекции в Лозанском университете. Советом института он был рекомендован в Восточную академию МИД России. После окончания Академии в 1903 г. был направлен Российской дипломатической миссией в Тегеран. С этого времени почти 15 лет он находился на дипломатической работе в российских консульствах в Персии и Турции: секретарь, драгоман, вице-консул, консул. В 1917 г. он был генеральным консулом в Реште. В 1918 г. возвратился в Россию, жил в Пензе, где служил в различных советских организациях. С 1924 г. жил в Москве, где работал представителем Пензенского губсельхозсоюза. В 1929 г. в издательстве «Молодая гвардия» по рекомендации А.В. Луначарского была издана его книга «В верховьях Тигра (у айсоров и курдов)». С 1929 г. по приглашению М. Горького начал сотрудничать в журнале «Наши достижения». В 1929 г. он был послан в Архангельск, после пересмотра дела возвратился в Москву, а через некоторое время по совету академика И.А. Орбели переехал в Ленинград, где работал в научных организациях, затем библиотекарем в восточном отделении Научной библиотеки ЛГУ и ПБ. С начала Великой Отечественной войны продолжал работать в библиотеке, умер от дистрофии в блокадном Ленинграде.
- ³² Халеби Александр Николаевич, заведующий Амбулаторной ИППО в Дамаске с 13 июля 1899 г. Он получил медицинское образование сначала в России, а потом в США.
- ³³ Эль-Мина, небольшой древний город-порт, основанный финикийцами, на побережье Средиземного моря, расположенный в 8 км от Триполи в XIX в. В настоящее время находится на севере Ливана и граничит с Триполи, но имеет самостоятельное муниципальное управление.
- ³⁴ *Горталов Н.К.* Там же. С.72.
- ³⁵ Лишин Константин Николаевич (1851 — 15.01.1906), действительный пожизненный член ИППО, генеральный консул в Бейруте, министр-резидент в Эфиопии, действительный статский советник, русский дипломат, коллекционер-нумизмат. Скончался в Аддис-Абебе от сердечного приступа. По этому случаю в Эфиопии был объявлен траур. К.Н. Лишин был похоронен на территории российской дипломатической миссии в Аддис-Абебе.
- ³⁶ Черкасова Мария Александровна (21.02.1841 — 1918), действительный пожизненный член ИППО с 11 декабря 1890 г., выдающийся деятель Общества, основатель и руководитель Бейрутских школ ИППО в Ливане, известный русский педагог. В 1887–1914 гг. она работала в школах ИППО. В 1914 г., после начала Первой мировой войны, отказавшись, со ссылкой на возраст и здоровье, вернуться в Россию с последними эвакуируемыми группами паломников, осталась в Бейруте.
- ³⁷ Джурич Марко Георгиевич (Егорович) (†08.08.1918), многолетний сотрудник ИППО в Святой Земле, выходец из Черногории. С 1866 г. кавас русского дипломатического консульства в Иерусалиме. Первое упоминание о нём 09 февраля 1866 г. в дневнике архимандрита Антонина (Капустина): «черногорец de Djuli, [т]о [е]сть Журич». С 31 декабря 1889 г. кавас ИППО в Иерусалиме. Многие годы оказывал помощь православным

паломникам в Святой Земле, пользовался легендарной известностью среди русских богомольцев Он был похоронен на Русском кладбище при храме св. Марии Магdalины в Иерусалиме. Надпись на могиле: «Здесь покоится черногорец М.Г. Джурич. Сконч. 8 авг. 1918 г.»

³⁸ *Горталов Н.К.* Там же. С. 76.

³⁹ Михайлов Николай Григорьевич (†после1910), действительный пожизненный член ИППО с 17 мая 1890 г., уполномоченный ИППО в Иерусалиме с 01 сентября 1889 г., затем управляющий подворьями ИППО в Святой Земле в 1889–1910 гг., морской офицер, капитан российского торгового флота.

⁴⁰ Новое подворье, так называлось в то время Сергиевское подворье в Иерусалиме.

⁴¹ Русский дом на раскопках, так называли в то время Александровское подворье ИППО в Иерусалиме.

⁴² *Горталов Н.К.* Там же. С. 79.

⁴³ Яковлев Александр Гаврилович (1854–1909), действительный член ИППО с 1890 г., действительный пожизненный член ИППО с 19 января 1897 г., почётный член ИППО с 17 мая 1898 г. В 1880–1881 гг. он был назначен секретарём русского консульства в Палестине, в 1894–1895 гг. — управляющим генеральным консульством в Иерусалиме. В 1897–1907 гг. он являлся генеральным консулом Российской Империи в Иерусалиме.

⁴⁴ Дамиан (10.07.1848 — 14.08.1931), Патриарх Иерусалимской Православной Церкви в 1897–1931 гг.

⁴⁵ *Горталов Н.К.* Там же. С. 82.

⁴⁶ *Горталов Н.К.* Там же. С. 84.

⁴⁷ Антонин (Капустин Андрей Иванович, 12.08.1817 — 24.03.1894), архимандрит, почётный член ИППО, начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1865–1894 гг., известный церковный историк, византист и археолог, создатель Русской Палестины, выдающийся деятель Русской Православной Церкви.

⁴⁸ Шик Конрад (27.01.1822 — 23.12.1901), известный архитектор, историк и археолог немецкого происхождения, который большую часть жизни провёл в Палестине. Он активно сотрудничал с РДМ в Иерусалиме и ИППО, выполняя для них заказы в Святом Граде. Он был в дружеских отношениях с начальником РДМ в Иерусалиме архимандритом Антонином (Капустиным). Конрад Шик создал ряд архитектурных и топографических моделей, часть из которых сохранилась и находится в настоящее время в специально выделенном помещении христианской школы Шмидта в восточном Иерусалиме. Модели были выполнены из дерева и имели масштаб 1:200.

⁴⁹ Мория, гора, расположенная в самом центре Иерусалима, на которой, согласно Книге Бытия должно было быть совершено Авраамом жертвоприношение Исаака. Она также называется Храмовая гора, которая является самым священным местом для иудаизма и третья по святости для ислама. На территории Храмовой горы находился Первый, а затем и Второй Иерусалимский Храм. Здесь же, согласно еврейской традиции, в будущем будет стоять Третий Храм. В настоящее время на территории Храмовой горы расположены мусульманские мечети: Аль-Акса и Купол Скалы.

⁵⁰ *Горталов Н.К.* Там же. С. 96.

⁵¹ Северин Виктор Яковлевич (17.04.1863 — 1916), действительный пожизненный член ИППО с 10 марта 1896 г., врач Русской больницы в Иерусалиме в 1891–1914 гг., заведующий медицинскими учреждениями ИППО в Святой Земле в 1897–1916 гг., врио управляющего подворьями Общества в Иерусалиме в 1914 г.

⁵² Георгий Александрович (27.04.1871 — 28.06.1899), Наследник Цесаревич, Великий Князь из Дома Романовых, третий сын Всероссийского Императора Александра III и Императрицы Марии Фёдоровны, младший брат Императора Николая II. С 1894 г. как первый в очереди на наследование российского престола носил титул Цесаревича. Он в возрасте 28 лет скоропостижно скончался от туберкулёза, похоронен в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга.

⁵³ Богданов Дмитрий Фёдорович (1869-после1917), действительный пожизненный член ИППО с 15 октября 1899 г., инспектор школ ИППО в Сирии, действительный статский советник. Родился в Казани, сын священника Казанской епархии. В 1894 г. он окончил Казанскую Духовную академию, где изучил арабский язык. Служащий учебных заведений ИППО в Сирии и Палестине: преподаватель Назаретской мужской учительской семинарии с 1894 г., помощник инспектора Северо-Сирийского учебного округа с 1898 г., сменил на этом посту А.И. Якубовича, инспектор Южно-Сирийского учебного округа. После возвращения в 1905 г. в Россию он был назначен инспектором народных училищ Казанского учебного округа. В 1908 г. он баллотировался на должность преподавателя арабского языка в Казанской Духовной академии, но не был избран. После этого он был назначен директором народных училищ Самарской губернии.

⁵⁴ Абдул-Гамид II (22.09.1842 — 10.02.1918), султан Османской империи в 1876–1909 гг. Последний самодержавный правитель Османской империи.

⁵⁵ Осман Нури-паша (1832 — 05.04.1900), известный как Гази Осман-паша, турецкий маршал и военный министр. За военные успехи был удостоен почётных прозвищ «Гази» (победоносный) и «Лев Плевны».

ПУТЕШЕСТВИЕ КУПЦА ФЁДОРА ИЛЬИЧА ТЮМЕНЕВА НА СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ В 1872 ГОДУ*

Е.А. Михайлова

С принятием Православия на Руси наши соотечественники стремились посетить Святую Землю, увидеть библейские места, почувствовать их удивительную духовность. О характере этих паломничеств мы можем судить по многочисленным сохранившимся воспоминаниям и «хождениям», самое раннее из которых, как известно, датируется началом XII века¹.

До второй половины XIX века посещение Палестины было очень затруднено: «русскому паломнику старого времени давали себя чувствовать и полная невозделанность путей сообщения по Св. Земле, и разбойное поведение местного населения, и корыстолюбие местных властей, и невозможность обратиться за помощью к какому-либо-русскому местному учреждению, за отсутствием такового»². В описаниях паломничеств можно встретить упоминания о разбойных нападениях на путешественников со стороны местных арабов в окрестностях Иерусалима³, в самом Святом Граде опасность грозила даже со стороны арабских мальчишек: путешественники вспоминали, что «они, как только завидят христиан в глухом месте, вдруг нападают и бросают со всех сторон камнями; мы принуждены были неоднократно спастись от них бегством»⁴. Разного рода поборы и требования к жертвованиям ждали «поклонников» на каждом шагу.

Для помощи русским православным паломникам еще в начале XIX века был поднят вопрос об учреждении в Иерусалиме представительства Русской Православной Церкви. О необходимости организации в Иерусалиме Русской Миссии, «состоящей из архимандрита и нескольких монахов и назначаемой вновь каждые три года по примеру католиков»⁵, говорилось еще в докладе А.Н. Муравьева, поданном в Министерство

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-41009.

иностранных дел России после посещения Палестины в 1838 г. Причем уточнялось, что это будет полезно не только в религиозном, но и в политическом отношении.

Русская Духовная Миссия в Иерусалиме была учреждена почти через 10 лет после этого доклада, в 1847 г., и ее первым начальником был назначен архимандрит Порфирий (Успенский). В 1858 г. в Иерусалиме появилось Консульство Российской Империи, выполнявшее «защиту прав и чести русских поданных на чужбине и административное попечение о них»⁶. Важнейшим событием, приведшим к истинному расцвету паломничества в Палестину, стало состоявшееся в 1882 г. открытие Православного Палестинского Общества, которому предстояло «заботиться о поддержании православия во Св. Земле, и об улучшении быта православных русских паломников во Св. Земле»⁷. Первым председателем Палестинского Общества стал Великий Князь Сергей Александрович, за год до этого сам совершивший паломничество на Святую Землю. С этого момента посещение Палестины стало упорядочено, достаточно безопасно и неплохо устроено с точки зрения быта, что привлекало туда все большее количество богомольцев.

Образование Православного Палестинского Общества было обусловлено повышающимся интересом к Христианскому Востоку в 1860–1870-х гг. Этому способствовало и облегчение пути из России на Святую Землю: в 1856 г. было создано Российское общество пароходства и торговли, обеспечившее регулярные рейсы между Одессой, Константинополем и Яффой. В 1869 г. введенный Устав духовных академий сделал возможным научные командировки преподавателей и студентов за границу — в том числе и в Палестину⁸, и уже летом 1870 г. Святую Землю посетил ректор Киевской Духовной академии архимандрит Филарет (Филаретов)⁹. В это же время — в начале 1870-х гг. — в периодической печати Киева, Москвы и Санкт-Петербурга стали появляться публикации проповедей архимандрита Антонина (Капустина), произнесенные им на святых местах. «Слова, доносившиеся ... из Вифлеема, от места Рождества Спасителя, Голгофы, Гроба Господня, из Гефсимании, наполняли новым смыслом ... Священное Писание»¹⁰, вызывали еще большее желание посетить эти места, увидеть их и прочувствовать ни с чем не сравнимый духовный подъем.

«Общий паломнический порыв» начала 1870-х годов¹¹, связанный с посещением святых мест Палестины, захватил не только служителей Церкви и причастных к духовным учреждениям лица, но и обеспеченных православных людей, для которых поездки на богомолье были неотъемлемой частью жизни. Особое значение паломничество всегда имело для представителей купечества. Купцы — предприниматели, достигшие успеха благодаря своим деловым качествам. Для людей этого сословия «стремление к получению прибылей, к достижению богатства было неременным

условием сохранения самостоятельности»¹². Однако исследователи отмечают, что одной из важнейших доминант менталитета русского купечества была религиозность¹³, и это не случайно: богатство осознавалось ими знаком «Господнего расположения». Крупный отечественный промышленник писал, что «честное богатение, даже коммерсантов или банкиров, полезно, если живущий богатство живет по Божьему»¹⁴. В то же время, неудачи в своих предприятиях купцы видели в собственных греховных делах. Важнейшим проявлением религиозности оказалась церковная благотворительность: с одной стороны, так купцы компенсировали «грешный» характер своей предпринимательской

деятельности, а с другой — в противоположность дворянскому сословию — благотворительность стала «сословной» чертой купечества.

Благочестие свое купцы выражали, в том числе и почитанием святых мест. Ездили они и на Святую Землю. Известно, что ещё в IX–XIII вв. торговые пути древнерусских «гостей» пролегали через земли Афона, Палестины и Египта¹⁵. Но самые ранние известные купеческие путевые записки — «Хождение гостя Василия» — датируются XV веком¹⁶. Л.Н. Майков так оценивает автора этого «хождения»: «При всей своей набожности, при всем внимании к предметам священным, в нем виден мирянин, и именно человек торговый»¹⁷. Тоже можно сказать и о других описаниях посещений Святой Земли торговыми людьми. Их взгляд отличается от взгляда паломников из среды духовенства большим вниманием к деталям, указанием точных размеров зданий, числа ступеней на лестницах, лампад в храмах, интересом к месторождениям различных природных веществ, к стоимости тех или иных вещей, к особенностям строительного дела и ведения сельского хозяйства и т.д.¹⁸

С образованием регулярного пароходного сообщения и появлением Российского Консульства в Иерусалиме паломничества купцов на Святую Землю Палестины лишь увеличились. Однако известны путевые заметки купцов, относящиеся к последним двум десятилетиям XIX века¹⁹, период же купеческих «хождений» до образования Православного Палестинского общества остается малоизвестен. Эту лакуну отчасти

восполняют сведения о паломничестве на Православный Восток петербургского купца 1-й гильдии Федора Ильича Тюменева (ок. 1824–1893)²⁰, совершенном им в 1872 г.

Ф. И. Тюменев — потомок древнего рода рыбинских купцов. Известность получил его дед — полный тезка Федор Ильич Тюменев (1777–1861), купец 1-й гильдии, трижды избиравшийся городским головой города Рыбинска. На его средства и фактически по его заказу была издана первая историческая монография о Ярославском крае «Описание города Рыбинска» (автор — М.И. Гомилевский, 1837 г.). «Купцом-аристократом» называл потомственного почетного гражданина города Рыбинска Ф.И. Тюменева в своих письмах И.С. Аксаков²¹.

О главном же герое настоящей статьи известно крайне мало. Жил он, как и его отец, в Санкт-Петербурге, в купечестве состоял с 1865 г. Торговал хлебом под фирмой «Торговое дело Ф. и Н. братья Тюменевы». С марта 1868 г. был выборным от купеческого сословия²². Ни о его жизни, ни о значимых моментах биографии в доступных источниках нет никакой информации. Однако некоторые сведения о Ф.И. Тюменеве сохранились благодаря его сыну, И.Ф. Тюменеву.

Илья Федорович Тюменев (1855–1927) известен своими талантами в разных областях. Он был музыкантом, художником, переводчиком и литератором. Кроме того, Илья Федорович оставил ценнейший труд — неизданные мемуары «Моя автобиография», существующие в 10 рукописных томах²³ и охватившие большую часть его жизни (заканчивается жизнеописание 1904 годом). В этих томах — не только воспоминания И.Ф. Тюменева, но и фрагменты его дневников, зарисовки мест, в которых он оказывался, людей, с которыми сводила его судьба; на листы наклеены фотографии, письма и другие документы. Именно в «Моей автобиографии», которую рыбинские краеведы называют «историей семьи Тюменевых»²⁴, можно найти сведения о родных Ильи Федоровича, в том числе и о его отце, Федоре Ильиче. И.Ф. Тюменев отмечает, что отец «в молодости славился между купечеством, как отличный танцор и ловкий кавалер, в торговле он был незаменимый помощник деду»²⁵. В 1846 г. состоялась свадьба Федора Ильича и Марии Маркеловны Эзелевой, дочери купца Маркела Васильевича Эзелева. Илья Федорович вспоминает о поэтических экзерсисах отца: «С самой своей свадьбы (в 1846 году) он чуть не каждый год писал стихотворн[ые] поздравления мамаше в день ее рождения 12-го января, и в день ангела 26 января. Кроме того, у меня хранится особая, довольно толстая тетрадь его стихотворений»²⁶. Автор «Моей автобиографии» дает возможность познакомиться с несколькими поэтическими опусами Ф.И. Тюменева. Федор Ильич явно был человеком неординарным и творческим. Через 2 года после свадьбы, в 1848 г., у пары родился сын Федор, еще через два года — дочь Ираида, а в 1855 г. — сын Илья.

И.Ф. Тюменев так характеризует отца: «Папаша обладал веселым и крайне добрым характером; эти качества делали его любимым всюду»²⁷. Интересно отмечены его особенности в сравнении с характером матери: «Мамаша также была очень добра, но у нее преобладал над сердцем рассудок. Папаша был впечатлительнее, порывистее, сердечнее, она — покойнее, рассудочнее»²⁸. Семья Тюменевых, как это в целом характерно для купеческих семей, была очень благочестивой. Каждое воскресенье и по праздникам всё семейство отправлялось в Александро-Невскую Лавру к обедне. В доме находилось много книг религиозного содержания, ежедневно читались Четьи-Миней свт. Димитрия Ростовского. По воспоминаниям Ильи Федоровича, к ним постоянно приходили монахи и вели духовные беседы.

Бывали у Тюменевых и известные священнослужители. Так, нередко к ним в гости приезжал о. Паисий, архимандрит Николаевской Чуркинской пустыни в Астраханской губернии, известный как человек «высокой духовной жизни, старец»²⁹. «И папаша, и мамаша, — пишет И. Ф. Тюменев, — оч[ень] уважали его и слушали его наставления по целым вечерам»³⁰. Бывал у них и другой священнослужитель — архимандрит Софроний, грек с Афона. «Он привозил частицу животворящего древа и святил у нас воду в моленной»³¹. Упоминает Илья Федорович и игумена Парфения (Агеева), который в 1855 г. издал книгу «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле» в 4-х частях³². Отец Парфений нередко приходил к Тюменевым и «рассказывал что-нибудь о своих путешествиях и самые душеспасительные разговоры часто оживлялись примерами из виденного и слышанного»³³. Судя по упоминаниям в письмах, в доме Тюменевых бывал и архимандрит Леонид (Кавелин), настоятель Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря³⁴.

Существовала еще одна, крайне важная составляющая жизни Федора Ильича Тюменева: он был страстным путешественником. «Трудно и сосчитать количество верст, кот[орые] он изъездил на своем веку», — отмечает Илья Федорович³⁵. Учитывая образ жизни Тюменевых, неудивительно, что одним из генеральных направлений поездок Федора Ильича оказались путешествия по монастырям. Семейная ситуация сложилась так, что чаще всего он посещал Валаамскую обитель: особенно с тех пор, как старший сын Федора Ильича — Федор — 13-ти лет (в 1862 году) отправился на Валаам ради иноческой жизни. Но Федор Ильич ездил и по другим святым местам. И.Ф. Тюменев кратко обрисовывает географию его путешествий так: «В России он, кажется, побывал всюду, прихватил и за границу. Он был и на Белом море, и на Красном, и в Соловках, и на Синае, был в Лондоне и в Иркутске»³⁶.

В «Моей автобиографии» Илья Федорович описывает и поездки, совершенные отцом с благотворительными целями. Так, летом 1868 г. Ф.И. Тюменев с семьей ездил в Пидьму³⁷ на освещение храмов — всего с приделами было запланировано 5–6 освящений. Из описания этого эпизода

становится ясен масштаб благотворительности купца, а также его связи с высшими церковными чинами.

«Сам Владыка Олонецкий Аркадий за старостью приехать не мог. Святил приятель папаша Свирский архимандрит Павел. В каждую из церквей папаша пожертвовал то иконостас, то колокола, ризы, утварь и проч. За это и встречали нас везде как каких-то великих князей»³⁸.

Федор Ильич ездил на богомолье не только в российские храмы и монастыри. Был он и на Афоне. А 1872 году петербургский купец совершил, пожалуй, одно из самых главных своих путешествий — кроме упомянутого Синае побывал и в Палестине. Путешествовал Ф. И. Тюменев вместе со старшим сыном Федором. По первоначальным планам в поездку на Восток и на Святую Землю с ними должен был поехать и автор «Моей автобиографии», однако, очевидно, в это время он готовился к поступлению в университет³⁹.

Илья Федорович получал письма отца и брата. Сами документы не сохранились, но они старательно переписаны в автобиографии. В отсутствие каких бы то ни было зафиксированных воспоминаний самого Федора Ильича, копии этих писем становятся ценнейшим источником информации о путешествии. Что-то Илья Федорович добавляет и от себя — по своим воспоминаниям или же пересказывая не процитированные фрагменты писем.

Послания Ф.И. Тюменева и его сына дают общее представление о том, как проходило путешествие. Писем было три: первое написано в Одессе в ожидании парохода в Константинополь, второе — в Иерусалиме, и третье пришло из Чинаколи, где Тюменевы ожидали пароход на Афон. Очевидно, основная цель поездки — оказаться на Пасху в Иерусалиме и встретить главный православный праздник в Храме Гроба Господня. Собственно, эта цель была достигнута. Из Санкт-Петербурга паломники выехали 25 января 1872 г. В начале февраля уже были в Киеве, откуда переехали в Одессу и на пароходе отправились в Константинополь. Из Константинополя по Средиземному морю доехали до Смирны, через Александрию, Каир и Суэц отправились на Синай; после него через Измаиль и Порт Саид — в Яффу. 6 апреля путешественники въехали в Иерусалим. Пробыв в нем около трех недель, 26 апреля Тюменевы покинули Святой город и, проехав через Наблус, гору Фавор и Назарет, достигли Хайфы. Далее пароход доставил их в Чинаколе, где они оказались 14 мая.

Нужно отметить, что, в отличие от «хождений», написанных паломниками с расчетом на читателей и ориентированных на литературный стиль, путешествие Тюменевых отражено в письмах, адресованных сыну и не рассчитанных на их обнародование. Это, с одной стороны, вносит некий личностный, искренний характер повествования, а с другой дает возможность узнать такие детали, которые в иных условиях, возможно,

не нашли бы воплощения в записях. Так, Федор Ильич довольно подробно описывает свой путь до Киева, с остановками в Новом Иерусалиме у архимандрита Леонида (Кавелина), с которым они, как оказалось, хорошо знакомы, а также в Москве и в Туле. Из писем же его старшего сына Федора узнаем интересные особенности перехода от Синайской горы в Суэц, любопытно описание городка Измаиль, с характерной для купцов точностью автор письма подсчитывает участников праздничной службы Входа Господня в Иерусалим⁴⁰.

«Папаша в письме из Одессы от 11 февр[аля] описывает свое путешествие: “Сидим у моря, ждем погоды. Теперь, от безделья, можно с тобой поподробнее побеседовать. Из Петербурга я отправился 25 янв[аря] на почтовом, а наши монахи (т.е. Федя и о. Фанасий) на пассажирском⁴¹. На Крюковской станции⁴² я их встретил уже с нанятой парой коней до Нового Иерусалима, куда и приехали 26-го в 2 часа дня. О. архимандрит Леонид⁴³ пришел к нам в гостиницу и, по восточному, — т.к. он там жил⁴⁴, — предложил нам баню. Но мы просили отложить баню до след[ующего] утра. Встали в 5 ч[асов], побывали в бане, и, напившись чаю, я пошел за позднюю литургию, где о. Леонид именно для нас приказал петь Афонскую Херувимскую, а прочее Оптинского напева; он там полагал начало⁴⁵. После обедни он, помня нашу хлеб-соль⁴⁶, угостил нас отличным обедом, после чего мы простились с ними и тронулись дальше. В Москве ночевали с 27 на 28-е. У ранней обедни были в Чудове мон[астыре], потом ходили по Кремлевским соборам, а в 12 ч[асов] уже выехали в лавру⁴⁷. 29-го вернулись в Москву, прошли на Петербургский вокзал, думая встретить брата Николая⁴⁸ с почтовым поездом, но увы! в наличности его не оказалось. Сейчас выехали в Тулу, куда прибыли того же 29 числа в 8½ ч[асов] веч[ера].

Встретил Петр Иванович⁴⁹, и на парочке вороных бережно привезли нас домой. Приняли нас оч[ень] радушно, ужинали превосходно. К ранней обедне ездили в их церковь. Потом наши монахи уехали в монастырь, собор и пр., а я занялся с П.И. сведениями по путешествию на восток. Исправно пообедавши, отдохнули, и потом наши поехали к вечерне, а мы с П.И. катались по городу. Спасибо им, оч[ень] любезно приняли. [Нрзб.] усердно погостить, но наш расчет быть на Сретенье Господне в Киеве и потому, поужинавши, выехали на Курскую дорогу. Провожало почти все семейство, кроме дам.

В Киевскую лавру приехали 1 февр[аля], в 10 ч[асов] утра.

В Киеве они говели и 7 февр[аля] выехали в Одессу. Холода в эту зиму были сильные. В Киеве было от 15 до 20 гр[адусов]. В Одессе холода заста[ли] также 17 градусные и рейд замерз на 60 верст. Вследствие невольной задержки в Одессе им пришлось изменить маршрут

и путешествие на Синай отложить уже на послепасхальное, жаркое время.

Впрочем, из последующих писем видно, что какими-то судьбами они успели побывать на Синае до Пасхи. Вот что писал Федя уже в апреле на страстной неделе (в пятницу). “Из Константинополя мы благополучно совершили весь предположенный путь. Первоначально Средиземное море, с заездами в неkot[орые] города до Смирны. Из Смирны в Александрию, Каир, Измаиль, Суэц, потом Гиеропольским заливом в селение Раифу. Из Раифы на верблюдах по высоким и диким горам, чрез ущелья, потом через гору Хорив достигли мирной, истинно отшельнической обители Синайской. Там в умилении чувств при месте Неопалимой Купины и прочей святыни помянули твое близкое сердцу имя. Из Синая отбыли друг[им] путем обратно в Суэц и первоначально шли горами. В первую же ночь путешествия попали под сильный дождик, пробравший нас, как говорится, до костей; укрыться было некуда. После этой ночи шли еще пятеро суток; погода благоприятствовала. Прошедши двое суток горами, на третьей вышли на песчаные и каменистые равнины. Тут наши корабли пустыни пошли походчее⁵⁰. В Суэц пришли накануне Благовещения, отпраздновали праздник и 26 марта по жел[езной] дороге проехали в г[ород] Измаиль. Городок построен по-европейски, имеет небольшие, но оч[ень] хорошенькие садики и прекрасн[ые] шоссевые дороги, обсаженные по сторонам деревьями; в нем — дворец компании, копавшей Суэцкий канал. Этот город находится между Суэцом и Порт Саидом в центре канала, в нем и праздновали открытие канала. Тут мы ночевали и поутру поехали на пароходе по каналу в Порт Саид. Здесь, ожидая парохода в Яффу, жили неделю. Наконец, пароход пришел и доставил нас в Яффу. Оттуда на арабских конях, мимо великолепных апельсиновых садов и предместий Яффы отбыли в Иерусалим и на другой день, 6 апреля, в полной радости души и умилении сердца увидели город, поражающий и радующий нас своей историей нашего искупления.

Яффскими воротами въехали в город, потом по узким улицам достигли мы Патриархии, где нас успокоили и на другой день повели с пением в Храм ко Гробу и к прочим великим св[ятым] местам; две ночи мы ночевали в Храме. Праздник Входа в Иерусалим совершен был торжественно: служил Патриарх; 7 архиереев, 78 иеромонахов, 16 дьяконов и много стихарных участвовали в церемонии. После обедни был крестный ход. Письмо сие пишу 9 апреля, потому в первый день праздника надо отсылать. Желая тебе быть здоровому и счастливому. Я за тебя молюсь, хотя и недостаточно, при всех св[ятых] местах”⁵¹.

После описания некоторых других событий, произошедших в его жизни, И. Ф. Тюменев продолжает:

«Приятными днями для меня были дни получения писем от наших. В мае я получил вести от папаши и Феди из города Чинаколи⁵², помеченные 16 мая: “Любезный и дорогой брат Илья, — писал Федя. — С сердечно братской любовью желаю тебе быть здоровому, радостному и получить всевозможные милости от щедрого дателя Господа. Добрейший наш папаша и все мы, с ним путешествующие, здоровы. Святой Иерусалим оставили 26 апр[еля]. Истинно трогательно и умилительно расставаться со святым местом нашего спасительного искупления. Слезы невольно выступают при мысли: приведется ли еще когда-нибудь увидеть и облобызать св[ятой] град, Голгофу и другие спасительные места, окровавленные ради нас кровью безгрешного милостивейшего вышнего Агнца, Царя Господа всемогущего?»

Путь из Иерусалима был верхами на лошадях 8 дней до г[орода] Кайфа⁵³. Мы проехали через библейский город Наблус; далее посетили темницу, где был Иродом заключен и усечен св[ятой] предтеча, потом были на горе Фаворе, видевшей слово божества Господа Спасителя, поклонились в Назарете месту, где было возведено начало нашего спасения. В Кайфе на берегу Средиземного моря прожили несколько дней, ожидая парох[од], который привез нас сюда, в Дарданеллы. Здесь мы высадились в г[ороде] Чинаколи 14 мая и остаемся до 20-го в ожидании турецк[ого] парохода, на котором выедем на Афон»⁵⁴.

При всей содержательности, в представленных письмах крайне мало сведений о ключевом моменте путешествия — посещении Иерусалима и святых мест Палестины. К счастью, эту информацию можно почерпнуть из другого источника — дневников одного из самых выдающихся деятелей Русской Церкви на Востоке, основателя Русской Палестины — «целой инфраструктуры храмов, монастырей, паломнических приютов и земельных участков»⁵⁵ — архимандрита Антонина (Капустина), бывшего в то время начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме⁵⁶. По словам секретаря Императорского Православного Палестинского Общества В. Н. Хитрово, эти дневники представляют собой «почти хронику Иерусалимской Патриархии»⁵⁷ за 30 лет (речь идет о «палестинском» периоде жизни о. Антонина, т.е. 1865–1893 гг.)

Исследователи отмечают огромное и многостороннее значение дневников о. Антонина: это незаменимый источник сведений по истории русского присутствия на Святой Земле, работе российских духовных и светских ведомств в Палестине, истории Русской Духовной Миссии и ее борьбы за право существования, особенностей российско-греческих и российско-арабских отношений, а также взаимоотношений с другими конфессиями;

это летопись земельных приобретений о. Антонина, истории проектирования и строительства им храмов и странноприимных домов, финансовой составляющей Русской Палестины; конечно, уникальный биографический источник жизни самого о. Антонина. Отмечают и важность упоминаний в дневнике паломничеств известных церковных и государственных деятелей⁵⁸. Но, как выясняется, не только известных и не только церковных и государственных.

Отцу Антонину по долгу службы приходилось общаться с разными людьми, приезжающими в Иерусалим. В основном, это были паломники из церковнослужителей («поклонники клирники»⁵⁹, «дьяконы-поклонники»⁶⁰ и другие). Приезжали на Святую Землю и псевдопаломники, о которых он делает заметки с присущим ему чувством юмора (2 марта прибыли «Мадам Pachkoff с князем Оболенским. От великого благочестия... сейчас же прислала просить “хлеба, что в церкви”, т.е. просфоры»⁶¹). Иногда о. Антонина знакомили с людьми, отвечающими его интересам и увлечениям (например, с астрономом Пичнером, который пришел в восторг от его телескопа).

На этом фоне образованный и истинно благочестивый Ф.И. Тюменев должен был вызвать неподдельный интерес о. Антонина. Как представляется, он действительно оказался для главы Русской Духовной Миссии интересным гостем и собеседником. Кроме того, будучи благотворителем, Тюменев в традиционное для этого вербное воскресенье — на знаменитых «вербных» сборах — пожертвовал на покупку земельных участков и построек для Русской Православной Церкви очень значительную сумму денег — 1000 рублей⁶².

Дневники о. Антонина сообщают сведения, которые не нашли отражения в письмах Тюменевых. Так, небольшая запись от 7 апреля дает сразу целый комплекс информации: о точном составе паломнической группы Федора Ильича, о месте, где они остановились в Иерусалиме, а также о переданном через Ф.И. Тюменева письме автору дневников от его предшественника на должности Начальника Русской Духовной Миссии, о. Леонида (Кавелина):

«Давно ожидаемый поклонник Федор Ильич Тюменев с сыном послушником, двумя монахами и приказчиком Усачева Булгаковым. Остановилась честная компания в Харалампьевском монастыре. Письмо через Тюменева от о. Леонида Ново-Иерусалимского»⁶³.

Из дневников о. Антонина следует, что еще до Пасхи он несколько раз встречался с Тюменевыми. В великий праздник же получил от купца-паломника поздравление⁶⁴ — очевидно, оно было для автора дневника важно, раз он зафиксировал этот момент. Сразу после Пасхи, на Светлой седмице, о. Антонин с группой паломников совершил два больших путешествия по святым местам Палестины. Он довольно подробно рассказывает

об этих поездках. Ф.И. Тюменев принимал в них участие — и, таким образом, благодаря дневникам о. Антонина мы можем восполнить важнейшую составляющую путешествия Ф. И. Тюменева по Палестине. С другой же стороны — представить маршрут, которым шли паломники по святым местам Палестины в начале 1870-х годов, и как бы вместе с ними пройти этот путь⁶⁵.

17 апреля, Св. Понедельник. «До 3-х часов продолжались сборы в дальнюю путь-дорогу. Кое-как наконец все было готово, и при Пасхальном звоне мы выехали длинной вереницей богомольцев-всадников в лицо склонявшемуся солнцу. Остановились у Крестного монастыря⁶⁶ и приложились к о. Ивану⁶⁷, ублаженному тоже не менее Патриарха праздником и окруженному поклонницами нашими. Обозрели всю церковь, но наверх в школу не пошли⁶⁸, ибо «что там видеть? Мало у нас своих школ?» — Отсюда направились на Мальху⁶⁹ и часам к 5-и прибыли в свои Горния владения⁷⁰. Обошли их, напились чаю и, недолго думая, расположились спать.

Св. Вторник, 18 апр[еля].

Встали рано, пропели кое-что, напились чаю и отправились в Иоаннову Пустыню. В пещере его опять попели, помолились и перешли на гроб Прав[едной] Елизаветы. И тут тоже пение и пр. Наконец, исполнивши все, что следовало, поднялись по стропотной⁷¹ стезе⁷² в Джору, а от нее еще по худшей дорожке на пересек горы к Филиппову источнику. Пели и пили из него, и коней своих поили. Еще поехали на Рас-авна, т. е. Бетжальскую гору. И там встретили Москобие⁷³. Оттуда спустились в Бетжалу в Русскую школу. Здесь устроили закуску и пробыли часов до 3-х вечера. Двинулись к Вифлеему и, не останавливаясь в нем, проехали в долину Пастырей. Наконец, основались в монастыре у Владыки, битком набитом русским духом, проведавшим о русской службе в Вертепе. <...> Чай. Всенощная в Св. Вертепе. Правило.

Св. Среда. 19 апр[еля].

Выспались вдоволь, пока позвали нас на службу. Собрались ни много ни мало для службы 7 иереев и два дьякона. <Деспот> не мешал нам ничем, ни даже своим присутствием. Пели что и как кому приходило в голову. Кончили службу на восходе солнца. О. Феоктист <бедный> заболел еще с вечера от неосторожного водопития. Усладились у Владыки, у себя в № пили чай и затем немедленно отправились далее, вдоль водопровода к Соломоновым прудам. Всего всадников было 25 числом. У прудов не останавливались, а плелись тихонько до самого Хальхульского ключика⁷⁴. Тут сделали привал и закусили. Священного Дуба достигли часа в три. Отдохнули, напились чаю и разделились на две партии, большинство отправились в Хеврон, а мы с Тюменевым и о. Даниилом обозревали свои владения⁷⁵.

В сумерках, коротая время, пели, что могли и знали, а потом ужинали большим столом в балагане, поместившись кое-как вдесятером.

Св. Четверток. 20 ч[исло].

Спалось хорошо. Вкратце помолились Св. Троице под Дубом, напились чаю, сделали разные распоряжения и простились со святым местом. Было прохладно и ехалось весело. В 11 часов остановились у Прудов и подкрепились чем бог послал. Ходили и на источник «запечатленный» и огласили его Пасхальным пением. Затем снова пустились в путь. К трем часам узрели себя дома. Даже и устатка большого не чувствовалось. В ½ пятого начали Всенощную и ради храмового праздника пели полиелей, было и помазание маслом.

Св. Пятък. 21 апр[еля].

<...> И опять сборы в путь-дорогу. Обед был пораньше. Невообразимый гам и вой сперва в коридоре, а потом на кругу за домом Миссии при записке 80 охотников тащить колокол. Едва кончилась эта история к 3-м часам. Немедленно сели на конь и по вчерашнему плелись гусем по геенне к Иоавову кладезю и т[ак] далее. К закату солнца добрались до Лавры Св. Саввы. Спускались в дебрь огненную, пили чай, служили вечерню в церкви св. Николая, ужинали в трапезе и разошлись по кельям.

Св. Суббота. 22 апр[еля].

В 4 часа были позваны на утреню. Завладели клиросом и всю службу правили, как и в св. Вертепе, совершенно по-нашему. Литургию служили мы с о. Вениамином и о. Венедиктом. Ввертывали в нее и кое-что греческое. По окончании службы еще правили молебен по случаю именин Федора Ильича с сыном. В притворе церковном обычное угощение. Посещение келии Св. Саввы и церкви Св. Иоанна Дамаскина. Чай в архондарике⁷⁶. Иноческий базар. Отбытие из обители при колокольном звоне. Происходило это ровно в 7 часов утра. Потацились опять с горы на гору дикими и сухими местами. На параллели Неби-Муса⁷⁷ барометр показал высоту Средиземного моря. А сколько потом еще спускались, пока выбрались на равнину Мертвого моря. Ветер холодный или по кр[айней] мере прохладный спасал нас от жару. Море бушевало свирепо. Мы подъехали к самой воде, вторично встретили там гусара Акимова, кажется, купавшагося в море несмотря на <обжалованную> им давеча в Лавре простуду горла, и поворотили к Иордану. Прибыли на место приснопамятное в 1 час пополудни. Положили не пить чаю, а только закусить. Трижды переменяли место. Все общество (исключая меня) купалось. С нашим купанием совпала переправа целого племени бедуинского отсюда — туда. Насладившись двухчасовым отдыхом, простились со Св. рекою и направились к развалинам монастыря Предтечи. Поравнявшись с ними,

пропели кое-что пасхальное и потащились далее к Иерихону. Увидали развалины Герасимова монастыря. Заодно уже решились осмотреть и их. Избранников на это дело оказалось только 4 человека. Неслись к ним сломиголовным галопом. Пропели на них что следовало и направились на башню Риха⁷⁸. Достигли ее уже по захождению солнца. На ночлег расположились у Айн-Дук⁷⁹. Якубова⁸⁰ болезнь. Огуречное великодушие. Обещанное, но страха ради бедуинского недоставленное из Иерихона молоко. Чай на пророческой воде. Какое-то варево, недостижимое ничьих уст. Предосторожности на случай нашествия иродов с тезоименной горы. Лошадиные схватки. Гуторенье и наконец храпенье.

Антипасха, 23 апр[еля].

Все обошлось благополучно, только м[атушка] Анна, поревновавши Якубу, прихворнула ночью. Воспевши хвалу Богу, Апостолу Фоме, Великому муч[енику] Георгию и Пророку Елисею, водою которого умывались, мы пришли к самовару и закрепили желудки свои на три часа езды. Часов в 8 пустились в обратный путь. Я поминутно справлялся с барометром. Выходит, что высоты над Хозевою⁸¹ еще ниже стоят морского уровня. У Гостиницы Самарянина сделали привал. Взбирались на соседнюю крепость, искали с нее снежного Ливана⁸², но за облаками его не было видно. Весело закусывали у пещеры в тени утеса и с бодрим духом поехали вперед. Засиял наш дом Элеонский на крайней высоте⁸³. Но скоро его закрыли боковые горы. Дорога везде отличная. Спасибо доброй христороубице, устроившей ее. К полудню добрались до источника Апостолов и через полчаса водворились у себя на Элеоне. Прохладились лимонадом и отдохнули. Пешие шли к месту Вознесения Христова, спускались в пещеру Пр[орочицы] Пелагии, посетили Credo и PaterNoster, лазили в Гробы Пророческие и огласили их по обычаю пением. Поклонились Гефсимании и проехали к Царским гробницам, осмотрели их и к двум часам добрались до своего места. Слава Богу! Все обошлось благополучно⁸⁴.

Из-за личного ли интереса, или же из-за своего положения благотворителя, но Тюменев явно был у о. Антонина на особом счету. 25 апреля (вторник) начальник Русской Духовной Миссии записывает: «Для г. Тюменева служба была в Гефсимании. О. Парфений угостил чаем»⁸⁵. А далее — осмотр мусульманских святынь: «Потом осман повел нас в Харам-Шериф⁸⁶. Тут прежде всего престол Соломонов и Золотые ворота, потом Омарова мечеть и подземельная пещера 4-х пророков: Авраама, Давида, (Христа)-Иисуса и Магомета (что-ли?). Мечеть Эль-Акса⁸⁷. Подземелья ее. Красные ворота... Возвратились домой Дамасскими воротами»⁸⁸.

В среду, 26 апреля, Тюменевы уехали из Иерусалима.

- ¹ См.: «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. Отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2007.
- ² Протопопов В.И. Прежде и теперь. Из быта русских паломников в Палестине. Казань, 1912. URL: http://jerusalem-ippo.org/sv_z/hist/hl/xix/7_01_2013/ (дата обращения: 02.03.2020).
- ³ См.: Хождение инока Зосимы / ред.: Х. М. Лопарёв // ППС. 1889. Т. 8. Вып. 3; Григорович-Барский В. Странствования Василия Григоровича-Барского: по святым местам Востока с 1723 по 1747 гг. М., 2004–2005. Ч. 1–3; Путевые записки в святой град Иерусалим и в окрестности оного, Калужской губ. дворян Вешняковых и мядынского купца Новикова в 1804 и 1805 годах. М., 1813; и др.
- ⁴ Путевые записки во св. град Иерусалим и в окрестности оного ...
- ⁵ Цит. по: Безобразов П.В. Император Николай I и Патриарх Афанасий // Сообщения ИППО. 1911. Т. XXII. Вып. 2. С. 185–187.
- ⁶ Протопопов В.И. Прежде и теперь ...
- ⁷ Протопопов В.И. Прежде и теперь ...
- ⁸ См.: Высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. Устав и штаты православных духовных академий // Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Т. XLIV. Отд. 1. СПб., 1873. № 47154. § 169–170. С. 555.
- ⁹ Об этой поездке см.: Из записок Синайского богомольца / публ. архим. Филарета (Филаретова) // ТКДА. 1871. № 2. С. 375–407; № 4. С. 68–104; № 8. С. 275–332; 1872. № 5. С. 273–342; 1873. № 1. С. 363–434; № 3. С. 365–434; № 8. С. 324–400; Путешествие во Святую Землю и другие места Востока. Из паломнического дневника Василия Логвиновича. Киев, 1873; Памяти преосвященного епископа Филарета Филаретова, бывшего ректора Киевской Духовной Академии († 24 февраля 1882 г.) / публ. и вступ. ст. Л. С. М[ацевича] // ТКДА. 1912. № 2. С. 270–314).
- ¹⁰ Сухова Н.Ю. Паломнические поездки в Святую Землю и на Афон преподавателей и студентов духовных академий // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 6 (49). С. 24.
- ¹¹ Формулировка Н.Ю. Суховой.
- ¹² Судакова О.Н. Ценностный мир русского купечества Нового времени (культурологический анализ). Улан-Удэ, 2001. С. 42.
- ¹³ См.: Судакова О.Н. Ценностный мир русского купечества ... С. 50.
- ¹⁴ Терентьев П.Н. Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых: 1799–1915. М., 1915. С. 50.
- ¹⁵ См.: Перхавко В.Б. Русские купцы на Святой Земле // Седмица.ру [сайт]. URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/6251265/> (дата обращения: 17.03.2020).
- ¹⁶ Хождение гостя Василья / под ред. [и с предисл.] архимандрита Леонида. СПб., 1884 (Православный Палестинский Сборник. Т. II. Вып. 6).
- ¹⁷ Майков Л.Н. Старинные русские паломники в издании Православного Палестинского общества. СПб., 1884. С. 12.
- ¹⁸ См., например, Хождение Василия Познякова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб., 2000. С. 48–93; Хождение Трифона Коробейникова / под ред.

- Х.М. Лопарева // Православный Палестинский Сборник. СПб., 1889. Т. 9. Вып. 27; Путешествие посадского человека Матвея Гавриловича Нечаева в Иерусалим (1719–1720). Под ред. Н.П. Барсова. Варшава, 1875; Путевые записки в святой град Иерусалим и в окрестности онаго ... и др.
- 19 См., например: *Кекин А.Л.* Из С.-Петербурга в Рим, Бари, Неаполь, Александрию, Каир, Иерусалим, Константинополь и Батум. СПб., 1888; Чукмалдин Н. Путевые очерки Палестины и Египта. Екатеринбург, 1899.
- 20 Дата рождения Ф.И. Тюменева точно не известна. В Справочной книге о лицах, получивших на 1870 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдии (СПб., 1870), указано, что Ф.И. Тюменеву на этот момент 46 лет.
- 21 *Петухова Н.А.* Тюменевы // Ярославский край: [сайт]. URL: <http://www.yaroslavskiy-kray.com/713/tyumenevy.html> (дата обращения: 02.03.2020).
- 22 См. Тюменев, Федор Ильич // Справочная книга о лицах, получивших на 1870 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдии. СПб., 1870. С. 58.
- 23 ОР РНБ. Ф. 796. И. Ф. Тюменев. Оп. 1. Ед. хр. 7, 8, 12, 15–21.
- 24 *Петухова Н.А.* Из истории рода купцов Тюменевых // Опочининские чтения. Мышкин, 1995. Вып. 4. С. 92.
- 25 *Тюменев И.Ф.* Моя автобиография. Т. I. (1855–1873 гг.) // ОР РНБ. Ф. 796 (И.Ф. Тюменев). Оп. 1. № 7. Л. 8.
- 26 Там же. Л. 5 об.
- 27 Там же. Л. 8.
- 28 Там же. Л. 8–8 об.
- 29 Чуркинская пустынь // Древо: Открытая православная энциклопедия: [сайт]. URL: <https://drevo-info.ru/articles/11405.html> (дата обращения: 02.03.2020).
- 30 ОР РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев). Оп. 1. № 7. Л. 15.
- 31 Там же.
- 32 *Парфений (Агеев).* Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле: в 4-х ч / [соч.] постриженника святой горы Афонския инока Парфения. М., 1855. 4 т.
- 33 ОР РНБ. Ф. 796 (И.Ф. Тюменев). Оп. 1. № 7. Л. 24.
- 34 Об этом см. далее.
- 35 ОР РНБ. Ф. 796 (И.Ф. Тюменев). Оп. 1. № 7. Л. 28.
- 36 Там же.
- 37 Село, располагающееся в Подпорожском районе Ленинградской области. В XIX веке оно входило в состав Олонецкой губернии.
- 38 ОР РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев). Оп. 1. № 7. Л. 98.
- 39 См.: Там же. Л. 207. Илья Федорович отправится в Палестину через 2 года, в 1874 г. Об этом см. Михайлова Е. А. Палестина Ильи Федоровича Тюменева (по материалам Отдела рукописей Российской национальной библиотеки) // сб. материалов Всероссийской научной конференции «200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской Империи». М., 2019. С. 156–162.

- 40 Фрагмент «Моей автобиографии» И.Ф. Тюменева публикуется в соответствии с современными нормами пунктуации и орфографии, но с сохранением особенностей авторского стиля. Сокращения слов раскрыты в квадратных скобках.
- 41 Речь идет о почтовом и пассажирском поездах.
- 42 Станция Крюково Николаевской железной дороги.
- 43 Архимандрит Леонид (Кавелин) был настоятелем Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в 1869–1877 гг.
- 44 В 1858–1859 гг. о. Леонид был одним из членов Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, в 1864–1865 гг. — начальник Русской Духовной Миссии, в 1865–1869 гг. — настоятель храма при русском посольстве в Константинополе.
- 45 В 1852 г. Лев Александрович Кавелин стал послушником Оптиной пустыни, а в 1857 г. был пострижен в монашество с наречением имени Леонид.
- 46 Этот фрагмент письма говорит о том, что о. Леонид бывал в доме Тюменевых в Петербурге.
- 47 Очевидно, речь идет о Троице-Сергиевой Лавре.
- 48 Двоюродный брат Ф.И. Тюменева — Николай Ионович Тюменев.
- 49 Возможно, речь идет о представителе династии тульских купцов Петре Ивановиче Добрынине, который, как и Федор Ильич, был крупным хлеботорговцем, а также церковным благотворителем.
- 50 Т.е. поактивнее, побыстрее.
- 51 ОР РНБ. Ф. 796 (И. Ф. Тюменев). Оп. 1. № 7. Л. 214–214 об, 217 об.
- 52 Город в Турции.
- 53 Имеется в виду город Хайфа.
- 54 ОР РНБ. Ф. 796 (И.Ф. Тюменев). Оп. 1. № 7. Л. 220–220 об.
- 55 Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н. Формирование сакрального пространства Русской Палестины (по материалам дневника архимандрита Антонина Капустина) // Религии мира. История и современность. 2012. Т. 2010. С. 521.
- 56 О дневниках о. Антонина см.: *Салмина М.А.* Дневник архимандрита Антонина (Капустина) // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1972. Т. XXVII. С. 420–430; *Бутова Р.Б.* Дневник архимандрита Антонина (Капустина) как исторический источник // Родное и вселенское. М., 2006. С. 58–81.
- 57 Письмо секретаря ИППО В.Н. Хитрово к обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву. Апрель 1894 г. // АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/11. Д. 5. Л. 20–20 об. Цит. по: *Лисовой Н.Н., Бутова Р.Б.* Архимандрит Антонин и его дневник // Дневник архимандрита Антонина (Капустина). Год 1881 / подгот. Н.Н. Лисовой, Р.Б. Бутова; отв. ред. член корр. Ран Я.Н. Шапов. М., 2011. С. 315–361.
- 58 Об этом см.: *Лисовой Н.Н., Бутова Р.Б.* Архимандрит Антонин и его дневник ...
- 59 Дневники о. Антонина (Капустина) за 1872 год // РГИА. Ф. 834. Оп. 4. № 1126. Л. 228.
- 60 Там же. Л. 232.
- 61 Там же. Л. 232 об.
- 62 Там же. Л. 239 об.
- 63 См.: там же.
- 64 Там же. Л. 241.

- 65 Фрагмент дневника о. Антонина (Капустина) публикуется в соответствии с современными нормами пунктуации и орфографии, но с сохранением особенностей авторского стиля. Сокращения слов раскрыты в квадратных скобках. Слова, в расшифровке которых есть сомнения, даны в угловых скобках.
- 66 Т. е. монастыря Святого Креста.
- 67 О. Иоанн, иеромонах в монастыре Святого Креста.
- 68 Имеется в виду богословская школа Святого Креста, основанная в монастыре в 1853 году.
- 69 Мальха — небольшое арабское селение.
- 70 Участок в Айн-Кареме, так наз. «Горняя», был приобретен о. Антонином незадолго до описываемого путешествия Ф.И. Тюменева — в 1871 году.
- 71 Т.е. кривой, извилистой.
- 72 Стезя (устар.) — путь, дорога.
- 73 Москобия — так называли русские владения на Святой Земле.
- 74 О. Антонин называл этот источник «Хальхульский ключик» из-за близлежащих развалин библейского города Халхул.
- 75 Участок с Мамврийским Дубом в Хевроне был приобретен о. Антонином в 1868 году.
- 76 Архондарик — гостиная комната, где традиционно угощали «поклонников».
- 77 Неби-Муса — монастырь, располагающийся недалеко от Лавры Саввы Освященного.
- 78 Башня в деревне Риха рядом с Иерихоном.
- 79 Айн-Дук — источник близ Иерихона.
- 80 Якуб Халеби — драгоман Русской Миссии, принимал активное участие в покупке о. Антонином земель.
- 81 Хозева — город северо-восточнее Хеврона.
- 82 Ливанский хребет, находится в северной части Палестины. На его вершине всегда лежит снег.
- 83 Очевидно, речь идет о вершине Элеонской горы, на которой незадолго до описываемого путешествия Ф.И. Тюменева, в 1871 году, о. Антонином был куплен ряд участков в собственность Русской Духовной Миссии (см. Лисовой Н.Н. Элеонский Вознесенский русский монастырь // Православная Энциклопедия [электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/189769.html> (дата обращения: 17.03.2020).
- 84 РГИА. Ф. 834. Оп. 4. № 1126. Л. 241–243.
- 85 Там же. Л. 243 об.
- 86 Харам Эш-Шериф (Аль-Шариф) — гора и площадь в юго-восточной части Иерусалима, на которой расположены мусульманские святыни.
- 87 Мечеть Аль-Акса.
- 88 РГИА. Ф. 834. Оп. 4. № 1126. Л. 243 об.

РОССИЙСКИЕ КОНСУЛЬСТВА В ЛЕВАНТЕ НАКАНУНЕ ГРЕЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1821 г.: НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ*

О.Е. Петрунина

Говоря о российско-османских отношениях, мы чаще всего вспоминаем о многочисленных русско-турецких войнах, принесших славы победы русскому оружию и территориальные приращения Российскому государству. Но несмотря на то, что Россия к началу XIX столетия сделалась основным военным противником Османской империи, уже Петр I учредил постоянное дипломатическое представительство в Константинополе, а Екатерина II поставила задачу развития отечественной торговли во владениях султана. С этой целью после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774), по которому Россия наравне с другими европейскими державами получала право иметь своих консулов на территории Османской империи, в Леванте началось развертывание сети российских консульских учреждений. Его ускорило присоединение Крыма и подписание в 1783 г. Торгового договора между Россией и Османской империей. В 1770-е — 1780-е гг. генеральные консульства, консульские и вице-консульские посты были основаны в Александрии, Архипелаге (с резиденцией на о. Миконос), Смирне, Сайде, Негропонте (Халкиде), на Кандии (Крите), Кипре, Морее (Пелопоннесе, с резиденцией в Патрах), Родосе, Салониках, Варне, Самосе, Санторине, Хиосе, Синопе, Трапезунде, Бейруте и Дамаске.

Однако многие российские консулы не торопились к месту службы: она сулила не выгоды, а опасности¹. В результате к началу новой русско-турецкой войны в 1787 г. некоторые дипломаты даже не успели прибыть на место назначения. Война прервала реализацию амбициозного проекта по созданию сети левантских консульств России. Некоторые консульства, например, в Морее, Смирне, Салониках в 1790-е гг. возобновили свою работу.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-09-41004).

Во многих других — в Александрии, Сирии, на Крите и других островах остались лишь внештатные консулы или консульские агенты из числа иностранцев. Деятельность этих консульств была восстановлена в полном объеме лишь в XIX в.: в 1839 г. в Бейруте, в 1860 г. на Крите и т.д. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. опять привела к закрытию консульств. По ее окончании была возобновлена работа немногих из них: в Смирне, на Пелопоннесе (Морее), на острове Хиос и в Дунайских княжествах².

Но в скором времени работавшим в Османской империи дипломатам стало ясно, что ни количество консульств, ни качество их работы не отвечает интересам развивавшейся российской торговли. Назначенный в 1816 г. посланником в Константинополь опытный дипломат, бывший посланник в Испании и Швеции, Григорий Александрович Строганов (1770–1857) быстро в этом убедился. Российские консульские учреждения были очень молодыми в сравнении с представительствами европейских морских держав, прежде всего, Франции, имевшими за своими плечами опыт не одного столетия. Этим, прежде всего, было обусловлено отсутствие строгой системы в деятельности консульских служащих, которое приводило к многочисленным сложностям.

Желая заложить основы новой упорядоченной системы, Г.А. Строганов в 1818 г. составил публикуемый ниже «Проект положения для российских консулов и драгоманов в Турецкой империи», представленный на рассмотрение в Министерство иностранных дел. В это же время велась работа и над консульским Уставом для стран Европы и Америки. Как полагает современная исследовательница истории консульской службы Е.В. Сафронова, главным недостатком проекта Г.А. Строганова было отсутствие подчиненности консулов российским внутригосударственным органам³. На самом деле недостатков было гораздо больше: в проекте содержится много неопределенных положений, таких как «обычай Леванта», статус консульских агентов и др. В нем гораздо больше внимания уделялось имиджу и поведению соотечественников за границей, чем отношениям российских дипломатов с местными органами власти. Кроме того, проект написан как бы «с нуля», в нем не был учтен огромный опыт пребывания в Леванте европейцев. Проект вызвал справедливую критику, в частности, со стороны автора второго публикуемого документа, Д.В. Дашкова. Обсуждение проекта затянулось, а начало греческой национально-освободительной революции весной 1821 г. и последующее ухудшение российско-турецких отношений отодвинули его на второй план. Летом 1821 г. российская миссия во главе с посланником покинула Константинополь.

В конечном счете, никакого положения или устава, упорядочивающего деятельность сети российских консульских учреждений в Османской империи, тогда так и не было принято. В 1820 г. в России вступил в действие

Устав для консулов, в Европе и Америке пребывающих⁴. Однако он не распространялся на Османскую империю в силу большой специфики последней: в отличие от христианских государств Европы и Америки, здесь консулам приходилось не только защищать коммерческие интересы своих соотечественников, но и оказывать покровительство местному многонациональному христианскому населению в стране, где, по справедливому замечанию Д.В. Дашкова, «обычай сильнее законов и даже международных договоров»⁵. Отсутствие консульского устава еще много лет продолжало создавать трудности и неразбериху в российских консульских учреждениях в Османской империи. Консульское судопроизводство было упорядочено в 1824 г., но лишь частично⁶. Новый консульский Устав 1858 г., как и прежний, регулировал деятельность консульских учреждений только Европы и Америки. Первый консульский Устав, распространявшийся на консульские учреждения в Османской империи, был принят только в 1893 г. До этого российские консульские органы в этой стране руководствовались в своей деятельности Торговым уставом⁷.

Проблемой упорядочения деятельности российских консульств во владениях султана занимался и другой российский дипломат, будущий министр юстиции Дмитрий Васильевич Дашков (1788–1839). В 1818 г. он был назначен вторым советником миссии в Константинополе⁸. Как явствует из сохранившихся в его архиве документов, в его компетенцию входили, в том числе, и сношения с российскими консульствами в Османской империи⁹. Осенью 1819 г. Дашкову было поручено лично проинспектировать левантские консульства¹⁰. Во время этой поездки он также собирал различные сведения военного, политического и экономического характера. В ходе командировки Дашков принял ряд практических мер по наведению порядка в консульствах¹¹. В процессе начатой им реорганизации был учрежден вице-консульский пост в Яффе¹².

Завершив инспекцию, Дашков составил публикуемую ниже общую аналитическую записку о положении дел в российских консульствах и мерах по его улучшению. В ней были подняты чрезвычайно важные вопросы для дальнейшего развития российской торговли, консульской службы, положения российских подданных в Османской империи.

Одна из затронутых Дашковым проблем касается пребывания иностранцев на русской консульской службе. Когда Россия только начинала выстраивать торговые отношения с Османской империей, отсутствие дипломатов со знанием восточных языков, османских традиций и обычаев, а также отсутствие национальной законодательной базы по консульским вопросам вынуждало российские власти прибегать к услугам иностранцев в качестве консулов, драгоманов и других консульских служащих. Тогда это было оправданным. Этими иностранцами чаще всего были левантийцы — выходцы из итальянских и французской диаспор в Константинополе

и других торговых центрах Османской империи, а также греческие подданные султана. Они хорошо знали как наиболее употребительные в Средиземноморье итальянский и французский языки, так и официальный османский и языки других народов империи. Часто ремесло драгоманов в их семьях было наследственным, они нанимались на службу в посольства и консульства разных европейских стран. Многие из них хорошо зарекомендовали себя и на российской службе.

Однако со временем выяснилось, что большое количество иностранцев — иногда штаты консульств были полностью укомплектованы ими — негативно сказывается на результатах деятельности консульств. Не испытывая патриотизма в отношении России, иностранцы готовы были служить за жалование кому угодно, могли совмещать представительство разных государств. Часто они преследовали свои личные интересы, оказывали покровительство «своим» людям в ущерб интересам российских подданных и торговли. К началу 1820-х гг. ситуация осложнилась также подготовкой греческого освободительного восстания, которое вело тайное общество «Филики Этерия». Помимо личных, греки в своих действиях могли руководствоваться и национальными интересами, что справедливо отмечает Дашков.

В период отсутствия собственного законодательства о консульской службе российские консульства вели дела, ориентируясь на французское законодательство как наиболее развитое, авторитетное и, как тогда считалось, самое древнее¹³. Однако, несмотря на все преимущества французских законов, с российской точки зрения, они имели существенный изъян: в них не рассматривались отношения с единоверными России православными подданными султана. Наилучшим выходом из этой ситуации могла стать подготовка собственных консулов и драгоманов в России, а также разработка собственного законодательства, о чем и пишет Дашков. Отсутствие такового и было, по его мнению, основной причиной всех сложностей в работе консульств. Автор «Записки», превосходно разбиравшийся в тонкостях юриспруденции, выступал за создание строгих юридических норм и отход от практики следования местным обычаям.

Однако на этом пути были неизбежны и определенные трудности. В качестве образца для подражания Дашков предлагал опираться на французское законодательство и юридическую практику, что не всегда было реально для России. В частности, российские консульские суды не могли иметь постоянных заседателей из числа местных российских купцов в силу небольшого количества, а иногда и полного отсутствия последних. Российская левантийская торговля в то время находилась преимущественно в руках греков, многие из которых не имели российского подданства¹⁴. Проблема сосредоточения российской торговли в руках «раев» — османских греков также была обозначена Д.В. Дашковым.

Изучив положение дел в российских консульствах в Османской империи, Д.В. Дашков высказался за оптимизацию сети консульских учреждений, предлагая определить границы консульских округов, а также полномочия и статус отдельных консульских постов в соответствии с российскими торговыми, военно-политическими и религиозными интересами. За несколько лет пребывания на Ближнем Востоке Д.В. Дашков сумел близко познакомиться с местными особенностями. Его меткие наблюдения и глубокие замечания были высказаны не только в служебной переписке. Некоторые в форме эссе были в середине 1820-х гг. опубликованы в альманахе А.А. Дельвига «Северные цветы»¹⁵.

Оба публикуемые документа двести лет пролежали «под сукном», не потеряв своей ценности: они возвращают читателя в контекст эпохи, в мир, в котором жили и служили своей стране российские дипломаты. Поднятые в них проблемы показывают, насколько объективно и реалистично глава миссии в Константинополе и один из ее советников оценивали работу российских консульств и положение соотечественников в Османской империи.

ПРОЕКТ ПОЛОЖЕНИЯ ДЛЯ РОССИЙСКИХ КОНСУЛОВ И ДРАГОМАНОВ В ТУРЕЦКОЙ ИМПЕРИИ [ЧЕРНОВИК]

Е[го] И[мператорское] В[еличество], обращая особенное внимание на пользу торговли и мореплавания своих подданных в Леванте, соизволил признать за нужное, чтобы для предупреждения всякого злоупотребления по делам, вверенным российским консулам, находящимся в турецких владениях, приведено было в исполнение и в точности наблюдаемо следующее положение, основанное на трактатах, существующих с Оттоманскою Портою¹⁶.

Общие распоряжения

§ 1. Торговые заведения российских подданных в Турецкой империи, разделены будучи на генеральные консульства, на консульства, вице-консульства и агентства, согласно со штатами, кои утверждены будут Е[го] И[мператорским] В[еличеством].

§ 2. Генеральные консулы на будущее время предпочтительно будут избираемы из консулов; консулы из вице-консулов; а вице-консулы из консульских канцлеров или канцлерских чиновников.

§ 3. Определенным от Высочайшего Двора генеральным консулам, консулам, вице-консулам и агентам будет позволено выставлять

над консульскими домами их в Турецкой земле флаги на основании трактатов с Оттоманскою Портою.

§ 4. Никто не может именоваться генеральным консулом, консулом, вице-консулом или агентом, не получив на то патента за высочайшим подписанием Е[го] И[мператорского] В[еличест]ва или от российского министра при Порте Оттоманской аккредитованного¹⁷, или же от того консула, от которого агент будет зависеть.

§ 5. Сверх того, будут вице-консулы или агенты, коих назначить может непосредственно министр Е[го] В[еличест]ва или в Царьграде, или, по данной от него власти, главный из консулов. Таковые вице-консулы или агенты никакого жалования получать не будут и зависеть должны или от министра непосредственно или же от тех генеральных консулов и консулов, кои их назначали.

§ 6. По прибытии на место вновь определенного генерального консула, консула или вице-консула, прежний консул или, за его отсутствием, управляющий делами консульства должен созвать почетнейших этого места¹⁸ жителей для обнаружения патента, данного новому консулу, и в то же время оный патент должен быть записан в канцелярии того консульства.

§ 7. Определенные от Высоч[айшего] Двора или министром Е[го] В[еличест]ва генеральные консулы, консулы, вице-консулы и агенты производят в округе своего пребывания суд на основании трактатов и по существующим в Леванте обычаям, надзирают там за благочинием и исполняют все сопряженные с их званием должности, изображенные в патенте их и в указах Е[го] И[мператорского] В[еличест]ва, а также в генеральных и частных инструкциях российского министра при Блистательной Порте находящегося.

§ 8. При каждом консульате в Леванте должно быть по одному экземпляру всех трактатов, существующих с Оттоманскою Портою, а также и тарифа таможенных пошлин¹⁹. Генер[альным] консулам, консулам, вице-консулам и агентам предписывается иметь неослабное наблюдение за строгим исполнением сих постановлений, особливо же торгового трактата, содержание коего во всех поступках их должно быть главным правилом.

§ 9. Генеральные консулы, консулы и вице-консулы, равно как подчиненные им чиновники, не могут вступать в брак, не испросив и не получив на то позволения от министерства Е[го] И[мператорского] В[еличест]ва через посредство российского министра в Царьграде.

§ 10. Утвержденные Высоч[айшим] Двором генеральные консулы, консулы, вице-консулы и агенты должны записывать в канцелярии своего консульства все посылаемые к ним повеления и предписания от Высоч[айшего] имени или от российского в Царь-граде посланника и исполнять по оным в точности.

§ 11. О всех важных делах они доносят обстоятельно министерству Е[го] И[мператорского] В[еличест]ва, а также российскому в Царьграде посланнику и поступают во всем сообразно с получаемыми от них предписаниями.

Все донесения по делам службы министерству иностр[анных] дел от генер[альных] консулов, консулов, вице-консулов и агентов посредством цареградской миссии должны быть под открытою печатью, дабы министр Е[го] И[мператорского] В[еличест]ва мог иметь полное сведение и наблюдение за течением и производством дел, вверенных подчиненным ему консулам. Само собою разумеют, что они могут просить о заступлении и покровительстве министра во всех случаях, где будет настоять в том надобность.

§ 12. По истечении каждого года они составляют особую записку о мореходстве и торговле российских подданных в округе их ведомства. В сей записке должны объяснены быть способы, какие найдут они удобными для доставления российской торговле и мореплаванию вящих выгод и распространения. Таковые записки отправляют они в Департамент внешней торговли в С[анкт-]П[етербург] под открытою печатью посредством российского министра в Константинополе.

§ 13. В тот же Департамент препровождают они таким же образом в конце первого года генеральное обозрение торговли во всем округе их ведомства с приведением таблиц всем привозным товарам и оттуда вывезенным.

§ 14. Через каждые три месяца они предоставляют российскому министру в Царьграде ведомости о российских судах, заходивших в порты их ведомства с грузом или без груза. В сих ведомостях должны быть обозначены качество и количество груза, а также названия тех судов, у коих императорский патент или министерский пасавант²⁰ будут.

§ 15. Генеральные консулы, консулы и вице-консулы строго наблюдают за тем, чтобы их подчиненные с точностью исполняли свои обязанности и в конце каждого года доносят министру Е[го] И[мператорского] В[еличест]ва при Оттоманской Порте о поведении, способностях, прилежании и нравственности оных чиновников, на сей конец они составляют особый список с обозначением в оном, каких лет от роду и сколько лет в службе каждый из них находится.

§ 16. Определенным от Высочайшего двора консулам запрещается принимать от иных держав какие-либо консульские звания и даже исправлять в торговых местах Леванта таковые должности, исключая только случаи, когда они получают на то от Е[го] И[мператорского] В[еличест]ва или от российского министра в Царьграде особое позволение.

§ 17. Поелику назначенное российским консулам жалование должно быть достаточно для пристойного их содержания, то всем определенным от Высочайшего двора консулам и агентам запрещается взимать какие-либо консульские пошлины под каким бы то предлогом ни было, равномерно запрещается консулам производить какой-либо торг посредственно или непосредственно под опасением отрешения от должности.

§ 18. Никто из помянутых генеральных консулов, консулов, вице-консулов и агентов не может отлучиться из округа своего ведомства, не получив

на то позволения от министра Его В[еличест]ва в Царьграде, которому они все подчинены.

§ 19. В случае отсутствия консула или вице-консула все консульские должности исправляет старший консульский чиновник.

§ 20. Когда консул оставляет место своего пребывания по причине отставки или получив иное назначение, то он должен сдать всю переписку и все касающиеся до его должности бумаги чиновнику, назначенному на его место. Они вместе делают всему опись, с которой составив три копии, за их общим подписанием препровождают одну из них в Департамент иностр[анных] дел, другую бывший консул берет к себе для своей очистки, а третья приобщается к общим того консульства бумагам.

§ 21. Если консул по необходимости принужден будет оставить свое место прежде, нежели туда прибудет назначенный на его место чиновник, то он даст все находящиеся бумаги с их описью старшему чиновнику консульства для передачи оных его преемнику.

§ 22. В случае смерти консула исправляет на время его должность старший чиновник консульства, который донес о том министру Е[го] В[еличест]ва в Царьграде, и будет ожидать дальнейших его приказаний.

§ 23. По смерти консула старший чиновник делает при двух свидетелях опись всем того консульства бумагам для передачи оных тому чиновнику, который на место покойного назначен будет.

О вице-консулах

§ 24. Всякий вице-консул или агент, назначенный Высочайшим двором или министром Е[го] И[мператорского] В[еличест]ва в Царьграде, состоит под начальством того ген[ерального] консула или консула, в округе коего он находится будет.

§ 25. Он доносит о делах своего местопребывания министру Е[го] И[мператорского] В[еличест]ва в Царьграде, а также генеральному консулу или консулу, коему он подчинен.

§ 26. При каждом назначенном от Высочайшего двора консуле определяется один чиновник для исправления должностей драгомана и канцелярского служителя.

§ 27. Утвержденные Высочайшим двором агенты, а также определенные российским министром в Царьграде вице-консулы и агенты должны сами приискивать и принимать на свою ответственность канцелярских для себя служителей. Жалованья производиться им не будет, но они пользуются канцелярскими доходами по тарифу, установленному министром Е[го] И[мператорского] В[еличест]ва в Царьграде.

§ 28. На время отлучки или в случае смерти вице-консула заступает его место канцелярский служитель на основании §§ 19-го и 22-го.

§ 29. Все заключающиеся в сем положении распоряжения о генеральных консулах и консулах распространяются также и на определенных от Высочайшего двора вице-консулов и агентов во всех случаях, где нет вопреки сему особого постановления; назначаемые непосредственно российским министром в Царьграде вице-консулы и агенты подчиняются тем же правилам, за исключением §§ 16-го и 17-го.

О драгоманах

§ 30. Когда в России учредится Институт для восточных языков, тогда на места драгоманов при консульствах в Турецкой земле будут избираемы воспитанники сего Института. Определение оных на убылые места будет по выбору министра Е[го] В[еличест]ва из числа тех воспитанников, кои предварительно будут отправлены в столицу Турецкой империи для усовершенствования в их учении.

§ 31. При назначении помянутых драгоманов и при постепенном производстве их будет принято в уважение одно только личное достоинство, но при равном достоинстве всегда предпочтены будут старшие.

§ 32. Драгоманы обязаны под опасением исключения из службы исполнять в точности все приказания по службе того консула или вице-консула, при коем они находятся.

§ 33. Находящимся при консульствах в Турецкой земле драгоманам запрещается ходить по делам службы к тамошним местным начальникам без особого на то позволения или приказания от консулов, от коих они зависят.

§ 34. Равным образом им запрещается иметь какое-либо хождение по делам частных людей, не получив на то позволения от консулов или вице-консулов, их начальников.

§ 35. Драгоманы обязаны наблюдать наистрожайшую точность в переводах своих и непременною правильность во всем своем поведении. Они должны представлять в канцелярию отпуски со всех переводов, для службы ими сделанных по приказанию консула или вице-консула, вместе с подлинными бумагами, дабы в случае надобности оные могли быть отысканы.

§ 36. Драгоманам запрещается производить торг какой бы то ни было, посредственный или непосредственный, а также мешаться в дела той земли, где они имеют пребывание.

О канцелярских служителях при консульстве

§ 37. При всяком генеральном консульстве определяются два чиновника в звании первого и второго драгомана. Сей последний при всяком генеральном консульстве исправляет также должность канцелярского служителя.

§ 38. При консулах и вице-консулах назначается только по одному драгоману, который будет исправлять и должность канцелярского служителя.

§ 39. Никто из драгоманов, коим поручена будет канцелярия, да не дерзает под сим предлогом уклоняться от исправления обыкновенной драгоманской должности.

§ 40. Драгоман, заведывающий консульскою канцеляриею, отправляет должность писца и нотариуса. Сверх того, он выдает всякие позывы к суду, объявляет приговоры просителям и исправляет все должности, сопряженные в Турецкой земле со званием канцлеров.

§ 41. Ему поручаются семь протокольных книг, помеченных по листам и скрепленных рукою консула.

В первую он должен вносить все акты, протесты, обязательства и пр. Заглавие сей книги должно быть: *Libro del Acti* — Книга для актов.

Во вторую, под названием *Libro del Manifesti*²², будут вписываться все письменные объявления.

В 3-ей, *Libro del Passaporti*, записываются все выданные пашпорты или учиненные пометки на тех, кои в канцелярии были предъявлены.

В 4-ю записывают все ведомости о купеческих судах: *Libro dei Ruoli*²³.

В 5-ю все карантинные свидетельства: *Libro del Patentedi Sanita*²⁴.

В 6-й ведомости о мореплавании и торговле русских подданных: *Arrive e partenza di bastimenti con corico*²⁵ e *senza*²⁶.

В 7-й записываются все вещи, представленные в канцелярию для сохранения: *Libro dei depositi*²⁷.

§ 42. Все сии протоколы, по принятому в Турецкой земле для консульских дел обыкновению, должно писать на итальянском языке, особенно же акты и судные дела.

§ 43. Драгоман, исправляющий должность канцлера, скрепляет в протоколах все акты, обязательства и контракты, которые будут ему предъявлены, после договаривающихся сторон и после свидетелей.

§ 44. Поелику сборы канцелярские для всех консульств в Турецких владениях определены приложенным у сего тарифом, который составлен министром Его Величества, в Царьграде пребывающим, и удостоен Высочайшего утверждения, то всякие сверх того требования со стороны канцлера строго воспрещаются.

§ 45. При каждом консульстве должна быть заведена особая книга для записки поступающих в приход денег, по сему тарифу назначенных, и каждый раз, когда годовой сбор окажется не превышающим сумму 3000 пиастров турецких, то оный предоставляется сполна в пользу чиновника, исправляющего должность канцлера, в виде награждения за его труды по сей части. Если же в годовом сборе положенных пошлин будет более трех тысяч пиастров, то генеральный консул, консул или вице-консул того места препроводит по окончании года оказавшуюся в остатке сумму к министру Е[го] И[мператорского] В[еличества] в Царьграде пребывающему, который часть сих денег, если признает за нужное, может

разделить в виде награждения между консулами или их подчиненными по мере заслуг их и усердия. Остальная же сумма будет обращена на другие предметы, к пользе службы относящиеся.

*О деньгах и вещах,
поступающих в канцелярию на сохранение*

§ 46. Все суммы, в наличных деньгах состоящие, товары или другие вещи, кои будут поступать на сохранение в российско-консульские канцелярии в Турецкой империи, должны храниться в консульском доме и быть сложены в особый сундук или в кладовую за двумя разными замками, от коих один ключ будет находиться у канцлера, а другой у консула, вице-консула или агента так, чтобы отданные на сохранение вещи или деньги не иначе могли быть оттуда вынуты, как в общем их присутствии.

§ 47. Если об обратной выдаче таковых поступивших на сохранение деньгах и вещах в продолжение десяти лет, считая со дня, в который поступят они на сохранение, не будет никакого требования, то генеральные консулы, консулы или вице-консулы должны препровождать их в Департамент иностранных дел для отсылки в С[анкт]-П[етербургский] воспитательный дом²⁸ на приращение процентами с таковым, однако ж, со стороны воспитательного дома обязательством, что он заплатит капитал не без процентов тем частным людям, кои будут вправе оный требовать и к чему они должны быть допущены в продолжение новых 10-ти лет, считая со дня, в который таковые деньги или вещи поступят в казну воспитательного дома. По прошествии же сего срока весь капитал или сумма, чего вещи стоили, с накопившимися процентами, равно как все проценты с денег или вещей, выданных обратно законным их хозяевам, из Воспитательного дома будут вынуты и присовокуплены к суммам, назначенным на Институт для восточных языков в России учреждаемый.

§ 48. Определенные от Высочайшего двора генеральные консулы, консулы, вице-консулы и агенты обязаны по истечении каждого года присылать к Министерству иностранных дел под открытою печатью посредством российского министра в Царьграде ведомости о всех денежных суммах и вещах, поступивших в продолжение того года на сохранение в их канцелярию, а другую таковую же ведомость препровождать к российскому министру в Царьграде. В сей ведомости должны быть показаны имена людей, внесших сии деньги или вещи, с подробным объяснением о деньгах, какою они внесены манерою, а о вещах — какою они роду, обозначая притом с точностию, которого числа какие суммы или вещи поступили на сохранение.

§ 49. В тех же ведомостях должны они отмечать на поле то, что из бывших на сохранении денег или вещей выдано обратно, продано или отослано в Департамент иностранных дел, обозначая при том, когда что обратно

отдано, продано или отправлено; цену проданного, имена людей, коим что выдано, с объяснением, по каким правам к тому было приступлено и каким образом отосланные в Департамент Иностр[анных] дел деньги или вещи были отправлены.

О покровительстве иностранцев

§ 50. Генеральным консулам, консулам, вице-консулам и агентам запрещается оказывать покровительство кому-либо из подданных Султана Турецкого, исключая только тех людей, кои необходимо нужны для домашней их прислуги и находятся при них из жалованья во услужении.

§ 51. Сие покровительство должно относиться только до личности оных людей, а не к имуществам и может быть оказано только по делам службы их при консульстве.

§ 52. Всяк, кто предъявит надлежащий пашпорт от министра Е[го] И[мператорского] В[еличест]ва в Константинополе или от иных властей, к тому уполномоченных, имеет право на защиту и покровительство консулов по мере справедливости и по колику позволить могут договоры, существующие с Оттоманскою Портою.

§ 53. Консулам запрещается оказывать покровительство трактирам, питейным домам и другим местам, где бывают публичные сборища.

О консульских агентах

§ 54. Сверх агентов, коих утверждает Высочайший двор или прямо назначает российский министр в Константинополе, генеральным консулам и консулам дается власть определять агентов по разным портам их ведомства как скоро польза торговли и мореплавания того потребует. Сии люди получают звание агента такого-то или такого консульства.

§ 55. Таковым агентам жалованья не будет, соображаться же они должны с частными инструкциями, кои получать будут от консулов, их назначивших.

§ 56. Прежде, нежели кто-либо назначен будет к таковым агентствам, генеральный консул или консул должен представить о том российскому министру, при Оттоманской Порте находящемуся, с объяснением причин и надобности такового назначения; приступить же может к исполнению не прежде, как получит от министра нужное разрешение.

§ 57. Генеральные консулы и консулы ответственны за поведение агентов ими выбранных, они могут отрешать их за дурное поведение или за поступки предосудительные, донося министру Е[го] И[мператорского] В[еличест]ва в Константинополе о причинах, побудивших отрешить их от должности.

О пребывании русских подданных в Левантских пристанях

§ 58. Каждый подданный Е[го] И[мператорского] В[еличест]ва по прибытии в Левантские торговые места должен представиться к находящемуся там российскому консулу или вице-консулу, предъявить пашпорт свой и свидетельство о своем звании, а также сделать объявление о намерении своего путешествия и о делах, по коим он туда приехал.

§ 59. Если он приедет в какую-либо гавань с тем, чтобы там остаться на жительство и производить торг или заниматься иным каким дозволенным промыслом, то должен объявить о том консулу, который, со своей стороны, не оставит объяснить ему, какие существуют там узаконения, и в сем случае запретит ему вступать в откупа или другие публичные обязательства с тамошним правительством.

§ 60. Проживающим в турецких владениях по торговым делам российским подданным запрещается покупать там недвижимые имения или какие-либо маестности²⁹, не спросив и не получив на то особого от российского министра дозволения.

§ 61. Генеральным консулам, консулам и вице-консулам ни в каком случае не позволяется выдавать флагов или пропуск для мореплавания судам, купленным российскими подданными; если же российский купец купит судно в округе какого ни есть консула, то как купчая на оное судно, а равно и письменное прошение от купца должны быть препровождены к российскому министру в Константинополе, который на основании оных бумаг доставит к консулу все нужные документы, равно как и фирман от Порты для плавания в Леванте.

§ 62. Российским подданным строго запрещается позволять, чтобы рай³⁰ пользовались их именем для провозу ли через таможи товаров, принадлежащих раям, или по другим каким прибыльным делам при обязательствах, покупках и пр. с тем намерением, чтобы покровительствуемое таким образом лицо могло избежать платежа установленной пошлины.

§ 63. Всякий российский подданный, будучи обижен генеральным консулом, консулом или вице-консулом, может принести на него жалобу российскому министру в Константинополе, по донесению коего на Высочайшее имя Е[го] В[еличест]ва каждый консул, уличенный в несправедливости против российских подданных, подвергнется строгому наказанию; но и тот из российских подданных, кто осмелится без причины, ложно или коварно обносить консула, будет наказан примерным образом.

О судебном порядке

§ 64. Если какое-либо спорное дело не может быть кончено третейским судом, то поступает на суд к консулу, приговоры коего приводятся в исполнение, несмотря на апелляцию.

§ 65. Для производства суда консул пригласит к себе на помощь двух заседателей, кои должны быть выбраны из почетнейших купцов того места или города, но не из турецких подданных, а из русских, если таковые там находиться будут. Впрочем, судя по важности тяжёбного дела, консулы могут приглашать к себе и большее число заседателей.

§ 66. Консулы должны сделать определение о состоявшемся выборе, которое сообщается заседателям избранным, а также объявляется просителю и ответчику. Суд собирается через три дня после сего объявления.

§ 67. Консульские канцлеры должны находиться при слушании дела; они докладывают по бумагам тяжущихся и составляют определение, но не имеют никакого голоса.

§ 68. Прошения должны быть письменные; о них объявлять противной стороне в суде или на дому, сообщаясь в сем случае с принятым в Леванте обыкновением.

§ 69. В случаях, где нужно только определение об объявлении касательно поданного прошения, о собрании справок, о выборе заседателей, словом, где нет никакого приговора и сущность дела не может потерпеть никакого изменения, консул может сам собою делать таковые определения, не приглашая совещателей.

§ 70. Суждение о всяком тяжёбном деле должно происходить кратким образом и быть кончено как можно поспешнее по одним только бумагам, представленным от тяжущихся, и с выслушанием со стороны их возражения, если оное последует.

§ 71. Все бумаги, принадлежащие к суждению о каком-либо деле, остаются в консульских архивах; но тяжущиеся стороны могут просить о выдаче засвидетельствованных с них копий.

§ 72. Во всяком приговоре или решительном определении должно быть показано, какие документы и доказательства были приняты в уважение и на основании каких законов или обычаев оное состоялось.

§ 73. В случаях, где нужно выслушать свидетелей, консул обязан лично по установленной форме принять их показание и учинить им допрос вместе с консульским канцлером, который составит из того письменный акт, а также запишет выслушанные показания и отдаст их свидетелям для подписания.

§ 74. Тяжущиеся стороны могут по уважительным причинам или в случаях, определенных законами, просить о перемене одного или многих судей. Консул обязан заменить их другими, если таковое требование будет основательно, в противном же случае возвращает просьбу с надписью, объяснив причины, для чего по оной отказано.

§ 75. На всякий приговор или определение консула вместе с назначенными при нем заседателями можно брать апелляцию. Дело по апелляции поступает на рассмотрение цареградской миссии, при которой

для решительного окончания таковых дел составляется каждый раз временная комиссия по принятому в сей столице обыкновению.

§ 76. Кто не объявит неудовольствия на состоявшееся решение в продолжение 15 дней считая со дня объявления приговора, тот теряет всякое право на апелляцию. Для переноса дела в вышний суд назначается сроку шесть месяцев; по прошествии же сего времени никакая апелляция не принимается и состоявшийся в первом месте приговор возымеет в полной мере свое действие.

§ 77. Перенос дела в вышний суд не останавливает исполнения по приговору или решению нижнего суда; но сторона, взявшая дело на апелляцию, может внести в консульскую канцелярию до решения в вышнем суде ту сумму на сохранение, которую по приговору взыскать с нее следовало; да, сверх того, представить надежное поручительство в удовлетворение за протори и убытки, кои от переноса дела могут последовать.

О полиции³¹ в Левантских пристанях

§ 78. Никому из российских подданных не позволено в спорных делах искать суда у местных в Леванте начальников без особого на то позволения от консула, который в сем случае дает просителю своего драгомана для сопровождения.

§ 79. Всякому русскому подданному или корабельному служителю запрещается, когда они в Левантских пристанях выйдут на берег, иметь при себе какое-либо оружие, равномерно запрещается выходить в ночное время без фонаря на улицу.

§ 80. Генеральные консулы, консулы, вице-консулы и агенты обязаны прилагать все возможные старания, чтобы между русскими подданными и иностранцами в тех местах не происходило ссор, а сохранилось доброе согласие.

§ 82.³² Им предписывается не допускать, чтобы русские подданные заводили там трактиры, харчевни, кабаки и тому подобные сборные места, не позволять также, чтобы в их домах производились какие-либо азартные игры.

§ 83. Генеральным консулам, консулам, вице-консулам и агентам дается власть высылать из округов их ведомства каждого из русских подданных, который, не занимаясь никаким промыслом или честным средством для снискания себе пропитания, стал бы нарушать общий порядок бурным своим поведением и унижил бы через то народное достоинство. Отправляя таковых людей на российские суда и обявывая капитана корабля или шкипера подпискою, что он доставит их в Царьград и сдаст тамошней российской миссии, консулы должны каждый раз уведомлять министра Е[го] И[мператорского] В[еличест]ва о причинах, побудивших их приступить к сей мере, обозначая им высланного. По распоряжению министра таковые люди будут отправляемы в черноморские наши гавани.

§ 84. Каждому русскому капитану или шкиперу, стоящему с судном своим на якоре, строго подтверждается не производить никакой пальбы ни из пушек, ни из другого огнестрельного оружия, особливо же в ночное время, разве в таком только случае, когда бы корабль угрожаем был опасностью, и он принужден был подать сигнал о претерпеваемом им бедствии.

§ 85. Как скоро российское судно войдет в какую-либо гавань или станет на рейде, капитан корабля обязан, отобрав у матросов все, какое есть при них, оружие, хранить оное под своим ключом вместе с корабельным оружием до тех пор, как опять выйдет в море.

§ 86. Генеральные консулы, консулы, вице-консулы и агенты должны наблюдать, чтобы все в округах их ведомства находящиеся российские шкиперы и прочие корабельные служители в точности поступали по приложенному при сем в копии уложению для российских купеческих, корабельных служителей в Леванте, изданному 12-го декабря 1817 года министром Е[го] И[мператорского] В[еличест]ва при Оттоманской Порте.

О визитах и публичных церемониях

§ 87. Когда генеральным консулам, консулам и вице-консулам будет назначена аудиенция или когда они должны будут делать церемониальную визиту главнейшим чиновникам в месте их пребывания, то они должны быть сопровождаемы чиновниками консульства и теми из русских купцов и корабельных капитанов или шкиперов, коих пригласить с собою признают за нужное.

§ 88. При сих аудиенциях и публичных визитах они должны сами наблюдать, а также стараться, чтобы и в отношении к ним соблюден был тот церемониал, который существует и искони был в употреблении при подобных же аудиенциях и визитах для агентов того же звания и в тех же должностях других европейских держав, наиболее благоприятствуемых.

§ 89. Настоящее установление будет напечатано на российском, французском и итальянском языках. Оно будет разослано ко всем генеральным консулам, консулам, вице-консулам и агентам в Турецкой империи пребывающим, дабы они поступали по оному во всей точности.

На министра Е[го] В[еличест]ва при Оттоманской Порте возлагается обязанность, чтобы он наблюдал за непременным по сему исполнением.

Учинено в ...

1/13 апреля 1818 года

Бар[он] Строганов

Архив внешней политики Российской империи. Ф.1. Оп.5. Д.17. Л.85–107 об. Подготовка текста и публикация О.Е. Петруниной

ПРИЛОЖЕНИЕ К ДОНЕСЕНИЮ от 9/21 июля 1821 года № 51 ЗАПИСКА О СОСТОЯНИИ РОССИЙСКИХ КОНСУЛЬСТВ В ЛЕВАНТЕ В НАЧАЛЕ 1821 ГОДА

Общий взгляд на управление российскими консульствами в Турции создает тягостную убежденность в том, что взгляды правительства игнорируются в ряде существенных аспектов. Усилия Императорской Миссии оказались небезуспешными: она сумела устранить несколько закоренелых злоупотреблений и во многих случаях поддержать честь нашей службы. Жителей Леванта и даже турецкие власти удалось убедить (по крайней мере, до начала нынешних беспорядков³³), что Российский Двор хочет только того, что справедливо и освящено действующими нормами. Но корни зла не выкорчеваны, потому что они произрастают из оснований, которые трудно исправить без общей реорганизации. Основы наших учреждений должны быть продуманно и тщательно адаптированы к местным особенностям, прежде всего, путем создания соответствующих достижению этой цели инструментов.

Замечания, которые могут быть предложены последней проверкой консульств, касаются следующих предметов:

1. Характера и результатов покровительства, оказываемого Россией в Леванте.

2. Личных качеств и образа действий ее нынешних служащих.

3. Дополнений к действующим регламентам и установление стабильного и соответствующего служебным надобностям судебного порядка.

Развивая основные линии каждого из трех пунктов, нельзя забывать, что таково было положение дел до восстания греков. Потрясение, которое произойдет во всех сферах политики и администрации Османской империи в результате этого катастрофического предприятия, (если не принимать во внимание возможность вмешательства христианских держав)³⁴, с необходимостью должно будет придать иной характер мерам по улучшению, которые может принять российское правительство.

I.

Французы, чьи постановления, касающиеся левантийской торговли, по-прежнему являются самыми мудрыми и лучше всего соответствуют ее характеру, уделяют серьезное внимание выбору допущенных к ней лиц. Требуемое в Марселе³⁵ предварительное поручительство гарантировало честность в их публичных отношениях. Время, которое они могли провести за пределами своей родины, было весьма расчетливо ограничено: по истечении определенного срока прежние торговцы должны были вернуться

во Францию и уступить место новым, каким бы ни был успех их предприятий. Это целительное установление сохраняло и поддерживало привязанность к родной почве, составляющей основу всех гражданских чувств. Никто не мог жениться в Турции без письменного разрешения официальных властей и, тем более, на подданных Султана: еще одно препятствие бесконечному числу злоупотреблений и тягостных дискуссий в европейских Миссиях. Наконец, никто не мог владеть собственностью или домами во всем османском государстве; единственное исключение составляли склады. С того дня, когда этими правилами стали пренебрегать, начинается падение надлежащего порядка в руководстве французских консульств, лучшие сотрудники которых непрестанно жалуются и по сей день³⁶.

Несоблюдение этих принципов имело для нас массу досадных осложнений, о которых постоянно сообщалось императорскому двору в течение последних пяти лет. Некоторые возникавшие вследствие этого ситуации иногда разрешались министром Его Величества; но они будут множиться бесконечно, поскольку возникают по тем же причинам. Это правда, что исключительное отношение России к своим единоверцам и их угнетателям требует также иных принципов, нежели отношение других европейских великих держав. Благоразумные изменения, однако, кажутся способными согласовать эти великие интересы с правильным курсом, как можно меньше отклоняющимся от основных законов Империи и защищенным от каких-либо посягательств высшими мерами.

Прежде всего, кто те люди, которых в Турции считают русскими подданными? Что за флот пользуется покровительством нашего флага? Все это фальшивое, ничего национального. Ни в Константинополе, ни в каком-либо другом торговом городе³⁷ нет подлинно русских купцов. Из большого количества судов, которые ежедневно проходят через Босфор с нашими грузами после установления мира³⁸, вероятно, не найдется и десятка, которые были бы полностью русскими, или хотя бы чьи капитаны или две трети экипажа были русскими, в соответствии с требованиями правил³⁹. Распространение этого злоупотребления строго контролировалось в Константинополе, тогда все они немедленно отправились назад в порты Черного моря или в Бессарабию, и там без труда нашли способы уклонения от самых верных мер. В результате никакая полиция не может быть создана среди этой группы людей, не имеющих реальной связи с Россией. Человек меняет покровительство⁴⁰, которым пользуется, а корабль оставляет свой флаг так же легко, как они были получены, чтобы уклониться от своих обязательств или исполнения законов. Если виновному предъявляют иск или велят его новым начальникам наказать его — тот, чье покровительство он приобрел, обязан поддержать его; и российская власть оказывается втянута в объяснения, которые тем более неприятны, что зачастую она не может даже подтвердить свою прежнюю компетенцию. Коррупция

усиливает коррупцию, и турки привыкли презирать юрисдикцию, достоинство которой унижается такими соблазнами.

Некоторые из наших консулов позволили себе усугубить зло, предоставив под разными предлогами противозаконное покровительство тем, кто не имел на него права. Они получили указание строго соблюдать запреты, после этого неоднократно устанавливавшиеся Императорской миссией. Поскольку она запретила возможность выдачи паспортов иначе, чем на основании подлинных патентов⁴¹, выданных в пределах Империи, необходимо снабдить губернаторов и пограничные суды неизменными правилами, чтобы подданные иностранных держав впредь не могли получать паспортов. Было бы очень полезно допускать к натурализации только на основании предыдущей справки о добросовестном поведении, предоставленной консулом того места, где проживал заявитель, и заверенной в Константинополе. Другие формальности, необходимые для достижения этой цели, а также касающиеся покупки кораблей, тоже должны соблюдаться гораздо строже, чем в прошлом, если мы хотим положить конец порядку вещей, который привел к большинству наших неприятностей с Портой в период нынешнего кризиса.

Эти неприятности удвоятся под воздействием обстоятельств. Доверие, которым пользуются греки во многих частях Турции, будет подорвано; они останутся под игом рабства (если не случится иностранного вмешательства), которое увеличит в них желание избежать его путем получения противозаконного покровительства; само сострадание, которое они к себе возбуждают, будет работать их в пользу. Турки, со своей стороны, не замедлят пойти в наступление на законные права европейцев. Нашим служащим понадобится много энергии, осмотрительности и действенной поддержки в Константинополе, чтобы с честью занимать свои посты. Эти замечания в достаточной мере показывают потребность в изначально хорошо организованной и точно соблюдаемой системе, способной поддерживать должное уважение к Российской державе.

На территории Российской империи возможность заниматься внешней торговлей подчиняется определенным условиям; она предоставляется только одному классу торговцев, которые взамен платят большие государственные налоги. В Леванте, напротив, все занимаются ею в соответствии с утвердившимся обычаем; все — купцы, буржуа, отставные офицеры — считают себя свободными совершать такие операции, которые полагают выгодными; и с уверенностью требуют покровительства консулов и посланника. Некоторые из них на самом деле, и особенно в Константинополе, прикрываются именами купцов первого класса из Одессы, Феодосии и Таганрога; но многие другие пренебрегают этой лживой предосторожностью или даже прикрываются интересами австрийских или османских подданных. Лишенные капитала, они являются только агентами других,

прикрывающими своих принципалов⁴² патентами их поверенных, обеспечивая им таможенные права местных жителей. Это вечный источник разногласий между российскими служащими и местными властями, растрат и ссор, которые обременяют Миссию и подрывают доверие к нам. Он не иссякнет, если только правительство не захочет ввести в действие для Турции те же правила, которые существуют во внутренней части империи, с такими изменениями, которые будут необходимы для блага черноморской торговли, и довести до своих таможенных служащих все, что касается их обязанностей в этом важном отношении.

Упоминание о поверенных из числа райя⁴³ содержится в записке, составленной по запросу Императорского министерства в 1819 году и приложенной к депешам Е[го] П[ревосходительства] г-на барона Строганова. Купцы, злоупотребляющие этим слишком открыто, были бы возмущены, если бы им вообще запретили им пользоваться. По крайней мере, следовало бы заменить паспортами и фирманами, выдаваемыми этим поверенным, уведомления консулов торговых городов, в которые они заявляют о своем желании направиться, дабы помощь им оказывалась только в случаях, признанных касающимися их доверителей. Также следовало бы предоставить властям средства, совместимые с необходимой для торговли секретностью, для надзора за их операциями и заключения их в надлежащие рамки. Ныне этому надзору мешает большое препятствие: это крайний беспорядок в торговых книгах, который преобладает среди девяти десятых российских торговцев в Турции, несмотря на серьезные последствия, которые грозят им по закону в случае проверки. Недобросовестность и невежество препятствуют быстрому исправлению этой ситуации.

Всегда печально предлагать карательные меры, но было бы еще печальнее придерживаться временных решений и полумер, в то время как сущность зла вполне очевидна. Полный коммерческий кодекс, приложенный к подробному консульскому регламенту и, прежде всего, тщательная чистка патентов российских подданных — таковы радикальные средства, которые нужно использовать. Безнравственные принципы слишком распространены в Леванте среди европейцев без различия национальности, поэтому, восстанавливая порядок, мы можем обойтись без излишней строгости. Можно было бы напрасно льстить себе, что мы сможем добиться успеха без действительной помощи наших пограничных властей.

В вышеупомянутой записке рассказывается о политике Императорской миссии по регулированию документов о национальной принадлежности всех тех, кто претендует на российское покровительство. Небрежность нескольких консулов помешала ранее завершить предварительную работу, нынешние потрясения с необходимостью изменят ее природу. Если предположить, что прежние дружеские отношения с Портой вскоре будут восстановлены, то будет проще, чем раньше, привести в порядок документы

тех, кто вернулся в Россию, избавиться от множества бывших незаконных протезе и сообщить им о нашем желании сохранения условий, на которых им будет позволено вернуться в османские провинции. Если основы цитируемой записки и сопровождающего ее проекта регламента будут удостоены одобрения Императорского министерства, все эти лица будут зарегистрированы по форме в метриках и ни в коем случае не смогут вступить в брак за пределами Империи без разрешения российского посланника в Константинополе, и никогда с кем-то из райя, или владеть какой-либо иной собственностью в Турции, кроме складов и, в крайнем случае, домов. Этот запрет уже существует, но большое количество уклоняющихся от его исполнения всегда вынуждало Миссию ограничиваться невмешательством в споры собственников с местными властями по этим вопросам. Установление двухлетнего срока для полной продажи этой недвижимости, а в будущем шестимесячного срока для избавления от любого имущества, приобретенного российским подданным либо по секвестру, либо по наследству, существенно способствовали бы созданию организации, соответствующей взглядам Его Величества Императора.

Было бы сложнее использовать тот же метод в тех торговых городах, где многие из наших протезе бросали вызов авторитету консулов, открыто выступая на стороне повстанцев⁴⁴. Многие корабли под российским флагом нанесли слишком много вреда туркам, чтобы их можно было немедленно вернуть нашему флоту в случае торжества старого режима. Возникшая из-за этого путаница и критическое положение, в котором окажется Императорская миссия, должны привлечь особое внимание правительства, чтобы никак не оскорбить Порту и не допустить злоупотребления старыми паспортами, одновременно смягчая, по возможности, участь несчастных угнетенных.

II.

В условиях такого беспорядка и в стране, где мошенничество находит так много способов избежать самого бдительного ока, противостояние этому потоку было бы величайшей заслугой служащих. Обязанности консулов в Турции сильно отличаются от таковых в других странах. Призванные охранять торговлю своих соплеменников, они охраняют также их привилегии, их собственность и их самих. Они следят за соблюдением договоров и всегда оказывают влияние на все действия подсудных им лиц. В частности, российские подданные, не образуя могущественных корпораций, подобных английским, голландским и др. компаниям⁴⁵, которые бы эффективно защищали интересы своих членов и клиентов в самых дальних краях, чаще всего зависят от милости консулов. Однажды не поладив с последними, они сталкиваются со множеством придирок и реальными опасностями в то время, как консулы иногда способны свести на «нет» даже вмешательство самого

императорского министра, полагая на пути исполнения его приказаний препятствия, заимствованные из их взаимоотношений с коллегами или османскими начальниками. Поскольку хищения и злоупотребление служебным положением им доступнее, чем другим, они с необходимостью должны быть поставлены под более строгий контроль (как это было некоторое время назад) и нести большую ответственность.

Не говоря уже о злой воле или коррупции, их невежество вынуждает их поддаваться иностранному влиянию, которое быстро оставило им только имя должностных лиц. Не имея понятия о правах и обязанностях, принятых в местах их службы, зачастую даже не зная, как совершить простейшие действия, они обращаются к подчиненным или юристам, которые являются настоящим бичом в Леванте. Среди российских служащих имеются счастливые исключения с точки зрения строгости принципов и правильности намерений, но в числе проверенных консульств нет никого, полностью владеющего необходимыми компетенциями.

В Морее трое консулов выдающихся моральных качеств, последовательно сменявших друг друга⁴⁶, добились замечательного результата к чести русского имени. Это не так в других местах. Дух национальности и покровительства слишком часто ставил наших агентов в неверное и наносящее ущерб службе положение. Настоящие русские⁴⁷, не участвующие в этих маленьких интригах, этого, несомненно, избежали бы. Даже имея равный статус, они были бы более уважаемы греками и вызывали бы меньше подозрений у турок. Чуждые раздорам и вечной зависти, которые являются причиной несчастий первых, они бы меньше ранили гордость господствующей нации. Зная общие законы и обычаи государства, которому они служат, они могли бы лучше совместить с этой фундаментальной основой частности своего управления.

Если после успокоения Леванта не произойдет каких-либо существенных изменений, возможно, было бы полезно следовать методу, аналогичному тому, который практикуется в отношении претендентов на должности прокуроров в Правительствующем Сенате. Каким бы ни был опыт консульского работника в целом, когда он впервые прибывает в Турцию, то сразу же видит себя в чем-то совершенно новом для него. Он подвергается опасности совершить множество ошибок, прежде чем осознает, что именно имеет значение в стране, где обычаи сильнее законов и даже международных договоров. Поскольку Константинополь является центром наших отношений с владениями Османов, вновь прибывшие могли бы легко приобрести там недостающие практические навыки, несколько месяцев поработав в Коммерческой канцелярии. Таким образом, занимая свои места только после предварительной стажировки под надзором Императорской Миссии, они бы лучше познакомились с принципами ее работы и тоном ее отношений с османскими

должностными лицами. С другой стороны, их характер и возможности были бы лучше известны начальнику, который должен руководить ими и отвечать за их поведение. Наконец, это привело бы к упорядочению процесса составления различных документов и актов, а такое единообразие деталей столь необходимо здесь, чтобы уменьшить проявления мошенничества или невежества⁴⁸.

Такой порядок мог бы существовать до успешного создания учебного заведения для молодых сотрудников на Востоке. Если это невозможно распространить на вице-консулов *ad honores*⁴⁹, которые не могут быть все выбраны из числа наших подданных и подвергнуты такому испытанию, то эти меры предосторожности могут быть приняты и при назначениях на вакансии непосредственно в министерстве. Мне кажется, новый консульский устав⁵⁰ (§ 29) не должен был бы путать эти два класса агентов и их полномочия, особенно в отношении судебной власти. Некоторые из них являются настоящими чиновниками, лично известными правительству, или рассматриваются в качестве таковых и заслуживают доверия; тогда как другие могут рассматриваться только в качестве подчиненных агентов, которых часто нанимают, будучи не в состоянии найти других в месте их проживания. Они не получают никакой зарплаты: однако было бы хорошо назначить им годовую сумму на содержание клерка, который руководил бы их канцелярией. Поскольку почти все они не имеют состояния и собирают, в соответствии с тарифом 1817 года⁵¹, очень скромные пошлины, у них не было возможности воспользоваться услугами компетентного помощника, а возникший вследствие этого беспорядок ударил по интересам службы.

Впрочем, французы присваивают звание вице-консулов только должностным лицам, назначаемым и оплачиваемым Двором, а все остальные называются консульскими агентами, что лучше определяет разницу между ними. Турки не знают этого различия: всякий человек с лицензией и фирманом является консулом в их глазах. Возможно, только для того, чтобы избежать бюрократических препятствий со стороны Порты, мы придерживаемся противоположного порядка.

Текущее административное деление российских консульств в Турции (кроме Княжеств⁵² и черноморских консульств), может быть улучшено на основании наблюдений на местах. Небольшие посты на островах загружают Миссию множеством обращений по вопросам, которые могли бы лучше и быстрее быть решены на месте. В то же время, они подчиняются Генеральному консульству в Смирне, расположенному слишком далеко для регулярной переписки, в то время как Архипелаг имеет для России более важное значение, чем для других держав, благодаря прямой торговле с нашими портами и количеству судов под нашим флагом.

Если обстоятельства, а также характер этой записки позволяют нам изложить несколько идей по этому поводу, мы могли бы предложить новую структуру, включающую шесть основных отделов. Первый будет включать вице-консульства в Салониках (потому что консульство там оказалось совершенно бесполезным) и Дарданеллах, агентства в Эносе и Адрианополе; он будет напрямую подчиняться Миссии в Константинополе.

2. Юрисдикция Генерального Консульства Смирне будет ограничена вице-консульством на Хиосе и консульскими агентствами — или, если угодно, вице-консульствами *ad honores* — в Эшель-Нёв⁵³, Самосе и Митилене. Генеральный консул, а также его коллеги будут иметь право с разрешения министра Его Величества создавать простых комиссионеров без патента в тех местах, где они считают это необходимым.

3. Остальные острова Архипелага образуют отдельное консульство. Его резиденция будет находиться на Тиносе, расположенном почти в центре, но Императорская миссия сможет перенести его на любой другой остров.

4. Генеральное консульство в Морее будет иметь под своим началом агента трех южных крепостей⁵⁴ и комиссара в Коринфе.

5. Генеральный консул в Египте должен проживать в Каире, являющимся торговым и политическим центром. Под его начальством будут вице-консул в Александрии и еще один (или консульский агент) в Дамiette. Розетта⁵⁵ станет ненужным пунктом после непосредственной связи центрального Египта с Александрией по новому каналу⁵⁶.

Наконец, 6. — Консульство (или Генеральное консульство) Сирии и Палестины. Занимающий эту должность мог бы по необходимости переезжать из Алеппо в Сен-Жан-д'Акр и Яффу, имея своих представителей в каждом из этих мест. Следует отметить, что Алеппо имеет важное значение для транзита русских подданных мусульман, направляющихся по суше в Мекку. Вице-консул в Яффе будет по-прежнему назначаться Императорским Двором; отвечая исключительно за прием и сопровождение наших паломников, он будет докладывать обо всем сирийскому консулу. В юрисдикции последнего находился бы также остров Кипр.

Польза этих изменений очевидна, прежде всего, с точки зрения судопроизводства, она не будет обсуждаться далее. Вызванное ими увеличение жалованья будет незначительным; почетным сотрудникам может быть оказано небольшое вспомоществование из доходов константинопольской канцелярии.

Ограничение числа консульских агентов положило бы также конец злоупотреблениям покровительством, часто практикуемым под этим предлогом в нынешней системе. Для мест, где консульских агентов не будет, мы могли бы, по примеру других стран, предоставить 2%-ую пошлину за спасение⁵⁷ и т.д. в пользу ближайшего консула, который будет вынужден приехать туда, чтобы отстаивать права заинтересованных сторон.

III.

Новый устав, только что частично вступивший в действие в консульствах, где проводилась проверка, содержит очень мудрые принципы, строгое соблюдение которых должно в значительной степени способствовать восстановлению порядка. Тем не менее, необходимо пересмотреть и дополнить некоторые его части, например, о проживании русских подданных в Леванте, полиции наших кораблей в османских портах, а также судебную часть.

Небольшие изменения устранят препятствия и неясности, которые могут возникнуть от разрешения консулам вершить правосудие в соответствии с обычаями Леванта (статьи 7, 72) — выражение слишком расплывчатое применительно к неопределенному предмету само по себе и иногда вступающее в противоречие с лучшими законами;

от преимуществ, даваемых драгоманам перед канцелярскими служащими (статья 37), тогда как предназначение последних — замещать вице-консулов, и они часто в состоянии предпринять их действия перед местными властями;

от освобождения зависящих от Императорской миссии вице-консулов (статья 29), от обязательств, налагаемых §§ 16 и 17, в то время как последний, по существу, содержит запрет на взимание консульской пошлины, столь обременительной для торговли;

от множества книг и реестров, предписанных для всех без исключения консулов в соответствии со статьей 41, их число должно быть ограничено тремя или четырьмя для вице-консулов *ad honores* или консульских агентов;

от неполноты статьи 50, которая запрещает оказывать покровительство подданным Султана, исключая тех, кто будет изъят нашими сотрудниками из других юрисдикций;

от противоречия статьи 61, допускающей акты покупки судов во всех консульских канцеляриях, изданным позже правилам августа 1819 года, оставляющим их только за генеральными консулами и т.д.

Наконец, юрисдикция российских судов в Леванте и порядок их работы заслуживают самого серьезного внимания правительства. Характер данной записки не предполагает подробного плана, здесь достаточно будет изложить наблюдения, которые могли бы служить дополнением к тем, которые константинопольская Миссия ранее представила в Императорское министерство.

Суды первой инстанции в торговых городах — это консульские суды. Но они практически везде формируются по-разному, что вызывает редкостную путаницу. В Константинополе судебные процессы ведутся комиссиями, назначаемыми министром Его Величества, после утверждения которого приговоры вступают в законную силу. Неизбежные недостатки этого порядка были достаточно подробно изложены в том же отчете Миссии.

В Смирне суд вершит сам Консул, которому помогают два или четыре заседателя, выбор которых в сложных случаях вызывает массу препирательств и неприятностей. В Египте консул сам вершит суд, без заседателей. Вице-консулы *ad honores* также назначают комиссии и выносят приговоры, хотя по большей части они не имеют никаких понятий о юриспруденции и не имеют рядом никого, кто мог бы достойно выполнять функции судьи. Вытекающие отсюда нарушения, яркие примеры которых обнаружила последняя проверка, вкупе с конфликтом юрисдикций излишне перегружают Императорскую Миссию, которая сама не имеет соответствующего суда для решения этих проблем.

Этому много способствует неопределенность законов, регулирующих судопроизводство. Все, что было сказано выше о характере российских подданных и служащих в Турции, доказывает, что и те, и другие не в состоянии знать национальное законодательство, которое, кроме того, с точки зрения торговли и навигации состоит из разрозненных правил и не образует единого свода. Ничто не переведено на французский или итальянский — два употребительных в Леванте языка; хотя для обеспечения общей безопасности сделок необходимо, чтобы порядок, согласно которому будут разбираться споры, был заранее известен всем договаривающимся сторонам. Эта веская причина обусловила в 1818 году предложение временно принять до публикации российского морского кодекса ныне действующие французские законы. Несомненно, грустно пользоваться иностранными законами, механически перенесенными на потребности другого народа. Но это неудобство, каким бы тяжелым оно на самом деле ни было, могло бы быть компенсировано созданием базы, пусть даже временной, которая, по крайней мере, предотвратила бы постоянную путаницу между различными максимами, взятыми из французских, австрийских или голландских кодексов, и заявленными тяжущимися сторонами в соответствии со своими интересами.

Принятие твердого кодекса, исключающего местные обычаи, то есть всякое малоизвестное и шаткое основание, также сняло бы большое неудовольствие обращения в Правительствующий Сенат, который уже уполномочен пользоваться иностранными законами в делах, касающихся немецких и польских губерний.

Что касается судопроизводства, то оно должно основываться на превосходном эдикте Людовика XVI от июня 1778 года⁵⁸. Необходимо вернуть консульские суды к их первоначальному духу, к общей справедливости, вынесению решений на основе представления документов и заслушивания сторон. Таким образом, мы прекратили бы эту безмерную череду докладных записок и ответов на них, которые делают процедуру бесконечной, затемняют закон и увековечивают ненависть. Новый устав уже содержит постановление об образовании этих судов, и было бы очень желательно, чтобы представители купечества присутствовали в них в качестве постоянных

заседателей. Их хорошо организованное объединение умирало бы доминирующее влияние консулов и гарантировало бы более беспристрастное правосудие. Но мы видели, что на данный момент у нас нет для этого оснований. К такому выбору можно приступить только в тех торговых городах, где есть по меньшей мере шесть торговцев, имеющих солидные предприятия и хорошую репутацию; но даже в Смирне среди русских подданных не найдется и половины таковых.

Предоставляя любому Генеральному консулу, консулу или вице-консулу, назначенному Императорским судом, право судить любое гражданское дело (с простым расследованием) в первой инстанции, нельзя допустить участия в этом вице-консулов, назначенных миссией, поскольку они всего лишь консульские агенты. Их полномочия должны быть тщательно очерчены в уставе. Чтобы облегчить ход мелких дел, мы могли бы предоставить им, самое большее, разбирать дела, не превышающие сумму в 500 турецких пиастров.

Пока еще не принято решение о том, будет ли суд второй инстанции для всего Леванта располагаться в Константинополе или Одессе⁵⁹. Тем не менее, очевидно, что нынешняя организация судов по коммерческим делам в последнем городе не соответствует предложенной цели. Даже если провести все необходимые преобразования, все равно останется огромное неудобство, заключающееся в их большом удалении от мест подачи апелляции и медлительности, которая привела бы к пересмотру тяжбы. Поэтому самым подходящим местом для рассматриваемого суда представляется Константинополь, но этот суд должен быть организован иначе, чем существующие комиссии.

Функции министра Его Величества не совместимы с функциями судьи. Таким образом, он только делегирует полномочия временным членам комиссии либо для принятия решений по поступившим к нему апелляциям, либо по константинопольским делам в первой и второй инстанциях одновременно. Так, например, приговоры, вынесенные штатным чиновником, таким как Генеральный консул, направляются на рассмотрение нескольких купцов; правда, их решение должно быть утверждено министром, что в конечном счете опять придает последнему характер судьи. Привлечение к судебной ответственности консула и любой мало-мальски важный юридический вопрос сегодня может быть рассмотрен только чисто совещательным комитетом, созданным при Императорской миссии, но этот процесс является внесудебным и служит только для подготовки решений посланника.

Юрисдикция будет распределяться более подходящим образом, если апелляции будут подаваться в суд, состоящий из председателя и советника, назначаемых правительством, к которым каждый год будет добавляться заседатель из числа константинопольских купцов. Их судебные полномочия

должны оставаться независимыми от министра, за которым сохранится право вносить предложения членам суда. Исполнение приговоров будет возложено на канцелярского служителя Миссии, который должен быть более низкого ранга, нежели сотрудник, ныне занимающий это место, чтобы соответствовать рангу канцлеров других дипломатических миссий.

Во избежание значительных дополнительных расходов, один из советников посольства может быть назначен на пост председателя. Более того, он мог бы освободить своего начальника от излишней работы, позаботившись о части консульств. Все они должны были бы состоять с ним в переписке, получать его инструкции и указания под надзором министра.

Второй член суда должен быть опытным юристом. Один из секретарей Миссии будет также секретарем суда, помогающим председателю в его повседневной работе.

При желании отделить апелляционных судей от судей 1-й инстанции для константинопольского округа в виду трудностей с присутствием там консула, было бы легко реализовать статью 38 французского эдикта 1778 года, которая устанавливает для этой же цели комиссию из трех наиболее уважаемых сограждан, назначенную послом и освобожденную от принятия присяги. Его решения, как и решения Консульств, будут обжалованы в суде Миссии, который, в свою очередь, будет подсуден Правительствующему Сенату или Государственному Совету в соответствии с правилами и ограничениями, которые мы сочтем целесообразным принять. Однако прошлый опыт дает уверенность в том, что случаи обращения к высшей власти возникают очень редко.

В заключение этой записки важно отметить, что французские законы составляют комиссии только из наиболее уважаемых сограждан, не принимая во внимание смешанных случаев. Таким образом, был ликвидирован обширный источник споров и раздражения, примеров которых мы сегодня наблюдаем слишком много, особенно в консульствах. Среди нынешнего беспорядка в распределении юрисдикций было предложено несколько способов ведения процессов, в которых участвуют подданные разных держав: среди прочего, это создание смешанных судов, состоящих из канцлеров с каждой стороны и заседающих при министре, которому подчиняется ответчик. Этот проект, который, помимо борьбы против прочих пороков, был направлен на замену штатными судьями нотариусов и судебных секретарей из числа их сограждан, был оспорен Императорской миссией. Он начался с принципа, хорошо приложимого к рассматриваемому объекту (истец обращается в суд ответчика), но не получил соответствующего продолжения. Разве не было бы более решительным и более полезным заявить, что Россия оставляет за собой исключительное право суда по делам, в которых ее подданные будут ответчиками, и отказывается от него всякий раз, когда они выступают в качестве истцов перед законами и местными судами своих

противников? В последнем случае министр и консулы Его Величества действительно будут действовать только как адвокаты и естественные покровители своих соотечественников. Согласно этому принципу, внедренному как в Константинополе, так и в торговых городах, который может постепенно стать общим, иностранцы смогут войти в состав комиссии или в число заседателей только тогда, когда отсутствие подходящих граждан вынудит нас к ним обратиться.

Тем не менее, тяжбы с османскими подданными должны стать исключением из этого правила, поскольку нынешнее положение никак нельзя изменить, несмотря на вытекающие из этого неудобства. Это, во всяком случае, лучше, чем судопроизводство в Арз-Одасы⁶⁰ или в мехкеме⁶¹, как это предписывает Торговый договор⁶². Нынешние смешанные комиссии, назначаемые по согласованию с Драгоманом Порты или главным таможенным чиновником, являются важным преимуществом, которое нам обеспечивается давней традицией, ценность которого хорошо понимает всякий человек, знающий Левант: несправедливость и предрассудки мусульманского законодательства по отношению к христианам, наконец, одиозное использование лжесвидетелей, столь распространенное среди турок.

(Подписано) Д. Дашков.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1630. Оп. 1. Д. 135. Л. 10–21. Перевод с французского, подготовка текста и публикация О.Е. Петруниной.

- ¹ Жизнь и имущество консулов подвергались опасности в случае конфликтов или начала войны, несмотря на существующие договоренности. К примеру, с началом войны в 1787 г. многие российские консулы вынуждены были прятаться и спасаться бегством, а их дома были разгромлены. См., напр.: Донесения консула в Морее Х. Комнино от 1 сентября и 13 октября 1787 г. АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8/2. Д. 1366. Л. 33–35 об.; Донесение консула на Кипре Ацали от 30 октября 1787 г. АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8/2. Д. 1138. Л. 19–20.
- ² Указ о восстановлении консульских мест в Турецких областях // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ). Т. XXXII. 1812–1815. СПб., 1830. № 25.222. С. 421.
- ³ Сафронова Е.В. Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII — начале XX в. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 136.
- ⁴ ПСЗ. Т. XXXVII. 1820–1821. СПб., 1830. № 28.444. С. 467–479.
- ⁵ РГИА. Ф. 1630. Оп. 1. Д. 135. Л. 15.
- ⁶ О правилах производства тяжб российских подданных с подданными различных держав, торгующих в Турецкой империи // ПСЗ. Т. XXXIX. 1824. СПб., 1830. № 29.995. С. 450–452.
- ⁷ Свод учреждений и уставов торговых // Свод законов Российской Империи. Т. 11. Ч. 2. СПб., 1857.

- ⁸ Краткую биографию Д.В. Дашкова см.: Русский биографический словарь А.А. Половцова. Т. 6. СПб., 1905. С. 138–142.
- ⁹ РГИА. Ф. 1630. Оп. 1. Д. 26, 27, 28, 30, 37, 38, 39 и др.
- ¹⁰ Копия циркуляра посланника в Константинополе Г.А. Строганова от 2 октября 1819 г. РГИА. Ф. 1630. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.
- ¹¹ Докладные записки генерального консула в Смирне С. Дестуниса Д.В. Дашкову о реорганизации работы консульства согласно указаниям Д.В. Дашкова; отношения консула в Салониках Рубо де Понтеве Д.В. Дашкову о делах консульства; предписание Д.В. Дашкова вице-консулу в Сен-Жан-д'Акр А. Катафаго и вице-консулу в Яффе Г. Мострасу о новых служебных назначениях, реорганизации работы консульств. РГИА. Ф. 1630. Оп. 1. Д. 61, 66, 69 и др. документы 1820 г.
- ¹² Якушев М.М. Из истории русского паломничества. Консульство в Яффе и русские паломники в 1820–1838 годах // Свободная мысль. 2011. № 1 (1620). С. 173–184.
- ¹³ Как позже выяснили исследователи, пионерами в развитии торговых отношений с Византией, а также мусульманским Ближним Востоком еще в доосманский период были итальянские торговые республики: Пиза, Амальфи, Генуя, Венеция, Флоренция. Именно их договоры с мусульманскими правителями и развивавшийся в интересах торговли институт консулов заложили основы будущих капитуляций, полученных европейскими государствами от Высокой Порты, и законодательства о консульской службе. См.: Мартенс Ф.Ф. О консулах и консульской юрисдикции на Востоке. СПб., 1873. С. 101 и сл.
- ¹⁴ Шеремет В.И. Русско-турецкая торговля и балканские земли (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы (Балканские исследования. Вып. 9). М.: Наука, 1984. С. 76.
- ¹⁵ Дашков Д.В. Афонская гора. Отрывок из путешествия по Греции в 1820 г. // Северные цветы на 1825 год. С. 119–161; Он же. Известие о греческих и латинских рукописях в серальской библиотеке // Северные цветы на 1825 год. С. 162–165; Он же. Русские поклонники в Иерусалиме (Отрывок из путешествия по Греции и Палестине) // Северные цветы на 1826 год. С. 214–283; Он же. Ещё несколько слов о серальской библиотеке // Северные цветы на 1826 год. С. 283–296.
- ¹⁶ Имеются в виду Кючук-Кайнарджийский (1774) и Бухарестский (1812) мирные договоры, а также российско-турецкий торговый договор 1783 г.
- ¹⁷ Речь идет о посланнике в Константинополе, который тогда назывался чрезвычайным посланником и полномочным министром.
- ¹⁸ Средневековые итальянские, а позже и французские, купцы для защиты своих торговых интересов в Османской империи образовывали общие поселения-фактории в разрешенных им для торговли османскими властями городах. В этих факториях постепенно сформировался институт консула. Такие фактории получили особое название *échelles* — «торговые города» (См. прим. 37 к «Записке» Д.В. Дашкова). Однако Россия начала строить свои торговые отношения с османами в другую эпоху, поэтому в Османской империи не сложилось ни русских факторий, ни специального термина для их обозначения в русском языке. Отсюда терминологическая неопределенность

- в проекте Г.А. Строганова, называющего *échelles* городами, портами, местами, пристанями, гаванями.
- ¹⁹ Таможенный тариф по Азиатской торговле опубл. в: Общее дополнение к тарифам (1753–1825). К № 26.894. 30 мая 1817 года // Полное собрание законов Российской Империи. Т. XLV. Книга тарифов. СПб., 1830. С. 63–67.
- ²⁰ Пасавант — от франц. *passavant* «пропуск, таможенное пропускное свидетельство».
- ²¹ Так в документе.
- ²² Книга объявлений (*итал.*)
- ²³ Книга реестра (*итал.*)
- ²⁴ Книга санитарных свидетельств (*итал.*)
- ²⁵ Так в документе.
- ²⁶ Прибытие и убытие судов с грузом и без (*итал.*)
- ²⁷ Книга сданного на хранение (*итал.*)
- ²⁸ При основанном усилиями И.И. Бецкого Воспитательном доме в Санкт-Петербурге (1770) существовала сохранная казна — финансовое учреждение, доходы от деятельности которого должны были идти на содержание воспитанников.
- ²⁹ Маетность — имение, поместье.
- ³⁰ Раи — от *тур.* «райя», букв. «паства», низшее податное сословие в Османской империи, включавшее православных христиан.
- ³¹ Слово «полиция» в то время означало «общественный порядок».
- ³² Сбой нумерации в документе.
- ³³ Речь идет о начале греческой национально-освободительной революции в феврале — марте 1821 г.
- ³⁴ Прогноз Д.В. Дашкова с точностью оправдался: Высокая Порта сумела, хотя и не сразу, почти полностью разбить греческих повстанцев, когда в Наваринской битве (1827) русско-англо-французская эскадра уничтожила значительную часть турецко-египетского флота, чем кардинально изменила расстановку сил и перспективы национально-освободительной войны греков.
- ³⁵ Координатором французской левантийской торговли выступала созданная в 1599 г. Марсельская торговая (ныне торгово-промышленная) палата.
- ³⁶ После нескольких столетий успешного развития французская торговля на Ближнем Востоке была разрушена в период Французской революции и при Наполеоне: помимо неудачных административных преобразований, тяжелый удар торговле нанесла французская внешняя политика.
- ³⁷ Развивая торговые отношения с Османской империей на основе режима капитуляций (особых льгот), французские купцы, начиная с XVI в. основывали в некоторых османских, прежде всего, портовых городах свои торговые конторы, ставшие впоследствии ядром факторий. Такие торговые города во французской практике назывались *échelles* (окситанск. *escale* — «лестница, причальный дебаркадер») (*Bouillet M.-N., Chassang A. Dictionnaire universel d'histoire et de géographie. Paris, 1878. P. 579*). Французское законодательство делило торговые города Османской империи на две категории: левантийские и варварийские. Первая включала города Восточного Средиземноморья

от Малой Азии до Египта: Константинополь, Смирну, Алеппо, Дамаск, Каир и др. Иногда фактория могла охватывать целый регион, например, острова Крит и Кипр, а также Пелопоннес. К варварийским торговым городам относились города и фактории Магриба (Северной Африки к западу от Египта). Положение европейцев в Леванте регулировалось предоставленными султаном конкретным странам капитуляциями, в Магрибе — договорами, заключенными с местными правителями. В русском языке не сложилось точного перевода этого термина.

³⁸ Имеется в виду Бухарестский мир, завершивший Русско-турецкую войну 1806–1818 гг.

³⁹ Большинство капитанов были греками, ходившими под российским флагом.

⁴⁰ В Османской империи капитуляции распространялись не только на иностранцев, но и на подданных султана, нанятых на иностранную службу. Последним также оказывалось покровительство (на современном языке — консульская защита).

⁴¹ Зд.: разрешений на торговлю.

⁴² Принципал — сторона в агентском договоре, дающая поручение агенту.

⁴³ Райя — см. прим. 30.

⁴⁴ Речь идет об участниках греческой национально-освободительной революции 1821 г.

⁴⁵ Имеются в виду колониальные компании: Ост-Индские компании различных стран, британская Левантийская компания.

⁴⁶ Первым российским генеральным консулом в Морее (Пелопоннесе) стал назначенный в 1784 г. этнический грек Х. Комнено. С началом русско-турецкой войны 1787–1791 гг. ему пришлось спешно покинуть свой пост. В 1800 г. деятельность консульства была возобновлена, его возглавил также грек М.Я. Минчаки. По окончании русско-турецкой войны 1806–1812 гг. он вернулся на этот пост. В 1816 г. Минчаки был назначен управлять коммерческой канцелярией посольства в Константинополе, а генеральное консульство в Морее возглавил еще один грек И.Н. Власопулос, остававшийся на этом посту вплоть до разрыва российско-османских отношений в 1821 г. Резиденция генерального консула находилась в г. Патры.

⁴⁷ Большинство российских консульских служащих в Османской империи в то время составляли греки и левантийцы, преимущественно итальянского происхождения. Об их характере, а также о трудностях, с которыми сталкивались молодые европейцы на Востоке см.: Гамазов М.А. Драгоман. Из записок старого дипломата // Русский архив. 1886. Т. 9. С. 203–220.

⁴⁸ В России тогда не существовало системы подготовки дипломатических кадров для работы на Востоке. Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД открылось только в 1823 г. Однако оно не давало практических знаний, о которых пишет Дашков. Между тем, во Франции такая система была создана в XVIII в. Она носила практическую направленность: кандидаты в вице-консулы и должны были не только изучать языки, но и выполнять практическую работу непосредственно в консульствах. Кандидаты в драгоманов учились сначала во Франции, затем в Леванте (*Ordonnance du Roi, concernant les consulats, la résidence, le commerce et la navigation des sujets du Roi dans les échelles du Levant et de Barbarie; du 3 mars, 1781. Art. 36–54, 103 // Borel F. De l'origine et des fonctions des consuls. S.-Petersbourg, 1807. P. 251–254, 265.*)

⁴⁹ Почетных (*лат.*)

⁵⁰ Здесь и далее Д.В. Дашков ссылается на статьи «Проекта» Г.А. Строганова.

⁵¹ См. прим. 19.

⁵² Молдавии и Валахии.

⁵³ Эшель-Нёв (*фр.*), Скала-Нуова (*ит.*), Неаполь Эфесский (*древнегреч.*), Кушадасы (*тур.*). В начале XIX в. это был «торговый город, расположенный на побережье Малой Азии напротив Самоса, неподалеку от развалин Эфеса и Магнезии. От Эшель-Нёва до Смирны по суше будет около пятнадцати лье и около сорока по морю. Крепость, где проживает ага с гарнизоном и всеми мусульманами, построена у подножия крутой скалы, на которой расположены греческий и армянский кварталы. Все население города не превышает двенадцати тысяч душ. Порт или, скорее, гавань, небезопасна в период сильных северных ветров, но защищена от всех прочих. К западу от входа в гавань видна старая крепость, построенная на кишашем морскими птицами островке; без сомнения, именно их непрерывному движению этот порт обязан своим турецким названием (Птичий остров. — О.П.) С некоторых пор Эшель-Нёв стал важным пунктом транзитной торговли Анатолии. Там скапливается много хлеба, риса и ячменя, которые караваны непрерывно подвозят изнутри, зачастую с расстояния более, чем в сорок дней пути. Туда стекается также большой поток фруктов, сушеных овощей, икры и разных съестных припасов, большая часть которых скупается англичанами и вывозится на Мальту и другие их владения в Средиземноморье. В случае затяжной морской войны этот порт имел бы для них огромное значение, и Франция была бы очень заинтересована в том, чтобы просветить мусульман относительно масштабов контрабанды, которой занимаются их собственные аги совместно с нашими соперниками. Уверяют, что весь хлеб и прочие продукты, которые вывозятся из страны через острова Архипелага и порты Султана, вероятно, использовались и используются исключительно для того, чтобы накормить находящихся под властью Англии.» (*Tancoigne J.M. Voyage à Smyrne, dans l'archipel et l'île de Candie, en 1811, 1812, 1813 et 1814; suivi d'une notice sur Péra et d'une description de la marche du Sultan. Vol. 1. Paris, 1817. P. 59–61*)

⁵⁴ По-видимому, имеются в виду расположенные на юго-западном побережье Пелопоннеса Метони (*ит.* Модон), Корони (*ит.* Корон) и Пилос (Наварин). Оборона Наваринской бухты включала две крепости — старую (Палиокастро) и новую (Неокастро). В момент составления «Записки» две первые охранялись османскими гарнизонами, Палиокастро находилась в руках греческих повстанцев, осадивших также Неокастро.

⁵⁵ Розетта (*араб.* Рашид) и Дамьетта (*араб.* Думьят) — портовые города на рукавах Нила, традиционные центры средиземноморской торговли Египта.

⁵⁶ Канал Махмудие, соединяющий Александрию с Нилом, был построен полунезависимым правителем Египта Мухаммедом-Али в 1807–1820 гг. Прогноз Дашкова с точностью оправдался: после прорытия канала торговое значение Розетты упало и началось возрождение Александрии. Предложенное Дашковым распределение консульских властей в Египте по степени их важности предугадало будущее политическое и экономическое значение египетских городов: вплоть до открытия Суэцкого канала (1875)

- первенствующее значение сохранит Каир, на второе место выдвинется Александрия, затем последует Дамиетта.
- 57 Речь идет о борьбе против т.н. берегового права — традиционного права жителей побережья присваивать себе потерпевшие крушение суда и их грузы. Береговое право запрещалось капитуляциями и другими договорами, но на практике продолжало существовать, почему и требовалось вмешательство консульских властей.
- 58 Текст эдикта см.: *Jourdan A.-J.-L., Decrusy, Isambert F.-A. Recueil général des anciennes lois françaises. Depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789. Du 10 Mai 1777 au 31 Décembre 1778. Paris, 1826. № 903. P. 333–348; Анализ эдикта и его применения см.: Féraud-Giraud L.-G.-D. De la juridiction française dans les échelles du Levant et de Barbarie. Paris, 1859. P. 217–279.*
- 59 Одесса была одним из главных центров российской черноморской торговли, в связи с этим в 1808 г. в ней был учрежден коммерческий суд. Другие коммерческие суды были основаны также в Таганроге (1809) и Феодосии (1819).
- 60 Арз Одасы (тур. Arz Odası) — приемная, зал аудиенций во дворце Топкапы в Константинополе. Здесь султан принимал иностранных послов, а также занимался государственными делами.
- 61 Мехкеме — мусульманский (кадийский) суд. О месте кадийских судов в жизни христиан Османской империи см.: Леонтьева А. А. Кадийские суды на османских Балканах и местные христиане в XVIII в. (на примере г. Софии) // *Ислам в современном мире*, 2019. № 4. С. 137–152.
- 62 Торговый договор между Россией и Османской империей был заключен в 1783 г. В соответствии с ним, споры по коммерческим делам между российскими купцами и местными жителями должны были разрешаться кади в присутствии российских драгоманов (ст. 63), споры о крупных суммах рассматривал Диван, т.е. правительство (ст. 64). Удостоверение сделок также возлагалось на кади (ст.9).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Б.П. МАНСУРОВА ПО ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОГО ПРИСУТСТВИЯ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ (1850–1880-Е ГГ.)*

А.Н. Алленов, Р.М. Житин

Одной из актуальных задач изучения проблемы русского присутствия на Святой Земле в 1850–1880-е гг. является ввод в научный и общественный оборот новых источников и материалов, раскрывающих вклад церковных и светских деятелей в культурную и политическую деятельность России на Ближнем Востоке, вопросы строительства русских подворий, приобретения земель, организации миссионерства и паломничества.

Работы последнего времени позволили значительно продвинуться в области изучения ряда важных вопросов созидания «Русской Палестины», выявлении и анализе новых документов по данной теме. При этом в числе приоритетных тем — начальный этап организации гуманитарного присутствия России в Святой Земле, роль Великого Князя Константина Николаевича в организации и продвижения Иерусалимского проекта.¹ Прделанная работа позволила издать неизвестные ранее многочисленные архивные источники и перейти к более детальному изучению российской внешней политики и дипломатической деятельности на Ближнем Востоке.²

В исследовательском проекте, который был поддержан в ходе совместного конкурса Российского фонда фундаментальных исследований и Императорского православного Палестинского Общества в 2019 г., изучение начального этапа деятельности России в Библейском регионе продолжается на основе документов семьи Мансуровых. Целью исследования является всестороннее текстологическое, археографическое, источниковедческое изучение проблемы становления и развития системы русского гуманитарного и дипломатического присутствия в Палестине, обусловившей создание

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-41034.

комплекса русских построек в пригороде Иерусалима, организацию отдельного иерусалимского консульства, личное участие и роль Б.П. Мансурова в культурной и политической деятельности России в Святой Земле (1850–1880-е гг. XIX в.)

Объектом исследования стали неописанные ранее документы из личного фонда семьи Мансуровых (фонд № 972 Государственного архива Тамбовской области). Как активный участник создания «Русской Палестины», управляющий делами Палестинского комитета, Палестинской комиссии Б.П. Мансуров имел доступ к документам, отражающим характер деятельности России в Ближневосточном регионе. Важнейшие сведения о Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, принадлежащих ей землях, нормах администрирования, организации паломничества отложились в личных архивах Б.П. Мансурова. После революции часть этого документального наследия была утрачена, часть перешла в фонды советских учреждений. На сегодня личные документы Б.П. Мансурова рассредоточены по центральным (фонд № 990 Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ); фонд № 560 Общая канцелярия министра финансов, фонд № 733 Департамент народного просвещения, фонд № 1162 Государственной канцелярии Государственного Совета (РГИА)) и региональным архивам (фонд № 972 Государственного архива Тамбовской области (ГАТО), 628 ед. хр.) Причем, «тамбовские» материалы практически не введены в научный оборот. Это не только затрудняет изучение деятельности Б.П. Мансурова, но и сужает общую репрезентативность источниковедческой базы для разработки вопросов русского присутствия в Палестине.

Комплексная работа с ранее не известными источниками из личного фонда семьи Мансуровых определяют новизну проекта. Впервые на основе фонда была реконструирована эволюция менталитета, политических взглядов и социальных связей Б.П. Мансурова, влияние модернизационных процессов на внешнеполитическую и культурную деятельность России в Святой Земле. Фонд Мансурова включает 625 дел, часть из которых ещё при жизни Бориса Павловича была переплетена в типографии, что обеспечило их прекрасную сохранность.

Дела систематизированы по следующим основным тематическим группам:

1. Биографические материалы (1854–1884); 3 ед. хр.
2. Материалы служебной и общественной деятельности; 216 ед. хр.
 - 2.1. Служебная деятельность (1851–1906; 1 б/д); 117 ед. хр.
 - 2.2. Общественная деятельность (1849–1895; 1 б/д); 99 ед. хр.
3. Творческие материалы; 36 ед. хр.
 - 3.1. Рукописи с авторской правкой и дополнениями (1852–1887); 18 ед. хр.
 - 3.2. Оттиски статей и авторские экземпляры брошюр (1884–1896); 7 ед. хр.
 - 3.3. Критические статьи, рецензии, переводы (1853–1887); 11 ед. хр.
4. Материалы, собранные фондообразователем для его работы; 59 ед. хр.

- 4.1. Рукописи и оттиски работ других авторов (1847–1897; 2 б/д); 20 ед. хр.
- 4.2. Печатные материалы (брошюры, вырезки из газет и журналов) (1858–1906; 1 б/д); 39 ед. хр.
5. Материалы о Б.П. Мансурове (1875–1886); 4 ед. хр.
6. Имущественно-хозяйственные материалы (1869–1896); 2 ед. хр.
7. Переписка; 305 ед. хр.
 - 7.1. Копии писем Б.П. Мансурова (1857–1908; 6 б/д); 54 ед. хр.
 - 7.2. Письма, телеграммы, заметки и визитные карточки, полученные Б.П. Мансуровым на русском языке (1858–1910; 4 б/д); 105 ед. хр.
 - 7.3. Письма, телеграммы, заметки и визитные карточки, полученные Б.П. Мансуровым на иностранных языках [в основном — на французском, реже — на немецком] (1857–1916; 20 б/д); 136 ед. хр.
 - 7.4. Письма и записки, полученные членами семьи Б.П. Мансурова (1901–1909; 4 б/д); 10 ед. хр.

Материалы биографического характера сохранились в небольшом количестве, среди них — дело о службе Б.П. Мансурова в Морском министерстве за 1854–1862 гг., в котором имеются сведения о его продвижении по службе, наградах (Д. 1). Значительную часть фонда составляют материалы служебной и общественной деятельности Б.П. Мансурова. Это черновики и копии докладов, отчётов, служебных записок, донесений и проектов. Особый интерес представляют документы о развитии торгового и пассажирского пароходного сообщения от Константинополя до Яффы.

Широко представлена в фонде деятельность Б.П. Мансурова как сенатора с 1865 г. и члена Государственного совета с 1872 г.: участие в разработке нового Устава о дворянских собраниях и выборах (1865), в обсуждении финансовых вопросов, в том числе Монетного устава, упорядочения денежного обращения (1869, 1879, 1886–1906 гг.), в разрешении еврейского вопроса на юго-западе Российской Империи (Д. 23–27).

Однако главным предметом интереса Мансурова была Палестина. Результатом его поездок в Иерусалим стали книги и статьи «Базилика императора Константина в святом граде Иерусалиме» (М., 1885), «Храм св. Гроба Господня в его древнем виде» (Рига, 1887) и др. Статьи Мансурова печатались в «Церковном вестнике», газете «Русь», журнале «Русский архив» и других. В архивном фонде сохранились копии отчётов, докладных записок, писем Б.П. Мансурова, в которых характеризовалось положение Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, ход строительства сооружений для русских паломников, проходившего трудно и, как писал Мансуров, с «особыми уловками». Для исследователя интересны сделанные им описания приобретённых в Палестине земельных участков и строившихся на них зданий, путеводитель по Святым Местам, планы русского участка в Иерусалиме и странноприимного дома (Д. 207, 209). Значительный пласт документов — финансовые сметы, отчёты, книги прихода и расхода денежных

сумм, записки о строительстве русских богоугодных заведений в Иерусалиме. В фонде сохранились подлинники — черновики статей, записок, рукописи, готовившиеся к изданию (Д. 228–237), с правкой автора.

Особо отметим документальные свидетельства о подвижнической деятельности первого начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, архимандрита Порфирия (Успенского) на благо Отечества и Православия: в его записках раскрыты проблемы Русской Духовной Миссии — финансовые трудности, столкновение интересов различных конфессий, сложные взаимоотношения с турецким правительством и местными чиновниками, отсутствие регулярного сообщения с Россией (Д. 1, 128, 329). Заслуживает внимания тот факт, что и архимандрит Порфирий, и Б.П. Мансуров, копия обширной записки которого хранится в фонде, были солидарны во мнении относительно значимости создания политического представительства России в Иерусалиме, не умаляя в то же время значения Русской Духовной Миссии, сделавшей многое для России и русских в Святой Земле.

Значительную часть фонда составляет переписка. Сохранились копии писем и телеграмм Б.П. Мансурова за 1857–1908 гг. в количестве 53 единиц хранения на русском, немецком и французском языках (Д. 321–374). Письма, присланные Мансурову, представляют собой подлинники (Д. 375–614) — 239 единиц хранения, причём ряд дел содержит по несколько писем за разные годы. Язык писем: русский, французский, немецкий, греческий. Важно назвать несколько адресатов и корреспондентов Б.П. Мансурова: Великий Князь Константин Николаевич, Патриарх Иерусалимский Никодим, сенатор, директор департамента полиции, товарищ министра внутренних дел В.К. Плеве, министр внутренних дел в 1881–1882 гг. граф Н.П. Игнатьев, министр финансов граф С.Ю. Витте, издатель М.М. Катков, архитектор Ф.И. Эппингер, первый русский консул в Иерусалиме (впоследствии Костромской губернатор) В.П. Дорогобужин, немецкий археолог К. Шик, русский дипломат, министр иностранных дел России в 1882–1895 гг. Н.К. Гирс и другие.

Таким образом, состав документов личного фонда Бориса Павловича Мансурова в Государственном архиве Тамбовской области важен для комплексного анализа проблемы становления русского присутствия в Святой Земле в 50–80-х гг. XIX в.

Для упорядочения работы над документальным наследием был создан сайт «Культурная и политическая деятельность России в Святой Земле по документам фонда Б.П. Мансурова (1850–1880-е гг.)» (<http://www.mansurovdoc.ru/>) с удобными средствами поиска и визуализации данных. Структура ресурса построена на основе взаимосвязанных разделов (модулей), доступ к которым осуществляется через навигационное меню, наследуемое на всех страницах сайта. Благодаря навигационным иконкам в средней области главной страницы пользователь имеет

возможность быстрого перехода к информации о целях и задачах реализации проекта, методики предпринятого исследования, биографии Б.П. Мансурова, характеристикам фонда № 972 Государственного архива Тамбовской области, научным статьям авторского коллектива, структуре электронной библиотеки документов фонда Б.П. Мансурова (ГАТО, Ф. № 972).

Ввод в научный оборот документов фонда позволит не только выявить ранее неизвестные факты из истории создания «Русской Палестины», но и полнее проанализировать личность и деятельность самого Б.П. Мансурова. Показано, что в рамках своей работы он предложил не только идеологическую, но и экономическую концепцию русского присутствия в Библейском регионе. Выявлено, что реализация проекта «Русской Палестины» виделась ему через исполнение широкой подготовительной программы строительства соответствующей инфраструктуры, организации паромного сообщения с Палестиной, консульской поддержки богомольцев.

Институциональной основой реализации плана Б.П. Мансурова стало создание 23 марта 1859 г. особого Палестинского комитета. В структуру новой организации вошли обер-прокурор Святейшего Синода, статс-секретарь А.Д. Оболенский, директор Азиатского департамента МИД России Е.П. Ковалевский, член Совета министров финансов, действительный статский советник Г.П. Небольсин и директор-распорядитель Русского общества пароходства и торговли статский советник Н.А. Новосельский. Управляющим делами Комитета был назначен Борис Павлович Мансуров. Главной целью организации стало аккумулирование благотворительных пожертвований для покупки земель и возведение палестинских построек.

Усилиями членов Комитета в пригороде Иерусалима был приобретен ряд смежных участков, на которых в 1860–1864 гг. было возведено Русское подворье — обширный комплекс храмовых, хозяйственных и жилых строений. Подворье выполняло важные административные и церковно-дипломатические функции. Здесь располагались здания женских и мужских приютов, двухэтажный госпиталь, однопрестольный храм Святой Живоначальной Троицы, резиденция Русской Духовной Миссии с домовою церковью во имя св. мученицы царицы Александры, Генконсульство. Таким образом, Россия получила прочную основу для собственной церковной, дипломатической и паломнической деятельности в Святой Земле.

Выстроенный ансамбль принадлежал к лучшим образцам русского зодчества и нес в себе важное культурное значение. Подворье рассматривалось как символ нерушимой связи России и Святой Земли, возрождавшегося авторитета Российской Империи на Ближнем Востоке. Неслучайно особое внимание уделялось композиционному и архитектурному облику возводимых строений. Большинство построек было выполнено в византийском

стиле, прекрасно отражающем национальные традиции российской архитектуры. Соборный храм во имя Святой Троицы характеризовался пятикупольным завершением центральной части, гранеными аспидами, трехнефной трапезной. Храм получился величественным и практически сразу превратился в неотъемлемый атрибут городской композиции.

Особенно сильно собор выделялся на фоне невысоких застроек Иерусалима. Турецкие власти «относились с крайним пренебрежением к памятникам христианских святынь» и не всегда соглашались на возведение храмов. Современников поражала, что знаменитый «крестный путь» — дорога, проходящая от бывшего дома Пилата на Голгофу, превратилась в простую улицу.³ По ней «без внимания к великим таинствам, совершающимся на ее почве», «бродили, шумели и проводили своих лошадей и ослов» горожане. Одновременно под формальный запрет попадало строительство колоколен в черте города. Когда «по правилам христианских обрядов» надобно было звонить в церковный колокол, «тогда в храме начинали бить «палкой о доску». «Звук зловещий и мрачный», — так характеризовал эту особенность корреспондент Московских епархиальных ведомостей.⁴

Большую роль в создании комплекса русских построек сыграли архитекторы братья Эппингеры. Мартын Иванович принимал участие в непосредственной разработке проекта построек, определении логики их размещения, а Федор Иванович руководил работами на месте.⁵ Четкое разделение обязанностей и высокие профессиональные качества русских зодчих позволили осуществить все основные работы «раньше предполагаемого срока и дешевле против утвержденных смет».⁶ Сложности вызвало строительство собора Святой Троицы. Из-за недостатка финансирования и масштабы работ храм был возведен без внутренней отделки. Завершение строительства собора признавалось делом будущего. 1 мая 1864 г. М.И. Эппингер выехал в Россию, передав все дела по завершению строительства в руки своего помощника В.А. Дорогулина.

Со временем русские постройки сыграли большую роль в организации отдельных элементов инфраструктуры Иерусалима. Подворье выделялось среди окружающих строений, определяло своеобразие городской панорамы. «Все постройки, — писал побывавший в Палестине Д.А. Скалон, — занимают большое пространство; между ними улицы и площади так просторны и велики, что в сравнении со скученным и сбитым Иерусалимом бросаются в глаза».⁷

Окончание строительства Русского подворья послужило поводом для трансформации институциональной основы деятельности России в Святой Земле. 7 апреля 1864 г. Палестинский комитет был распущен и заменен специальной комиссией при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. В руководство организацией вошли Б.П. Мансуров, директор Азиатского департамента МИДа граф Н.П. Игнатьев и представитель

Святейшего Синода. Таким образом, дело утратило непосредственную императорскую поддержку и перешло в прямое министерское подчинение. Единственное, чего боялся Борис Павлович в той ситуации, — «это поглощение дел Синодом и клерикальное влияние».⁸

Первым официальным делом Комиссии стало торжественное освящение храма св. мученицы Царицы Александры в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Его совершил митрополит Петры Аравийской Мелетий 28 июня 1864 г. в присутствии начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Леонида (Кавелина), секретаря русского консульства Т.П. Юзефовича, многочисленных богомольцев и зрителей. Так был открыт первый русский храм в Святой Земле. Храм получился небольшого размера, но с прекрасно выполненной внутренней отделкой.⁹ Интерьер храма украсили резным дубовым иконостасом, иконами и четырьмя позолоченными киотами. Некоторые строительные работы были продолжены и после его освящения. Специально для алтарных окон на Императорском стеклянном заводе Ю.П. Бонафедде были сделаны цветные витражи.

Не менее важным для палестинского проекта являлось открытие собора во имя Святой Троицы. Приступив к исполнению своей задачи с бюджетом в 64 000 руб., Комиссия в течение первых трех лет тратила все свои средства исключительно на внутреннее обустройство храма и «на снабжение его всеми нужными предметами для богослужения»¹⁰. Однако значительный бюджет отделки не позволял оперативно завершить все работы. «Несовместимо с достоинством России, — писал Великий Князь Константин Николаевич, — оставлять недоконченным храм, построенный русским правительством на пожертвования всего православного русского народа».¹¹ Резной иконостас для храма был изготовлен только в 1869 г., однако далеко не сразу его транспортировали в Палестину. В 1870 г. он экспонировался на Всероссийской мануфактурной выставке и получил там серебряную медаль. Царские врата, пожертвованные Великим Князем Константином Николаевичем, также с задержкой были переправлены в Иерусалим. «Великолепные, из густо позолоченной бронзы, ажурные Царские врата выставлялись на Парижской выставке» в 1867 г., где успели «привлечь к себе внимание европейских и американских туристов, как вещь действительно редкая по своему изяществу».¹²

Работы по отделке собора были завершены только к лету 1872 г., освящение храма возглавил Иерусалимский Патриарх Кирилл II. На церемонии также присутствовали Великий Князь Николай Николаевич, герцог Евгений Максимилианович Лейхтенбергский, принцы Александр и Константин Петровичи Ольденбургские, генерал Д.И. Скобелев и другие гости. За строительство собора и подготовку его освящения Б.П. Мансуров был назначен членом Государственного совета.

Отсутствие институциональной поддержки и личные амбиции членов Палестинской комиссии не позволяли организации вести активную деятельность в регионе. С момента открытия собора Святой Троицы Комиссия не была отмечена сколько-нибудь серьезной и успешной работой в области улучшения быта русских паломников. Так и не были решены вопросы с перенаселением паломнических приютов, строительства коммунальной инфраструктуры, открытия бани и чайной для богомольцев. Особенно невыгодно труды Комиссии выглядели на фоне активной деятельности представителей Императорского Православного Палестинского общества (ИППО), успешно реализовавшего проекты по обустройству русских школ, строительству новых паломнических подворий, организации научной и просветительской деятельности в библейском регионе. Уже в 1882 г. в селении Муджедиль усилиями Общества была открыта первая начальная школа, где учились дети преимущественно из православных семей. К 1884 г. в Палестине были открыты еще три аналогичные учебные заведения, а также мужской пансион. Одновременно Общество стало инициатором создания паломнических книжек, позволяющих значительно удешевить поездку в Святую Землю, а также строительства Нового (Сергиевского) подворья.

Нерешительность Б.П. Мансурова создала «крайне печальные» последствия «для развития доброго дела». Членов Комиссии обвиняли в излишней бережливости, заботе о будущем «черном дне», отсутствии инициативы и личной незаинтересованности в улучшениях.¹³ В апреле 1889 г. Палестинская комиссия прекратила свое существование, а ее полномочия и капиталы были переданы Императорскому Православному Палестинскому Обществу. С ликвидацией Комиссии был завершен важный этап развития «Русской Палестины». Возникнув как концепция комплексного представительства на Христианском Востоке, Россия обрела прочную базу духовного и политического присутствия на Святой Земле. Важнейшую роль в этом сыграли Палестинский комитет и Палестинская комиссия, ставшие первыми официальными учреждениями для руководства русским делом в регионе. Причем наибольшие успехи были достигнуты в годы работы Комитета, пользовавшегося покровительством со стороны Великого Князя Константина Николаевича. После перевода руководством всеми действиями в Министерство иностранных дел России, наступил застой и общая бюрократизация работы палестинских учреждений. В этот период Комиссия не проводила активной политики в регионе, не улучшала паломническую жизнь. В такой ситуации переход ее полномочий к ИППО выглядел вполне закономерным и отражал более инициативный подход к русской деятельности в регионе. Таким образом, неколониальный характер русского присутствия в Святой Земле, концепция которого была заложена Б.П. Мансуровым, является, очевидно, важным этапом укреплении религиозных,

научных, культурных связей России и Палестины. Смелая и во многом новаторская деятельность в регионе позволила создать целую инфраструктуру паломнических строений, храмов, и земельных участков, часть из которых до сих пор продолжает находиться в собственности России. Включение в палестинский проект Русского общества пароходства и торговли позволило найти приемлемые решения для перевозки огромного количества людей. Впервые в истории России было организовано централизованное отправление богомольцев в Палестину, созданы условия для их приема и размещения в Святых Местах. Показательным является тот факт, что именно неформальный фактор в лице народного паломничества в Святую Землю, подтолкнул официальные правящие круги к принятию ответственных решений по отношению к ближневосточному региону и организации прочной базы для духовного и политического присутствия в Палестине.

Возведение собственной жилой инфраструктуры способствовало активизации паломничества, позволило предложить богомольцам новый формат проживания и большие возможности для богомольных путешествий. Возведенный в 1860–1864 гг. комплекс русских построек выделялся среди окружающей застройки Иерусалима, своими размерами и производил огромное впечатление на паломников.

Вместе с тем, возведение комплекса не удалось осуществить без недостатков. При проектировании женских и мужских приютов не было предусмотрено достаточного количества мест для размещения паломников и строительства коммунальной инфраструктуры. Впоследствии это привело к значительной переполненности общежитий и плохому санитарному состоянию Русского места. Вместе с тем, создание прочной базы политического, духовного и культурного представительства России в Палестине поднимало престиж страны не только на Христианском Востоке, но и в мире. Россия приобрела новые инструменты для укрепления своего влияния в регионе, создала достаточно эффективную систему доставки и размещения русских паломников в Святой Земле.

¹ Вах К.А. «Иерусалимский проект» России: Б.П. Мансуров и Русские постройки // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания: материалы конференции. М., 2012. С. 21–37.

² Письма Б.П. Мансурова из путешествия по Православному Востоку в 1857 г. / подгот. к изд. и публ. Кирилла Ваха и Алексы фон Виннинг. М., 2014. — 286 с.

³ Иерусалим // Тамбовские епархиальные ведомости № 66. 9 июля 1881 г. Тамбов, 1881. С. 6.

⁴ Там же.

⁵ Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю: к 150-летию основания Русской Палестины 1860–1864 : каталог / Кирилл Вах. М., 2011. С. 46.

- ⁶ Дмитриевский А.А. Памяти Б.П. Мансурова. / А. А. Дмитриевский // Императорское православное Палестинское общество. <https://www.ipro.ru/iprogu/article/ramyati-br-mansurova-aa-dmitrievskiy-201609> (Дата обращения: 25.03.2020).
- ⁷ Скалон Д.А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году // Россия в Святой Земле. Документы и материалы : в 2 т. М., 2000. Т. I. С. 135.
- ⁸ Вах К.А. «Иерусалимский проект» России: Б.П. Мансуров и Русские постройки // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания: материалы конференции. М., 2012. С. 35.
- ⁹ ГАТО. Ф. 972. Оп. 1. Д. 129. Л. 41.
- ¹⁰ Дмитриевский А.А. Памяти Б.П. Мансурова. / А.А. Дмитриевский // Императорское Православное Палестинское Общество. <https://www.ipro.ru/iprogu/article/ramyati-br-mansurova-aa-dmitrievskiy-201609> (Дата обращения: 25.03.2020).
- ¹¹ Там же.
- ¹² Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции 1866–1891 / архим. Антонин (Капустин); подгот. Р. Б. Бутова. <https://clck.ru/KE5SF> (Дата обращения: 25.03.2020).
- ¹³ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века 1882–1907. СПб, 1907. С. 79.

**ПЕРВАЯ ПАЛОМНИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА
ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ I НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК
27 МАЯ — 26 ИЮНЯ 1945 г.
(ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ ИЗ ФОНДОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

Б.Ф. Додонов, А.А. Зайцева, О.Н. Копылова, К.А. Лукина, М.В. Монгуш

Контакты между Русской Православной Церковью (РПЦ), Советским государством и Православными Церквями Востока активизировались после нападения фашистской Германии на СССР в 1941 г. Православные жители Ближнего Востока поддержали народы СССР в борьбе с фашизмом. Активную роль в этом играли дипломатические представительства СССР на Ближнем Востоке, осуществлявшие контакты с местными православными общинами, информируя их о церковных событиях и о положении РПЦ в СССР. Проводимые советскими дипломатами меры давали ожидаемый ощутимый результат: в Восточных Патриархиях заметно повысился интерес к Православию в СССР, в частности, к готовящемуся в Москве Поместному Собору Русской Православной Церкви, на котором должен был быть избран Московский Патриарх. Так, например, заместитель народного комиссара иностранных дел Союза ССР В.Г. Деканозов писал председателю Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г.Г. Карпову 30 ноября 1944 г.: «Как сообщает Посланник Союза ССР в Сирии и Ливане тов. Солод, Антиохийский патриарх Александр в беседе с ним от 26 ноября с[его] г[ода] по своей инициативе высказал пожелание поехать в Москву для участия в избрании Московского патриарха. Тов. Солод считает, что поездка Антиохийского патриарха в Москву для участия в выборах Московского патриарха будет иметь большое положительное значение, так как она окажет огромное влияние на отношение православного населения и духовенства Ближнего Востока, а также и на остальных Восточных Патриархов, к Советскому Союзу...». В результате представители Александрийского, Антиохийского, Константинопольского и Иерусалимского Патриархатов были приглашены

Московской Патриархией в Москву и приняли участие в работе Поместного Собора Русской Православной Церкви в январе-феврале 1945 г. Встреча архиереев Русской Православной Церкви с главами Восточных Патриархов во время работы Поместного Собора РПЦ сыграла очень большую роль в налаживании связей РПЦ с Православным Востоком. Во время визита Восточных Патриархов в Москву они пригласили Патриарха Московского и всея Руси Алексия I совершить ответный визит на Ближний Восток и посетить Сирию, Ливан, Палестину и Египет.

Предварительная договоренность Правительства СССР с Московской Патриархией относительно ответного визита церковной делегации РПЦ в Восточные государства была достигнута 10 апреля 1945 г. в ходе беседы И.В. Сталина с Патриархом Московским и всея Руси Алексием I. Сообщение о встрече Патриарха с Главой государства было опубликовано в газете «Известия» от 11 апреля 1945 г. В нем, в частности, говорится: «10 апреля у Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. И.В. Сталина состоялась беседа по делам Православной Церкви с Патриархом Московским и всея Руси Алексием в присутствии Николая, митрополита Крутицкого и Протопресвитера Николая Колчицкого. В беседе принимал участие заместитель Председателя Совнаркома СССР тов. В.М. Молотов». В статье митрополита Николая (Ярушевича) «На приеме у И.В. Сталина» прямо говорится о том, что 10 апреля 1945 г. на встрече И. В. Сталина с Патриархом Алексием и сопровождавшими его лицами, наряду с другими вопросами, «шла речь о предстоящей в мае поездке Патриарха Алексия в Палестину с целью паломничества к Св. Гробу Господню и в другие страны Ближнего Востока с ответными визитами восточным патриархам». Важно подчеркнуть, что предстоящий визит должен был стать первым визитом Патриарха Московского и всея Руси на Святую Землю — никогда ранее высшее духовное лицо Русской Православной Церкви не посещало святые места на Ближнем Востоке.

Советским правительством было принято решение принять приглашение Восточных Патриархов и разрешить Алексею I во главе делегации Московской Патриархии выехать в Палестину, Египет, Сирию и Ливан с ответным визитом. В состав делегации вошли: митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич), архиепископ Тульский Виталий (Введенский), протопресвитер Николай Колчицкий, священник Михаил Зернов, иеромонах Иувеналий (Лунин), протодиакон Сергей Павлович Туриков и иподиакон Сергей Николаевич Колчицкий. Состав делегации был определен случайно. Каждый из членов делегации должен был выполнять возложенную на него функцию. Так, С.П. Туриков, обладавший незаурядным певческим талантом, поражал присутствовавших на богослужениях своим пением. Впоследствии он часто сопровождал Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I в его зарубежных поездках. Сын протопресвите-

ра Николая Колчицкого Сергей Николаевич Колчицкий выполнял роль секретаря и помощника Патриарха. На священника Михаила Зернова — сотрудника «Журнала Московской Патриархии» — возлагалась подготовка подробного описания поездки для последующего опубликования в «ЖМП». Перед остальными членами церковной делегации также ставились конкретные задачи.

Делегация РПЦ должна была выехать из Москвы 23 мая 1945 г., предполагалось, что поездка продлится один месяц. О поездке делегации РПЦ на Ближний Восток было сообщено представителям СССР в ближневосточных странах. Наркомфин СССР отпустил Совету по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР 35 000 иранских реалов и 1 500 египетских фунтов для передачи их Московской Патриархии на расходы делегации. Поездка делегации Московской Патриархии проходила с 28 мая по 26 июня 1945 г. За это время ее члены посетили города: Тегеран (Иран), Багдад (Ирак), Дамаск (Сирия), Бейрут (Ливан), Иерусалим (Палестина), Каир, Александрия (Египет).

Как справедливо отмечает архимандрит Платон (Игумнов), профессор Московской Духовной академии, целью визита, носящего официально-церковный характер, было следующее: поклонение Патриарха Алексия I и членов церковной делегации христианским святыням Палестины; совместное богослужение Патриархов Иерусалимской и Русской Церкви; встречи с представителями Древних Восточных и других Православных Церквей, а также общение с русскими соотечественниками, оказавшимися в эмиграции и находившимися в юрисдикции Русской Заграничной Церкви.

Настоящая публикация включает двадцать один документ из фондов Государственного архива Российской Федерации, освещающих подготовку, проведение и реакцию на поездку делегации Московской Патриархии во главе с Патриархом Московским и всея Руси Алексием I в Сирию, Ливан, Палестину и Египет в мае-июне 1945 года. Важно подчеркнуть, что все публикуемые документы выявлены среди недавно рассекреченных материалов Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнарком-Совете Министров СССР (ф. Р-6991), хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Большая часть документов публикуется впервые.

Публикация открывается материалами, связанными с подготовкой поездки — письмом Патриарха Московского и всея Руси Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совнарком СССР с предложением осуществить визит церковной делегации Московской Патриархии на Восток (14 апреля 1945 г.); докладными записками председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г.Г. Карпова председателю СНК СССР И.В. Сталину

с предложением принять приглашение Восточных Патриархов и осуществить ответный визит церковной делегации Московской Патриархии во главе с Патриархом Алексием I на Ближний Восток (3 мая 1945 г.); заместителю наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозову о составе церковной делегации Московской Патриархии, выезжающей на Ближний Восток (5 мая 1945 г.); письмами заместителя председателя Совета С.К. Белышева первому заместителю председателя СНК СССР Н.А. Вознесенскому о необходимости отпуска средств на поездку церковной делегации Московской Патриархии на Ближний Восток (12 мая 1945 г.); заведующему Ближневосточным отделом НКВД СССР И.В. Самыловскому с просьбой сообщить представителям СССР в странах Ближнего Востока о предстоящем визите церковной делегации Московской Патриархии в эти страны (12 мая 1945 г.) Посещение делегации РПЦ во главе с Патриархом Московского и всея Руси Алексием I Египта подробно изложено в справке, подготовленной атташе Советской Миссии в Каире И. Бурцевым (14 июля 1945 г.)

Как было отмечено выше, в состав делегации Московской Патриархии был включен священник М.В. Зернов, в задачу которого входило составление подробного описания визита (своего рода «поденных записок») с детальным изложением его хода — встреч, бесед Патриарха Алексия I с Восточными Патриархами, представителями духовенства, прихожанами, государственными деятелями ближневосточных стран и др. Соответствующий подробный очерк был опубликован в «Журнале Московской Патриархии» под названием «Историческое путешествие». Он очень ярко и всесторонне рассказывает о ходе ближневосточной поездки Патриарха Алексия I, является библиографической редкостью, во многом без него невозможно представить все обстоятельства поездки, поэтому в настоящей публикации текст очерка М. Зернова «Историческое путешествие» приводится полностью. Кроме того, в публикацию включена информация «О путешествии Его Святейшества Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия на Ближний Восток», опубликованная в № 7 «Журнала Московской Патриархии» за 1945 г., а также статья иеромонаха Алексия (Дехтерева) «Необычайная радость. К посещению Святейшим Алексием, Патриархом Московским и всея Руси Русской Православной Церкви в Александрии (Египте)», опубликованная в № 10 «Журнала Московской Патриархии» за 1945 г.

В публикацию включены также документы Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР, НКВД СССР и Московской Патриархии, подводившие итоги визита церковной делегации Московской Патриархии и подчеркивающие значение поездки в налаживании связей между Московской Патриархией и Восточными Патриархатами. Среди них — письмо Патриарха Московского и всея Руси Алексия I за-

местителю председателя Совнаркома СССР В.М. Молотову об итогах поездки церковной делегации Московской Патриархии в страны Ближнего Востока (28 июня 1945 г.), докладная записка председателя Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г. Г. Карпова в Совнаркоме СССР И.В. Сталину, В.М. Молотову, Л.П. Берии об итогах поездки церковной делегации Московской Патриархии во главе с Патриархом Московским и всея Руси Алексием I на Ближний Восток (27 июля 1945 г.), письмо заведующего Ближневосточным отделом НКВД СССР И.В. Самыловского председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР Г.Г. Карпову с информацией о поездке Патриарха Московского и всея Руси Алексия I на Восток (14 июня 1945 г.)

Представленные в публикации документы подробно характеризуют подготовку поездки, состав делегации Московской Патриархии, подготовительные меры, предпринятые НКВД СССР и посольствами нашей страны в ближневосточных странах по организации визита, его успешного проведения, а также его ход (многочисленные встречи с представителями духовенства Сирии, Ливана, Палестины и Египта, прихожанами, государственными и общественными деятелями и др.) Важнейшим итогом визита делегации Московской Патриархии было резкое повышение роли Московской Патриархии на Ближнем Востоке, переход под ее юрисдикцию православной общины храма Александра Невского в Александрии.

Первая паломническая поездка Патриарха Московского и всея Руси Алексия I на Ближний Восток 1945 г. положила начало серии визитов высших духовных лиц РПЦ в ближневосточные страны: митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова) в 1946 г., Патриарха Алексия I в 1960 г. с посещением Константинополя и др., а также ответных визитов в СССР представителей Восточных Патриархий.

№ 1.

Письмо Патриарха Московского и всея Руси Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР о предстоящей поездке церковной делегации Московской Патриархии на Восток

14 апреля 1945 г.

В Совет по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР. Имея соизволение правительства на поездку в Палестину для поклонения местным святыням, а также в Александрию и в Сирию для посещения патриархов Александрийского и Антиохийского, бывших на нашем Соборе и приглашавших меня посетить их, я предлагаю:

1. Выехать из Москвы 10 мая в Иерусалим и затем далее — в Египет и Сирию.

2. В состав сопровождающих меня лиц включить:

- 1) митрополита Крутицкого Николая, <Борис Дорофеевич Ярушевич>
- 2) архиепископа Псковского Григория, <Николай Кирил[лович] Чуков>
- 3) протопресвитера Н. Колчицкого,
- <4) протоиерея А. Смирнова>,
- 5) священника Зернова Михаи[ла] Викентьев[ича] (или священника Разумовского), <Григор[ий] Иванов[ич]>
- <6) протодиакона г. Антоненко>, <Туриков Сергей Павлович>
- 7) иподиакона *Серг[ея] Никол[аевича]* Колчицкого.

3. Срок поездки предполагаю 4 недели.

Прошу указаний от Совета, что следует мне и спутникам представить для получения паспортов и прочих необходимых документов, а также для получения валюты.

Патриарх Алексий

1945, апр[еля] 14.

ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 15. Л. 10. Подлинник. Машинопись. Опубликовано: Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР. 1945–1970 гг. Т. I. 1945–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2009. С. 46–47.

№ 2.

Докладная записка председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г.Г. Карпова председателю СНК СССР И.В. Сталину об ответном визите Восточным патриархам церковной делегации Московской Патриархии во главе с Патриархом Алексием I.

№ 121с

3 мая 1945 г.

Секретно

Совнарком Союза ССР

Товарищу *И. В. Сталину*

Патриарх Московский и всея Руси Алексий обратился в Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР с просьбой войти с ходатайством в Правительство Союза ССР о разрешении выехать ему в Палестину, Египет, Сирию и Ливан с ответным визитом Восточным патриархам с делегацией в следующем составе:

- 1) митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич)

- 2) архиепископ Тульский Виталий (Введенский)
- 3) протопресвитер Николай Колчицкий
- 4) священник Михаил Зернов
- 5) иеромонах Иувеналий (Лунин)
- 6) протодиакон Сергей Павлович Туриков
- 7) иподиакон Сергей Николаевич Колчицкий

Поездка предполагается 23 мая с[его] г[ода] сроком на один месяц.

Поездка патриарха и делегации в Стамбул к Вселенскому Патриарху Вениамину не предусматривается, но имеется в виду вызвать Вениамина в Иерусалим по предложению четырех патриархов.

Основной темой для взаимных бесед с Восточными патриархами намечается подготовка вопроса об организации в Москве осенью с[его] г[ода] всемирной конференции всех христианских церквей (кроме римско-католической).

В связи с тем, что для ответного визита на приезд в Москву архиепископа Йоркского в 1943 г. от архиепископа Кентерберийского имеется приглашение о прибытии русской церковной делегации в Лондон к 12 июня с[его] г[ода], имеется в виду, что из Египта митрополит Крутицкий Николай, протопресвитер Николай Колчицкий и иеромонах Иувеналий отделятся от патриаршей делегации и выедут в Лондон с расчетом прибытия туда к 12 июня.

Совет по делам русской православной церкви при СНК СССР считает возможным разрешить патриарху Алексию с вышеуказанной делегацией выехать на Ближний Восток, а также разрешить поездку в Лондон митрополиту Николаю в сопровождении указанных выше двух лиц.

Прошу Ваших указаний.

Председатель Совета

по делам русской православной церкви

при СНК СССР

Карпов

Справка: В 22 ч[аса] 35 м[минут] 4 мая с[его] г[ода] позвонил т. *Поскребышев* и сообщил указания товарища *Сталина*: поездка патриарха и делегации разрешается, но обязательно с личной охраной в штатском.

4 мая 1945 г.

Карпов

№ 121с 3 мая 1945 г. г. Москва.

ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 29. Л. 165–165 об. Копия. Машинопись. Опубликовано: Исторический архив. 2000. № 2. С. 182–183.

№ 3.

**Докладная записка председателя Совета по делам Русской
Православной Церкви при Совнаркоме СССР Г. Г. Карпова
заместителю наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозову
о составе церковной делегации Московской Патриархии,
выезжающей на Ближний Восток**

№ 125с

5 мая 1945 г.

Секретно

Заместителю народного комиссара иностранных дел Союза ССР
Товарищу В. Г. Деканозову

Правительством Союза ССР разрешена поездка Патриарха Московского и всея Руси Алексия (Симанского Сергея Владимировича) в страны Ближнего Востока (Палестина, Египет, Сирия и Ливан) с ответным визитом Восточным патриархам сроком на один месяц.

Выезд из Москвы предполагается 23 мая с[его] г[ода].

Патриарха сопровождают:

- 1) митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич Борис Дорофеевич);
- 2) архиепископ Виталий (Введенский Владимир Федорович);
- 3) протопресвитер Колчицкий Николай Федорович;
- 4) священник Зернов Михаил Викентьевич;
- 5) протодиакон Туриков Сергей Павлович;
- 6) иеромонах Иувеналий (Лунин Иван Иванович);
- 7) иподиакон Колчицкий Сергей Николаевич

и четыре человека личной охраны патриарха (трое слуг и один секретарь).

Из числа этой делегации митрополит Крутицкий Николай, протопресвитер Колчицкий Н. Ф. и иеромонах Иувеналий из Каира выедут в Лондон по приглашению архиепископа Кентерберийского, куда они должны прибыть точно 12 июня. Эта поездка также разрешена Правительством СССР.

Прошу Вас дать указания о срочном оформлении загранпаспортов и виз всем указанным лицам.

Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР
Карпов

ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 64. Л. 167. Копия. Машинопись.

№ 4.

**Письмо заместителя председателя Совета по делам Русской
Православной Церкви при СНК СССР С. К. Бельшева первому
заместителю председателя СНК СССР Н. А. Вознесенскому
об отпуске средств на поездку церковной делегации
Московской Патриархии на Ближний Восток.**

12 мая 1945 г.

Секретно

Совнарком Союза СССР
товарищу Вознесенскому

23 мая с[его] г[ода], согласно полученному разрешению, Патриарх Московский и всея Руси Алексий в сопровождении церковной делегации в количестве семи человек выезжает в Палестину, Египет, Сирию и Ливан с ответным визитом Восточным патриархам.

В состав этой делегации включены митрополит Крутицкий Николай, протопресвитер Колчицкий Н. Ф. и иеромонах Иувеналий, которые из Египта отделятся от патриаршей делегации и выедут в Лондон с ответным визитом по приглашению архиепископа Кентерберийского.

На расходы в течение месячной поездки делегации по странам Ближнего Востока и 8–10 дневного пребывания части делегации в Лондоне необходима иностранная валюта в размере 35 000 иранских реалов, 1 500 египетских фунтов и 150 английских фунтов стерлингов.

В связи с тем, что Московская Патриархия в своем распоряжении валюты не имеет, Патриарх Алексий возбудил перед Советом по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР ходатайство о предоставлении ему валюты в указанном выше размере, с покрытием ее по соответствующему курсу в советских рублях за счет средств Московской Патриархии.

Поддерживая это ходатайство, Совет представляет при этом проект распоряжения СНК СССР.

Приложение: по тексту.

*Зам[еститель] председателя Совета по делам
Русской Православной Церкви при СНК СССР*

Бельшев

ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 29. Л. 170. Копия. Машинопись.

№ 5.

Проект распоряжения СНК СССР о выделении валюты на поездку церковной делегации Московской Патриархии на Ближний Восток.*Май 1945 г.**Совет Народных Комиссаров Союза ССР
Распоряжение №
«__» мая 1945 г.**Москва, Кремль.*

Обязать Наркомфин СССР отпустить Совету по делам русской православной церкви при СНК СССР 35 000 иранских реалов, 1 500 египетских фунтов и 150 английских фунтов стерлингов для передачи их через Московскую патриархию церковным делегациям, направляющимся в Палестину, Египет, Сирию, Ливан и Лондон.

Покрытие указанной суммы инвалюты по соответствующему курсу в советских рублях произвести Совету по делам русской православной церкви при СНК СССР за счет средств Московской патриархии.

*Зам[естит] председателя Совета Народных Комиссаров
Союза СССР*

*Вознесенский**ГАРФ. Ф. Р-9661. Оп. 1. Д. 29. Л. 171. Копия. Машинопись.*

№ 6.

Письмо заместителя председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР С.К. Бельшева заведующему Ближневосточным отделом НКВД СССР И.В. Самыловскому с просьбой сообщить представителям СССР в странах Ближнего Востока о предстоящем визите церковной делегации Московской Патриархии в эти страны*№130с**12 мая 1945 г.**Секретно**Заведующему Ближневосточным отделом НКВД СССР
товарищу Самыловскому*

23 мая с[его] г[ода] из Москвы в Палестину, Египет, Сирию и Ливан выезжает Патриарх Московский и всея Руси Алексий вместе с церковной делегацией в количестве семи человек с ответным визитом Восточным патриархам.

Срок поездки ориентировочно предусмотрен в один месяц.

Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР просит Вас сообщить об этом Вашим представительством в указанных странах и по возможности выяснить программу приемов делегации.

О результатах просьба сообщить.

*Зам[еститель] председателя Совета по делам
Русской Православной Церкви
при СНК СССР*

*Белышев**ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 64. Л. 170. Копия. Машинопись.***Продолжение публикации материалов в следующем выпуске ППС.**

¹ Имеется в виду предварительная договоренность Правительства СССР с Московской Патриархией относительно ответного визита церковной делегации РПЦ в Восточные государства, достигнутая в ходе беседы И. В. Сталина с Патриархом Московским и всея Руси Алексием I 10 апреля 1945 г. Сообщение о встрече Патриарха с Главой государства было опубликовано в газете «Известия» от 11 апреля 1945 г.: «10 апреля у Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. И. В. Сталина состоялась беседа по делам Православной Церкви с Патриархом Московским и всея Руси Алексием в присутствии Николая Митрополита Крутицкого и Протопресвитера Николая Колчицкого. В беседе принимал участие заместитель Председателя Совнаркома СССР тов. В.М. Молотов». *Опубликовано: Журнал Московской Патриархии. 1945. № 5. С. 3.* В статье митрополита Николая (Ярушевича) «На приеме у И. В. Сталина» (*ЖМП. 1945. № 5. С. 25–26*) прямо говорится о том, что 10 апреля 1945 г. на встрече И.В. Сталина с Патриархом Алексием и сопровождавшими его лицами наряду с другими вопросами «шла речь о предстоящей в мае поездке Патриарха Алексия в Палестину с целью паломничества к Св. Гробу Господню и в другие страны Ближнего Востока с ответными визитами восточным патриархам».

² Патриарх Христофор II (1876–1967), епископ Александрийской Православной Церкви, Папа и Патриарх Александрийский и всея Африки. В 1899 г. принял монашество и назначен секретарем Патриархии. В 1904 г. Александрийский Патриарх Фотий возвел его в сан иеромонаха. В 1906 г. становится протосинкеллом, а в 1908 г. возведен в сан митрополита. 30 декабря 1914 г. избран митрополитом Леонтопольским (Египет). 21 июня 1939 г. Христофор был избран Патриархом Александрийским и всея Африки. При Патриархе Христофоре II были восстановлены отношения между Московским и Александрийским патриархатами. В январе 1945 г. присутствовал на Поместном Соборе Русской православной церкви. В 1955 г. Патриарх Христофор прибыл в СССР на торжества преподобного Сергия Радонежского. В мае 1958 г. Патриарх Христофор вновь посетил пределы Русской Церкви по случаю празднования 40-летия восстановления Патриаршества в РПЦ. В Москве он выразил благодарность Патриарху Алексию I

за все, что Московская Церковь сделала и делает для Восточных Церквей. В ноябре 1960 г. Московский Патриарх Алексий I вторично прибыл в Египет. На торжественных богослужениях в кафедральном Соборе Святого Саввы присутствовали представители Коптской, Армянской, Католической и Реформатской церквей.

³ Патриарх Антиохийский Александр III (1869–1958). Пострижен в монахи 12 мая 1886 г. и направлен в Халкинскую богословскую школу. В 1884 г. в сане иеродиакона возвратился в Сирию и шесть лет преподавал Закон Божий в школах Хомской (Эмесской) митрополии. Получил высшее образование в России. В 1900 г. Патриарх Мелетий II назначил его настоятелем Антиохийского подворья в Москве. В 1903 г. возведен в архимандриты и был избран митрополитом Тарским и Аданским. Патриарх Антиохийский с 1931 г., занял дружественную позицию по отношению к РПЦ, осуждал обновленцев и животоцерковников. Александр III приветствовал факт установления дипломатических отношений между СССР, Ливаном и Сирией в 1943 г. После избрания Патриархом Московским и всея Руси Сергия (Страгородского) в Дамаске отслужили торжественные богослужения в знак братской солидарности с РПЦ. Тогда же Александр III пожертвовал 60 тыс. ливанских фунтов для воинов Советской Армии. Когда в 1944 г. в Бейрут прибыл полномочный посол СССР в Сирии и Ливане Д. С. Солод, между Александром III и советским дипломатом установились дружественные отношения. В январе 1945 г. Александр III присутствовал на интронизации Патриарха Алексия I (Симанского). Антиохийская церковь участвовала в торжествах по случаю 500-летия автокефалии РПЦ. В 1956 г. Патриарх вновь посетил Россию. В мае 1958 г. он последний раз был гостем Московской Патриархии на торжествах по случаю 40-летия восстановления Патриаршества в России в сопровождении митрополитов Епифания Аккрского, Александра Хомского и Афанасия Хауранского. Вскоре после возвращения в Дамаск Александр III скончался.

⁴ Поместный Собор Русской Православной Церкви состоялся 31 января — 2 февраля 1945 г. в Москве. Он был созван по решению Собора Епископов от 23 ноября 1944 г. для избрания Патриарха Московского и всея Руси и принятия Положения по управлению Православной Русской Церковью. В работе Собора участвовали Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий, Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, Митрополит Киевский и Галицкий Иоанн, Митрополит Северо-Американский и Алеутский Вениамин, 41 архиепископ и епископ и 126 представителей приходского духовенства и мирян. В качестве почетных гостей на Соборе присутствовали Патриарх Александрийский Христофор, Патриарх Антиохийский Александр, Католикос-Патриарх всея Грузии Каллистрат, представитель Вселенского Константинопольского Патриарха Митрополит Фиатирский Германос, представитель Иерусалимского Патриарха Архиепископ Севастийский Афинагор и другие высокие духовные лица. Поместный Собор открылся 31 января 1945 г. в Воскресенском храме в Сокольниках. От Восточных патриархов Собор приветствовал Патриарх Антиохийский Александр. Собор заслушал доклад Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Алексия о деятельности РПЦ в дни Великой Отечественной войны и принял соответствующее решение по этому вопросу. В этот же день единогласно было принято Положение по управлению РПЦ. 2

февраля 1945 г. Поместный Собор единогласно избрал Патриархом Московским и всея Руси Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия. Собор принял обращения к христианам всего мира и к Русской Православной Церкви. Поместный Собор был закрыт заключительной речью председателя Собора. *Подробнее см. Сообщение ТАСС «О Поместном Соборе Русской Православной Церкви», опубликованное в газете «Известия» 3 февраля 1945 г. (№ 28). См. также: Журнал Московской Патриархии. 1945. № 2, полностью посвященный Поместному Собору РПЦ.*

⁵ Николай (Ярушевич Борис Дорофеевич) (1892–1961), митрополит Киевский и Галицкий, экзарх всея Украины. Образование получил в гимназиях в городах Ковно и Петербурге. Окончил физико-математический факультет Петербургского университета, в 1910–1914 гг. учился в Петербургской духовной академии. Пострижен в монашество в 1914 году. В течение двух месяцев находился на фронте. В 1915 году окончил аспирантуру Петербургской духовной академии, получил звание магистра богословия. Преподавал в Петроградской духовной семинарии. В 1918 г. — настоятель Петропавловского собора в Петергофе, в 1919 году возведен в сан архимандрита, назначен наместником Александро-Невской лавры. В 1922 году возведен в сан епископа Петергофского, викария Ленинградской епархии. В 1923 году осужден на три года ссылки. В 1935 г. — архиепископ Петергофский. С 1936 г. управлял Новгородской и Псковской епархиями, с 1940 г. — архиепископ Волынский и Слуцкий. В марте 1941 г. возведен в сан митрополита, с июля 1941 г. — митрополит Киевский и Галицкий. В 1942–1943 гг. — заместитель местоблюстителя патриаршего престола Сергия. С января 1944 г. — митрополит Крутицкий, с марта 1947 г. — митрополит Крутицкий и Коломенский. Член Священного Синода. С 1960 г. — на покое. В «Справке о митрополите Николае», составленной в Совете по делам РПЦ при СНК СССР в 1944 году, отмечалось, что «Митрополит Николай Киевский и Галицкий, экзарх всея Украины является ближайшим помощником Патриарха Сергия. Во время двухлетнего пребывания митрополита Сергия в Ульяновске митрополит Николай находился все время в Москве и вел сношения с советским правительством по дела Церкви. Митрополит Николай был избран в Чрезвычайную правительственную комиссию по расследованию немецких зверств над русским населением и неоднократно посещал все места, освобожденные от немецких армий, и на местах опрашивал население и составлял акты о всех зверствах, учиненных врагами. Энергичный и деятельный митрополит Николай главным образом и провел всю подготовительную работу по восстановлению Патриаршества в Советской России и разработал все детали этого дела с советским правительством до возвращения митрополита Сергия в Москву, с приездом же последнего, приемом у Сталина и Архиерейским Собором — этот исторический шаг получил окончательное оформление» (ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 13. Л. 73).

⁶ Григорий (Чуков Николай Кириллович) (1870–1955), митрополит. В 1895 г. окончил Петербургскую Духовную академию, магистр богословия. В 1918 г. — ректор Олонецкой духовной семинарии. С 1918 по 1922 гг. — научный сотрудник Комиссии по исследованию естественных производительных сил России при Академии наук и

одновременно с 1919 г. — ректор и преподаватель Петроградского богословского института (до его закрытия в 1925 году) и высших богословских курсов. В 1922 году приговорен к расстрелу по делу об изъятии церковных ценностей, но был помилован. С 1927 по 1934 г. — член Временного Ленинградского епархиального совета. С 1935 по 1942 гг. — за штатом в связи с выездом из Ленинграда в Саратов, где занимался научной работой. В 1942 г. пострижен в монашество, возведен в сан архиепископа, назначен епископом Саратовским. С июля 1943 г. ему поручено управление Сталинградской епархией. В октябре-декабре 1943 г. — исполняющий обязанности управляющего делами Московской Патриархии. В 1944 г. перемещен на Псковскую кафедру, архиепископ Псковский и Порховский с поручением управления Ленинградской и Новгородской епархией, с сентября 1944 г. также управлял Олонецкой и Вологодской епархиями, с декабря 1944 г. до июля 1945 г. также управлял Рижской епархией. В сентябре 1945 г. архиепископ Григорий получил указ о назначении его митрополитом Ленинградским и Новгородским, постоянным членом Священного Синода, при этом за ним временно оставалось управление Псковской и Олонецкой епархиями. С 1946 г. руководил Учебным комитетом при Священном Синоде. В ноябре 1954 г. согласно прошению освобожден от управления Псковской епархией и Псково-Печорским монастырем.

⁷ Колчицкий Николай Федорович (1890–1961), протопресвитер Русской Православной Церкви, настоятель московского Богоявленского патриаршего собора в Елохове (с 1924 г.), управляющий делами Московской Патриархии (1941–1960 гг.) Родился в Черниговской губернии. Окончил Черниговскую Духовную Семинарию в 1911 году, а в 1915 году — Московскую Духовную Академию. В 1918 году — священник Благовещенского собора в Харькове. В 1923 году переехал в Москву. Вскоре был назначен настоятелем Богоявленского храма в Елохове. В годы Великой Отечественной войны находился в эвакуации в Ульяновске вместе с патриаршим местоблюстителем. В сентябре 1943 года вошел в число постоянных членов Священного Синода в должности управляющего делами Московской Патриархии. В 1945 году возведен в сан протопресвитера. 10 апреля 1945 года вместе с Патриархом Алексием I и митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем) был принят И.В. Сталиным. Скончался 11 января 1961 года. Похоронен в Переделкине.

⁸ Смирнов Александр Павлович (1888–1950), протоиерей. Родился в 1888 году в Симбирской губернии в семье священника. Окончил Симбирское духовное училище и Симбирскую Духовную Семинарию. В 1909 году поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. В 1913 году окончил Академию со званием кандидат богословия. 21 ноября 1913 года рукоположен во диакона, а 23 ноября 1913 г. — во иерея. С декабря 1913 по 1918 гг. — священник церкви Святого мученика Никиты на Кузнецкой улице в Москве. В ноябре 1918 года о. Александр был призван на военную службу в Красную Армию. В 1920 году переведен по военной службе в Симбирск. С сентября 1920 г. — внештатный священник Богоявленской церкви в Симбирске. Арестован в 1921 году. Осужден на 5 лет ИТЛ. После освобождения — иерей церкви Святого Климента Папы Римского в Москве. С 1928 по 1935 гг. — протоиерей, настоятель Николо-Кузнецкого

храма в Москве. В 1935 году вновь арестован, вскоре был освобожден и продолжил до 1941 года настоятельское служение в Николо-Кузнецком храме. С 1941 по 1943 гг. находился в эвакуации в Симбирске вместе с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием. С 1941 по 1943 гг. — священник Казанского Патриаршего собора Симбирска. В сентябре 1943 года вернулся в Москву. С 1943 г. до конца жизни — вновь настоятель Николо-Кузнецкого храма в Москве. С 1943 по 1949 гг. — ответственный секретарь редакции «Журнала Московской Патриархии». С 15 августа 1949 г. по 19 сентября 1950 г. — ректор Московской Духовной Семинарии и исполняющий должность ректора Московской Духовной Академии. Скончался 19 сентября 1950 г. Погребен на Даниловском кладбище в Москве. См. *Протоиерей Александр Павлович Смирнов. Некролог // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 10; «Протоиерей Александр Павлович Смирнов (1888–1950). Воспоминания». М., 2000.*

⁹ Киприан (Зернов Михаил Викентьевич) (1911–1987), архиепископ Берлинский и Среднеевропейский. Родился в Москве в 1911 году в купеческой семье. С 1922 г. начал прислуживать за богослужениями в московской церкви Введения Пресвятой Богородицы в Барашах. Исполнял послушания звонаря, пономаря, ризничего, чтеца. В 1928 году получил среднее образование. Продолжая служить в церкви, поступил в Театр-студию под руководством Р. Н. Симонова. С 1943 года — сотрудник «Журнала Московской Патриархии». 10 августа 1944 года рукоположен во диакона, а 12 августа — во священника к Троицкой церкви села Наташино под Москвой. 20 июля 1945 года назначен настоятелем этого храма. Одновременно исполнял должность секретаря управляющего Московской епархией. С 27 декабря 1945 г. — настоятель Покровского храма села Черкизово Московской области. С 12 мая 1948 года — настоятель Скорбященского храма на Ордынке в сане протоиерея. Кроме приходской деятельности, священник Михаил Зернов выполнял различные послушания Патриарха Московского и всея Руси Алексия I. Он входил в состав церковной делегации Московской Патриархии, посетившей Святую Землю в 1945 году. Описал поездку в очерке «Историческое путешествие», опубликованном в «Журнале Московской Патриархии» (1945 г.). С мая 1955 года исполнял обязанности Начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. С 1 ноября 1956 года — член Хозяйственного управления Московской Патриархии, благочинный подворий. 26 июля 1961 года пострижен в монашество с именем Киприан. С 14 ноября 1961 года — епископ Дмитровский, управляющий делами Московской Патриархии. В 1963 году возведен в сан архиепископа. С 1964 года — архиепископ Берлинский и Среднеевропейский, Экзарх Средней Европы. В 1966 г. уволен на покой, вернулся в Москву, служил в храме иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» на Ордынке. Скончался 5 апреля 1987 г. Похоронен на Преображенском кладбище в Москве. См. *Протоиерей Б. Гузьяков. Архиепископ Киприан (Зернов). Некролог // Журнал Московской Патриархии. 1987. № 9. С. 25–27.*

¹⁰ Разумовский Григорий Иванович (1883–1967), священнослужитель Русской Православной Церкви, протоиерей, сотрудник Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии. Родился в Москве в 1883 году в семье священника. В 1917 году окончил со степенью кандидата богословия Московскую Духовную академию. Ученик протоиерея

Павла Флоренского. С 1918 г. по окончании военной службы находился на светской работе. В 1944 г. рукоположен в сан священника, назначен на служение в храм Воскресения Слоущего в Брюсовом переулке в Москве. Одновременно занимался приведением в порядок церковного архива, относящегося к межцерковным связям в послереволюционный период. С 1944 года являлся помощником Митрополита Николая (Ярушевича), курировавшего в то время внешние связи Московского Патриархата. В 1945 году Григорий Разумовский принял деятельное участие в подготовке Поместного Собора РПЦ и в октябре того же года выезжал в составе церковной делегации Московской Патриархии в Харбин для переговоров о переходе духовенства под омофор РПЦ. С 1946 до 1952 гг. был сотрудником ОБЦС Московской Патриархии. В июле 1948 года участвовал в разработке повестки дня Совещания Глав и представителей автокефальных православных церквей и выступил на нем с докладом об экуменизме. В мае-июне 1947 года в составе церковной делегации Патриарха Московского и всея Руси Алексия I совершил поездку в Румынию. Служил в Москве в Никольском храме на Преображенском кладбище. В 1952 году по болезни вышел за штат. Скончался 9 января 1967 года в Москве. См. *Овсянников В. Протоиерей Григорий Иванович Разумовский. Некролог / Журнал Московской Патриархии. 1967. № 5. С. 31–33.*

¹¹ Туриков Сергей Павлович (1885–1962), протодиакон. Родился в крестьянской семье в Самарской губернии в 1885 году. Получил образование в Сызранском городском училище. Служил в русской армии на Дальнем Востоке. Именно во время воинской службы проявились его незаурядные вокальные способности, что послужило направлением Турикова на учебу в Петербургскую консерваторию. В связи с началом Первой мировой войны Турикову не удалось завершить музыкальное образование. Он был направлен на фронт, проявил отвагу и мужество на полях сражений, за что был неоднократно награжден, являясь Георгиевским кавалером четырех степеней. После окончания войны началось его церковное служение. В 1922 году Туриков был возведен в сан диакона, а в 1931 году — протодиакона. До ареста в 1931 г. его служение проходило в московских храмах. 10 мая 1932 года Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ Туриков был приговорен к трем годам ссылки в Казахстан (г. Алма-Ата). В 1949 году рукоположен в архиерея. Служил в Троице-Сергиевой Лавре в г. Загорск Московской области с 1949 по 1952 гг., в Преображенском соборе в Москве с 1952 по 1960 гг., в церкви Всех Святых в Москве с 1960 по 1962 гг. Благодаря своему певческому таланту, часто сопровождал Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I в его зарубежных поездках, в том числе на Святую Землю в 1945 году, в Чехословакию и в Финляндию. Своим служением он украшал многие торжества в Троице-Сергиевой Лавре и в московских храмах. См. *Рожков В. Протодиакон Сергей Павлович Туриков. Некролог // Журнал Московской Патриархии. 1964. № 9.*

¹² Колчицкий Сергей Николаевич (род. не ранее 1922), сын протопресвитера Н.Ф. Колчицкого, иподьякон патриарха Алексия, брат заслуженного артиста РСФСР Георгия Николаевича Колчицкого (1922–1999). Его женой была Лидия Константиновна Колчицкая (1925–2001) — на протяжении почти 60-ти лет — секретарь Московской Патриархии, зав. общим отделом Управления делами Московской Патриархии.

¹³ Карпов Георгий Григорьевич (1898–1967), советский государственный деятель, председатель Совета по делам РПЦ при СНК-СМ СССР в 1943–1960 гг. С февраля 1918 г. служил на Балтийском флоте, с января 1920 г. член РКП(б). Поступил в Петроградский университет, но не закончил учебу. С июля 1922 г. на службе в органах госбезопасности. В 1922–1933 гг. помощник уполномоченного, уполномоченный, старший уполномоченный, оперуполномоченный, помощник начальника отделения Постоянного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе. В 1933–1935 гг. помощник начальника, зам. начальника УНКВД Карельской АССР. В 1935–1938 гг. помощник начальника отделения, зам. начальника отделения, начальник отделения УГБ НКВД по Ленинградской обл. Капитан госбезопасности (март 1936 г.). В 1938–1939 гг. начальник Псковского окружного отдела НКВД. Был переведен в Москву для работы в центральном аппарате органов госбезопасности. В 1939–1941 гг. зам. начальника отделения, начальник отделения, зам. начальника отдела НКВД. Майор госбезопасности (май 1941 г.). В декабре 1941 г. назначен начальником 4-го отдела («по борьбе с церковной и сектантской контрреволюцией») Секретно-политического управления НКГБ. С мая 1943 г. начальник 5-го отдела («по борьбе с духовенством всех конфессий») 2-го управления НКГБ. Полковник госбезопасности (февраль 1943 г.). Занимался организацией встречи И. В. Сталина и наркома иностранных дел В. М. Молотова с Патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским), митрополитом Алексием (Симанским) и митрополитом Николаем (Ярушевичем) 4 сентября 1943 г. Председатель Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР с сентября 1943 г. (сохранил пост начальника 5-го отдела НКГБ, с 1946 г. отдел «О» по «оперативной работе среди духовенства» МГБ). С 1945 г. под контролем Карпова находилась международная деятельность Русской Церкви — занимался организацией визитов делегаций Московского Патриархата в зарубежные страны, обсуждал с патриархом Алексием I приоритеты внешнеполитических мероприятий Церкви, конкретные задачи, которые необходимо было решить во время визитов, согласовывал состав делегаций, кандидатуры их руководителей. Карпов внес значительный вклад в регулирование взаимоотношений между СССР и новыми правительствами стран Восточной Европы, с одной стороны, и Болгарской, Румынской и Сербской Православными Церквами — с другой. Деятельность Карпова в это время получила высокую оценку советского руководства.

¹⁴ Архиепископ Тульский Виталий (Введенский Владимир Федорович) (1870–1950), с 1946 г. архиепископ Дмитровский, викарий Московской Патриархии; председатель Миссионерского Совета при Священном Синоде. В 1884 г. окончил Тульское духовное училище, в 1890 г. — Тульскую духовную семинарию. 8 сентября 1891 г. рукоположен в сан священника и назначен к Крестовоздвиженской церкви Белевского Крестовоздвиженского женского монастыря. Одновременно с 3 апреля 1893 г. был заведующим и законоучителем второклассной женской монастырской школы и, с 1897 г. — был делопроизводителем, а затем председателем правления эмеритальной кассы духовенства Тульской епархии. 23 февраля 1915 г. назначен благочинным белевских городских церквей. В 1917 г. избран делегатом от духовенства Тульской епархии на Поместный

- Собор Российской Православной церкви 1917–1918 г. В 1922 г. епископ Виталий присоединился к обновленчеству и занял пост председателя обновленческого епархиального управления с титулом «епископ Тульский и Епифанский». В апреле–мае 1923 г. был участником 2-го Всероссийского поместного собора (обновленческого). 8 августа 1923 г. становится членом Всероссийского обновленческого Синода, заведующий ревизионной частью. В 1929 г., во время болезни митрополита Вениамина (Муратовского), исполнял обязанности председателя Священного Синода Православных Церквей в СССР. 29 апреля 1935 г., в связи с «самороспуском» Священного Синода Православных Церквей в СССР, освобожден от должности председателя Синода и объявлен единственным главой обновленческой Церкви. 2 марта 1944 г. в зале заседаний Священного Синода принес покаяние Патриарху Сергию и был принят в церковное общение в сане епископа, какой имел до ухода в обновленчество. 13 июля 1944 г. назначен архиепископом Тульским и Белевским. Член Поместного Собора 1945 г. В мае–июне 1945 г. сопровождал Патриарха Алексея I во время его поездки на Ближний Восток. 19 июля 1946 г. по собственному прошению освобожден от управления Тульской кафедрой и назначен председателем Миссионерского совета при Священном Синоде с назначением архиепископом Дмитровским, викарием Московской Патриархии. Был духовным писателем и поэтом. Скончался 25 марта 1950 г.
- ¹⁵ Вениамин (Псомас Кириаку) (1871–1946), епископ Константинопольской Православной Церкви, Патриарх Константинопольский и Вселенский (с 18 февраля 1936 г. до своей кончины 19 октября 1946 г.). В 1891 году окончил Духовную академию в Халки, до 1899 г. был учителем в греческом городе Магнезия. 30 января 1912 года в Патриаршем храме Святого Георгия на Фанаре хиротонисан во епископа Родосского с возведением в сан митрополита. В 1914–1925 гг. — митрополит Филиполя, в 1925–1933 гг. — митрополит Никейский, с 1933 г. — митрополит Гераклийский. С 1936 года — митрополит Константинопольский, избран Патриархом Вселенским. В его Патриаршество, 12 апреля 1937 года, была признана автокефалия Албанской Церкви, а 22 февраля 1945 года — Болгарской Церкви.
- ¹⁶ Руководство Англиканской Церкви в конце лета обратилось к советскому правительству с просьбой разрешить визит своей делегации в Москву. Делегация во главе с Йоркским епископом Кириллом Гарбеттом прибыла в Москву 19 сентября и за 10 дней своего пребывания несколько раз встречалась с патриархом и иерархами Московской Патриархии, осмотрела разрушенный фашистами Ново-Иерусалимский монастырь в г. Истре. Гарбетт передал послание Архиепископа Кентерберийского Уильяма Темпла, а также выразил от лица всего англиканского сообщества молитвенную поддержку и поздравления новоизбранному Патриарху Сергию (Страгородскому). Во время прощального посещения Патриарха архиепископ Йоркский С. Ф. Гарбетт заявил: «По приезде в Англию, меня будут осаждать корреспонденты, они будут спрашивать «есть ли в России свобода отправления религиозного культа», и я отвечу, что «безусловно, да», а когда книга «Правда о религии в России» будет переведена в Англии на английский язык, она принесет много пользы в деле понимания в Англии разных сторон русской церковной жизни». Иванов А. Из истории взаимоотношений Англиканской и право-
- славной церквей // ЖМП. 1954. № 11. С. 52–59; «Русская православная церковь стала на правильный путь» // Исторический архив. 1994. № 3. С. 143.
- ¹⁷ Имеется в виду Джеффри Фрэнсис Фишер. Барон Фишер Ламбетский (1887–1972), 99-й архиепископ Кентерберийский (1945–1961), член Тайного совета Великобритании, рыцарь Великого Креста Королевского Викторианского ордена.
- ¹⁸ Визит в Англию 1945 г. см. митрополит Николай (Ярушевич). Поездка в Англию (Июнь 1945 г.) // ЖМП. 1945. № 8. С. 27–48.
- ¹⁹ Поскребышев Александр Николаевич (1891–1965). В 1923–1924 гг. — зав. Управлением делами ЦК ВКП(б), в 1924–1929 гг. — помощник секретаря ЦК ВКП(б), в 1929–1934 гг. — зам. зав., зав. секретным отделом ЦК ВКП(б), в 1934–1952 гг. — зав. особым сектором ЦК ВКП(б), в 1952–1953 гг. — секретарь Президиума и бюро Президиума ЦК КПСС.
- ²⁰ Деканозов Владимир Георгиевич (1898–1953). В 1931–1934 гг. — секретарь ЦК КП(б) Грузии, в 1935–1926 гг. — зав. отделом ЦК КП(б) Грузии, в 1936–1938 гг. — нарком пищевой промышленности Грузинской ССР, одновременно в 1937–1938 гг. — заместитель председателя СНК Грузинской ССР, в 1938–1939 гг. — начальник отдела, заместитель начальника ГУГБ НКВД СССР, в 1939–1947 гг. — заместитель наркома (министра) иностранных дел СССР, одновременно в 1940–1941 гг. — полпред СССР в Германии, в 1947–1951 гг. — заместитель начальника Главного управления советского имущества за границей при Совете министров СССР, в 1952–1953 гг. — член Комитета радиовещания при Совете министров СССР, в апреле–июне 1953 г. — министр внутренних дел Грузинской ССР. В июне 1953 г. арестован и 21 декабря 1953 г. расстрелян по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР.
- ²¹ Бельшев Сергей Константинович (1900–1962), заместитель председателя Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР. Окончил в 1916 г. пять классов Вологодского реального училища. Член ВКП(б) с 1917 года. С 1920 года — сотрудник Вологодской губернской ЧК. С мая 1943 года — сотрудник НКВД–МГБ СССР, полковник госбезопасности. В марте 1945 г. вступил в должность заместителя председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК-Совмине СССР. 7 января 1957 г. освобожден от должности в связи с уходом на пенсию.
- ²² Вознесенский Николай Алексеевич (1903–1950), член Политбюро ЦК КПСС (1947–1949 гг.), член ЦК КПСС (1939–1949 гг.), академик АН СССР. В 1941–1946 гг. — первый заместитель председателя СНК СССР, в 1942–1945 гг. — член Государственного комитета обороны СССР, в 1942–1949 гг. — председатель Госплана СССР, в 1946–1949 гг. — заместитель председателя Совета Министров СССР. Репрессирован, расстрелян.
- ²³ Самыловский Иван Васильевич (1905–1971), советский дипломат и журналист, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Окончил Вологодскую губернскую школу советского и государственного строительства, а в 1932 году — общественно-политический факультет Ленинградского Восточного института. В 1932–1933 гг. — сотрудник Консульства СССР в Кульдже (Китай), в 1933–1936 гг. — на научной работе. В 1936–1942 гг. —

вице-консул, генеральный консул СССР в Кашгаре (Китай); в 1942–1944 гг. — советник Посольства СССР в Афганистане. В 1944–1947 гг. — зав. Ближневосточным отделом МИД СССР. В 1947–1948 гг. — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Афганистане. В 1948–1956 гг. — главный редактор радиовещания на страны Востока Комитета по радиовещанию при Совете Министров СССР. В 1957–1968 гг. — заведующий отделом Ближнего и Среднего Востока и Африки Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ ИППО
«ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III —
ОСНОВАТЕЛЬ ИМПЕРАТОРСКОГО
ПРАВОСЛАВНОГО
ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА:
К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА»

«ГОРЯЧАЯ ВЕРА ДЕЯТЕЛЕЙ ПЕРВОГО ЧАСА». ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III и ОСНОВАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Р.Б. Бутова

Помянуть дни древние (Пс. 142) Общества и поучиться в них — полезно нынешним деятелям потому, что можно будет видеть горячую Веру деятелей первого часа в величие и святость принятой на себя Обществом задачи.
Дмитриевский А.А., 1907 г.

21 мая 1882 г., в пятницу, в Николаевском дворце Санкт-Петербурга прошло торжественное открытие Православного Палестинского Общества. Дата и место были выбраны неслучайно. *Во-первых*, в этот день Православная Церковь отмечает память свв. равноап. императора Константина и матери его царицы Елены. С именами этих святых связано установление принципа покровительства Святой Земле со стороны православных императоров. *А во-вторых*, это был Николаевский дворец, заложенный тоже 21 мая, но 1853 г. Дворец принадлежал Великому Князю Николаю Николаевичу, совершившему паломничество в Святую Землю осенью 1872 г. После его возвращения на Родину, в домовом храме¹ дворца была устроена особая крипта, Гроб Господень, для хранения святынь, привезенных из Палестины.

Мысль об образовании частного общества с целью поддержания Православия на Ближнем Востоке с середины XIX в. обсуждалась в обществе просвещенных паломников. Думали об этом А.Н. Муравьев, А.С. Норов, епископ Порфирий (Успенский) и др. «Составим Общество для вспоможения восточным братьям нашим»², с увлечением и горячо говорил архимандрит Порфирий фрейлине А.Ф. Тютчевой, в полной уверенности, что его мысли будут доведены до сведения Императрицы Марии Александровны.

Первые практические соображения об устройстве будущего Общества появляются в письмах В.Н. Хитрово еще в 1870-х годах. 21 февраля 1877 года он писал архимандриту Леониду (Кавелину): «Я все воюсь с мыслью об устройстве частного Палестинского комитета с целью ознакомления России со Св. Землею, ученого исследования ее, поддержания поклонников, приобретения там участков земли и поддержания нашего влияния. Если бы удалось его поместить под хорошим покровительством кого-либо из членов Царской фамилии или кого-либо из митрополитов, я полагаю, что в денежных средствах недостатка не будет»³.

Хитрово был прав, ведь исповедуя принцип покровительства Святой Земле, внешняя политика в отношении Востока на протяжении всей истории России особо контролировалось лично главой государства. Известный российский историк и знаток Святой Земли, основатель нового научного направления «православное палестиноведение», заместитель Председателя ИППО Н.Н. Лисовой писал: «Два тысячелетия существует Иерусалим как сакральный центр мира. На оси Москва (или Санкт-Петербург) — Иерусалим, Самодержец — Восток построена вся церковная и внешнеполитическая концепция на Востоке»⁴. Личные религиозные убеждения имели здесь решающее значение. Примером могут служить Всероссийские Императоры XIX века. Александр I финансировал восстановление храма Гроба Господня после пожара 1808 г. в Иерусалиме и утвердил Иерусалимское подворье в Москве. Николай I создал Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме в 1847 г. Александр II при создании Палестинского комитета произнес важнейшие для русской работы на Востоке слова: «Это для меня вопрос сердца». Вот основное направление для МИДа и Св. Синода. Так было для Александра II, так было для его отца Николая I, так будет впоследствии для Александра III и Николая II.

Небольшое отступление. Существует такое устойчивое понятие «Русский Иерусалим», но в первую очередь это *Иерусалим романовский*. И не только по эпохе и архитектурным стилям, но и по топонимии. Имена представителей династии звучат в названиях замечательных памятников: храм царицы-мученицы Александры; Сергиевское, Елизаветинское, Николаевское подворья; «Дом Великого Князя» и, конечно памятник Императрице Марии Александровне — церковь Марии Магдалины в Гефсимании. Память о ней же хранит в своем названии Мариинское подворье. Наконец, на протяжении десятилетий менялось название еще одного здания в Старом Иерусалиме на маленькой улочке, ведущей к главной святыне всего христианского мира — храму Гроба Господня. «Русское место — Русские раскопки — Русский дом — Александровское подворье»...

Подворье освятил архимандрит Антонин (Капустин) в день тезоименитства Великой Княгини Елизаветы Федоровны 5 сентября 1891 г. И только через 5 лет, 22 мая 1896 г., был освящен храм во имя святого Александра

Невского над Порогом Судных Врат на Александровском подворье, в день памяти Императрицы Марии Александровны и в память почившего Императора Александра III — создателя Императорского Православного Палестинского Общества. Так, почти промыслительно, были объединены в этом событии почившие мать и сын — благотворительница Святой Земли и продолжатель, в определенном смысле, ее дела и ее убеждений. Императрица Мария Александровна и Император Александр III не были близки настолько, насколько это было со старшим сыном, наследником Николаем, или младшими, Великими Князьями Сергеем и Павлом, но все же, несомненно, огромную роль она смогла сыграть в воспитании, становлении и духовном взрослении Александра. Вообще, можно говорить о том, что в так называемом славянофильском кружке Императрицы, цесаревич был совсем не чужд.

Могло ли быть так, что Императрица возглавила бы реальное Общество, занимающееся Святой Землей? Говорим «реальное», поскольку неофициальный благотворительный комитет, объединяющий ее фрейлин и собирающий пожертвования для православных народов Османской империи, у императрицы был. Щедрая благотворительность, которой занималась Императрица Мария Александровна, охватывала различные сферы российской жизни. На протяжении двух десятилетий она считалась по всей справедливости «Благотельницей» и первой покровительницей Палестины. Сохранившиеся памятники ее заботы и благочестия — Русская больница в Иерусалиме, построенная на предоставленные ею деньги, Русская школа для арабских девочек в Бет-Джалле, преобразованная впоследствии в первую женскую учительскую семинарию ИППО⁵. Императрица страстно желала совершить паломничество в Святую Землю, но не случилось.

Архимандрит Антонин (Капустин) в письме к В.Н. Хитрово от 23 января 1879 г., горячо поддерживая идею возглавления нового Общества Марией Александровной, писал: «Покровительницей Общества надобно умолить соизволить быть Ее Императорское Величество Государыню Императрицу»⁶. И это предложение отнюдь не было данью имперского иерархического статуса. Однако было уже поздно, земная жизнь Императрицы подходила к концу. Тем не менее, Мария Александровна, несмотря на болезнь и угасание, смогла, незадолго до кончины, отменить уже подписанный указ Императора Александра II о закрытии Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, но встать во главе Общества, конечно, никак не могла.

Осенью 1879 г. в переписке В.Н. Хитрово и Е.В. Путятин впервые появляется имя цесаревича Александра. Вообще, к начальной истории бытия Палестинского Общества в полной мере относятся слова из Евангелия от Матфея *Жатвы много, делателей мало* (Мф. 9:36). Их действительно было мало! Это были первоначально Хитрово и Путятин, затем Хитрово, Путятин и Победоносцев.

Известный российский палестиновед, видный петербургский чиновник Василий Николаевич Хитрово (1834–1903) вошел в историю как инициатор и создатель Палестинского Общества. Первое путешествие в Святую Землю летом 1871 г. и увиденное там тяжелое, беспомощное положение русских паломников и безотрадное состояние Иерусалимской Православной Церкви, особенно ее арабской паствы, произвели на Василия Николаевича столь сильное впечатление, что весь духовный мир его изменился, и дальнейшая жизнь была посвящена делу Православия на Ближнем Востоке.

Евфимий Васильевич Путятин (1804–1883), граф, генерал-адъютант, адмирал. На Пасху 1879 года в сопровождении своего семейства побывал с паломничеством в Святой Земле. По возвращении в Петербург Путятин «завертел вихрем», как писал впоследствии В.Н. Хитрово, вопрос о Палестине⁷. Именно Путятину была адресована первая версия знаменитой книги В.Н. Хитрово «Православие в Святой Земле». В архиве Русской Духовной Миссии в Иерусалиме сохранилась рукопись под названием «Иерусалимский вопрос» с подзаголовком: «Записка, поданная графу Е.В. Путятину 19 октября 1879 г.». Путятин в этот момент даже не знал, кто такой Хитрово, его имя-отчество и какого он звания, но, прочитав записку, начал заниматься, а точнее «пробивать» идею создания Палестинского Общества. Евфимий Васильевич привлек к делу будущего обер-прокурора Святейшего Синода, государственно и православно мыслящего К.П. Победоносцева.

Константин Петрович Победоносцев (1827–1907) вошел в историю как крупный государственный деятель и автор историко-юридических трудов. Имевший исключительное влияние на Императора Александра III, Победоносцев являлся вдохновителем преобразований во всех сферах общественной жизни России: экономике, образовании, печати. Много лет спустя, в связи с кончиной К.П. Победоносцева, Великая Княгиня Елизавета Федоровна с большой теплотой вспоминала о роли обер-прокурора Св. Синода в становлении Общества: «Константин Петрович относился к деятельности Общества всегда с искренней отзывчивостью, мощно поддерживал его и радовался его успехам. Не могу не вспомнить, что Общество, пользуясь радушным гостеприимством Константина Петровича, целый ряд первых лет своего существования имело свои собрания в его доме»⁸. Казенная квартира была слишком большой, а бытовые потребности Победоносцева совсем малы, квартиры пустовали.

2,5 года продолжалась активная подготовительная фаза по созданию Общества, было все — уныние и «вихрь», смерть Императрицы Марии Александровны и убийство Императора Александра II, паломничество Великих Князей Сергия и Павла Александровичей и Константина Константиновича в Святую Землю и, наконец, окончательные решения Победоносце-

ва, Великого Князя Сергия Александровича и Императора Александра III, утвердившего указ Св. Синода. Могло ли состояться дело без Императора? Думается, что нет, и исходит это из самого бытия нашего государства, это тоже был «Вопрос сердца»!

Работа В.Н. Хитрово над уставом Общества относится к концу 1879-началу 1882 гг. В самом раннем из дошедших проектов документ назывался: «Устав Общества „Православный Восток»». Цели создаваемого общества носили научно-издательский характер, далекий от каких-либо церковно-политических или государственных интересов. Общество лишь постепенно обретало черты мощного инструмента русского присутствия на Ближнем Востоке. Следующий по времени вариант озаглавлен иначе: «Устав Православного Восточного Общества». Затем Хитрово зачеркивает слово «Восточного» и пишет сверху «Палестинского». В конце августа 1879 г. В.Н. Хитрово вернулся из командировки на Кавказ и нашел в высших кругах общества полнейшую апатию, названную им «безмолвие пустыни безжизненной». На любое предложение он получал один ответ: «Ах, помилуйте, оставьте, молчите, разве теперь время что-либо делать»⁹. Как вдруг неожиданно все завертелось, все засуетилось. Этим вихрем оказался граф Е.В. Путятин, который тогда только что вернулся из Иерусалима. Так сложился тандем Хитрово-Путятин, они договорились, что когда нужно будет куда-то поехать, кого-то попросить, где-то замолвить слово, то этим занимался граф, а писать возлагалось на Хитрово. Именно Путятин, имеющий доступ в высшие сферы и хорошо понимающий обстановку, предложил заинтересовать делом цесаревича Александра. Но тут случилось непредвиденное. Жена Путятина заболела оспой. Поэтому, когда наследник прислал за Путятиним, чтобы переговорить лично, он не мог поехать, так как в доме у него была оспа, и передал все дело в руки К.П. Победоносцева.

Особенность состояла в том, что из-за оспы и невозможности встречаться, все договоренности Хитрово и Путятин совершили, как бы мы сейчас сказали «виртуально», лично незнакомые между собой. Настолько сильна была роль слова, личных убеждений и общность позиции. Хитрово позднее писал, что обязан Путятину тем, что на него перестали смотреть как на авантюриста, желающего извлечь лично для себя пользу. 14 марта 1880 г. граф Путятин, уже познакомившийся лично с Василием Николаевичем, писал ему: «На днях я виделся с К.П. Победоносцевым; он мне повторил, что, если опять что-нибудь не помешает, Государь Наследник призовет меня к себе. Постараюсь объяснить проект об образовании Общества для поддержания православия в Св. Земле под Его покровительством. При Вашем усердии и умении осуществить такой проект, он, при помощи Божией, может положить преграду успехам иноземных пропаганд»¹⁰.

Еще один косвенный участник процесса Александр Васильевич Головин, когда-то стоявший у истоков русского проекта в Святой Земле, сорат-

ник Великого Князя Константина Николаевича и преемник графа Путятин на посту министра народного просвещения. В начале 1880 г. он написал В.Н. Хитрово: «Граф Путятин передал мне записку Вашу об учреждении Палестинского Общества. Я выразил ему самое полное сочувствие Вашей прекрасной мысли. ... Можно быть уверены в сочувствии и содействии Наследника»¹¹. А 23 марта 1880 г. А.В. Головнин писал к В.Н. Хитрово еще более определенно о том, что проект Палестинского Общества «может пройти только в случае самого энергичного содействия Цесаревича. Можно ли надеяться на оное — в состоянии сказать только граф Е.В. Путятин и К.П. Победоносцев»¹². 28 марта 1880 г. А.В. Головнин возвращает В.Н. Хитрово проект устава Палестинского Общества

23 и 30 марта 1880 года в зале Императорского географического Общества у Чернышева моста, в заседании петербургского отдела Общества любителей духовного просвещения состоялось чтение реферата В.Н. Хитрово «Православие в Святой Земле». Присутствовавший в собраниях Великий Князь Константин Николаевич, по окончании докладов сказал: «Ты нарисовал тяжелую, но, к сожалению должен сознаться, верную картину»¹³. К лету 1880 г. дело опять совершенно затихло. Победоносцев был занят после назначения на новую должность обер-прокурора Св. Синода, после смерти жены Путятин уехал в Париж, а у Головнина сильно болела мать. Все остановилось. И Хитрово вместе супругой, Софьей Доминиковной, в ноябре 1880 г. поехали в паломничество в Палестину.

23 ноября 1880 г. Василий Николаевич из Иерусалима убеждал К.П. Победоносцева в принятии новой программы мер по поддержанию Православия в Святой Земле, основным пунктом которой было создание Палестинского Общества под покровительством цесаревича. «На Ближнем Востоке наше коммерческое влияние не в состоянии бороться с английским, наше политическое — сильно подорвано Берлинским конгрессом. Неужели нам самим наложить на себя руки и отказаться от последнего, религиозного влияния? Устройство частного Палестинского Общества с целью улучшения быта наших поклонников и поддержания православия при высоком покровительстве государя цесаревича дало бы возможность перейти к начертанной программе»¹⁴. В этом же письме возникает еще одно имя, прямо указывающего на все большую вовлеченность цесаревича Александра в дела Православного Востока. Имеем в виду архимандрита Никодима «Московского», настоятеля Иерусалимского подворья в Москве, будущего Патриарха Иерусалимского¹⁵. Внушительная, красивая внешность, обходительность, знание русского языка с небольшим южнославянским акцентом сделали его любимцем Москвы и Петербурга. В 1880 г. он был представлен наследнику, совершенно «вскружил всем головы, расположил в свою пользу и наш Двор и весьма многих из высокопоставленных лиц»¹⁶.

По возвращении в Петербург Василий Николаевич постарался повидаться с А.В. Головниным, Б.П. Мансуровым и К.П. Победоносцевым. Последний принял его любезно, продержал около часу и подробно расспрашивал обо всем.

1 марта 1881 года был убит Император Александр II, а с 21 по 30 мая состоялось поминальное паломничество Великих Князей Сергия и Павла Александровича и их двоюродного брата Константина Константиновича. Эта поездка сильно заинтересовала Василия Николаевича Хитрово, который желал извлечь из нее пользу для дела. Он писал архимандриту Антонину. «Ради Бога сообщите мне: и какое впечатление вынесли великие князья из Палестины, и какое произвели они на вас? Меня особенно интересует Сергей Александрович. Я о нем слышал много хорошего и на него я полагаю свои последние надежды»¹⁷.

Молодой Император Александр III набирал силу. В.Н. Хитрово так образно и почти конспиративно описывал свои наблюдения в письме к архимандриту Антонину от 27 июня 1881 г.: «Переживаем не от того, чтоб все шло к худшему, а просто потому, что разленились и в работу не вработались. Жили себе смирно, спокойно в просонь, а тут барин встал рано да стал бичом пощелкивать, подскочили все и спросонья метутся. Ну, все это устроится, и зимою я жду, что мы совсем проснемся, а барин-то не знаю энергичен ли, а действует энергично. Дай Бог ему час добрый»¹⁸.

Появился, наконец, в свет давно ожидаемый и I выпуск «Палестинского Сборника»: «Православие в Святой Земле», и Василий Николаевич через обер-прокурора К.П. Победоносцева представил свою книгу Императору, говоря при этом: «Я не желаю ни благодарности, ни подарка, а лишь, чтоб это поднесение дало бы мне возможность испросить предварительное согласие на учреждение Палестинского Общества»¹⁹. Впечатления от Великого Князя Сергия Александровича в Иерусалиме были самые наилучшие. Поэтому Хитрово осенью 1881 г. обсуждает с Победоносцевым предположение поставить Великого Князя Сергия Александровича во главе Общества. Он одобрил.

Вернувшись к Рождеству из Лондона, Хитрово вновь занимается палестинскими делами. Он встречается с Победоносцевым и напоминает ему об уставе Общества, лежащем в Св. Синоде уже год. 2 января 1882 г. устав был официально представлен в Св. Синод для юридической экспертизы. При этом К.П. Победоносцев, как говорится в письме Хитрово к о. Антонину, «высказал сомнения, что у меня не будет ни денег, ни людей, и что устав останется пустой буквой. Впрочем, чтоб сделать мне приятное, он даст ход делу»²⁰. Но для этого нужно собрать подписи лиц, желающих учредить Общество. И кто начал ездить по сановному Петербургу и собирать подписи? 79-летний Е.В. Путятин! И первым, к кому он повез подписной лист, был Великий Князь Сергей Александрович!

В апреле 1882 г. настоятель Иерусалимского подворья архимандрит Никодим был посвящен в сан архиепископа Фаворского. Через несколько дней он был принят Александром III, где с ним обсуждался, в том числе, вопрос о создании Палестинского Общества. Решив, что через Общество можно будет поживиться, новоназначенный архиепископ рьяно взялся за дело. Он в полном облачении прямо от государя явился к Хитрово с объявлением, что Император одобрил учреждение Палестинского Общества, и что нужно теперь приняться за составление устава. «Устава какого? спрашиваю я. — писал Хитрово. — Он давно готов, давно представлен и другого писать не буду. Не вполне довольный, тем не менее, он и при свидании с великим князем Сергеем Александровичем передал ему об Обществе и в ответ на это получил тоже согласие. Относительно Общества, конечно, мы не могли не разойтись. Его единственная цель была чрез Общество собирать деньги и пересылать в патриархию»²¹.

Важна здесь не даже не позиция архиепископа Никодима, она понятна — сбор средств для Иерусалимской Церкви, а то, что Император Александр III всеми возможными способами дает понять и МИДу и Св. Синоду, что он согласен на учреждение Палестинского Общества и ждет последнего шага в этом направлении. Наконец, к 22 апреля 1882 г. было «получено и самое любезное согласие министерства иностранных дел, письменное согласие великого князя Сергея Александровича принять звание председателя, если на то последует согласие Государя Императора»²². Государь был согласен!

Протокол 1-го общего собрания 21 мая 1882 г. гласит следующее: «Православное Палестинское Общество, по получении утвержденного 8 мая сего года устава Общества, с соизволения Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича, изъявившего согласие свое на принятие звания председателя Общества, постановило: 21 мая сего года, в 2 часа дня, открыть свои действия, о чем были предварительно уведомлены все члены учредители Общества»²³.

А.А. Дмитриевский, известный литургист и секретарь Общества писал:

«В Бозе почивший Государь Император Александр Александрович, еще в бытность свою Наследником-Цесаревичем, всегда с теплым сердечным сочувствием относился ко всем вопросам, связанным с Св. Землей и нашими успехами в ней. Посему, когда Провидению угодно было вручить ему кормило Русского Государства, то в мае 1882 года он призывает к бытию Православное Палестинское Общество, руководство им вверяет своему возлюбленному Брату-Паломнику и внимательно следит за первыми шагами его успешной деятельности»²⁴.

История создания Палестинского Общества может быть рассмотрена в контексте внутренней политики Александра III. Император в полной мере воспользовался плодами реформ отца, Александра II, и многолетних усилий

матери, Императрицы Марии Александровны, по развитию науки, образования и культуры, общественной жизни. К концу 1890-х гг. частные общества охватили «все доступные пределы науки». Благодаря их усилиям во второй половине XIX в. был сделан важный шаг в области всестороннего исследования России. Таким образом, общества способствовали подъему научной деятельности и составляли важную часть научного потенциала России.

- ¹ Последним настоятелем храма перед его закрытием в конце апреля 1918 г. был протоиерей Дорофей Ярушевич, отец митрополита Крутицкого Николая (Ярушевича), ставшего одним из первых членов Российского Палестинского Общества при АН СССР при возобновлении деятельности в 1950 г.
- ² *Порфирий (Успенский), епископ*. Книга бытия моего. Т. III. СПб., 1896. С. 451–452.
- ³ *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882–1907. М.—СПб., 2008. С. 191.
- ⁴ *Лисовой Н.Н.* Самодержец и Восток: Святая Земля и Святая Русь // Русская Палестина. Россия в Святой Земле. Материалы международной научной конференции. СПб., 2010. С. 75–89.
- ⁵ См. подробнее: *Бутова Р.Б.* Школа Е.Ф. Бодровой. К 150-летию русского учебного дела в Святой Земле // Русская Палестина. Россия в Святой Земле. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2010. С. 121–134.
- ⁶ *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. С. 196.
- ⁷ *Хитрово В.Н.* Собрание сочинений и писем. Т. 3. Из эпистолярного наследия // Сост., подг. текста и комм. Н.Н. Лисового и Л.А. Герд / Отв. ред. Л.В. Мельникова. М.—СПб., 2012. С. 145–146.
- ⁸ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 373/1, д. 196. Л. 48.
- ⁹ Из письма В.Н. Хитрово архимандриту Леониду (Кавелину) от 13 января 1880 г. // Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. 3. Из эпистолярного наследия. С. 145.
- ¹⁰ *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. С. 202.
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. С. 202.
- ¹³ Там же. С. 215.
- ¹⁴ *Хитрово В.Н.* Собрание сочинений и писем. Т. 3. Из эпистолярного наследия. С. 23.
- ¹⁵ Никодим (в миру Николай; †1910) — Патриарх Иерусалимский (1883–1890). Архимандрит, настоятель Иерусалимского подворья в Москве (1877–1883); с 1881 г. архиепископ Фаворский (посвящен в сан в Исаакиевском соборе в Санкт-Петербурге). После низложения с престола (30.07.1890) жил на русскую пенсию на Патриаршем подворье, в монастыре св. Георгия Кримнос (о. Халки в Мраморном море, близ Константинополя).
- ¹⁶ *Хитрово В.Н.* Собрание сочинений и писем. Т. 3. Из эпистолярного наследия. С. 151–152.

- ¹⁷ Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. 3. Из эпистолярного наследия. С. 130.
- ¹⁸ Там же. С. 233.
- ¹⁹ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. С. 237.
- ²⁰ Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. 3. Из эпистолярного наследия. М.-СПб., 2012. С. 133.
- ²¹ Там же. С. 134.
- ²² Там же. С. 154.
- ²³ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. С. 248–249.
- ²⁴ Дмитриевский А.А. Державные защитники и покровители Святой Земли и Августейшие паломники у Живоносного Гроба // Дмитриевский А.А. Деятели Русской Палестины. [Сб. работ] / Сост., подг. текста, предисл. Н.Н. Лисового. М.-СПб., 2010. С. 25.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III И ЕГО БРАТ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ: РОДСТВЕННЫЕ И ОФИЦИАЛЬНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

А.Н. Закаатов

Императрица Мария Александровна родила Александру II двух дочерей и шестерых сыновей. Судьба старших детей августейшей четы сложилась печально. Первенец — великая княжна Александра умерла в 1849 г., не дожив до 7 лет. Второй ребёнок и старший сын — Цесаревич Николай, который мог бы войти в историю России и мира под именем Николая II, скончался в возрасте 21 г. в 1865 г. Наследником стал второй сын Великий Князь Александр. Третьим был великий князь Владимир. От него происходит ныне здравствующая старшая линия Российского императорского дома.

Из всех детей Императора Александра II — Александр III и Великие Князья Владимир и Сергей оставили наиболее заметный исторический вклад. Целью данного доклада является характеристика взаимоотношений двух старших братьев. Владимир был младше Александра на 2 года. Он родился в Санкт-Петербурге 10 апреля 1847 г.¹

Первичным воспитанием маленьких Александра и Владимира, кроме гувернанток, занимался «дядька» — унтер-офицер Семеновского полка Тимофей Хренов. В 1849 г. по воле Императора Николая I ко всем трём его внукам был определён в наставники директор Пажеского корпуса генерал-майор Н.В. Зиновьев, помощником коего состоял полковник Г.Ф. Гогель, а Т. Хренов продолжал обучать Великих Князей строевым приёмам.

Приёмы воспитания и обучения мальчиков были строгими. Подъем наступал в 7 часов утра. Дети молились и шли поприветствовать отца. Затем им разрешалось побегать по аллеям, где в то же время имел привычку прогуливаться Император Николай I. Встретив дедушку, внуки выстраивались во фронт и обнажали головы. В 9 часов проходил ритуал приветствия матери. Далее следовали: строевые занятия, лёгкий завтрак, обучение стрельбе и гимнастические упражнения. В полдень августейшие ученики поручались преподавательнице грамматики В.Н. Скрипицыной. Через два часа

полагался обед. Спустя много лет Владимир, знавший толк в кулинарном искусстве и умевший ценить его по достоинству, не раз вспоминал, насколько скромным было великокняжеское меню в пору его детства. После обеда полагалась часовая прогулка в коляске в окрестностях Царского Села. Чаепитие устраивалось в 4 пополудни. Затем дважды в неделю Великие Князья обучались танцам, а в иные дни им разрешалось кататься на лодке или резвиться в парке. В 7 часов они принимали вечерний чай у матери, а в 8 часов, получив благословение родителей и помолившись Богу, отходили ко сну.

Несмотря на жёсткую дисциплину, атмосфера воспитания Великих Князей была доброй. Они росли в духе любви и уважения к родителям и воспитателям и были чрезвычайно привязаны друг к другу. Эти чувства они пронесли через всю жизнь, несмотря на то, что с годами, наряду с внешним и внутренним сходством, у каждого всё более проявились разные индивидуальные качества.

Членов императорского дома с детства приучали к бережливости и внимательному учёту своих средств. У Александра III крайняя экономность сохранилась до конца дней. Владимир был несколько более широк в тратах, но и он старался ограничивать себя. Нужно отметить, что значительная часть карманных денег расходовалась юными Великими Князьями не на собственные развлечения, а на подарки родным и друзьям, на благотворительные лотереи и т.п.

С семи лет великие князья производились в чин прапорщика, и с этого момента начинался отсчёт их воинской службы. По мере взросления августейших подростков расширялся круг изучаемых ими наук. С 1852 г. русский язык, историю России и мира, географию и немецкий язык великим князьям начал преподавать знаменитый филолог и историк Я.К. Грот. Потом появились новые предметы и отдельные преподаватели по каждой из дисциплин.

18 февраля 1855 г. почил Николай I. Цесаревич стал Императором Александром II, а титул наследника перешёл к его старшему сыну 11-летнему Николаю.

Во второй половине 1850-х гг. в среде педагогов при императорской семье произошёл разлад. А.Ф. Гримм, приставленный к Великим Князьям по желанию бабушки вдовствующей императрицы Александры Фёдоровны, затеял интригу, в результате которой оказались отстранёнными от воспитания любимые наставники. Александр и Владимир расставались с ними со слезами. Но и А.Ф. Гримм не удержался на своей должности. В 1860 г. воспитателем Александра и Владимира стал генерал-майор граф Б.А. Перовский. Ему же было поручено заведовать их Конторой (то есть, управлением делами). В своих докладах императору граф Б.А. Перовский отмечал, что Владимир обнаруживает больше способностей к учёбе, чем старший Александр и младший Алексей. С другой стороны, он склонен «к лени

и ко всякому роду сибаризма»². Иногда Владимир позволял себе засыпать на занятиях, и графу приходилось его будить.

Получив достоюльную начальную подготовку, Великие Князья были зачислены в 1-й Кадетский корпус. В июле 1864 г. их отправили в Красное Село на летние сборы — Александра командиром стрелковой роты, а Владимира командиром 3-го отделения 1-й роты Образцового пехотного батальона. Это была уже гораздо более серьёзная жизненная школа, которую юноши прошли вполне достойно. Братья подшучивали над Владимиром, который, будучи тучнее их, тяжеломерно смотрелся в седле. Полнота Великого Князя стала следствием менее подвижного образа жизни. Виной тому явились обострения экземы, причинявшие ему страдания. На подтрунивание Владимир не обижался, понимая, что оно не носит оскорбительного характера.

В 1865 г. императорскую семью постигло большое несчастье. Цесаревич Николай Александрович, находившийся на лечении в Ницце, впал в бессознательное состояние. Александр поспешил к старшему брату, а вслед за ним выехали Александр II, Владимир и Алексей. Все они собрались 10 апреля у одра умирающего, который 12 апреля скончался. Горе ещё больше сблизило братьев. Владимир и Алексей сопровождали Александра, ставшего отныне наследником, во время его визита в Данию в июне 1866 г., с целью сватовства к бывшей невесте Николая принцессе Дагмар. На браковенчании 28 октября 1866 г. братья исполняли обязанности шаферов августейшего жениха.

Владимир часто бывал у новобрачных. В апреле 1867 г. вместе с бра- том и его супругой он посетил Москву. В мае того же года они на поезде прибыли в Ригу и на корвете «Аскольд» отплыли в Данию. В том же году они отправились в Париж, где участвовали в визите своего отца во Францию. 25 мая 1867 г. Александр и Владимир находились с Александром II и Наполеоном III в экипаже, когда террорист польского происхождения А. Березовский совершил покушение на жизнь государя.

Владимир писал матери: *«Вот уже второй раз, что, слава Богу, [Ему] было угодно спасти нас от близкой опасности. Тебе, конечно, известны все подробности этого покушения. Нового от себя ничего прибавить не могу. Только одно скажу, что вскоре после выстрела, когда я пришёл в себя, мою мыслью было, что покушение относилось к императору [Наполеону III]. Я, признаться, сказал, что мне долго не верилось, что этот человек был поляк! Теперь французы увидят, что значит благодарность поляков. Ведь несколько дней перед этим вышла полная амнистия!»*³.

Этот первый визит во французскую столицу, омраченный терактом, и общие впечатления от города тогда оставили у сыновей Александра II не самые лучшие воспоминания. Потом они полюбят Париж, а союз России

с Францией, несмотря на глубинные различия в государственных и идейных устоях двух стран, станет одной из главных основ внешней политики Императора Александра III.

В 1867 г. Владимир принёс установленную законом династическую присягу и начал, как и старший брат, участвовать в заседаниях Государственного совета и присутствовать на докладах министров Императору. Ему было свойственно видеть собственные недостатки и упорно стараться бороться с ними. *«Мы должны себя так вести, чтобы нам простили наше происхождение. А с эгоизмом этого невозможно, я это понимаю»*⁴, — писал он матери.

Александр был произведен в генерал-майоры в 1865 г., Владимир — в 1868, когда старший брат уже стал генерал-адъютантом и генерал-лейтенантом. Наряду с традиционной военной службой, братьев объединяли и общие увлечения — коллекционирование оружия, антиквариата, старинной и современной живописи, собирание книг. Владимир был более страстным библиофилом, чем Александр, и это заметил их отец, оставивший в завещании распоряжение, чтобы его библиотека, составлявшая около 10 тыс. томов, перешла именно Владимиру.

Схожими чертами сыновей Александра II были статность, богатырская величественность и многие качества характера. Александр и Владимир особенно походили друг на друга, как в положительном, так и в отрицательном смысле. Они были просты в общении, искренни, доброжелательны и сострадательны, развиты духовно и хорошо образованы, но порой проявляли бестактность. Некоторые их фразы и шутки носили грубый характер и могли обидеть людей, особенно тех, кто их мало знал. Справедливости ради стоит отметить, что к простым людям они относились более вежливо, чем, например, к младшим членам династии или представителям аристократии. Это, конечно, задевало и подчас больно ранило лиц высокого происхождения. Но, быть может, некоторые из них и вправду заслуживали резкого отношения в большей степени, чем многие соотечественники, стоявшие ниже их на социальной лестнице того времени?

Летом 1866 г. Александр и Владимир совершили путешествие по Волге. Когда Владимиру доводилось путешествовать одному, он делился своими впечатлениями с отцом и старшим братом.

Рост революционного терроризма в царствование Александра II, постоянная угроза жизни государя и его семьи, заставляли особенно тщательно позаботиться о будущем династии и обеспечении легитимной преемственности.

У цесаревича Александра уже родились сыновья Николай (1868–1918), Александр (1869–1870) и Георгий (1871–1899). Но Александр II желал, чтобы и следующие линии императорского дома получили продолжение, готовое воспринять наследие в случае трагической гибели старшей

ветви императорского дома. Настало время устроить женитьбу Владимира. Рассматривалось несколько кандидатур невесты, но, в конце концов, государственные интересы и человеческие чувства совпали в намерении заключить брак Владимира с принцессой Мекленбург-Шверинской Марией-Александриной.

Мекленбургский дом — единственная германская династия славянского происхождения, происходящая от ободритского⁵ Великого Князя Никлота и его сына Прибыслава. Будущая жена Владимира гордилась этим и даже в шутку говорила, что она — более славянка, чем сами Романовы. Но она была воспитана в протестантизме, и вопрос смены исповедания оказался для неё чрезвычайно сложен (как впоследствии и для супруги Великого Князя Сергея Александровича прп. Великой Княгини Елисаветы Феодоровны и супруги св. Николая II св. Императрицы Александры Феодоровны). На момент свадьбы Мария-Александрина не была готова перейти в православие и не хотела это делать формально и неискренно. Данный вопрос обсуждался в высочайшем присутствии Александра II и Марии Александровны с участием государственного секретаря князя С.Н. Урусова, министра императорского двора графа А.В. Адлерберга и министра юстиции графа К.И. Палена. Тщательно исследовав все духовные и правовые аспекты дела, государь, государыня и сановники сформировали единственно законную позицию, которая нашла воплощение в династическом акте, подписанном в день бракосочетания Владимира и Марии 16 августа 1874 г. На нем стояли подписи императора Александра II, цесаревича Александра и самого Владимира: *[Л. 1] «Разрешив сыну Моему Великому Князю Владимиру Александровичу вступить в брак с Ея Великогерцогским Высочеством Герцогинею Мариею Мекленбург-Шверинскою; и изъявляя согласие, чтобы Ея Высочество Герцогиня Мария, по особым семейным Ея обстоятельствам, не была обязана при предстоящих обручении и браке воспринять Православное исповедание, — Я признал за благо установить в настоящем Фамильном Акте, для непременно, в будущем, исполнения, следующие, в отношении // [Л. 1 об.] сего брака, правила.*

1. Если, по неисповедимой воле Божией, наследие Престола перешло бы к сыну Моему Великому Князю Владимиру Александровичу, а Супруга Его до того времени оставалась в лютеранском исповедании, то сын Мой Великий Князь Владимир Александрович, по разуму ст. 142-й Основных Законов, не иначе может получить право на Престола наследие, как по восприятии Его Супругою Православного исповедания»⁶;

2. Если бы Супруга Великого Князя Владимира Александровича, при переходе к Нему права Престола наследия, не восприняла // [Л. 2] Православного исповедания; то Он должен быть признаваем

добровольно отречимся от означенного права, с точным соблюдением постановлений, содержащихся в ст. 15-й⁷ и 16-й Основных Законов⁸;

3. Если бы, по неисповедимой воле Божией, Супруга Великого Князя Владимира Александровича, не восприяв Православного исповедания, кончила жизнь прежде перехода к Нему права Престола наследия, — то, за прекращением Его брака с лицом иноверного исповедания, Он сохраняет право на наследование Престола;

4. В случае, указанном выше в ст. 2-й об отречении Великого Князя Владимира // [Л. 2 об.] Александровича, равно если бы, по неисповедимой воле Божией, Великий Князь Владимир Александрович кончил жизнь до восприятия Супругою Его Православного исповедания, — дети, от брака сего рожденные, сохраняют все права Престола наследия, Членам Императорского Дома принадлежащие, по порядку установленному в Основных Законах.

С. Петербург 16-го Августа 1874 г.»⁹

Особая статья брачного контракта, подписанного представителями Императора Александра II (отца жениха) и великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха-Франца II (отца невесты) в Петербурге 30 июля (12 августа н. ст.) 1874 г., гарантировала, что Мария Павловна будет присутствовать на православных богослужениях, а дети от этого брака получат воспитание в православной вере, в соответствии с законами Российской Империи¹⁰. Акт 16 августа 1874 г. утверждает нижеследующие правовые положения:

1. Отречение члена Императорского Дома от права на наследование престола, принадлежащего ему от рождения, может быть только добровольным и не может быть, по какой бы то ни было причине, «автоматическим».

2. Право определения круга лиц, к которым применяется действие статьи 142 (с 1906 г. — 185), принадлежит исключительно царствующему Императору как главе Императорского Дома.

3. Давая разрешение на брак с иноверной особой члену Императорского Дома, не обладающему **непосредственным** правом на наследование престола, глава династии может взять с него письменное обязательство исполнить определенные условия в том случае, если ему все-таки суждено будет унаследовать права и обязанности главенства в Императорском Доме.

4. Целью статьи 142 (с 1906 г. — 185) является обеспечение православного исповедания Императрицы-супруги. В связи с этим Император (глава династии) может предъявить члену Российского Императорского Дома следующие требования: вступивший в брак с инославной особой, не принявшей православное исповедание после заключения брака, в случае перехода к нему прав престолонаследия, обязан либо обеспечить переход своей

супруги в Православие, либо подтвердить свое персональное добровольное отречение, которое, во всяком случае, не касается его потомства, рожденного и воспитанного в Православии.

5. Брак с инославной принцессой, сам по себе, не лишает члена Императорского Дома прав на престолонаследие и не накладывает морального обязательства отречься добровольно. В случае принятия супругой православия после заключения брака или смерти инославной супруги до перехода к нему прав престолонаследия, вопрос исчерпывается, и данный член династии становится главой императорского дома без условий и оговорок.

6. Статья 142 (с 1906 г. — 185) нисколько не затрагивает право на наследование престола потомством от браков членов Императорского Дома с инославными принцессами: «дети, от брака сего рожденные, сохраняют все права престолонаследия, членам императорского дома принадлежащие, по порядку установленному в основных законах».

Применительно к линии Владимировичей, если бы престолонаследие дошло до Владимира Александровича, то он должен был либо уговорить свою жену принять православие, либо подтвердить свое добровольное обязательство окончательно отречься¹¹. В этом случае Императором стал бы его сын Кирилл. Когда в 1905 г. по поручению св. Императора Николая II секретное совещание обсуждало вопрос, какие наказания возможно применить к Великому Князю Кириллу в связи с его вступлением в брак без высочайшего соизволения, никто не подвергал ни малейшему сомнению наличие прав престолонаследия ни у Владимира, ни у Кирилла¹². После того, как Великая Княгиня Мария Павловна 10 апреля 1908 г. приняла Православие, фамильный акт от 16 августа 1874 г. утратил актуальность, так и не вступив в силу. Но он сохранил непреходящее значение для правильного понимания брачного законодательства Российского Императорского Дома в целом и, в особенности, порядка применения статьи 142 (с 1906 г. — 185)¹³.

«Владимир и Михень¹⁴ произвели на меня самое приятное впечатление, — писал матери Александр, — и Минни¹⁵ мне говорила, что Владимир совершенно переменялся в последнее время в Крыму в своем обращении с женой, что сейчас же видно»¹⁶. Своего первенца, появившегося на свет в 1875 году, Владимир и Мария называли Александром в честь отца и старшего брата. Увы, малютка не дожил до двухлетия. Цесаревич глубоко сострадал брату. В своем дневнике он оставил запись за 4 марта 1877 г.: «Я положительно верить не хотел, что этот ангел умрёт; такое чудное было дитя, как Владимир его нежно любил! Он болел уже давно, но серьезно заболел неделю тому назад, и в последние дни у него сделалось воспаление в лёгком, и умер окончательно от паралича сердца. Мы сейчас же поехали к Владимиру и Михень и застали их втроем

сМама, и маленький душка лежал на коленях у матери как будто спал. Невыразимо больно смотреть на бедного брата и его жену»¹⁷.

К тому времени у великокняжеской четы уже родился второй сын¹⁸. Его назвали Кириллом. И следующим своим детям они дадут имена, ранее не входившие в традицию дома Романовых — Борис (1877), Андрей (1879), Елена (1882). Известие о рождении сына Бориса застало Владимира в Болгарии в период его участия в Русско-турецкой войне 1877–78 гг.

Александр и Владимир разделяли сочувствие большинства соотечественников к угнетённым в Османской империи единокровным и единоверным народам Балканского полуострова. Сообщения о восстании против турецкого гнёта и о начавшейся жестокой резне, жертвами которой стали не только инсургенты, но и мирное население, всколыхнули Россию. Тем не менее, Император Александр II надеялся решить кризис мирными средствами. Однако позиция Турции не оставила на это шансов. 12 апреля 1877 г. государь подписал манифест о начале войны. Боевые действия против Османской империи начали Дунайская и Кавказская армии. Ими командовали, соответственно, братья Императора — Великие Князья Николай Николаевич Старший и Михаил Николаевич.

Сам Император Александр II со старшими сыновьями Александром, Владимиром и Сергием отбыл в действующую армию 21 апреля 1877 г. Наследник получил под начало Рушукский (Восточный) отряд, а Владимир — входивший в его состав 12-й армейский корпус. 20-летний Сергей состоял при Цесаревиче. Вернувшийся из плавания, Великий Князь Алексей также прибыл в июне 1877 г. в действующую армию и был назначен начальником всех морских команд на Дунае. Суждено было принять участие в войне и 17-летнему Великому Князю Павлу, младшему из сыновей Александра II. Он с сентября 1877 г. состоял при Императорской Главной квартире. Братьям предстояло в боевых условиях проявить свои знания и умения, полученные в процессе военной подготовки. Наиболее ответственная задача стояла перед Александром и Владимиром.

Рушукская крепость имела высокое стратегическое значение. Турецкий гарнизон составлял ок. 30 тыс. человек. Рушукский отряд под командованием Цесаревича должен был взять её в кратчайшее время. 10 июля началась военная операция. Однако первая неудача русской армии под Плевной 12 июля привела к приостановке наступления на Рушук и занятию оборонительной позиции. Рушукский отряд расположился по левому берегу реки Черный Лом, периодически осуществляя вылазки. В них отличился Владимир, подробно и с воодушевлением докладывавший старшему брату о рейдах против неприятеля под его руководством и при личном участии¹⁹.

Победный итог войны 1877–78 гг. оставил в общественном сознании преимущественно светлые воспоминания об этой освободительной

кампании, талантах и героизме русских солдат, офицеров и генералов. Но объективность требует признать, что в ходе войны были допущены стратегические и тактические просчёты командования, приведшие к большому количеству жертв, на первом этапе имели место неудачи, весьма неудовлетворительно организовывалось снабжение действующей армии. Основная ответственность за негативные явления в ходе этой кампании многими исследователями военной истории возлагается на главнокомандующего Николая Николаевича Старшего и его штаб. Конечно, при изучении любых фактов и обстоятельств возможны разные интерпретации, и никто не имеет права считать своё мнение «истиной в последней инстанции», тем более, исследователи, рассматривающие события извне и спустя много лет после их завершения. Ценнее свидетельства непосредственных участников боевых действий. В отрицательной оценке полководческих талантов своего дяди сходились Александр и Владимир.

Александр писал брату: *«Да уж, угостили нас с тобой в эту кампанию, положительно, выезжали на нашей шее 5 месяцев, а теперь, того и смотри, что закидают грязью. Я могу тебе откровенно сказать, зная, что ты никому не передашь моих слов. Подчас положительно руки опускаются, и хочется проситься вон, и если бы не присутствие Папа при армии, я бы давно это сделал. Не думаю, что мне грешно думать о своей репутации, она мне, может быть, более чем кому-либо нужна, и потерять её из-за бездарности и глупости главнокомандующего мне бы не хотелось»²⁰.* Цесаревич в этом письме отмечает, что не делился своими переживаниями и видением ситуации даже с женой, но не может удержаться, чтобы не сообщить брату, *«зная, что ты разделяешь мой взгляд на это»*. По свидетельству военного министра Д.А. Милютина, Цесаревич характеризовал дядю даже ещё хлестче: *«Если бы я не знал, что он такой дурак, то я назвал бы его подлецом»²¹.*

Владимир соглашался со старшим братом. Например, даже в январе 1878 г., уже после взятия Плевны²² и других впечатляющих побед, он писал Цесаревичу относительно общей обстановки в войсках: *«(...) если бы мы имели дело с нормальным главнокомандующим, то, конечно, ничего подобного случиться не могло, но мы вертимся в каком-то хаотическом царстве, в котором ужасающая бездарность об руку с тупоумным чванством бешено откалывают трепака»²³.*

Из-за общих создавшихся трудностей и Великий Князь Михаил Николаевич с его Кавказской армией тоже оказались вынуждены временно остановить наступление. Пять месяцев длилась героическая оборона Шипкинского перевала, осажённого Турецкой армией. Уяснив, что осада Шипки затянулась, турецкий мушир (маршал) германского происхождения Мехмет-Али-паша²⁴ начал наступление на позиции Рушукского отряда. В сражении 9 сентября 1877 г. русские войска под командованием Александра

и Владимира одержали важную победу у Чаирки. Все турецкие успехи за август были этим практически уничтожены. Турецкая армия отступила. Мехмет-Али-паша лишился должности. Цесаревич и Великий Князь за эту битву были возведены в достоинство кавалеров Ордена Святого Владимира с мечами (Александр — I степени, а Владимир — II степени).

В ноябре последовали победы у Трестеника и Мечки (14 и 30 ноября). Во время этих боев Александр и Владимир находились на передовой, их жизнь подвергалась постоянной опасности, но они «не считали удобным» наблюдать за ходом сражения из укрытия. За проявленный у Трестеника и Мечки героизм они удостоились звания Георгиевских кавалеров: Цесаревич — II степени, а Великий Князь — III степени. Их отношение к награждению выражено в словах из письма Владимира матери: «Я принял эту высокую награду не как лично мною заслуженную: не я умирал, не я проливал кровь свою»²⁵.

28 ноября 1877 г. армия мушира Османа-Нури-паши капитулировала в Плевне. 23 декабря Западный отряд Русской армии занял Софию, а Южный отряд окружил и пленил 30-тысячную армию Весселя-паши при Шейново. 3–5 января 1878 г. под Пловдивом (Филиппополем) была разгромлена армия Сулеймана-паши. 8 января без оказания сопротивления сдался Адрианополь. Рушукский отряд Цесаревича 14 января 1878 г. занял Разград, а на следующий день — Осман-Базар. Османская империя потерпела полное поражение²⁶. Сан-Стефанский мирный договор 3 марта 1878 г. закреплял победу России и освобождение Балканских народов. К сожалению, Берлинский конгресс сократил достижения, купленные драгоценной кровью русских солдат и балканских народов. Во всяком случае, русские воины вернулись на Родину с чувством исполненного долга. Те же ощущения были в душах Императора, его наследника и Великих Князей. Но и Александр, и Владимир вынесли из своего участия в войне глубокое отвращение к ней. Владимир писал матери о своих впечатлениях от наблюдавшейся им обработки ран изувеченных в боях солдат: «*Не могу пожаловаться на слабость моих нервов, но Боже, что это за ужас война во всей её наготу!*»²⁷.

В последний период царствования Александра II в России нарастали кризисные явления. «Великие реформы» воспринимались далеко неоднозначно и подвергались нападкам как слева, так и справа. Неуклонно ширился революционный терроризм. Элита Империи в ту пору утратила идейное единство. Одна её часть считала необходимым существенно скорректировать реформы в сторону консерватизма, а другая полагала правильным идти дальше по пути либерализации, чтобы предотвратить революцию и модернизировать страну эволюционным путем. В династии «либеральную партию» представлял Великий Князь Константин Николаевич со своим семейством. Цесаревич Александр, напротив, критически относился

к либерализму и был живым знаменем консервативного традиционализма. Владимир осознанно и глубоко разделял убеждения старшего брата. При этом они вовсе не были противниками разумной модернизации страны и отнюдь не считали всех без исключения либералов «врагами России». Цесаревич, правда, относился к ним суровее и категоричнее. Владимир иногда старался оказать умиротворяющее воздействие на брата: «*Ты обвиняешь людей высокопоставленных, что они не любят Россию и не знают её. С первым я не могу быть вполне согласен: я убежден, что они её по-своему любят. Второе: они её совсем не знают. С этим я согласен. Мы имеем министров военного, финансов, юстиции и т.д. Между ними царствует полнейшая неусобица, всякий тянет в свою сторону; общей солидарности никто из них не хочет признавать. При таких условиях общей цели существовать, конечно, не может*»²⁸. Оценки Владимиром Александровичем либералов и их отношения к России, похоже, не утратили своей актуальности и в наши дни...

Пока либералы и консерваторы полемизировали о путях реформ, чтобы сохранить традиционные основы России, революционеры готовили новые кровавые преступления для ниспровержения всего прежнего миропорядка. 2 апреля 1879 г. Император Александр II подвергся новому — третьему по счёту — нападению. А. Соловьёву удалось произвести по императору 5 выстрелов. Некоторые из пуль пробили шинель государя, но каким-то чудом сам он не пострадал. Однако этот случай показал явную неудовлетворительность мер по обеспечению безопасности монарха. Это подтвердили и следующие террористические акты, в которых жизнь Царя-Освободителя сохранилась также не благодаря профессионализму его охраны, а по удивительному стечению обстоятельств. Взрыв поезда 19 ноября 1879 г. поразил не царский поезд, а поезд свиты, только потому, что состав, на котором следовал государь, по техническим причинам отправился на 1 час раньше намеченного. Взрыв четырех пудов динамита в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г., организованный С. Халтуриным, унёс жизни 11 солдат Финляндского полка и тяжело ранил ещё 56 из них. Царская семья не пострадала лишь потому, что у шурина императора — принца Александра Гессенского, в честь которого давался семейный обед, остановились часы, и он опоздал. Александр и Владимир с супругами находились вместе в Малом зале и ожидали выхода родителей и дяди, когда прогремел взрыв.

8 февраля 1880 г. на чрезвычайном совещании в кабинете отца Цесаревич настаивал на необходимости учреждения Верховной следственной комиссии для решительной борьбы с терроризмом. Владимир, также приглашенный к участию в совете, всецело поддержал брата. Государь согласился с сыновьями, но назначил председателем созданной им на следующий день Верховной распорядительной комиссии по охранению

государственного порядка и общественного спокойствия представителя «либеральной партии» генерал-адъютанта графа М.Т. Лорис-Меликова. Комиссия просуществовала полгода, достигла, как казалось, некоторых результатов, и 6 августа была упразднена в рамках «смягчения действия принятых временно чрезвычайных мер». Увы, оптимизм Александра II оказался преждевременным...

Тем временем императорскую семью мучил внутренний кризис. Ни для кого из близких людей не было секретом, что у Императора Александра II есть возлюбленная — княжна Е.М. Долгорукова, что у них родились дети. В 1874 г. они были пожалованы Императором аристократическим титулом светлейших князей Юрьевских.

Александр, Владимир и другие сыновья относились к отцу с любовью, почтением и верноподданнической преданностью, но скорбели за мать и никак не могли смириться с наличием у Императора «параллельной семьи». Ещё более они были потрясены, когда после кончины Марии Александровны, последовавшей 22 мая 1880 г., государь решил не дожидаться окончания годовичного срока траура и заключил с княжной Е.М. Долгоруковой морганатический брак²⁹. Цесаревич и Великие Князья старались не огорчать отца, но принять его вторую жену в семейный круг были не в силах. 1 марта 1881 года в результате очередного покушения Царь-Освободитель Александр II был смертельно ранен и в тот же день скончался. Цесаревич Александр стал Императором. Осознавая возможность новых покушений и высокого риска для собственной жизни, Александр III счёл необходимым сделать распоряжение о правлении государством на случай, если он также будет убит. Наследник Николай ещё не достиг династического совершеннолетия. По закону правительство и опека над несовершеннолетним государем могли быть как в одном лице, так и раздельно. Если предыдущий Император не оставил на сей счет распоряжения, то после его кончины по закону правительство и опека в совокупности переходили к вдовствующей Императрице. Если же и она скончалась, то правителем и опекуном должен был стать «ближний к наследию престола из совершеннолетних обоюбого пола родственников малолетнего императора».

Император Александр III принял решение разделить правительство и опеку между «ближним к наследию» и Императрицей. Манифестом от 14 марта 1881 г. он установил, что в случае его смерти до совершеннолетия его сына «*Правителем Государства и нераздельных с оным Царства Польского и Великого Княжества Финляндского*» будет Владимир. Это же распоряжение оставалось в силе, если бы цесаревич Николай не дождался до династического совершеннолетия, и престол перешёл бы к следующему сыну Александра III. Императрице Марии Фёдоровне «*во всех случаях, означенных в предшедших 1-й и 2-й статьях сего Манифеста*» оставлялось право опеки над своими детьми³⁰. Ещё раньше,

на второй день своего царствования, 2 марта 1881 г. государь назначил Владимира командующим всеми гвардейскими войсками и Санкт-Петербургским военным округом³¹.

Эти акты свидетельствовали о высочайшем доверии нового Императора к своему брату. Владимир весьма ценил такое отношение и писал Александру: «*Несмотря на мои недостатки, из коих первый есть врожденная лень, мне кажется, что с помощью Божией я могу Тебе послужить, могу быть Тебе иногда полезным слугою*»³². Нельзя сказать, что взаимоотношения между Александром III и Владимиром были идеальными. Государь гневался на брата за упомянутую и покаянно признаваемую самим Владимиром лень, за случавшуюся поверхностность в подходах к делу, за любовь к роскоши. Ему не нравились частые путешествия Владимира и его супруги за границу. Владимир же полагал, что Император слишком суров к близким и преданным людям, но, в то же время, понапрасну доверяет интриганам, прикрывающимся патриотической фразеологией. Если Александр III отличался антизападными взглядами и предпочитал подчёркнуто русский стиль практически во всём, то Владимир был, при всём своем неподдельном русском патриотизме, «европейцем» и иронически оценивал чрезмерные внешние проявления «русскости». Однако небольшие деловые и семейные трения и вкусовые различия не могли нарушить главного, что сближало братьев с детства — любви, боевой дружбы, общего понимания долга перед Отечеством. Владимир был неизменно одним из главных сподвижников Александра III.

Годы правления Александра III многие именуют «эпохой контрреформ», подразумевая, что он начал ликвидировать реформаторское наследие своего отца. Вряд ли это можно признать справедливым. Политизированные штампы никогда не способны объяснить суть явлений и процессов. Скорее, правильнее говорить о корректировке Александром III либеральных реформ предшествующего царствования (без отказа от них) и о его самостоятельных консервативных реформах. Александр III был убежден, что для России самодержавная законная наследственная царская власть является единственно полезной и благотворной³³. Об этом он возвестил в своем манифесте от 29 апреля 1881 г., и затем в течение всего царствования предпринимал меры для сохранения и упрочения легитимной монархии. Утвержденное им 14 августа 1881 г. «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» создало эффективную методологию борьбы с разрушителями государства и традиционных устоев общества на долгие годы.

Говоря о царствовании Александра III, часто вспоминают ужесточение цензуры, ограничение прав судов и университетов, «указ о кухаркиных детях» и т.п. «наступления на свободу». Но нелишним будет вспомнить и то, что при этом государе начался мощный рост российской

промышленности, достигнута финансовая стабильность, произошла реорганизация вооруженных сил, усовершенствование боевой подготовки и модернизация военной техники, быстро развивались судостроение и железнодорожный транспорт. Крайне важно отметить мудрый, спокойный, уверенный миролюбивый курс внешней политики Александра III, принесший ему имя Царя-Миротворца. Что касается политических репрессий, то даже в условиях жёсткой борьбы с терроризмом с 1881 по 1890 гг. в отношении революционеров было вынесено всего 74 смертных приговора, из которых лишь 17 приведено в исполнение.

Владимир помогал царственному брату и выполнял его поручения отнюдь не только на военной службе, но и на международной арене, и во внутренней политике. В ноябре 1886 г. он провёл успешные переговоры в Берлине с канцлером Германской империи О. фон Бисмарком, ставшие важной вехой на пути к подписанию взаимовыгодного российско-германского «Договора перестраховки» 6 июня 1887 г.³⁴ Владимиру в январе 1885 г. было поручено возглавить комиссию по редактированию «Учреждения о императорской фамилии», призванную привести этот акт в соответствие с современным ему состоянием Российского Императорского Дома и сократить государственные расходы на его содержание. В этом вопросе государю пришлось столкнуться с недовольством большей части династии. Но его твёрдая воля в сочетании с высоким уровнем профессионализма правоведов, собранных под началом Владимира, привели к справедливому итогу. В результате работы Комиссии была создана новая редакция Учреждения, утверждённая Императором 2 июля 1886 г. Владимир проявил широту мысли и не позволил своим родственным чувствам и семейным интересам встать выше интересов государственных. Очевидно, именно поэтому председательствование в Комиссии было поручено ему, а не другому члену императорской фамилии.

Александр III одобрял и поддерживал широкую социокультурную деятельности брата, являвшегося президентом Императорской Академии художеств, председателем, покровителем и попечителем множества учреждений и организаций благотворительного и просветительского характера. В этой сфере Владимиру в марте 1883 г. Императором было доверено и председательствование в комиссии по сооружению в Санкт-Петербурге Храма-Памятника Воскресения Христова на месте смертельного ранения их отца — Спаса-на-крови³⁵.

Болезнь и безвременная кончина Александра III стали для Владимира страшным потрясением. Он приехал в брату в Ливадию в начале октября 1894 г., стремясь морально поддержать его и еще надеясь на чудо. Однако жизнь Царя-Миротворца неумолимо и быстро приближалась к закату. В присутствии брата Владимир сдерживал себя, делился воспоминаниями, шутил, но, выходя из комнаты, давал волю слезам. 20 октября 1894 г.

Александр III скончался. Его оплакивали в нашем Отечестве и во всем мире. Для Владимира уход брата был глубокой личной трагедией. Он сам разболелся и долгое время не мог восстановить здоровье.

В первые годы царствования св. Николая II его старший дядя сохранял большое влияние, но деликатно старался им не пользоваться. У начальника Канцелярии Министерства императорского двора и уделов генерал-лейтенанта А.А. Мосолова сложилось впечатление, что «государь Николай II испытывал перед Владимиром Александровичем чувство робости, граничащее с боязнью. Великий Князь, вероятно, заметив впечатление, производимое им на Императора, стал держаться в стороне от государственных вопросов»³⁶. Справедливо или нет мнение А.А. Мосолова относительно «боязни», сказать трудно. Но факт постепенного удаления Владимира Александровича от общегосударственных дел при Николае II несомненен.

В 1905 г. в связи с семейной неурядицей, вызванной временным неодобрением Императором брака Великого Князя Кирилла Владимировича, а также (и в ещё большей степени), из-за политической обстановки, вызванной революцией 1905–1907 гг., Владимир Александрович оставил посты главнокомандующего войсками гвардии и С.-Петербургского военного округа и председательствующего в Кавалерской думе Ордена Св. Георгия. Отныне и вплоть до своей кончины он занимался только общественной и благотворительной деятельностью.

Семейный конфликт был улажен в 1907 году, когда св. Николай II признал брак великого князя Кирилла и династические права его супруги и потомства. В политической жизни России также наступила временная стабилизация. Но состояние здоровья Владимира уже не позволяло ему вести активный образ жизни, тем более, связанный с государственными делами. В 1909 г. он скончался от обширного кровоизлияния в мозг. Смерть настигла Владимира 4 февраля — в тот же день, в который 4 года ранее пал от рук террориста Великий Князь Сергей Александрович, с которым у него также была братская духовная и дружеская связь и родство интересов.

Подводя итоги данного доклада, можно констатировать, что Александр III и Владимир Александрович были с детства близки по духу, характеру и убеждениям. Эта близость проявлялась и в семейных отношениях, и в военном деле, и в государственном служении, и в общественных взглядах, и в сфере личных интересов. Владимир являлся надежным сподвижником своего старшего брата и всегда правильно понимал долг верноподданного, хотя и имел, как и любой человек, ряд слабостей и недостатков.

* * *

По свидетельству фрейлины А.Ф. Тютчевой, Императрица Мария Александровна нередко вспоминала, как Цесаревич Николай, разговаривая

с маленьким братом Владимиром, обронил фразу «Когда ты будешь императором...». На замечание матери, что этого не может быть, так как Владимир третий сын, и до него не дойдет очередь наследования, Николай уверенно сказал: «(...) Дедушка (Николай I — А.З.) был третьим сыном, а он царствовал. Я умру, тогда царем станет Саша, но и Саша умрет, тогда им будет Владимир»³⁷. Это, наивное на первый взгляд, подростковое предсказание сбылось не буквально, но в потомстве.

Цесаревичу Николаю так и не суждено было ни царствовать, ни оставить потомство. После рождения 3-х сыновей Александра, Николая, Георгия и Михаила Владимир постепенно переместился в очередности престолонаследия со второго на пятое место. С воцарением Александра III он оказался на четвертом месте, по восшествии на престол св. Николая II — на третьем, после смерти цесаревича Георгия — на втором, после рождения в 1904 г. цесаревича Алексея — вновь на третьем, и в таком статусе скончался, не дожив до революции.

Однако после истребления в 1918 г. всего мужского потомства Александра III права и обязанности Императоров Всероссийских всё-таки перешли по закону в линию Владимировичей. Главой Российского Императорского Дома стал сын Владимира Кирилл. После его смерти в 1938 г. ему наследовал единственный сын, названный в честь деда Владимиром. С 1992 г. династию возглавляет Великая Княгиня Мария Владимировна, а её наследником является сын Великий Князь Георгий Михайлович — соответственно правнучка и праправнук Владимира.

В настоящее время Владимир Александрович — единственный из российских Великих Князей, у которого имеется династическое потомство, принадлежащее собственно к дому Романовых и к другим царственным домам Европы. Остальные мужские ветви или полностью угасли, или утратили династический статус.

Список

ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ГАРФ. Фонды 601; 641; 652; 677; 678.

РГИА. Фонд 468.

Величенко М.Н., Миролюбова Г. А. Дворец великого князя Владимира Александровича. СПб., 1997.

Высочайший манифест о правительстве и об опеке на случай кончины государя императора до законного совершеннолетия наследника престола // Журнал гражданского и уголовного права. Издание С.-Петербургского юридического общества. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1881. Книга вторая: март-апрель. С. V–VI.

Думин С.В. Романовы. Императорский дом в изгнании. Семейная хроника. М.: Захаров-АСТ, 1998.

Думин С.В. Брак Великого князя Владимира Александровича и фамильный акт 16 августа 1874 года. // Летопись историко-родословного общества в Москве, 2009. Вып. 14/15 (58/59). С. 186–199.

Закатов А.Н. Социокультурный суверенитет исторических институций: истоки и современность // Ценности и смыслы, 2016, № 1 (41). С. 36–47. УДК 321.01. <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-suverenitet-istoricheskikh-institutsiy-istoki-i-sovremennost> (дата обращения: 26 января 2017 г.)

Закатов А.Н. Становление династии Романовых в изгнании. Исторический вестник. Т. 3 (150), Романовы: династия и эпоха. М., 2013, апрель. 368 с. С. 208–253; Т. 6 (153), История — свидетельница времен. М., 2013, декабрь. — 312 с. С. 146–237.

История дипломатии. Под ред. акад. В.П. Потемкина. В 3-х тт. Т. 2. М.-Л.:ОГИЗ-ГИПЛ, 1945.

Кирилл Владимирович, импер. Моя жизнь на службе России. СПб.: «Лики России», 1996.

Крылов-Толстикевич А.Н., Барковец О.И. Великий князь Владимир Александрович: Страницы биографии. СПб.: «Абрис», 2010.

Милютин Д.А. Дневник Д.А. Милютина. М., 1947–1950. В 4-х тт.

Мосолов А.А., ген.-лейт. При дворе последнего российского императора. М., 1993.

Полный послужной список его императорского высочества государя великого князя Владимира Александровича (10 апреля 1847 г. — 1 марта 1881 г.) Публ., введ. икоммент. А.Б. Белоусова. // Марсово поле: С.-Петербургский военно-исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 2.

Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. М., 2005. Т. 1–2.

Пребывание в Нижнем Новгороде великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны в 1885 году. // Нижегородская старина. Н. Новгород, 2010. Вып. 25/26.

Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1900.

Случевский К.К. Путешествие великого князя Владимира Александровича. СПб., 1884–1885. Вып. 1–2.

Случевский К.К. Путешествие Их Императорских Высочеств Государя Великого Князя Владимира Александровича и Государыни Великой Княгини Марии Павловны по северным губерниям. (Июнь 1884 года). СПб., 1885.

Шереметев С.Д., граф. Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001.

Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Биобиблиографический справочник. СПб., 2007.

- ¹ Все даты в статье указаны по юлианскому календарю, используемому в России до 1918 г. Разница между юлианским и григорианским календарем в XX–XXI вв. составляет 13 дней
- ² ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 976. ЛЛ. 62 и 201
- ³ ГАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 36. Л. 102.
- ⁴ ГАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 36. Л. 81.
- ⁵ Ободриты, крупное племя полабских славян, возглавившее племенной союз. По одной из версий основатель первого великокняжеского и царского дома Древней Руси Рюрик также по одной из линий принадлежал к ободритской княжеской династии. Мекленбург некогда носил имя Микулин Бор, а Шверин именовался Звериным.
- ⁶ Ст. 142 Основных законов по «Сводам» 1842 и 1857 гг., гласит: «Брак мужеского лица Императорского Дома, могущего иметь право на наследование Престола, с особою другой веры совершается не иначе, как по восприятию ею православного исповедания (ст. 40 Основных Государственных Законов)». По «Своду» 1892 г. это ст. 141, по изданию 1906 г. — ст. 185 (изменилась только ссылка в тексте на статью, определявшую господствующее положение в Российской Империи Православной Церкви; в своде 1906 г. это ст. 42).
- ⁷ Ст. 15 по изданиям 1842 и 1857 гг. (в изд. 1906 г. ст. 37): «При действии правил, выше изображенных о порядке наследия Престола, лицу, имеющему на оный право, представляется свобода отречься от сего права в таких обстоятельствах, когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании Престола».
- ⁸ Ст. 16 по изданиям 1842 и 1857 гг. (в издании 1906 г. это ст. 38). «Отречение такое, когда оно будет обнародовано и обращено в закон, признается потом уже невозвратным». Курсив наш; мы отметили очень важное обстоятельство, касающееся возможных отречений от права престолонаследия: юридическую силу они обретали только после официального обнародования (через указ Сенату или манифест).
- ⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 63
- ¹⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 93. Л. 7–7 об.
- ¹¹ Фамильный акт 16 августа 1874 года не был обнародован именно потому, что Великий Князь не отрекся окончательно, а лишь добровольно обязался отречься при оговоренных в акте условиях.
- ¹² «Великий Князь Кирилл Владимирович в порядке наследия престола занимает среди членов императорского дома четвертое место» [ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2139]. Четвертое место — после наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича (1), Великого Князя Михаила Александровича (2) и Великого Князя Владимира Александровича (3).
- ¹³ См. Думин С.В. Брак Великого князя Владимира Александровича и фамильный акт 16 августа 1874 года // *Летопись историко-родословного общества в Москве*, 2009, Вып. 14/15 (58/59). С. 186–199.
- ¹⁴ Семейное имя Великой Княгини Марии Павловны.
- ¹⁵ Семейное имя Цесаревны (буд. Императрицы) Марии Феодоровны.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 187.

- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 306. Л. 67об.
- ¹⁸ 30 сентября 1876 года.
- ¹⁹ См. Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1900. Вып. 27. С. 126.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 378. ЛЛ. 64–66
- ²¹ Милютин Д.А. Дневник. М., 1948. Т. 3. С. 263
- ²² Плевна была занята русской армией 28 ноября 1877 г.
- ²³ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 737. Л. 92
- ²⁴ Уроженец Бранденбурга-на-Хафеле Людвиг Карл Фридрих Детруа, принявший ислам.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 36. Л. 220.
- ²⁶ На Кавказе боевые действия закончились взятием Эрзерума 10 февраля 1878 г.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 36. Л. 220.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 737. Л. 56об.
- ²⁹ 6 июля 1880 г.
- ³⁰ Высочайший манифест о правительстве и об опеке на случай кончины государя императора до законного совершеннолетия наследника престола // *Журнал гражданского и уголовного права*. Издание С.-Петербургского юридического общества. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1881. Книга вторая: март-апрель. С. V–VI
- ³¹ Великий Князь Владимир Александрович занимал эти посты в течение всего царствования Александра III и при его сыне св. Императоре Николае II вплоть до 1905 года.
- ³² ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 737. Л. 78об.
- ³³ Закатов А.Н. Социокультурный суверенитет исторических институций: истоки и современность // *Ценности и смыслы*, 2016, № 1 (41). С. 36–47. УДК 321.01 <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-suverenitet-istoricheskikh-institutsiy-istoki-i-sovremennost> (дата обращения: 26 января 2017 г.)
- ³⁴ История дипломатии. Под ред. акад. В.П. Потемкина. В 3-х тт. Т. 2. М.-Л.: ОГИЗ–ГИПЛ, 1945. С. 86–96.
- ³⁵ К сожалению, доверчивостью Владимира Александровича воспользовался конференц-секретарь Академии художеств П.Ф. Исеев, устроивший аферу с целью хищения средств, собранных на строительство Храма-Памятника. Узнав об этом и получив доказательства, Великий Князь честно признал свою высшую ответственность за происшествие и взял на себя восполнение исчезнувших сумм.
- ³⁶ *Мосолов А.А., ген.-лейт.* При дворе последнего российского императора. М., 1993. С. 69.
- ³⁷ Тютчева А.Ф. Воспоминания. М., 2004. С. 224

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

Ю.В. Кудрина

*«Александр III был истинным
державным покровителем
искусств и наук в нашем Отечестве».*
Иван Владимирович Цветаев

Более столетия назад великий русский ученый Д.И. Менделеев в своей работе «Заветные мысли», высоко оценив вклад Императора Александра III в историческое развитие России, особо подчеркнул, что Александр Александрович «провидел суть русских и мировых судеб более и далее многих своих современников». За тринадцать лет пребывания на престоле Александра III (1881–1894) Россия смогла в короткие сроки совершить стремительный экономический рывок, создать мощную промышленность, перевооружить русскую армию и флот, стать крупнейшим в мире экспортером сельскохозяйственной продукции. Примечательно, что все годы правления Александра III Россия прожила в мире.

Эпоха Александра III оказалась также значительной и чрезвычайно благотворной в области культурного строительства. По словам известного искусствоведа и художника Александра Бенуа, правление Александра III «подготовило тот расцвет русской культуры, который начавшись при нем продлился затем в течение всего царствования Николая II».

Годы Александра III были отмечены выдающимися достижениями в развитии отечественной науки. Историк В.О. Ключевский в речи 28 октября 1894 г. особо подчеркнул, что Император «поощрял и одобрял ученые общества, будил и поддерживал энергию отдельных исследователей».

САМОПОЗНАНИЕ НАЦИИ

Заслуга Императора состояла в том, что он, как писал Л.А. Тихомиров, бывший народоволец, автор книги «Монархическая государственность», сумел «не только парализовать вредные стороны пореформенного положения, но даже вызвать подъем национального духа и творчества. При Александре III вспыхнуло национальное чувство, которое указывало прогресс и благо в укреплении и развитии этих исторических основ». Политика Александра III сводилась к сохранению и развитию российских основ, традиций и идеалов. Царствование Александра III прошло под знаком православного консерватизма. Национальная политика обеспечивала единство и неделимость Российской империи.

К моменту вступления на престол Александр III был членом Московского археологического общества любителей русских древностей (1865), Карамзинской библиотеки (1867), почетным попечителем Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже (1877—1881), почетным председателем Императорского Русского исторического общества (1867), почетным членом Императорского русского географического общества (1866), Императорского археологического общества (1871), действительным членом Общества поощрения художеств (1879), а также почетным членом Московского (1865), Казанского (1866), Санкт-Петербургского (1866), Новороссийского (1866–1870) университетов и Российской академии наук (1866).

Став Императором, Александр III осуществлял высочайшее покровительство всех вышеперечисленных историко-культурных и художественных институтов, уделяя особое внимание развитию национальных черт культуры и искусства.

Одним из важных элементов культурной политики, которую проводила императорская власть, было развитие в стране музейного дела, формирование сети музеев и архивных хранилищ документального материала. Большая роль в этом вопросе принадлежала лично Императору, который всячески поддерживал инициативы, исходящие как сверху, так и снизу, от самых разных лиц и организаций. Как говорил профессор П.П. Семенов Тянь-Шанский, в годы царствования Александра III пробудилась та духовная самобытность, без которой невозможна культурно-историческая жизнь никакого великого народа. «Народное самопознание прежде всего должно было обратиться на научное изучение той страны, в которой суждено было развиваться русскому народу».

Специальным указом Императора из его кабинета каждый год отпускалось 20 000 рублей для пополнения музейных собраний, в том числе и провинциальных с целью наполнения художественными произведениями вновь открывающиеся музеи, как в провинции, так и в крупных городах

Российской империи. Александру Александровичу принадлежала инициатива создания в Москве Исторического музея, а также в Севастополе — Севастопольского музея, в Санкт-Петербурге — Русского музея.

МУЗЕЙ В МОСКВЕ

Мысль о необходимости создания Исторического музея возникла у цесаревича Александра Александровича во время его пребывания в Дании и посещения Датского музея древностей Розенборг. «Плодом посещения Розенборга, — писал в своих воспоминаниях граф С.Д. Шереметев, — явилось учредить нечто подобное у нас... Понятно, что центром этого избрана была Москва и вопрос этот цесаревич принял горячо к сердцу. Но время, когда возник этот вопрос, было крайне неблагоприятно... На мысль цесаревича посмотрели как на затею. С одной стороны, равнодушие и непонимание истинного значения дела, с другой — желание воспользоваться случаем для личных целей и отсутствие всякого руководства передало это дело в руки случайные... Отсутствие средств явилось главным препятствием. Не мало слышалось отзывов, возражений, сомневались в пользе такого музея. «Для чего музей, — говорили иные, — собирать какие-то черепки? На что!».

Во время Политехнической выставки в Москве в 1872 г. ее организаторы обратились к Императору Александру II с предложением создать на основе материалов выставки Музей отечественной истории. Император согласился и предложил Александру Александровичу, который уже высказывался о необходимости создания такого музея, стать его покровителем — почетным председателем Музея отечественной истории, который стал прообразом Исторического музея.

Дело создания Исторического музея, который с 1881 г. входил в правительственное ведомство, продвигалось, несмотря на все усилия, очень медленно. По свидетельству С.Д. Шереметева, многие «относились к делу пренебрежительно. Неудаче и неуспеху его вначале иные даже радовались. С самого начала дело переходило из одних случайных рук в другие, пока не примкнул к нему граф А.С. Уваров... Отсутствие руководства ощущалось все время, как и отсутствие лица, стоящего вне пристрастных течений и имеющего задачей своею быть помощником цесаревичу в этом деле... Собственно говоря, настоящей здоровой серьезной помощи ни с какой стороны у него не было, и никто не думал о том, что нужна эта помощь. Только личным участием, посещениями, вкладами, последовательностью удалось цесаревичу оградить все дело от застоя».

Понимая всю важность строительства в Москве музея отечественной истории, Александр Александрович писал своему брату, Великому Князю

Сергею Александровичу: «Жду теперь твоего письма о Московском Историческом музее, очень досадно, что дела так запутались и надо непременно помочь этому делу, и привести все в порядок, в чем я надеюсь очень на тебя, что ты мне поможешь в этом».

Большая заслуга в формировании фондов Музея принадлежала известному русскому историку И.Е. Забелину, который в своих дневниках рассказывал: «Покупаем так называемый «хлам» и в вещах и книгах, рукописных особенно. Но что значит «хлам»? Ведь Императорскому Лицею поставлено в неуклонную обязанность по § 1 его Положения выяснить, обозначить во всех подробностях быт Русской народности. И как же это сделать, не собирая именно «хлама» тех памятников, которые еще отличаются от бытия сей народности... Берем рукописи, покупаем молитвенники, сборники, в которых списки, каноны, акафисты, молитвы избранным святым и при них иногда записки о домашних делах, о событиях и т.п. «Этот хлам» образительно расскажет о чувствах, мыслях к народности, о направлении ее умственных интересов».

К 1883 г. строительство здания Исторического музея на Красной площади (архитекторы В. Шервуд и А. Семенов) подошло к концу. Была назначена первоначальная дата открытия Музея — 16 мая 1883 г., в дни коронации Императора Александра III и Императрицы Марии Федоровны. В этот день состоялся визит Императора и Императрицы в Исторический Музей. Официальное открытие Исторического Музея состоялось 2 июня 1883 г. В документах об учреждении Исторического музея говорилось: «Этот храм, воздвигнутый во славу вековой жизни русского народа, должен собрать воедино со всех концов Земли русской заветные святыни народа, памятники и документы всего русского государства, изобразить в обрядах и картинах имена великих подвижников и деятелей и знаменательнейшие события; живым словом раскрыть перед народом славные страницы его истории и события великого прошлого. Деяния предков наших предстанут как бы воочию перед тысячами людей, разнесутся молвою по всему обширному Отечеству нашему, перейдут к детям и внукам нашим».

И.Е. Забелин в своих дневниках расскажет о посещении императорской четой Исторического музея в мае 1891 г.: «17 мая. пятница. Прибыл Государь. Встреча изумительнейшая по торжеству и сердечности...»

Александр Александрович пожаловал музею пять грандиозных исторических картин, сюжеты которых были связаны с событиями Смутного времени, бронзовые и медные пушки русских мастеров XVII в. из Кремлевского арсенала. Что касается Марии Федоровны, то она из своей коллекции пожертвовала музею женские народные головные уборы и образцы изделий из стекла XVII–XVIII веков, а также аптекарскую посуду начала XVIII века, заказанную Петром I.

Покровительство Императорского дома во многом способствовало созданию и развитию музея. Члены императорской семьи пополняли его фонды в соответствии с программой, которая определяла широкий спектр собираемых вещей. После смерти Александра III Исторический музей стал носить имя Императора Александра III. По предложению коллектива музея в 1898 г. в вестибюле музея был установлен бюст покойного Императора работы скульптора Р.Р. Баха.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Многие современники оставили яркие воспоминания о деятельности Александра III на поприще исторической науки в качестве почетного председателя Императорского русского исторического общества. Все отмечали тот огромный вклад, который он внес в дело развития в стране исторических знаний. Профессор И.В. Цветаев: «Особые симпатии почившего государя к науке отечественной истории, русской археологии и истории искусств, всем известно, как известно всем образованным людям и то, чем Государь при всех своих многосложных трудах находил время быть действительным председателем Русского исторического общества и лично участвовал в его заседаниях».

Профессор истории В.О. Ключевский выступая 28 октября 1894 г. после кончины Императора на заседании Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, сказал: «...назвать его (Императора Александра III — авт.) покровителем обществ, занимающихся изучением истории и археологии России, значит слишком слабо выразить его отношение к этой отрасли знаний. Он не только благословлял к трудам в этой отрасли. Он возбуждал и поощрял их средствами материальными и нравственными. В числе обществ, пользовавшихся обильными пособиями от державной руки, и наше удостоено было им усиленной поддержки».

Историк В.В. Назаревский: «Никто из царственных предшественников Александра III не занимался столько изучением русской истории, как он: в этом отношении он превзошел и Петра I, и Екатерину II. Очевидно, что из своих исторических занятий он черпал идеи, которыми он руководствовался в делах своего правления...»

Академик Н.Ф. Дубровин: «Никто из членов общества не забудет, с каким вниманием и интересом относился государь ко всем чтениям, а как хорошо Он сам был знаком с историей России и русского народа в главных проявлениях его жизни».

Александр III был лично знаком с многими историками: В.О. Ключевским, И.Е. Забелиным, Н.К. Шильдером, С.М. Соловьевым, Ф.И. Буслаевым

и др. Последние были преподавателями у его старшего брата великого князя Николая Александровича и у самого Александра Александровича. Когда у второго сына Императора — Великого Князя Георгия Александровича был диагностирован туберкулез и он вынужден был поселиться на Кавказе, в Абас-Тумане, Император при выборе преподавателя истории остановился на кандидатуре профессора Университета В.О. Ключевского.

Образованное в 1866 г. в С.-Петербурге Русское историческое общество (с 1873 — Императорское) действовало бод личным председательством Александра Александровича. Секретарь общества, член Государственного совета А.А. Половцов, говоря о задачах общества, подчеркнул: «Жаждавшему узнать свое прошлое русскому народу подносилась только неприятная картина слабостей и недостатков, влиявших на судьбу его; возвышенные существенные стороны нашей государственной жизненной деятельности, создавшие великую и всем нам дорогую Россию, в литературе 60-х годов, за редкими исключениями, силою обстоятельств обходились молчанием, разрушавшим народную веру в себя и правившие им силы».

Из дневников цесаревича Александра Александровича: «7/19 февраля 1867 г. Вторник. Принял депутатов Русского исторического общества. Был между ними князь Вяземский (Вяземский П.А. (1792–1878) — русский поэт, критик, сенатор — авт.). Они приехали просить меня быть почетным председателем общества». «28 февраля/12 марта. Вторник. Отправился в Русское историческое общество в Министерство иностранных дел. Князь Вяземский встретил меня с приветствием». «1870 г.10/20 марта. Вторник. В 3/4 9 вернулся домой, и у меня было собрание нашего Исторического общества в библиотеке. Читали отчет, а потом некоторые из членов читали весьма интересные записки». «25 октября/6 ноября 1871 г. Понедельник. Царское Село и Петербург. В 1/2 3 вернулся домой и принял у себя А.А. Половцова, который желал меня видеть по нашему Историческому обществу». «28 марта/9 апреля 1873 г. Среда. Вечером у меня было годовое заседание нашего Исторического общества и собралось чинов человек 16», «15/27 марта 1874 г. Пятница. В 1/2 9 у меня было годичное наше заседание Исторического общества в библиотеке, и набралось до 16 человек... Первым председателем общества был князь Вяземский».

АРХЕОЛОГИЯ: «РУССКИЕ РАСКОПКИ»

Особый интерес проявлял Александр III к археологии. По оценке В.О. Ключевского, «Император был глубоким знатоком в некоторых отделах русской археологии, например, иконографии». Он был почетным членом Императорской археологической комиссии. На ходатайстве председателя

Императорского московского археологического общества графини П.С. Уваровой о необходимости археологических раскопок в Херсонесе, Император написал резолюцию: «Это необходимо сделать, чтобы не прослыть за варваров. Поговорите об этом деле с кем следует, и представьте мне заключение и как можно скорее, чтобы спасти все, что можно спасти».

В мае 1893 г. Император посетил музей, установленный на месте раскопок в Херсонесе, где с большим интересом осматривал «предметы древностей, найденные при работах». Русский историк, искусствовед, археолог и художественный критик, современник Императора, А.В. Прахов в статье, посвященной Александру III напишет «Внимание Государя приковано к русской истории и страсть к ее памятникам проходит яркою чертою через всю Его жизнь». Для расширения археологических работ по инициативе Императора были открыты особые сверхсметные кредиты на издание материалов, на приобретение древностей. Число археологических экспедиций было значительно увеличено. Только в 1889 г. Император из своих личных средств пожертвовал 10 тыс. рублей на археологические исследования Кавказа и Востока России. За весь период царствования Александра Александровича сумма кредитов составила до полумиллиона рублей.

Различного рода предметы, приобретенные Археологической комиссией, после научного описания отправлялись в различные музеи страны. За 13 лет царствования было осуществлено 1158 передач музейных экспонатов, в том числе в Эрмитаж — 453, в Исторический музей — 270.

Большое внимание Александр III уделял реставрации и поддержанию памятников российской древности. Именно благодаря его вниманию были открыты и отреставрированы фрески бывшего Кирилловского монастыря в Киеве XII в. Из своих личных средств он выделял суммы на реставрацию памятников старины, в частности на реставрацию Углицкого дворца и иконостаса к царским вратам с Куликова поля, на восстановление Ладожской крепости. Характерно что при представлении ему древних царских врат из церкви на Куликовом поле, Государь выразился совершенно определенно: «Памятники древностей стоит оставлять на месте их происхождения».

При поддержке Императора, в январе 1890 г. в Москве был проведен VIII юбилейный археологический съезд, посвященный 25-летию деятельности Московского Археологического общества, проходивший под председательством Великого Князя Сергея Александровича. В юбилейной выставке, развернутой в 11 залах Исторического музея участвовали три музея: Тверской, Рязанский и Исторический, а также представители частных собраний Москвы. На выставке демонстрировались также экспонаты из церковно-археологического музея Киевской духовной академии и отдельных церковных ризниц.

При Александре III был подготовлен проект создания Русского археологического института в Константинополе, стало действовать Русское Православное Палестинское общество, позже получившее наименование Императорского. Во главе него стал Великий Князь Сергей Александрович. Размах раскопок в Палестине был настолько велик, что «Русское место» стало именоваться «Русские раскопки».

ЭСТЕТИКА И СВОБОДА

Особое внимание уделял Император эстетическому воспитанию народа. Он считал, что «распространение искусства есть дело государственной важности». В этом следовал заветам Ф.М. Достоевского, который писал, что «общество основывается на началах нравственных; на мясе, на экономической идее, на претворении камней в хлебы — ничего не основывается». Император, согласно историку И.Е. Забелину, был хорошо знаком с произведениями Ф.М. Достоевского. Граф С.Д. Шереметев в своих мемуарах подчеркивал, что Ф.М. Достоевскому «Государь предавал большое значение».

Александр III высоко оценивал деятельность П.М. Третьякова по созданию в Москве картинной галереи, которая открылась весной 1893 г. Дочь Третьякова А. Боткина вспоминала: «Открытие приурочили к посещению галереи Александром III и его семьей. Павел Михайлович был вполне удовлетворен простотой обстановки и обращением царской семьи. Своим обхождением Александр III как будто хотел подчеркнуть, что он в гостях у Павла Михайловича Третьякова в обстановке его галереи. Когда пришли в зал с лестницей, где тогда висели портреты Васнецова и где был устроен буфет, Александр III взял букет шампанского, и, обращаясь к Павлу Михайловичу, сказал: «За здоровье хозяина!» Помню, какую радость это мне доставило...» Этим посещением ознаменовалась официальная передача галереи городу Москве и она открылась для посетителей.

Художественная общественность страны высоко оценивала деятельность Императора на поприще художественного воспитания народа, его поддержку русского традиционного искусства. Из воспоминаний художника М.В. Нестерова: «Тогда говорили, что государь очень ценил деятельность П.М. Третьякова, такого молчаливого, не любящего бросать слов на ветер, как он и сам. Говорили, что Государь вызвал перед тем Павла Михайловича и, усадив его у себя в кабинете, оставаясь сам стоять, говорил с ним о нуждах русского искусства, искренне его любя и уже тогда задумал создать особый «Русский музей» в северной столице».

С середины 1880-х годов Александр III, как признают современные исследователи, стал главным коллекционером и меценатом страны и се-

ръем конкурентом П. Третьякову. Так Александр III опередил Третьякова в покупке для своего будущего музея картины Поленова «Христос и грешница», Репина «Запорожцы» и «Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных», Мясоедова «Страдная пора», «Косцы» и других. Однако П. Третьяков, понимая, что многие художники завышали цены на свои картины при выборе их Императором, писал Н.Я. Ярошенко после XV выставки: «Расположение Государя цените и поддерживайте, не разочаровывайте Императора, тем более что не требуется какой-либо «услужливости» в содержании картин, напротив представляется «полная свобода».

Император поддерживал также и Московский публичный Румянцевский музей. В конце 1880-х годов он передал в дар Музею галерею картин русских художников XVIII — второй половины XIX в., купленную им у коллекционера Ф.И. Прянишникова (1793–1867).

В те же годы в Румянцевском музее работал известный философ, основоположник «русского космизма» Н.Ф. Федоров (1874–1898), отводивший в своих трактатах «музею» как институту особую роль. (см. «Музей, его смысл и назначение»). Его казалось бы утопические музейные проекты заставляли задуматься о смысле, назначении и огромном культурном потенциале музея, которое по мнению философа должно было стать местом сосредоточения всех сил, способных преодолеть «небратские» состояния и объединить человечество для «общего дела». Согласно учению Федорова, «музей есть выражение памяти», общей для всех людей как собора всех живущих, памяти неотделимой от разума, воли и действия, памяти не о потере вещей, а об утрате лиц».

Н.Ф. Федоров высоко оценивал деятельность Императора Александра III в области культурного строительства. В 1894 г. он писал: «Смерть Александра III вызвала небывалое сочувствие к умершему императору-миротворцу, доказала, что самодержавие перестало быть таким пугалом для Запада, каким оно было в первой половине прошлого, XIX века, доказала, что конституция перестала быть такой прелестью, иметь такую обязательную силу, как это было раньше, что народы, наделенные благами конституционного правления изверились в благотворности этого правления».

ПЕТЕРБУРГ, РУССКИЙ МУЗЕЙ

Создание в С.-Петербурге музея русского искусства, в стенах которого могли бы демонстрироваться наиболее талантливые картины русских художников и вместе с тем соединиться и единстве два направления в русском изобразительном искусстве в виде работ художников-передвижников и мастеров Императорской Академии было особой заслугой Императора.

Эта идея возникла у Александра Александровича в конце 1880-х годов. «Его Величество, — вспоминал художник А.П. Боголюбов — сказал мне: «А ваши товарищи-передвижники все перекочевывают из одного городского зала в другой с тех пор, как Исаев (конференц-секретарь Академии художеств — авт.) их выжил из Академии. А потому я часто и серьезно думаю о необходимости создания и Петербурге Музея русского искусства. Москва имеет, положим, частную, но прекрасную галерею Третьякова, которую я слышал, он завешает городу. А у нас ничего нет».

К решению создания Русского Музея Александра Александровича подтолкнула выставка «25 лет русского искусства», организованная в 1882 г. на Всероссийской выставке в Москве. Участниками выставки были Императорский Эрмитаж, Императорская Академия Художеств, известные коллекционеры П.М. Третьяков, К.Т. Солдатенков, Д.П. и М.П. Боткины, Н.А. Терещенко и С.Л. Мамонтов, сам Император и его брат — Великий Князь Владимир Александрович, президент Академии Художеств. С разрешения Императора из его коллекции для демонстрации на выставке были представлены тридцать картин более двадцати художников русской школы, среди которых были: И.К. Айвазовский, Л.П. Боголюбов, В.В. Верещагин, В.М. Васнецов, В.Д. Поленов, К.А. Савицкий, Г.И. Семирадский, Ф.А. Васильев, Б.П. Виллевалде и др. Александр III, посетивший вместе с Императрицей Марией Федоровной выставку, находился под впечатлением грандиозности увиденного, т.к. выставка со всей наглядностью покачала весь двадцатипятилетний путь русского живописного искусства.

Мысль о создании в С.-Петербурге общественного «всенародного» музея не покидала Императора и в последующие годы. Об этом он говорил в 1889 г. при посещении выставки в Академии Художеств художника Г.И. Семирадского (его пяти произведений), а также во время осмотра картин передвижников на XVII выставке Товарищества передвижников в доме Боткиной на Сергеевской улице. Все приобретения Императором и Императрицей картин были сделаны уже, как говорил император, «для будущего музея».

Из воспоминаний В.П. Мещерского: «Государь был очень воодушевлен мыслью о Музее и на этой выставке купил восемь картин, повторяя: «Это для будущего Музея». Застоявшись на одной из передвижных выставок перед картиной И.Е. Репина «Св. Николай, останавливающий неправую казнь», Государь сказал: «Вот прекрасная вещь для Музея», и картина была приобретена».

Для музея императора Александра III были также приобретены картины И.Е. Репина «Запорожцы» и «Святитель Николай», В.Е. Маковского «Проповедь в сельской церкви», «Мальчик-рыболов», «Сборщик на церковь», «Рыбачки» и др.. А.Е. Архипова «На Волге», М.К. Клодта «Забота»,

Е.Е. Волкова «Церковь», «Сельцо», К.П. Брюллова «Утро», В.Д. Поленова «Христос и грешница», Г.Г. Мясоедова «Косцы» и др.

На выставке Семирадского Император сказал М.П. Боткину, согласно его воспоминаниям, что «уже идут переговоры о месте музея — доме Министерства Государственных Имуществ и изложил в подробностях планы замены глухой крыши стеклянной. — Он сказал, что «русская коллекция Эрмитажа императорских дворцов и Академии Художеств, конечно, войдут в Музей и что много картин русской школы и приобретено — частными лицами, московскими собирателями как К.Т. Солдатенков и П.М. Третьяков, на что государю было доложено, что П.М. Третьяков намерен пожертвовать свою коллекцию городу Москве».

Вскоре последовало Высочайшее повеление известному знатоку художественных ценностей, писателю Д.В. Григоровичу произвести описи предметам, имеющим преимущественное «художественное значение в дворцах — Гатчинском, Александровском, Елагинском, Зимнем, Лазенковском, Петровском, всех Петергофских», которое было исполнено Д.В. Григоровичем в течение четырех лет — с 1884 по 1888 гг.

КОЛЛЕКЦИИ ЖИВОПИСИ

Император предполагал собрать в будущем Музее также и произведения русских художников, относящиеся к более раннему периоду, — учитывая то обстоятельство, что в галерее П.М. Третьякова были собраны картины, относящиеся к одному, и притом сравнительно непродолжительному периоду русского искусства <...>, главным образом к 70-м и частью 60-м и 80-м годам XIX столетия. Александр Александрович ставил грандиозную «историческую» задачу — в будущем музее представить русское искусство на более широком историческом отрезке. Известно, что в собрании Императорской семьи помимо современных художников находились работы русских мастеров более раннего времени: в том числе В.Л. Боровиковского, К.П. Брюллова, А.Г. Венецианова, Д.Г. Левицкого, В.А. Тропинина, П.А. Федотова, С.Ф. Шедрина и многих других.

Тогдашняя пресса неоднократно подчеркивала тот факт, что Императорские коллекции изобиловали шедеврами, что в Аничковом дворце была собрана «замечательная коллекция художественных произведений», что Ливадийский дворец «изобилует картинами русских и иностранных художников, а равно и статуями», что в помещениях императорского охотничьего дворца в Спале, «множество развешанных по стенам превосходных картин всех родов живописи», и что каждый из этих и других дворцов, являет собой «вид художественного хранилища, а Гатчинский замок превратился буквально в склад бесценных сокровищ». Действительно, к 1894 г. в коллек-

ции картин Императора Александра III и Императрицы Марии Федоровны насчитывалось около 900 собранных ими полотен. Из них 580 — это были произведения русских художников и около 320 — произведения западно-европейских художников.

К началу 90-х годов вопрос о создании музея национальной живописи в С.-Петербурге был для Императора Александра III решенным, но вопрос о здании под Музей долгое время почти вплоть до смерти Императора оставался открытым. Император не дожил до открытия Русского Музея. Это сделал его сын Николай II. 12 апреля 1895 г. последовал его высочайший указ «Об учреждении особого установления под названием «Русского Музея Императора Александра III» и о предоставлении для сей цели приобретенного в казну Михайловского дворца со всеми принадлежащими к нему флигелями, службами и садом». 13 апреля 1895 г. была учреждена памятная медаль «Музея Императора Александра III». Русский музей был открыт 7 марта 1898 г. в присутствии Императора Николая II, вдовствующей Императрицы Марии Федоровны и других членов императорской семьи.

Примером личного отношения к искусству, выставочным делам, участием в самой художественной жизни Александр Александрович в определенной степени «запрограммировал» последующую деятельность в области изящных искусств своего сына-преемника. Русский Музей занимал 37 залов, разделенных на 10 отделов. Основой коллекции музея были 80 картин из Эрмитажа, 120 — из Академии Художеств, 200 — из дворцов Зимнего, Гатчинского, Александровского в Царском Селе. Созданием в Петербурге Русского Музея император Александр III сохранил для потомков наиболее значительные произведения русской живописи XIX в.

ПОПОЛНЕНИЕ ЭРМИТАЖА

Значительной была поддержка со стороны императорской власти и уже действовавших музеев, в первую очередь, крупных столичных музеев как то Эрмитаж. Эрмитаж был широко посещаем ввиду того, что доступ туда был свободным для любого гражданина Российской империи. В 1883 г. Александр III «приказал выделить из общего состава Высочайшего двора наиболее старинные и ценные с художественной точки зрения предметы и хранить их вместе со старинными фарфоровыми изделиями и сервизами в отдельных помещениях Зимнего дворца. Эта галерея исторического фарфора и серебра получила наименование «Музей императора Александра III».

В 1884 г. для Эрмитажа Императором была куплена коллекция А.Т. Базилевского — 760 художественных памятников Средневековья и эпохи

Возрождения. В том же году Императором была приобретена Сабуровская коллекция терракот, явившееся одним из наиболее ценных собрания Эрмитажа, за которую Александр III отдал из «собственных сумм» пять миллионов франков.

В 1886 г. Эрмитаж пополняется также коллекцией живописи А.М. и Д.М. Голицыных (раздел живописи или «родового собрания» — свыше 118 произведений итальянских, голландских, фламандских, немецких, французских и испанских художников, а также коллекции памятников прикладного искусства, скульптуры и библиотека), приобретенной Александром III по инициативе директора Эрмитажа А. Васильчикова за 800 тысяч рублей. В 1888 г. в состав Эрмитажа вошла и коллекция графа Блудова, собранная в Афинах. Лично Александром III специально для Эрмитажа были куплены полотна М.К. Айвазовского, А.П. Боголюбова, Т.А. Неффа, К.Е. Маковского и других русских художников.

В 1885 г., благодаря решению Императора, Эрмитаж впервые получил финансовую самостоятельность. Бюджет музея увеличился в два раза. На пополнение коллекций Эрмитажа было израсходовано более 3 млн. рублей.

В ПАМЯТЬ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

Проводя в стране военную реформу, Александр Александрович активно развивал идею создания в стране военно-исторических музеев, которые должны были стать музеями воинской славы России, имеющими мемориальное значение. Он поддержал инициативу общественного и музейного деятеля П.В. Алабина (1824–1896) в деле создания в городе Севастополе Музея Севастопольской обороны. В октябре 1870 г. Александром Александровичем от его имени было опубликовано воззвание «ко всем, знающим что-то о Севастопольской защите». Все материалы, говорилось в воззвании, должны были быть направлены «Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу в собственные руки в Санкт-Петербург от севастопольца». Ожидания Цесаревича оправдались. На его имя стали поступать рассказы, воспоминания, письма, записки и дневники. Они стали главным основанием для созданного позже Севастопольского музея и послужили историкам настоящим пособием к восстановлению полной и точной истории Севастопольской обороны.

Собранный материал по предложению Цесаревича был опубликован в специальном сборнике: «Главная цель настоящего издания, — говорилось во введении, — собрать для русских читателей в одной книге рассказы очевидцев и участников об одном из величайших событий нашей истории, в котором с такою силой и в такой высокой простоте проявилось движение

русского, народного духа на защиту родного края. Для всякого Русского, к какому бы сословию ни принадлежал он, для юношей, равно как и для взрослого, чтение великой повести о Севастопольской обороне, рассказанной сподвижниками, послужит навсегда неисчерпаемым источником благороднейшего вдохновения, утверждая и оживляя в сердцах чувство любви к Отечеству и верности, не знающей предела самоотверженности... Обнародование предполагаемых рассказов имеет целью вызвать и со стороны других очевидцев и участников того же дела такие дополнения и объяснения, которые могли бы впоследствии послужить для будущего историка верным пособием к восстановлению полной и точной истории Севастопольской обороны».

В сентябре 1869 г. в доме генерала Э.И. Тотлебена в Севастополе был открыт музей под названием «Севастопольский музей» (ныне «Музей Черноморского флота»). На политехнической выставке в Москве 1872 года при поддержке Александра Александровича был создан Севастопольский отдел. Дневниковые записи Цесаревича свидетельствуют от том, какое внимание он уделял делу создания Севастопольского музея. 2 (14) ноября 1871 г.: «В 3 1/4 пришел ко мне Мещерский, с которым мы говорили о нашем деле по сбору сведений о Севастополе и уже многие начали собирать и присылать». 3(15) ноября 1873г.: «Вторник. В 12 принимал депутата от Севастопольского музея и во главе их д{ядя} Низи (Великий Князь Николай Николаевич-старший — авт.). Они приехали благодарить меня за желание увеличить музей числом рассказов и сведений об обороне Севастополя».

ХРАМЫ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ

В конце XIX века широкое движение по созданию войсковых или т.н. полковых музеев охватило всю страну. Ордена, медали, образцы оружия, предметы снаряжения и оборудования, личные вещи все поступало в фонды музеев. Первый войсковой музей был создан в 1866 г. в 65-м Московском пехотном полку, а в конце XIX — начале XX в. на территории России было уже создано 300 воинских музеев. Воинские части, отмечавшие свой юбилей, писали свои истории. Инициаторами музея часто были офицеры полка или воинской части.

Генерал-лейтенант Макшеев З.А. (1858–1935) возглавил основанный в 1864 г. первый в мире Педагогический музей военно-учебных заведений. «Никогда еще со времени устройства регулярной армии, в России — писал военный историк генерал П.О. Бодровский в 1901 г., — не было такого горячего стремления иметь историю полков, как в последние 25 лет». Музеи создавались и на отдаленных от центра территориях. В 80-х годах XIX в. по

инициативе бывшего командующего гражданской частью на Кавказе князя Л.М. Дондукова-Корсакова в г. Тифлисе началось создание Военно-исторического музея — «Храма Славы». Для музея собирали различные трофеи, добытые кавказскими войсками на полях сражений, портреты кавказских военных деятелей, картины, изображавшие военные подвиги. Некоторые картины были заказаны известному художнику Ф.А. Рубо.

В 1888 г. накануне визита императорской четы — Александра III и Марии Федоровны на Кавказ полковнику русской армии П. Потто было поручено составить краткие биографические очерки кавказских деятелей, портреты которых уже находились в музее, и сделать описания этих картин.

Петербургские музеи — Морской и Артиллерийский обрели в бытность Императора Александра III новую жизнь. Морской музей, носивший имя Петра Великого, неоднократно посещавшийся Александром Александровичем, расширил свои экспозиции и преумножил коллекции. Один из залов музея был посвящен царствованию Александра III, придававшему развитию морского дела в России, огромное значение. Крылатая фраза императора «У России нет союзников, кроме армии и флота», была хорошо известна современникам и дошла до наших дней.

Особый интерес у Александра Александровича вызывал Петербургский Артиллерийский музей. Юбилейные торжества по случаю 500-летию русской артиллерии, на которых лично присутствовал император, собрали огромное число гостей, среди которых были начальники главных управлений Военного Министерства и Военных академий, артиллерийские генералы, ветераны русской артиллерии, представители множества научных и военно-учебных заведений, музеев и члены императорской семьи. Поблагодарив генерал-фельдцейхмейстера Н.Е. Брандербурга, начальника Артиллерийского музея за проделанную работу, Император произнес здравицу и честь русской артиллерии. После смерти Императора в 1895 г. в музее была установлена бронзовая скульптура Александра III работы А. Вернера.

ХРАНИТЕЛИ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Развитие музейного дела было тесно связано с бурным историческим, культурным и научным развитием страны, шедшей по пути капиталистических преобразований. Важным фактором создания новых музеев и развития музейного дела был процесс дифференциации наук и возникновения различного рода научных направлений. Наряду с Астраханским Естественно-научным музеем, созданным в 1856 г. ученым естествоиспытателем и мыслителем К.Э. Бэром, задачей которого было развитие Астраханского

края, в 70-х годах в Нижнем Новгороде ученым-почвоведом и музейным деятелем В.В. Докучаевым был создан Земской естественно — исторический музей.

Развитие научных исследований, регулярное проведение в России съездов естествоиспытателей и врачей активно поддерживалось императорской властью. В 1886 г., по величайшему повелению Императора, выдающемуся русскому ученому К.Э. Бэру в Дерпте был поставлен памятник, автором проекта которого был архитектор А.М. Опекушин.

Оценивая роль Императора в развитии научных знаний, В.В. Докучаев в 1889 г. после приема Александром III в рабочем кабинете Аничкова дворца делегации представителей VIII съезда естествоиспытателей и врачей, в составе которых были: Д.И. Менделеев, Н.В. Склифосовский, А.Г. Столетов, А.Н. Бекетов, В.В. Докучаев, последний как секретарь съезда писал в отчете: «Императору снова угодно было выразить свое благоволение представителям съезда. Такой необыкновенно милостивый прием тронул до глубины души каждого из представляющихся, показал, сколь близки сердцу монарха наука и ее приложение на пользу Отечества».

Написанный В.В. Докучаевым Устав для земского естественно-научного музея (1882) инициировал создание в стране сети естественно-исторических музеев. На основе Устава был выработан расширенный устав для провинциальных естественно-исторических музеев, а также создана программа для наблюдения и собирания коллекций по геологии, почвоведению, ботаники, зоологии и пр., которые были направлены в губернские земские управы, статистические комитеты. В 1889 г. коллекции почв из музеев В.В. Докучаева демонстрировались на всемирной выставке в Париже, и, как и труды ученого, были удостоены золотой медали.

Музеи, картинные галереи, публичные библиотеки во второй половине XIX в. стали нормой общественной жизни и даже насущной потребностью. Старые музеи реорганизовывались, расширялись, укреплялись, укоренялось представление о музее как научном учреждении. Музеи выполняли роль хранителей научных ценностей, «популяризаторов знаний» и становились заметным фактором культурной жизни страны, предметом общественного внимания.

Научные архивные комиссии создавались в губернских городах и на окраинах Российской империи, в частности и на присоединенных территориях Средней Азии, Кавказе, что способствовало духовному и культурному развитию этих областей. Собирали плоды народного творчества, традиционных картин народной жизни, различного рода предметов народной жизни, сказок, былин, песен, входило в повседневную жизнь защитников народной культуры.

В разных городах страны действовало несколько сотен музеев — правительственных, частных, церковных и общественных. Люди, способство-

вавшие учреждению и организации губернских музеев, принадлежали к различным социальным слоям, но тон в значительной степени задавало новое русское купечество и предприниматели, занимавшиеся широкой благотворительностью. Благодаря щедрому покровительству монарха в ряде городов России открылись первые губернские художественно-промышленные музеи.

МУЗЕЙНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРОВИНЦИИ

Большой вклад в создание провинциальных музеев внесли представители культурной и общественной жизни России, художники, писатели, артисты. Параллельно с созданием музеев в таких городах как Киев, Одесса, Харьков, Саратов, Казань, Смоленск, при музеях на средства государственных, частных лиц и земства создавались средние художественные школы.

Первым таким художественным музеем в провинции, был музей А.Н. Радищева, открытый в городе Саратове, по инициативе известного художника, внука А.Н. Радищева — А.П. Боголюбова, который был близок к императорскому двору. В своих воспоминаниях художник дал подробное описание обстоятельств создания музея, отметив важную роль, которую сыграл в этом вопросе Император Александр III: «Мысль об учреждении музея и школы в моем родном городе Саратове меня всегда занимала, тем более, что дед мой, известный литератор Екатерининского века был саратовским помещиком и именитым дворянином. Мысль мою, однажды я решился словесно повергнуть на обсуждение Его Величества и, получив одобрение, начал действовать. Предложение мое было принято Саратовскою Думою, план здания был Высочайше утвержден, и через три года музей был открыт, а я был осчастливлен следующей Высочайшею телеграммою из Петербурга: «Благодарю сердечно за телеграмму и радуюсь освящению Радищевского музея, которому от души желаю успеха и процветания на пользу художества и искусства в России».

А.П. Боголюбов рассказывал о том, что поддержка Императора в деле формирования музея была очень важной, ибо коллекция самого художника, легшая в основу создания музея, была «весьма незначительной». «Государь Император оказал щедрую помощь новому учреждению. Он дал право выбрать из складов Эрмитажа дубликаты картин древней школы Императорских заводов: фарфоровые, гранильные и стеклянные, снабдили меня, — писал Боголюбов, — своими дубликатами всякого рода и разных эпох. Императорский кабинет отпустил излишние мраморы и другие предметы. Когда же состоялась покупка Голицынской галереи в Москве,

то Государь снова велел передать в Радищевский музей все, что оказалось непригодным для Эрмитажа, так что Радищевский музей получил дорогие картины, прекрасный фаянс, и фарфор русский, и Louis XV со множеством мелких бронз и японских редкостей». Среди этих картин были в частности: шедевр младшего современника Рафаэля и Микеланджело Джорджо Вазари «Триумф Вакха».

Большую поддержку в деле создания музея в Саратове оказал также обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, о чем свидетельствует его письмо от 6 декабря 1877 г. саратовскому губернатору М.П. Галкину-Враскому: «Для развития вкуса и таланта очень важно, чтобы в городах наших, подобно тому, как на Западе бывает, заводились подобные (художественные — авт.) музеи. Мысль его (А.П. Боголюбова — авт.) остановилась на Саратове, потому что к Саратову принадлежал его дед, к памяти коего он благоговеет, известный Александр Николаевич Радищев, и потому желательно было бы ему, чтобы музей носил имя Радищева». Любопытен тот факт, что «реакционер» Победоносцев ходатайствовал перед саратовским губернатором об открытии музея в Саратове, и о присвоении этому музею имени «опального» писателя, охарактеризованного Императрицей Екатериной II «бунтовщиком хуже Пугачева».

По мнению Боголюбова, музей должны были выполнять задачу не только художественного и эстетического воспитания, но должны были стать «пособием» при художественно-промышленных школах, способствуя выявлению одаренных учеников и развитию местных ремесел. Боголюбову удалось учредить при музее рисования училище. Из воспоминаний художника: «...я снова имел счастье пользоваться указаниями Его Величества, чтобы подчинить ее центральной школе барона Штиглица и держать как филиальное отделение, для чего мною были пожертвованы по моей смерти 200.000 рублей, которые по Высочайшему повелению, приняты Государственным банком на вечное пользование процентами в размере 8.000 руб. Благодаря решению председательницы учреждения барона Штиглица, Н.М. Половцовой, и обеспечивалось по моей смерти, выдачею этой суммы совместно с гор. Саратовом, но, по урегулированию всего, оставалось, чтобы гор. Саратов обязался вечно прибавлять к ней 900 руб. Сумму эту я хотел тоже обеспечить взносом капитала, но Его Величество изволил сказать мне: «Этого не делайте. а предоставьте городу быть всегда помощником вашей благотворительности, не лишая его должного интереса и попечения о музее и вашей школе». Все эти подробности привожу, собственно, для того, чтобы показать, как мудры и внимательны были указания Государя к столь малому делу».

Проект здания саратовского музея им. А.Н. Радищева архитектора И.В. Штрома, закладка которого состоялась в мае 1883 г. на театральной площади Саратова, был лично утвержден Императором Александром III.

Окончание строительства состоялось в 1885 г. Коллекция музея пополнялась экспонатами Петербургской академии художеств и Эрмитажа.

Позже художественно-исторические музеи были созданы и другими выдающимися русскими художниками: В.М. Васнецовым в родном городе Вятке и М. Нестеровым — в г. Пензе, в Феодосии — И.К. Айвазовским, в г. Шадринске Пермской губернии — И.К. Бронниковым. Частные собрания превратились и общедоступные галереи. Подобные галереи были созданы в Нижнем Новгороде художником Н.А. Кошелевым, мастером художественной галереи А.А. Кареллиным, в Калуге — врачом Н.И. Васильевым. В 1894 г. в Москве купец А.А. Бахрушин создал частный литературно-музыкальный музей.

ЦУТР — ШКОЛА ТАЛАНТОВ

Особое внимание Император уделял созданию в государстве широкой сети ремесленных школ, равно как и введение обязательного обучения ремеслу во всех народных школах, чтобы, по словам А.П. Боголюбова, «истинные таланты могли проявиться в них для окончательного образования в высшей Академической школе».

21 декабря 1881 г. в Санкт-Петербурге состоялось открытие главного здания Центрального училища технического рисования, получившего название барона Александра Людвиговича Штиглица (1814–1884) — банкира и промышленника, на чьи деньги было основано училище. На парадной лестнице здания была установлена мраморная доска, на которой золотыми буквами была выбита надпись: «Заложен 1 Июля 1878 г. в царствование Императора Александра II. Открыто 29-го Декабря 1881 в царствование Императора Александра III, сооружено иждивением Барона Александра Людвиговича Штиглица».

После создания в 1890-х годах филиалов в Нарве, Саратове, Ярославле училище получило название Центрального. Первым его директором с 1879 по 1896 г. был архитектор М.Е. Месмахер, спроектировавший главный корпус училища. В 1892 г. в ЦУТР на отделениях художественной майолики, декоративной живописи и резьбы, чеканки, ксилографии и офорта, живописи по фарфору, ткацкого и набивного дела обучались 200 человек. Училище готовило художников декоративно-прикладного искусства для промышленности, а также учителей для рисования и черчения для средних художественно-промышленных школ. Оно находилось под неусыпным вниманием Императора Александра III. Он вместе с Императрицей посещал его, встречаясь со студентами и преподавателями.

Член Государственного Совета, знаток и собиратель произведений искусства, почетный член Академии художеств с 1868 г., ставший после

смерти А.Л. Штиглица попечителем училища, Половцов в своих дневниках отмечал, что Александр III и его брат — Великий Князь Владимир Александрович (бывший президентом Академии художеств) «любили и понимали рисование и его воплощение».

Преподавателями ЦУТР были известные художники и скульпторы: А.Д. Кившенко, М.К. Клодт, А.Т. Матвеев, В.В. Матэ, А.И. фон Гоген, Н.А. Кошелев, А.А. Рылов и др. Из стен училища вышли также такие выдающиеся художники как Апполинарий Васнецов, Кузьма Петров-Водкин, Анна Остроумова-Лебедева, Алексей Талашук и другие.

ВЫСТАВКИ: ФАКТОР РАЗВИТИЯ

Развитию музейного дела способствовала широкая выставочная деятельность, которая наблюдалась в России во второй половине XIX в. Выставки — всероссийские и местные, промышленные, сельскохозяйственные, этнографические — становились важным фактором развития хозяйства, культуры, науки, музейного дела в стране. Начало этому процессу было положено еще указом Императора Николая I, когда в 1836 г. Д.Н. Блудовым был разработан план губернских выставок, по которому были определены их цели, структура и состав. Наиболее представительной выставкой, в которой принял непосредственное участие цесаревич Александр Александрович, была Политехническая выставка 1872 г. в Москве, программа которой была составлена наилучшим коллективом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

Александр Александрович и Мария Федоровна были постоянными посетителями всех крупнейших столичных выставок и в первую очередь художественных и, в частности, Товарищества передвижников а также выставок Академического общества русских акварелистов, что способствовало их личному знакомству с широким кругом деятелей искусства, среди которых были известные художники, скульпторы, критики, коллекционеры, музейные работники — Д.В. Григорович, А.В. Прахов, Д.А. Ровинский, П.М. Третьяков, М.М. Антокольский, Александр и Альберт Бенуа, А.П. Боголюбов, В.М. Васнецов, Н.Н. Каразин, И.Н. Крамской, М.В. Нестеров, А.М. Опекушин, В.Д. Поленов, И.Е. Серов, В.И. Суриков, И.И. Шишкин и многие другие.

В мае 1891 г. Государь с Государыней посетили выставку, посвященную 25-летию творческой деятельности И.Е. Репина. Александру III была показана картина «Арест нигилиста» («Арест пропагандиста» — авт.). «Даже «Арест нигилиста» вытащили ему, — писал Репин дочери Льва Толстого, — он рассматривал и хвалил исполнение, хотя ему показалось странным,

почему я писал это так тонко и собирательно». В другом письме Репин по поводу этого посещения выставки Государем писал: «Как милостив и внимателен к нашим работам Государь. Мне показалось, моя выставка при нем вдесятеро интереснее, и я без умолку объяснял разные подробности о своих работах... Как он восхищался “Запорожцами”».

Новый уровень выставок сельскохозяйственной, экспозиционной и просветительской деятельности способствовал развитию музейного дела в целом, а позже на их основе — созданию различного рода музеев. Из петербургской Кунсткамеры в XIX в. выделились ряд профильных музеев, как то Зоологический, Ботанический, Минералогический. Были также созданы Музей прикладной естественной истории при Вольном экономическом обществе (середина XIX в.), Дашковский этнографический музей (1867), Музей антропологии (1879).

ВСЕНАРОДНЫЙ ПАМЯТНИК

Признанием величайших заслуг Александра Александровича в деле музейного строительства в России было создание в Москве на Волхонке после его смерти Музея изящных искусств имени Императора Александра III. Дочь основателя Музея профессора Московского университета И.В. Цветаева поэтесса Марина Цветаева в своей книге «Отец и его музей» писала: «Звонили колокола по скончавшемуся Императору Александру III, и в это время отходила одна московская старушка (купчиха Алексеева — авт.) слушая колокола, сказала: «Хочу, чтобы оставшееся после меня состояние пошло на богоугодное заведение памяти почившего государя...».

Александровский музей — так называл профессор И.В. Цветаев Музей изящных искусств на Волхонке. По предложению мецената Нечаева-Мальцова в Музее, в его центральном зале был установлен памятник Императору Александру III работы знаменитого русского архитектора, вышедшего из крепостных А. Опекушина (в настоящее время нахождение памятника неизвестно — авт.). Торжественное открытие Музея состоялось 30 мая 1912 г. в присутствии Императора Николая II, Императрицы Марии Федоровны, членов императорской семьи, внесших большой вклад в создание Музея.

Каждый зал Музея носил имя того лица, кто активно способствовал его созданию. Так «Екатерининский зал» получил имя главного мецената Музея Ю.С. Нечаева-Мальцова, «Вавилонский» — Великой Княгини Елизаветы Федоровны, средневековой скульптуры — цесаревича Алексея Николаевича. Были также залы имени Императрицы Марии Федоровны и Александры Федоровны, Великих Князей Владимира, Сергея и Павла Александровичей, королевы Эллинов Ольги Константиновны. «С открыти-

ем музея — писал И.В. Цветаев, — реализовалась почти сто лет вынашиваемая идея о создании в Москве правильного музея по истории мирового искусства».

И.В. Цветаев был лично знаком с Императором Александром III, он высоко оценивал его деятельность на благо России и особенно его человеческие и нравственные качества. Он называл Александра Александровича «Царем Благодетеля», жизнью своей наиболее воплотившей в себе народный идеал Русского царя-самодержца». Не случайным был и тот факт, что открытие Музея изящных искусств Императора Александра III 30 мая 1912 г. совпало в майские дни 1912 с открытием у Храма Христа Спасителя 31 мая 1912 памятника Императору Александру III, который Цветаев назвал «всенародным памятником». Выбор места для установки памятника был представлен по распоряжению генерал-губернатора Москвы Великого Князя Сергея Александровича — И.В. Цветаеву, чей профессиональный и нравственный авторитет был очень велик.

В своей записке о наиболее подходящем месте в Москве для возведения памятника, И.В. Цветаев писал: «Высочайшею волею выпало счастье украситься сим памятником на долю древнейшей столицы. Естественны заботы Москвичей, чтобы место для такого монументального сооружения избрано было вполне отвечающее и величию Государя, покрывшего себя особой славой во всех концах мира, и той всеобщей любви, которая окружала Его в своем многомиллионном народе... Колоссальная сумма пожертвований, стекающаяся со всех концов России на памятник Императору Александру III, достигла 1.695.003 руб. 20 1/2 коп. (Эта колоссальная цифра не являлась еще окончательною) наглядно показывает, какую безграничную любовью пользовался в своем народе почивший Государь, безвременная кончина которого вызвала отовсюду, из всех слоев нашего разнородного населения, и это беспримерное количество единодушных приношений к Его горячо оплаканной могиле. И эти по своим размерам небывалые в истории наших государственных памятников жертвы на достойное увековечивание Его славного имени и в памяти современников, и отдаленного потомства».

Выбор И.В. Цветаевым места для памятника пал на место у стен Храма Христа Спасителя, который был торжественно освящен и открыт в мае 1883 г. в дни коронации Императора Александра III. Обосновывая свой выбор, Иван Владимирович писал: «Русский народ легко поймет это единение возвышенных идеалов своих Царей и учения Церкви, легко поймет именно такое значение царских памятников вблизи церковных стен и тем большее почтение понесет он тогда к их изображениям. И как знать, что статуе Императора Александра Александровича не суждено здесь положить более прочное начало явлению в будущем Российской истории? Независимого от этого общего соображения существует в занимаемом теперь

Россию в вопросе и особые обстоятельства, есть и особые мотивы, созданные личным характером и личной жизнью в Бозе почившего Монарха: Император, положивший столько непрестанных попечений «о мире всего мира» и Богом вверенного Ему народа, этой стороной Своей деятельности как нельзя более приближается к Церкви, которая молит о том же и учит жить в мире».

О заслугах Александра III перед Россией и миром красноречиво скажет после его смерти профессор В.О. Ключевский: «Наука отведет Императору Александру III подобающее место не только в истории России, но и всей Европы, но и в русской историографии скажет, что он одержал победу в области, где всего труднее достаются победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покорила общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, одобрил и приподнял русскую историческую мысль, русское историческое сознание и сделал все это так тихо и молчаливо, что только теперь, когда его уже нет, Европа поняла, чем он был для нее».

РУССКИЙ СТИЛЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III И ХРАМОСТРОЕНИЕ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Ю.Р. Савельев

Возведение православных храмов на Святой Земле было неразрывно связано с процессом храмостроения в самой Российской Империи и отражало закономерности стилистической эволюции русской церковной архитектуры на протяжении второй половины XIX века. Смена художественных приоритетов оказала особенно заметное влияние на зодчество эпохи Императора Александра III, последовательно покровительствовавшего русскому стилю в его наиболее самобытном, национально окрашенном и декоративно богатым, художественном выражении.

Истоки русского стиля его времени коренились с одной стороны в предшествовавшем периоде развития русской архитектуры 1840–1860-х гг., а с другой — в последовательном, концептуально обоснованном и преемственном покровительстве этому стилю со стороны императорской власти. Эволюция этого художественного направления была показательна и для развития общеевропейского стиля «историзм», существовавшего в большинстве европейских стран, в каждой из которых он обретал национальные художественные черты. Под историзмом понимается стиль во всех видах искусства XIX столетия, который был основан на достижениях исторической науки и археологии как науке о древностях. Сами события и памятники национальной истории становились в те годы источником художественных образов и творческих поисков зодчих, живописцев и мастеров декоративного искусства.

Русский стиль обрел совершенно особый статус среди стилей историзма. Его происхождение было обусловлено творческими поисками национального своеобразия архитектурных форм, системы декора и орнаментики. Хотя его первые примеры известны в самом начале XIX века, но, как известно, по воле Императора Николая Павловича он обрел статус «государственного» в архитектуре, изобразительном и декоративном искусстве. Не случайно художник

1. Ботман Е.И. Портрет императора Николая I. 1856. Государственный музей А.С. Пушкина.

Е.И. Ботман изобразил Императора на фоне Большого Кремлевского дворца, который создавался К.А. Тоном под его покровительством. (Рис. 1) 1830–1840-е гг. стали временем творческих поисков и формирования мастерства зодчих историзма, расцвет деятельности которых приходится на период правления Императора Александра II, при покровительстве которого возникают первые зрелые произведения русского стиля.

Но уже такой крупный мастер архитектуры как К.А. Тон сделал большой шаг в художественном осмыслении образа православного храма и преодолении классицистической традиции его построения. На этом пути он обратился к шатровым формам. Несомненной удачей мастера стало сооружение в Санкт-Петербурге полковых храмов: Благовещенского при Конногвардейских казармах (1842–1849) и св. Мирония лейб-гвардии Егерского полка (1849–1855). Удивительной гармоничности и цельности образа этих храмов не мешает сочетание чисто русской шатровой формы с классицистическими

2. Кузьмин Р.И. Храм св. Александра Невского в Париже. 1859–1861. Фото автора. 2008 г.

элементами ордерной системы, такими как декоративные колонны и разорванные фронтоны. Подобные же художественные особенности были характерны и для другого произведения придворного круга — храма св. Апостола Павла в Гатчине (1846–1852), соорудившегося выдающимся зодчим, современником К.А. Тона — Р.И. Кузьминым.

Александрово-Невская шатровая церковь в Париже (Р.И. Кузьмин, 1859–1861) (Рис. 2) призвана была стать символом России за ее пределами и положила начало обширной и художественно разнообразной череде посольских храмов русского стиля. Пятишатровая композиция приобретает совершенно иное значение, чем в работах К.А. Тона. При сравнительной компактности плана, шатры имеют гораздо более самостоятельное композиционное значение, чем в других современных храмах. Их роль подчеркнута обилием декоративных деталей, как в оформлении оконных проемов барабана, так и граней всех пяти шатров при гораздо более активном выделении центрального.

3. Кракау А.И. Церковь свт. Николая Чудотворца памяти Наследника Цесаревича Николая Александровича. Санкт-Петербург. 1866–1871. Фото начала XX века. РГБ

Шатровая композиция церковного здания — излюбленная тема другого мастера русского стиля — А.М. Горностаева. В ее разработке он пошел дальше К.А. Тона, что не раз отмечалось исследователями. При выполнении заказа настоятеля Валаамского монастыря игумена Дамаскина (Кононова), шатровые завершения служили ориентирами в обширном островном ансамбле обители. В трактовке шатровой формы зодчему помогло знакомство с памятниками древнерусской архитектуры. Шатер в его произведениях органичнее, чем ранее в храмах К.А. Тона. Композиция храма Всех святых (1845–1850) «Композиция здания вовсе не следует тоновским рецептам и решена Горностаевым вполне оригинально. <...> Здесь мы имеем дело со свободной вариацией на национальную тему»¹. Еще более показательна для характеристики «шатровой» архитектуры Никольская церковь (1849–1851), в которой зодчий достиг еще более органичного единства шатровой формы и основного объема храма. «А.М. Горностаев дал в этом случае собственную и, надо признать, более убедительную, чем у К.А. Тона, версию шатровой композиции, которая, как уже упоминалось, признавалась

сторонниками «национального стиля» ярчайшим выражением самобытного характера традиционного отечественного зодчества»².

Наиболее значительным произведением А.М. Горностаева, увенчанным шатром, стал Успенский собор в Гельсингфорсе (1859–1868). В этом здании форма шатра еще более разработана: она визуальнo поделена (подобно Новоиерусалимскому храму) на два яруса и увенчана луковичной главкой, что повышает эффектность композиции, и так достаточно насыщенную декоративными деталями, которые, тем не менее, не разрушают, а подчеркивают основной композиционный замысел. Близкие тенденции в осмыслении шатровой формы можно отметить при создании храмов в Санкт-Петербурге (Никольский храм памяти наследника цесаревича Николая Александровича на Выборгской набережной, архитектор А.И. Кракау, (Рис. 3) Борисоглебская церковь М.А. Щурупова) и другие.

Как мы видели, эволюция русского стиля XIX века представляет собой сложный творческий процесс, основанный на постоянном обогащении общей панорамы развития этого художественного направления новыми композиционными и декоративными открытиями. Предоставляя полную творческую свободу архитекторам и художникам в создании произведений этого стиля, их державные заказчики видели в нем выражение национальной идентичности русского искусства, понимая важность создания произведений архитектуры, отражавших исконные национальные традиции.

До 1870-х гг. русский стиль в архитектуре был представлен единичными примерами, и школа проектирования в русском стиле только начинала складываться, первоначально в Императорской Академии художеств. Но даже в этом учебном заведении «имеющийся отдел (*русского стиля* — Ю.С.) в классе [был] весьма беден»³. «Многие из учеников, не имея под руками архитектурных образцов в русском стиле, видно, затрудняются в исполнении заданной программы»⁴. Для восполнения этого пробела в образовании руководство академии приобрело проекты и рисунки архитектора Высочайшего Двора И.А. Монигетти (1819–1878) «так как разработкой этого стиля он уже приобрел себе замечательную известность, то Академия, приобретая в свою коллекцию подобные образцы, будет иметь возможность дать ученикам больше пособий для исполнения задаваемых им программ в этом стиле»⁵. Давая отзыв на художественное качество коллекции, хранитель Эрмитажа А.И. Сомов писал: «Но чем особенно интересна коллекция — это композиции Монигетти по части русского стиля, который с такою любовью и с таким, по своему времени, замечательным успехом, разрабатывал этот художник. Относящиеся сюда рисунки, по моему мнению, можно назвать драгоценными документами для нашей архитектуры»⁶.

Проекты и храмы И.А. Монигетти отражают другое творческое направление в развитие русского стиля по сравнению с тем, о котором говорилось выше. Будучи с 1860 г. архитектором Высочайшего Двора, он был тесно

связан с теми новыми художественными идеями в придворной среде, которые отразились в создании нового направления в развитии русского стиля, пока не столь мощного, каковое было представлено учениками и современниками К.А. Тона. Одним из его представителей был в те годы молодой зодчий Д.И. Гримм (1823–1898). По его проекту была построена небольшая церковь во имя св. княгини Ольги (1861) в имени Великого Князя Михаила Николаевича в Стрельне. Церковь была увенчана декоративной луковичной главкой, а сам компактный объем окружала арочная галерея на уровне первого этажа, что придавало зданию зрительную устойчивость и основательность. Через несколько лет подобная же композиция нашла применение в проекте Д.И. Гримма при возведении посольского храма в честь Животворящего Креста Господня в Женеве (1862–1866).

В 1874–1878 гг. в швейцарском городе Веве была построена небольшая церковь св. Варвары, продолжая своеобразную «программу» по возведению храмов русского стиля в Европе. Автором ее проекта современники считали И.А. Монигетти, хотя в исследованиях последних лет высказывалось предположение об авторстве Д.И. Гримма⁷. В любом случае, все эти храмы представляли собой то новое течение в русском стиле, развитие которого привело в середине 1880-х гг. к созданию храма св. Марии Магдалины в Иерусалиме, построенного по проекту того же Д.И. Гримма.

Храмы этого направления русского стиля разительно отличались от композиций Р.И. Кузьмина и А.М. Горностаева. Если их авторы брали за основу шатровую архитектуру XVI века, то Д.И. Гримм и И.А. Монигетти обратились к декоративным формам русского зодчества XVII столетия, что принципиально отличает их проекты одноглавых или многоглавых церквей от храмов с шатровым венчанием.

К 1870-м гг. творческая палитра русского стиля значительно обогатилась благодаря переосмыслению в новых исторических условиях наследия русского зодчества XVI и XVII столетий, то есть той исторической эпохи, когда в отечественной архитектуре были созданы наиболее оригинальные формы в церковном и гражданском зодчестве, представлявшие собой синтез архитектуры и декоративного искусства. Этот художественный процесс историзма требовал теоретического осмысления, и первые фундаментальные сочинения в области теории русского стиля начинают публиковаться именно в это время. Их авторы — сами зодчие Л.В. Даль, В.О. Шервуд и Н.В. Султанов — пришли к необходимости теоретического осмысления происходивших в те годы творческих процессов.

По признанию современников, мысли которых наилучшим образом резюмировал историк и теоретик русского стиля Н.В. Султанов, переворот по отношению к национальному архитектурному наследию был совершен Львом Владимировичем Далем (1834–1878), сыном автора «Толкового словаря живого великорусского языка» (1863–1866) В.И. Даля. Талантливый

зодчий, реставратор и историк, он теоретически обосновал в архитектуре то, что его отец сделал в филологии: создал своеобразный «словарь» национального языка архитектурных форм. Благодаря его трудам, те закономерности в развитии русского стиля, которые зодчие находили «эмпирически» в ходе творческого процесса во взаимодействии с заказчиками, теперь обрели текстуальную форму. Закономерно, что статьи Л.В. Даля были опубликованы в наиболее авторитетном профессиональном журнале «Зодчий», издававшимся Санкт-Петербургским Обществом архитекторов. В первом же выпуске журнала говорилось о важности публикаций о русском стиле: «Редакция находит необходимым посвятить особый отдел исключительно *русскому стилю*, разработка которого, лишь в недавнее время, начинает занимать подобающее место в нашем искусстве; поэтому в этот отдел войдут как старые, так и новейшие постройки, исполненные или проектированные, также утварь, мебель и прочее»⁸. Редакторами отдела были выбраны Д.И. Гримм и И.А. Монигетти, мастера русского стиля.

В течение первых лет существования журнала, там стали публиковаться историко-теоретические статьи Л.В. Даля. «Уразумение логического происхождения частей в целом произведении зодчества возможно только при серьезном историческом его изучении. Вот почему нам необходимо историческое исследование наших памятников, и в особенности теперь, ввиду развития отечественной архитектуры»⁹. Внимание зодчих-практиков было сосредоточено на поиске национального своеобразия в построении архитектурной формы и ее декоративности. «Мотивы деятельности Даля лежали в сфере архитектурной практики. Зрелый мастер, он начинает борьбу с просчетами «русского» стиля, проистекающими от незнания архитектурного наследия. Внутренняя логика архитектурной формы — единственная гарантия гармонии, основа «строительной эстетики» — занимает ученого»¹⁰.

Наряду с теорией, большое значение в создании русского стиля имели натурные исследования памятников древнерусского зодчества, принятые выпускниками и профессорами Императорской Академии художеств. Среди плеяды зодчих и одновременно историков архитектуры можно назвать самого Л.В. Даля, а также А.М. Горностаева, И.И. Горностаева, Д.И. Гримма, Р.И. Кузьмина, А.М. Павлинова, В.В. Сулова, Н.В. Султанова, М.Т. Преображенского и многих других¹¹. Обмеры, зарисовки и фотографии памятников архитектуры становились учебным материалом, а затем необходимым пособием для разработки форм русского стиля.

О развитии этого стиля в то время писал один из его мастеров и летописцев Н.В. Султанов: «Сперва все это появлялось весьма робко и в малом количестве; но последняя «Художественно-промышленная выставка» в Москве (1878) показала, что национальный элемент начинает приобретать понемногу право гражданства: добрая треть ее витрин и киосков была в русском стиле. Каков стиль всех этих произведений, насколько

он чист — мы об этом распространяться не будем: нам важен не самый стиль, а факт его появления. Не беда, что многие из них в очень сомнительном русском стиле, чистота которого весьма подозрительна; важно то, что произведения, которые за ними последуют, будут уже истинно народно-художественными сокровищами»¹².

Одним из наиболее талантливых мастеров и теоретиков историзма был В.О. Шервуд (1832–1897) — художник, скульптор, зодчий, мастер декоративного искусства. Изучая памятники архитектуры он, как и многие коллеги, стремился к поиску неизвестных ранее законов построения формы и пространства. Его талант заявил о себе в композиции здания Исторического музея — программном и наиболее значительном произведении русского стиля 1870-х годов. (Рис. 4) В новаторскую композицию здания архитектор ввел шатры, которые великолепно сочетались с шатровыми вертикалями башен Кремля и выражали, как тогда казалось и И.Е. Забелину, и А.С. Уварову исконные русские традиции. Шатровая композиция В.О. Шервуда получила одобрение основателя Исторического музея, тогда еще наследника, Великого Князя Александра Александровича.

Черода залов музея, представлявших главные периоды русской истории, завершалась посвящением эпохе современного царствования. «Зала Александра II заканчивает ряд собственно исторических зал музея. Возрождение, если можно так выразиться, русского искусства в наше время, стремление собрать его памятники и создавать новые его образцы должно иметь влияние на стиль залы. Как и во внешней архитектуре музея, в зале этой желательно представить образец самостоятельного русского искусства, возможного на почве его прежних традиций, проверенных теми мировыми эстетическими законами, которые добыты были в прежний подражательный период. Великие преобразования и события настоящего царствования составляют богатое историческое содержание зала»¹³.

Разумеется, художник смотрел на современную ему эпоху с позиций, прежде всего, истории искусства, в развитии которого создание самобытного русского стиля представлялось событием национального масштаба. В.О. Шервуд в подробной пояснительной записке к проекту музея теоретически обосновал свой архитектурный замысел и обращение к национальным традициям: «Великое искусство традиционно; другого развития, кроме традиционного, у него не было и быть не может. И где же, как не в Историческом музее, наши художники найдут всецело эти традиционные типы, их понимание и отношение к ним русского народа, где найдут они более идеалов, отвечающих народному духу, и материальных форм для возможно верного осуществления их? — Они одни могут указать нашим художникам истинный путь, помогут возобновить порванную связь с народом и дадут возможность своими дарованиями послужить великому делу».¹⁴

4. Шервуд В.О. Проект здания музея имени Государя Наследника Цесаревича. Фасад на Красную площадь. 1875. ГИМ

Таким образом, ко времени вступления на престол Императора Александра III русский стиль прошел в своем развитии почти полувековой период. В эти годы складываются архитектурные предпочтения будущего Императора, которые лежали в значительной мере в области русского стиля. За годы, предшествовавшие его воцарению, были созданы разнообразные по своим композиционным и декоративным приемам храмы и гражданские сооружения, отражавшие разные творческие концепции их создателей. Появились и первые теоретические труды. Вопросы развития стиля обсуждались в профессиональной печати. Иными словами, в те годы в профессиональной среде была разработана художественная система русского стиля, был создан творческий фундамент для возникновения «русского стиля Императора Александра III» при его покровительстве и системном, последовательном государственном заказе. Особенно это стало заметно при проектировании самых концептуально значимых для культуры зданий — храмов, музеев, театров, государственных учреждений и т. п.

За основу этого направления русского стиля были приняты формы московского и ярославского зодчества XVII столетия, которое справедливо считалось наиболее самобытным, отражающим характерные особенности национальной архитектуры. В венчании храмов преобладало декоративное

5. Монигетти И.А. Домовая церковь во имя св. Благоверного Великого князя Александра Невского Аничкова дворца. 1868. Фото конца XIX века. ИИМК РАН

пятиглавие, в композиции фасадов — обилие декора с характерными элементами, такими как усложненные наличники, «гирьки», «дыньки» и т.п. Насыщенность декором вообще стала характерной особенностью русского стиля эпохи Александра III. Возрождение России последней четверти XIX века ассоциировалось в те годы с возрождением Московской Руси в XVII столетии.

Александр III вступил на престол со сформировавшейся художественной «программой». «Пристрастие его склонялось в особенности к древностям русским, к памятникам зодчества, орнаментаций, иконописи, фресков и мозаики»¹⁵. Еще в качестве наследника, цесаревич показал свое пристрастие к русской эстетике при создании домовй церкви в своих покоях в Аничковом дворце (1868). (Рис. 5) «Домовая церковь Аничкова дворца была отделана [И.А.] Монигетти, в стиле базилики, а иконостас был заказан лично цесаревичем, в бытность Его Высочества в Москве, профессору Сорокину, в старо-московском образном стиле, вместе с изящною церковною утварью»¹⁶. Он «любил вообще обрядность, символизм нашей православной церкви, красоту которой понимал, видя в ней глубокую и возвышенную поэзию»¹⁷.

Подобные взгляды наследника престола, очевидно, находили поддержку у его ближайших соратников, среди которых выделялся граф С.Д. Шереметев — выдающийся деятель нашей культуры — знаток русской истории XVII столетия. В 1870-е гг. исторические взгляды графа даже оказали большое влияние на формирование творческого кредо Н.В. Султанова, одного из виднейших зодчих александровской эпохи. И зодчий, и граф с близких позиций оценивали ход русской истории. Оба благоговейно относились к первым царям дома Романовых, считая «царский период» интересным и малоисследованным этапом отечественной истории, когда ярко проявились самобытные начала русской жизни и искусства.

В окружении молодого наследника, а затем Императора сложился ближайший круг меценатов русского стиля, покровителями которого были Великие Князья Сергей и Павел Александровичи, президент Академии художеств Великий Князь Владимир Александрович, Великие Князья Константин Константинович и Михаил Николаевич, другие члены царской семьи. К числу убежденных сторонников этого художественного направления принадлежали граф С.Д. Шереметев, министр Императорского Двора граф И.И. Воронцов-Дашков, князь Ф.Ф. Юсупов и княгиня З.Н. Юсупова, многие другие. Все они были заказчиками произведений русского стиля, соорудившихся в 1880-х — 1890-х гг.

Вполне закономерно, что предметы своего быта, домашней обстановки и интерьеры домовых храмов они стремились заказывать в исторических стилях, среди которых первенствовал XVII век. В этом стиле проектируются придворные храмы и интерьеры, элементы убранства и декора. По Д.А. Хомякову, «самодержавие есть сила, способствующая народу проявить свой быт»¹⁵. Этого принципа придерживались при утверждении проектов храмов, народных школ и училищ, общественных зданий, музеев, вокзалов и т. п.

Предпочтение русского стиля объединяло разные слои русского общества тех лет. Наряду с представителями аристократии, его приверженцами были главы купеческих семей и предприниматели, строившие храмы, торговые здания и банки.

Однако определение государственной политики в области архитектуры все же принадлежало государственной, императорской власти. Это отмечали современники. «Не надо особой проницательности, чтобы отгадать, что сердцем нового народного художественного движения в нашем Отечестве, тем меценатом, который прилагал свою высокую волю к очищению пути русскому национальному искусству, был Царь-Миротворец», — писал А.В. Прахов¹⁹. Он был автором обстоятельной статьи «Император Александр III как деятель русского художественного просвещения» и одним из первых обратил внимание на преемственность русского стиля с эпохой «первых царей из дома Романовых»²⁰, на своеобразный стиль этого

царствования. Он же перечисляет и главные сооружения в русском стиле, построенные при Александре III, и зодчих — их авторов: храмы в Борках и Баку (Р.Р. Марфельд), Ревельский собор и храм во Флоренции (М.Т. Преображенский), Верхние торговые ряды (А.Н. Померанцев), посольские церкви в Копенгагене (Д.И. Гримм) и Вене (Г.И. Котов), храм-памятник в Сан-Стефано (В.В. Суслов) и многие другие.

В период 1880-х гг. формируется новое поколение мастеров русского стиля — Н.В. Султанов, А.А. Парланд, М.Т. Преображенский, Л.Н. Бернау, М.Н. Чичагов, Д.Н. Чичагов, Н.Н. Никонов, В.В. Суслов, Н.И. Поздеев, Н.В. Никитин и другие. Русский стиль в их трактовке значительно отличается от русского стиля 1860-х — 1870-х гг. единством творческой концепции, опиравшейся на историческое наследие зодчества XVII столетия.

Личный заказ Императора, заказы императорской семьи и небольшого круга приближенных ко Двору, оказали большое влияние на становление и развитие русского стиля. Наиболее существенным было то, что создаваемые по этому заказу произведения считались «программными». По ним судили о художественных вкусах «верховного арбитра» русского искусства, прогнозировали результаты конкурсов. Они оказывали влияние на творчество мастеров архитектуры, вызывая подражания не только зодчих, но и заказчиков, ориентировавшихся на придворные вкусы.

«Первое, что следует отметить, — писал известный зодчий Л.Н. Бернау, — это поразительный рост и развитие нашего национального, самобытного искусства. Император Николай I, положивший начало этому возрождению, параллельно покровительствовал и развитию классических форм; любя и понимая искусство, Он твердою рукою вел зарождающуюся в России архитектуру и приучал к пониманию изящного. Ощупью, осторожно, шаг за шагом, вырабатывался русский стиль, применительно к новым требованиям строительства, и достиг мощного и всемирно признанного развития только под высоким покровительством Императора Александра III, столь чутко относившегося ко всему русскому»²¹.

В период правления Императора Александра III русский стиль становится выражением своеобразия его внутренней и внешней политики, основанной на приоритете национальных интересов, концептуальному покровительству национальной культуре и искусству. Как писал министр финансов, а затем и председатель Комитета министров Николай Христианович Бунге: «Император Александр III имел в виду, между прочим, решить следующие задачи: 1. Освободить нашу внешнюю политику от опеки иностранных держав; 2. Удовлетворить народному чувству, по которому Россия должна была принадлежать русским; 3. Упорядочить и скрепить внутренний строй управления, чего требовали пробелы в преобразованиях прошлого царствования; 4. Развить духовные и материальные силы народа»²².

Сам же Император считал, что «не должно ограничивать свои заботы

одним только Петербургом, что гораздо более следует заботиться о всей России: распространение искусства есть дело государственной важности». Слова были подкреплены делами. За время его правления в России было построено около 5000 храмов²³.

По воспоминаниям графа С.Д. Шереметева, Император Александр III «обратил особое внимание на наши заграничные церкви, и при нём освятили каменную новую церковь в Копенгагене. Точно так же и в Вене он содействовал постройке нынешнего благолепного храма, причём участие его доходило до мелочей и носило истинно задушевный характер, чуждый обычной сухой формальности»²⁴. Император продолжил «программу» возведения посольских и вообще зарубежных храмов. Их русский стиль стал лучшим выражением культурных, самобытных основ российского государства. С ним вообще стали ассоциироваться представления о России, ее культуре и истории.

С первых лет царствования Императора Александра III русскому стилю стало придаваться большое значение при осуществлении крупных государственных программ в области монументального искусства. Уже в 1881 г. было объявлено два конкурса: на лучшие проекты памятника Императору Александру II в Московском Кремле и храма в его честь в Санкт-Петербурге.

Как известно, конкурсы на проект памятника, объявлявшиеся в 1881, 1883 и 1887 гг. не дали ожидаемого результата²⁵, и окончательный эскиз монумента был предложен художником П.В. Жуковским (сыном поэта В.А. Жуковского), а архитектурный проект — разработан Н.В. Султановым, приглашенным по совету Великого Князя Сергея Александровича. Постановка задачи царем была проста и сложна одновременно: «просто и священо», понятно для народа. «Царствование Александра III было возрождением древнерусского стиля, и государь считался знатоком его», — писала Е.П. Султанова-Леткова²⁶. Первый проект 1890 г., утвержденный царем, был выдержан в русском стиле. (Рис. 6) По мере хода строительных работ и рабочего проектирования, уточнения проектных размеров, создания модели, стиль памятника изменился и приобрел более классицистические формы, на которых настаивал П.В. Жуковский. После кончины Императора уже никто из заказчиков не был столь последователен в сохранении чисто русской стилистики монумента.

Роль Н.В. Султанова оказалась весьма значительной. Своды галереи, предназначавшиеся первоначально для изображения сцен царствования Александра II, по его предложению украсили портреты правителей России. Памятник символически сосредоточил в себе историю государства благодаря геральдике — украсившим его гербам из полного титула российского Императора.

Вторым художественным событием начала царствования Александра III был конкурс на проект храма Воскресения Христова в Санкт-Петербурге

6. Султанов Н.В. Проект памятника Императору Александру II в Московском Кремле. 14 февраля 1890 г. НИМ РАХ

памяти Императора Александра II. По желанию Александра III, все проекты второго этапа конкурса должны были быть выдержаны в русском стиле. Показательно, что на первый тур конкурса зодчие, по инерции, представили почти все проекты в неовизантийском стиле, который был предпочтительнее или равнозначен русскому стилю в период предыдущего царствования. И поэтому они не получили одобрения, несмотря на свое высочайшее художественное качество. Таким образом, выбор русского стиля стал приоритетным согласно предпочтениям верховной власти.

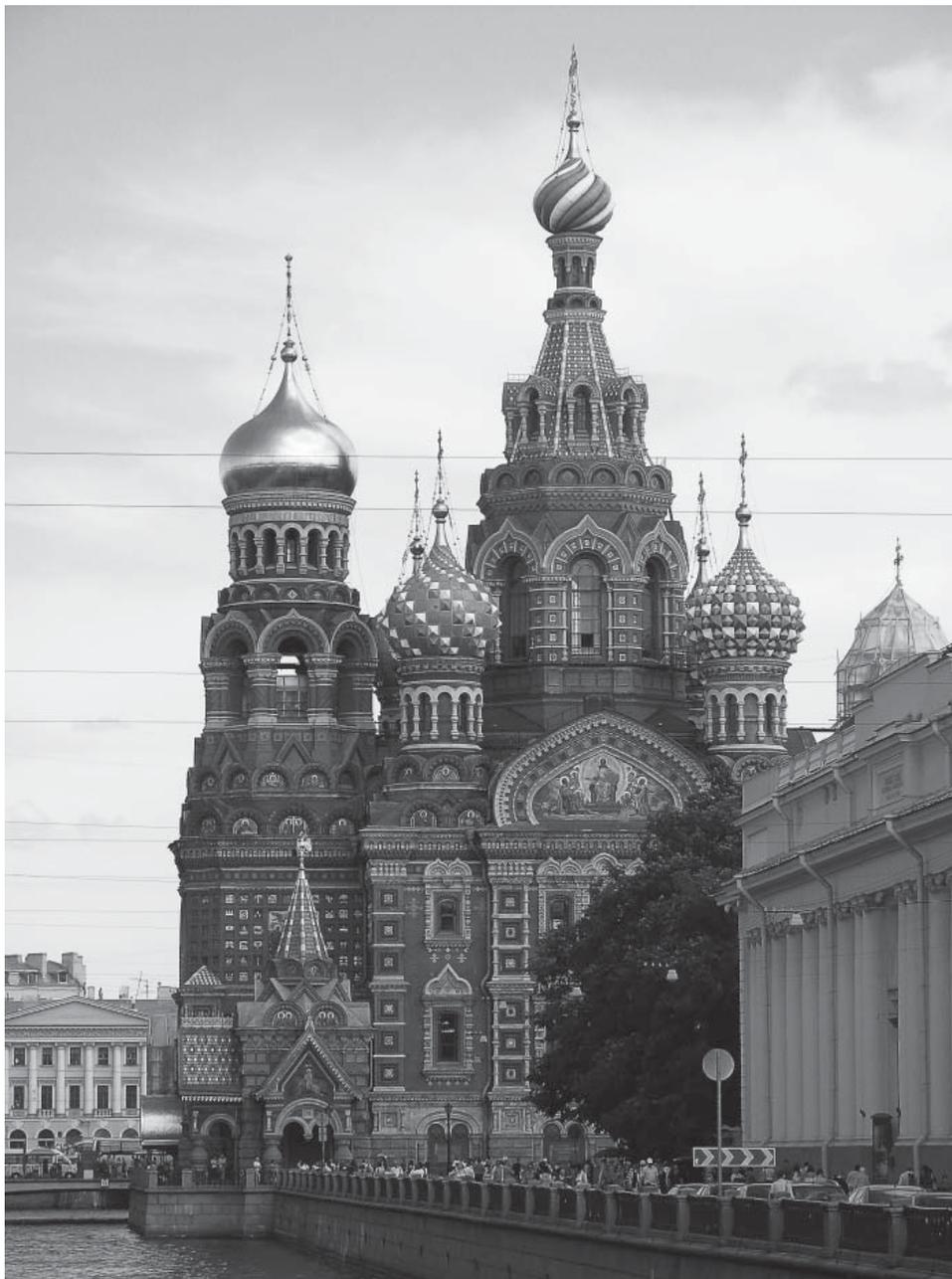
Во втором этапе конкурса участвовали известные зодчие — Альби Л. Бенуа, Н.Ф. Брюллов, И.С. Богомолов, Р.А. Гедике, В.А. Коссов, Н.В. Набоков, А.Л. Обер, А.М. Павлинов, А.А. Парланд, А.И. Резанов, Н.В. Султанов, В.А. Шрётер, М.А. Шурупов и многие другие. Как хорошо известно, проектирование выбранного Императором проекта А.А. Парланда и настоятеля Троице-Сергиевой пустыни о. Игнатия (Малышева) прошло несколько

этапов, в каждом из которых принимал участие сам самодержец. Существующий храм можно рассматривать как своеобразный художественный манифест нового царствования. (Рис. 7)

В истории русского стиля XIX века возведение церкви Воскресения Христова вышло на первый план, заслонив другой важнейший памятник — придворный храм святых апостолов Петра и Павла в Петергофе (1892–1905). (Рис. 8) Эти два здания, возведенные по воле Императора, обозначили эпоху главного покровителя русского стиля. Первый возник при ее начале, второй — на исходе его правления. Современники сознавали, что этот придворный храм был выразителем идей Александра III в духе традиций XVII столетия. Как писал его автор Н.В. Султанов, «храм этот не должен быть заурядным произведением, а точным отражением вкуса покойного Государя — великого знатока древнерусского стиля». С ним соглашался и о. И.Л. Янышев: «Отец протопресвитер выразил, что вполне разделяет мнение главного архитектора постройки: построенная церковь оригинальная и действительно памятник Императору Александру III»²⁷.

Несомненно, что концепция самобытности распространялась не только на архитектуру, но и на все виды искусства, особенно церковного. «Коснувшись церковной живописи, следует заметить, что у почившего Императора было своё, несомненно, правильное воззрение, а именно, что церковная живопись не должна быть итальянской или вообще западной, но чисто старогреческой, византийской, древней рублевской, строгановской или старомосковской. Художник, ныне профессор, В.М. Васнецов понял мысль нашего Государя и, расписывая киевский храм Святого Владимира, осуществил и указал путь, по которому следует идти современной церковной живописи, исполнив между другими замечательными произведениями и образ Богородицы с Пречистым Младенцем, копия с которого была приобретена Государем Императором. Другой храм в Санкт-Петербурге, строящийся на месте кончины Царя-Освободителя, по повелению Его Величества, тоже будет расписан в том же стиле, тем же нашим талантливым художником Васнецовым, которого Государь впервые узнал в Париже, когда он еще писал на темы русского эпоса»²⁸.

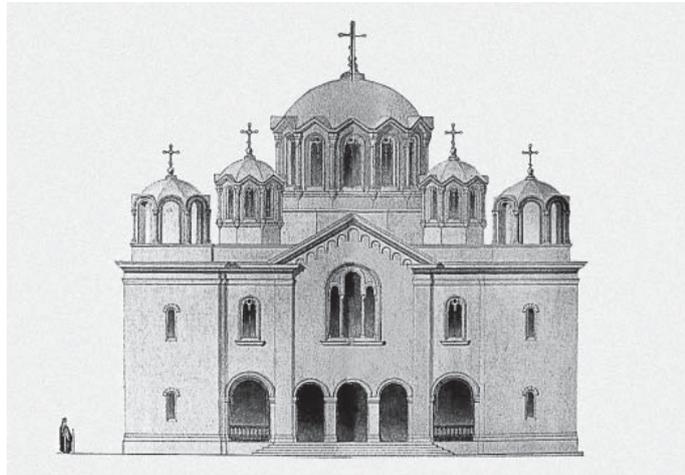
В круг приоритетов царствования Императора Александра III входило покровительство Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и храмостроение на Святой Земле. Первоначально стиль храмов, возводившихся петербургским Палестинским комитетом под председательством Великого Князя Константина Николаевича, отвечал стилистике архитектуры царствования Императора Александра II и Императрицы Марии Александровны — покровительницы неовизантийского стиля, который в те годы обрел даже статус «придворного»²⁹. Это относится и к стилистике Троицкого собора (1860–1872) — главного русского храма на Святой Земле. Архитектором М.И. Эппингером был избран «романо-византийский» стиль —

7. Парланд А.А. Храм Воскресения Господня памяти Государя Императора Александра II. 1884–1907. Санкт-Петербург. Фото автора. 2009 г.

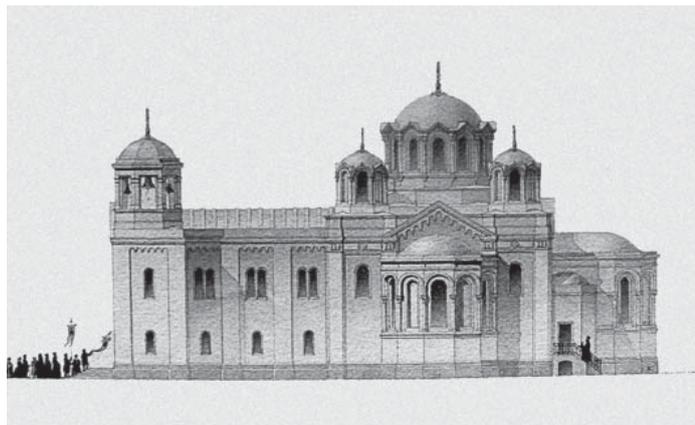
8. Султанов Н.В. Придворный собор во имя святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла в Петергофе. 1893–1905. Южный фасад. Фото автора. 2007 г.

9. Эппингер Ф.И.
Проект Троицкого
собора Русской
духовной миссии в
Иерусалиме. Главный
фасад. 1860. АВПРИ

первый пример сочетания двух неосредневековых стилистик в русской архитектуре. Он, тем не менее, был характерен для западноевропейской архитектуры историзма XIX века, где сочетание неороманского и неовизантийского стилей было обычным явлением.

В композиции храма зодчий талантливо соединил идею центрального крестовокупольного пятиглавого храма с идеей базилики, вход в которую, по романской традиции, фланкировали две лестничные башни. Влияние архитектуры Афона можно видеть в боковых апсидах, примыкающих с севера и юга к главному объему здания. Декор фасадов также соединил две традиции: арочный мотив барабана и апсид дополняли «романские» треугольные фронтоны фасадов и по-романски сдвоенные окна западной «базиликальной» части храма. (Рис. 9, 10)

10. Эппингер М.И.
Проект Троицкого
собора Русской
духовной миссии в
Иерусалиме. Южный
фасад. 1860. АВПРИ

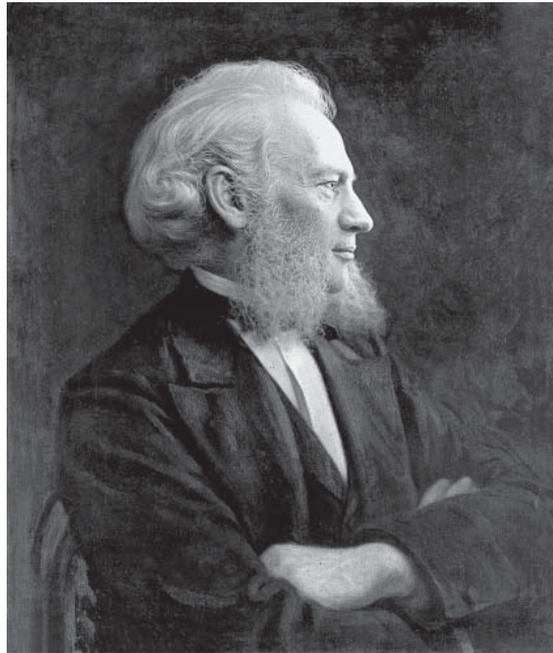
Программа росписи храма была всецело подчинена идее единства истории Вселенской Церкви и Русской Православной Церкви. Изображению, к примеру, в южной апсиде свв. равноап. Константина и Елены, соответствовало изображение свв. равноап. Владимира и Ольги в южной. Согласно православному канону, на столпах храма были изображены «столпы» православной веры — восточные Отцы Церкви и их русское последователи.

Программа росписи составлялась и согласовывалась с духовенством и руководителями Палестинского комитета архитектором-художником М.Ф. Грановским. Михаил Федорович обучался в Академии художеств и незадолго до отъезда в Иерусалим, в 1863 г., получил звание свободного художника. Вместе с В.А. Дорогулиным он в 1860-х гг. служил помощником М.И. Эппингера при создании ансамбля Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, где роль доминанты архитектурного ансамбля была отведена Троицкому собору³⁰.

По замыслу начальника Русской Духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина) были построены еще два храма, отдаленно напоминающие образцы раннехристианской и византийской архитектуры — церковь Вознесения Господня Спасо-Вознесенского монастыря на Елеонской горе и церковь в честь иконы Казанской Божией Матери

11. Архимандрит Антонин (А.И. Капустин), И.Б. Бизелли. Храм Вознесения Господня Спасо-Вознесенского монастыря на Елеонской горе. 1873–1881. Иерусалим.

12. Портрет Д.И. Гримма. 1860-е гг.

Горенского женского монастыря. Храмы были решены довольно скупыми, но выразительными архитектурными средствами, благодаря чему их образ приобрел монументальный характер, что вообще было свойственно архитектуре Святой Земли. Отец Антонин был хорошо знаком с историей христианского зодчества, изучал и восстанавливал памятники Афин и Константинополя. Оба сооружения прекрасно гармонировали с окружающим пейзажем, напоминая о событиях Священной истории. Особенно величественным и монументальным оказался образ Вознесенского храма³¹, по-

строенного в 1873–1881 гг., который сам архимандрит Антонин называл «малой Святой Софией» (Константинопольской). (Рис. 11)

Как мы видели ранее, с воцарением Императора Александра III взгляды на стилистические приоритеты в области архитектуры изменились. Своеобразным рубежом в этом процессе стали два конкурса на проект Воскресенского храма в Санкт-Петербурге. На первый были представлены проекты, выполненные в неовизантийском, на второй — в русском стиле, который с этого времени находился под целенаправленным и концептуальным покровительством верховной власти. Эти перемены не могли не коснуться храмостроения на Святой Земле. Показательно, что между завершением строительства Вознесенского храма (1881) и проектированием церкви св. Марии Магдалины (1885) прошло всего четыре года. Но ее стилистика в проекте Д.И. Гримма, которому особо благоволила почившая Императрица Мария Александровна, уже отвечала новой эстетике, причем в ее наиболее богатом декором исполнении.

В предшествующий период Д.И. Гримм (Рис. 12) проявил себя как крупный мастер неовизантийского стиля. Многие из проектов осуществлялись по императорскому заказу: храм св. Владимира в Херсонесе (1859–1879), церковь в Ницце памяти цесаревича Николая Александровича (1866–1868), собор св. Александра Невского в Тифлисе (1866–1897) и другие. Выбор

13. Гримм Д.И. Покровская церковь в Егерской слободе в Гатчине. 1885–1888. Фото начала XX века.

стиля этих храмов не определялся исключительно зодчим, он служил выражением тех устремлений во внешней политике эпохи, которые концентрировались в Восточном вопросе³². Верховная власть не только определяла стиль построек, но и финансировала строительство.

Одновременно зодчий показал себя мастером русского стиля, хотя в более камерном масштабе. По его проекту построена церковь во имя св. княгини Ольги в Стрельне (1861), посольская церковь Животворящего Креста Господня в Женеве (1862–1866), Покровский храм в Егерской слободе в Гатчине (1885–1888) (Рис. 13) и другие. Всех их объединяет родственность композиционных приемов: центричный объем, увенчанный одной или пятью главками обычно окружен галереей со звонницей. Подобной же композиции Д.И. Гримм придерживался и при создании проекта храма св. Марии Магдалины в Иерусалиме. Но только здесь увеличен масштаб здания и его система декора отвечает тем новым художественным принципам, которые легли в основу «русского стиля Императора Александра III» с преобладанием черт московско-ярославского зодчества XVII века.

Среди храмов русского стиля, построенных по проекту Д.И. Гримма, храм св. Марии Магдалины — наиболее значительный. (Рис. 14) По своим художественным достоинствам он занимает совершенно особое место

14. Гримм Д.И. Церковь св. Марии Магдалины в Иерусалиме. 1885–1887.
Фото конца XIX века.

в развитии русского стиля вместе с другими выдающимися произведениями — Воскресенским храмом в Санкт-Петербурге (архитектор А.А. Парланд) и Петропавловским в Петергофе (архитектор Н.В. Султанов). Их большое значение определяется также и тем, что все три храма создавались в теснейшем творческом союзе с самим Императором Александром III

15. Султанов Н.В. Церковь Черниговской иконы Божией Матери Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры. 1885–1893. Фото конца XIX века.

и в них запечатлены его концептуальные взгляды на развитие русского стиля и в целом национального искусства.

Несмотря на то, что каждый создававшийся проект обладал только ему присущими особенностями композиции, структуры внутреннего пространства и системы декора, он одновременно принадлежал

к определенной художественной школе, отражая те общие черты, которые были характерны и для других произведений этого направления. Одновременно с Гефсиманским храмом св. Марии Магдалины строилась церковь Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры в честь Черниговской иконы Божией Матери (1885–1893). (Рис. 15) Ее автор Н.В. Султанов был крупным мастером и теоретиком русского стиля, учеником Д.И. Гримма. При сравнении этих храмов видны общие композиционные и декоративные приемы, несмотря на разные строительные материалы — естественный камень в Иерусалиме и кирпич в Подмосковье. Великий Князь Сергей Александрович, хорошо знавший Н.В. Султанова как один из его главных заказчиков³³, живо интересовался ходом строительства, и 24 мая 1891 г. посетил подмосковный храм. Об этом имеется дневниковая запись Н.В. Султанова: «показывал мою церковь Великому Князю и Великой Княгине. Очень понравилась»³⁴. Оба храма отражали единый творческой вектор развития русского стиля в духе самобытного московско-ярославского зодчества XVII столетия.

Для России русский стиль виделся его создателям — заказчикам и зодчим — как развитие забытых самобытных национальных основ русской архитектуры, а в Иерусалиме стал выражением «русского стиля Императора Александра III» на Святой Земле. Русский стиль в период правления Императора Александра III обрел статус «государственного», который он сохранил до самых предреволюционных лет³⁵, а храм в Гефсимании Палестинской остается лучшим произведением Д.И. Гримма в русском стиле. Благодаря государственному заказу в нем отразилась творческая концепция, которая была наиболее близка Императору и его ближайшему окружению.

Характеризуя значение Царя-Миротворца, его поклонник и теоретик русского стиля архитектор Н.В. Султанов писал: «Подобные личности являются достоянием не настоящего, а будущего и даже отдаленного будущего. <...> Такие мощные тиходумы, каков был покойный Государь, совсем неосязуемы для современников, в особенности для современников чуждого им направления: значение таких личностей всплывает только потом, когда человечество может оглянуться назад, увидеть их в должной исторической перспективе и дать себе отчет в том влиянии, которое они оказали на последующие события»³⁶. Сейчас это время пришло, и мы по достоинству можем оценить то великое наследие, которое нам оставил Царь-Миротворец. Одним из главных достижений его правления стал расцвет русского национального зодчества, представленного, в значительной мере, архитектурными произведениями русского стиля, среди которых почетное место принадлежит храму св. Марии Магдалины в Иерусалиме.

- ¹ Лисовский В.Г. «Национальный стиль» в архитектуре России. М., 2000. С. 116.
- ² Там же. С. 117.
- ³ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 67-М. И.А. Монигетти. Л. 12.
- ⁴ Там же. Л. 12.
- ⁵ Там же. Л. 12.
- ⁶ Там же. Л. 35.
- ⁷ Антонов В.В., Кобак А.В. Русские храмы и обители в Европе. Изд. «Лики России». СПб, 2005. С. 326.
- ⁸ «Зодчий». 1872. № 1. С. 11
- ⁹ Даль Л.В. Исторические исследования памятников русского зодчества // Зодчий. 1872. № 2. С. 2.
- ¹⁰ Славина Т.А. Исследователи русского зодчества. Л., 1984. С. 104.
- ¹¹ Лисовский В.Г. Академия художеств. Историко-искусствоведческий очерк. Л., 1982. С. 100–105; 119–134; 151–152; Лисовский В.Г. «Национальный стиль» в архитектуре России. М., 2000. С. 167–186.
- ¹² Султанов Н.В. Одна из задач Строительного училища // Зодчий. 1882. № 5. С. 72.
- ¹³ Шервуд В.О. Несколько слов по поводу Исторического музея имени Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. М., 1879. С. 48.
- ¹⁴ Там же. С. 27.
- ¹⁵ Мемуары графа С.Д. Шереметева. Составление, подготовка текста и примечания Л.И. Шохина. М., 2001. С.455.
- ¹⁶ Боголюбов А.П. Воспоминания о в Бозе почившем Императоре Александре III. СПб, 1896. С.15; Боголюбов А.П. Записки моряка-художника. Издат. дом «Агни». Самара. 2014. С. 166.
- ¹⁷ Мемуары графа С.Д. Шереметева. С.589.
- ¹⁸ Хомяков Д.А. Православие, самодержавие, народность. М., 2005. С. 297.
- ¹⁹ Прахов А.В. Император Александр III как деятель русского художественного просвещения // Художественные сокровища России. 1903. № 4–8. С. 174; Савельев Ю.Р. Н.В. Султанов и император Александр III. По дневникам зодчего 1889–1895 годов. // Мавродинские чтения. Изд. СПбГУ. СПб, 2002. С. 217–224; Он же. Новая концепция самодержавия и «русский стиль» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. Вып. 4. СПб, 2006. С. 40–52; Он же. Исторические взгляды Александра III и их отражение в развитии «русского стиля». На примере творчества Н.В. Султанова. // «Император Александр III и императрица Мария Федоровна». Материалы научной конференции. Сб. статей. Гатчина. 19–20 октября 2006. СПб, С. 128–138.
- ²⁰ Прахов А.В. Император Александр III как деятель русского художественного просвещения // Художественные сокровища России. 1903. № 4–8. С. 138.
- ²¹ Бенца Л.Н. Зодчество в царствование Императора Александра III // Неделя строителя. 1894. № 48. С. 245–246
- ²² Записка Н.Х. Бунге об итогах царствования Александра III и задачах следующего царствования. ГА РФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 278. Л. 2.

- ²³ Общее же число православных храмов в России исчислялось в 47429. Из них 695 были соборными; 34574 — приходскими; 1313 — существовало при монастырях; 954 — при различных казенных заведениях; 570 — были домовыми; 283 — единоверческими; 4832 — приписными; 2004 — кладбищенскими; 18979 — представляли из себя часовни и молитвенные дома. // Неделя строителя. 1894. № 37. С. 39.
- ²⁴ Мемуары графа С.Д. Шереметева. Сост., подг. текста и примечания Л.И. Шохина. М., 2001. С. 592.
- ²⁵ Савельев Ю.Р. Памятник императору Александру II в Московском Кремле // Московский Кремль XIX столетия. Древние святыни и исторические памятники. Кн. 2. Изд. ГМЗ «Московский Кремль», БуксМАрт. М., 2016. С. 183–212; Он же. Памятник императору Александру II в Кремле по архивным материалам // Памятник императору Александру II в Московском Кремле. 200-летию со дня рождения императора Александра II. 260-летию Императорской академии художеств. Изд. «Союз-Дизайн». М., 2017. С. 104–147.
- ²⁶ ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 42. Л. 11.
- ²⁷ РГИА. Ф. 490. Оп. 4. Д. 1230. Л. 164.
- ²⁸ Боголюбов А.П. Записки моряка-художника. Издат. дом «Агни». Самара. 2014. С. 240.
- ²⁹ Савельев Ю.Р. Искусство историзма и государственный заказ. Вторая половина XIX — начало XX века. М., Изд. «Совпадение». 2008. С.
- ³⁰ Зеленина Я., Белик Ж. Первые русские храмы в Иерусалиме. Троицкий собор и церковь мученицы Александры. История создания. Художественное убранство. Изд. Индрик. М, 2011. С. 80–187.
- ³¹ Архимандрит Киприан (Керн). О. Антонин (Капустин) — архимандрит и начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме (1817–1894). М, 1997.
- ³² Савельев Ю.Р. «Византийский стиль» и Восточный вопрос. Вторая половина XIX — начало XX века // Савельев Ю.Р. Искусство историзма и государственный заказ. Вторая половина XIX — начало XX века. Изд. Совпадение. М, 2008. С. 20–28.
- ³³ Савельев Ю.Р. Н.В. Султанов и великий князь Сергей Александрович. По материалам писем и дневников Н.В. Султанова. 1883–1904 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. Вып. 3. СПб, 2006. С. 180–190.
- ³⁴ ОР РНБ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 2. Дневник Н.В. Султанова за 1891 год. 24 мая.
- ³⁵ В начале XX века стилистическая палитра русского стиля значительно обогатилась другими его версиями с использованием мотивов новгородско-псковского зодчества и модерна (так называемый «неорусский стиль»), однако «стиль Императора Александра III» сохранял свое значение на протяжении всех этих лет.
- ³⁶ РГИА. Ф. 721. Оп. 2. Д. 449. Письма архитектора Н.В. Султанова С.Д. Шереметеву и Д.С. Сипягину.

ЗАДАЧИ И ИТОГИ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

И.Е. Дронов

I.

1 марта 1881 г. в результате террористического акта погиб Император Александр II. Последние месяцы его царствования проходили в условиях так называемой «диктатуры сердца» министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова и были ознаменованы политикой либерализации политической системы Империи в целях «умиротворения» цензового общества и изоляции радикальных элементов. Периодической печати в эти месяцы была предоставлена гораздо большая свобода суждений, были расширены права студенческих корпораций, планировалось привлечение выборных представителей от местных органов самоуправления (земских учреждений) к деятельности высшего законосовещательного учреждения Империи — Государственного совета. Последний проект, получивший название «лорис-меликовской конституции», был одобрен Александром II незадолго до гибели. Хотя в прямом смысле слова этот проект конституцией, ограничивающей власть царя, не являлся, все прекрасно понимали, что это первый шаг к ней. Понимал это и сам Александр II, о чем и заявил в день своей смерти сыновьям¹.

В силу названных обстоятельств именно решение вопроса о конституционной реформе стало первой задачей царствования Императора Александра III. 8 марта 1881 г. состоялось знаменитое совещание высших руководителей государства под председательством Александра III, на котором обсуждалась судьба «лорис-меликовской конституции». Мнения присутствующих разошлись. Лорис-Меликов и некоторые другие министры настаивали на продолжении реформы. Впечатляющую речь с уничтожающей критикой представленного проекта произнес К.П. Победоносцев². На Императора Александра III, по-видимому, рассуждения Победоносцева произвели гораздо более сильное воздействие, нежели доводы противные.

Несколько позднее, 29 апреля 1881 г., был издан Высочайший манифест о незыблемости самодержавия, положивший конец «лорис-меликовской конституции»³.

И современники, и историки по-разному оценивают этот акт Александра III. Консерваторы, разумеется, приняли Манифест с восторгом, либералы погрузились в уныние. Конституция для последних являлась синонимом прогресса: в передовых странах Запады существуют представительные учреждения, значит, они необходимы и России, чтобы приобщиться к «цивилизации». Вместе с тем, допущение к власти более широких кругов имущих классов через механизм представительства поможет укрепить устойчивость государственного порядка.

Рассмотрим, каковы же были соображения, которые побудили Александра III в тот конкретный исторический период отказаться от конституционной реформы.

1. По мнению Победоносцева и его единомышленников, сами по себе органы власти не определяют характера государства и их реформирование мало что меняет. Главное — каковы люди, наполняющие эти учреждения. Если эти люди порочные и алчные, то при самой идеальной конституции государство останется всего лишь, по выражению Августина Блаженного, шайкой разбойников, хотя и очень большой и хорошо организованной шайкой. Благоустроенным государство становится не по формальным признакам наличия каких-то учреждений, а только в том случае, если люди, в них служащие, искренно преданы добродетели и справедливости. Поэтому конституционная реформа рассматривалась как неактуальная, а первостепенной задачей признавался подбор кадров и воспитательная работа⁴. Надо отметить, что разные конституционные проекты и инициативы по ограничению самодержавной власти возникали в России уже более 100 лет до этого. Не впервые разрабатывались такие проекты и при Александре II. И каждый раз подобная реформа признавалась несвоевременной. Весной 1881 г. это случилось в очередной раз. Придавать какое-то роковое значение этому событию нет оснований.

2. Не следует также забывать, что обсуждение «лорис-меликовской конституции» происходило в условиях террористической угрозы. Только что после многократных покушений был убит Император Александр II. Исполнительный Комитет «Народной воли» немедленно предъявил новому царю ультиматум, в котором прекращение террора увязывалось именно с конституционной реформой государства⁵. В данных обстоятельствах инициативы сверху подобной реформы выглядели бы как явная уступка требованиям террористов, что и сегодня во всем мире считается недопустимым и бесперспективным. Александр III решил не поддаваться шантажу террористов, и, смеем полагать, поступил правильно.

3. В российском обществе в тот момент были скептически настроены относительно парламентаризма не только откровенные консерваторы. Среди самих революционеров — сторонников народовластия — многие сомневались в том, что парламентарный строй непременно облагодетельствует народ. Они небезосновательно предполагали, что, в случае появления в России центрального представительного органа, он неизбежно попадет под контроль нового энергичного и хищного класса — буржуазии (как это и случилось ранее в странах Запады). Для простого народа власть буржуазии будет ничем не лучше, а то и хуже, чем власть царя и помещного дворянства⁶. При этом даже в руководстве «Народной воли» предвидели, что всеобщие выборы в Учредительное собрание с большой долей вероятности приведут к тому, что русский народ свободно и демократически выберет самодержавного царя!⁷

4. Наконец, даже опыт тогдашних зарубежных конституционных государств не доказывал однозначно, что этот строй более эффективный, менее коррупционный и т.д. Нет неоспоримых доказательств этого и сегодня. К тому же, в конце XIX века наличие парламента не мешало разного толка террористам действовать (включая покушения на первых лиц государства) и в Германии, и во Франции, и в США с Великобританией...

II.

Намного более насущной, нежели конституционная реформа, в начале правления Александра III являлась задача обеспечения безопасности государства и ликвидация террористической угрозы. В последние годы царствования Александра II органы государственной безопасности оказались совершенно недееспособны, что привело к череде чудовищных терактов против высших руководителей страны, закончившихся цареубийством. III Отделение явно не справлялось с современными вызовами. Главный метод его оперативной работы — старый добрый донос — уже не давал тех результатов, как в патриархальные времена Императора Николая Павловича. Строго законспирированная и жестко дисциплинированная террористическая организация нового типа в лице «Народной воли», практиковавшая нестандартные и дерзкие методы, оказалась ему не по зубам. После взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г., устроенном революционерами, III Отделение по инициативе М.Т. Лорис-Меликова было упразднено, однако создать вместо него действенную структуру не удалось, и, таким образом, Император Александр II оказался беззащитен перед новым ударом террористов.

Решение этой неотложной задачи легло на плечи его преемника. Надо отдать должное Александру III: он доверил дело модернизации органов госбезопасности профессионалам высочайшего уровня. Главой

Департамента полиции в 1881 г. был назначен Вячеслав Константинович Плеве, позднее погибший от рук террористов. Петербургским охранным отделением руководил Георгий Порфирьевич Судейкин, также сложивший голову в борьбе с террором. В Московском охранном отделении при Александре III на ведущие роли выдвинулся Сергей Васильевич Зубатов, внедрявший новаторские методы в оперативную работу сыскных органов⁸. Во главе созданного в 1883 г. Заграничного отделения агентуры в 1884 г. был поставлен Петр Иванович Рачковский, который в самые сжатые сроки сумел буквально с нуля превратить Заграничную агентуру в высокоэффективную структуру.

Все эти деятели в течение долгого времени изображались в негативном ключе; в советской историографии они стали символом полицейского произвола и провокации, а террористы, с которыми они боролись, представлялись безупречными героями, святыми борцами за благо народа. Но сейчас историческая справедливость постепенно восстанавливается. Сегодня мы слишком хорошо знаем, что такое политический терроризм, и вряд ли в наши дни кто-то станет восхищаться деяниями «идейных» убийц. Тем более необходимо отдать должное тем, кто стоял у истоков современных методов борьбы с террором.

Какими же методами был ликвидирован терроризм при Александре III?

1. *Агентурная работа.* При Александре II и в первое время царствования Александра III для обеспечения безопасности проводились чуть ли не войсковые операции, которые оказывались тщетными⁹. Били по площадям, мало задевая при этом террористов. Вместо этих, чрезмерно громоздких и почти бесполезных мер, была налажена систематическая работа по внедрению агентов и вербовке информаторов в революционном движении. Эта тщательно засекреченная агентурная сеть стала основным и бесценным источником сведений о деятельности террористического подполья. Судейкин, Рачковский нацеливали секретных сотрудников, как правило, из завербованных полицией бывших революционеров, на проникновение в руководящие центры подрывных организаций, что позволяло выявлять всю их сеть целиком, а не гоняться за «хвостами»¹⁰. Впоследствии непродуманная реформа В.Ф. Джунковского накануне Первой мировой войны, приведшая к упразднению большинства Охранных отделений и практически полному свертыванию агентурной работы, значительно ослабила правительственные средства противодействия революционному движению и приблизила падение монархии в феврале 1917 года¹¹.

2. *Профессиональная система наружного наблюдения, гласного и негласного полицейского надзора.* Эта система позволяла держать под контролем инфраструктуру террора — ту питательную среду, откуда рекрутировались боевики подпольных организаций: разные на первый взгляд безобидные студенческие кружки, кружки самообразования и т.п.,

где происходили первые контакты молодежи с революционным подпольем и где неофитов втягивали в радикальные группы. Именно в 1880-е годы в Департаменте полиции создается грандиозная база данных, содержащая информацию об участниках революционного движения, их приметах, связях, и т.п. На всех, кто когда-либо и по каким-либо причинам попадал в сферу внимания спецслужб, заводилось досье. «Департамент полиции можно было уподобить компьютеру. Громоздкому, сравнительно медлительному, записывающему информацию на картонные карточки, — и тем не менее, действовавшему по тому же принципу, что все вычислительные машины. На Фонтанку со всех концов империи стекалась информация, которая обрабатывалась, разбивалась на фрагменты, откладывалась в ячейках памяти, создавая банк данных...»¹². В.М. Чернов (в будущем лидер партии эсеров) весной 1894 г. впервые был арестован по делу партии «Народного права» и на допросе у Зубатова испытал настоящее потрясение: «Они все знают... Какими маленькими, какими обидно бессильными выглядим мы перед лицом всеведущего и всевидящего полицейского аппарата правительства. Сомнения нет, все обнаружено, все взято. С нами играют, как кошка с мышкой...»¹³.

3. *Дезорганизация заграничных центров террора,* куда перетекали выдвинутые из России революционные элементы, чтобы «отлежаться» и при первой возможности вернуться обратно и возродить террористическую сеть. Этими заграничными центрами осуществлялась и регулярная мобилизация общественного мнения западных стран, причинявшая значительный ущерб интересам российского государства. Помимо внедрения агентуры в заграничные революционные группы, проводились и иные активные мероприятия: в частности, создавались фальшивые («фейковые») революционные группы, издавались фальшивые радикальные журналы, газеты, листовки. Все это сеяло в среде революционной эмиграции сумятицу и неразбериху, взаимную подозрительность и страх: и без того взвинченные эмигранты начинали видеть друг в друге шпионов и провокаторов. Паническими настроениями и деморализацией в эмиграции умело пользовались Рачковский и его сотрудники, чтобы начать тонкую психологическую игру с революционерами и постепенно привести их к мысли об отказе от антигосударственной деятельности. Такая многолетняя работа увенчалась блестящим успехом: член ИК «Народной воли» Л.А. Тихомиров раскаялся и изъявил желание отказаться от борьбы с правительством и вернуться на родину. За время царствования Александра III значительное число революционеров-эмигрантов последовали примеру Тихомирова.

Можно констатировать, что к концу правления Александра III ни в России, ни за границей не осталось организованных революционно-террористических структур.

III.

Разумеется, революционное движение, включая терроризм, не возникли в России Александра II на пустом месте. Как и всегда, и везде, этому способствовала тяжелейшая экономическая ситуация, в которой оказалась страна на рубеже 1870–1880-х гг. Интегральным показателем финансово-экономического неблагополучия являлся гигантский государственный долг России: на 1 января 1881 г. он составлял астрономическую сумму — 6 млрд. рублей¹⁴. Для понимания этой цифры: доходная часть государственного бюджета Российской Империи в 1880 г. составляла немногим более 600 млн. руб., то есть размер госдолга равнялся 10 годовым бюджетам государства (а учитывая, что через госбюджет перераспределялось тогда примерно 20 % ВВП, то госдолг составлял 2 годовых ВВП страны). В начале 1880-х гг. примерно 40 % госбюджета уходило ежегодно на выплату этой чудовищной задолженности.

Даже теоретически выплатить этот долг представлялось малореальным. Как любой безнадежный должник, Россия, чтобы расплатиться по одному кредиту, вынуждена была брать новый, причем на самых тяжелых условиях, потому что невыплата очередного займа означала дефолт, говоря современным языком, или банкротство государства. Всего же за период царствования Александра II размер госдолга вырос в 4 раза. Такая катастрофическая ситуация сложилась вследствие непомерных затрат на ведение Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., увеличивших задолженность России сразу на 1,5 млрд. рублей¹⁵. Но важнейшей причиной экономического кризиса стала порочная модель народного хозяйства, сложившаяся в 1860–1870-х гг. После поражения в Крымской войне 1853–1856 гг. не только в обществе и среди интеллигенции, но и в значительной части руководящей элиты возобладало мнение о негодности всего старого «николаевского» порядка. Справедливая критика изъятий прежней государственной и экономической политики очень быстро перешла в огульное осуждение всего, что делалось при Николае I. Соответственно правильным признавалось теперь делать ровно противоположное. Если при Николае Павловиче в идеологии господствовал мотив опоры на самобытные начала «Православия, Самодержавия, Народности», то теперь источником истины стали западные либеральные доктрины (тем более что в Крымской войне победу одержали именно западные парламентарные государства — Англия и Франция, что было сочтено явным доказательством превосходства их ценностей). Если при Николае Павловиче в экономической политике преобладал государственный дирижизм, то теперь вмешательство государства расценивалось как пагубное для вредоносное, а единственный источник процветания и прогресса экономики начали видеть в частной предприимчивости и частном капитале. При этом иностранный капитал признавался особенно желанным.

Вдохновляясь подобными принципами, финансовое руководство России проводило политику экономической свободы и открытости миру. Либерализация таможенного законодательства в 1857 г. (а затем в 1868 г.) свела к минимуму или полностью устранила пошлины на ввоз иностранной продукции. Эта политика быстро привела к изменению внешнеторгового баланса не в пользу России. Еще хуже дело обстояло с платежным балансом. Прозрачность границ обусловила нарастающий вывоз капитала из страны. Заметную роль в утечке капитала играли «русские туристы», то есть представители имущих классов, которые выезжали на сезон или на постоянное жительство в Европу, растрачивая за границей гигантские средства, нажитые в России. Всего за 10 лет, с 1866 г. по 1875 г., количество таких «туристов» возросло с 62,8 тыс. до 328,9 тыс. человек. Ежегодно они вывозили и растранили в Европе 50–100 млн. рублей¹⁶. Для того чтобы покрывать дефицит торгового и платежного баланса, российскому государству приходилось наращивать экспорт хлеба — едва ли не единственного товара, который могла предложить Россия на внешних рынках. Вывоз хлеба из России за границу с начала 1860-х до конца 1870-х гг. вырос в 35 раз (!) и составлял в среднем около 15 % валового сбора всех зерновых в стране (тогда как до 1860-х гг. не превышал 1 %)¹⁷. Рост хлебного экспорта не был следствием избытка продовольствия в стране, вывоз хлеба приводил к урезанию и без того скудного потребления русских крестьян¹⁸.

Либеральная внешнеэкономическая политика имела еще одно негативное последствие: не защищенная таможенными барьерами слабо развитая отечественная промышленность не выдерживала конкуренции с более дешевыми и качественными товарами западноевропейских стран. В 1860–1870-е гг. в стране разворачивалось масштабное железнодорожное строительство, но даже рельсы для него закупались в Англии, не говоря уже о подвижном составе, паровозах, машинах и т.д. К концу 1870-х гг. на российских заводах было построено лишь 20 % паровозов из действующего в стране парка¹⁹. К тому же многие из них просто собирались из импортных комплектующих. В результате за двадцатилетие (1861–1881 гг.) выплавка чугуна в России почти не выросла, машиностроительное производство оставалось в зачаточном состоянии. Потребности страны в продукции черной металлургии покрывались за счет импорта (например, поставки чугуна из-за рубежа составляли от 30 до 70 % его ежегодного потребления в России в 1870-х гг.; в страну, богатейшую минеральными ресурсами, даже уголь ввозился из-за границы). При таком медленном развитии современных отраслей народного хозяйства (и низком таможенном доходе) правительству Александра II ни разу не удавалось сводить государственный бюджет без дефицита. За время царствования Александра II (1855–1880) совокупный дефицит бюджета составил астрономическую

сумму в 2,5 млрд. рублей. Ничем, кроме займов, покрыть все свои дефициты российское государство не могло. Отсюда и колоссальная задолженность. Вообще финансовую политику той эпохи видный русский предприниматель В.А. Кокорев заклеил в книге с красноречивым названием «Экономические провалы»²⁰.

Неоправданные надежды российского финансового руководства на эффективность свободного рынка и частного капитала не только обусловили плачевные экономические результаты при Александре II, но и стали питательной почвой для разрастания в государстве раковой опухоли коррупции. Особенно впечатляющие масштабы она приобрела в банковском и железнодорожном секторе. Концессии на строительство железнодорожных линий государство принципиально раздавало только частным акционерным обществам, причем зачастую предпочтение отдавалось иностранным компаниям. Для привлечения жадного до прибыли частного капитала в железнодорожное строительство правительство предоставляло концессионерам беспрецедентные льготы вплоть до гарантий доходности создаваемых предприятий. То есть вне зависимости от прибыльности или убыточности предприятия (а они практически все оказались убыточными) государство обязывалось выплачивать акционерам 5–10 % ежегодного дохода на капитал из казенных средств. Кроме того, акционерные компании постоянно получали от государства беспроцентные, а часто и безвозвратные ссуды на постройку и эксплуатацию железных дорог. К 1880 г. из общих инвестиций в сооружение железных дорог в России в 1,8 млрд. руб. 80 % (1,4 млрд. руб.) составляли казенные средства, а в государственной собственности при этом находилось только 0,7 % железнодорожных линий. То есть практически вся эта гигантская сумма в 1,4 млрд. руб. перетекла из государственного кармана в частные, а поскольку подавляющая часть этих денег государство заимствовало за границей, внешний долг России возрос на соответствующую сумму. Акционеры приобрели железные дороги и гарантированные доходы, а государство — миллиардные долги²¹. Сложилась классическая система приватизации прибылей и национализации издержек. Эта система, разумеется, оказалась крайне привлекательной для частных компаний. Между ними развернулась жестокая конкуренция за право получения концессий, выдача которых зависела от высокопоставленных чиновников... Коррупционные схемы в столице были отработаны до мелочей и соблюдались строже, чем воинские уставы: «Всем было известно, что невозможно добиться утверждения акционерного предприятия, если различным чиновникам в различных министерствах не будет обещан известный процент с дивиденда». Когда, например, некто «захотел основать в Петербурге одно коммерческое предприятие и обратился за разрешением куда следовало, ему прямо сказали в Министерстве Внутренних Дел, что 25 % чистой прибыли

нужно дать одному чиновнику этого министерства, 15 % — одному служащему в Министерстве Финансов, 10 % — другому чиновнику того же министерства и 5 % — еще одному»²². Лоббисты, специализировавшиеся на железнодорожных концессиях, получали обыкновенно по 4 тысячи рублей с версты предполагаемой к строительству дороги²³. Миллионные взятки почти открыто брали и министры, и великие князья, и любовница Императора Александра II княжна Долгорукая²⁴.

Моральное падение и коррупционное разложение в элитах не могло не заразить широкие круги российского общества. Культ всемогущего «миллиона», «ротшильдовская идея» начали вытеснять в сердцах современников прежние христианские идеалы, что так ярко изобразил в своих романах Ф. М. Достоевский. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. ставший уже привычным рефлекс стяжательства произвел поистине трагические последствия. Подряд на снабжение воюющей на Балканах армии продовольствием, фуражом, одеждой и обувью был передан частной фирме «Греггер, Горвиц, Коган и К^о», агенты которой, разумеется, в тесном партнерстве с военным и гражданским начальством, украли все, что только можно было украсть. В результате русская армия понесла людские потери от голода, холода, цинги едва ли не больше, чем от турецких пуль. Между прочим, зрелище этих чудовищных и бесчеловечных преступлений во имя бога Мамоны побудило немало молодых людей примкнуть к революционному движению²⁵.

Коррупция и казнокрадство, расцветшие в 1860–1870-х гг., вызывали не меньшее возмущение и у будущего Александра III, который с 1865 г. в качестве наследника престола принимал участие в деятельности Комитета министров и других правительственных органов, регулярно присутствовал на докладах министров у государя. Однако все попытки цесаревича противодействовать осуществлению вредных для государственных интересов проектов не встречали понимания и поддержки отца.

Когда же Александр III вззошел на престол, то немедленно приступил к искоренению системной коррупции в государственном управлении. В первые же месяцы его царствования были удалены с влиятельных постов лица, вокруг которых сложилась нездоровая коррупционная атмосфера. Среди них — братья Императора Александра II, Великие Князья Константин и Николай Николаевичи, министр государственных имуществ П.А. Валуев. По настоянию Императора Александра III вынуждена была навсегда уехать из России и морганатическая супруга Александра II княгиня Юрьевская (Долгорукая). При новом государе практически к нулю было сведено влияние на принятие экономических решений родственного окружения царя и других элементов прежней придворной камарильи. Жестко пресекались неоднократные попытки присосаться к казне разных «обществ» и «товариществ» или передать в руки иностранных

концессионеров целые отрасли русской экономики. Так, в 1884 г. в высшем законосовещательном органе Империи Государственном совете обсуждался проект создания в России сети хлебных хранилищ (элеваторов) американской компанией, который фактически означал установление монопольного контроля этой иностранной компании над всей российской хлебной торговлей. Большинство Государственного совета 38 голосами против 8 одобрило представленный проект. Однако самодержец наложил вето на это решение, справедливо сочтя «опасным» для интересов России создание такого предприятия. Попутно заметим, что, будь Россия конституционным государством, стратегическая отрасль беспрепятственно оказалась бы в руках иностранных капиталистов...

По такому же сценарию развивалось и дело о строительстве нефтепровода Баку-Батуми. Суть его изложил весной 1887 г. в письме к Александру III К.П. Победоносцев: «Осуществление проекта, — писал он, — грозит великим бедствием и Закавказью, и России. И без того над нами висит опасность, что все важнейшие земли и промысловые заведения этого края перейдут скоро (многие уже перешли) в руки Ротшильда и иностранцев (против чего давно следовало бы принять меры), а если осуществится нефтепровод на предположенных основаниях, то этот результат представляется мне несомненным... Предполагается бакинскую промышленность, уже развившуюся, искусственно перевести на берега Черного моря, и для этого дают компании нефтепровода монополию на 75 лет. Устройство его будет стоить 25 миллионов. Очевидно, что и деньги будут иностранные, и, кроме того, все заводы для выделки нефти в Батуми (без чего и нефтепроводу нечего делать) будут тоже иностранные. Итак, при помощи всесокрушающей монополии русская промышленность будет убита...»²⁶. И снова, несмотря на то, что большинство министров высказалось в пользу проекта, Александр III отверг эту махинацию, прекрасно отдавая себе отчет в том, что иностранная компания создается для того, чтобы гнать русскую нефть за границу. Теперь же нефть из Баку пошла по Каспию и Волге в Центрально-промышленный район России, питая русские фабрики, паровозы и пароходы. К концу царствования Александра III Россия догнала и перегнала США по добыче нефти, выйдя на первое место в мире, причем 9/10 производимых горюче-смазочных продуктов потреблялось внутри страны. Этому последнему обстоятельству способствовало также гигантское возвышение вывозных пошлин на нефть (сразу в 10 раз!), предпринятое в 1891 г. специально для того, чтобы добытое топливо потреблялось не чужой, а отечественной экономикой (для сравнения: в 2010–2020 гг. экспорт нефти и нефтепродуктов из Российской Федерации составлял 3/4 от добычи, а для внутреннего потребления оставалось лишь 1/4).

Несмотря на саботаж бюрократии Александр III настоял на принятии 3 декабря 1884 года «Правил о порядке совмещения государственной

службы с участием в торговых и промышленных товариществах и компаниях, а равно и в общественных и кредитных установлениях». Установленный этими «Правилами» порядок категорически запрещал участие в любых коммерческих предприятиях чинам первых пяти классов по табели о рангах (в их число попадали все министры и их товарищи, члены Государственного Совета, губернаторы и градоначальники, директора департаментов и т.д.), а также всем лицам судебного ведомства и всем состоящим на действительной военной службе. При Александре II никаких ограничений на коммерческую деятельность чиновников не существовало, что и превратило правительственные учреждения в торговые лавочки. В мае 1885 г. Александр III утвердил закон о налоге на рантие. Отныне любые доходы с вкладов в частных и государственных банках, а также с процентных бумаг обкладывался 5-процентным сбором. В 1893 г. запрещены любые операции на бирже, имеющие признаки финансовой спекуляции. Банки, замеченные в подобных делах, лишались лицензии. Еще 24 мая 1893 г. издан закон, ограничивавший верхний предел ссудного процента 12-ю % в год, ранее эти вещи никак не регулировались — и ростовщики могли заламывать до 200 % годовых.

Эти и многие другие меры существенно оздоровили финансовую, да и моральную атмосферу в обществе, резко сузили пространство для разного рода мошенничества и коррупции. Но решительно исправить ситуацию в экономике могло только ускоренное промышленное развитие страны. Значение сделанного в этой области в царствование Александра III нельзя оценить по достоинству, если не учесть, что в довершение всех несчастий Россию в 1881 г. накрыл мировой сельскохозяйственный кризис. За несколько лет цены на хлеб — основной экспортный продукт России, позволявший держаться на плаву ее финансовой системе, — упали в 2 раза (и не восстановились вплоть до начала XX века).

Важным залогом успеха экономических реформ Александра III стал нестандартный выбор новых руководителей Министерства финансов. 1 января 1887 г. министром финансов был назначен И.А. Вышнеградский, выходец не из чиновничьей среды, а self-made man — ученый-математик, добившийся при этом выдающихся результатов на поприще предпринимательства. Преемником Вышнеградского стал в 1892 г. С.Ю. Витте, такой же нетипичный для столичной бюрократии деятель, сделавший карьеру на железнодорожном транспорте. Оба оказались способны к самостоятельным и смелым решениям. Такие назначения многим приближенным Александра III казались слишком рискованными, но Император предпочел пойти на риск, нежели продолжать прежнюю негодную экономическую политику. Уже через год после вступления на пост И.А. Вышнеградскому удалось преодолеть хронический бюджетный дефицит: в 1888 г. доходы казны превысили расходы на 60,4 млн. руб., в 1889 г. — на 86,5 млн. руб.,

а в конце царствования Александра III, в 1893 г. — уже на 107,9 млн. руб., в 1894 г. — на 172 млн. рублей²⁷. А всего за период 1881–1894 гг. доходная часть государственного бюджета Российской Империи выросла почти в 2 раза (с 651 млн. руб. до 1 млрд. 153 млн. руб., или на 602 млн. руб., тогда как за 25 лет царствования Александра II (с 1855 по 1880 гг.) доходы выросли лишь на 118 млн. руб.). Значительная часть этой прибавки была обусловлена ростом поступлений от таможи. Таможенные пошлины в царствование Александра III неоднократно повышались, наполняя казну и защищая русскую промышленность от иностранной конкуренции. В охранительном тарифе 1891 г., по сравнению с тарифом 1868 г., ввозные пошлины по чугуну увеличились в 10 раз, на машины — в 8 раз, на хлопчатобумажные ткани — в 2 раза, по керосину — в 3 раза, на рельсы — в 4,5 раза и на паровозы — в 4 раза²⁸. Благодаря последовательному протекционистскому курсу, таможенный доход неуклонно рос: если в 1881 г. таможня принесла казне 85,8 млн. руб., то в 1894 г. — на целых 100 миллионов больше (183,8 млн. руб.)

Протекционизм Александра III самым благоприятным образом сказался и на внешнеторговом балансе России. Если последний год царствования Александра II принес стране отрицательное сальдо на очень значительную сумму в 124,14 млн. руб. (1880 г.), то при Александре III удалось не только переломить эту тенденцию, но и достигнуть устойчивого превышения вывоза над ввозом (в 1888 г. положительное сальдо составило 397,9 млн. руб., в 1889 г. — 318,9 млн. руб., в 1890 г. — 285,6 млн. руб., в 1891 г. — 335,8 млн. руб.)²⁹.

Наконец, и это самое важное, высокие таможенные барьеры стимулировали отечественное промышленное производство. Выплавка чугуна с 1880 по 1893 год возросла на 159 %, превысив 1 млн. тонн, причем доля импортного (в основном английского и германского) чугуна в потреблении сократилась с 33 % (1881 г.) до 11 % (1890 г.)³⁰. А следовательно, уменьшилась зависимость России от Запада. Стремительный рост наблюдался по всем основным показателям: с 1881 по 1894 гг. выплавка железа увеличилась на 70 %, стали — на 106 %, меди — на 73 %, добыча каменного угля — на 110 %, нефти — на 1468 %, производство керосина — на 978 %. Объем грузоперевозок на железнодорожном транспорте вырос в 2 раза. «Что пошлины 1891 г. свое действие производят, — с гордостью сообщал Д.И. Менделеев Императору Николаю II в 1897 г., — достаточно указать на то, что за 5 лет пред тарифом 1891 г., то есть в 1886 г., добыча чугуна едва достигала 32 млн. пудов, а чрез 5 лет после тарифа, т. е. в 1896 г., она уже превысила 95 млн. пудов, следовательно, в 10 лет возросла более, чем выросла в прошлые 200 лет»³¹.

Чтобы снизить привлекательность зарубежных туристических поездок, в 1887 г. было произведено существенное повышение ежемесячного

платежа за иностранный паспорт с 10 до 25 рублей. В 1893 г. было высочайше утверждено распоряжение, согласно которому выезжающие за границу обязывались декларировать все имеющиеся у них с собой наличные деньги. Суммы свыше 3000 рублей облагались пошлиной. За тайный ввоз и вывоз кредитных билетов, подлежащих оплате таможенной пошлиной, взыскивалось 25% с утаенной суммы. Таким образом, утечке денежных ресурсов из страны при Александре III ставились всяческие преграды.

Политика Александра III по защите российских экономических интересов вызвала негодование у тех иностранных держав, которые привыкли хозяйничать на внутреннем рынке России, как у себя дома. После введения таможенного тарифа 1891 г. России пришлось выдержать яростное давление со стороны Германии (основного тогда экономического партнера России, на долю которого приходилось свыше 1/3 внешнеторгового оборота). Временами даже вооруженный конфликт между странами казался неизбежным. Однако твердая позиция Александра III позволила России выстоять в таможенной и дипломатической войне с Германией и заключить с нею выгодный для России торговый договор в 1894 году³².

Целенаправленным и настойчивым был курс Александра III на возвращение железных дорог в государственную собственность. Доля казенных линий в 1894 г. доведена была до 65% (20,126 тыс. верст) против 0,7 % (164 версты) в 1881 г. Национализация частных дорог путем выкупа акций у собственников потребовала от государства больших расходов, однако контроль над основной частью железнодорожной сети позволил правительству установить единый фиксированный тариф на грузовые и пассажирские перевозки (в 1889 г.) и осуществлять централизованное управление транспортной системой в интересах развития народного хозяйства. При этом, вопреки либеральным предрассудкам, переход железных дорог из частных рук в государственные даже при значительном снижении тарифов привел к росту чистой прибыли от их эксплуатации ровно в 2 раза³³.

Совокупность этих и многих других рациональных экономических решений позволила остановить рост государственного долга России (за время Александра III он практически не увеличился), сократить бремя ежегодных выплат по госдолгу с 38 % до 28 % бюджета. Угроза банкротства уже не стояла на повестке дня перед Российской Империей. За недолгое царствование Александра III (1881–1894) страна сумела не только выкарабкаться из глубочайшего социально-экономического кризиса, но и удвоить свой экономический потенциал.

Отдельного упоминания среди достижений царствования Александра III заслуживает начало строительства Транссибирской железнодорожной магистрали, которая уже более столетия работает на благо России, являясь поистине ее становым хребтом. В воспоминаниях одного

из либеральных деятелей той эпохи И.И. Петрункевича нет ни слова доброго ни об Александре III, ни о его политике, но и Петрункевич не мог не признать, «что в балансе царствования Александра III-го имеется один крупный факт, свидетельствующий в пользу широты государственной мысли своего творца: это — соединение Тихого океана и Владивостока рельсовым путем с Москвою»³⁴. Всего на постройку Транссиба первоначально предполагалось выделить из государственной казны 350 миллионов рублей (в конечном итоге оказалось затрачено намного больше — 900 с лишним миллионов рублей). Все эти колоссальные расходы российский бюджет выдержал без видимого напряжения, что еще недавно могло показаться настоящим чудом.

Благодаря высоким таможенным барьерам, государственной винной монополии, введенной в конце царствования Александра III (Высочайший указ 6 июня 1894 г.) и дававшей до 1/3 доходов бюджета, удалось аккумулировать в руках государства весьма значительные средства, щедро пущенные на стройку континентального размаха. Большая часть предприятий тяжелой промышленности развивалась за счет казенных заказов. Оплаченный спрос на сотни миллионов пудов чугуна, железа, угля, леса, на машины, паровозы, на умные головы и умелые руки дал мощный толчок развитию всей русской экономики. Эти капитальные вложения обеспечили России в 1890-х гг. беспрецедентный доселе в ее истории 10-процентный ежегодный прирост промышленного производства (в тяжелой промышленности еще больше — 20 % в год)³⁵.

Подвести итоги царствования Александра III лучше всего двумя высказываниями людей, которые не понаслышке знали, о чем говорили. Первый из этих людей — Лев Тихомиров, при Александре II вступивший в ряды революционеров, а при его сыне осознавший ошибочность избранного пути: «Надо помнить, — писал он, — что правительство Александра III с каждым годом, не скажу — приобретало симпатии, но покоряло сердца множества людей в Европе. При Александре II Россия была какой-то приниженой страной, и, конечно, никому не могло прийти в голову гордиться тем, что он русский. При Александре III произошло превращение. Россия стала вставать в виде какой-то громадной национальной силы. Это произвело огромное впечатление даже на эмиграцию. Прежде быть врагом правительства нисколько не значило быть врагом России. Теперь правительство начало все больше отождествляться с Россией, так что, враждуя с ним, человек в глубине души начинал спрашивать себя, не враждует ли он и со своим народом?..»³⁶.

Второе высказывание принадлежит И.Л. Солоневичу, который с высоты опыта XX столетия, даровавшего России и конституцию, и революцию, и свободу с демократией, утверждал: «С точки зрения пролетариев всех стран и либералов всех закоулков, наше Временное правительство,

которое в кратчайший срок довело народ до голода, армию до развала, страну до разгрома и революции, есть все-таки явление, так сказать, прогрессивное. Эпоха Александра III, когда писали Толстой, Достоевский, Репин и Врубель, Чайковский и Мусоргский, когда Россия строила и построила Великий Сибирский путь (а он по тем временам был намного серьезнее десятка Днепростроев), когда работали Менделеев и Сеченов и когда все это вместе взятое, создавало несокрушимость русского мира, русского рубля и русского штыка, — эта эпоха, с точки зрения пролетариев и либералов, является все-таки реакцией. Фантастически глупо... Я должен сказать откровенно, что за одного Александра III я отдал бы минимум полтора года Временных правительств. И с моей точки зрения, прогрессом настоящим, без кавычек, является Александр III, а никак не Керенский и не Миллюков. Ибо прогресс есть тогда, когда налицо имеется спокойствие, уверенность, процветание и рост. И реакция есть тогда, когда наступает голод, озверение, распад и разгром...»³⁷.

- ¹ Утром 1 марта 1881 г. М.Т. Лорис-Меликов принес на подпись Государю правительственное сообщение о предстоящей реформе, и Александр II его утвердил, сказав сыновьям Александру и Владимиру: «Я утвердил доклад министра внутренних дел, хотя и сознаю, что принимаемая мера есть первый шаг к конституции» (см.: Дневник Д.А. Миллютина 1881–1882 гг. Т. 4. М., 1950. С. 98).
- ² Наиболее подробно, включая запись речи Победоносцева, заседание 8 марта 1881 г. отражено в дневнике государственного секретаря Е.А. Перетца (см.: Дневник Е.А. Перетца, государственного секретаря, 1880–1883 гг. М.-Л., 1927. С. 31–46).
- ³ О перипетиях борьбы в верхах вокруг «лорис-меликовской конституции» см., напр.: *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 300–378; Томсинов В.А. Конституционный вопрос в первые месяцы правления императора Александра III. К. П. Победоносцев против М. Т. Лорис-Меликова // Его же. Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX века. М., 2012. С. 157–185.
- ⁴ О воззрениях Победоносцева см., напр.: *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. С. 103–126.
- ⁵ См.: Письмо Исполнительного комитета Александру III, 10 марта 1881 г. // Революционное народничество 70-х годов XIX века (1876–1882 гг.). Т. 2. М.-Л., 1965. С. 191–195.
- ⁶ Типично в этом смысле мнение одного из ветеранов и авторитетных руководителей народнического движения О.В. Аптекмана, которое он высказал в полемике с народолюбцами — адептами борьбы за конституцию: «Во всей Европе, — констатировал он, — торжество конституционных идей стало торжеством буржуазии». То же самое произойдет и в России: «В городе в Земский Собор попадет богатый, влиятельный купец, в деревне в большинстве случаев — богатый, “знатный”, “хозяйственный мужичок”, — надежда и радость наших либеральных публицистов... В число депутатов от крестьян попадет также местный землевладелец — “барин”. Все эти люди попадут

- главным образом вследствие экономической зависимости населения: подкуп, интрига и систематическое спаивание или прямое запугивание выступают тогда в полном блеске». Интеллигенция в массе своей перевернется на сторону буржуазии: «Теперь уже большинство наших ученых и публицистов, за весьма немногими исключениями, работают в пользу буржуазии... Вот эти-то люди — ученые, адвокаты, литераторы, но больше всего и по преимуществу капиталисты, крупные и мелкие хищники и проч., и проч., — имя же им легион, — с остервенением набросятся на тот “общественный пирог”, который будет преподнесен им Александром II, или Александром III, или же временным революционным правительством — все равно, — под видом конституции» (Письмо к бывшим товарищам, 8 декабря 1879 г. // *Аптекман О.В.* Из истории революционного народничества. «Земля и Воля» 70-х годов (По личным воспоминаниям). Ростов-на-Дону, б/г. С. 229, 234–235). Рассуждения Аптекмана в данном случае почти текстуально совпадают с рассуждениями консерваторов наподобие К. П. Победоносцева, Ф. М. Достоевского, к мнению которых прислушивался Александр III.
- ⁷ См.: *Прибылева-Корба А.П.* «Народная воля». Воспоминания о 1870–1880-х гг. М., 1926. С. 56.
- ⁸ См.: *Овченко Ю.Ф.* Охранка и зубатовщина. М., 2017.
- ⁹ «Полицейские меры, принимаемые из опасений каких-нибудь злодейских покушений, доходят до нелепости, в городе над ними издеваются», — отмечал в своем дневнике бывший военный министр Д.А. Милютин по поводу мер безопасности во время коронационных торжеств в Москве в мае 1883 г. (*Милютин Д.А.* Дневник. 1882–1890. М., 2010. С. 81–82). А во время переезда по железной дороге царской семьи из Петербурга в Москву на коронацию вдоль всего пути было выставлено армейское оцепление (см.: *Валуев П.А.* Дневник 1877–1884. Пг., 1919. С. 226; *Шестаков И.А.* Полвека обыкновенной жизни. Том II. Дневники (1882–1888 гг.). СПб., 2013. С. 105).
- ¹⁰ Обоснование агентурных методов работы изложены в аналитической записке П.А. Рачковского от 24 ноября/6 декабря 1892 г. (см.: *Политическая полиция Российской империи между реформами.* От В. К. Плеве до В. Ф. Джунковского. Сборник документов. М.-СПб., 2020. С. 27–32).
- ¹¹ См.: *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 344–345.
- ¹² *Рууд Ч. А., Степанов С. А.* Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993. С. 88.
- ¹³ *Чернов В.М.* Перед бурей. Воспоминания. М., 1993. С. 84. Описание полицейской оперативной работы по ликвидации партии «Народного права» см.: *Меньщиков Л.* Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. Часть I. Годы реакции. 1885–1898 гг. М., 1925. С. 197–213.
- ¹⁴ См.: *Мигулин П.П.* Русский государственный кредит (1769–1899). Опыт историко-критического обзора. Т. I. Харьков, 1889. С. 477–478.
- ¹⁵ См. подробнее: *Степанов В.Л.* Цена победы: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и экономика России // *Российская история.* 2015. № 6. С. 99–119.
- ¹⁶ *Мигулин П.П.* Реформа денежного обращения и промышленный кризис в России (1893–1902). М., 2006. С. 48.

- ¹⁷ См.: *Егiazарова Н.А.* Аграрный кризис конца XIX века в России. М., 1959. С. 179–181.
- ¹⁸ Там же. С. 62–63.
- ¹⁹ *Соловьева А.М.* Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 187.
- ²⁰ Первоначально публиковалась в виде серии статей в журнале «Русский архив» в 1887 г. Современное переиздание: *Кокорев В.А.* Экономические провалы. М., 2005.
- ²¹ Цифровые данные приведены по кн.: *Соловьева А.М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 117.
- ²² См.: *Кропоткин П.А.* Записки революционера. С. 241.
- ²³ См.: *Дельвиц А.И.* Полвека русской жизни. Воспоминания 1820–1870. Т. 2. М.–Л., 1930. С. 395.
- ²⁴ См.: *Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1900 гг.). М., 1974. С. 55–56. В довершение картины разграбления государственного достояния в эпоху «неограниченных возможностей» 1860–1870-х гг. приведем еще одну фантастическую историю. В 1871 г. заведующий департаментом водных путей сообщения Министерства государственных имуществ князь Щербатов в компании с неким евреем из Варшавы Эпштейном вознамерились приватизировать... великую русскую реку Волгу. План их заключался в том, чтобы получить на 80 лет во владение и распоряжение Волгу по принципу железнодорожных концессий и обкладывать данью в свою пользу все плавающие по реке суда под предлогом проведения на полученные средства неких работ по углублению русла, развитию судоходства и т.п. Идею рьяно поддержал исправляющий должность министра государственных имуществ граф В.А. Бобринский. Дело уже казалось совсем обстряпанным, тем более что Бобринскому удалось заручиться одобрением самого Императора, однако против концессионеров решительно выступили влиятельные представители конкурирующей придворной группировки, по-видимому, обойденные взятками, и тем расстроили виртуозную аферу (*Дельвиц А.И.* Указ.соч. С. 388–392; *Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского.* 1855–1879. СПб., 2005. С. 272).
- ²⁵ См.: *Прибылева-Корба, Анна Павловна.* Автобиография // *Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат.* М., 1989. С. 205.
- ²⁶ Письма Победоносцева к Александру III (1883–1894 гг.). Т. 2. М., 1926. С. 146.
- ²⁷ См.: *Обзор деятельности министерства финансов в царствование Александра III (1881–1894).* СПб., 1902. С. 4 (Приложение).
- ²⁸ См.: *Покровский С.А.* Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С. 274.
- ²⁹ См.: *Хромов П.А.* Экономическое развитие России в XIX–XX веках. 1800–1917. М., 1950. С. 469.
- ³⁰ *Обзор деятельности министерства финансов в царствование Александра III (1881–1894).* С. 475.
- ³¹ «Дерзаю выставять на Ваше усмотрение плоды моих занятий». Письма Д.И. Менделеева Николаю II. 1897–1901 гг. // *Исторический архив.* 2004. № 2. С. 150.
- ³² См.: *Субботин Ю.Ф.* Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX в. — 1914 г.). М., 1996. С. 27–87.

³³ См.: Император Александр III. СПб., 1894. С. 88.

³⁴ *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. Т. 21. М., 1993. С. 285.

³⁵ *Хромов П.А.* Указ.соч. С. 217.

³⁶ *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000. С. 417.

³⁷ *Солоневич И.Л.* Белая империя. М., 1997. С. 236.

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ,
ПОСВЯЩЁННЫЕ 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЖУКОВСКОЙ
ЛИДИИ ПЕТРОВНЫ
(15.04.1920 — 07.01.1994)

**«ВПЕРВЫЕ ПОДРОБНО И ВСЕСТОРОННЕ...».
Лидия Петровна Жуковская
КАК «ВЫДАЮЩЕЕСЯ СОБЫТИЕ»
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛАВИСТИКИ:
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

Г.В. Аксенова

Когда мы ведем разговор о произошедшем, то при его оценке нередко произносим слово «событие», имея в виду не обычное приключение, не некий случай, а, прежде всего, значительное явление, ставшее фактом общественной или личной жизни, то, что имеет для нас особое значение. Правильность подобного толкования подтверждают имеющиеся справочники. Так, в Словаре русского языка читаем, что «событие» — это «то, что представляет собой выдающееся происшествие, явление, выходящее за рамки обычного течения жизни»¹. Словарь синонимов русского языка нам предлагает следующее разъяснение: «Слово событие является основным для выражения значения и употребляется по отношению к тому, что случилось, имело место в общественной или личной жизни»².

Научное наследие, оставленное Л.П. Жуковской, и ее научную деятельность нельзя оценить иначе, как значимый факт в истории отечественной науки, как историческое событие. Как ученый Л.П. Жуковская — это по-настоящему «значительное явление» российской филологической науки, «явление, выходящее за рамки обычного». Каждая написанная ею работа, будь то небольшая статья или методические рекомендации, диссертация или монография — всё становилось событием, серьезным научным открытием. Так, например, при работе над созданием атласа русских народных говоров в 1946–1962 гг. для изучения диалектной речи Л.П. Жуковская первая начала применять магнитную звукозапись и тем самым в 1948 г. «положила начало созданию фонотеки русских диалектов»³. Она «создала первую всеобъемлющую теорию диалектологических различий в сфере лексики»⁴. Она «впервые в мировой науке создала палеографию открытых в 1951 г. новгородских берестяных грамот и написала первую научно-популярную книгу

о берестяных грамотах»⁵. Именно Л.П. Жуковской принадлежит честь «подробной и всесторонней»⁶ разработки новых методологических подходов в области лексикологии, диалектологии, палеографии и палеолингвистики. Это, прежде всего, касается формулировки лингвотекстологического метода исследования богослужебных Евангелий и открытия сверхкраткого апракоса. И эти примеры можно продолжать и продолжать.

Лидия Петровна Жуковская (1920–1994) — выдающийся ученый современности, лингвист, славист, диалектолог и палеограф, исследователь древнерусских евангельских текстов и берестяных грамот, крупнейший специалист в области текстологии и археографии, один из первых лауреатов Государственной премии России в области науки и техники. О научных заслугах свидетельствуют ее постоянное участие в Международных съездах славистов, избрание членом в 1963 г., а затем вице-председателем в 1968 г. Комиссии по составлению церковнославянского словаря при Международном комитете славистов, руководство Научной секцией Российского Палестинского общества при АН СССР в 1974 по 1987 гг., членство в бюро Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР с 1969 г.

Лидия Петровна Жуковская⁷ родилась 5 апреля 1920 г. в городе Мещовске Калужской области. Ее отец Петр Яковлевич Жуковский был техникум-строителем, мать, Вера Владимировна (урожд. Извекова), преподавала в школе в деревне Космыново (Калужская область, Мещовский район). Все дошкольные зимы проходили в классе этой сельской школы. В конце 1920-х гг. семья покинула уездный город и переехала в поселок Костерёво (в наст. время Петушинский район Владимирской области). Здесь на катушечно-челночной фабрике по направлению биржи труда начал работать ее отец. В Костерёво в 1928 г., сразу со второго класса, началась учеба, которая продолжилась в Сокольнической школе № 22 (376) в Москве, куда переехала семья в 1929 г.

С детских лет Л.П. Жуковская мечтала стать инженером-дирижаблестроителем: ее мать — ученица К.Э. Циолковского — много и часто рассказывала о своем учителе и его открытиях, немаловажное значение имел и тот факт, что один из представителей рода — Николай Егорович Жуковский — был основоположником аэродинамики и авиационной науки. Но появившееся в старших классах желание — «пополнить образование» и свои знания по литературе — привело в 1937 г. на литературный факультет Московского городского педагогического института. В эти годы кафедру литературы возглавлял профессор А.И. Ревякин — исследователь и пропагандист творчества драматурга А.Н. Островского, а заведующим кафедрой языка был выдающийся ученый, организатор науки, профессор Р.И. Аванесов, читавший курсы старославянского языка и исторической грамматики русского языка. Под его руководством и началась научная студенческая

Лидия Петровна Жуковская на конференции в Библиотеки Академии наук. 1983 г.
Фото.

деятельность Л.П. Жуковской. 26 июня 1941 г., на 4-й день Великой Отечественной войны, был сдан последний вузовский экзамен. Был получен также диплом медсестры запаса в связи с окончанием двухгодичных курсов. Но на фронт Лидию Петровну не призвали: вместе со своим мужем — инженером артиллерийского завода — М.С. Кузнецовым и приемной дочерью Адольфиной⁸ она эвакуировалась в Свердловск. Работая школьным учителем, воспитателем в детском саду, мастером в швейной «артели имени 23 годовщины Октября»⁹, Лидия Петровна не оставляла мысли о продолжении учебы. В конце 1943 г. она поступила в аспирантуру Московского городского педагогического института и вернулась из эвакуации в столицу. С января 1944 г. началась работа над диссертацией под научным руководством профессора Р.И. Аванесова. На последнем курсе аспирантуры Л.П. Жуковской, как «хорошо подготовленному по специальности работнику»¹⁰, предложили должность ассистента и чтение курса истории русского языка. Она также вела практические занятия и «специальные семинарии»

по старославянскому языку, исторической грамматике русского языка и диалектологии¹¹, а в летнее время «принимала руководящее участие в диалектологической экспедиции по собиранию материалов для диалектологического атласа русского языка»¹².

О начале ее научной деятельности и первых научных статьях так свидетельствовал Р.И. Аванесов: «Разработанный ею спецвопрос об отражении твердости-мягкости и графике Зографского евангелия привлек меня своей критичностью, умением сопоставить графические факты с данными живых славянских языков и извлекать из таких сопоставлений сведения о фонетических процессах древности. В сущности этот спецвопрос определил собой в значительной степени дальнейшую специализацию Лидии Петровны. В качестве темы кандидатской диссертации я предложил ей графико-орфографический и фонетический анализ одного из интересных памятников Северо-Восточной Руси XIV в. — Галичского евангелия 1357 г., который она основательно изучила в сопоставлении с данными других аналогичных памятников нашего средневековья, уделяя большое внимание проблемам текстологии»¹³.

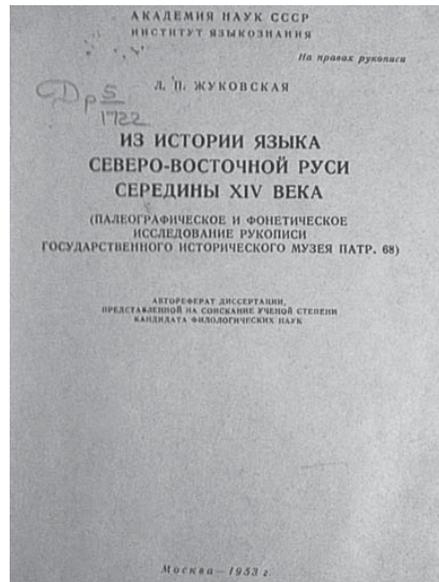
В мае 1947 г. Л.П. Жуковскую, только что окончившую аспирантуру, имеющую «опыт подготовки карт по фонетике и лексике», по решению академика С.П. Обнорского взяли «на работу в Институт русского языка АН СССР — заниматься диалектологией»¹⁴. В конце 1940-х гг. диалектология стала одним из самых главных направлений научных исследований лингвистов нашей страны. Сотрудники Института русского языка, включившиеся в государственный проект, получивший название «Атлас русских народных говоров», продолжили, таким образом, труд выдающихся лингвистов начала XX столетия — Н.Н. Дурново, Д.Н. Ушакова, Н.Н. Соколова «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе (с приложением очерка русской диалектологии)»¹⁵.

Л.П. Жуковская сыграла большую роль в выполнении этого планового государственного задания¹⁶. В 1947–1962 гг. она участвовала в разработке принципов картографирования и составления комментариев к картам, координировала экспедиционную диалектологическую работу десятков вузов и научных учреждений страны, обследовавших более тысячи населенных пунктов по единой Программе. В рецензии, помещенной в журнале «Вопросы языкознания», отмечался масштаб обследования регионов, проведенного для первого тома «Атласа», и раскрыты принципы отбора населенных пунктов для их обследования. В рецензии на «Атлас» говорилось: «Сетка населенных пунктов, в которых собирался материал, насчитывает 965 деревень, из которых на карты нанесено 938. Остальные 27 не учтены<...> Насколько можно судить по перечню, помещенному в томе комментариев, все деревни, выбранные как пункты для «Атласа», являются старыми в том смысле, что они уже были в списках, изданных

в 1862–1877 гг. Это очень важно, так как собирание материала в новых деревнях, в которые население прибыло недавно и из разных районов, дало бы совершенно случайный и не представляющий ценности материал. <...> Наиболее удачным является положение, когда в деревне, где собирается материал, население живет с очень давних времен. В такой деревне современный диалект, несмотря на влияние литературного языка или соседних диалектов, является действительно продолжением местного диалекта прежних поколений»¹⁷.

С подсказки российского лингвиста М.Н. Петерсона Лидия Петровна в экспедиции 1948 г. при изучении русских народных говоров первой применила звукозапись. Затем она стала популяризировать этот способ собирания языковых материалов на различных совещаниях, конференциях, в вузах Москвы и смогла «внедрить магнитофонную запись русских народных говоров в полевую практику, а также в преподавании фонетики современного русского языка»¹⁸. «С приобретенными Институтом русского языка магнитофонами, тогда еще крупногабаритными и мало удобными для работы в сельской местности», Л.П. Жуковская вместе со своей группой «изъездила Рязанскую, Горьковскую области и Марийскую АССР, где в то время собирался материал для Атласа русских говоров к востоку Москвы»¹⁹. Использование звукозаписи позволило «записывать материал во время непринужденных бесед. <...> Метод записывания при свободной беседе, — как справедливо отметил польский славист и диалектолог Зд. Штибер, — имеет, безусловно, большое преимущество, так как в такой беседе записывающий меньше всего влияет на язык информатора»²⁰.

Отчитываясь в 1958 г. о проделанной за 10 лет научной диалектологической работе, Л.П. Жуковская описала объем проделанного для атласа: «В «Атласе русских говоров к востоку от Москвы», вышедшем в свет в 1957 г., мною составлено 27 карт с комментариями, объемом около 7 печатных листов. Среди них имеются карты, показывающие качество отдельных фонем в говорах; позиционные качества звуков; произношение сочетаний звуков в отдельных словах, а также лексические карты на названия некоторых сельскохозяйственных орудий и их частей; названия предметов домашнего обихода; названия овощей; карты на слова, обозначающие некоторые понятия; на распространение отдельных слов и их значения. <...> В «Атласе русских говоров к западу от Москвы» мною составлено 95 карт по лексике и словообразованию. Из них по предварительным данным в издаваемый атлас войдет 76, но, возможно, что это число будет сокращено. (Сокращение числа карт в ходе подготовки Атласа к печати обычно. Так, например, в «Атласе русских говоров к востоку от Москвы» мною было составлено свыше 70 карт, из них издано только 27, т.е. почти все фонетические и лишь очень немногие по лексике)»²¹.

Жуковская Л.П. Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV века, 1953. Автореферат кандидатской диссертации

Опыт картографирования лексических данных ученым обобщила в целом ряде докладов на совещаниях диалектологов РСФСР, на Всесоюзных этнографических совещаниях, на совещаниях диалектологов русистов и координационном совещании диалектологов Советского Союза²², в опубликованных в научных журналах и сборниках статьях и методических указаниях к существовавшей диалектологической программе. В одной из них — «Типы лексических различий в диалектах русского языка» — она сформулировала «первую всеобъемлющую теорию диалектных различий в сфере русской лексики, вскрывшую не только их суть, но и субординацию этих различий, получившую высокую оценку во Франции»²³. Принципы картографирования лексических различий были четко обозна-

чены и в другой статье, написанной в соавторстве с Р.И. Аванесовым²⁴. Особенности взаимодействия в полевой и кабинетной исследовательской работе диалектологов, лексикографов и этнографов раскрыты в докладе «Изучение лексики русских диалектов и вопросы этнографии»²⁵.

Увидевший свет в 1957 г. «Атлас русских говоров» стал событием в русской диалектологии. На это указал лингвист, первый директор Института русского языка, член редколлегии академического словаря русского языка, академик С.Н. Обнорский, написав: «“Атлас” в цельном виде — незаменимое по богатству и ценности материала пособие при составлении истории языка», что «вышедший том дает материал для разных лингвистических и исторических соображений» (например, о «процессе образования Русского государства», «о движении великорусских говоров»)²⁶.

Лингвист-диалектолог В.Я. Дерягин, характеризуя этот период в жизни Лидии Петровны, писал: «Это было время поисков методики собирания и картографирования материала. Ответы на Программу Атласа, принадлежащие Лидии Петровне и хранящиеся в архиве Атласа, отличаются удивительной точностью и полнотой, обилием дополнительного материала, собранного сверх обязательной программы. Особенно много в этих отчетах интересных данных по лексике и семантике, бывших тогда “в загоне” у московских диалектологов. Многие карты Л.П. Жуковской отличаются

высокой логикой и оригинальностью графических решений, и все — необычайной глубиной комментариев»²⁷.

За полтора десятилетия непрерывных диалектологических трудов Л.П. Жуковская, согласно оценке академиков и старейших сотрудников Института русского языка, «выросла в одного из ведущих специалистов по русской диалектологии»²⁸.

Отдавая много времени диалектологическим исследованиям как плановой работе Института, Л.П. Жуковская не забывала о своей главной научной теме, избранной и сформулированной в годы учебы в аспирантуре — исследование языка памятников древнерусской письменности, начало которой было положено с изучения языка «Хроники Георгия Амартола», Зографского Евангелия и Ипатьевской летописи²⁹. С февраля 1945 г. она приступила к занятиям с хранящимися в библиотеках, архивах и музеях Москвы древними общеславянскими, византийскими и русскими рукописными книгами. Огромную роль в формировании направленности научного интереса и в более точном определении темы диссертационного исследования сыграли двое выдающихся ученых, трудившихся в Отделе рукописей Исторического музея — это академик, знаток древнерусских летописей М.Н. Тихомиров и палеограф М.В. Щепкина. Л.П. Жуковская начала изучать язык и палеографию Галичского богослужебного Евангелия 1357 г.

На всю жизнь Лидия Петровна запомнила наставление М.Н. Тихомирова своим ученикам и приходящим в отдел рукописей молодым исследователям: «всякую дурь, которая приходит в голову, записывать и откладывать до времени». Став авторитетным ученым, она не раз повторяла эти слова своим ученикам и коллегам. Эта «приходящая в голову» «всякая дурь» помогла Л.П. Жуковской сделать смелые предположения и выводы, разрабатывать новые методологические подходы к исследованию древнерусского языка и древнерусских текстов, совершать открытия при изучении, казалось бы, уже давно известных памятников русской рукописной книжности (как это произошло, например, при исследовании Архангельского Евангелия 1092 г.)³⁰

К декабрю 1946 г. была написана большая часть диссертации, тема которой звучала следующим образом: «Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV в.». Исследование выстраивалось на палеографическом, графическом, орфографическом и фонетическом анализе материала, извлеченном из рукописи Галичского Евангелия 1357 г. в сравнении и в связи с данными других древнерусских рукописей.

Так впервые в советское время получил продолжение научный разговор о языке древнерусских евангельских текстов, об их типологии и классификации, начатый еще трудами митрополита Евгения (Болховитинова) и А.Х. Востокова. Защитить диссертацию Л.П. Жуковская смогла только

в 1953 г. (Работе над палеолингвистическим и кодикологическим исследованием Галичского Евангелия помешало «новое учение о языке» Н.Я. Марра, господствовавшее в науке до 1952 г.).

Основной раздел завершеного научного исследования, включающий палеографическое описание и анализ живого языка северо-восточной Руси в середине XIV в., опубликовали в 1957 г. «Трудах Института языкознания»³¹. Подобный факт стал «свидетельством об авторе не только как о серьезном историке русского языка, но и отличном палеографе, произведшем тонкое и глубокое палеографическое исследование. Обладая солидной диалектологической подготовкой, автор сумел сквозь толщу графической и орфографической оболочки увидеть фонетические явления, характеризующие живой язык того времени и дать общую картину фонетической системы всех его основных звеньях»³². С оценкой научного значения диссертации, данным такими ведущими лингвистами, как Р.И. Аванесов, В.Г. Орлова, П.С. Кузнецов и В.И. Борковский, согласилась и редакция журнала «Вопросы языкознания», опубликовав рецензию одного из специалистов в области исторической лексикологии и лексикологических практик Л.Л. Гумецкой. Указав на «мастерство и знание» молодого ученого, рецензент отметила проведенный «исчерпывающий палеографический анализ церковно-канонического памятника». Именно «палеографическое описание, — писала рецензент, — является не только ценным вкладом в разработку русской палеографии XIV в., но по способу подачи материала может служить методическим руководством для других подобного рода работ»³³.

По мнению филолога А.А. Алексеева, занимающегося в настоящее время текстологией славянской Библии, уже первое кандидатское исследование Л.П. Жуковской вывело ее «в ряд крупных специалистов по исторической палеографии и фонетике»³⁴.

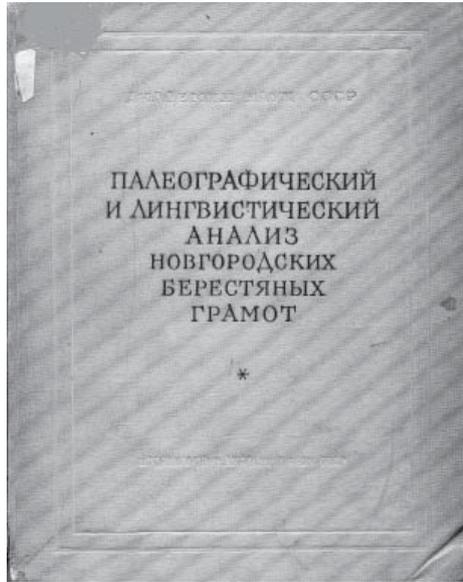
1950-е годы в нашей стране стали временем «сенсационных событий в исторической науке»³⁵. В 1951 г. «в результате исключительно успешных раскопок в Новгороде, произведенных возглавленной профессором А.В. Арциховским экспедицией»³⁶, были найдены 10 грамот на бересте и предметы домашнего обихода с надписями на них. Раскопки 1952 г. дали еще 73 грамоты³⁷, из которых 15 сразу же опубликовали в виде фотографий и прорисей. Обретенные новые памятники письменности — этот совершенно новый вид исторического источника, связанный с повседневной жизнью русского человека, «слово простого человека средневековой Руси»³⁸, требовали от ученых специального палеографического и лингвистического анализа. Понимание ценности этой находки способствовало принятию решения о создании коллективного труда, в котором бы давалась развернутая характеристика нового источника: палеографическое описание, исследование фонетических особенностей, морфологии, синтаксических явлений

и лексики. Перед Л.П. Жуковской, включенной в состав авторского коллектива, как блистательного палеографа и палеолингвиста, поставили задачу: провести палеографический анализ 25 берестяных грамот, сделав их транслитерацию и транскрипцию, подготовить к публикации тексты, перевести на современный русский язык и рассмотреть существующие разночтения. Это была «первая в СССР фундаментальная работа по палеографии новгородских берестяных грамот — принципиально нового, неизвестного ранее вида русской письменности»³⁹, ставшая «самым обширным и в высшей степени ценным разделом»⁴⁰ коллективной монографии «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот»⁴¹.

Последовавшие новые открытия памятников письма на бересте, среди которых были и знаменитые грамоты мальчика Онфима, требовали не только строгого научного исследования. Пришло понимание необходимости написания научно-популярной книги об уникальном рукописном наследии Древней Руси, ярко свидетельствующем о широком распространении грамотности в древнерусском обществе. Лидия Петровна Жуковская стала первым ученым, которая написала первую в то время научно-популярную книгу «Новгородские берестяные грамоты»⁴² и не только указала на появление нового направления в палеографии — берестологии, но и стала «одним из активных создателей новой комплексной дисциплины»⁴³.

Много лет спустя, отвечая на вопрос новосибирского журналиста о своих научных интересах и «предмете изучения», Л.П. Жуковская вспомнила о работе с берестяными грамотами, сказав: «Мне посчастливилось первой из лингвистов прочесть древнейшие берестяные грамоты, опубликовать исследования их текстов. Тогда же мною была написана и первая популярная книжка о берестяных грамотах, рассчитанная на самый широкий круг читателей. Сейчас есть более подробные, фундаментальные книги о берестяных грамотах; многие, например, знают работу члена-корреспондента АН СССР В.Л. Янина “Я послал тебе бересту...”. Однако первая книга — моя»⁴⁴.

Л.П. Жуковской как крупнейшему специалисту-палеографу, как «искусственному палеографу и историку языка древнерусской письменности»⁴⁵, первой пришлось отвечать на вопросы, связанные с публикацией в 1950-х гг. в журнале «Жар-птица» (Сан-Франциско, США), редактируемом Ю.П. Миролюбовым⁴⁶, так называемого, «древнейшего письменного источника» по истории догосударственной Руси — «дощечек Изенбека», и статьи С. Лесного «„Влесова книга“ — летопись языческих жрецов IX в., новый, неисследованный исторический источник». По просьбе журнала «Вопросы языкознания» после внимательного ознакомления с материалом она стала автором первой в нашей стране работы «Поддельная докириллическая рукопись», обосновав методы определения подобного рода подделок⁴⁷. Последовательность предложенного анализа фальсификата была следующей: характеристика внешнего вида опубликованного фотостата⁴⁸, палеографическая

Обложка издания:
Палеографический и лингвистический
анализ новгородских берестяных грамот.
Отв. ред. В.И. Борковский.
М.: Изд-во АН СССР, 1955.

характеристика, характеристика графики, орфографии и языка. Первое, на что обратила внимание Л.П. Жуковская, так это на внешний вид опубликованного изображения, которое в американских публикациях называли «фотографией дощечки». Как «тонкий палеограф» и «деликатный исследователь»⁴⁹ она сразу поняла, что предложенный читателям для ознакомления «фотостат» сделали не с 16-й дощечки, обошедшей многие издания, а с прориси на бумаге.

Исследовав особенности графики, Л.П. Жуковская отметила: «Текст, изображенный на фотографии, написан алфавитом, близким к кириллице: помимо букв кириллицы, совпадающих с буквами греческого устава IX в., в графике “дощечки” имеются свойственные кириллице буквы. В графике “до-

щечки” имеются знаки, которые отсутствуют в кириллице; из них лишь некоторые могут быть возведены к греческим начертаниям. <...> Таким образом, графика “дощечки”, имея некоторые особенности кириллицы, не столь совершенна при передаче звуков славянской речи и в ряде черт приближается к другим древним алфавитам».

Палеографический анализ привел к следующим выводам: «Данные палеографии, хотя и вызывают сомнение в подлинности рассматриваемого памятника, в то же время и не свидетельствуют прямо о подделке. Но при этом необходимо учитывать, что без сопоставимого материала палеография бессильна. Да и сама фотография сомнительна, так как является снимком не с оригинала (хотя бы и поддельного), а с прориси или с копии, в результате чего начертания огрублялись и изменялись в лучшем случае дважды (при изготовлении прориси или бумажной копии и при фотографировании, в процессе которого была допущена ретушевка). Поэтому окончательные данные могут быть получены только в результате лингвистического анализа, для которого исследователь имеет твердые факты».

Как палеолингвист Л.П. Жуковская указала, что «данные языка не позволяют признать текст “дощечки”, изображенной на фотографии, древним, а самый памятник — предшественником всех известных славянских

древних рукописей. Не является “дощечка” также и более поздним памятником, написанным после распространения кириллицы у славян. Рассмотренный материал не является подлинным. Содержание «дощечек», язык и письмо их, а также имя Влес (Велес) позволяют предположить, что указанные “дощечки” являются одной из подделок А.И. Сулакадзева⁵⁰, возможно, именно теми буковыми дощечками, которые уже более ста лет назад исчезли из поля зрения исследователей»⁵¹.

В 1988 г. в интервью корреспонденту газеты «Книжное обозрение» была раскрыта методика проведенного лингвистического и палеографического анализа «дощечек», подсказанная «прекрасной книгой востоковеда академика И.Ю. Крачковского “Над арабскими рукописями”». Об этой методике Л.П. Жуковская сказала следующее: «Каждый знак в каждой строке я пронумеровала. Затем выписала номера идентичных знаков. Ряд знаков оказался мне знакомым. Некоторые из них совпадали с буквами кириллицы, другие — с начертаниями греческих букв, третьи — со скандинавскими рунами, а были и такие, которые я не могла отнести ни к каким из известных письмен. Начертавший эти знаки, хотя и имел некоторое представление о современных славянских языках (например, о наличии носовых гласных в польском языке) и, по-видимому, когда-то изучал церковно-славянский язык, все же невольно допустил немало промахов. Его дилетантизм особенно рельефно обнаружился, когда он смешал языковые пласты, принадлежавшие совершенно разным историческим периодам. Сопоставление звуков в “прочитанных словах” “Влесовой книги” с их обозначениями на фотографии показало, что не только один и тот же звук обозначен разными буквами, но и что исторически эти знаки не соответствуют языковому состоянию какого-либо века до нашей эры. <...> Языкознание — точная наука. Она устанавливает законы изменения языков на протяжении их исторического развития. При этом оперирует двумя понятиями, относящимися к хронологии — абсолютной, когда устанавливается время закономерного изменения того или иного явления, и относительной, когда определяется последовательность изменений одного языкового явления к другому. Теперь с этой точки зрения посмотрим на язык «Влесовой книги». Соответствует ли он принятым в науке о языке законам? Увы...»⁵².

В разные годы о «Влесовой книге» разноречивые мнения появлялись на страницах «Литературной России» и «Недели», журналов «В мире книг» и «Техника — молодежи», других популярных изданий. Вот почему к теме «Влесовой книги» Л.П. Жуковская обращалась несколько раз, написав статьи совместно с такими археологами, историками и лингвистами, как В.И. Буганов, Б.А. Рыбаков, П.Н. Филин⁵³.

На непреходящее значение работ Л.П. Жуковской по разоблачению фальсификации под названием «Влесова книга» и неоспоримую

Обложка издания:
Жуковская Л.П. Новгородские
берестяные грамоты.
М.: Учпедгиз, 1959.

профессиональность приведенных доказательств указал историк, профессор А.Г. Кузьмин. В полемической статье о «Влесовых струнах» он отметил: «Нынешние издатели и пропагандисты “Влесовой книги” спорят в основном именно с Л.П. Жуковской, стараясь “обезвредить” ее лингвистические аргументы. При этом обнаруживается такой разноречивый мнений, как если бы речь шла о совершенно разных произведениях»⁵⁴. Историк указал также и на мудрый исследовательский шаг, сделанный Л.П. Жуковской как палеографом и историком палеографии, написав: «Л.П. Жуковская допускала, что Ю.П. Миролюбов мог воспользоваться фальшивками Сулакадзева, за что охотно ухватились и пропагандисты “книги”. Но деликатная женщина просто оставляла мостик для отступления фальсификаторам: в наш просвещенный век каждый школьник знает то, чего не знали академики во времена Сулакадзева»⁵⁵.

Следующим значимым научным шагом Л.П. Жуковской необходимо считать «серьезный, принципиальный <...> анализ истории развития палеографии в нашей стране»⁵⁶ — это монография по истории одной из важнейших специальных историко-филологических дисциплин, которая и до настоящего времени остается первой и единственной⁵⁷. После изучения палеографических и лексических особенностей Галичского Евангелия 1357 г., она обратилась к текстам первой датированной русской рукописи — Остромирову Евангелию 1056/57 гг., 900-летие которого праздновали в 1956 г. Исследование этого самого известного кодекса привело к следующему открытию: «удалось обнаружить новые доказательства в пользу того, что Остромирово евангелие было написано не одним дьяконом Григорием, а двумя писцами»⁵⁸.

Итак, во второй половине 1950-х гг. древнерусские Евангелия стали главной, «запланированной индивидуальной темой» научных изысканий Л.П. Жуковской — «Пергаменные рукописи X–XIV веков как источник для истории языка»⁵⁹. В конце 1950-х гг. была опубликована первая обобщающая проблемная статья, в которой при ответе на поставленные вопросы о последовательности перевода евангельских текстов на старославянский язык и о процессе формирования древнерусского Евангелия, указывалось: «последовательность перевода отдельных частей евангелия на славянский язык должна быть, видимо, определена так:

- 1) перевод чтений краткого апракоса;
- 2) второй перевод, дополнявший чтения краткого апракоса до тетра;
- 3) третий перевод с греческого, дополнявший чтения краткого апракоса до полного апракоса. Последовательность создания разных типов Евангелия определяется при этом так: 1) краткий апракос; 2) четвероевангелие; 3) полный апракос»⁶⁰.

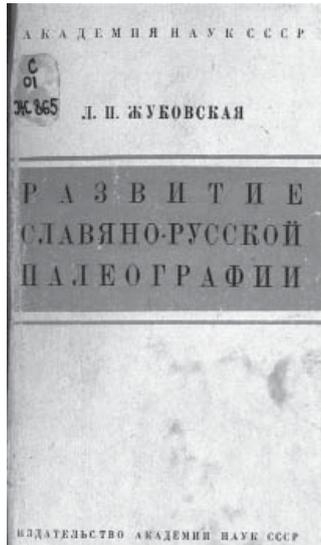
Эти научные размышления о классификации Евангелий и особенностях формирования древнерусского богослужебного Евангелия были продолжены в докладах и статьях, связанных с 1100-летием славянской письменности⁶¹ и 1100-летием со дня смерти Константина Философа⁶². Выявление лингвистических сведений в древнерусских рукописях привело к пониманию роли текстологии и постепенному формулированию лингвотекстологического метода исследования на примере евангельских текстов⁶³.

Л.П. Жуковскую «интересовали те источниковедческие вопросы, которые связаны с выявлением лингвистических сведений в древних славянских и, прежде всего, древнерусских рукописях, содержание которых должно было оставаться неизменным»⁶⁴. Их успешному решению способствовала постоянная работа в книгохранилищах, собирание и систематизация богослужебных рукописей XI–XIV вв. Это позволяло ученому проводить группировку традиционных текстов и благодаря этому изучать «язык ближайших родственных групп». Подобный научный эпистемологический подход и комплексное исследование апракосных евангелий позволил доказать, что это «принципиально новый источник истории русского языка XII–XIV вв.»⁶⁵.

Дав определение Евангелию как типу древнерусской книги — «памятник традиционного содержания», она впервые указала на тот факт, что богослужебное Евангелие представлено не тремя, а четырьмя частными памятниками: тетром, полным апракосом, кратким апракосом и сверхкратким (праздничным, воскресным)⁶⁶. Для решения главного вопроса, поставленного ученым — древнейшие богослужебные Евангелия как лингвистический источник — было исследовано около 600 кодексов XI–XV вв. (уместно напомнить, что профессор МДА, специалист по истории библейских текстов, Г.А. Воскресенский исследовал только 112 рукописей).

Важнейшие предварительные итоги исследования такого объема памятников письменности традиционного содержания и их предварительная систематизация, т.е. «некоторые выводы о принципах группировки славянских рукописей»⁶⁷, нашли отражение в статье, опубликованной в 1967 г. в «Палестинском сборнике»⁶⁸. В начале статьи Л.П. Жуковская сформулировала несколько основополагающих тезисов:

- одним из основных источников «для изучения истории народно-разговорных и литературных языков многих народов Европы и Ближнего Востока служат древние рукописи, содержащие богослужебные тексты»;

Обложка издания:
Жуковская Л.П.
Развитие славяно-
русской палеографии:
(В дореволюционной России
и в СССР) / Акад. наук
СССР. Ин-т рус. яз. М.: Изд-
во Акад. наук СССР, 1963.

- их значение как «лингвистического источника для древнейшего периода письменности трудно переоценить», так как из общего числа сохранившихся древних кодексов «богослужбные рукописи составляют подавляющее большинство»;

- количественный состав дошедших богослужбных рукописей «дает возможность характеризовать особенности территориального диалекта» при условии «их группировки и классификации»;

- выявлению «особых данных для характеристики языковых явлений» может способствовать «необходимое текстологическое исследование», предваряющее лингвистический анализ⁶⁹.

Обратившись к истории вопроса систематизации богослужбных книг, Л.П. Жуковская указала на труды архимандрита Амфилохия (Сергиевского-Казанцева), П. Комнина, И.Е. Евсеева, Ф.И. Покровского, А.А. Шахматова и др., проанализировала полемику, связанную с «упорядочиванием» Евангелий, и учла имеющийся материал по классификации византийских рукописей Евангелия. Внимание читателей она обратила на предложенную Г. Соденом классификацию византийских рукописей, ставшую в свое время «некоторым шагом вперед», так как в ее основе лежали «хронологический и в самых грубых чертах типологический принципы»⁷⁰. Классификация Г. Содена состояла только из трех типов богослужбных книг: рукописи, содержащие Евангелие и апостол, содержащие только Евангелие или только апостол.

Накопленные или собранные европейскими учеными к началу XX в. сведения, в связи с изучением греческого наследия, «дали материал для более подробной классификации, ... для ее следующих шагов: 1) разделение рукописей на четыре ... и на апракосы; 2) разделение рукописей апракосов на полные и краткие»⁷¹. Древнерусские списки Евангелий исследовал Г.А. Воскресенский. При оценке его вклада в изучение богослужбных рукописей Л.П. Жуковская согласилась с мнением М.Н. Сперанского, писавшего, что это была лишь попытка использовать «приемы критики и изучения греческих и вообще иноязычных текстов» в «приложении их к славянским»⁷².

Накопленные или собранные европейскими учеными к началу XX в. сведения, в связи с изучением греческого наследия, «дали материал для более подробной классификации, ... для ее следующих шагов: 1) разделение рукописей на четыре ... и на апракосы; 2) разделение рукописей апракосов на полные и краткие»⁷¹. Древнерусские списки Евангелий исследовал Г.А. Воскресенский. При оценке его вклада в изучение богослужбных рукописей Л.П. Жуковская согласилась с мнением М.Н. Сперанского, писавшего, что это была лишь попытка использовать «приемы критики и изучения греческих и вообще иноязычных текстов» в «приложении их к славянским»⁷².

Анализ более ста древних списков Евангелий позволил Л.П. Жуковской сделать первый важный, «незначительный шаг в чрезвычайно трудоемкой...

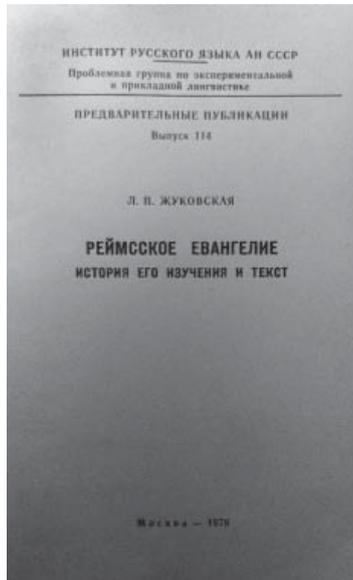
области изучения». Выявленные «различия в композиции и содержании чтений» позволили ей сгруппировать рукописи славянского полного апракоса на основе выявленных различий «в составе и порядке дополнительных чтений» и «на основании исчисления порядка дней недели»⁷³. Собранный материал наглядно предстал в таблице «Группировка славянских рукописей полного апракоса XII–XIV вв.» на примере мирославовского типа полного апракоса и семьи мстиславовского типа рукописей⁷⁴.

В статье, опубликованной в «Палестинском сборнике», Л.П. Жуковская представила 18 семей рукописей мстиславовского типа, которые имеют «особенности в чтениях от пятидесятницы до нового лета (т.е. до 1 сентября)»⁷⁵. Дальнейшая работа с Евангелиями, анализ около 600 списков позволил вычленить новый класс рукописей — милятинский. Также была указана перспектива исследований богослужбных текстов — окончательная классификация апракосов, которая возможна только после проведения частных классификаций и «группировок рукописей на материале чтений нового лета (до поста), ...чтениях поста, ...чтениях месецслова». Главная цель публикации, обозначенная автором, а именно — отметить «различия в одном из циклов чтений древнего славянского полного апракоса и пути выявления подобного рода различий»⁷⁶ — была достигнута.

Итак, статья в «Палестинском сборнике» стала одним из этапов типологизации богослужбных Евангелий XI–XIV вв. и создания ученым лингвотекстологического метода исследования «манускриптов традиционного содержания»⁷⁷.

Итогом многолетнего огромного исследовательского труда Л.П. Жуковской стала ее докторская диссертация «Древнерусские пергаменные рукописи как лингвистический источник (Археографическое, текстологическое и лингвистическое исследование)» (1970) и вышедшая следом монография «Текстология и язык древнейших славянских памятников» (1976), в которой был размещен каталог⁷⁸, являющийся «до настоящего времени единственным и незаменимым пособием по изучению славянского Евангелия в его рукописной форме»⁷⁹. Выработанная «специальная методика типологического анализа древних рукописей, основанного на выявлении структуры памятников традиционного содержания, имевших самое широкое распространение в древности» — этот «новый путь исследования», позволил Л.П. Жуковской, согласно мнению коллег-лингвистов, «выявить соответствие текстологических и языковых фактов в нескольких сотнях списков памятников»⁸⁰. Проведенное «фундаментальное исследование Л.П. Жуковской, основанное на привлечении огромного рукописного материала»⁸¹, привлекло внимание ученых, как в России, так и за рубежом⁸².

«Значительным событием в лингвистике, текстологии и археографии», «заслуживающим особого рассмотрения», назвал монографию языковеды Е.М. Верещагин и Н.И. Толстой⁸³. Указывая на заслуги Л.П. Жуковской

Обложка издания:
Жуковская Л.П. Реймское
Евангелие. М., 1978.

ее, изучающие кирилло-мефодиевское наследие, постарались раскрыть смыслозначимость лингвотекстологической методологии, «покоящейся на двух текстологических понятиях»: «памятник традиционного содержания» и «тип памятника»⁸⁴. Далее в рецензии отмечен факт проведенной типологизации славянского Евангелия и выявления сверхкраткого апракоса: «выделенные пять типов этого памятника: четыре из них были известны и раньше (апракос краткий, апракос полный, тетр, толковое Евангелие), а пятый тип — сверхкраткий (иначе праздничный, воскресный) апракос — выявлен в результате исследований автора»⁸⁵. Данное открытие, по мнению Е.М. Верещагина и Н.И. Толстого, может помочь «пролить свет на этапы переводческой деятельности первоучителей славян Кирилла и Мефодия, что очень важно для истории древнеславянского языка».

А «предположение о том, что Кирилл и Мефодий сначала перевели среднюю по объему книгу (т.е. праздничный апракос), кажется очень заманчивым, и, пользуясь ее словами, это должно заинтересовать “лиц, изучающих кирилло-мефодиевскую проблематику”»⁸⁶. Анализ нескольких сотен древних кодексов, как совершенно справедливо отметили в рецензии ученые, позволил Л.П. Жуковской «построить классификационную матрицу, применение которой сразу позволяет идентифицировать любую конкретную рукопись славянского Евангелия (конечно, при условии, что список достаточно пространен) с текстологически родственными ей рукописями. Д.С. Лихачёв назвал эту матрицу “периодической системой элементов”⁸⁷, которая систематизирует знание, наличествующее к настоящему времени, и может заполняться в будущем»⁸⁸.

Среди главных достоинств «объемистой и изобилующей богатым и новым материалом» монографии Л.П. Жуковской языковеды назвали «опровержение бытовавшего в определенной лингвистической среде мнения о единообразии славянского Евангелия в текстологическом и лексическом отношениях» и предложение «действенного» метода анализа, заключающегося в «снятии языковых пластов путем предварительного лингвотекстологического исследования всех сохранившихся списков XI — начала XV в.»⁸⁹

На огромную работу, проделанную Л.П. Жуковской по «установлению групп» Евангелий, указали византист, палеограф и славист

Е.Э. Гранстрем и лексикограф Л.С. Ковтун в рецензии, опубликованной в «Палестинском сборнике». По их мнению, значимость исследования, прежде всего, определяется «избором для анализа памятника, самого пространного в XI–XIV вв. и представляющего все языковые области Древней Руси»⁹⁰. Они отметили, что «классификация построена на общих чертах, выведенных при анализе разнообразнейшего материала. Нелегко даже поверить, что один человек, пусть и ценой многолетних усилий, смог внести порядок в этот хаос сходжений и различий в древнерусских евангельских текстах». Рецензенты обратили внимание не только на факт полноты материала, «обеспеченный разысканиями автора», но сочли необходимым перечислить основные типы кодексов, которые были привлечены для работы и обеспечили ей «неоспоримую основательность».

Для решения текстологических, лингвистических и лингвотекстологических вопросов «помимо памятников XI–XIV вв., в книге дополнительно рассматриваются: а) датированные славянские Евангелия XV в., б) рукописные Евангелия XII–XV вв. в хранилищах Болгарии, в) изданные рукописи того же периода из собраний других стран, г) греческие Евангелия из хранилищ Москвы и Ленинграда»⁹¹. Это делает монографию и содержащиеся в ней выводы еще более ценными и неоспоримыми.

К числу важных результатов проведенного Л.П. Жуковской исследования рецензенты отнесли «определение и обоснование последовательности появления книг евангелия на славянской почве в IX–XI вв.; вероятность появления типа полного апракоса с начала XII в.»; «важность типа Мстиславова евангелия», к которому «принадлежат сотни рукописей в наших рукописных отделах»; «выдвижение на первый план типологического принципа»; «выработка понятия типологического исследования как связанного с элементами структуры» памятников традиционного содержания, т.е. апракосных Евангелий⁹². «Ценным выводом» названо одно из доказанных на примере наблюдений над Савиной книгой, Ассеманиевым и Остромировым Евангелиями положений о том, что «даже в XI в. на Руси краткие апракосы не восходили к какому-то единому старославянскому источнику, но, имея неодинаковый набор чтений, должны были восходить к разным источникам»⁹³.

Все названные рецензенты были единодушны во мнении о научной значимости итоговой монографии Л.П. Жуковской, которая «представляет собой серьезный труд, способный открыть своим выходом в свет новый этап в изучении славянского письменного наследия древней поры, а тем самым дать многое и для таких дисциплин, как история русского языка, история русской культуры и история древнеславянского (церковнославянского) языка»⁹⁴.

Кодикологическое, палеографическое, текстологическое и лингвистическое исследование богослужебных евангельских текстов стало главным

Празднование 70-летия Л.П. Жуковской в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. 1990 г. Фото.

в научной жизни Л.П. Жуковской. Свою основную задачу после завершения большого труда по текстологии и языку богослужебных евангелий она видела в факсимильной и научной публикации текстов этих уникальных памятников письменности.

В 1970-е гг. Л.П. Жуковская обратилась к ныне знаменитому Евангелию Анны Ярославны, королевы Франции, исследовав особенности его языка, проведя реконструкцию книги и опубликовав текст сохранившегося со времен XI в. фрагмента книги⁹⁵. Чуть позже, на основе разработанного ею метода она рассчитала объем кодекса на момент его создания и бытования в XI в.

Следующим важным шагом в деле исследования памятников древнерусской книжной культуры стала подготовка научного издания Евангелия Мстислава Великого начала XII в. Вместе со своими коллегами по Институту русского языка АН СССР Л.П. Жуковская провела палеографическое, текстологическое и лингвистическое исследование и опубликовала евангельские тексты⁹⁶.

В 1988–1994 гг. Л.П. Жуковская проводила исследование и подготовила к изданию один из древнейших и уникальных списков богослужебного Евангелия 1092 г., получившего название «Архангельского». Издание было осуществлено уже после смерти ученого⁹⁷.

Впервые после факсимильной публикации в 1882 г.⁹⁸ рукописи Нового Завета свт. митрополита Алексия Л.П. Жуковская обратила внимание на саму рукопись, ее текст и на вопросы, связанные с жизнью и деятельностью митрополита Алексия, святителя Московского. К сожалению, написанные статьи увидели свет только после ее смерти⁹⁹, а научное издание осуществил митрополит Питирим (Нечаев).

Помимо древнерусских Евангелий в сфере научных интересов Л.П. Жуковской включались и другие памятники письменности. О судьбе второй по древности, точно датированной русской рукописи — Изборник Святослава 1073 года, его состоянии и задач изучения, а также о его лексике она опубликовала статьи в 1977 г. В этом же году выступила в качестве ответственного редактора сборника статей, посвященных проблематике изучения древнего уникального кодекса, названного учеными «хрестоматией для княжеских детей». В конце 1970-х — начале 1980-х гг. Л.П. Жуковская стала научным руководителем и научным редактором издания Изборника, состоявшего из факсимиле и тома научного аппарата. Эта работа позволила ученому сформулировать вопросы, связанные не только с принципами факсимильного воспроизведения древних книг, но и с научной подачей древних текстов. Свои соображения она изложила в целом ряде статей, из которых необходимо назвать опубликованную в сборнике 1981 г. «Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности» — «Научное факсимильное издание древних рукописей».

Выдающимся памятником русской литературы является «Слово о полку Игореве». Об этом произведении конца XII в. с момента его открытия А.И. Мусиным-Пушкиным в 1791–1792 гг. и первой публикации в 1800 г. было написано немало книг, статей и сделано научных докладов. Всплеск интереса к «Слову» падает на 1960-е гг. Он был вызван обсуждением доклада А.А. Зимины об обстоятельствах создания «Слова о полку Игореве». Этот историк назвал поэму «гениальной художественной стилизацией последней трети XVIII в.»¹⁰⁰, в основу сюжета и композиции которой была положена не менее известная «Задонщина».

К вопросам датировки «Слова», его языку, истории обретения и издания обратилась и Л.П. Жуковская. Как ученый — противник мало аргументированной теории А.А. Зимины, она собиралась выступить 27 февраля 1963 г. на заседании сектора Древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР. Но, как свидетельствовала литературовед В.Д. Кузьмина, ее не допустили в зал, так как она «подготовила выступление, не предусмотренное организаторами обсуждения»¹⁰¹. Первая статья, посвященная методике изучения «Слова...», увидела свет в 1971 г. В 1980-е гг. в своих статьях она подняла вопросы редакций «Слова...», его датировки, языка и письма. Исследование кодексов XV столетия позволило найти новые аргументы в доказательстве подлинности Мусин-Пушкинского списка¹⁰².

Л.П. Жуковская среди участников конференции, посвященной 175-летию Ф.И. Буслаева. Пенза. 1993 г. Фото.

Одним из главных аргументов сторонников А.А. Зимина и противников подлинности «Слова...» была «странная орфография» списка. Как палеолингвист, блестяще знающий особенности древнерусской фонетики и орфографии, особенности и нюансы развития грамматики в XV в., как археограф, занимающийся классификацией древнерусских и славянских кодексов, Л.П. Жуковская в качестве аргумента использовала тексты других памятников этой эпохи, в том числе «Сказания о новгородских еретиках» и обличительных на них слов. Лингвистический и палеографический анализ рукописей этого периода позволил сделать следующий вывод: «...якобы “странная орфография” Мусин-Пушкинского “Слова о полку Игореве” — одна из языковых норм XV в.» Также были сформулированы перспективные задачи «для последующего уточнения датировки Мусин-Пушкинского списка “Слова о полку Игореве”»:

1) выяснить, каков хронологический разброс русских рукописей XV–XVI вв., характеризующихся неэтимологическим употреблением буквы **б** после заднеязычных согласных **к, г, х**, после **в**, после **м** (если не вообще после губных согласных);

2) установить, является ли рассмотренная выше орфография общерусской или она характерна только для определенных скрипториев, например, новгородского круга (ср. данные Хутынского пролога 1479 г.¹⁰³), а для псковских — не связана ли она с сербскими орфографическими нормами ресавской школы? Для окончательного решения этих вопросов нужно рассмотреть более широкий круг рукописей и представить убеждающую статистику орфограмм разного типа¹⁰⁴.

В уже выше упомянутом интервью «Книжному обозрению» по поводу «Влесовой книги» и подделках древних рукописей Л.П. Жуковская ответила и на вопрос о фальсификации «Слова о полку Игореве». Этот ответ необходимо полностью привести в этой статье: «В 1985 г., когда отмечалось его 800-летие, появилось много новых исследований у нас в стране и за рубежом. Упомяну только одно издание. В издательстве «Наука» вышел в свет сборник «“Слова о полку Игореве” и его время», в котором есть и моя работа — «О датировке списка “Слова о полку Игореве”». Дело в том, что единственный известный науке список «Слова», принадлежавший ученому и коллекционеру А.И. Мусину-Пушкину, сгорел в трагическом пожаре Москвы в 1812 году. Однако, он и его сотрудники Н.Н. Бантыш-Каменский и А.Ф. Малиновский в 1800 г. подготовили первое издание «Слова». Некоторые исследователи упрекали А.И. Мусина-Пушкина в том, что он произвольно обращался с текстом, оказавшегося в его руках списка. Тут нужен был сравнительный анализ текста «Слова» 1800 года с сохранившимися рукописями. Мне помогла находка списка «Хутынского пролога» 1479 года (в частности, текст о крещении Руси апостолом Андреем) в Центральном историческом архиве в Ленинграде. В нем я обнаружила те самые палеографические и языковые особенности, которые рассматривались как домыслы А.И. Мусина-Пушкина, внесенные им при подготовке текста «Слова» к печати. Введение в научный оборот новых рукописных источников помогло не только уточнить понимание отдельных слов и остающихся «темных мест» памятника, но и подтвердило высокий уровень текстологической работы при первом издании 1800 года. Поскольку же удалось определить черты сходства орфографии «Слова» с орфографией реально сохранившихся рукописей XII–XV вв., то из этого снова и снова следует, что «Слова о полку Игореве» не могло быть создано в XVIII веке. Сгоревший список XV в. был скопирован с оригинала XII в. в важный момент русской истории — перед так называемым «Стоянием на Угре» 1480 года»¹⁰⁵.

Во второй половине 1970-х гг. Л.П. Жуковская обратилась к текстам одного из древнейших церковно-учительных четых памятников русской книжности — Пролога (Синаксаря) — «замечательного, но привлекавшего внимание весьма немногих ученых»¹⁰⁶. Она выступила сначала с докладом на международном симпозиуме в Салониках, а затем написала целый ряд статей о ранних редакциях, о проложных житиях, о языковых

особенностях текстов проложных житий и т.п.¹⁰⁷. При изучении лингвистических особенностей Пролога и, поставив перед собой лингвотекстологические задачи, ученый использовала и усовершенствовала разработанный ею еще при исследовании апракосных евангелий «метод зондирования», т.е. принцип преднамеренного выбора отдельных сюжетов в пределах определенных дат и их сравнительно-сопоставительного анализа на материале большого числа списков. Профессор Московской Духовной академии, литературовед В.М. Кириллин справедливо указал на «главный интерес Л.П. Жуковской при изучении различных списков Пролога» — это «текстология и проблема так называемого второго южнославянского влияния»¹⁰⁸.

Работая в нашей стране и за рубежом, Л.П. Жуковская просмотрела около 600 списков Пролога. В докладах на конференциях и в статьях она «обнародовала наблюдения над некоторыми проложными текстами византийского, западнославянского, южнославянского, древнерусского и средневекового русского происхождения, а также высказала соображения относительно истории Пролога в целом». Тем самым она смогла ввести в научный оборот значительное число списков этого неординарного памятника письменности. «По целостности охвата и конкретизации материала такая работа была осуществлена впервые», — справедливо подчеркнул В.М. Кириллин¹⁰⁹.

Именно исследование прологов XIII–XVI вв., лингвотекстологическое сопоставление различных проложных статей позволило Л.П. Жуковской доказательно пересмотреть господствовавшее не только в отечественной, но в зарубежной науке представление о «втором южнославянском влиянии» на русскую письменность. Обобщающий анализ трудов ученого, посвященных Прологу, позволил В.М. Кириллину раскрыть их значение. В своей небольшой статье он отметил следующее: «Сопоставительное изучение графики и орфографии разновременных списков отдельных повествований Пролога привело исследовательницу к результатам, не согласующимся с мнением названных филологов. Л.П. Жуковская установила, что для древнерусских рукописей XIV — первой половины XV в. характерна именно русская орфография; последняя, “хотя и не была зафиксирована в каком-либо грамматическом сочинении, но совершенно отчетливо проявляется... и поэтому может быть восстановлена и описана”. Лишь со второй половины XV в. (но не со 2-й пол.XIV в., как считал, например, А.И. Соболевский) нормы этой орфографии начинают разрушаться, “русские писцы... перестают стремиться приспособить письмо к своему живому произношению”, в XVI в. в древнерусских рукописях “уже обнаруживаются особенности орфографии”, которые как раз и “принято связывать с нормами южнославянской письменности”. Следовательно, этот процесс, по определению Л.П. Жуковской, “гречизацию и архаизацию русского письма ... по древнерусским и старославянским образцам XI в. “, никак нельзя

Л.П. Жуковская среди участников конференции, посвященной 175-летию Ф.И. Буслаева. В Тарханах. 1993 г. Фото.

связывать с великотырновской школой патриарха Болгарского Евфимия и деятельностью митрополита Московского Киприана. Исследовательница предположила, что он отражал позднейшую озабоченность русских людей “идеей общеславянского православного единства” и формирование церковно-государственной концепции “Москва — третий Рим”¹¹⁰.

Лидия Петровна была тем ученым, который всегда аргументированно и доказательно выступал в защиту русского языка и отстаивал исторически выверенную концепцию развития славянских языков. Среди документов на предоставление Государственной премии имеется характеристика, в которой отмечена эта сторона ее научной деятельности: «В 1985 г. Л.П. Жуковская принимала участие в составе рабочей группы советских ученых, обсуждавших в Президиуме АН Болгарии вопросы тенденциозного вытеснения в публикациях болгарских историков и филологов понятия «старославянский» язык, ненаучную (националистическую) замену его термином «древнеболгарский» или «староболгарский» язык и отрицание ими связи с этим самостоятельной истории древнерусского литературного языка, сербского и некоторых других¹¹¹.

Одной из больших, значимых и трудоемких была работа Л.П. Жуковской над Сводным каталогом славяно-русских рукописных книг, первый том которого увидел свет в 1984 г.¹¹². С инициативой его создания еще в 1960 г. выступил один из наставников Л.П. Жуковской — академик М.Н. Тихомиров. Лидия Петровна сразу же активно, «самоотверженно и безвозмездно»¹¹³ включилась в подготовку этого справочника, а в 1970 г., заняв должность ответственного редактора, взвалила на себя «активную практическую работу по редактированию материалов для него»¹¹⁴, стала руководить подготовкой древнейшей части славяно-русского выпуска Сводного каталога. В 1969, 1972 и 1974 гг. ею были опубликованы несколько статей, связанных с анализом хода работы, и одновременно они выполняли роль инструкций по описанию древних рукописей¹¹⁵, приняла участие в проведении всесоюзных конференций, инициированных Археографической комиссией и посвященных вопросам изучения и описания рукописного наследия. Одна из этапных статей, связанная с учетом, систематизацией и описанием древних кодексов, — «Древние славянские переводы византийских и сирийских памятников в книгохранилищах СССР», была опубликована на страницах «Палестинского сборника» в 1969 г.¹¹⁶. Первый выпуск Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XI–XIII вв. вышел в свет в 1984 г. и получил высокую оценку славистов.

Говоря о заслугах ученого в создании Сводного каталога, Л.Г. Панин написал: «она разработала рекомендации для определения языка (извода) древних славянских рукописей и для выявления водяных знаков и датировки рукописей, экслитеральные способы определения разных почерков, исследовательница обосновала правомерность «широких дат» для пергаменных рукописей»¹¹⁷. К числу заслуг ученого, связанных с работой над «Сводным каталогом», историк-славист А.А. Турилов отнес «значительное расширение описательных статей справочника»¹¹⁸.

Одним из направлений деятельности Л.П. Жуковской была работа в 1970–1986 гг. в научно-популярном журнале «Русская речь», на страницах которого освещалось современное состояние русского языка, его история в тесной связи с культурой и бытом народа. Вот почему, став членом редколлегии журнала в 1972 г., она отвечала за раздел «История культуры и письменности». В популярной форме ей удалось объяснить читателям, чем занимается палеография и как она может быть связана с графикой и орфографией. Она рассказала о том, когда появилась письменность, сколько книг было в Древней Руси, что читали наши предки. Она старалась объяснить читателям непонятные и незнакомые слова, отвечала на вопросы, рассказывала о выдающихся ученых и их вкладе в развитие русской науки¹¹⁹.

Более 30 лет Л.П. Жуковская была действительным членом Российского Палестинского Общества при АН СССР, исполняла обязанности заместителя председателя РПО по научной деятельности, была членом редколлегии

«Палестинского сборника» и опубликовала на его страницах свои работы. Она являлась членом Ревизионной комиссии Общества¹²⁰.

Действительным членом РПО Л.П. Жуковская стала в 1966 г. по рекомендации историка, специалиста по истории стран Ближнего и Среднего Востока и Византии раннего средневековья, члена-корреспондента АН СССР Н.В. Пигулевской (1894–1970)¹²¹. В 1974 г., после учреждения в РПО нескольких научных секций¹²², как ученый-палеолингвист, автор фундаментальных трудов по лингвотекстологии богослужебных Евангелий и истории формирования древнерусского богослужебного Евангелия, как ученый, занявший «одно из первых мест в советской палеославистике»¹²³, она возглавила Секцию литературных связей Востока и Запада (в 1987 г. ее на этом посту сменил Н.Н. Лисовой). Для участия в ее работе были привлечены как ведущие российские, так и зарубежные специалисты. Активно привлекались не только маститые, но и начинающие ученые: Е.М. Верещагин, Б.Л. Фонкич, В.Н. Малов, А.Д. Люблинская, С.Л. Тихвинский, И. Тот, М.Н. Громов, Р.М. Мунчаев, Е.Н. Мещерская, В.Г. Брюсова, В.И. Буганов, О.А. Князевская, В.В. Кусков, Г.Г. Литаврин, Н.Н. Лисовой, А.М. Камчатнов, Д.С. Лихачёв, А.М. Молдован, А.И. Рогов и др.¹²⁴

Сохранившиеся в архиве Л.П. Жуковской материалы свидетельствуют о ее деятельном активном участии в работе одной из старейших общественных православных организаций, о не равнодушном отношении к научным вопросам, решение которых способствовало бы пониманию места России в огромном христианском мире и значении сохранения вселенских православных святынь для будущих поколений.

* * *

В 1988 г., когда в РСФСР стали впервые присуждать премии в области науки и техники на уровне не ведомственных, а государственных, Лидия Петровна была в числе первых, удостоенных этой премии «за исследование памятников древнерусской письменности», а точнее — за исследование и издание Мстиславова Евангелия, т.е. за «работу, соответствующую мировому уровню»¹²⁵.

«Трудолюбие и устремленность Л.П. Жуковской служили достойным примером другим исследователям», вызывали к ней, по свидетельству А.А. Алексеева, «глубокий интерес со стороны начинающих»¹²⁶. По мнению Р.И. Аванесова, она была «прирожденным педагогом», ученым обладающим «активной педагогической жилкой»¹²⁷. Она воспитала 12 аспирантов и одного докторанта, защитивших диссертации по языку древнейших памятников письменности. Это исследования, посвященные «Уставу Студийскому», «Слову о Законе и Благодати», «Изборнику Святослава 1073 г.», «Шестодневу Иоанна, экзарха Болгарского», «Словам» Кирилла Туровского, «Златой цепи», «Торжественнику» и др. — тем книгам и произведениям, созданных

в Древней Руси, которые стали неотъемлемой частью отечественной культуры, и которые Л.П. Жуковская считала необходимым не только внимательно изучать, но и сделать неотъемлемой частью современной жизни. Рассуждая о выборе тем для своих учеников, Лидия Петровна писала: «Аспиранты — мои руки, мое время. У меня нет своего официального коллектива, который я могла бы направлять в соответствии со своими интересами. Поэтому я беру аспирантов только таких, какие хотят исследовать материал и проблемы, меня интересующие, но на которые у меня нет времени»¹²⁸.

Л.П. Жуковская участвовала в создании кафедры истории русского языка и диалектологии Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова (в наст. время входит в состав Северного (Арктического) федерального университета) в Архангельске. В 1990-е годы читала в нем лекции по палеографии, вела спецкурсы по древнерусской письменности¹²⁹.

* * *

Лидия Петровна Жуковская оставила большое научное наследие: более 250 опубликованных работ и архив, содержащий более 150 картонов личных и творческих материалов. При составлении первой сводной библиографии своих трудов ученый решила их разместить не по хронологическому, а по проблемно-тематическому принципу. Сохранившееся оглавление дает возможность понять диапазон ее научно-исследовательских интересов: вопросы издания памятников письменности, начальные этапы славянской письменности, отдельные памятники письменности и их публикации, общие обзоры рукописного наследия, сводный каталог славяно-русских рукописных книг, текстология, палеография и другие вспомогательные исторические дисциплины: кодикология, археография, филигранология и примыкающие вопросы, литературные языки, историческая фонетика и грамматика, лексика в диалектах и памятниках письменности, диалектология и лингвистическая география, персоналия и обзоры, редактирование и редакционные статьи¹³⁰.

Современную филологию, а точнее, важнейшие ее направления — лингвотекстологию, палеографию, палеолингвистику и славянскую библеистику нельзя представить без исследований Л.П. Жуковской, ставшей автором лингвотекстологического метода разысканий в области памятников «традиционного содержания». Лингвистическое источниковедение получило в ее трудах «прочный текстологический фундамент»¹³¹. В документах на представление ученого к Государственной премии особо отмечалось, что «ни один славист до нее не оперировал таким числом самостоятельно добытых фактов»¹³². Не случайно имя и научные работы Л.П. Жуковской стоят в одном ряду с трудами крупнейших лингвистов XX столетия — С.П. Обнорского, В.В. Виноградова, В.И. Борковского, Ф.П. Филина, О.Н. Трубачева. Ученики, единомышленники и даже научные противники по праву считали ее продолжателем дела, начатого А.Х. Востоковым,

Ф.И. Буслаевым, Г.А. Воскресенским, М.Н. Сперанским, В.И. Ягичем, Н.Н. Дурново, В.М. Истриным и другими учеными XIX — начала XX вв.

Отмечая 100-летний юбилей Лидии Петровны Жуковской, мы вспоминаем её, прежде всего, как всемирно известного учёного-энциклопедиста, оставившего нам выдающееся научное наследие, которое она создала своим титаническим трудом во имя русской культуры и науки.

Приложение 1.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л.П. ЖУКОВСКОЙ

1. Аксенова Г.В. Лидия Петровна Жуковская // Московский журнал. 2005. № 12. С. 9–14.
2. Аксенова Г.В. Труды Л.П. Жуковской в области палеографии // «Румянцевские Чтения»: Материалы научно-практической конференции по итогам научно-исследовательской работы Российской государственной библиотеки (25–27 апреля 1995 г.). М., 1996. Ч. 2. С. 15–17.
3. Аксенова Г.В. Л.П. Жуковская — «выдающийся лингвист современности»: к 100-летию со дня рождения // XVII Пасхальные чтения. Материалы Семнадцатой Международной научно-методической конференции: «Гуманитарные науки и православная культура». — М.: Учебно-научный филологический центр МПГУ, 2019. С. 3–20.
4. Аксенова Г.В. Вопросы сохранения культурного наследия Древней Руси в трудах Л.П. Жуковской (1920–1994): к 100-летию со дня рождения // У истоков российской государственности. Исследования, материалы. — Калуга: ИП Стрельцов И.А. (Издательство «Эйдос»), 2019. С. 119–126.
5. Алексеев А.А. Великая душа. Лидии Петровне Жуковской — 85! (5 апреля 1920 — 7 января 1994) // Slovo. Zagreb, 1994–1996. № 44–46. С. 205–210.
6. Богатова Г.А. Древне-русские библейские традиции в трудах Л.П. Жуковской // «Румянцевские Чтения»: Материалы научно-практической конференции по итогам научно-исследовательской работы Российской государственной библиотеки (25–27 апреля 1995 г.). М., 1996. Ч. 2. С. 5–10.
7. Богатова Г.А. Древнерусская библейская рукописная традиция в трудах старейшего члена Императорского Православного Палестинского Общества Л.П. Жуковской // Сборник Православного Палестинского Общества. М., 2003. Вып. 100. С. 21–27.
8. Даскалова А. Жуковская Л.П. // Кирило-Методиевскаенциклопедия. София, 1985. Т. 1. С. 704–706.
9. Дерягин В.Я., Лёвочкин И.В. Лидия Петровна Жуковская (К 70-летию со дня рождения) // «Записки отдела рукописей». Вып. 49. М., 1990. С. 249–262.

10. Исаенко А.И. Л.П. Жуковская и военно-писарское рондо // <https://www.iprogu.ru/iprogu/article/lp-zhukovskaya-i-voenno-pisarskoe-rondo-ai-isaenko-202090>
11. Ищенко Д.С. Л.П. Жуковська — до слідництва давньоіспадщини слов'ян // Пам'ятки писемності с хідно слов'янськими мовами XI–XVIII століть. Вип.2: Матеріали наукової конференції пам'яті Лідії Петрівни Жуковської. Київ, 1995. С. 3–11.
12. Камчатнов А.М. Л.П. Жуковская как библеист // «Румянцевские Чтения»: Материалы научно-практической конференции по итогам научно-исследовательской работы Российской государственной библиотеки (25–27 апреля 1995 г.). М., 1996. Ч. 2. С. 17–24.
13. Кириллин В.М. «Пролог» в исследованиях Л.П. Жуковской // Румянцевские чтения: Материалы научно-практической конференции по итогам научно-исследовательской работы РГБ: сборник. Ч. 2. М., 1996. С. 40–44.
14. Кон Е.А. Научное наследство Л.П. Жуковской — историка русского языка и письменности: Автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.02 / Харк. нац. ун-т им. В.Н. Каразіна. Харьков, 2001. 16 с. укр.
15. Крутова М.С. Древнерусские письменные источники в научных трудах Лидии Петровны Жуковской // URL: <http://www.voskres.ru/bratstvo/krutova.htm>
16. Крутова М.С. Л.П. Жуковская как основатель лингвотекстологии // «Румянцевские Чтения»: Материалы научно-практической конференции по итогам научно-исследовательской работы Российской государственной библиотеки (25–27 апреля 1995 г.). М., 1996. Ч. 2. С. 12–15.
17. Крутова М.С. Лидия Петровна Жуковская — исследователь древнерусских письменных источников // *Universum Humanitarium*. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. 2015. № 1. С. 58–67.
Krutova M.S. LIDIA ZHUKOVSKAYA A SARESEARCHER OF OLD-RUSSIAN WRITTEN SOURCES // *Universum Humanitarium* (En). 2015. № 1. С. 54–63.
18. Крутова М.С. Лидия Петровна Жуковская как исследователь древнерусских письменных источников // Письменная культура: источниковедческие аспекты истории книги. Сборник статей. Серия «Книга. Библиотека. Культура» Российская государственная библиотека, Сектор истории книги, библиотечного дела и библиографии. М., 1998. С. 21–28.
19. Крутова М.С. Научная конференция, посвященная 85-летию со дня рождения Л.П. Жуковской // Книга. Исследования и материалы. 2006. № 85. С. 558–563.
20. Лёвочкин И.В. Л.П. Жуковская как историк русской рукописной книги // «Румянцевские Чтения»: Материалы научно-практической конференции по итогам научно-исследовательской работы Российской государственной библиотеки (25–27 апреля 1995 г.). М., 1996. Ч. 2. С. 10–12.
21. Лёвочкин И.В. Лидия Петровна Жуковская // Археографический Ежегодник за 1994 г. 1996. С. 370–371, 308–309.

22. Лёвочкин И.В. Славяно-русская палеография в трудах Л.П. Жуковской // Записки Отдела рукописей. М., 2012. Вып. 54. С. 51–54.
23. Лисовой Н.Н. Две книги — два мировоззрения // Домострой. 1993. № 1. С. 12.
24. Миронова Т.Л. Судьбы славянского Евангелия в научном творчестве Л.П. Жуковской // Румянцевские чтения: Материалы научно-практической конференции по итогам научно-исследовательской работы РГБ: сборник. Ч. 2. М., 1996. С. 36–39.
25. Новая жизнь древней книги: Беседа Г. Кустова с Л.П. Жуковской // Библиотекарь. 1990. № 11. С. 71.
26. Панин Л.Г. Лидия Петровна Жуковская // Филологъ. 2000. № 1. С. 11–14.
27. Панин Л.Г. Лидия Петровна Жуковская // Филология и человек. 2010. № 2. С. 192–197.
28. Панин Л.Г. Л.П. Жуковская — выдающийся ученый-палеославист XX века // URL: <http://oornm.ru/wp-content/uploads/2017/06/bs-npds-07-07.pdf>
29. Творогов О.В. Жуковская Лидия Петровна // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 томах / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский дом); Ред. кол.: Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, С.А. Семячко, О.В. Творогов (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2: Г–И. 334 с.
30. Турилов А.А. Жуковская Лидия Петровна // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. Т. XIX. С. 377–379. 752 с.
31. Тысячелетие русской книжности: [Запись беседы с Л.П. Жуковской] // Книжное обозрение. 1988. № 24. С. 4, 14.
32. Черных В.А., Шеламанова Н.Б. К юбилею Л.П. Жуковской // Археографический ежегодник за 1990 г. М., 1992. С. 172.
33. Жуковска Лидия Петровна // Чуждестранна българисти капрез XX в.: Энцикл. справ. София, 2008. С. 196–197.
34. Мошиньски Л. Л.П. Жуковская // *Palaeobulgarica*. 1995. № 4. С. 122–123.

ОСНОВНЫЕ РЕЦЕНЗИИ НА ТРУДЫ Л.П. ЖУКОВСКОЙ

1. Булаховский Л.А. Рец.: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. / Отв. ред. В.И. Борковский. М.: Изд-во АН СССР, 1955 // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1956. Т. 15. Вып. 1.
2. Курашкевич В.П. (Познань) Рец.: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. Отв. ред. В.И. Борковский. М.: Изд-во АН СССР, 1955 // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 123–125.
3. ШтиберЗд. [Рец.]: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Изд. Института языкознания АН СССР. М., 1957. Перевод с польского Л.Е. Бокаревой // Вопросы языкознания. 1959. № 1. С. 113–117.

4. Обнорский С.П. [Рец.]: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Изд. Института языкознания АН СССР. М., 1957 // Вопросы языкознания. 1959. № 1. С. 117–118.
5. Гумецкая Л.Л. Рец.: Труды Института языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. VIII. 517 с. // Вопросы языкознания. 1959. № 1. С. 118–123.
6. Utěšený Sl. // Slavia. 1964. 33. P. 630–633.
7. Розов Н.Н. Рец.: Жуковская Л.П. История развития славяно-русской палеографии. М.: Изд-во АН СССР, 1963 // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1965. Т. 24. Вып. 6. С. 552–553.
8. Vlahova E., Nogálek K. // Slavia. 1968. 37. P. 379–382.
9. Буюклиев Иван. Новое советское исследование, посвященное текстологии древнейших славянских письменных памятников: Л.П. Жуковская. Текстология и язык древнейших славянских памятников // Старобългаристика / Paleobulgarica. 1977. № 3. С. 103–106.
10. Мещерский Н.А. [Рец.]: Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36. № 6. С. 551–554.
11. Верещагин Е.М., Толстой Н.И. [Рец.]: Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников // Вопросы языкознания. 1978. № 6. С. 130–135.
12. Nedejković O. [Рец.]: Л.П. Жуковская. Текстология и язык древнейших славянских памятников. // Slovo, 29. Zagreb, 1979. S. 145–150.
13. Гранстрем Е.Э., Ковтун Л.С. [Рец.]: Л.П. Жуковская. Текстология и язык древнейших славянских памятников // Палестинский сборник. 1981. Т. 27 (90). С. 150–152.

Приложение 2.

РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРИ АН СССР

Ходатайство в Высшую аттестационную комиссию о присвоении Жуковской Лидии Петровне ученого звания профессора [до 1987 г.]¹³³

Л. 1

В ВЫСШУЮ АТТЕСТАЦИОННУЮ КОМИССИЮ
при Министерстве высшего образования СССР

Российское Палестинское Общество при Академии наук СССР поддерживает ходатайство Института русского языка АН СССР о присвоении ученого звания ПРОФЕССОР доктору филологических наук старшему научному сотруднику Института русского языка АН СССР ЖУКОВСКОЙ Лидии Петровне.

Л.П. Жуковская — одна из старейших членов Палестинского общества, на общественных началах руководит в нем Секцией литературных связей Востока и Запада, является Председателем ревизионной комиссии общества и членом редакционной коллегии «Палестинского сборника». За активную работу в Российском Палестинском обществе при АН СССР в 1975 г. Л.П. Жуковская награждена Почетной грамотой в связи с 250-летием АН СССР.

Л.П. Жуковская опубликовала 3 книги и около ста научных работ, из которых отдельные статьи объемом 8–13 авт.лл. Л.П. Жуковская — руководитель составленного огромным коллективом археографов, работающих в разных учреждениях СССР, «Сводного каталога славяно-русских рукописей XI–XIV вв.». Она — вице-председатель Международной комиссии по составлению Средневекового общеславянского словаря.

Общесоюзные и международные научные связи Л.П. Жуковской и особенно ее научные работы по разным вопросам древней славянской письменной культуры помогают ей привлекать к работе в Секции литературных связей выдающихся ученых СССР и зарубежных стран. В результате этого названная Секция является наиболее активно работающей в РПО. Присвоение Л.П. Жуковской звания профессора укрепит авторитет возглавляемой ею секции и будет способствовать повышению научного престижа РПО в СССР и за рубежом.

Приложение 3.

Н.Н. Лисовой

ДВЕ КНИГИ — ДВА МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Сличение рукописей, проведенное Л.П. Жуковской, показывает, насколько различны по составу и порядку чтений Евангелистарики Западной и Восточной Церкви. Казалось бы, одна книга — Евангелие, и равный ей почет, и одно функциональное назначение за Богослужением, а получается — две разные книги, два разных по духу, по взгляду, по перспективе типа церковного устава и самого Богослужения.

Главное, что бросилось в глаза Лидии Петровне, лучшему нашему специалисту по славянским Евангелиям, это различное начало церковного богослужебного года. У православных — с Пасхи, у католиков — с Рождества Христова (включая четыре предпразднственных воскресений перед Рождеством). Историко-этнографически можно усмотреть здесь глубинную связь с двумя принципами отсчета астрономического года — от весеннего равноденствия (исчисление христианской пасхалии исторически ориентировано на него) или от зимнего солнцеворота (с ним совмещено Церковью празднование Рождества Христова).

Но за конкуренцией космических точек отсчета, объективно самих по себе как будто безразличных, вскрывается бездна различия в самом философском сознании, в миро- и Богоощущении латинского Запада и православного Востока.

Церковь католическая как бы начинает (и богослужебный цикл, и философскую инвентаризацию мира) исторически — с пришествия Бога в мир, Его воплощения, сопровождающегося фиксируемыми, «плотными» событиями: звезда в небе, перепись населения, избиение младенцев...

Церковь православная начинает мистически: с воскресения Первенца из мертвых, обожения и прославления человечества в Нем, сопровождавшегося не фиксируемыми, не осязаемыми внешне событиями: Сошествием во ад, Вознесением Господним, Сошествием Духа на апостолов...

Две точки отсчета — два способа зрения. Видение в духе истории — земными, «римскими» глазами. И видение в духе Метаистории — небесными, «Христовыми» глазами.

Счет — времени. И созерцание — Вечности.

Первому, латинскому, взгляду, отвечает и чувственный, осязаемо-телесный способ эстетического Богомыслия — в скульптуре, натуралистической фреске и иконе, переходящей в светскую живопись. Второму, восточному, взгляду соответствует византийская и русская икона, с ликом вместо психологического портрета, с обратной — внутренней — перспективой...

Здесь, у восточных, как бы проступает, бежит уже по циферблату стрелка Второго Пришествия (отсюда и исихазм, и Серафим Саровский, и Фаворский свет). Там, у католиков, все еще «перепись населения» Пришествия Первого...

Не будем пытаться судить, какой из церковных уставов стройней и «правильней», какой глубже укоренен в древней церковной традиции, чей Евангелистарий осмысленней и Богослужение возвышенней. Ограничимся констатацией: они совсем разные. С точки же зрения богословского обоснования... Возьмем лишь один пример.

Знаменитый философский Пролог Евангелия от Иоанна (гл.1, ст.1–17) в Православной Церкви читается на Пасху, в католической — на Рождество Христово. Он читается, впрочем, у католиков также и во все воскресные дни — но только именно не на Пасху. То есть, получается, что и в другие воскресенья вспоминается не Воскресение, а Рождество, а значит, и нет «воскресения» в нашем православном смысле, а есть — литургически — как бы маленькие «рождества».

Когда же «уместнее» читать этот текст за богослужением? Формально, на Рождество: «И Слово стало плотью, и жило с нами».

Но, как показывает православное богословие, речь в Пасхальном Прологе идет о творении Нового Неба и Новой Земли, об обожении человека («Дал им власть чадами Божиими быть»). Именно Пасха, являвшаяся во многих общинах первоначально всегда Кириопасхой (Пасхой — Благовещением), соответствует смыслу такого евангельского чтения. Тем более, что, по верованию древних, в этот день создал Господь мир, и в этот день откроется Второе Славное Пришествие Его...

Этого чаем, этим движемся и существуем.

Опубликовано:

«Домострой», 1993. № 1. С. 12.

Приложение 4.

В фонде Л.П. Жуковской имеется небольшой комплекс документов, характеризующих ее деятельное участие в работе Российского Палестинского общества (в настоящее время — Императорское Православное Палестинское Общество), начиная с 1966 г. Это 36 единиц хранения. Вниманию читателей представляются четыре документа, связанных с работой Секции литературных связей Востока и Запада, со 100-летним юбилеем Палестинского Общества и представляющих краткую оценку деятельности ученого.

РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО при АН СССР¹³⁴.

ПРОТОКОЛ

заседания секции Литературных связей Востока и Запада
Российского Палестинского общества при Академии наук СССР

24 мая 1974

(Волхонка, 14)

Повестка дня: (прилагается)

Присутствовали: Л.П. Жуковская (руководитель секции), Е.М. Верещагин, В.И. Иваненко, Т.Г. Колесова, И.Н. Лебедева, В.Н. Малов, Н.Б. Тихомиров, А.Д. Червяков, Б.Л. Фонкич.

Слушали I. Сообщение Л.П. Жуковской о решении общего собрания РПО от 15 января 1974 г. создать при РПО Секцию литературных связей Востока и Запада (руководитель — д.ф.н. Л.П. Жуковская), наряду с тремя другими: Новой и новейшей истории и международных отношений (рук. — д.эк.н. И.И. Беляев), Древней истории и археологии (рук. — д.и.н. И.М. Дьяконов), Средневековой истории арабских стран (рук. — к.ист.н. А.Б. Халидов).

Постановили I: С удовлетворением принять к сведению и обсудить в конце заседания научные и научно-организационные вопросы, связанные с этим решением.

Слушали II: Доклад к.и.н. И.Н. Лебедевой (БАН АН СССР) «Греческий перевод арабской хроники Евтихия, патриарха Александрийского».

Выступили: Н.Б. Тихомиров, Б.Л. Фонкич, Е.М. Верещагин, Л.П. Жуковская.

Постановили:

1) Рекомендовать редколлегии «Палестинского сборника» опубликовать доклад И.Н. Лебедевой в форме статьи.

2) Просить И.Н. Лебедеву (византиниста) и М.А. Родионова (арабиста) подготовить к изданию «Арабскую хронику Евтихия», поскольку она является одним

из основных источников по истории Палестины, Византии и Арабского халифата VII–X вв., а греческий перевод ее имеет историческую и филологическую ценность, восстанавливая не сохранившийся арабский текст.

3) Просить редколлегию «Палестинского сборника» в перспективный план изданий включить издание названной хроники.

Л. 2

Слушали III: Доклад к.и.н. Малова В.Н. «Документы по истории франко-турецких отношений в XVI в. по материалам коллекции Лямуньона (ЦГАДА)».

Выступили: И.Н. Лебедева, Н.Б. Тихомиров.

Постановили: Просить В.Н. Малова и А.Д. Люблинскую (д.и.н., ЛОИН АН СССР) обсудить с гл. редактором «Палестинского сборника» Б.Б. Пиотровским вопрос о возможности публикации в «Палестинском сборнике» «Каталога турецко-французских документов XVI в.» и самих документов из коллекции Лямуньона.

Слушали IV: Доклад д.филол.н. Е.М. Верещагина «Лексические параллели в греческой и славянской псалтыри». (Статья будет опубликована в журнале «Советское славяноведение», 1974, № 6).

Выступили: И.Н. Лебедева, Н.Б. Тихомиров, Б.Л. Фонкич, Л.П. Жуковская.

Постановили: Просить Е.М. Верещагина и впредь знакомить членов секции с ходом своих исследований по кирилло-мефодиевистике, которая соответствует проблематике, разрабатываемой в РПО.

Слушали V (Разное): Обмен мнениями о характере будущей работы в секции литературных связей Востока и Запада РПО.

Выступили: И.Н. Лебедева, Н.Б. Тихомиров, Б.Л. Фонкич, В.Н. Малов, Л.П. Жуковская.

Постановили:

1) Считать основной тематикой, разрабатываемой в секции литературных связей Востока и Запада РПО, изучение общности древних литератур, языков и культурных связей стран Восточно-Средиземноморского культурно-исторического ареала.

2) Заседания секции проводить 2 раза в год в Москве и 2 раза в год в Ленинграде. Практиковать сложившуюся в прошлые годы традицию РПО: заслушивать лучшие доклады ленинградских докладчиков в Москве и московских в Ленинграде. Просить к.и.н. И.Н. Лебедеву организовать работу членов РПО, живущих в Ленинграде и желающих принимать участие в работе секции литературных связей Востока и Запада.

3) Руководствуясь §§ 2а, 2д и 2в Устава РПО при АН СССР, просить Совет РПО включить в план своей работы следующее:

а) Принять меры к выпуску «Палестинского сборника» в том объеме, в каком он выходил в 1960-е гг. под ред. чл.-кор. АН СССР Н.В. Пигулевской: два номера в год, объемом 15–17 лл. каждый: один номер (нечетный — сборник статей, другой (четный) — монография.

Л. 3

б) Предоставлять в «Палестинский сборник» ¼ листажа для публикации докладов, сообщений и монографий, прочитанных или обсужденных на секции литературных связей Востока и Запада, или по тематике, относящейся к ее ведению.

в) Для активизации работы редколлегии в Москве выделить из числа членов РПО зам. Редактора или ответственного секретаря, работающего в Москве.

г) просить Президиум АН СССР и издательство «Наука» о публикации научно-популярных брошюр по проблематике, разрабатываемой в РПО.

д) Согласно §§ 1в и 2е Устава РПО при АН СССР, организовывать через ОВС АН СССР заграничные научные и научно-туристические командировки членов РПО в страны, которые являются объектом для изучения членов РПО по проблематике РПО.

Председатель

(Л.П. Жуковская)

Секретарь

(Т.Г. Колесова)

Приложение 5.

Жуковская Л.П.
Изложение выступления на общем собрании РПО,
посвященном 100-летию юбилею РПО
(24 и 25 мая 1982 г., Ленинград — Москва)¹³⁵

Л. 1

РПО было организовано 21 мая (3 июня) 1882 г. Его столетие мы празднуем 24 мая в день памяти Кирилла и Мефодия — основателей славянской письменности. Этот день отмечается как всенародный праздник в Болгарии и в получившей письменность на базе русской (в прошлом — кирилловской) письменности Монголии. В связи с этим обратим внимание на ту сторону деятельности РПО, которая связана с приближающимся 1000-летием древнерусской письменности, ибо 1000 лет назад Древняя Русь была такой же младописьменной страной, как 50–65 лет назад Монголия и 50 народов нашей страны, получивших письменность только после Великой Октябрьской социалистической революции. Получение своей письменности первоначально через богослужебные книги обозначало необычайный взрыв культуры древнерусского народа — единого предка трех ныне существующих восточнославянских наций — русской, украинской и белорусской. Этот взрыв выразился не только в приобщении Древней Руси к кругу передовых Европейских стран и, прежде всего, Византии, а в сравнительно легком получении всех письменных богатств, которыми обладали населявшие их народы, но и в возможности выразить на письме даже бытовые и личные потребности, как это представлено уже в новгородских берестяных грамотах XI–XV вв.

Только РПО, имеющее давнюю традицию объединения ученых, работающих в самых разных областях науки, может взять на себя изучение византийского культурного круга, в который вошла Древняя Русь тысячу лет назад, во всем его разнообразии. Славистика и русистика в этом плане естественно связаны с проблематикой РПО, как и изучение разных проявлений культуры других /Л. 2/ народов восточно-средиземноморского культурного ареала.

К приближающемуся юбилею 1988 г. нужно готовиться заблаговременно и его никак нельзя сводить только к юбилею древнерусской литературы (как он был назван в «Литературной газете») или к юбилею Православной Церкви (как он называется, например, в бумагах, адресованных Патриархией в отдел древних рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина). Ведь после 988 г. наступил буквально взрыв в сфере развития литературы, искусства, архитектуры: народ приобщается к миру ближневосточной и европейской литературы, миру их образов и сюжетов; великолепное мастерство прикладного искусства древнего Киева и Новгорода начинает применяться к украшению пергаменных книг; впервые создаются великокняжеские и монастырские библиотеки; строятся великолепные здания общественного назначения, ныне охраняемые как великолепные памятники мировой архитектуры. Трудно перечислить направления науки, техники, архитектуры, искусства, которые зародились или пережили невиданный скачок вперед на рубеже тысячелетий. Проблематика научных исследований очень многих членов РПО тесно связана со всеми этими явлениями нашей истории. Из частных проблем отмечу необходимость изучения сухопутного пути древнерусов в Палестину через Кавказ, Малую Азию и Сирию, которую в прежнем РПО исследовал А.В. Елисеев, но которую, на наш взгляд, можно весьма продуктивно разрабатывать на находящихся у нас в стране древних памятниках письменности, анализируя их текстологически и кодикологически.

Хочется надеяться, что РПО, вступая во второе столетие своего существования будет активно разрешать стоящие перед ним научные современные и историко-культурные проблемы.

Приложение 6.

РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРИ АН СССР¹³⁶

ПЛАН РАБОТЫ

Секции литературных связей Востока и Запада РПО

На 1984–1985 и последующие годы, вплоть до 1988 г., работа Секции литературных связей Востока и Запада РПО будет подчинена 1000-летнему юбилею древнерусской письменности, связанной с принятием христианства Древней Русью в 988 г. от самой передовой страны того времени — Византии.

Согласно предварительной договоренности с руководством РПО этой теме будет посвящен отдельный том «Палестинского сборника» с датой выхода в 1987 г. с тем, чтобы его статьи могли послужить источниками для выступлений и научных докладов на юбилейных заседаниях, которые будут проводиться в юбилейном году. Сборник должен быть сдан в печать на рубеже 1985/1986 г., чтобы быть в плане редподготовки на 1986 г. и в плане выпуска в свет на 1987 г.

В целях подготовки сборника на конец 1984 г. планируется провести два заседания (соответственно в 3 и 4-м кварталах) со следующими четырьмя докладами:

- 1) доктор филол. наук Е.М. Верещагин «Гимнография Византии и Древней Руси»;
- 2) канд. филол. наук А.М. Камчатнов «Философская терминология и понятия на Руси в XI в.»;
- 3) канд. филол. наук Г.С. Баранкова «Естественно-научная литература в Древней Руси»;
- 4) канд. филос. наук Н.Н. Лисовой «Довладимирский Киев и Византия».

3 июля 1984.

(Л.П. Жуковская)

Продолжение публикации материалов в следующем выпуске ППС.

- ¹ Словарь русского языка. / АН СССР, Институт русского языка. Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1988. Т. IV. С. 173.
- ² Словарь синонимов русского языка. Т. 2: О-Я / ИЛИ РАН. Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 2003. С. 453.
- ³ Жуковская Л.П. Характеристика. 1956 г. // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 13. Л. 6.
- ⁴ Жуковская Л.П. [Характеристика] // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 13. Л. 14.
- ⁵ Характеристика Жуковской Лидии Петровны [не ранее 1986 г.] // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 13. Л. 17–18.
- ⁶ Материалы о присуждении Л.П. Жуковской Государственной премии РСФСР за 1989 год // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 2. Ед.хр. 7. Л. 4.
- ⁷ Биографические данные и данные о родителях изложены Л.П. Жуковской в целом ряде документов: Жуковская Л.П. Характеристики [1950-е — 1980-е гг.] // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 13. Л. 33–34; Жуковская Л.П. Личный листок по учету кадров. 1959 г. // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 20. Л. 1; Жуковская Л.П. Справка о работе преподавателем русского языка и литературы в 22 средней школе г. Свердловска. 1941 г. // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 1. Л. 1; Жуковская Л.П. Справка о работе в артели имени 23-й годовщины Октября мастером модного дамского платья. 1942 г. // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 2. Л. 1; Жуковская Л.П. Справка о работе в детском саду № 24 Уралмашзавода воспита-

- телем. 1943 г. // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 3. Л. 1; Жуковская Л.П. Справка, выданная Московским городским педагогическим институтом, об обучении в аспирантуре этого вуза. 1950 г. // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 7. Л. 1; Жуковская Л.П. Справка о работе ассистентом кафедры русского языка Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина. 1950 г. // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 8. Л. 1; Жуковская Л.П. Свидетельство о браке. Нотариально заверенная копия. 1956, июня 9 // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 15; Жуковская Л.П. Список преподавателей Московского городского педагогического института в 1937–1941 гг. [1980–1990] // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 35. Л. 1.
- 8 Кузнецова Адольфина Михайловна (1932–1975). Приемная дочь пошла по стопам Л.П. Жуковской, защитила диссертацию по синтаксису русского и польского языков, стала известным фонетистом, но скончалась в 1975 г. Труды А.М. Кузнецовой: Несколько замечаний по поводу ассимиляции согласных *t, d* в славянских языках. 1971; Типология палатального ряда в русских говорах; Изменения гласных под влиянием соседних мягких согласных. М.: «Наука», 1965; Типология палатального ряда в русских говорах. 1977. О ней содержится материал в книге: Незабываемые голоса России / Российская акад. наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова; [сост.: О.В. Антонова и др.]; под ред. О.В. Антоновой, Д.М. Савинова. — М.: Яз.славянских культур, 2009. С. 115, 231.
- 9 Жуковская Л.П. Справка о работе в артели имени 23-й годовщины Октября мастером модного дамского платья. 1942 г. // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 2. Л. 1.
- 10 Жуковская Л.П. Справка о работе ассистентом кафедры русского языка Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина. 1950 г. // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 8. Л. 1.
- 11 Жуковская Л.П. [Характеристика] // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 13. Л. 27.
- 12 Жуковская Л.П. Справка о работе ассистентом кафедры русского языка Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина. 1950 г. // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 8. Л. 1. Студенты Московского пединститута им. Потемкина обследовали 265 населенных пунктов; Московский университет собрал материал из 154 пунктов; 137 пунктов целиком обработали сотрудники Института языкознания АН СССР. Данные приводятся по: ШтиберЗд. Рецензия: Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Изд. Института языкознания АН СССР. М., 1957. (Перевод с польского Л.Е. Бокаревой) // Вопросы языкознания. 1959. № 1. С. 114.
- 13 [Иваненко В.И.] Характеристика научной деятельности Жуковской Лидии Петровны в Российском Палестинском Обществе при АН СССР [не ранее 1983 г.] // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 7. Ед.хр. 23. Л. 3.
- 14 Жуковская Л.П. Новая жизнь древней книги. (Беседа для журнала «Библиотекарь»). Беседовал Г. Кустов // Библиотекарь, 1990, № 11. С. 70–71.

- 15 Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. / Сост. Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов и Д.Н. Ушаков. М.: Синод. типография, 1915.
- 16 Диалектологический атлас был задуман как издание в 13 томах, материалы которых охватывали бы все районы Европейской России. Работа не была завершена. Издан был только один том, второй, полностью готовый к изданию том, хранится в архиве.
- 17 ШтиберЗд. Указ. соч. С. 114.
- 18 Характеристика творческого вклада главного научного сотрудника отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка Института русского языка АН СССР, доктора филологических наук Жуковской Лидии Петровны в разработку общей проблемы «Исследование памятников древнерусской письменности, разработка принципов и практика их научной публикации» // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 2. Ед.хр. 7. Л. 18.
- 19 Жуковская Л.П. Отчет о научной работе (в связи с представлением к званию старшего научного сотрудника). // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 3. Ед.хр. 7. Л. 3.
- 20 ШтиберЗд. Указ. соч. С. 114.
- 21 Жуковская Л.П. Отчет о научной работе (в связи с представлением к званию старшего научного сотрудника). 1958 г. // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 3. Ед.хр. 7. Л. 8–9.
- 22 Подробнее об этом см.: [Характеристика на присвоение ученого звания старшего научного сотрудника] 1956 г. // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 13. Л. 4–5.
- 23 Характеристика творческого вклада главного научного сотрудника отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка Института русского языка АН СССР, доктора филологических наук Жуковской Лидии Петровны в разработку общей проблемы «Исследование памятников древнерусской письменности, разработка принципов и практика их научной публикации» // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 2. Ед.хр. 7. Л. 18.
- 24 Жуковская Л.П., Аванесов Р.И. Лексические диалектные различия и их картографирование // Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962. С. 147–174.
- 25 Опубликовано. См.: Жуковская Л.П. Изучение лексики русских диалектов и вопросы этнографии // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1958. Т. 29. С. 23–29.
- 26 Обнорский С.Н. [Рец.] Атлас русских говоров центральных областей к востоку от Москвы. Т. 1: Карты. Т. 2: Вступительные статьи, справочные материалы и комментарии к картам. М., 1957 // Вопросы языкознания. 1959. № 1. С. 117.
- 27 Дерягин В.Я., Лёвочкин И.В. Лидия Петровна Жуковская. (К 70-летию со дня рождения) // Записки Отдела рукописей. М., 1990. Вып. 49. С. 250–251.
- 28 Жуковская Л.П. [Характеристика на присвоение ученого звания старшего научного сотрудника] 1956 г. // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 13. Л. 5.
- 29 См.: [Предисловие к списку работ Л.П. Жуковской] // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 13. Л. 34.
- 30 Жуковская Л.П. Новые данные об оригиналах русской рукописи 1092 г. // Источниковедение и история русского языка. М., 1964. С. 84–118. По этому поводу Е.М. Верещагин и Н.И. Толстой в рецензии на монографию Л.П. Жуковской писали: «Л.П. Жу-

ковская текстологически доказала, что часть рукописи Архангельского евангелия 1092 г., написанная вторым писцом (лл. 77–177), копировалась не с краткого апракоса, а с полного (с протографа мстиславовского подтипа). Поскольку полный апракос мстиславовского подтипа манифестирует древнерусскую редакцию славянского евангельского текста, русизм во втором почерке не следует удивляться. Если М.А. Соколова полагала, что второй писец отразил в рукописи особенности своей индивидуальной речи, то Л.П. Жуковская доказала, что, имея перед собой другие источники, второй писец копировал языковые черты, свойственные полным апракосам, — первый писец отражал старославянскую, а второй — древнерусскую редакцию. Примечательно, что М.А. Соколова, выступившая на докторском диспуте Л.П. Жуковской в качестве официального оппонента, согласилась с выводами соискательницы и приняла новую интерпретацию». См.: Верещагин Е.М., Толстой Н.И. [Рец.]: Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М.: «Наука», 1976. 368 с. // Вопросы языкознания. 1978. № 6. С. 132.

- 31 Жуковская Л.П. Из истории языка Северо-Восточной Руси середины XIV в.: (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.) // Труды Института языкознания АН СССР. 1957. Т. 8. С. 5–106.
- 32 Жуковская Л.П. [Характеристика на присвоение ученого звания старшего научного сотрудника] 1956 г. // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 13. Л. 5.
- 33 Гумецкая Л.Л. Рец.: Труды Института языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. VIII. 517 с. // Вопросы языкознания. 1959. № 1. С. 118–119.
- 34 Алексеев А.А. Великая душа. Лидии Петровне Жуковской — 85! (5 апреля 1920 — 7 января 1994) // Slovo. Zagreb, 1994–1996. № 44–46. С. 205–210. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=11513> (обращение 17 мая 2019 г.)
- 35 Жуковская Л.П. Новая жизнь древней книги... С. 70.
- 36 Аванесов Р.И., Борковский В.И. Введение // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. Отв. ред. В.И. Борковский. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 6.
- 37 См.: Арциховский А.В. Археологические открытия в Новгороде // Вестник АН СССР. 1951. № 12. С. 60–69; Арциховский А.В. Новые открытия в Новгороде // Вопросы истории. 1951. № 12. С. 77–87; Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; Щепкина М.В. [Рец.] А.В. Арциховский и М.Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). Ред. Б.Д. Греков. М., 1953. // Вопросы истории. 1954. № 4. С. 160; Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954.
- 38 Жуковская Л.П. Новая жизнь древней книги... С. 70.
- 39 Характеристика творческого вклада главного научного сотрудника отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка Института русского языка АН СССР, доктора филологических наук Жуковской Лидии Петровны в разработку общей проблемы «Исследование памятников древнерусской письменности, разработка принципов и практика их научной публикации» // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 2. Ед.хр. 7. Л. 16.

- 40 [Иваненко В.И.]. Характеристика научной деятельности Жуковской Лидии Петровны в Российском Палестинском Обществе... Л. 4.
- 41 Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. Отв. ред. В.И. Борковский. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- 42 Жуковская Л.П. Новгородские берестяные грамоты. М.: «Учпедгиз», 1959.
- 43 [Иваненко В.И.]. Характеристика научной деятельности Жуковской Лидии Петровны в Российском Палестинском Обществе... Л. 4.
- 44 Жуковская Л.П. Новая жизнь древней книги... С. 70–71.
- 45 Мецкерский Н.А. [Рец.] Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. Отв. ред. В.И. Борковский. М.: Изд-во АН СССР, 1955 // Ученые записки Карельского пединститута. Петрозаводск, 1961. Т. XII. С. 88.
- 46 Миролюбов Юрий Петрович (1892–1970) — русский писатель-эмигрант, опубликовавший Велесову книгу; считается ее вероятным автором-фальсификатором. Публикация «Влесовой книги» была осуществлена в 1953–1957 гг. Ю.П. Миролюбовым совместно с Ал. Куром.
- 47 Жуковская Л.П. Поддельная докириллическая рукопись (К вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 142–144.
- 48 Фотостат (*от Фото... и греч. statós — стоящий, неподвижный*) установка для копирования фотографий, способом плоских оригиналов — чертежей, рисунков, документов и т.п. Он позволяет получать увеличенные, уменьшенные или равного с оригиналом размера копии на рулонной фотобумаге. Фотостатом называют также снимок, полученный с помощью такого аппарата.
- 49 Кузьмин А.Г. Арийские руны на Влесовых струнах (кому и зачем нужны исторические фальшивки?) // Кузьмин А.Г. Мародеры на дорогах истории. М.: «Русская панорама», 2005. С. 153.
- 50 См.: Сперанский М.Н. Русские подделки рукописей в начале XIX века. (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. V. (Примечание Л.П. Жуковской).
- 51 Жуковская Л.П. Поддельная докириллическая рукопись (К вопросу о методе определения подделок) // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 142–144.
- 52 Жуковская Л.П. «Влесова книга»: что же она такое? // Книжное обозрение, 1988. № 2 (8 января). С. 3.
- 53 См.: Буганов В.И., Жуковская Л.П., Рыбаков Б.А. Мнимая «Древнейшая летопись» // Вопросы истории. 1977. № 6. С. 202–205; Жуковская Л.П., Филин П.Н. «Влесова книга»... Почему не Влесова?: Об одной подделке // Русская речь. 1980. № 4. С. 111–118.
- 54 Кузьмин А.Г. Арийские руны на Влесовых струнах... С. 153.
- 55 Там же. С. 154.
- 56 Розов Н.Н. Рец.: Жуковская Л.П. История развития славяно-русской палеографии. М.: Изд-во АН СССР, 1963 // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1965. Т. 24. Вып. 6. С. 552.
- 57 Жуковская Л.П. Развитие славяно-русской палеографии: (В дореволюционной России и в СССР) / АН СССР. Институт рус.яз. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963.

- ⁵⁸ Жуковская Л.П. Задачи дальнейшего лингвистического изучения Остромирова евангелия // Труды Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. 1958. Т. V (8). С. 33–45; Жуковская Л.П. Значение и перспективы изучения Остромирова евангелия: (В связи с 900-летием памятника) // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961. С. 14–44.
- ⁵⁹ См.: Жуковская Л.П. Отчет о научной работе (в связи с представлением к званию старшего научного сотрудника). 1958 г. // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 3. Ед.хр. 7. Л. 7.
- ⁶⁰ См.: Жуковская Л.П. К вопросу о переводах евангелия на славянский язык и о «древнерусской редакции» славянского евангелия // Славянское языкознание. М., 1959. С. 86–97.
- ⁶¹ Например, см.: Жуковская Л.П. Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием // Вопросы славянского языкознания. М., 1963. Вып. 7. С. 73–81; Жуковская Л.П. Памятники письменности традиционного содержания как лингвистический источник // Исследования по лингвистическому источниковедению М., 1963. С. 20–35.
- ⁶² О тематике докладов и сообщений в связи с указанными юбилеями см.: [Характеристика Л.П. Жуковской] // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 13. Л. 14–15.
- ⁶³ Е.М. Верещагин и Н.И. Толстой представили лингвотекстологический метод, предложенный Л.П. Жуковской: «По вполне оправдавшемуся предположению Л.П. Жуковской, каждый тип Евангелия на славянской почве имеет собственную историю сложения и бытования и поэтому характеризуется собственными языковыми (в частности, лексическими) особенностями, так что если некоторую рукопись удастся идентифицировать, включить в «периодическую систему элементов», то заранее, еще до детального знакомства с ее языком, можно судить о вероятном месте, а иногда и времени происхождения списка и об ожидаемых языковых особенностях его текста. Так текстология смыкается с лингвистикой и тем самым лингвистическое источниковедение может опереться на прочный текстологический фундамент». См.: Верещагин Е.М., Толстой Н.И. [Рец.]... С. 132.
- ⁶⁴ Жуковская Л.П. Отчет старшего научного сотрудника Л.П. Жуковской. 1964 г. // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 3. Ед.хр. 7. Л. 15.
- ⁶⁵ Там же. Л. 16.
- ⁶⁶ Материалы о присуждении Л.П. Жуковской Государственной премии РСФСР за 1989 год // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 2. Ед.хр. 7. Л. 7.
- ⁶⁷ Жуковская Л.П. Некоторые данные о группировке славянских рукописей полноапракоса XII–XIV вв. // Палестинский сборник. 1967. Вып. 17 (80). С. 177.
- ⁶⁸ Там же. С. 176–184.
- ⁶⁹ Там же. С. 176–177.
- ⁷⁰ Там же. С. 178.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Цит. по: Жуковская Л.П. Некоторые данные о группировке славянских рукописей... С. 179.

- ⁷³ Там же. С. 179.
- ⁷⁴ Там же. С. 180.
- ⁷⁵ Там же. С. 181–183.
- ⁷⁶ Там же. С. 183.
- ⁷⁷ Жуковская Л.П. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология. М., 1968. С. 199–332; Жуковская Л.П. О текстологическом изучении разноязычных манускриптов традиционного содержания (VI–XV вв.) // Конференция по вопросам археографии и изучения древних рукописей: Тезисы докладов. Тбилиси, 1969. С. 15–17.
- ⁷⁸ Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М.: Наука, 1976. 368 с.
- Лингвисты Е.Э. Гранстрем и Л.С. Ковтун в рецензии на книгу особо указали на значение справочного материала, систематизированного в виде каталога и таблиц. Они написали: «Композиция книги Л.П. Жуковской отличается большой стройностью и очень удобна для наведения справок самого различного характера. Ср. и ценное приложение к книге: Список рукописей евангелий X–XIV вв. и некоторых XV в. по книгохранилищам и собраниям (с. 355–366), а также ряд таблиц, позволяющих яснее представить типологические группировки. К ней обратятся многие специалисты при разработке своих тем». См.: Гранстрем Е.Э., Ковтун Л.С. [Рец.]: Л.П. Жуковская. Текстология и язык древнейших славянских памятников // Палестинский сборник. 1981. Т. 27 (90). С. 152.
- ⁷⁹ Алексеев А.А. Великая душа. Лидии Петровне Жуковской — 85! (5 апреля 1920 — 7 января 1994) // Slovo. Zagreb, 1994–1996. № 44–46. С. 205–210. [электронный ресурс] URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=11513> (дата обращения 17 мая 2019 г.)
- ⁸⁰ Характеристика старшего научного сотрудника Института русского языка АН СССР доктора филологических наук Жуковской Лидии Петровны [1970-е гг., до 1975 г.] // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 13. Л. 11.
- ⁸¹ Гранстрем Е.Э., Ковтун Л.С. [Рец.]... С. 150.
- ⁸² Буюклиев Иван. Новое советское исследование, посвященное текстологии древнейших славянских письменных памятников: Л.П. Жуковская. Текстология и язык древнейших славянских памятников // Старобългаристика/Paleobulgarica. 1977. № 3. С. 103–106; Мещерский Н.А. [Рец.]: Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36. № 6. С. 551–554; Верещагин Е.М., Толстой Н.И. [Рец.]: Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников // Вопросы языкознания. 1978. № 6. С. 130–135; Nedejković O. [Рец.]: Л.П. Жуковская. Текстология и язык древнейших славянских памятников. // Slovo, 29. Zagreb, 1979. S. 145–150; Гранстрем Е.Э., Ковтун Л.С. [Рец.]: Л.П. Жуковская. Текстология и язык древнейших славянских памятников // Палестинский сборник. 1981. Т. 27 (90). С. 150–152.
- ⁸³ Верещагин Е.М., Толстой Н.И. [Рец.]... С. 130.
- ⁸⁴ Там же. С. 131.

- 85 Там же.
В примечании к высказанному положению Е.М. Верещагин пишет: «Заслуживает внимания разработанная Л.П. Жуковской система сокращенных обозначений типов Евангелия: одной буквой предлагается обозначать праздничный апракос, двумя — краткий, тремя — полный, четырьмя — тетр и пятью — толковое Евангелие. Благодаря такой остроумной записи сразу ясно, с каким типом книги имеешь дело» (Там же).
- 86 *Верещагин Е.М., Толстой Н.И.* [Рец.]... С. 131.
- 87 В выступлении на защите Л.П. Жуковской докторской диссертации — в феврале 1970 г. в ЛГУ (прим. Е.М. Верещагина и Н.И. Толстого).
- 88 *Верещагин Е.М., Толстой Н.И.* [Рец.]... С. 132.
- 89 Там же. С. 133.
- 90 *Гранстрем Е.Э., Ковтун Л.С.* [Рец.]... С. 150.
- 91 Там же. С. 151.
- 92 Там же. С. 150–151.
- 93 Там же. С. 151.
- 94 *Верещагин Е.М., Толстой Н.И.* [Рец.]... С. 135.
- 95 *Жуковская Л.П.* Реймское Евангелие. История его изучения и текст. М., 1978. 64 с.; *Жуковская Л.П.* Евангелие Анны Ярославны — королевы Франции в текстологическом отношении // Тезисы докладов и сообщений Конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1990 год (23 апреля 1991 г.). М.: Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, 1991. С. 84–87.
- 96 Апракос Мстислава Великого. М.: Наука, 1983. 527 с.
- 97 Исследовательская работа была завершена к юбилею книги в 1992 г. Но потом пришлось несколько лет искать деньги на издание. Издание увидело свет только в 1997 г., спустя три года после смерти Л.П. Жуковской. См.: Архангельское Евангелие 1092 года: Исследование. Древнерусский текст. Словоуказатели. М., 1997.
- 98 Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси. Фототипическое издание Леонтия, митрополита Московского. М., 1882.
- 99 *Жуковская Л.П.* Митрополит Алексей и его перевод Чудовской рукописи Нового Завета 1354 года // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 23–33; *Она же.* Митрополит Алексей и Иван Калита: кто кого крестил? (Из истории энциклопедической науки) // «Образ», 1995. № 2. С. 89–96.
- 100 См.: *Базанов М.А.* К истории дискуссий в советской науке: Обсуждение монографии А. Зимины «Слово о полку Игореве» (4–6 мая 1964) // Вопросы литературы. 2014. № 1. С. 335–349.
Работа «„Слово о полку Игореве“: (Источники. Время написания. Автор)» была написана А.А. Зиминим к концу 1963 г., издана на ротапринте Института истории Академии наук тиражом в 101 экземпляр и состояла из трех сброшюрованных выпусков общим объемом 660 страниц. Труд А.А. Зимина опубликован в 2000-е гг. См.: Зимин А.А. Слово о полку Игореве. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
- 101 Цит. по: *Базанов М.А.* К истории дискуссий в советской науке... С. 345.

- 102 *Жуковская Л.П.* Два замечания о методике изучения «Слова о полку Игореве» // Известия Академии наук. Отделения литературы и языка. 1971. Т. XXX. Вып. 3. С. 255–261; *Жуковская Л.П.* Новая книга о походе Игоря [рец. на кн.: Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники] // Русская речь. 1972. № 4. С. 93–98; *Жуковская Л.П.* О редакциях, издании 1800 г. и датировке списка «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. Сборник. М.: «Наука», 1985. С. 68–125; *Жуковская Л.П.* Язык и письмо авторского и Мусин-Пушкинского списков «Слова о полку Игореве» // Черниговская областная конференция. Чернигов, 1986. С. 123–125; *Жуковская Л.П.* «Влесова книга»: что же она такое? // Книжное обозрение, 1988. № 2 (8 января). С. 3; *Жуковская Л.П.* К датировке Мусин-Пушкинского списка «Слова о полку Игореве»: (По материалам «Сказания о новгородских еретиках» и обличительных на них слов) // Письменная культура: Источниковедческие аспекты истории книги. Сб. статей. М., 1998. С. 17–21.
- 103 *Жуковская Л.П.* Из истории языка Северо-Восточной Руси в середине XIV в. // Труды Института языкознания АН СССР. М., 1957. Т.УШ. С.88–90. (Прим. Л.Ж.)
- 104 *Жуковская Л.П.* К датировке Мусин-Пушкинского списка «Слова о полку Игореве»: (По материалам «Сказания о новгородских еретиках» и обличительных на них слов) // Письменная культура: Источниковедческие аспекты истории книги. Сб. статей. М., 1998. С. 21.
- 105 *Жуковская Л.П.* «Влесова книга»: что же она такое? // Книжное обозрение, 1988. № 2 (8 января). С. 3.
- 106 *Кириллин В.М.* «Пролог» в исследованиях Л.П. Жуковской // Румянцевские чтения: Материалы научно-практической конференции по итогам научно-исследовательской работы РГБ: сборник. Ч. 2. — М., 1996. С. 44.
- 107 *Жуковская Л.П.* О южнославянском влиянии XIV–XV вв. (На материале проложного Жития Евгении) // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 26–59; *Жуковская Л.П.* Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога (избранные византийские, русские и инославянские статьи) // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов Киев, сент. 1983. М., 1983. С. 110–120; *Жуковская Л.П.* Списки Пролога Государственного архива Калининской области и их использование для истории русского языка // Среднерусские говоры: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калинин, 1986. С. 96–116; *Жуковская Л.П.* Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV — 1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 144–176; *Жуковская Л.П.* Двести списков XIV–XVII вв. небольшой статьи как лингвистический исторический источник (Статья Пролога о построении церкви во имя Георгия Ярославом Мудрым) // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность: Сборник научных трудов. Киев, 1987. С. 33–63; *Жуковская Л.П.* Повторяющиеся статьи Пролога как лингвистический источник (На материале статьи Василия Великого «О пьянстве») // История русского языка и лингвистическое источниковедение. М., 1987. С. 98–108.

- Ряд статей Л.П. Жуковской, посвященных исследованию Пролога, были опубликованы после ее смерти. См.: *Жуковская Л.П.* Древнерусский Спасо-Прилуцкий пролог II редакции // Записки Отдела рукописей. М.: «Пашков Дом», 2008. Вып. 53. С. 551–555; *Жуковская Л.П.* Волоковский лес на пути из варяг в греки // Там же. С. 556–561; *Жуковская Л.П.* Ещё о начальной редакции и о весенне-летней половине древнерусского Пролога // Там же. С. 562–566; *Жуковская Л.П.* К текстологии проложных статей об апостоле Андрее // Там же. С. 567–569.
- ¹⁰⁸ *Кириллин В.М.* «Пролог» в исследованиях Л.П. Жуковской... С. 41.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 40.
- ¹¹⁰ Там же. С. 41–42.
- ¹¹¹ [Фрагмент документа на предоставление Государственной премии] // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 13. Л. 28.
- «Последующее преломление этой дискуссии нашло отражение в опубликованном сборнике статей лингвистов «Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому» (М.: «Наука», 1987, 20 авт.л.). Л.П. Жуковская является ответственным редактором этого сборника, его составителем, автором предисловия и двух статей» (там же).
- ¹¹² Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв. М.: Наука, 1984. 405 с.
- ¹¹³ Характеристика Жуковской Лидии Петровны [до 1987 г.] // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 13. Л. 20.
- ¹¹⁴ *Дерягин В.Я., Лёвочкин И.В.* Лидия Петровна Жуковская... С. 252.
- ¹¹⁵ *Жуковская Л.П.* Памятники русской и славянской письменности XI–XIV вв. в книгохранилищах СССР // Советское славяноведение. 1969. № 1. С. 57–71; *Жуковская Л.П.* Замечания о «Предварительном списке» и «Сводном каталоге» славянских древних рукописей // Вопросы языкознания. 1969. № 1. С. 98–107; *Жуковская Л.П.* Пергаменные рукописи Пушкинского дома // Труды отдела древнерусской литературы. 1969. Т. XXIV. С. 375–379; *Жуковская Л.П., Шеламанова Н.Б.* Инструкция по описанию славяно-русских рукописей XI–XV веков для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М.: Институт истории АН СССР, 1973. 20 с.; Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». М.: Изд. Гл. арх. Управления при СМ СССР, 1973. 386 с.; *Жуковская Л.П.* Работа над «Сводным каталогом славяно-русских рукописей» и некоторые вопросы методики их описания // Археографический ежегодник за 1975 год. М.: Наука, 1976. С. 24–27.
- ¹¹⁶ *Жуковская Л.П.* Древние славянские переводы византийских и сирийских памятников в книгохранилищах СССР // Палестинский сборник. М., 1969. Вып. 19 (82). С. 171–176.
- ¹¹⁷ *Панин Л.Г.* Л.П. Жуковская — выдающийся ученый-палеославист XX века // URL: <http://oornm.ru/wp-content/uploads/2017/06/bs-npds-07-07.pdf> (дата обращения 17 мая 2019 г.)
- ¹¹⁸ *Турилов А.А.* Жуковская Лидия Петровна // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. Т. XIX. С. 377–379.

- ¹¹⁹ *Жуковская Л.П.* Графика, орфография и... палеография // Русская речь. 1970. № 4. С. 97–103; *Жуковская Л.П.* Сколько книг было в Древней Руси? // Русская речь. 1971. № 1. С. 73–80; *Жуковская Л.П.* Новая книга о походе Игоря // Русская речь. 1972. № 4. С. 93–98; *Жуковская Л.П.* Что читали на Руси в XI–XII веках: Древнейшие сборники для чтения // Русская речь. 1973. № 4. С. 112–119; *Жуковская Л.П.* Инициалы в древнерусских рукописных книгах // Русская речь. 1974. № 3. С. 39–53; *Жуковская Л.П.* Ученый, исследователь, пропагандист // Русская речь. 1978. № 5. С. 132–134; *Жуковская Л.П.* «Влесова книга». Почему не Велесова? (Об одной подделке) // Русская речь. 1980. № 4. С. 111–118; *Жуковская Л.П.* Письменность в древнейшем Киеве // Русская речь. 1982. № 2. С. 12–19; *Жуковская Л.П.* Слово *титло* — среднего рода // Русская речь. 1984. № 6. С. 65–67; *Жуковская Л.П.* М.В. Ломоносов о русском языке и письме // Русская речь. 1986. № 6. С. 11–27.
- ¹²⁰ Характеристика старшего научного сотрудника Института русского языка АН СССР доктора филологических наук Жуковской Лидии Петровны [1970-е гг., до 1975 г.] // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 1. Ед.хр. 13. Л. 12; ИППО приглашает к участию в научной конференции памяти Л.П. Жуковской. 7 марта 2014 // [электронный ресурс] <https://www.ippo.ru/science/article/ippo-priglasheet-k-uchastiyu-v-nauchnoy-konferenci-100496>; ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 7. Ед.хр. 1–36.
- ¹²¹ [Иваненко В.И.]. Характеристика научной деятельности Жуковской Лидии Петровны в Российском Палестинском Обществе... Л. 1.
- ¹²² В 1974 г. решение общего собрания РПО были созданы секции: литературных связей Востока и Запада, Средневековой истории арабских стран, Древней истории и археологии, Новой и новейшей истории и международных отношений. См.: Протокол заседания Секции литературных связей Востока и Запада. 1974, мая 24 // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 7. Ед.хр. 7. Л. 1.
- ¹²³ [Иваненко В.И.]. Характеристика научной деятельности Жуковской Лидии Петровны в Российском Палестинском Обществе... Л. 5.
- ¹²⁴ См.: Список членов Секции литературных связей Востока и Запада. 1983, ноября 9 // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 7. Ед.хр. 24. 5 л.; Протокол заседания Секции литературных связей Востока и Запада. 1974, мая 24 // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 7. Ед.хр. 7. 7 л.
- ¹²⁵ Награды первым лауреатам. Вырезка из газеты «Советская Россия». 1988. 15 июня. № 141 (9692) // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 2. Ед.хр. 7. Л. 34.
- Документы, связанные с выдвижением Л.П. Жуковской на присуждение Государственной премии публикуются как приложение к статье.
- ¹²⁶ *Алексеев А.А.* Указ.соч.
- ¹²⁷ [Иваненко В.И.] Характеристика научной деятельности Жуковской Лидии Петровны в Российском Палестинском Обществе... Л. 5.
- ¹²⁸ [Иваненко В.И.] Характеристика научной деятельности Жуковской Лидии Петровны в Российском Палестинском Обществе... Л. 6.
- ¹²⁹ Жуковская Лидия Петровна // Ломоносовская энциклопедия [электронный ресурс] <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0127302:article> (обращение 11 мая 2019 г.)

- ¹³⁰ Представление Ученого совета Института русского языка АН СССР [1987] // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 2. Ед.хр. 7. Л. 21.
- ¹³¹ Представление Ученого совета Института русского языка АН СССР [1987] // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 2. Ед.хр. 7. Л. 8.
- ¹³² Там же. Л. 7.
- ¹³³ ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 7. Ед.хр. 36. 2 л.
- ¹³⁴ Протокол заседания Секции литературных связей Востока и Запада. 1974, мая 24 // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 7. Ед.хр. 7. 7 л.
- ¹³⁵ ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 7. Ед.хр. 21. 2 л.
- ¹³⁶ План работы Секции литературных связей Востока и Запада на 1984–1988 гг. 1984, 3 июля // ОР РГБ. Ф. 860 (Жуковская Л.П.). К. 7. Ед.хр. 26. 1 л.

Лидия Петровна Жуковская. Начало

А.М. Камчатнов

В 1990 году праздновался 70-летний юбилей Лидии Петровны Жуковской. Чествование проходило в ресторане гостиницы «Россия» в Зарядье (сейчас этой гостиницы не существует). Произнося заздравный тост, Олег Николаевич Трубачев вспомнил слова, сказанные актером Малого театра Николаем Рыжовым о своей матери — выдающейся актрисе того же театра Варваре Рыжовой: **великая старуха**. Именно такими словами Олег Николаевич выразил свое почтение, прежде всего, к масштабу личности Лидии Петровны, а также к ее большим научным заслугам.

Однако все имеет свое начало. В моей библиотеке есть небольшая книжка, подаренная мне Лидией Петровной. Это учебник Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова «Очерк грамматики русского литературного языка» 1945 года издания с дарственной надписью Рубена Ивановича, которая гласит: «Лидочке Жуковской — диалектологу по призванию от Р. Аванесова». «Лидочке» тогда всего-то было 25 лет, и до «великой старухи» лежал полувековой путь становления, прозрений, борьбы, неустанного труда; путь, на котором Лидия Петровна испытала и радость открытий, и горечь предательства. Об этом пути и разнообразных событиях, с ним связанных, уже было и еще будет сказано многое, мне же хочется остановиться на том периоде, когда она еще была «Лидочкой».

В 1937 г. Лидия Петровна поступила на литературный факультет Московского городского педагогического института им. В.П. Потёмкина. По её собственным рассказам, она все время учения боялась быть разоблаченной в том, что она — дочь «врага народа»: ее отец был идейным последовательным толстовцем, был членом одной из толстовских общин и как таковой был репрессирован и, вероятно, сгинул в лагерях. Стало быть, уже в самом начале самостоятельной жизни Лидия Петровна столкнулась с серьезным противодействием среды. В 1941 г. Лидия Петровна окончила с отличием

институт, когда он уже был в эвакуации в Свердловске (сейчас — Екатеринбург), и до конца 1943 г. оставалась в этом городе.

После возвращения в Москву в 1943 г. Лидия Петровна поступила в аспирантуру МГПИ, где ее научным руководителем стал Р.И. Аванесов. Под руководством Р.И. Аванесова Жуковская работала над «Атласом русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1957. Ч. 1). Хотя «Лидочка» и была «диалектологом по призванию», все же «чистая», полевая диалектология не стала предметом ее кандидатской диссертации. На формирование научных интересов Лидии Петровны и выбор темы для диссертации большое влияние оказали великие знатоки русского рукописного наследия академик Михаил Николаевич Тихомиров и хранитель отдела рукописей ГИМ Марфа Вячеславовна Щепкина. О первом Лидия Петровна всегда говорила с благоговением, а вторую прямо называла своим учителем.

Несколько отвлекаясь, хочу сказать несколько слов о двух качествах Лидии Петровны. Она не только испытывала чувство благодарности к своим непосредственным учителям Р. И. Аванесову и М. В. Щепкиной, но и остро ощущала свою принадлежность к великой научной традиции. Она при мне не раз говорила, что она — ученица Щепкиной, а Щепкина — ученица своего отца Вячеслава Николаевича Щепкина, а Щепкин — ученик академика Ф.Ф. Фортунтова, основателя Московской лингвистической школы, учеником которого был Д.Н. Ушаков — учитель Аванесова. Тем самым мне как бы намекалось, что и я, при известном трудолюбии и усердии, могу вписать свое имя в этот великолепный ряд.

Еще одной чертой характера Лидии Петровны было то, что она была не лишена честолюбия. Она говорила мне, что она хотела бы быть похожей на двух замечательных женщин-ученых: Веру Дмитриевну Кузьмину и Ольгу Антоновну Добиаш-Рождественскую. Вера Дмитриевна привлекала ее тем, что она, будучи уже зрелым тридцатилетним человеком, оставила профессию инженера-строителя, стала филологом и добилась больших и общепризнанных успехов в изучении древнерусской литературы. Ольга Антоновна шла более ровным путем и добилась признания в науке, став первой в России женщиной, кому была присуждена степень доктора всеобщей истории, и затем она была избрана членом-корреспондентом Академии наук. Вот на какие светлые маяки ориентировалась Лидия Петровна Жуковская в своей жизни.

Возвращаясь к вопросу о теме кандидатской диссертации, надо сказать, что её тема оказалась на стыке диалектологии и истории русского языка, точнее, она была посвящена русской исторической диалектологии, в качестве источника была избрана рукопись Галичского Евангелия 1357 г. Тема звучала так: «Из истории языка Северо-Восточной Руси середины XIV века: (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия

1357 года». Диссертация была защищена в 1953 г., а затем практически в полном виде она была опубликована в «Трудах Института языкознания АН СССР»¹.

Об этом исследовании Лидии Петровны я и хочу поговорить. Меня интересуют не столько научные достижения Жуковской, сколько стиль ее научного мышления; попросту говоря, вопрос, который я ставлю перед собой, можно сформулировать так: интересно ли и поучительно ли сейчас, по прошествии 67 лет, читать этот текст?

Для начала укажу на структуру работы: она состоит из трех глав.

Введение. Из истории языка Северо-Восточной Руси в середине XIV в.

1. Палеография

2. Правописание и вокализм

3. Правописание и консонантизм

Заключение.

Уже на первой странице работы Лидия Петровна пишет, что весь «лингвистический анализ построен на различении материалов, относящихся к каждому из четырех писцов Галичского евангелия 1357 г.» (с. 5). Это означает, что Жуковская отдавала себе полный отчет в том, что история языка может быть основана на изучении рукописных источников. Рукописи потому и называются рукописями, что они написаны рукой человека, а его рукой управляет голова — носитель языкового сознания. Только добравшись через руку до головы, можно достичь цели исследования, которую Лидия Петровна формулирует через две страницы: анализ орфографии рукописи проводится «с целью возможно более полного установления звуковой системы того времени в районе Галича Костромского» (с. 7).

Для достижения этой цели необходимо сравнение данных рукописи с данными современной диалектной ситуации в районе Галича и, шире, с северно-великорусскими говорами в целом, учитывая при этом исторические миграции населения. Исходя из этих целей и задач, Лидия Петровна начинает исследование с палеографического анализа рукописи, который должен дать материал для собственно лингвистических штудий. Не буду цитировать, но я получал истинное наслаждение от той тщательности, с какой описаны внешний вид рукописи Галичского Евангелия, материал письма, чернила, миниатюры, заставки, инициалы, две группы которых принадлежат двум писцам, переплет, количество и состав тетрадей, их нумерация, разлиновка, показывающая, что две группы листов линовались разными лицами, выявлены утраты текста.

Особенно важным было установление границ почерков, чтобы не смешивать показаний разных писцов: благодаря скрупулезному анализу начертаний букв в их мельчайших подробностях (разные виды надстрочных и разделительных знаков, графические варианты букв, перенос слов, сокращенных под титлом, разное написание оборота *в оно время* и др.) Лидия

Петровна установила, что рукопись написана четырьмя писцами, и установила границы их работы. Из установленного факта работы 4-х писцов закономерно встает вопрос и о количестве использованных антиграфов. Для решения этого вопроса Лидия Петровна прибегает к анализу лексики, особенно в повторяющихся чтениях, однако этот анализ наталкивался на существенную источниковедческую трудность: к тому времени, когда писалась диссертация, был издан лишь один полный апракос — сербское Мирославово Евангелие. Выборочное знакомство с рукописными полными апракосами из древлехранилищ Москвы и Ленинграда дало Жуковской возможность утверждать, что сам путь выявления антиграфов по языковым вариантам правильный, но для этого «нужно изучить лексику, синтаксис и морфологию ... по всем чтениям полных и кратких апракосов и тетраевангелий по возможно большему числу рукописей» (с. 39). Мне кажется, что именно здесь находится исток той колоссальной текстологической работы над рукописным славянским Евангелием, которой Лидия Петровна стала заниматься в последующие годы.

Вторая глава посвящена изучению вокализма. Здесь затронуты все основные вопросы истории русского вокализма, как они отразились в рукописи Галичского евангелия 1357 года: история редуцированных, фонемы «ять», фонемы <ѡ>, перехода *e* > *o*, перехода ударного [a] > [e] между мягкими согласными и другие. Пересказывать все это нет смысла, но не могу не отметить филигранную работу Жуковской с рукописным источником в вопросе о существовании особой фонемы <ѣ> на месте этимологической фонемы *ѣ (ѣ). Сложность извлечения достоверной информации из рукописного источника заключается прежде всего в том, что в большом количестве случаев на писцов оказывает влияние церковно-книжная традиция старославянского происхождения, поэтому сначала нужно было вывести за скобки все эти случаи, что и было сделано в работе. Оставшиеся случаи употребления букв *ѣ* и *ѣ* в различных фонетических позициях и грамматических формах были подвергнуты тщательному анализу и сопоставлены с диалектологическими данными. В рукописи в подавляющем большинстве случаев на месте этимологической фонемы *ѣ пишется буква *ѣ*, следовательно, в галичском говоре существовала особая фонема, отличная от <e> и <i>. Следующей задачей является установление того дифференциального признака, которым данная фонема отличалась от фонем <e> и <i>. Как известно, таким признаком могли быть или закрытость [ѣ], или дифтонгичность [ие]. Живые диалектные данные свидетельствуют, что в позиции перед твердыми согласными под ударением на месте этимологического * произносится звук, отличный от [e] и [i], а в позиции перед мягкими согласными — звук, близкий к [и]. На этом основании Лидия Петровна обоснованно предположила, что дифференциальным признаком фонемы, обозначавшейся буквой *ѣ*, была закрытость <ѣ>.

В третьей главе о консонантизме также рассмотрены все вопросы, касающиеся отражения его истории в тексте Галичского Евангелия: история звуков [ц] и [ч], [в] и [ф], шипящих звуков, сочетаний *кы*, *гы*, *хы*, корреляции твердых — мягких согласных, звуков [з] и [с] и др. Здесь я бы обратил внимание на интерпретацию малочисленных фактов употребления букв *В* и *ОУ*: единичное написание предлога *въ* вместо *оу* (видѣхъвъ отца моего), опущение буквы *В* перед буквой гласного [у] (вельзаоуломь, заоулонь, блговѣстуютъ), единичное написание буквы *ОУ* перед буквой гласного [а] (иоуановъ). Несмотря на их малочисленность, эти факты могут свидетельствовать о наличии в говоре писцов билабиального звука [ʋ], хотя Лидия Петровна тут же признает, что эмпирический материал «очень мал по количеству и слаб в качественном отношении» (с. 74), поэтому вывод может быть сделан лишь предположительно.

Если начинала работать над диссертацией «Лидочка», то закончила ее Лидия Петровна — молодой сильный исследователь, профессионально владеющий навыками палеографического, историко-диалектологического и текстологического исследования, искусством извлечения достоверной лингвистической информации из рукописного источника. Уже в этом раннем исследовании было преодолено заблуждение многих лингвистов, считавших, что рукописные Евангелия и другие «памятники традиционного содержания», как их эвфемистически называла Лидия Петровна, малоценны в качестве источников для изучения истории русского языка. Это исследование, как и следовавшие за ним, связывает «век нынешний и век минувший», век минувший, когда над изучением евангельских славянских рукописей трудились классики русской науки, начиная с А.Х. Востокова с его основополагающим исследованием Остромирова Евангелия, и век нынешний, одно из первых мест в котором по праву принадлежит Лидии Петровне. Сейчас уже является общепризнанным, что именно Л.П. Жуковская возродила в России славянскую библеистику.

В заключение несколько маленьких штрихов к портрету Лидии Петровны.

Я познакомился с ней в 1980 г. Тогда в Институте русского языка затевалось издание Изборника Святослава 1073 г., и Лидия Петровна хотела найти молодого человека, который поступил бы в аспирантуру Института, а затем стал бы работать в Секторе лингвистического источниковедения над этим изданием. С просьбой найти такого человека она обратилась к Людмиле Алексеевне Илюшиной, которая в нашей группе на филфаке МГУ вела занятия по исторической грамматике русского языка и у которой Лидия Петровна в свое время была оппонентом на защите кандидатской диссертации. Я уже окончил университет и до сих пор не могу понять, почему Людмила Алексеевна вспомнила обо мне. После некоторого раздумья я принял предложение и в назначенный день явился в здание на Волхонке для беседы в комнату 21. Лидия Петровна вышла и пошла впереди меня

по коридору в зал заседаний. На ней была прямая серая юбка и синяя кофта, и сейчас, когда я хочу представить себе Лидию Петровну, я всегда вижу ее в этой юбке и кофте. Своей уверенной тяжеловатой походкой и всей фигурой она почему-то связалась в моем сознании с толстовской Марьей Дмитриевной Ахросимовой — тоже ведь «великая старуха» была.

Кстати об одежде: Лидия Петровна ужасно завидовала костюмам мужчин: «У вас столько карманов!» — говорила она.

В 1990-е голодные годы Лидия Петровна очень беспокоилась о моих детях, спрашивала, хватает ли мне средств купить им «масличко», без которого детям никак нельзя; она так и говорила — «масличко». Своего внука Юрку она любила поистине безгранично нежной любовью.

Лучшим местом работы Лидия Петровна всегда считала Академию наук и родной для нее Институт русского языка. Она искренне не понимала, как человек в здравом уме может предпочесть какое-то другое место работы, если есть возможность работать в Академии наук. Поэтому изгнание из Института русского языка было для нее настоящей трагедией. Спасало лишь то, что в Отделе рукописей Румянцевского музея Лидия Петровна могла по-прежнему со всей страстью отдаваться любимому делу — изучению рукописей. Рукопись действовала на Лидию Петровну как наркотик: она не могла жить, не читая их. Несколько раз я уговаривал ее: «Лидия Петровна, отложите рукописи, их кто-нибудь другой прочитает, а вы пишите воспоминания, хотя бы в виде разрозненных заметок, ведь перед вами прошла целая эпоха в истории науки и вы были ее непосредственным участником; кроме вас ваших воспоминаний никто не напишет!» Но нет — тяга к рукописям была сильнее...

¹ Жуковская Л.П. Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г. // Труды Института языкознания. Том VIII. Ред. Р.И. Аванесов. М., 1957. С. 5–106.

ДРУЦКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ XIV ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ИЗДАНИЯ ТЕКСТА

Л.Г. Панин

В Отделе редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН хранится уникальная пергаменная рукопись первой половины XIV в. — Друцкое Евангелие¹ (Дрц²). Поступила эта рукопись в составе собрания академика М.Н. Тихомирова, подаренного им Сибирскому Отделению АН СССР. Рукопись выполнена уставом первой половины XIV в. Это список полного апракоса, представляющий особый интерес для историка Славянского текста Евангелия, поскольку позволяет предполагать, что данный список сделан с протографа первой половины XI в. Интерес мой к этой рукописи был определен встречей с Лидией Петровной Жуковской.

1. Л.П. Жуковская и Друцкое Евангелие

Л.П. Жуковскую я увидел впервые в 1971 г. в Новосибирском государственном университете, где проходила конференция, посвященная актуальным проблемам лексикологии и словообразования. Я, будучи тогда студентом 4-го курса, был на ее докладе в Доме Ученых СО АН СССР, а несколькими днями позже присутствовал на лекции (сейчас бы это назвали мастер-классом) Лидии Петровны в Отделе рукописей и редких книг ГПНТБ СО АН СССР, в которой она увлеченно говорила о необходимости кодикологического, текстологического анализа в лингвистическом изучении славяно-русского рукописного наследия. И показывала на примере Друцкого Евангелия. И с тех пор эти две реалии Славянской Русистики (или Русской Славистики) — Друцкое Евангелие и Л.П. Жуковская — не только покорили меня навсегда, но стали созвучными и соименными.

В дальнейшем в моей научной практике Друцкое Евангелие отодвинулось на «мысленный» (перспективный) план, но Л.П. Жуковская всегда оставалась

на переднем плане. И за первое, и за второе я только могу благодарить Господа, но уже тогда понимал, что к занятиям списками Славяно-русского Евангелия можно приступать, имея опыт лингвотекстологического исследования, а этот опыт предстояло еще набрать. Что же касается значения Лидии Петровны для развития истории русского и церковнославянского языка, то для меня очевидно, что без ее исследований и подвижнического отношения к палеославистике очень многого в нашей науке просто не было бы.

Моему отношению к Л.П. Жуковской способствовало и отношение к ней профессора Кирилла Алексеевича Тимофеева, моего первого и главного Учителя, определившего и мой интерес к истории русского и церковнославянского языка, и те ценностные критерии, которыми руководствуюсь я и сейчас. К.А. Тимофеев однажды мне, студенту 1-го курса, когда зашла речь о том, что в филологии все больше и больше появляется талантливых женщин, сказал: «Действительно, раньше была только Е.С. Истрина, а потом Варвара [Варвара Григорьевна Орлова, с которой по аспирантским годам были дружны К.А. Тимофеев и его супруга Е.Б. Топуридзе. — Л. П.] и Лидия Петровна».

Я рад, что научным консультантом моей докторской диссертации была Лидия Петровна, на материале Минейного Торжественника она помогла мне отработать методику лингвотекстологического анализа и понять, что лингвотекстолог — это, прежде всего, филолог (так, как об этом писали С.С. Аверинцев и Д.С. Лихачёв), а потом уже лингвист. Именно ей я обязан интересом к славяно-русским спискам Евангелия. Всегда приятно осознавать себя причастным чему-то большому и настоящему. Показательно, что и последние мои разговоры в декабре 1993 г. (уже по телефону) с Лидией Петровной касались Друцкого Евангелия. Я просил ее благословения заняться изданием и исследованием языка этого текста. Лидия Петровна очень сочувственно отнеслась к этой затее, дала множество рекомендаций, выразила сожаление, что бывшую у нее фотокопию рукописи кто-то взял и она не может мне ее переслать. Меня смущало одно обстоятельство, с которым я поделился с Лидией Петровной. Дело в том, что язык Друцкого Евангелия до этого никем никогда не исследовался, но традиция (которая в данном случае были ничем иным, как научным мифом) связывала данную рукопись с белорусской землей, соответственно подразумевалось, что язык списка представляет истоки белорусского извода церковнославянского языка. Мой же беглый опыт знакомства с языком Друцкого Евангелия свидетельствовал о том, что это новгородский диалект. Об этом я сообщил Л.П. Жуковской, зная при этом, с каким трепетом она относилась к украинцам и белорусам, считая их не нашими братьями, но нашими родителями. Конечно, она призвала все тщательно проверить, прежде чем публиковать статьи. И я рад, что выдержал это время и не стал сообщать сразу «миру и граду», что Друцкое Евангелие написано в Новгороде, хотя мой последующий опыт работы утвердил меня в этой точке зрения.

2. ПОЧЕМУ СПИСОК НАЗЫВАЕТСЯ ДРУЦКИМ ЕВАНГЕЛИЕМ

Данный список XIV в. называется Друцким Евангелием благодаря вкладной (жалованной) записи XI в., перешедшей, как считается, из протографа. Рукопись содержит две записи.

В первой из них упоминается 6509 (=1001!) <.ā.ϥϥ г.; эта дата, как полагал акад. Н.Н. Покровский, была переписана одним из писцов Дрц. с протографа рукописи³. Ср.:

[л. 188в] | Áú ēE⁰ <.rϥϥ ϥ nōāī dāī ā | áúⁿ ōðē nēy nōāy āōē. áú | ādāāE āī āprounōE. ā nēs^āōē | ā īāē ānāāōūī āy nēs^āāā. āē | -p ī ēðūp ē -āī īð- +ðūy | ī ōā. ē dāāī ū āēī ū ēīy | hāī ū āānēū-ī ū ī ēōāē | ēī āē-āī ū. ē -āī ēī yāē | ī āp āānēēnīp. ā īīēī āē | ēū -nī ū nū nāī -p āāīp | āēōāāī -ī -ī Sāī- āē-. ē īēī | āāēū. āā āāēū -nī ū nōēē | āōē nāēī ī īōāūēī ē-ē. ē | nū ēpāū- ī ē ē nī ānēī ē īī | ōēēī āī ē. ē nū ī āāī āīp āā | īūp. ē nū nāēū ē ē nī īī- āū | īyī ē. +ōī ēn ōī āī nāēā hā | āEāāpōū. ā +ōī ēn ōī ē āā | ē īīōēēī ā ōēā ēēp-ī ē | ēS. ōā īīōēēī ā īīī āī ā | ōp. ēī ōī ōū ē nēsāēōū īS | nōē āō- ē. āā āāēū -nī ū | nōēē āōE ēnū nāī -āī nāēā | ēh āēāēī ē-ū āānyōēīS | ē nū āēōā. ā īī īī-ī ū āē | āī ōE īā īāāī āE āūnōSīā | ōē nū ī ē īīēī ū āEōāī ū. | ī ē īīēī ū ēāSīī | ī ū. ī ē ēīīī S ēī ōī ōīī S | īānēēī ēēS. ā ēōī ēī āōū | īīēn- ēūāāōē ōī ōū āānōū | л. 188г | ī ōū āEōū ī ādāāū āpū īā | nōdāōī Eī ū nSāE. | ā ēī ōī ōū ē -ēēū nāēā | ōū īā īī ōī ōāēī E hāī ēē. | ōī ōū āā-ōū. āpī Sāī āū | ī āāS ī ōī nēsōī ēōE īā | hāī Sīī ēī ēī ū ē āī Sī ū. | ēū nōēē āōē. āā āāēū | -nī ū īā īāī yōū ēSēū | īī yēēī īāī īā ōSāāāE. | īīēSēSēīī ū-. ā āū āū | īīē āEōē ōEī ū īy īī | ēī āēē. ā īī-āī āū - | nōā nēī āā īā īī-ēī ēēē.

Во второй записи говорится о Дрц как о вкладе, сделанном в Виленский храм в лето 6949 (= 1441 г.):

[л. 188г] | Áú ēh⁰ .rϥ ϥ nī ōī īgī ϥ. | ēī ōī .āō īī āēē .ā. ī ēā. | ī ādōā .hō. āīē īā īāī ōū | ī ōī dī āāī wōp ī ōp, āēā | ēnēy +ēēā āēīā. ī ōī āāēēēī | ēī ēē ēāhēī ēōE ēī ōī ēāāī-ē īā | dāāā āī āō ēī ēāī ūy āā. Nā y^h dāāū | āē ēī- īīī ū ī Eñōē- āāēāī ūnēūē | īīēī āēē nīā nōā ēSāēīā āū | nōēī ū ōēāī ēīī āī nēōbūē | ōE. āū ādāāE āēēī ē. ā ōōī | āū ōī āūēī īāī īāāēāīī. ā | ūā ēōī īī īāōīī āēāī ōE ē | ī āō nū ī Sñōī Sī ādē īS ōīē | ēSāēīā. ēēē nēēī ēēū ēī- ōī ōūē. | ēēē īīī. āā dāhñōāēō nū nī īīī | p ī dāā āpī ū.

Именно первая запись мотивирует то, что в научный обиход данный список, выполненный, как показывает лингвистический анализ, в Новгороде, вошел под названием Друцкого Евангелия.

Рукопись хорошо сохранилась, но между лл. 143 и 144 утрачен один лист. Лл. 139–145 составляли одну тетрадь (фоліо нумерации писца тетрадей), но это всего 7 листов. Не хватает соответствия листу 141, этот последний в рукописи подклеен к обороту л. 143. На утраченном листе находилось завершение чтения на литургии в Великий Четверток и начальные стихи 1-го страстного Евангелия⁴.

переписывания рукописи, почерком была сделана запись 1441 г. о вкладе данной рукописи в Виленский храм.

I. Первый почерк: лл. 1в—15г 4.

II. Второй почерк: лл. 15г 5 — 25а 8 (завершение 2-й тетради, 3-я тетрадь и начало 4-й) и 105а — 106б (начало 14-й тетради).

III. Третий почерк: лл. 25а 9 — 32г, т. е. практически вся 4-я тетрадь¹³, исключая восемь начальных строк.

IV. Четвертый почерк: лл. 33а — 56г (5-я, 6-я и 7-я тетради), 106в — 130в (14-я¹⁴, 15-я, 16-я и 17-я тетради), 154а — 188б (21, 21-я, 23-я, 24-я и 25-я тетради).

V. Пятый почерк: лл. 57а — 64г (8-я тетрадь).

VI. Шестой почерк: лл. 65а — 80г (9-я и 10-я тетради), 97а — 104г (13-я тетрадь), 131а — 153 г (18-я, 19-я и 20-я тетради).

VII. Седьмой почерк: лл. 81а — 96г (11-я и 12-я тетради).

VIII. Восьмой почерк: заглавия чтений, включая киноарные буквы.

Этот вид работы выполнен или наименее внимательным писцом, или (к чему я склоняюсь) писцом, которым был поставлен в очень жесткие временные рамки и вынужден был действовать на свой страх и риск, не обращаясь к соответствующим листам протографа, который был, очевидно, в работе у основных писцов рукописи. Результатом явились многочисленные ошибки в заглавии чтений Дрц. (см. ниже).

IX. Девятый почерк: (воспроизведенная запись с оригинала начала XI в.)

Перенос (?) самой записи, скорее всего, не был случайным, не возник он и благодаря порыву мастера, возглавившего работу над рукописью, но был выполнен по желанию заказчика. Можно допустить, что оригинал XI в. был в ветхом состоянии и понадобилась современная копия, «рабочая», т. е. для использования ее в повседневном богослужении. Но здесь возникает вопрос, насколько необходимо было в этом случае переносить исходную вкладную запись? Если и мог появиться здесь перенос записи, то он был бы отражением случая, прихоти писца. Но факт переписывания (если это было переписание) особым писцом, большим мастером, которому удалось, скорее всего, передать и графические особенности оригинала (даже по сравнению с первым почерком данный почерк выглядит весьма архаично), исключает это. Логично предположить, что заказчик хотел получить список именно с этой рукописи, поскольку именно она была важна (дорога, памятна и т. д.) для него. Возможно, это была не просто память о семье, родных, но важнейшее свидетельство династических связей, очень древних. Рукопись XI в. пришла в ветхое состояние: три с лишним века её ежедневного служения (полный апракос!) не могли не сказаться на внешнем виде, возникла потребность ее воспроизведения.

Характер работы писцов, общее состояние почерков свидетельствуют о том, что работа по переписыванию должна была выполнена в сжатые

сроки, особенно торопились писцы, когда переписывали месящеслов. Это обстоятельство является чрезвычайно важным для исследования месящеслова Дрц., ибо дает все основания полагать, что месящеслов Дрц. древний, без изменений перенесенный из протографа XI в.!

Но вместе с тем рукопись «выписана» достаточно тщательно, она украшена буквицами, хотя поспешность выполнения работы, вытекающая из анализа почерков последних тетрадей, пропуск киноарных заголовков в середине 4-й тетради, достаточно многочисленные ошибки в определении Евангелистов (а эта работа велась, видимо, параллельно с основной писцовой), заставляет предполагать если не срочность всего заказа, то его завершения. Почему-то понадобилось срочно закончить работу. Отдельную загадку представляет лист с вкладной (жалованной) записью.

6. Ошибки в заглавии чтений Дрц.

Эта работа, как было отмечено, выполнялась восьмым писцом. Ошибок достаточно много:

- в 1-й тетради, где в основном идут чтения из Евангелия от Иоанна, сохранились два чтения, которые писцом, ответственным за киноарные заглавия, отмечены как чтения из этого Евангелия, но на самом деле это чтения Л. XXIV 12–35 (*вт П*) и М. XV 43–46, М. XVI 1–8 (*нд 3 П* — неделя жен мироносиц: *память Иосифу, иже от Аримафея, Марьи Магдалыни и прочим учеником и ученицам Господним*);

- в тетрадах со 2-й по 6-ю нет ошибочных отнесений к чтениям Евангелия;

в 7-й тетради в чтениях на будние дни 12-й и 13-й седмиц по Пятидесятнице дается ошибочное указание на отрывки из Евангелия от Матфея (тогда как это из Евангелия от Марка), поскольку все предыдущие чтения по Пятидесятнице (см. тетради 4—6) — это чтения из Евангелия от Матфея (и в будние дни, и в субботу и неделю); кроме того, *пт 13 Пт* ошибочно писцом названа как *вт 13 Пт*;

- в 8-й тетради к чтениям *нд 13, сб и нд 14, сб 15 Пт* ошибочно дается отсылка к Евангелию от Марка, тогда как это отрывки из Евангелия от Матфея, ср.: чтения на будние дни берутся как раз из Евангелия от Марка;

- в 9-й тетради чтения будних дней 17-й седмицы по Пятидесятнице определены писцом заглавий как чтений из Евангелия от Матфея (ср.: предыдущие чтения *сб и нд 16 Пт* и последующие чтения *сб и нд 17 Пт* берутся из этого Евангелия), тогда как на самом деле чтения будних дней 17-й седмицы — из Евангелия от Марка;

- с листа 68г 9-й тетради начинаются чтения нового лета и по лист 100а 13-й тетради (*нд 12 нл*), это все отрывки из Евангелия от Луки¹⁵;

но в будние дни 13 и 14 нл в 13-й тетради в полном апракосе приводятся чтения из Евангелия от Марка, но в Дрц в заглавии чтений указывается Евангелие от Луки;

- в 14-й тетради вместо отсылки к отрывкам из Евангелия от Марка в ср 15 и пн 17 нл указывается Евангелие от Луки, а в чт 15 нл — Евангелие от Матфея;

- с 15-й по 17-ю тетрадь ошибок нет;

- в 18-й тетради в чтении *Вел ср заутр* писцом чтение И. XII 17–50 определено как отрывок из Евангелия от Матфея;

- 19-я тетрадь без ошибок писца, выполнявшего заголовки;

- а в 20-й тетради в чтениях *Ев стр 4, 6, 8* даётся отсылка к Евангелию от Матфея по образцу предыдущих чтений: *Ев стр 3* Мф. XXVI 57–75, *Ев стр 5* Мф. XXVII 3–32, *Ев стр 7* Мф. XXVII 33–54;

- в тетради 21 после чтения *нд перед Воздвижением* (И. III 13–17) два последующих чтения ошибочно отнесены писцом: *14 сен Воздвижение* Ев от И. в м. Мф. XXVII 1, 6, 9–11, 13–20, 25–28, 30–35, а *сб по Воздвижению* Ев от И. VIII 26–30 указано Евангелие от Луки;

- в 22-й тетради на память свв. Козмы и Дамиана 1 ноября отрывок Мф. X 1–8 в заглавии чтения обозначен как отрывок из Евангелия от Марка.

Нетрудно заметить, что писец, выполнявший киноварные (частично полностью киноварные, частично нет) записи, не имел под рукой протографа и ориентировался на своё общее знание последовательности чтений полного апракоса, а это знание в целом ряде случаев подвело писца. Если устанавливать историю создания текста рукописи Дрц., то здесь важным представляется вывод о том, что писцы, скорее всего, работали с одной рукописью (протографом), работали достаточно спешно, у писца, выполнявшего киноварные заголовки не было возможности свериться с оригиналом (протографом).

7. ПИСЦЫ И ТЕТРАДИ ДРУЦКОГО ЕВАНГЕЛИЯ

Ниже приведена информация о тетрадях Дрц., она включается в себя сведения о номере тетради, о границах и количестве ее листов, порядковом номере почерка (или почерков) и сопровождается (там, где это необходимо) комментарием.

1-я тетрадь: лл. 1 — 8 об. (8 листов), почерк I. Л. 1 был оставлен чистым, как, возможно, это было в древнем оригинале.

2-я тетрадь: лл. 9 — 16 об. (8 листов), почерки I, II. Особенностью этой и 4-й тетрадей является выполнение их двумя писцами.

3-я тетрадь: лл. 17 — 24 об. (8 листов), почерк II.

4-я тетрадь: лл. 25 — 32 об. (8 листов), почерки II, III. На л. 25 на нижнем поле посередине остался знак титла — след обрезанного нижнего поля при более позднем переплете¹⁶, на котором было число, обозначающее порядковый номер тетради. Все последующие тетради выполнены одним каким-либо писцом. Исключение составляет последняя тетрадь, завершающаяся двумя записями.

5-я тетрадь: лл. 33 — 40 об. (8 листов), почерк IV. На нижнем поле л. 40 об. посередине после обреза сохранился знак титла и самая верхняя часть буквы, видимо, ð.

6-я тетрадь: лл. 41 — 48 об. (8 листов), почерк IV. Почерк этой тетради тот же, что и предыдущей, но чернила немного более темные; на нижнем поле л. 48 об. посередине написано: .ā9

7-я тетрадь: лл. 49 — 56 об. (8 листов), почерк IV. На нижнем поле л. 56 об. посередине после обреза сохранился знак титла.

8-я тетрадь: лл. 57 — 64 об. (8 листов), почерк V. На нижнем поле л. 57 посередине листа буква и без титла; на нижнем поле л. 64 об. посередине после обреза осталась верхняя часть ð9

9-я тетрадь: лл. 65 — 72 об. (8 листов), почерк VI. На нижнем поле л. 65 и л. 72 об. посередине написано: f 9

10-я тетрадь: лл. 73 — 80 об. (8 листов), почерк VI. На нижнем поле л. 73 и л. 80 об. посередине написано: .09

11-я тетрадь: лл. 81 — 88 об. (8 листов), почерк VII. На нижнем поле л. 81 посередине после обреза остался знак титла; на нижнем поле л. 88 об. посередине написано: .ā09

12-я тетрадь: лл. 89 — 96 об. (8 листов), почерк VII. На нижнем поле л. 89 посередине написано: .ā09 на нижнем поле л. 96 об. посередине после обреза остался знак титла.

13-я тетрадь: лл. 97 — 104 об. (8 листов), почерк VI. На нижнем поле л. 97 посередине написано: .ā09 на нижнем поле л. 104 об. посередине наполовину срезанная снизу запись: .ā09

14-я тетрадь: лл. 05 — 112 об. (8 листов), почерки II, IV. На нижнем поле л. 112 посередине написано: .0āϕтак!); на нижнем поле л. 112 об. посередине написано: .ā09

15-я тетрадь: лл. 113 — 120 об. (8 листов), почерк IV. На нижнем поле л. 113 посередине после обреза остался знак титла; на нижнем поле л. 120 об. посередине после обреза остались знак титла и следы двух букв.

16-я тетрадь: лл. 121 — 128 об. (8 листов), почерк IV. На нижнем поле л. 121 посередине написано: .ā09 на нижнем поле л. 128 об. посередине после обреза остался знак титла.

17-я тетрадь: лл. 129 — 130 об. (2 листа), почерк IV. На нижнем поле л. 129 посередине после обреза остался знак титла; на нижнем поле л. 130 об. посередине после обреза остался знак титла и самая верхняя

часть букв .hŋ. Писец заканчивал свою работу (данный его отрезок включает с 14-й по 17-ю тетради) к тому времени, когда следующий отрезок работы уже был начат шестым писцом, см. след. тетрадь).

18-я тетрадь: лл. 131 — 138 об. (8 листов), почерк VI. На нижнем поле лл. 131 и 138 об. посередине написано: .èŋ

19-я тетрадь: лл. 139 — 145 об. (7 листов), почерк VI. На нижнем поле лл. 139 и 145 об. посередине написано: .fŋ. Между л. 143 и л. 144 утрачен один лист; не хватает соответствия листу 141, который в рукописи подклеен к обороту л. 143. На утраченном листе находилась заключительная часть чтения на литургии в Великий Четверток и начальные стихи 1-го Страстного Евангелия.

20-я тетрадь: лл. 146 — 153 об. (8 листов), почерк VI. На нижнем поле лл. 146 и 153 об. посередине написано: .èŋ

21-я тетрадь: лл. 154 — 161 об. (8 листов), почерк IV. На нижнем поле л. 154 посередине написано: .èŋ; на нижнем поле л. 161 об. посередине та же запись, но низ ее обрезан при переплете.

22-я тетрадь: лл. 162 — 169 об. (8 листов), почерк IV. На нижнем поле лл. 162 и 169 об. посередине написано: .èŋ.

23-я тетрадь: лл. 170 — 177 об. (8 листов), почерк IV. На нижнем поле лл. 170 и 177 об. посередине написано: .èŋ

24-я тетрадь: лл. 178 — 185 об. (8 листов), почерк IV. На нижнем поле л. 178 посередине написано: .èŋ.

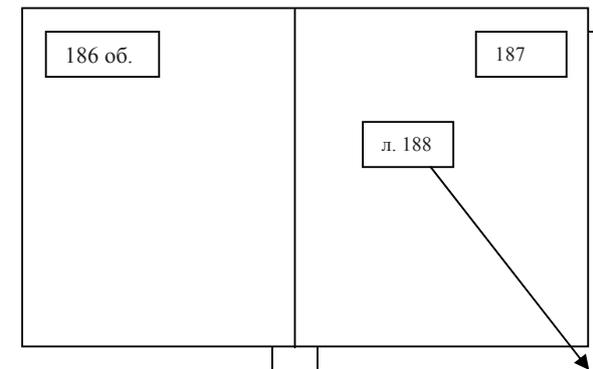
25-я тетрадь: лл. 186 — 188 об. (3 листа), почерки IV, IX и поздний (1441 г.). На нижнем поле л. 186 посередине после обреза остался знак титла и верхняя часть букв ê и â.

Особого замечания требует количество строк в тетрадях. В этом отношении рукопись можно разделить на две части. Первую часть составляют тетради 1–20, где достаточно стабильно каждый столбец состоит из 27 строк. Исключение составляет 17-я тетрадь (28 строк), но она, как уже было сказано, возникла в качестве дополнительной, поскольку свой отрезок работы писец не смог вместить в три тетради. Все остальные тетради — это вторая часть рукописи. Так, в 21-й тетради 28 строк; в 22-й тетради от 25 до 28 строк¹⁷ (в этой тетради строки параллельных столбцов одной страницы часто находятся на смещенных уровнях, что свидетельствует об отсутствии разлиновки листов, которая действительно не просматривается); в 23-й тетради 27 строк; в 24-й тетради 26 строк, исключая лл. с 180 по 183 об., на которых по 25 строк.

В последней, 25-й, тетради, содержащей всего три листа, на лл. 186—188 завершается текст Евангелия (л. 188 об. содержит две записи). Евангельский текст здесь, как и в предыдущих тетрадях, располагается на двух столбцах, но, во-первых, они шире, чем столбцы в предшествующих тетрадях; во-вторых, строк здесь 31 в отличие от 25–26

на предшествующих листах (24-я тетрадь). При этом писец не только явно торопился, об этом свидетельствует поспешность в начертании букв, но он и вынужден был разместить оставшийся евангельский текст в шести столбцах (лл. 186а — 188б), поскольку л. 188 об. скорее всего был уже к этому времени заполнен перенесенной записью писца протографа Дрц. В противном случае запись могла просто продолжить текст Евангелия и писец в последней тетради (лл. 186—188) не стал бы увеличивать количество строк с 26 до 31.

Лл. 186 об. и 187 составляют середину тетради, л. 188 (об.) не имеет своего соответствия, он слева подогнут к л. 186. Ср.:

Евангельского текста данной тетради было слишком много для того, чтобы разместить его на 10-ти столбцах того объема, который был характерен для предыдущей тетради, но мало для того, чтобы разместить его на 14-ти столбцах (при условии, что данную тетрадь составят 4 листа), поэтому писец предпочел не использовать лист, соответствующий на сгибе листу 188, обрезав его, и вместить текст за счет расширения столбцов и увеличения их количества на листе и в соответствии с количеством строк в уже перенесенной (?) записи писца протографа Дрц. на л. 188в-г.

Писец 25-й тетради, заканчивавший переписывание месецслова и тем самым завершающий все Евангелие, вынужден был подстроить свою работу под то, что уже было, а был лист с перенесенной (?) древней записью, в которой на л. 188в была 31 строка. Этим, на мой взгляд, объясняется то, что четвертый писец, выполнивший в том числе и предшествующую тетрадь, столбцы которой содержат 25–26 строк, вынужден был «переключиться» на другое количество строк.

8. ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ РАБОТЫ ПИСЦОВ ДРЦ.

Эта последовательность представлена в приводимой ниже таблице (римскими цифрами обозначены писцы, арабскими — тетради). Как уже было отмечено, 17-я тетрадь состоит из 2-х листов, 19-я — из 7-ми листов, 25-я — из трех листов:

I	II	III	IV	V	VI	VII	VI	II	IV	VI	IV
1	2	4	5	8	9	11	13	14	14	18	21
2	3		6		10	12			15	19	22
			7						16	20	23
									17		24
											25

9. О ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПИСЦОВ

Анализ диалектных особенностей писцов, переписывавших текст, обнаруживает новгородское происхождение рукописи. Касается это, разумеется, прежде всего, фонетики, но и факты морфологии и лексики подтверждают это. Первые два писца рукописи, выполнившие небольшую работу в меньшей степени подтверждают высказанную мысль, хотя мена букв ÷ и ö, редкая замена Е на è или å все-таки дают основания для предположения о новгородском происхождении писцов. У третьего писца, кроме подобных фонетических особенностей, можно отметить такую яркую диалектную морфологическую черту, как флексию -Е в Р. ед. первого склонения твердой разновидности: ĭ ðāāāЕ ðāāē 25г Мф. V 10. А. А. Зализняк считает это окончание в данном склонении (в твердом варианте) нормой для древненовгородского диалекта¹⁸. Наконец, еще одна яркая новгородская черта — āī æāū (вместо āī æāü), см. 27б Мф. V 45, 31в (дважды), Мф. VII 25

и Мф. VII 27. Форма āī æāū, отмечена уже Новгородской I летописью. Что касается диалектных особенностей пятого, шестого и седьмого писцов, то проведенное исследование однозначно указывает на то, что это были новгородцы. Анализ тетрадей, переписанных четвертым писцом, предстоит еще сделать, но и сейчас уже ясно, что обилие диалектных явлений указывает на Новгород.

10. О МЕСТЕ ДРУЦКОГО ЕВАНГЕЛИЯ СРЕДИ ДРУГИХ СПИСКОВ

В ходе изучения лексических различий в повторяющихся чтениях Евангелия от Иоанна данной рукописи была выявлена возможная принадлежность Дрц. к кругу списков, куда входит и Архангельское Евангелие 1092 г., которое избрано в качестве одного из источников для сравнения. Архангельское Евангелие¹⁹ — список уникальный, в своей первой части (до чтений Великого поста) оно является кратким апракосом и представляет Древний текст, во второй же части это полный апракос, а текст здесь Преславский²⁰. Соответствующие части Архангельского Евангелия сокращенно обозначены как Ар и Арх. Для сравнения привлечены тексты Маринского Евангелия XI в. (Марн)²¹, являющегося основным источником при реконструкции Древнего текста Славянского Евангелия²², и Мстиславова Евангелия рубежа XI–XII вв. (Мст).²³ Последний список, как и Дрц., является полным апракосом и содержит в данном случае тот же состав чтений, что и Дрц. В сопоставительных целях привлекаются и два краткоапракосных списка: Саввина книга и Остромирово Евангелие 1056–1057 гг.

Говорить о месте Дрц. в кругу этих списков пока трудно, исследование впереди, и самая сложная его часть — исследование месящеслова. Сравнительная таблица месящесловных чтений Дрц, Мст, Ар(х), ОЕ, СК сделана, но техника сравнительного анализа должна разрабатываться специально. То, что удалось сделать Л.П. Жуковской и представлено ей в ее последней публикации²⁴, это только начало очень долгого пути. Ограничиться констатацией наличия—отсутствия каких-то чтений (памятей) и фиксацией присутствия тождественных или различающихся чтений (отрывков из Евангелия) было бы меньшим, что может позволить себе серьезный лингвотекстолог. Мне представляется, что диагностически значимым является анализ не прямых отсылок в сопоставляемых списках. Непрямая отсылка — это отсылка к памятной дате, которая, в свою очередь, содержит отсылку к другой памятной дате²⁵.

Для всех восточнославянских списков характерны не прямые отсылки, но если в ОК (4 примера), Дрц (5) и Мст (7) их не так много, то в для Ар(х)

они являются обычным явлением (21 пример). Лишь в одном случае не-прямые ссылки в двух списках (Ар(х) и ОЕ) представлены в один и тот же день, но содержание отсылок различное. В ОЕ, Дрц. и Мст. преобладают отсылки через одну «промежуточную» дату, например, 15 июня. в Дрц. упоминается память св. пророка Амоса и даётся отсылка к чтению, которое должно было быть представлено 22 мая (память св. Василиска), но там в свою очередь дана отсылка к чтению среды 3-й седмицы по Пятидесятнице (Мф. X 16–22). Однако могут быть и две, и три «промежуточных» даты. Пример: содержание чтения 6 дек. (Память святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца (†ок. 345–351)) однозначно устанавливается для Дрц, где приведено само чтение Мф. IV 25, Мф. V 1–12, для ОЕ и СК через отсылки к 1 сен., содержащие информацию о чтениях — тоже Мф. IV 25, Мф. V 1–12. В Мст. это Л. VI 17–23 через отсылку к 1 сен., именно этот евангельский отрывок помещён в день памяти Симеона Столпника. В рукописи Ар(х) содержатся не прямые отсылки, противоречащие друг другу. Ср. 6 дек.: память святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца (†ок. 345–351) 1 сен.: память преподобного Симеона Столпника (†459) с обозначением начала чтения (Αὐτῶν ἡμερῶν ἀρχὴν τῆς ἐκλογῆς ἐαῖ δὲ), которое недвусмысленно указывает на Мф. IV 25, Мф. V 1–12, но при этом даётся отсылка к 5 дек.: память преподобного Саввы Освященного (†532), где помещён отрывок Мф. XI 27–30. Сбой в чтениях связан, видимо, с тем, 1 сен. в день памяти Симеона Столпника первоначально читался отрывок Мф. IV 25, Мф. V 1–12, как это находим в двух древнейших списках — ОЕ и СК. А Начало индикту было отмечено собственным чтением — Л. IV 16–22 (см. те же списки ОЕ и СК). Но поскольку оба праздника приходились на один день, в ряде списков осталось чтение Л. IV 16–22, которое шло первым, но распространилось на оба праздника. Показательны здесь данные Мст., где дважды упоминается Симеон Столпник: 1 сен., *память св. Симеона Стълпника, иже в ограде, и матере его Марфы, и память Пресв. Богородица, Еванг. нову лету*, Л. IV 16–22 (л. 163г), и далее: *В тѣ же день память прп. Сумеона Стълпника*, Л. VI 17–23 (л. 164а). В Ар(х) на 1 сен. находим только Л. IV 16–22 (Начало индикту), а память Симеона Столпника содержит отсылку к 5 дек. вместо 6 дек. Сбой в числах может быть объяснён различием цифровых обозначений глаголицы и кириллицы.

11. О СПРАВОЧНОМ МАТЕРИАЛЕ В ИЗДАНИИ ДРУЦКОГО ЕВАНГЕЛИЯ

В настоящее время вопрос об издании Друцкого Евангелия — это вопрос и о тех справочных материалах, которые должны сопровождать текст,

и том, как должен быть представлен сам текст. И вот об этом мне хотелось бы сказать несколько слов. Справочные материалы (помимо вступительной статьи) в издании Друцкого Евангелия должны содержать: информацию о назначении чтений и содержании текстов в их последовательности; месяцеслов Друцкого Евангелия в сопоставлении с другими списками (Мстиславовым Евангелием, Остромировым Евангелием, Архангельским Евангелием, Савиной книгой).

Отдельно стоит вопрос об указателе слов Евангельского текста. Сейчас уже очевидно, что просто издание текста не удовлетворит филолога, хотя до сих пор главной задачей филолога-древника остается издание текста. Словоуказатель желателен при издании текста, а тип (вид) его, конечно, определяется задачами исследования публикуемого текста. Однако в нашей филологической науке сложилось так, что только языковеды (точнее, филологи с языковедческим происхождением — лучший пример Л.П. Жуковская) понимают значимость словоуказателей. Но закономерен вопрос, какими должны быть эти словоуказатели?

Безусловно, лучшим из словоуказателей на сегодняшний день является «Указатель слов и форм к тексту» Мстиславова Евангелия, поскольку здесь находим не только упоминание формы слова и не только отсылку к листу и строке этой формы, но и то, что можно было бы назвать «паспортом» — отсылку к исходному, Евангельскому, тексту (евангелист, глава соответствующего Евангелия, стих). Ср.: *аѣ ѿЕ нар. 129б 16 И. XI 41*. Впрочем, эта «паспортизация» не касается, как правило, незначительных слов. Словоуказатель Архангельского Евангелия продолжил эту традицию. Издатели Радомирова Евангелия²⁶ предложили свой тип словоуказателя. Здесь дается исходная (словарная) форма слова, ее соответствие в греческом тексте и отсылки к евангельскому тексту (евангелист, глава, стих). Исключение составляют случаи, когда славяно-греческое соответствие является типичным (распространенным, ожидаемым в первую очередь), ср.: *пѣдѣ дѣдѣ поѣѣв насекаде*; — *прѣссѣв Л 22, 23; 23, 15* и т.д. В таком типе словоуказателя можно показать и устойчивые сочетания (*ѣадЕѣ Сѣѣѣдѣдѣ*), в том числе терминологического типа, например, *ѣадЕѣѣѣѣѣѣ ѣѣ*, но это для данного издания не является типичным.

Тот тип словоуказателя, который представлен в Мстиславовом и Архангельском Евангелиях, ориентирован на задачи изучения, прежде всего, грамматики и лексики (и именно в таком порядке!) церковнославянского языка русского извода, как и словоуказатель к Успенскому сборнику XII–XIII вв. (здесь можно сделать поправку, не затрагивающую сути языкового явления: ориентирован на задачи изучения грамматики и лексики древнерусского литературного языка). Для меня, очевидно, что сейчас самым актуальным является исследование славяно-русского Евангелия (его списков) с точки зрения происхождения и развития текста. В связи с этим

и словоуказатели должны быть ориентированы на эту цель. Они: *должны* содержать следующую информацию: исходную (словарную) форму, греческое соответствие, отсылку к Евангелию (евангелист, глава, стих), и обязательно сведения о календарной приуроченности чтения (актуально это для апракосов, которые в истории Славянского (Славяно-русского) Евангелия занимают выдающееся место, не сравнимое с местом греческих лекционариев), *могут* содержать (желательно, чтобы они содержали) следующую информацию: отсылку к листу и строке листа, где помещено соответствующее чтение, информацию о форме слова.

Однако информация о форме слова — это, по-моему, *последнее*, что нужно в словоуказателе, ибо учет этих сведений «затормаживает» подход к цели. И, в конечном счете, это вопрос о внутренней организации информации о распространении (также о назначении и, что самое важное, текстологическом происхождении) слова. Для изучения Славяно-русского Евангелия (в том числе и его языка) сейчас важнее не сведения о конкретных формах, но о лексических соответствиях греческих форм. Такой подход выявит, во-первых, отношение данного текста к исходному греческому (в том числе, с учетом греческих разночтений, публикуемых в критическом издании, впрочем, практически не учитывающим лекционарию); во-вторых, место публикуемого списка в цепочке происхождения и развития славянского текста (его редактур).

Идеальным было бы построение словоуказателя по типу издания «Handkonkordanz zum Griechischen Neuem Testament» (Stuttgart, 1989, 8-е изд.) Словарная статья Справочного указателя включает следующие компоненты:

исходная (словарная) форма,
греческое соответствие,

отсылка к евангельскому чтению с обязательными сведениями (которых нет в указанном Handkonkordanz'e) о календарной приуроченности чтения, минимальная цитата.

Внутри словарной статьи материал группируется условно семантически — в зависимости от соответствия греческому слову (выражению).

Например:

ἐν ἡμέρῃ

ἐν ἀρχῇ И. I 1 нд П: ἐν ἡμέρῃ ἐ ἀΕ ηῖν ἀτ 1в, И. I 2 нд П: нā аЕ љнῃтῃ ē ^ аፀ 1в;
ἀπ' ἀρχῆς И. XV 27 сб З П.: ἐнῃтῃ ē нтῃ ἰ ἰтῃ р -нፀā 9г, И. XV 27 Вел чт
лит: āū нāЕāЕፀāēūнፀāS-ፀā ἰ ἰтῃ E уῃтῃ ἐнῃтῃ ē нтῃ ἰ ἰтῃ р -нፀā 145в, Л. I 2 24
июн.: уῃтῃ ἰ ፀāāፀā ἰāἰ ἰ āūāፀā~. ἐнῃтῃ ē нāἰ ἰāēāፀē è нῃSāū ηῖтῃ āāнፀ 176г;
ἔξ ἀρχῆς И. VI 64 нд 4 П.: āЕāуፀē āἰ ፀፀā ἐнῃтῃ ē èፀἰ нSፀū ἰā āЕፀSpፀèè 10г.

И последнее, что хотелось бы мне затронуть в данной статье, это — в каком виде должен быть издан текст Друцкого Евангелия.

После выхода издания славянского Евангелия от Иоанна под ред.

профессора А.А. Алексеева и, главное, после выявленных им этапов редакторской работы со славянским (в том числе и со славяно-русским) переводом мне представляется необходимым обязательное обращение к Древнему тексту. Этот Древний текст в названном издании представлен Мариинским Евангелием, а также Типографским Евангелием (там, где у Мариинского не сохранились листы). Издание Друцкого Евангелия должно содержать сведения о разночтениях с Древним текстом, и, как мне кажется, этот принцип хорошо было бы применить и при издании других текстов.

Равным образом, видимо, пришло время на деле показать, что славянская (славяно-русская) традиция Евангелия — это часть традиции Евангелия, доминантой которой является греческий текст. При издании конкретного славяно-русского списка Евангелия это означает обращение к критическому изданию греческого текста и тем свидетельствам о разночтениях в греческой традиции, которые приведены в 27-м издании Nestle-Aland «Novum Testamentum graece» (Stuttgart, 1993; последующее 28-е издание, насколько я понял, отличается от предыдущего только наличием электронной версии). Вопрос об использовании греческого текста при издании списков Славянского (Славяно-русского) Евангелия — тема особого разговора. Здесь же я бы хотел обратить внимание на тот принцип использования греческого текста, который хорошо бы осуществить при издании Друцкого Евангелия. «Точкой отсчета» издания является не греческий текст, что было бы логичным при подготовке сводного греческого текста (и разночтений к нему) Евангелия (независимо от языка их исполнения: от древнелатинских переводов до Библии короля Иакова и Петровско-Елизаветинской Библии), но текст Друцкого Евангелия в сопоставлении с Древним текстом, следовательно, обращение к греческим источникам мотивировано только в тех случаях, когда между Друцким Евангелием и Древним текстом есть разночтения.

Сокращения в обозначении назначения чтений

Вел — Великий

лит — литургия

нд — неделя (= воскресенье)

нл — новое лето

П — Пасха

Пт — Пятидесятница

пт — пятник (пятница)

сб — суббота

чт — четверток (четверг)

- ¹ Тихомиров М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М.: Наука, 1968. С. 9–10.
- ² Традиция сокращенно обозначать краткоапракосные списки Евангелия двумя буквами, полноапракосные — тремя, атетры — четырьмя восходит к Л.П. Жуковской, см.: Жуковская Л.П. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968.
- ³ Покровский Н.Н. Христианская традиция в российской и сибирской истории // Филолог. 2001. № 2. С. 11. Это обстоятельство дало основания акад. Н.Н. Покровскому датировать протограф 1001-м годом.
- ⁴ Ср. л. 143г завершается отрывком из Мф. XXVI 69, а л. 144а начинается отрывком из И. XIV 12.
- ⁵ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. М.: Издательство «Индрик», 2002. Вып. 1. С. 331.
- ⁶ См.: Зализняк А.А. Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 г. // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 190–212.
- ⁷ Цит. по: [Апракос Мстислава Великого, 1983].
- ⁸ Цит. по: [Архангельское Евангелие 1092 года, 1997]. Ар(х) в своей первой части (до чтений Великого поста) является кратким апракосом и представляет Древний текст, во второй же части это полный апракос, а текст здесь Преславский. О понятиях Древний и Преславский текст см.: [Евангелие от Иоанна, 1998].
- ⁹ Н.Н. Покровский обратил внимание на запись 1001 г. в конце Дрц., см. выше.
- ¹⁰ Ср. из Сказания о свв. Борисе и Глебе в Успенском сборнике XII–XIII вв., где говорится: «и шьдъшесъхръсты иванъмитрополить. и кнуһь урославъ и въсепоповъство и людит. и принесоша
 è øüáúðá ñú ððñðóú èwafí ú î èððîîîèèðóú. è èíyñú yðîñèááú è áúñá îîîîáúñðáîî è èpáè-. è îðèíáñîðá ñòðy èððáú ñòððá. è îñòááèèðá îðáñáúíèèú îðáñáúíîááðè î òá îñèèð. áú. èððáú íú æá áîî îñáè-íú îðááèðáí ùè áîðèñú» [Успенский сборник. Л. 20а].
- ¹¹ Лосева О.В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 96.
- ¹² На конференции, посвященной 75-летию чл.-корр. РАН Е. К., я сделал робкое предположение, что лист с вкладной (жалованной) записью XI в. был перенесен из самого протографа. Основанием может служить особенности последней (25-й тетради) и удивительно четкий устав, который, быть может, служил ориентиром писцам рукописи (думаю, что 1-й писец Дрц. явно ориентировался на этот почерк), но по технике исполнения явно совершеннее.
- ¹³ Именно четвертая тетрадь характеризуется обилием пропущенных инициальных букв. Так на л. 28в мастер только начал рисовать буквицу «Р», но по каким-то причинам не закончил, и на всех последующих листах этой тетради, кроме л. 32 об., завершающего тетрадь, места, оставленные основным писцом для инициалов, пусты. На л. 32г выведена буквица «Р».

- ¹⁴ Исключая начальные 6 столбцов, переписанных вторым писцом (см. выше).
- ¹⁵ Ср. вставку Мф. X 17 в начало чтения вт 12 нл (л. 98б).
- ¹⁶ Далее просто говорится об обрезе.
- ¹⁷ Лл. 162 и 162 об. — 26 строк, лл. 163 и 163 об. — 28, л. 164а — 26, л. 164б — 25 (на последней строке помещен киноварный заголовок, занимающий собственно две строки), л. 164 об. — 26, с л. 165 по л. 167 об. — 25, с л. 168 по л. 169 об. — 26 строк. При этом высота столбцов и в 28, и в 26 строк практически одна и та же.
- ¹⁸ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 80.
- ¹⁹ Цит. по: Архангельское Евангелие 1092 года: Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели / Изд. подгот. Л.П. Жуковская, Т.Л. Миронова. М., 1997.
- ²⁰ См.: Жуковская Л.П. Новые данные об оригинальной русской рукописи 1092 г. // Источниковедение и история русского языка. М., 1964; Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. под рук. д-ра филол. наук А. А. Алексеева. СПб., 1998.
- ²¹ Цит. по: <http://www.slav.helsinki.fi/ccmh/mar00.html>.
- ²² См.: Евангелие от Иоанна в славянской традиции...
- ²³ Цит. по: Апракос Мстислава Великого. Под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983.
- ²⁴ Жуковская Л.П. Еще раз о текстологии месяцеслова Евангелия (по датированным древнерусским апракосам XI–XII вв.) // ТОДРЛ. Т. XLVIII. СПб., 1993.
- ²⁵ См.: Панин Л.Г. Месяцеслов Друцкого Евангелия XIV века (непрямые отсылки) // Богословский сборник. 9. Новосибирская Православная Духовная Семинария, 2014. С. 63.
- ²⁶ Радомирово Евангелие. Изд. Угринова-Скаловска Р., Рибарова З. Скопје, 1988.

АРХИВ И БИБЛИОТЕКА Л.П. ЖУКОВСКОЙ В ФОНДАХ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

А.Е. Родионова

Архив Лидии Петровны Жуковской, выдающегося ученого, филолога-лингвиста, палеографа, исследователя русской рукописной книги, доктора филологических наук, с 1988 г. старшего, а затем — главного научного сотрудника Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (Российской государственной библиотеки с 1992 г.), поступил на постоянное хранение в Отдел рукописей вышеназванной библиотеки в 1996 г. Передавал архив Михаил Михайлович Кузнецов, сын Лидии Петровны Жуковской, после кончины своей матери 7 января 1994 года. В деле фонда № 860 (порядковый номер, присвоенный архиву Лидии Петровны) хранится письмо ее сына, датированное 21 июля 1994 г. с просьбой принять архив в дар: «... Являюсь ее единственным наследником. Никаких специальных условий хранения и использования материалов архива Л.П. Жуковской не прошу»¹. Условный объем переданного архива 100 картонов, 1 ящик картотеки и 30 папок фотографий.

Экспертное заключение на архив Л.П. Жуковской было составлено сотрудниками Отдела рукописей И.В. Левочкиным и Г.В. Аксеновой. В нем определена научная значимость архива Л.П. Жуковской: «Архив состоит из черновых и беловых текстов ее научных работ, как опубликованных, так и неопубликованных личных документов, переписки и фотографий. Кроме того, в архиве имеются различные копии исторических документов, которые служили источниками для работ Л.П. Жуковской, ее рабочие картотеки. Архив представляет собой большую научную и историко-культурную ценность. Специалисты разных поколений найдут в нем важную информацию по истории русского языка, текстологии, славяно-русской палеографии и истории книги. Архив очень важен для воссоздания биографии Л.П. Жуковской — одного из крупнейших русских филологов-славистов второй половины XX века»². Балансовая

стоимость архива была определена в 15 миллионов рублей (до денонсации, по курсу 1994 г.)

Так сложилась судьба архива Л.П. Жуковской, что его обработка началась спустя 20 лет после передачи. Сотрудниками отмечалась сложность архива. Лидия Петровна имела обыкновение записывать свои мысли в дороге на трамвайных билетах, на маленьких клочках бумаги, салфетках. Все эти записи впоследствии использовались ею в создании интереснейших научных работ.

Первая часть архива была обработана в 2018 г. главным палеографом Российской государственной библиотеки доктором филологических наук М.С. Крутовой. В первый том описи фонда вошли материалы 1926–1994 гг. Общий объем обработанных документов 18 картонов, 549 единиц хранения, 5 448 листов. Это — биографические документы, история семьи Лидии Петровны, материалы служебной деятельности в Институте русского языка АН СССР, в Отделении литературы и языка АН СССР, в Международном славянском фонде письменности и культуры, Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина (с 1992 г. — РГБ), Российском Палестинском обществе при АН СССР (с 1992 г. — Императорском Православном Палестинском Обществе).

По биографическим документам можно проследить непростой путь, пройденный по жизни Лидией Петровной. В годы Великой Отечественной войны она работала преподавателем русского языка и литературы в 22 средней школе города Свердловска, мастером модного дамского платья в артели им. 23-й годовщины Октября, воспитателем в детском саду № 20 Уралмашзавода. С 1947 г. деятельность Л.П. Жуковской была связана с Институтом русского языка АН СССР, где она начала работать младшим научным сотрудником в секторе диалектологии. Семейная жизнь Л.П. Жуковской приоткрывается посредством знакомства с личными документами: свидетельством о браке, заключенном 7 ноября 1940 г., характеристиками и заявлением на оформление в ясли-сад сына Михаила Михайловича Кузнецова, а затем — в школу-интернат при Академии педагогических наук СССР, выписки из истории болезни приемной дочери Лидии Петровны Адольфины Михайловны Кузнецовой (Ады). Среди личных документов архива — детские рисунки и открытки Михаила Михайловича Кузнецова, подаренные матери. Некоторые рисунки выполнены на оборотах листов с текстами из научной работы Л.П. Жуковской «Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и СССР)». Насколько Лидия Петровна ценила архивный документ, можно судить по сохранившимся в ее архиве «Списку плодовых деревьев», «Сведениям об одноклассниках», черновике благодарственного письма экскурсоводу в туристской поездке 1975 г.

Раздел фонда «Материалы служебной деятельности» включает несколько подразделов, связанных со служебной деятельностью Лидии Петровны

в Институте русского языка АН СССР, Отделении литературы и языка Академии наук СССР, Международном славянском фонде письменности и культуры, Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина, РПО при АН СССР. Среди наиболее значимых документов — протокол заседания сектора сравнительного и исторического изучения славянских языков, на котором обсуждалось сообщение Л.П. Жуковской о ходе работы над темой: «Пергаменные рукописи X–XIV веков как источник для истории языка древнейшего периода», материалы к обсуждению работы Л.П. Жуковской «Старославянские лексические традиции в древнерусском литературно-письменном языке».

Л.П. Жуковская была научным руководителем молодых ученых-филологов О.Е. Симоновой, В.В. Калугина, Л.Г. Панина, М.С. Крутовой. Документы, связанные с защитой ими кандидатских и докторских диссертаций, отзывы оппонентов, аннотации отложились в фонде.

Лидия Петровна была активным участником и организатором праздников славянской письменности. Протоколы заседаний комиссии по подготовке празднования 1100-летия славянской письменности также сохранились в документах Л.П. Жуковской.

Издательские проекты Л.П. Жуковской — издание «Мстиславова евангелия 1115–1117 гг.», «Изборника Святослава 1073 г.», планы лингвистических и источниковедческих исследований памятников вошли в обработанную часть архива Л.П. Жуковской. В 1989–1993 гг. Л.П. Жуковская активно работала в Международном славянском фонде письменности и культуры, разрабатывала Устав Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры при фонде, давала рекомендации О.М. Колобову, Радмилу Мароевичу, Т.С. Коготковой, Д.А. Жукову для вступления в состав действительных членов академии.

В апреле 1989 г. Л.П. Жуковская была оформлена на постоянную работу в Государственную библиотеку СССР им. В.И. Ленина в должности старшего научного сотрудника. Сложный для библиотеки период начала 1990-х гг. отразился в документах фонда Л.П. Жуковской: создание Общественного совета при библиотеке, семинар «История русского языка и палеографии», проходивший в Отделе рукописей под руководством Лидии Петровны, решение вопросов о реорганизации библиотеки, судьбе еврейских рукописей.

С Российским Палестинским обществом при АН СССР Л.П. Жуковскую связывают долгие годы сотрудничества. В архиве собраны пригласительные билеты на заседания Общества, записи-автографы Лидии Петровны, сделанные на заседаниях Научной секции литературных связей Востока и Запада, тезисы докладов и выступлений, протоколы заседаний Совета Общества, ходатайство Российского Палестинского Общества в Высшую аттестационную комиссию о присвоении Лидии Петровне ученого звания профессора.

В первый раздел вошли также документы, связанные с педагогической деятельностью Л.П. Жуковской, отчеты о командировках и научных конференциях в нашей стране и за рубежом. Лидия Петровна преподавала в Московском областном педагогическом институте им. Н.К. Крупской русский язык и литературу, вела курс старославянского языка, занятия по исторической грамматике, русской диалектологии, читала спецкурс: «Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков». В Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина вела семинар по палеографии, в Свято-Тихоновском Православном богословском институте подготовила спецкурс: «Рукописная традиция славянского Евангелия XI–XVI вв.».

Лидия Петровна Жуковская была членом Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР, входила в специализированный совет по защите диссертаций Института археологии АН СССР, в конкурсную комиссию Минвуза СССР, составляла программу экзамена по сценической речи в Московском государственном институте культуры, работала в Поморском государственном педагогическом университете им. М.В. Ломоносова. Документы, связанные с деятельностью Лидии Петровны в этих учреждениях, вошли в первую часть ее архивного фонда.

Материалы Л.П. Жуковской о научных конференциях, проходивших в Варшаве, Болгарии, Югославии, Чехословакии 1950–1980-х гг., отчеты о командировках в Киев, Калинин, Свердловск, Рязань, Ростов, Пензу, нашли отражение в ее личном архивном фонде.

Отдельный раздел описи «Библиография трудов» Л.П. Жуковской включает списки научных публикаций Лидии Петровны за разные годы, доклады, прочитанные на конференциях и семинарах. Заканчивается первый том описи разделом, в котором собраны отзывы Л.П. Жуковской на диссертации, монографии, сборники, статьи исследователей — специалистов по истории русского языка и литературы: Е.М. Верещагина, С.А. Высоцкого, Г.С. Гриневича, О.А. Державиной, В.Я. Дерягина, Д.С. Ищенко, Л.С. Ковтун, А.А. Пичхадзе, Б.А. Рыбакова, Т.А. Исаченко-Лисовой и др.

Вместе с архивом Л.П. Жуковской в Отдел рукописей поступила ее домашняя библиотека, где собраны уникальные книги, охватывающие все сферы научной деятельности ученого. Библиотека хранится в читальном зале Отдела в специально отведенной комнате, на отдельном стеллаже с табличкой: «Библиотека Л.П. Жуковской». В деле фонда находится письмо от Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова, адресованное М.М. Кузнецову, подписанное ректором профессором В.Н. Булатовым. Лидия Петровна последние два года своей жизни работала в Поморском университете в должности профессора. Университет просит отдать ему в дар библиотеку Лидии Петровны: «Книги Лидии Петровны будут храниться в библиотеке Университета как отдельное собрание».

и будут служить делу подготовки специалистов — филологов и историков. Ваше решение поможет увековечить память замечательного ученого и педагога»³. Но библиотека осталась рядом с архивом Лидии Петровны. Она внесена в электронный каталог РГБ, ею можно пользоваться. Это пока единственный вариант мемориальной библиотеки в составе подсобного книжного фонда Отдела рукописей.

¹ ОР РГБ. Дело фонда № 860. Л.1.

² РГБ. ОР. Дело фонда № 860. Л. 3.

³ РГБ. ОР. Дело фонда № 860. Л. 4.

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ Л.П. ЖУКОВСКОЙ В ИЗУЧЕНИИ ЦЕРКОВНОГО ИСКУССТВА

Е.Ю. Суворова

Научное творчество Л.П. Жуковской было посвящено изучению древнерусской письменности. «Л.П. Жуковская, занимаясь текстологией древнерусских Евангелий и историей развития палеографии в России, обратила внимание на теснейшую взаимосвязь письма и украшений в рукописях, на значение литеральных и экслитеральных признаков в решении проблемы датировки памятников письменности. Разработанные ею правила археографического описания рукописей и принципы публикации древнерусских текстов представлены в методических статьях и методических изданиях Археографической комиссии. Л.П. Жуковская также рассматривала вопросы филологической. В центре её научного внимания была проблема фальсификации памятников письменности и разоблачение одной из самых знаменитых подделок, ставшей достоянием мировой общественности во второй половине XX в., «Велесовой книги»¹. Библиографический список ее работ превышает двести номеров².

Докторская диссертация, посвященная типологии славянских рукописей Евангелия и написанная Л.П. Жуковской в условиях жесткой идеологической цензуры в науке того времени, была своего рода вызовом. Л.П. Жуковская, на протяжении многих лет разрабатывая проблемы славянского текста Евангелия, внесла важнейший вклад в историю славянской рукописной книги. Возможно иногда с излишней увлеченностью, ведущей к некоторым научным погрешностям, свойственным всем страстным и ищущим натурам.

Конец жизненного и научного пути Л.П. Жуковской был отмечен смелостью подхода в изучении древнерусских текстов, как результата многогранного творчества Церкви. Л.П. Жуковская стала рассматривать изучаемый материал с точки зрения специфики церковного искусства, определяемой его связью с литургической жизнью Русской Православной Церкви.

Научные методологические наблюдения Л.П. Жуковской вдохновляют молодых специалистов и в настоящее время: «Как правило, к одним и тем же вопросам исследователь подходит по нескольку раз, но на всё более и более высоком уровне, опираясь при этом на разные стороны содержания древней рукописи, внешнего вида, на тщательный анализ начертания букв, а также на данные экслиттерального изучения почерков»³.

Как палеограф и палеотекстолог Лидия Петровна настаивает на внимательном отношении исследователя к незначительным деталям произведения, дающим возможность погрузиться в творческий замысел автора, понять технологический процесс мастера, и как следствие более точно датировать и атрибутировать произведение. «В качестве примера рассмотрим Остромирово Евангелие 1056–1057 годов. Составитель тетрадей Остромирова Евангелия очень внимательно следил за оформлением рукописи. Чтобы при раскрытой книге не было неприятного впечатления от разнородности расположенных рядом оборотной и лицевой сторон соседних листов, он складывал шерстистую сторону одного листа с шерстистой же стороной следующего, а мясную с мясной. Благодаря этому шероховатые и пористые развороты в рукописи чередуются с гладкими и эластичными. Но поскольку глаз не хранит такие детали качества листа, то читатель забывает впечатление от предыдущего разворота, и каждый разворот воспринимается как высококачественное единство, чего, естественно, не могло бы быть при совмещении на одном развороте гладкой и шерстистой сторон пергамента. Оба писца Остромирова Евангелия следили затем, чтобы каждый новый цикл с предваряющей его заставкой размещались на мясной, т.е. гладкой и белой, стороне листа. Для этого они не жалели пергамента»⁴.

Л.П. Жуковская также предостерегает исследователей, занимающихся вопросами иллюминации древних рукописей, и от поспешных выводов в процессе сравнения рукописей на примере сравнительного анализа Остромирова и Мстиславова Евангелия, миниатюры которых могли восходить к одному протографу, а тексты ориентированы на разные оригиналы⁵.

Л.П. Жуковская приводит и другие примеры, «когда текстология и палеография приходят на помощь искусствоведению»⁶. Так изучив текстологическую роль заставок Морозовского Евангелия начала XV в., Л.П. Жуковская пришла к выводу: «Казалось бы, что эти заголовки должны предварять непосредственно следующие за заставками чтения. Но оказалось, что это не так. При внимательном рассмотрении рукописи были обнаружены несоответствия заставок и текста. Эти несоответствия и помогают разобраться в истории его художественного направления»⁷. Затем ученый отмечает: «Изложенная на основании текстологических и палеографических данных история создания Морозовского Евангелия важна как для истории русского искусства, так и для истории появления на Руси особой редакции Евангелия, связанной видимо, со «вторым южнорусским влиянием»⁸.

Важным шагом в развитии методики исследования рукописей стало следующее наблюдение исследовательницы: «Рукописи могут различаться количеством и расположением больших и малых заставок. Тем самым заставки несут большую смысловую, т.е. текстологическую, а не только эстетическую нагрузку. Разумеется, абсолютные размеры «больших» и «малых» заставок в каждой рукописи могут быть индивидуальны. Речь идет лишь об относительных размерах заставок в каждой рукописи. Обычно наблюдателю не составляет труда различить два (иногда и более) типа заставок и выявить те из них, которые в данном манускрипте более значительны. Правда, определяя соотношение заставок в рукописи, текстологу и искусствоведу придется иметь в виду палеографию рукописи и границы работы отдельных писцов, так как каждый писец мог оставлять для заставки большую или меньшую часть листа по своему усмотрению (если это не было оговорено заказчиком или руководителем всей работы). ...заставки четко делят текст на большие по объему составные части и могли бы стать одной из существенных текстологических примет при генеалогической или исторической группировке сохранившихся списков древних манускриптов традиционного содержания»⁹.

По утверждению Л.П. Жуковской: «Но в действительности в наших древних рукописях инициалы выполняют прежде всего функцию букв, начинающих определенное новое чтение... Эстетическая роль инициалов была вторичной. ... Для текстологии ... роль инициалов в качестве показателей начала чтений не так уж важна, поскольку она дублируется заголовками и иногда словесными указаниями ... Однако укажем на весьма выразительный пример рукописи из Научной библиотеки МГУ, № 2. Ag. 80: ее деление на четыре части по характеру инициалов соответствует границам циклов чтений Евангелия апракос. Так, ещё раз убеждаемся, что текстологические критерии весьма полезными для искусствоведческого анализа древних рукописей»¹⁰.

Л.П. Жуковская внедрила новую методику исследования рукописей, впоследствии повлиявшую на отечественную историю искусства. Методика, опирающаяся на сравнительный анализ всех заставок, концовок и инициалов на основании индивидуально и подробно разработанной разнообразной суммы данных и наблюдений над ними, обязательно учитывала технологические тонкости творческого процесса¹¹ и художественного оформления рукописи и позволявшая воссоздать процесс ее создания¹².

Несмотря на то, что Л.П. Жуковская занималась, прежде всего, текстологией и палеографией, она не стеснялась высказываться о спорной методологии изучения рукописей искусствоведами своего времени. «В заключение остановимся на крупном, с нашей точки зрения, недостатке искусствоведческих исследований: невнимании к типичному в художественных украшениях

древних рукописей. <...> Невнимание искусствоведов XIX века к типичному распространилось и на наше время. Чтобы убедиться в этом, достаточно взять любую работу, в которой в той или иной степени рассматривают инициалы древнерусских рукописей. Массовый материал не систематизируется и, как кажется, вообще продолжает проходить мимо глаз исследователей древнерусского орнамента»¹³. Стараясь тщательно аргументировать свою точку зрения, она настаивала на том, что из-за научного высокомерия, выразившемся во внимании лишь к раритетам и в пренебрежении к типичным изображениям, остается вереница вопросов, нераскрытых тем, возникают ошибки при датировке и атрибуции, выявлении протографов.

В заключение приведем слова самой Лидии Петровны: «Представляется не только недостаточным, но принципиально неверным характеризовать художественные особенности рукописи в целом, если части оформлены разными мастерами, и это ясно исследователю. <...> Так мы ещё раз подошли к заключению, что текстологический анализ должен быть поставлен на службу искусствоведческим исследованиям древних и средневековых рукописей»¹⁴.

Принципы атрибуции и датировки, разработанные Л.П. Жуковской по литеральным и экслитеральным признакам в палеографии (разница цвета чернил, красок, золота, разлиновки, место постановки разделительной точки, место постановки знака, надстрочные знаки над буквами, форма надстрочных точек, формы титл, конфигурация и употребление надстрочных знаков, формы титл и надстрочных дужек, характер инициалов), можно с успехом применять и в эпиграфике¹⁵, давая новые возможности в атрибуции рукописных, печатных книг и произведений церковного искусства эпохи Романовых.

Сейчас мы прекрасно осознаем, что произведения церковного искусства создавались в лоне Церкви, в контексте текстов Священного Писания, святоотеческого наследия и гимнографии, суточного, седмичного и годового круга богослужения, Лидия Петровна же в свое время деликатно своим живым отношением подводила к этой мысли молодых исследователей.

¹ Аксенова Г.В. Книжные собрания и русская рукописная книга XIX — начала XX вв.: теоретико-методологические и прикладные проблемы источниковедческого и историографического анализа. Автореф. дис. на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2011. С. 11–12.

² Алексеев А. Чистая душа М., 2005. С. 5.

³ Жуковская Л.П. Экслитеральные способы определения разных почерков // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 37.

⁴ Жуковская Л.П. Связь изучения изобразительных средств и текстологии памятника // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974. Сб. 2. С. 60–61.

⁵ Жуковская Л. П. Связь изучения изобразительных средств и текстологии памятника... С. 62.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 63.

⁸ Там же. С. 64.

⁹ Там же. С. 66–67.

¹⁰ Там же. С. 68.

¹¹ Там же. С. 60–61.

¹² Там же. С. 63.

¹³ Там же. С. 68–69.

¹⁴ Там же. С. 69.

¹⁵ Жуковская Л.П. Экслитеральные способы определения разных почерков...С. 33–34, 37.

ИСТОРИЯ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЙ МИССИИ В ТРУДАХ Л.П. ЖУКОВСКОЙ

Е.А. Черных

В 2020 г. отмечается 100-летие со дня рождения выдающегося лингвиста-палеослависта XX в. — Лидии Петровны Жуковской. Благодаря ее исследованиям были созданы предпосылки для восстановления прерванной в России в советскую эпоху историко-филологической традиции библеистики¹. Главным направлением научно-исследовательской деятельности Л.П. Жуковской стала разработка кирилло-мефодиевской проблематики: центральными в трудах лингвиста оказались проблемы кирилло-мефодиевского письменного наследия и «поздних местных наслоений в нем»², в первую очередь — вопросы текстологии славянских списков Евангелия-апракос³. Самостоятельно разработанная в ходе многолетних систематических разысканий методика исследования древнейших славянских памятников письменности и разработанные в результате ее применения на беспрецедентно обширном фактическом материале теоретические положения явились достижениями в палеославистике, которые сохраняют свое значение и еще сыграют свою роль, в частности, в дальнейшем изучении кирилло-мефодиевской проблематики⁴. Критическому анализу и рецепции научного наследия Л.П. Жуковской в области кирилло-мефодиевистики посвящены десятки исследований⁵. В данной статье анализируются наблюдения выдающегося филолога-слависта по вопросам истории кирилло-мефодиевской миссии.

В конце 1986 г. увидел свет очередной номер научно-популярного журнала Института русского языка АН СССР — «Русская речь», в котором, в разделе, приуроченном «К 275-летию со дня рождения М.В. Ломоносова», была опубликована статья Л.П. Жуковской «М.В. Ломоносов о русском языке и письме»⁶. Комментируя историко-филологические наблюдения выдающегося русского ученого-энциклопедиста М.В. Ломоносова по вопросам кирилло-мефодиевского наследия, Л.П. Жуковская излагает собственные наблюдения, связанные

с историей деятельности святых равноапостольных братьев Константина (Кирилла) Философа и Мефодия в славянских землях.

Лингвист делает ряд терминологических комментариев в связи с употреблением М.В. Ломоносовым определений «славенский»⁷, «древний славено-моравский» («antiqua Slaveno-Moravicalingua»⁸) и просто «древнеморавский» («Antiqua Moravicadiction»⁹) по отношению к языку древнейших славянских памятников, за которым в современной славистике закрепилось название «старославянский»¹⁰. Л.П. Жуковская подчеркивает, что, определяя как «славенский» язык, на который были переведены с греческого языка первые церковные книги, впоследствии переписывавшиеся на Руси и у южных славян — болгар и сербов — на протяжении столетий, М.В. Ломоносов пользовался терминологией своего времени: «Словом *славенский* тогда называли славянский язык вообще, противопоставляя его какому-либо неславянскому языку, а не только диалект древних новгородских словен и не язык предков современных словенцев — жителей Словении с центром в городе Любляне — одной из семи республик Югославии»¹¹. Исследовательница отмечает: «Ломоносов понимал слово *славенский* так, как употребил его в «Повести временных лет» под 6545 годом (т.е. 1037 г.) древнерусский летописец, говоря, что князь Ярослав Мудрый «собраписьцемногы и прекладаша от грек на словенское письмо»¹². Л.П. Жуковская замечает, что хоть М.В. Ломоносов и использовал определение «славенский» по отношению к языку первых славянских памятников, однако еще в 1749–1750 гг., в споре с Г.Ф. Миллером, русский ученый «проводил строгое различие между славянскими языками и между русским и старославянским языком»¹³ следующим образом: «...уже с древнейших времен польский язык отличается как от русского, так и от церковно-славянского диалекта. Ведь церковный диалект, который живет у всех народов славянского племени и греческого вероисповедания, есть собственно древний моравский язык, употребление которого у славянских народов никогда не было всеобщим»¹⁴. По мнению палеослависта, употребленные М.В. Ломоносовым в 1764 г. в отзыве о плане работ приглашенного в Петербург немецкого историка А.Л. Шлецератермины «древний славено-моравский» («antiqua Slaveno-Moravicalingua»¹⁵) и просто «древнеморавский» («Antiqua Moravicadictio»¹⁶) в отношении языка кирилло-мефодиевских переводов свидетельствует о том, что таким образом «одаренный мыслящий языковед» давал глубокую научную оценку роли разных славянских диалектов в процессе формирования «первого литературного языка»¹⁷ — старославянского — в период деятельности Константина и Мефодия»¹⁸.

Касаясь проблемы формирования и развития старославянского языка в кирилло-мефодиевскую эпоху, Л.П. Жуковская совершает краткий экскурс в историю кирилло-мефодиевской миссии в славянских землях, предваряя ее отдельными известными фактами биографии солунских братьев: о монашеском имени Константина — «Кирилл», о том, что он был

«выдающимся ученым» и его прозвище — «философ (буквально — любитель мудрости)», о духовном сане Мефодия — «архиепископ моравский», о датах их смерти¹⁹. Затем лингвист кратко описывает историю христианско-просветительской деятельности солунских братьев у западных славян²⁰. В 863 г. Константин «по распоряжению византийского императора... должен был выполнить просьбу великоморавского князя Коцела: организовать в его державе богослужение на родном славянском языке»²¹. Палеославист отмечает следующие предпосылки кирилло-мефодиевской миссии: в то время у славян не было собственного алфавита (при необходимости они пользовались не приспособленными для передачи звуков славянской речи греческими или латинскими буквами), а некогда «могущественнейшая» Моравская держава испытывала притеснения со стороны навязывавших ей христианизацию на латинском языке зальцбургских епископов²². На дискуссионные вопросы о начале деятельности солунских братьев, направленной на христианское просвещение славян, в частности на вопросы о времени и месте создания первой славянской азбуки, о соотношении славянских азбук, о происхождении названия «кириллица» и о языке кирилло-мефодиевских переводов²³, Л.П. Жуковская отвечает с уверенностью, что, еще будучи в Греции, Константин Философ составил первую славянскую азбуку — глаголицу, впоследствии замененную кириллицей, в которой были использованы «пригодные для славянских звуков» буквы греческого алфавита и которая сохранилась в основном своем составе до наших дней; название «кириллица» происходит от монашеского имени составителя первой азбуки. Разрабатывая глаголицу, Константин опирался на свое знание славянского диалекта города Солуни (современных Фессалоник), где он вырос. С помощью глаголицы Константин начал переводить с греческого языка «необходимые для богослужения молитвы и книги»²⁴. Однако основная переводческая и просветительская деятельность Константина и Мефодия осуществлялась уже непосредственно на «древних славянских территориях»: сначала в столице Великой Моравии, а затем в Паннониисолунские братья в окружении своих «многочисленных» учеников — будущих писцов книг, священников и переводчиков («последних у Мефодия было около 70 человек») — переводили на славянский язык христианскую литературу²⁵.

Палеолингвист делится общими соображениями по вопросам редакций и реконструкции языка кирилло-мефодиевских переводов 60-х гг. IX в., попутно касаясь вопроса о рецепции кирилло-мефодиевского наследия в Болгарии и на Руси: «В них (переводах церковных книг, или кирилло-мефодиевских переводах, — Е.Ч.), помимо формирования на основе греческого языка специальной славянской терминологии, Константин и Мефодий использовали грамматические формы и общую славянскую лексику, но также неизбежно должны были употреблять специфические языковые особенности моравской речи, отличные

от известного им солунского диалекта. Иначе они не выполнили бы свою задачу создания славянского богослужения именно для моравян.

Лишь в дальнейшем, когда после смерти Мефодия ученики обоих братьев были вынуждены перебраться в Болгарию, моравизмы и паннонизмы там стали заменять южнославянскими словами и специфические звуки последовательно передавать буквами, изобретенными еще в Греции на основе солунского славянского диалекта. Впоследствии, после официального принятия христианства на Руси (988 г.), при переписывании русскими писцами с инославянских оригиналов древнерусских книг, в них появились восточнославянские признаки»²⁶. На основании приведенных наблюдений по истории кирилло-мефодиевской миссии Л.П. Жуковская отмечает: М.В. Ломоносов определял язык древнейших славянских памятников как «древнеморавский», чтобы подчеркнуть историческую параллель между Моравией и Древней Русью: контингент моравских и паннонских писцов и переводчиков формировался из местного славяноязычного населения, и в Древней Руси на рубеже X–XI вв. князь Владимир, утвердив христианство в качестве государственной религии, «начал «по городам ставить церкви и попов, и людей на крещение приводить по всем городам и селам», а также «поймати у нарочитой чади», т.е. брать у высокопоставленных придворных детей и отдавать их «на учение книжное. А мати же чад своих плакахуся по ним, еще бос я бяху не утвердили верою. Но акы по мертвецу плакахуся»²⁷. Таким образом, Л.П. Жуковская заключает, что знанием именно процитированного выше эмоционального сообщения древнерусского летописца обусловлено внимание М.В. Ломоносова к «моравскому вкладу» в язык первых старославянских книг», отраженное в употреблении им терминов «славенский», «древний славено-моравский» и просто «древнеморавский»²⁸.

Таким образом, комментируя историко-филологические труды выдающегося русского ученого — М.В. Ломоносова, в которых поднимается проблема кирилло-мефодиевского наследия, Л.П. Жуковская изложила собственные наблюдения по следующим кирилло-мефодиевским вопросам: терминологическое определение языка первых славянских памятников; начало переводческой и просветительской деятельности солунских братьев; реконструкция языка кирилло-мефодиевских переводов, в частности, вопрос о роли разных славянских диалектов в формировании старославянского языка в кирилло-мефодиевскую эпоху; соотношение славянских азбук; характеристика моравского периода кирилло-мефодиевской миссии, который, как правило, определяется исследователями противоречиво, так как недостаток точных данных компенсируется различного рода предположениями и домыслами в силу противоречивых сведений имеющих источники; контингент книжников в западнославянских землях; рецепция кирилло-мефодиевской письменной традиции после смерти солунских братьев в Болгарии и на Руси; особенности восприятия Русью кирилло-мефодиевского наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенова Г.В. Труды Л.П. Жуковской в области палеолингвистики и палеографии // Жуковская Л.П. Развитие славяно-русской палеографии: в дореволюционной России и в СССР. М.: Индрик, 2020. С. 283–293.
2. Аксенова Г.В. Вопросы сохранения культурного наследия Древней Руси в трудах Л.П. Жуковской (1920–1994): к 100-летию со дня рождения // У истоков российской государственности. Исследования, материалы. Калуга: ИП Стрельцов И.А. (Издательство «Эйдос»), 2019. С. 119–126.
3. Алексеев А.А. Великая душа. Лидии Петровне Жуковской — 85! (5 апреля 1920 — 7 января 1994) // Slovo. Zagreb, 1994–1996. № 44–46. С. 205–210. URL: <http://www.voskres.ru/bratstvo/alexeev.htm>
4. Алексеев А.А. Текстология славянской Библии / РАН Ин-т рус. Лит. (Пушкинский дом). Славянский библейский фонд. СПб. : Изд-во Дмитрий Буланин, 1999. 254 с. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/tekstologija-slavjanskoj-biblii/>
5. Бернштейн С.Б. Предисловие редактора // Можяева И.Е. Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике 1945–1974 гг. М.: Наука, 1974. С. 3–20.
6. Верещагин Е.М., Толстой Н.И. [Рец.]: Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников // Вопросы языкознания. 1978. № 6. С. 130–135.
7. Живов В.М. История языка русской письменности: В 2 т. Том I. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 77–79.
8. Жуковская Л.П. Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием // Вопросы славянского языкознания. 1963. Вып. 7. С. 73–81.
9. Жуковская Л.П. Текстологическое исследование наследия Кирилла Философа // Константин-Кирилл Философ. Доклады от симпозиума, посвящен на 1100-годишнината от смърттаму. София, 1971. С. 31–40.
10. Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
11. Жуковская Л.П. М.В. Ломоносов о русском языке и письме // Русская речь. 1986. №6. С. 11–18.
12. Крутова М.С. Древнерусские письменные источники в научных трудах Лидии Петровны Жуковской // URL: <http://www.voskres.ru/bratstvo/krutova.htm>
13. Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л.: Издательство АН СССР, 1930.
14. Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Он же. Полное собрание сочинений. Труды по филологии 1739–1758 гг. Т. 7. М.;Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 585–592.
15. Ломоносов М.В.Замечания на диссертацию Г.Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского» III. Замечания на ответы Миллера // Он же. Полное собрание сочинений. Труды по русской истории и общественно-экономическим вопросам и географии 1747–1765 гг. Т. 6. М.;Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 42–79.

16. Ломоносов М.В. Отзыв о плане работ А.-Л. Шлёцера. 1764 июня 26 (№ 271). // URL: <http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/document/organizaciya-rabot-pogumanitarnym/science-16.htm>
17. Максимович К.А. К оценке вклада Кирилла и Мефодия в создание общеславянского книжно-письменного языка // Paleoslavica. Vol. IX. 2001. С. 222–239.
18. Сказания о начале славянской письменности [Текст]: научное издание / Б.Н. Флорья. СПб.: Алетейя, 2000.
19. Турилов А.А. Жуковская Лидия Петровна // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. Т. XIX. С. 377–379. URL: <http://www.pravenc.ru/text/182351.html>
20. Турилов А.А. Святые апостолы славян Кирилл (Константин) Философ и Мефодий, архиепископ Моравии и Паннонии // «В начале было Слово...». посвящается 1150-летию моравской миссии святых Кирилла и Мефодия. М.; СПб., 2013. С. 11–27.

¹ Алексеев А.А. Великая душа. Лидии Петровне Жуковской — 85! (5 апреля 1920 — 7 января 1994) // Slovo. Zagreb, 1994–1996. № 44–46. С. 210. URL: <http://www.voskres.ru/bratstvo/alexeev.htm> (Дата обращения: 5.04.2020); Турилов А.А. Жуковская Лидия Петровна // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. Т. XIX. С. 377–379. URL: <http://www.pravenc.ru/text/182351.html> (Дата обращения: 5.04.2020)

² Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976. С. 128 и др.

³ Евангелие-апракос, или служебное, литургическое Евангелие, (от греч. «недельный») — сборник, включающий в себя отрывки из Евангелия для чтения на литургии. Апракос рассчитан на применение в праздничные и воскресные, т.е. выходные, нерабочие дни. «Однако по содержанию сборник шире своего названия, многие чтения предназначены для других праздников или даже будних дней. Поэтому определение «апракос» применительно к Евангелию и Апостолу равнозначно определению «богослужебный». Термин унаследован современной филологией от средневековой книжности». Алексеев А.А. Типология славянских библейских текстов. Новозаветные тексты // Он же. Текстология славянской Библии. Гл. 1. Параграф 2. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/tekstologija-slavjanskoj-biblii/1> (Дата обращения: 13.04.2020); Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976. С. 241. Примеч. 31.

⁴ Верещагин Е.М., Толстой Н.И. [Рец.]: Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников // Вопросы языкознания. 1978. № 6. С. 130–135; Крутова М.С. Древнерусские письменные источники в научных трудах Лидии Петровны Жуковской // URL: <http://www.voskres.ru/bratstvo/krutova.htm> и др.

⁵ В частности, см. список литературы: Аксенова Г.В. Вопросы сохранения культурного наследия Древней Руси в трудах Л.П. Жуковской (1920–1994): к 100-летию со дня рождения // У истоков российской государственности. Исследования, материалы.

- Калуга: ИП Стрельцов И.А. (Издательство «Эйдос»), 2019. С. 123–126.
- 6 Жуковская Л.П. М.В. Ломоносов о русском языке и письме // Русская речь. 1986. № 6. С. 11–18.
- 7 Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Он же. Полное собрание сочинений. Труды по филологии 1739–1758 гг. Т. 7. М., Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 587–591.
- 8 Ломоносов М.В. Отзыв о плане работ А.-Л. Шлёцера. 1764 июня 26 (№ 271) // URL: <http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/document/organizaciya-rabot-po-gumanitarnym/science-16.htm> (Дата обращения: 13.04.2020)
- 9 Там же.
- 10 Ср.: Живов В.М. История языка русской письменности: В 2 т. Том I. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 77–79.
- 11 Жуковская Л.П. М.В. Ломоносов о русском языке и письме... С. 11.
- 12 Там же. С. 11.
- 13 Там же. С. 11.
- 14 Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского» III. Замечания на ответы Миллера // Он же. Полное собрание сочинений. Труды по русской истории и общественно-экономическим вопросам и географии 1747–1765 гг. Т. 6. М., Л.: Издательство АН СССР, 1952. С. 49–50.
- 15 Ломоносов М.В. Отзыв о плане работ А.-Л. Шлёцера. 1764 июня 26 (№ 271) // URL: <http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/document/organizaciya-rabot-po-gumanitarnym/science-16.htm> (Дата обращения: 13.04.2020)
- 16 Там же.
- 17 О необходимости конкретизации тезиса «литературный» применительно к языку первых, переводных, славянских памятников см.: Максимович К.А. К оценке вклада Кирилла и Мефодия в создание общеславянского книжно-письменного языка // *Ra-leoslavica*. Vol. IX. 2001. С. 222–239.
- 18 Жуковская Л.П. М.В. Ломоносов о русском языке и письме... С. 12.
- 19 Там же. С. 12. В издании, в дате кончины Константина (Кирилла), Философа допущена опечатка. Св. Кирилл скончался 14 февраля 869 г. Житие Константина Философа // Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л.: Издательство АН СССР, 1930. С. 66.
- 20 Жуковская Л.П. М.В. Ломоносов о русском языке и письме... С. 12.
- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 Бернштейн С.Б. Предисловие редактора // Можаяева И.Е. Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике 1945–1974 гг. М.: Наука, 1974. С. 3–20.
- 24 Там же.
- 25 Там же. С. 12–13.
- 26 Там же. С. 13.
- 27 Там же.
- 28 Там же.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОСВЯЩЁННЫЕ БЛИЖНЕМУ ВОСТОКУ

**СЛАГАЕМЫЕ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА:
ВНУТРЕННИЙ КОНФЛИКТ ПЛЮС
ВНЕШНЯЯ АЛЧНОСТЬ¹
(ПЕРЕВОД С АРАБСКОГО ЯЗ. А.В. САРАБЬЕВА)**

Хани аль-Ахмар

Великий Создатель предоставил сирийской арабской земле все, что необходимо для процветания и развития, начиная с обилия дождей, что дало ей прекрасные возможности для сельского хозяйства, а, следовательно, и базирующихся на нем пищевой, текстильной и животноводческой отраслях для удовлетворения потребностей сирийского населения.

Бог также благословил эту землю и ее людей всеми ресурсами земли и энергией нефти, которой больше, чем нужно для местного потребления, а также минералами (фосфаты и другими). Благословил живописными пляжами на Средиземном море, разнообразными туристскими маршрутами, включающими великое культурное наследие и живописную природу, а главное — жизнерадостными и творческими людьми, которые любят работу, искусство и культуру. И все эти благословенные дары сделали Сирию раем Божьим — как в отношении ее земли, так и людей, которые смогли обеспечивать свой народ собственными продовольственными продуктами и одеждой, не прибегая к внешним займам. Эти экономические преимущества сделали Сирию такой арабской страной, которая стала объектом вождения израильской и вообще иностранной заносчивости и алчности.

Как раз алчность к этой арабской стране двигала теми внешними силами, которые сумели воспользоваться событиями так называемой «арабской весны», чтобы внушить народу необходимость смены власти, чтобы при демократическом правлении удовлетворять свое право пользоваться благами собственной земли и врожденную потребность населения в безопасной жизни, социальной справедливости и свободе. Поднялся молодежный энтузиазм, упали все табу, и внешним заговорам удалось разобщить и разделить сирийский народ на сторонников президента Башара Асада, политическую оппозицию и третью силу, которая подняла оружие при арабской и иностранной финансовой поддержке. Хуже всего, что в результате

этого сирийская земля превратилась в поле битвы за интересы региональных и отчасти глобальных сил, за воплощение алчности по отношению к богатствам этой страны. Для этого они и впустили в нее яд экстремизма и раскола.

Что касается молодых людей, которые вначале подняли свой голос в пользу политических реформ, им осталось только надеяться на Бога после того, как они были либо приговорены к смерти, либо задержаны, либо остались без крова, либо разочарованы, и теперь раскаиваются всякий раз, когда поднимают знамя борьбы за свое видение политической системы. Они никак не ожидали такой жалкой судьбы для своей страны, богатой природными ресурсами, самобытной культурой и цивилизацией.

Крупнейшие зарубежные силы вмешивались в боевые действия по каждому поводу, а наемная террористическая структура ИГИЛ, запрещенная в ряде стран, как представляется, выступала оправданием для международного вмешательства для ее искоренения. Сирия, тем самым, вступила в порочный круг проблем, начиная с турецкой одержимости преследования игиловцев, защиты своих границ с Сирией и недопущении возможности для сирийских курдов создать свое государство на границах с Турцией. Со своей стороны, Иран выступил в защиту сирийского государства от попадания его в лапы ИГИЛ и в поддержку правительства. После этого по официальному запросу от сирийского правительства вмешалась Россия, чтобы защитить Сирию — ее государственные институты и сам народ — и сохранить территориальную целостность страны, но отчасти и собственные интересы в Средиземном море вдоль побережья Сирии.

В свою очередь, Америка, Британия и Франция начали кампанию за трехстороннюю агрессию против Сирии под предлогом защиты сирийского населения от химического оружия президента Башара. Однако в действительности, эта тройственная агрессия была ни чем иным, как попыткой США смыть со своего политического лица позор поражения, понесенного косвенно через боевиков аль-Каиды, которых они поддерживали в Восточной Гуте, в то время как сирийским вооруженным силам при непосредственной поддержке российских военно-космических сил удалось выиграть битву и раздавить их там. Саудовская Аравия и некоторые арабские страны вмешались под предлогом защиты «суннитского» присутствия перед лицом «шиитской» экспансии со стороны Ирана и удаления иранского влияния на сирийских территориях. В то же время, хотя Иран вносит свой вклад в помощь сирийским ВС в борьбе с ИГИЛ, как он заявляет, он одновременно преследует в этом свои непосредственные интересы.

Вступив в девятый год, после начала всех этих событий, Сирия представляет собой уже не рай Божий на земле — с ее сельскохозяйственным и промышленным развитием, а в землю для похорон и ежедневных убийств. Ее небеса наполнены звуками ракетных снарядов и страшных

бомб, кровопролитие не прекращается, ежедневными стали сцены, когда прерываются человеческие жизни. И каждый платит ужасную цену за внешнюю алчность и внутреннее размежевание. Многие граждане Сирии оказались бездомными — они потеряли свои дома и свои семьи, когда члены их семей погибли, а дома были разрушены. Они потеряли работу, ощутили горечь лишений в статусе беженцев. Если описывать жизнь лагерей, то там можно обнаружить свою войну — войну с голодом. Это стало результатом того, что воюющие стороны — из разных политических сил и военных группировок — прекратили поставки еды, воды и медикаментов жителям лагерей, чтобы добиться усиления своего влияния на сирийскую землю.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ДО КРИЗИСА

В опубликованном CNBC докладе агентства «Фес», специализирующегося на экономических новостях, в конце 2016 г. был проведен мониторинг сирийских секторов до начала революции. Согласно публикации, Сирия в тот период относилась к числу наиболее безопасных стран и уверенно шла по пути всестороннего развития различных секторах, особенно в экономике. Но это было до того момента, как ситуация взорвалась и привела сирийскую экономику к краху. В докладе показано, что до марта 2011 г. фармацевтическая отрасль Сирии покрывала 90% местного потребления, а экспорт осуществлялся в 54 страны мира. Прежде, чем война разрушила более 7 тысяч школ, уровень неграмотности в среднем по Сирии не превышал 5%, а мухафаза (губернаторство) Алеппо занимала первое место. С точки зрения занятости рабочей силы этот показатель достигал 94%, судя по статистическим данным, опубликованным агентством.

В то время как валовой внутренний продукт в Сирии в 2010 г. превысил 64 млрд долл., вклад государства в общий объем производства был на уровне 22%, а нефтяной сектор Сирии занял 27-е место в мире по объему производства, что превышало 400 тыс. баррелей в день, причем доходы от нефти достигали всего 7 % от общего объема производства. Что касается производства электроэнергии в Сирии, которое достигало 46 млрд кВт, то в 2010 г. оно покрывало местные потребности, а излишки экспортировались в Ливан.

Глобальные амбиции прежних колониальных держав и Соединенных Штатов Америки заставят их оставаться в Сирии, пока она не превратится в страну, полностью истощенную боями, как это было в Ираке. Но, к сожалению, сирийский народ не извлек уроки из печального опыта Ирака. Для части сирийского политического спектра оказались привлекательными связи с различными державами, которые имеют свою собственную

повестку дня и интересы, и возможно, лишь немногие из них откажутся от возможности превратить Сирию в постоянное поле битвы. Неужели те, кто начинали так называемую революцию, не могли знать, к чему это приведет? И как не имеющие опыта и долгосрочного политического видения толкнули страну на испытания, не представляя, какую судьбу ей уготовали? Разве Сирия разваливалась, что ее нужно было спасать, или все-таки это была стабильная, самодостаточная и экономически стабильная страна, которая в настоящее время превратилась в разрушенную и разоренную?

Очевидные результаты военного заговора не могут не вызывать этих вопросов. Как могут удивлять эти страшные результаты, если к ним подталкивали не подготовленные политики, заранее все продумавшие, а деятели, разрушавшие свою страну, начавшие высасывать из нее соки и осквернять, извлекая выгоду для себя из состояния хаоса. Мы не знаем их истинных намерений, их знает только Бог, но мы знаем результаты и итоги этой войны, которая уничтожила почти всё дотла в нашей стране.

МИРНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ

Нет сомнений в том, что спираль кровопролития и пересекающиеся интересы разных сил на сирийской земле могут спровоцировать искру Третьей мировой войны, если только здравые силы и люди доброй воли не поднимут свой голос, чтобы остановить кровопролитие этой глобальной войны. Но этого не произойдет без внутрисирийского согласия, и в первую очередь, о необходимости сохранения своей земли и ее суверенитета, а также предотвращения ее разделения и дробления, согласия в необходимости тушить пожары горящей войны, уничтожившей все в этой древней арабской стране.

И тушение этих пожаров зависит, прежде всего, от степени понимания сирийской оппозицией, что продолжение этой войны и дальше недопустимо, поскольку представляет собой систематическое уничтожение сирийского народа в его настоящем и будущем. Поэтому сирийская оппозиция сегодня как никогда обязана прилагать величайшие усилия, чтобы достигнуть мирного урегулирования с сирийским правительством, которое, в свою очередь, должно отказаться от своего фанатизма и строгости и прислушаться к законным требованиям умеренной сирийской оппозиции, свободной от экстремизма и террористических идей. По моему мнению, нет иного выхода из сирийского кризиса без мирного решения, которое остановит войну и откроет дверь для утверждения новой конституции, проведения президентских и парламентских выборов. И прецедентом этому может стать опыт Южной Африки.

Я считаю, что любой искренний и разумный гражданин должен в первую очередь обратить внимание на безопасность сирийского народа и защитить его от уничтожения этой войной. Но этого не удастся достичь, если стороны не будут следовать путем мирных переговоров, серьезного диалога и поиска практических решений для прекращения конфликтов и разрушений. Тем не менее, эти внутренние попытки договоренности между оппозицией и правительством Сирии не принесут плодов, если международное сообщество не предпримет искренних усилий, чтобы эти переговоры увенчались успехом. Это и станет реализацией права людей на безопасную жизнь, о чем говорят день и ночь борцы за права человека.

У большинства сирийских граждан есть желание и воля к необходимости достижения гражданского мира и возвращения к нормальной жизни, а также к возвращению беженцев, особенно из временных лагерей в соседних странах. Сирийцы в большинстве своем рассчитывают в целом на союзническую и дружескую помощь со стороны России, которой доверяют и уважают большинство сирийцев, и особенно на ту дружественную и эффективную помощь российской стороны, которая была необходима для победы над терроризмом и краха заговора о разделе Сирии.

Сирийцы полагаются на ту роль, которую Россия успешно играет в подготовке соглашений о примирении, но также и на присутствие российских представителей в качестве гаранта, как на самих переговорах, так и в контроле за выполнением достигнутых соглашений. Конструктивная и важная роль отводится российской военной полиции и ее присутствию в районах соприкосновения, причем подбор личного состава этих подразделений демонстрирует признаки мудрости и хорошего знания специфики страны, характеризуется как важный шаг со стороны российского правительства и руководства, и это укрепило доверие и заставило сирийцев тесно сотрудничать с российской военной полицией, как другом, союзником и гарантом.

Приходится признавать, что в начальный период ввода российских ВКС по приглашению сирийского правительства появилась подозрительная кампания в СМИ с целью оскорбить Россию, и эта кампания была подхвачена некоторыми арабскими каналами и различным региональными и международными медиа. К сожалению, некоторые сирийские СМИ, даже лояльные правительству в Дамаске, и некоторые журналисты сирийского происхождения в российских арабоязычных СМИ, например, «Спутник» и «Русия аль-яум», принялись неосторожно и опрометчиво подавать дело так, что будто бы русские вступили в Сирию, чтобы в первую очередь защитить алавитские и христианские религиозные меньшинства, словно забывая о суннитском большинстве мирного сирийского населения. К счастью, эта злонамеренная пропаганда быстро рассеялась и прекратилась, особенно когда всем на местах стало ясно, а в заявлениях Президента РФ Владимира Путина и российского МИДа подтверждено, что Россия выступает

за весь сирийский народ, за единство и независимость Сирии. Это помогло укрепить доверие сирийцев, в частности большинства арабов-суннитов, убедило их в преданной, ответственной и гуманитарной роли России. Это обстоятельство стало одним из важнейших, чтобы стать отправной точкой и способствовать в развитии диалога, который был установлен в Сочи, а также в формате Астаны, в котором был достигнут явный прорыв на пути политического урегулирования кризиса. Особенно это касается соглашения о формировании Конституционного комитета, несмотря на многочисленные препятствия к его деятельности, остающейся все же важным шагом на пути выработки политического решения.

Сегодня Российская Федерация занимает важнейшее место и наиболее эффективно действует в поиске компромиссных решений, особенно учитывая упомянутое громадное доверие и уважение со стороны сирийцев — как самой крупной суннитской арабской составляющей, так и других меньшинств, но за исключением курдов, которые связали свою повестку дня с американцами. Вклад России важен для Сирии. Присутствия России в Сирии и регионе стали поддерживать, и в необходимости этого убеждаются подавляющее большинство населения Сирии и вообще в арабском мире, потому что эта роль способствует миру в регионе и ограничивает силы высокомерия и нового колониализма. Сегодня сирийцы согласны, что у России могут быть интересы в Сирии, и пусть так и будет, если эти интересы совпадают с интересами сирийского народа. Россия является дружественной страной и не имеет никаких колониальных амбиций или политики экспансии, или оккупации, какие мы наблюдаем у американцев, их союзников по НАТО и Израиля.

Без сомнения, необходимо предоставить России доступные возможности и работать над расширением народной поддержки действий Российской Федерации в Сирии. Это даст возможность, в свою очередь, заручиться ее абсолютной поддержкой и помощью, которая гарантирует единство нашей сирийской родины, продвижение более активными темпами процесса примирения и внутрисирийского диалога, особенно между представителями политических сил умеренной оппозиции и умеренными государственными политическими фигурами. Это поможет выбить почву из-под ног фундаментализма, экстремистских и террористических организаций, а также в деле поиска возможности расширения диалога, который отвергает насилие и предполагает разоружение.

Необходимо подчеркнуть, что нужно стремиться привлечь больше оппозиционных организаций и деятелей, в том числе входящих в Каирскую платформу, Национальный координационный комитет и другие умеренные силы в оппозиционной коалиции, а также лично политически значимых деятелей, проживающих в Египте, Эмиратах, Саудовской Аравии, Персидском заливе, Ливане, Турции, а также в Европе, особенно политиков,

экономистов, писателей, общественных деятелей и интеллектуалов, и даже некоторых офицеров-диссидентов, которые принимают политический диалог в качестве основного принципа. Для этого требуется работать с ними и прилагать решительные усилия для выяснения конкретных убеждений и представлений, которые способствуют достижению гражданского мира. Приверженность к достижению гражданского мира и по-настоящему заботливое отношение России к Сирии и ее народу — это, в свою очередь, имеет весомое значение для российского присутствия, которое должно продолжаться при расширении поистине народной базы поддержки пророссийских настроений в Сирии.

Россия стремится привлечь все искренне заинтересованные стороны к проведению межсирийского политического диалога. В Москве проходили встречи делегаций, включая представителей сирийских непримиримых оппозиционных групп, для выработки общей национальной платформы. При всем уважении к этим встречам и их организаторам, к сожалению, ограниченный состав участников от оппозиции не давал возможность существенно продвинуть дискуссию². Одной из причин недоверия к составу делегации от оппозиции может быть то, что среди ее участников оказываются политики, связанные некогда с официальным Дамаском. Это оказалось серьезным препятствием на пути к выработке реально работающих решений, а также нарушением базового принципа расширения диалога.

У Сирии как у традиционного восточного общества есть свои особенности, которые необходимо иметь в виду и хорошо понимать, поскольку они важны для хода мирного урегулирования. Это и характер распределения населения, его этнический, племенной (по происхождению родов и семей) и религиозный состав. Но честно сказать, самое главное в нашем обществе — это конфессиональный состав. Суннитская община Сирии составляет абсолютное большинство, причем к числу суннитов относят не только арабов, но и курдов и такие национальные меньшинства, как туркмены, черкесы и др., и при этом она составляет более 75% от общей численности населения. Община алавитов — вторая по численности, составляет от 10 до 12%, затем следуют христиане, которых примерно 8%. Друзы, исмаилиты, шииты, суфии и курды-езиды совокупности составляют 5–6%.

Необходимо работать среди суннитского сообщества — крупнейшего социального сегмента, и особенно арабов, потому что они составляют большинство, — чтобы найти формулы для сближения, привлечь большинство населения на сторону объективного решения и более глубоко развивать доверие. В особенности это касается работы с умеренно настроенными суннитами, а также конфессиональными школами, которые следуют умеренно религиозному пути, в первую очередь в общинах Дамаска и Алеппо. Нужно

также принимать во внимание особенность сирийского общества — тесные семейные узы, племенные и родовые связи. Нужно использовать возможности учитывать мнения советов шейхов, шуры или мудрецов, в которые входят лучшие представители всех слоев общества и чья миссия состоит в том, чтобы определить будущее страны и наметить официальные ориентиры для разрешения разногласий, содействием веротерпимости и взаимопониманию.

Сирийское общество должно получить ясное подтверждение, что страна целиком и полностью осознает заинтересованность Российской Федерации в сохранении единства, независимости и суверенитета Сирии с указанием на то, что забота касается всех социальных сегментов Сирии без дискриминации, исключения или маргинализации какого-либо из них, учитывая особенности общества и его конфессионального баланса. Нынешние условия позволяют России играть ключевую роль в содействии решению сирийского политического урегулирования. Основание тому — в растущем весе и уверенности, которые приобрели Россия, Сирия, арабские и иные региональные государства. Также сегодня сложились очень благоприятные условия для нахождения соглашений с арабскими странами, вовлеченными в продолжающийся конфликт в Сирии, особенно с Саудовской Аравией, Эмиратами и Катаром, для региональных контактов с Турцией и Ираном по выработке формул, приемлемых для предложения и консультаций.

Полезно было бы выработать предложения по выводу из Сирии контингентов Америки, Ирана и Турции — как в качестве их военного присутствия там, так и прекращения поддержки лояльных им группировок. Кроме того, необходимо прекратить оказывать поддержку различным вооруженным группировкам в Сирии из стран Персидского залива. Необходимо полное восстановление Сирийской арабской армии, её единство и акцентирование на борьбе с терроризмом и экстремистскими группировками, защите независимости, единства и территориальной целостности страны.

Аналогичным образом, следует инициировать реструктуризацию служб безопасности для выполнения ими предусмотренной законом работы по защите собственно национальной безопасности, борьбе со шпионажем и терроризмом. Следовало бы упразднить её отсталые ветви, объединив остальные в двух службах — государственной и военной безопасности. При этом приоритет должен оставаться у полиции, службы по охране общественного порядка, судов, министерства юстиции и местной администрации. При таком реформировании нужно руководствоваться четкими и обдуман-ными планами и одобрением Совета шейхов (Маджлисаш-шуйух), Совета мудрейших (Маджлис аль-хукама) и Национального собрания (Аль-Джамайя аль-ватанийя), в соответствии с мнением самих сирийцев. И, прежде

всего, с именами, которые народ выбирает на переходном этапе в ожидании того, когда будут утверждены новая Конституция и проведены выборы в законодательные органы, а также будут утверждены законы, касающиеся управления и его принципов. В целом это укрепит доверие в обществе и создаст позитивную атмосферу, которая будет играть важную роль в будущем развитии и стабильности Сирии. Политическое решение является единственным средством обеспечения национального единства, стабильности и развития Сирии.

В мировой практике накоплен богатый опыт и поступает множество предложений по решению сирийского кризиса, но наиболее приемлемой представляется модель разрешения кризиса в Южной Африке в прошлом веке, и она ближе всего к модели урегулирования по ливанскому образцу, — приемлемой, конечно, только с учетом сирийской специфики, поскольку существуют различия в конфессиональной структуре и распределении властных полномочий.

ФОРМУЛА РЕШЕНИЯ МОЖЕТ БЫТЬ НАЙДЕНА

Идея разделения власти — это еще один аспект демократических преобразований, который сводится к специальным вопросам эффективности разных ветвей власти и прикладной демократии. Странники этой идеи вырабатывают стратегию ее реализации в будущей демократии Сирии, например, в форме переговоров, которые будут проходить в особом органе, который представлял бы все сирийское общество, все его разделенные стороны. Национальное собрание, например, выработало положения по вопросу разделения, которые сводятся к трем моментам, а именно: «урегулирование, принятие компромиссов в разделии власти, согласование и контроль над ходом разделения». Объединенная власть может быть разделена горизонтально, о чем будет решено отдельно — будь то в ходе переговоров или в соответствии с положениями переходной конституции, которая будет одобрена после ее всенародного одобрения и путем голосования на открытом референдуме после формулирования Конституционным комитетом. Также и идея участия в Национальном собрании должна развиваться посредством политических дискуссий внутри общества, чтобы процесс формирования правительства национального единства прошло с участием населения.

Идея разделения должна обладать общей динамикой, которая включает взаимодействие между силами внутри правительства, между большинством и меньшинством, с одной стороны, и между местными органами власти, с другой. Это системный процесс, который требует особых условий, среди которых: стабильность и согласование целей на всех уровнях

управления, местном и национальном. Подтверждение воплощения идеи в интересах нового правительства отказаться от практики исключения (эксклюзивизма) и реформировать условия, вытекающие из проводимой политики, посредством набора стратегий, а именно:

- улучшение условий политической жизни;
- уменьшение вмешательства государства в экономику;
- ротация власти на всех уровнях, чтобы расширить участие;
- концентрация политической борьбы внутри политических институтов и продвижение его к мирной демократической политической конкуренции;
- пересмотр президентских полномочий, в том числе, чтобы президент избирался парламентом и на два президентских срока, каждый период ограничен четырьмя годами.

В результате урегулирования должно произойти делегирование полномочий исполнительной власти по основным вопросам, особенно по проблеме демократизации. На правительственном уровне мы обнаруживаем, что наиболее важные характеристики разделения власти, а именно *урегулирование, надзор и консенсус*, должны воплощаться в распределении министерских портфелей. В частности, в случае разногласий между президентом, принадлежащим к большинству, и одним из министров, принадлежащих к оппозиционной партии, или главой меньшинства, президенту следует внимательно изучить политическое значение и последствия любых его действий, прежде чем предпринимать их. К таким действиям относятся: исключение этого министра, разделение власти в соответствии с конституцией, которая воплощает принцип урегулирования и контроля в процессе принятия решений, и консенсус как общий принцип во всех случаях споров между президентом и его коллегами. Поиск консенсуса должен стать главным принципом для квалифицированного большинства, чтобы избежать паралича исполнительной власти. Конституция должна требовать от победившего большинства отказаться от своего права выступать в качестве основной силы, а вместо этого стать ответственной и эффективной составляющей в совместной работе со всеми сторонами, участвующими в политической жизни страны, работающими вместе на принципах компромисса и согласия, которые станут основой для действий правительства.

В-третьих, консоциальная демократия является одной из предлагаемых моделей для решения проблемы политического участия в плюралистических или сложносоставных обществах. Ведь в отличие от представительной, основанной на правлении большинства, консоциальная демократия не основывается на элементах конкуренции в программах и стратегиях, не подчинена логике противостояния правящего большинства и меньшинства, но полностью полагается на избирательные процедуры. Консоциальная демократия предполагает создание крупных «инклюзивных»

альянсов, которые гарантируют основным социальным сегментам возможность реального представительства и участия в принятии решений сверху донизу властной пирамиды. Это делает их способными избежать любого абсолютного доминирования во власти одной из политических сил, тогда как представительная демократия в условиях ближневосточной социальной специфики не гарантирует этого, несмотря даже на формальное признание легитимности оппозиции. Это позволяет обеспечить конституционные права всех граждан в политической деятельности и реальную возможность ротации высоких государственных полномочий.

Набор важнейших принципов консоциальной демократии особенно ощутим в начале политической трансформации посредством формирования «правительства национального единства» для осуществления государственных властных полномочий. Этот правительственный альянс отвечает за управление переходным периодом широким политическим представительством посредством участия всех партий и блоков. Механизмы, закреплённые законодательством, сформированные расширенным правительством (правительства национального единства), и иные расширенные альянсы, которые гарантируют совместное принятие решений, в том числе в местном самоуправлении, являются наиболее важными характеристиками согласованного (консоциального) управления, но на уровне применения этих механизмов.

Система «пропорционального представительства» является одним из важных принципов управления при таком типе демократии. Именно ее приняло южноафриканское государство, поскольку она отражает социальный состав населения, а также потому, что она обеспечивает представительство для большинства наций и этносов, религий и конфессий, даже небольших меньшинств, и может быть эффективной и важной для Сирии.

При этом следует обеспечить участие оппозиции в правительстве, и с помощью этого можно придать должную легитимность новой политической системе внутри страны. Это заставит внутреннюю и внешнюю оппозицию замолчать, удовлетворит ее и даже может предоставить ей поддержку (вплоть до достижения первого места по результатам выборов), но на условии гарантии вхождения во власть отдельных ее представителей лиц на основе этнического, национального и религиозного признаков.

Одним из основных принципов «консоциальной демократии» при разработке конституции является «местное самоуправление», и оппозиция твердо настаивает на применении этого принципа для обеспечения того, чтобы политическая, экономическая и культурная деятельность осуществлялась без ссылки на центр. «Местное самоуправление» является гарантом осуществления управления в соответствии со спецификой каждой провинции, которые отличаются своеобразием, но обязательно действующее на основании общих сирийских законов. Тем самым, будет обеспечена

относительная независимость в административном управлении, экономической деятельности и культурной свободе, при условии, что она не идет вразрез с политикой и программами центрального правительства, поддерживаемыми местной экономической властью, которая гарантирует финансовые ресурсы для реализации. Его внутренние дела позволяют добиться независимости, для которой был создан этот механизм. Общие принципы демократического согласия должны быть определены конституционно, такие как система пропорционального представительства и местные органы власти.

«Правительство национального единства», взяв на себя принципы «консоциального управления» после процесса демократических преобразований и соглашения всех компонентов общества по этому вопросу в рамках конституции, которая гарантирует его право, будет руководствоваться высоким уровнем демократической практики и будет защищено от критики, принимая на себя правовые и конституционные рамки для согласованных принципов. Опыт управления в Южной Африке по принципам «консоциальной демократии» помог создать институциональные и правовые рамки, охватывающие все слои общества. Правовая институциональная основа должна быть построена на единодушии со стороны всех социальных компонентов. Это представляет её значительным опытом на этапах конституционной пост-трансформационной инженерии. Но на уровне практики необходимо найти правовые средства и политические механизмы, которые смогут поддержать эффективное применение этих правил, чтобы избежать неудач. В этом состояла слабость демократической практики в Южной Африке. Мы должны искать пути и средства для урегулирования кризиса и обеспечения необходимого климата для его реализации, и это может сделать только сторона-гарант, пользующаяся доверием сирийцев. Сегодня этой стороной является только Российская Федерация.

Следует принять во внимание, что возобновленная работа сирийского правительства в его нынешнем состоянии не может быть признана эффективной, даже если она привела к началу стабильности. Это совершенно очевидно, поскольку «пепел не означает конца пожара, если под ним горят угли». Необходимо работать вместе со всеми партиями, общественными движениями и комитетами, организациями, кланово-племенными объединениями, священнослужителями и интеллектуалами, культурными и общественными деятелями, которые вошли бы в Национальное Собрание для подписания документа о согласии и мире между ними — будущей отправной точки сирийской стабильности. Раскол велик, пропасть глубока, и устранение их с помощью Российской Федерации — важный этап в процессе восстановления нашей родины Сирии, установления гражданского мира и гармоничного сосуществования на фоне непримиримой борьбы с экстремизмом и терроризмом.

- ¹ Публикуемый материал содержит положения, далеко не все из которых совпадают с мнением редакции Православного Палестинского Сборника. Тем не менее, откровенные рассуждения автора, выходца из суннитской общины Сирии, обращения к острым и дискуссионным темам о судьбе его исторической родины могут оказаться небезынтересными для читателя.
- ² Глава российского МИДа С.В. Лавров накануне московского раунда межсирийского диалога ещё в январе 2015 г. преследовал цель подвигнуть участников к взаимному согласию в том, «что они хотят жить в суверенной, территориально целостной Сирии, в которой все этнические и конфессиональные группы одинаково защищены», чтобы состоялся «разговор прямых участников процесса: правительства и различных групп оппозиции, причем оппозиция должна быть представительной». Модератор переговоров, тогдашний директор Института востоковедения РАН В.В. Наумкин также надеялся, что «встреча должна объединить всех патриотов, которые есть во всех лагерях» [РИА-Новости, 26.01.2015]. Эта позиция была принципиальной: приглашали представителей самых разных оппозиционных течений, вплоть до запрещенной в РФ организации «Братья-мусульмане». К сожалению, намерения министра иностранных дел России не были полностью поддержаны самими структурами пестрой сирийской оппозиции. До сих пор привычным рефреном высказывается недовольство, что неподобающего рода международных площадках делегации от оппозиции оказываются якобы «непредставительными», что звучит не иначе как перекалыванием ответственности на плечи международных посредников. — *Прим. переводчика.*

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

**«НАРОД ГОЛОДЕН ОТТОГО,
ЧТО МЫ СЛИШКОМ СЫТЫ».
О ГОЛОДЕ В РОССИИ 1891 г.
(О СОТРУДНИЧЕСТВЕ
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ СЕРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА
И ГРАФА ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО В 1891 г.)**

Е.В. Ванькин

Отношения власти и народа — это вечная тема со времен античности, с порой, увы, неуклюжих и наивных попыток череды идеалистов создать справедливое общество во главе с мудрыми философами. Раннее христианство также не отворачивалось порой от остроты социальных проблем и лучшие его представители, как святитель Иоанн Златоуст проповедовали, что в христианском обществе не должно быть неравенства, ведь у людей общее небо, солнце, воздух... и в остальном должно соблюдаться равенство. Тем более все ждали второго пришествия Христа. За свои обличительные, но человеколюбивые проповеди, свт. И. Златоуст заслужил скоро немилость императорского двора в Константинополе и был лишен архиепископского сана и отправлен в 404 г. в изгнание, в ссылку на Кавказ.

Бурное развитие оголтелого капитализма еще больше обострило социальные противоречия, не обошли они стороной в XIX в. и патриархальную тогда еще Россию. А случившийся в ней неурожай 1891 г. ярко обострил социальные язвы и во многом критичное отношение общества к господствовавшей власти. С этим пришлось столкнуться с первых месяцев своего назначения на должность генерал-губернатора Москвы и Великому Князю Сергию Александровичу, консерватору и неумолимому стороннику неограниченной монархии. На эту должность Сергей Александрович был назначен рескриптом своего брата Императора Александра III 26 февраля 1891 г., для укрепления самодержавной власти в Первопрестольной. В марте-апреле он еще прощался с сослуживцами своего Преображенского полка, а его супруга Великая Княгиня Елизавета Федоровна пришла в это время к важнейшему решению — принять православное крещение. И лишь

5 мая супружеская чета прибыла в древнюю столицу. Уже через несколько месяцев Великому Князю Сергию Александровичу пришлось решать насущные проблемы и принимать экстренные меры против надвигавшейся катастрофы в Московской губернии, которая была в ведении Московского наместника.

Первые симптомы надвигавшейся катастрофы появились в конце весны, когда рожь и овес повсеместно пожухли и пропали в десятках губерниях России. Ожидавшийся неурожай грозил наступлением голода в крестьянской среде, и постепенно стала набирать обороты хлебная спекуляция в Москве. Массово скупались перекупщиками запасы зерна, неизменно затем при перепродаже взвинчивавшие цены. В этих условиях хлеб становился роскошью уже к лету и для беднейших слоев ремесленного населения древней столицы. Великий Князь в июне собирает владельцев крупнейших хлебопечкарен и просит часть хлеба для бедных слоев населения продавать по низкой цене, не завышая стоимости, на что они дают свое согласие¹.

Далее в октябре по инициативе Великого Князя был организован Комитет по сбору пожертвований в пользу голодающих под председательством Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Сбор средств шёл активно, и личным адъютантам князя было поручено следить за передачей и распределением этой благотворительной помощи. Она направлялась также и в другие губернии: Саратовскую, Орловскую, Воронежскую, Самарскую, Пензенскую и др. Также Великим Князем Сергием Александровичем были организованы дорожно-строительные работы в Подмоскovie для приходящих на заработки в Москву крестьян из голодавших тогда губерний.

В Рождественские дни Великая Княгиня Елизавета Федоровна под эгидой Комитета по сбору пожертвований устраивала в четырех залах фойе Императорского Большого театра широкую благотворительную распродажу различных изделий из женских монастырей, кустарных мастерских, книг, картин художников и пр. в пользу голодающих. Москва подобной акции еще не видела, где по лотерее разыгрывались и предметы, присланные Царской фамилией. В течение 5 дней на распродаже присутствовали и сами Великий Князь Сергей Александрович с супругой Елизаветой Федоровной, переходя из зала в зал под звуки приглашенного оркестра Преображенского полка и ведя учтивые разговоры с публикой. За все время благотворительную распродажу посетит 13 тыс. человек, а вырученная сумма составит 90 тыс. руб.² Сумма была огромной по тем временам!

Борьбу с голодом, как с великим народным бедствием, широко освещали все средства тогдашней печати. И не было ни одного издания того времени, чтобы оно не откликнулось на нужды голодающих. Все они взывали к общественной и государственной помощи, а порой и прямо упрекали правительство в медлительности, равнодушии и апатии. С яркой обличительной статьей «О голоде» выступает и великий русский писатель граф Лев

Николаевич Толстой, предварительно объехав ряд уездов Тульской и Рязанской губерний и сделав глубокий анализ сложившейся ситуации. Он писал ее в начале октября, деятельно включившись вместе со своей семьей в оказание помощи голодающим крестьянам. Софья Андреевна, в свою очередь, напечатала письмо в прессе с указанием адресов своей семьи, на которые поступают денежные средства для закупки хлеба. В дальнейшем Л.Н. Толстой устраивал бесплатные столовые в деревнях вместе со своими знакомыми и демократической общественностью («всего столовых было 246 и кормилось в них между 10–13 тысячами человек», — писал он позднее в «Отчете об употреблении пожертвованных денег за лето 1892 г.»)

Не умаляя ряд негативных черт крестьянской среды, он приходит в статье к неутешительным выводам о полном бездушии властей к угнетаемому нуждой народу. Афористично звучат его проникновенные слова: *«Народ голоден оттого, что мы слишком сыты»*. Он писал, что никакая разовая помощь не сможет вытянуть народ из глубокой нищеты, которого душат высокие проценты помещичьих кредитов, вынужденного гнуть потом спину в отработке на их пашнях за мизерные подачки. А другие возможности у народа просто отсутствуют. Нечеловеческое отношение к народу, его эксплуатация во имя собственных выгод не смогут скрасить мелкие вспоможения, даже во время голода. Иногда это даже приносит вред, приучая его к нахлебничеству, и Толстой подробно разбирал подобные примеры. Он призывал к устройству столовых для голодающих стариков и детей, чем стали заниматься к тому времени уже во многих земствах. А также он отмечал: *«Неужели люди, теперь живущие на шее других, не поймут сами, что этого не должно, и не слезут добровольно, а дождутся того, что их скинут и раздавят»*. Слова эти скоро окажутся в будущем во многом пророческими... Но писатель призывал в статье, в первую очередь, изменить само отношение к народу, призывал состоятельную прослойку к *«любви деятельности»*: *«Сила в том, что она заразительна, а как скоро она заразительна, то распространению ее нет пределов. Как одна свеча зажигает другую, и одной свечой зажигаются тысячи, так и одно сердце зажигает другое, и зажигаются тысячи. Миллионы рублей богачей сделают меньше, чем сделают хоть небольшое уменьшение жадности и увеличение любви в массе людей»*. Как это похоже на проповеди преподобного Серафима Саровского, но только в приложении к мирской жизни... Толстовская проповедь любви раскрывает смысл подлинной христианской жизни, несмотря на его бунтарские антидогматические теории и извращения религиозных основ Церкви.

Первоначально ноябрьский выпуск журнала «Вопросы философии и психологии», в котором Л.Н. Толстой разместил статью, был запрещен цензурой. Писатель тогда значительно смягчает текст, убирая целую главу, и он был опубликован в январском номере 1892 г. в «Книжках Недели», под названием «Помощь голодным».

В это же время англичанин Диллон появляется у Л.Н. Толстого с просьбой позволить перевести эту статью для публикации в Англии, на что он дал свое согласие. Но прибыв в редакцию «Недели» Диллон старательно подбирает то, что было вычеркнуто по цензурным соображениям. В таком виде она печатается в газете «Daily Telegraph» под названием «Почему голодают русские крестьяне?». Но на это, как отмечала потом в воспоминаниях Софья Андреевна, Л.Н. Толстой никакого разрешения не давал. Через неделю, 22 января 1892 г. «Московские ведомости» напечатали свою редакционную статью, с широким цитированием выдержек текста Л.Н. Толстого в обратном переводе с английского. Автора тут же обвинили в социалистической пропаганде и призывам «к *ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя*». Номер газеты стал настолько популярным, что за него предлагали фантастическую цену до 25 рублей. Затем в газете вышли еще 3 статьи о Толстом, называя его «общественным смутьяном». Зазвучали и прямые угрозы в адрес Л.Н. Толстого, с предложениями посадить его в дом умалишенных. «Против Вас поднялась такая злоба, такое непобедимое раздражение, что ясно было: Вы задели людей за живое сильнее всяких революционеров и вольнодумцев», — писал известный философ и публицист Н.Н. Страхов Л.Н. Толстому.

Л.Н. Толстой совсем не считал нужным оправдываться, отмечая в своих письмах к жене: *«Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни богатым классам, уже 12 лет, и пишу не нечаянно, а сознательно, и не только оправдываться в этом не намерен, но надеюсь, что те, которые желают, чтобы я оправдывался, постараются хоть не оправдаться, а очиститься от того, в чем не я, а вся жизнь их обвиняет. В частном же этом случае происходит следующее: Правительство устраивает цензуру, нелепую, незаконную, мешающую появляться мыслям людей в их настоящем свете, невольно происходит то, что вещи эти в искаженном виде являются за границей. Правительство приходит в волнение и вместо того, чтобы открыто, честно разобрать дело, опять прячется за цензуру, и вместе чем-то обижается и позволяет себе обвинять еще других, а не себя.*»

В это время уже всюду в обществе звучали и громкие призывы отлучить Л.Н. Толстого от Церкви. С.А. Толстая писала мужу, что *«Грот принес письмо Антония (Храповицкого), ректора Московской Духовной академии, в котором он пишет, что митрополит здешний хочет тебя торжественно отлучить от церкви*». Но Министр внутренних дел И.Н. Дурново в докладе Александру III указывал, что «привлечение в настоящее время графа Толстого к ответственности может привлечь нежелательное смятение в умах», и предлагал графу Л.Н. Толстому прекратить печатание в иностранных газетах статей антиправительственного

направления. Скоро в газетах появится сообщение, составленное женой Толстого, с опровержением слухов об аресте писателя, которое будет опубликовано и в зарубежной прессе. Об «умственном возбуждении» общества в последние годы под влиянием сочинений Л.Н. Толстого докладывал и К.П. Победоносцев Императору Александру III³.

Великий Князь Сергей Александрович, отлично знакомый с творчеством современных писателей и лично зная многих, высоко ценил и Льва Толстого, прочитав его «Севастопольские рассказы» и «Войну и мир». Но жесткую критику писателем властей и всей системы управления, будоражащую общество, не принимал в силу представлений о незыблемости существующих основ самодержавной власти, благословленных Церковью. Хотя Толстой и не призывал к изменению основ, а лишь к нравственному совершенствованию, которое должно преобразовать и экономические отношения. Ценил талант писателя, Великий Князь даже незадолго до этого передавал письмо Л.Н. Толстого, полученное через К. Бестужева-Рюмина, Императору Александру III с просьбой о помиловании царевичей своего отца — Александра II. Это казалось по-человечески невозможным, но Великий Князь не считал даже возможным в этой непростой ситуации отказать писателю⁴. Для серьезного разговора Великий Князь Сергей Александрович пригласил 10 февраля к себе в Нескучное его жену Софью Андреевну, пребывавшую в Москве, о котором она сообщила затем Толстому. В своих воспоминаниях С.А. Толстая о встрече с Великим Князем писала: «Я имела с ним длинный разговор по поводу этой злосчастной статьи и просила его приказать напечатать в газетах опровержение ложных толков. Вел. Князь был, по-видимому, очень заинтересован этим делом, но сказал мне, что пока сам Лев Николаевич не напишет опровержения, он сделать ничего не может. Налегал он, главное, на то, что именем Льва Николаевича взволновали умы. И чтобы их успокоить, нужно опровержение... Провожая меня, Вел. Князь Сергей Александрович сказал учтиво и любезно: «Очень благодарю вас, графиня, за ваше посещение...» Потом прибавил: «Я слышал, что вы так много трудитесь, что на вас так много возложено обязанностей и во всем вы одна...». И после моего визита Вел. Князь Сергей Александрович говорил Истомину, своему правителю канцелярии, нашему хорошему знакомому: «Мне так жаль графиню, она так волнуется, а нужно только несколько слов от графа, и государь и все мгновенно успокоятся...».

Откликаясь на просьбу жены, писатель направил письмо от 12 февраля в «Правительственный вестник», где он объяснил особо колкие фразы искажением текста, вследствие двукратного перевода статьи на английский и с английского, напечатанного в «Московских ведомостях». Его письмо было напечатано в других газетах. В то же время Лев Николаевич писал из Ясной Поляны жене, удивляясь поднятой шумихе: *«Как мне жаль, милый друг, что тебя так тревожат глупые толки о статьях*

Московских Ведомостей, и что ты ездила к Сергею Александровичу. Ничего ведь не случилось нового. То, что мною написано в статье о голоде, [писалось] много раз, в гораздо более сильных выражениях. Что ж тут нового? Это всё дело толпы, гипнотизация толпы... пожалуйста, мой друг, ни одного слова не изменяй и не прибавляй, и даже не позволяй изменить. Всякое слово я обдумал внимательно и сказал всю правду и только правду...».

В своих воспоминаниях Софья Андреевна писала, что «20 февраля я была опять у Великого Князя Сергея Александровича, представилась и милой Великой Княгине Елизавете Феодоровне, которая была особенно любезна и потом велела мне сказать, что очень мне сочувствует, чтобы я не беспокоилась, что «n'est qu'il n'a rien, mais absolument rien; a craindre»⁵. А когда я побывала на jour fixe у старой фрейлины Екатерины Петровны Ермоловой, я почувствовала такое к себе отношение, что я une victime⁶ и что «la pauvre comtesse, comme elle est derangée!»⁷.

Полный текст первоначальной статьи Л.Н. Толстого был опубликован лишь в 1896 г. в Женеве в издании «Спелые колосья».

Неурожай в России случился и в последующие годы, на что также откликнулся Л.Н. Толстой, например, статьей «О самарском голоде» (1893), в которой призвал жертвователей не оставаться безучастными к народной беде.

В заключение истории, связанной с толстовской статьей «О голоде», надо отметить, что в 1892 г. последует циркуляр Министра народного просвещения Российской Империи И.Д. Деянова с предписанием всем Ученым обществам при Московском Университете в дальнейшем не читать в этих обществах никаких статей графа Л. Толстого и В. Соловьева.

¹ Каталог международной юбилейной выставки Москва-Святая Земля. М., 2016. С. 123.

² Д.Б. Гришин. Сергей и Елизавета. М. «Достоинство». 2015. С. 238–239.

³ Письма К.П. Победоносцева к Александру III. М., 1926. Т. II. С. 251–253.

⁴ Д. Гришин. Сергей и Елизавета. М.: «Достоинство», 2015. С. 61.

⁵ Ему нечего, абсолютно нечего бояться (франц.)

⁶ Жертва (франц.).

⁷ Бедная графиня, как она расстроена! (франц.)

ОБ УЧРЕЖДЕНИИ РОССИЙСКОГО ВИЦЕ-КОНСУЛЬСТВА В ЯФФЕ ВО ГЛАВЕ С Г.И. МОСТРАСОМ

М.М. Якушев

Подписание Кючук-Кайнарджийского 1774 г. и Ясского 1791 г. мирных договоров продемонстрировало военно-политическое превосходство Российской Империи над Портой. Это преимущество давало возможность Санкт-Петербургу более активно развивать торгово-экономические связи со Стамбулом. 05/16 сентября 1782 г.¹ и 11/22 августа 1799 г.² были между Османской империей и Россией были подписаны таможенные тарифы «о сборе пошлин с привозимых и вывозимых из Константинополя российскими купцами товаров», а 10/21 июля 1783 г. между ними был подписан торговый трактат, предоставлявший российским купцам в Османской империи даже больше привилегий, чем те преференции, которыми тогда обладали там английские и французские негоданты. Последующее заключение Бухарестского 1812 г. и Адрианопольского 1829 г. мирных договоров еще больше укрепили военно-политические позиции России в Османской империи.

В вышеупомянутых трактатах прописывались положения о том, что османское правительство гарантирует защиту прав и интересов русских паломников и торговцев на территории Османской империи. Всё это диктовало необходимость создания сети консульских учреждений в крупных портах Османской империи, через которые проходили маршруты русских купцов и богомольцев. Среди многообразия консульских функций выделялись две основные задачи: обеспечение прав и интересов российских подданных за границей, а также развитие и укрепление торгово-экономических связей России с иностранными государствами.

Вопрос учреждения штатных консульских представительств России в портовых городах Восточном Средиземноморье начал прорабатываться в конце XVIII в. в рамках подготовки положений для российских консулов и драгоманов в Османской империи. 19/31 августа 1809 г. в МИД

был составлен проект положений «О российских консульствах в Леванте»³, а 1/13 апреля 1818 г. — проект положений «О российских консульствах в Турецкой империи»⁴.

В 1819 г. начался греко-латинский конфликт вокруг святых мест Палестины, привлечший внимание не только Парижа, официально покровительствовавшего Римско-Католической Церкви на территории Османской империи через французское посольство в Константинополе, но и Петербурга, защищавшего интересы Восточной Православной Церкви через российскую миссию в Царьграде. Французский король Людовик XVIII объявил себя «наследственным защитником католиков на Востоке», а российский Император Александр I — «правителем большинства последователей Православной Церкви».

В качестве предварительной меры Париж и Санкт-Петербург договорились направить на Ближний Восток по одному дипломатическому представителю от своих дипломатических представительств в османской столице для сбора точных и достоверных сведений о возникшем споре и выработки предложений по его разрешению. 19 декабря 1819 г. / 1 января 1820 г. из османской столицы выехала передовая группа в составе сотрудников Константинопольской миссии: актуариуса Г.И. Мостраса, третьего драгомана А. Деодати и янычара А. Бендерли. Для приготовления к путешествию Г.А. Строганов распорядился выделить упомянутой группе сумму в 1300 османских пиастров⁵. В ходе поездки Г.И. Мострас остался в Яффе, чтобы приступить к учреждению штатного консульского представительства.

В декабре 1819 г. российский посланник в Константинополе барон Г.А. Строганов (1816–1821) командировал второго советника императорской миссии Д.В. Дашкова в экспедицию по Восточному Средиземноморью, вручив ему инструкции с особым поручением управляющего МИД графа К.В. Нессельроде — осуществить «обозрение и приведение в надлежащее положение российских консульств в Леванте» и собрать сведения о греко-латинском конфликте. Перед Дашковым была поставлена задача проинспектировать консульские учреждения в регионе, учредить штатное вице-консульство в Яффе и посетить Иерусалим для сбора подробных и достоверных сведений об этно-конфессиональном и религиозно-политическом положении города. Д.В. Дашкова сопровождал академик живописи художник М.Н. Воробьев, которому было поручено «снять под величайшим секретом план храма Воскресения» в ходе посещения Святого Града.

Со своей стороны, французский посол в Константинополе маркиз Ш.Ф. де Ривьер (1816–1820), вслед за российским коллегой, также направил практически по идентичному маршруту третьего секретаря посольства Франции маркиза М.Ж. де Марселлюса, посетившего Архипелаг и Палестину. Оба дипломата опубликовали затем свои мемуары об этом путешествии: Дашков «Русские поклонники в Иерусалиме»⁶,

а Марселлюс — «Воспоминания о Востоке виконта де Марселлюса, отставного полномочного министра»⁷.

В счете полученных Д.В. Дашковым денежных сумм для издержек по состоящим под его ведением российским консульствам в Леванте содержится интересная информация о его маршруте и путевых расходах. Из Константинополя Д.В. Дашков, поехал в Египет, затем направился в Сирию и Палестину. 21 августа / 3 сентября 1820 г. Д.В. Дашков прибыл в Яффу и остался там на день. Он составил для вице-консула в Яффе Г.И. Мостраса (1820–1838 гг.) служебные предписания, должностные обязанности и подробную инструкцию, передал их ему вместе с консульским патентом (*бератом*), удостоверяющим назначение на должность вице-консула, и султанским указом (*фирманом*), подтверждающим его полномочия, которые Строганов исходатайствовал в османском правительстве.

Д.В. Дашков обратил внимание на то, что яффский мутасаллим⁸, чтобы не подать повода к жалобам на него, принял все меры по обеспечению их охраны до самого Иерусалима, запретив арабским шейхам требовать от них подорожного сбора, и выделил в распоряжение Дашкова своего чиновника и драгоманов иерусалимского патриаршего подворья в Яффе, а также и разместил их в монастыре святого Георгия, находящегося в юрисдикции Иерусалимского Патриархата. Путники передали через его игумена на имя епитропов грамоту Иерусалимскому Патриарху Поликарпу с извещением об их прибытии⁹. Согласно отчету, Д.В. Дашков выделил «на подарки матросам» 15 пиастров/курушей, «в подарок людям муселлима» Яффы и «на пожертвование яффскому монастырю» — 150 пиастров, «за укладку на суда, переноску и мелкие расходы» — 36 пиастров, за наем лошадей и «проводную команду» — 377 пиастров, а «людям Абу Гоша» в качестве подарка — 20 пиастров¹⁰.

22 августа / 4 сентября 1820 г. Д.В. Дашков направился из Яффы в Иерусалим, куда прибыл 23 августа. В Святом Граде его экспедиция пробыла с 23 августа по 14 сентября. За этот период Дашков заплатил Святому Гробу 1000 пиастров за «жительство и содержание в большом (Патриаршем — М.Я.) монастыре». В качестве подаяний другим греческим монастырям в Иерусалиме, Вифлееме, лавре святого Саввы Освященного и «римским» (францисканским — М.Я.) монахам было пожертвовано 450 пиастров, за наем лошадей, «проводную команду» и другие издержки по переезду в Вифлеем, Гефсиманию и на Иордан было потрачено 395 пиастров, а на «мелочные расходы», «подарки людям муселлима» Иерусалима — 84 пиастра¹¹.

14/26 сентября 1820 г. Д.В. Дашков выехал в Рамлю, где выделил «на пожертвование рамльским монастырям», «в подарок сопровождавшим арабам, чегодарю муселлима» Рамли и проводникам — 287 пиастров, на наем лошадей — 420 пиастров, на продовольствие для чиновников и «проводной команды» — 82 пиастра¹². 17/29 сентября 1820 г. Д.В. Дашков отправился из Рамли в Акру, куда приехал 18 сентября и пробыл

там до 30 сентября, заплатив «офицерам паши, служителям, янычарам» 247 пиастров, за провоз россиянина Логинова, «отосланного как бродягу в Константинополь», капитану судна — 80 пиастров и за путевую провизию — 47 пиастров¹³.

В ходе своего пребывания в Палестине Д.В. Дашков проинспектировал консульства на Ближнем Востоке, проинструктировал вице-консула в Яффе Г.И. Мостраса, познакомился с османскими властями и греческим духовенством. Д.В. Дашков подробно описал барону Строганову положение дел с русскими паломниками и внутривосточную ситуацию в Леванте. В своем финансовом отчете Дашков отметил, что на Святой Земле сумма пожертвований и путевые расходы на экспедицию составили 2500 пиастров, а общая сумма издержек экспедиции Дашкова в ходе путешествия по Архипелагу, Египту, Палестине и Сирии составила 28886 пиастров 18 пара вместо 27800 пиастров, выданных до начала экспедиции¹⁴. Д.В. Дашков привел данные о путевых расходах паломников и причинах назначения Мостраса. По его сведениям, плавание из Яффы до Константинополя «на хорошем корабле и с нужными запасами» обойдется в 100 левов, добавив к этому 200 левов на подаяние разным греческим монастырям и церквям во все время пребывания в Палестине, наем лошадей и другие мелкие расходы и получится, что необходимые издержки русских богомольцев доходили до 500 рублей, однако многие из них приезжали совсем без денег и должны были прислуживать монахам или просить милостыню у ворот Патриаршего монастыря Иерусалима, где им никогда не отказывали в пище¹⁵. Дашков заметил, что для оказания «сим бедным странникам помощи, равно и для надзора над ними, послан был в Яффу особый чиновник, в звании вице-консула¹⁶.

Еще 1/13 января 1820 г. Император Александр I подписал указ об учреждении в Яффе вице-консульского поста «на том же положении, на котором существуют таковые в Синопе и Хио, выделив штатную сумму в 1900 рублей, «считая рубль в пятьдесят штиверов голландских», а вице-консулом туда назначить находящегося при Константинопольской миссии актуариуса Г.И. Мостраса, выдав ему на счет чрезвычайных издержек вице-консульства, «на проезд и заведение дома 400 червонных»¹⁷, а также сумму в размере 400 голландских дукатов на оплату путевых расходов¹⁸ и определив ему ежегодное жалование в 1200 рублей. Мострасу предписывалось направлять донесения посланнику барону Строганову, у которого он состоял «в полной зависимости»¹⁹. Целью учреждения первого российского вице-консульства в Яффе было предоставление «удобств и выгод», «защиты и пособия» российским подданным, приезжающим в Яффу для следования оттуда в Иерусалим, так как богомольцы нередко подвергались «великим угнетениям со стороны обитателей того края», а их путешествие было сопряжено с «немалыми опасностями и лишениями»²⁰.

Г.И. Мострасу требовалось подыскать секретаря и драгомана с функциями хранителя печати вице-консульства, так как в Яффе в отсутствие штатного драгомана эти функции осуществлял по совместительству консульский агент внештатного вице-консула России в Акре Антонио Катафаго²¹. Г.И. Мострасу было сложно подобрать подходящего драгомана, поэтому Д.В. Дашков рекомендовал на эту должность Франческо Ванина, которому барон Г.А. Строганов предписал незамедлительно прибыть к месту назначения, выделив ему сумму в размере 400 османских пиастров на оплату путевых расходов²².

Прибыв к новому месту службы, российский вице-консул в Яффе установил отношения не только с местными османскими властями, греческим духовенством монастыря Святого Георгия, но и с левантийской семьей итальянского происхождения Дамиани, которая была главным поставщиком кадров для иностранных консульств в Яффе. Османские подданные из древнего венецианского рода Дамиани в течение десятилетий из поколения в поколение передавали почетную должность вице-консула, выполняли консульские функции по защите прав и интересов иностранных подданных, одновременно находясь на консульской службе у нескольких европейских государств: России, Великобритании, Франции, Австрии, Голландии, королевства двух Сицилий, Венецианской Республики и др. Помимо этого, семья Дамиани занималась торговлей и ремесленным производством.

В дипломатических документах и паломнических дневниках конца XVIII — начала XIX вв. содержится информация об управляющих делами внештатного консульства России в Яффе из семьи Дамиани, занимавшихся оказанием консульской помощи российским подданным и защитой их прав до учреждения первого штатного вице-консульства в городе. Первым управляющим делами внештатного консульства России в Яффе с начала 90-х годов XVIII в. был старейшина рода Пьетро Дамиани²³. В начале XIX в. на посту внештатного вице-консула в Яффе П. Дамиани сменили его сыновья — Антонио Дамиани и Франческо Дамиани. Следует отметить, что русские паломники неоднозначно оценивали профессиональные качества консулов из семьи Дамиани, в том числе в вопросах оказания помощи по защите прав и отстаиванию интересов российских подданных, однако были высокого мнения об их человеческих качествах. Любопытными представляются описания Дамиани в записках дворян города Калуги Калужской губернии прапорщиков братьев Ивана Ивановича и Василия Ивановича Вешняковых, посетивших Яффу в 1805 г.²⁴, и дворянина города Старая Русса Новгородской губернии подпоручика Ильи Степановича Сысоева, побывавшего в Яффе в 1818 г.²⁵

Иван Вешняков охарактеризовал господина Дамиани следующим образом. По его словам, итальянский консул в Яффе, управляющий

и российскими консульскими делами, «человек очень добрый, ласковой и обходительной, но не знающий русского языка ни слова»²⁶. Вместе с тем, Вешняков отметил его трусливость и нерешительность, назвав его «боязливым человеком», не смевшим показаться на глаза Мехмед-паше Абу Набуту, сменившим на посту градоначальника Яффы Мехмед-пашу Абу Марака. Вешняков констатировал, что богомольцы не могли ожидать от итальянского консула помощи в разрешении конфликта с начальником местной таможни, не уважавшего фирманы и не позволявшего русским поклонникам беспошлинно покинуть порт, поэтому богомольцы обратились напрямую к Мехмед-паше Абу Набуту, который отдал приказание «имеющих султанские фирманы не удерживать ни минуты»²⁷. На аудиенции у Мехмед-паши Абу Набута Иван Вешняков предъявил ему султанский фирман, защищавший богомольца от «пашинской подати», и тот отпустил его с миром. Богомольцы особо отметили тот факт, что на иерусалимском патриаршем подворье Яффы к Ивану Вешнякову и его спутникам пришел арабский чиновник, который по поручению градоначальника сделал чернилами надпись в фирмане с указанием имен путников для пропуска в Дамасские ворота города Иерусалима, сказав, чтобы «впредь нигде ничего никому денег не давали»²⁸.

Илья Сысоев дал положительную характеристику консулу Франческо Дамиани, отметив его гостеприимство и щедрость. По его словам, у берега паломников встретил итальянский консул Франц (Франческо Дамиани — М.Я.), который затем разместил богомольцев в Георгиевском монастыре. По словам Сысоева, господин Дамиани пригласил всех поклонников к себе в дом, принял их радушно и «ласково», угощал водкой и конфетами, для них «накрыли по коврам скатерти», потчевал кофе. После трапезы Ф.Дамиани выдал им подорожную²⁹.

Примечательно, что И.С. Сысоев и сопровождавший его во время путешествия в Иерусалим в 1818 г. крестьянин деревни Марфино Старорусского уезда Петр Хостов подробно рассказали о консульской помощи и гостеприимстве Дамиани, в то время как крестьянин деревни Ляхово Ростовского уезда Ярославской губернии Яким Васильев, побывавший в Иерусалиме в 1819 г.³⁰, и дворянская девица села Лежнево Суздальского уезда Владимирской губернии Анна Алексеевна, посетившая Святой Град в том же году, в компании Параскевы Степановны, даже не упомянули об услугах консулов из семьи Дамиани³¹. Следует заметить, что, приступив к обязанностям вице-консула, Г.И. Мострас нанял на службу, помимо штатного драгомана Франческо Ванина, сотрудников сверх штата, принятых на работу в качестве внештатных драгоманов: Франческо Дамиани и Николая Марбути, а также секретаря — Андрея Булгари³². С конца 1820 г. Г.И. Мострас начал вести регулярную переписку с российским посланником в Константинополе бароном Г.А. Строгановым, преимущественно по вопросам

защиты прав и интересов паломников. Кроме того, вице-консул состоял в переписке с прокурорами и викариями Иерусалимского Патриархата, британским консулом в Яффе Антонио Дамиани и др.

24 сентября / 5 октября 1820 г. вице-консул Г.И. Мострас получил поручение от посланника Г.А. Строганова оказать консульскую помощь и обеспечить безопасное путешествие в Иерусалим крепостного первостатейного крестьянина графа Д.Н. Шереметева Кира Ивановича Бронникова. 27 сентября / 8 октября К.И. Бронников прибыл в Яффу, а 30 сентября / 11 октября в своем донесении Мострас сообщил Строганову о посещении К. Бронниковым города, о снабжении его всем необходимым и о предоставлении ему для сопровождения в Иерусалим охраны губернатора и русского слуги, говорящего по-османски³³.

Следует отметить, что Яффа была первым перевалочным пунктом на пути движения русских паломников, которые, прибыв в город на османских, итальянских и греческих парусных судах, пересаживались на гребные суда (лодки и шлюпки) и причаливали к берегу. В Иерусалим они отправлялись на гужевом и вьючном транспорте (верблюдах, лошадях, ослах и лошаках, на повозках и телегах), а остальные богомольцы шли пешком или ползли на коленях по паломническому маршруту через города Рамлю и Лод и далее по горной дороге следовали до Святого Града. Тем же маршрутом они возвращались обратно, причем, Рамля была перевалочным и транзитным пунктом на пути следования русских богомольцев из Иерусалима в Акру, Хайфу, Назарет и Тиверию. Прибыв из Константинополя в Яффу на иностранных торговых судах, русские богомольцы направлялись в российское вице-консульство для регистрации и сдачи заграничных паломнических паспортов на итальянском языке в обмен на записки с гербовой печатью, а также передачи на хранение в казенном сундуке под гербовой печатью ценных вещей и части денежных средств на обратный путь в обмен на расписки в получении. Вместе с тем в качестве «охранных грамот» и «дорожных грамот» у поклонников оставались султанские фирманы. По словам Бронникова, Г.И. Мострас оставил у себя паломнические паспорта на итальянском языке, полученные в Константинополе, а «вместо оных» дал каждому «с российским гербом маленькие записочки, но фирманы турецкие не отбирал»³⁴. Однако, узнав о том, что русский крестьянин намеревался ехать на Синайскую гору, «засвидетельствовав оной, приложил казенную печать»³⁵. По сообщению Стефана, Мострас оставил у себя полученные в османской столице паломнические паспорта на итальянском языке, а вместо них дал русским богомольцам также «по небольшой записке»³⁶.

В Яффе вице-консул Г.И. Мострас занимался также размещением паломников перед их отправкой в Иерусалим. Ввиду отсутствия собственной паломнической инфраструктуры богомольцы обычно помещались

на монастырском подворье Иерусалимского Патриархата, служившего также странноприимным домом, получая довольствие за счет греческой обители, за что оставляли его настоятелю небольшое денежное вспоможение.

Д.В. Дашков отметил, что паломники были «принимаемы в греческом метохе и довольствуемы всем, по обычаю, на счет монастырский: за что оставляли протоигумену небольшое подаяние»³⁷. Братья Вешняковы пишут, что во время их пребывания в Яффе игумен собирал со всякого поклонника мужского и женского пола по 23 пиастра и просил «подаяния на церковь и содержание подворья». Так, от Ивана и Василия Вешняковых и Михаила Новикова игумен получил по 5 пиастров с каждого богомольца на содержание церкви»³⁸. По сообщению Кира Бронникова, поклонники «жертвовали, сколько кто мог и хотел игумену на содержание того метоха»³⁹, что соответствует информации Стефана о том, что богомольцы «делали на содержание монастыря пожертвования, каждый по своему произволу и усмотрению»⁴⁰.

В 1821 г. на территории Османской империи началось греческое восстание, которое, по словам Д.В. Дашкова, «затруднило русским путь к Св. Гробу», т.к. движение русских поклонников на Святую Землю было приостановлено⁴¹. Тревожные события, связанные с греческим восстанием, развивались стремительно. Слухи о возникновении «смутных происшествий» и «возмущениях турок» докатились до Святого Града. 12/24 апреля 1821 г. вице-консул Г.И. Мострас выехал из Иерусалима и 13/25 апреля прибыл в Яффу со своей семьей, сотрудниками вице-консульства и приблизительно 250 паломниками. В каталоге вещей, расхищенных османскими солдатами 14/26 апреля 1821 г. в Яффе у российского вице-консула в Яффе и Иерусалиме Г.И. Мостраса, содержится информация о том, что, вернувшись в Яффу, он обнаружил, что консульский дом, арендуемый им у греческого монастыря за 900 турецких пиастров на основании указа Абдаллы-паши Акроского⁴², был окружен 200 вооруженными солдатами во главе с комендантом крепости (*дисдаром*), слуги разоружены, апартаменты захвачены, пожитки разграблены, сундуки выпорожнены, а его семья и он сам подверглись оскорблениям⁴³.

Российский вице-консул безуспешно пытался заставить османских солдат уважать российский флаг, тщетно требовал объяснения причин разорений и расхищений. Мострас направился за объяснениями к Мехмеду-паше Яффскому. Тот, в свою очередь, заявил, что он действует в соответствии с распоряжениями Акроского паши и отказался дать разрешение вице-консулу остановиться у британского коллеги Антонио Дамиани, позволив Мострасу жить в полуразрушенном здании, пребывание в котором рассматривалось как заточение⁴⁴. По сведениям Г.И. Мостраса, в результате инцидента, произошедшего 14/26 апреля 1821 г. в Яффе,

практически все его имущество «было разграблено войском сего города», а все, что он смог «укрыть от их варварства», осталось в одном доме, в котором и его «семейство находилось», однако он опасался того, как бы «сие несчастное семейство и сей остаток имуществ не учинились жертвою сих извергов»⁴⁵.

Несмотря на чрезвычайные обстоятельства в Яффе Мострас продолжал заниматься проблемой обеспечения безопасности российских подданных, отправив их первую партию. Подготовив к отправке остальных поклонников, он неожиданно получил от британского коллеги Антонио Дамиани сообщение о том, что наместник Акры Абдалла-паша, в чьем ведении находилась Яффа, якобы убил российского вице-консула в этом городе Антонио Катафаго, поэтому Мострас был вынужден спешно покинуть Яффу и отправиться вместе со второй партией российских подданных на нанятом для этого австрийском судне. При этом он оставил свою семью в Яффе и определил вместо себя «хранителя печати», служившего в консульской канцелярии⁴⁶. Мострасу до последнего удавалось скрывать от османов свое намерение покинуть Яффу. Однако в самый последний момент его предал «продавшийся османским властям» австрийский консульский агент. Он сделал все возможное, чтобы воспрепятствовать отправлению российского вице-консула. Мострас был вынужден дать ему взятку в 100 пиастров, которые, однако, не смогли задобрить последнего и предотвратить доноса османам о намерении российского вице-консула бежать из Яффы вместе с поклонниками⁴⁷. В связи с нехваткой времени Мострас отдал приказ капитану судна спешно рубить якорный и корабельный канаты «для скорейшего отплытия поклонников» и «для спасения жизней значительного числа российских подданных»⁴⁸.

В качестве свидетельства об общей стоимости вещей, расхищенных османскими солдатами 14/26 апреля 1821 г. в Яффе, приводится информация секретаря А. Булгари, о том, что османские солдаты разграбили у вице-консула Мостраса, его супруги и двух детей драгоценностей и вещей на сумму 1570 испанских талеров⁴⁹, а, по сведениям самого Мостраса, похитили украшений, драгоценностей, оружия, столовых приборов, посуды и постельных принадлежностей на сумму 1995½ испанских талеров, не считая стоимости имперских гербов, флага и флагштока вице-консульства, равной 82 талерам⁵⁰, а издержки Ванина по отправке Мостраса из Яффы и путевые расходы до Корфу составили 19089 турецких пиастров⁵¹.

По сведениям Мостраса, один из кавасов передал секретарю вице-консульства Андрею Булгари казенный сундук, а тот, в свою очередь, рискуя жизнью, отдал его на хранение британскому вице-консулу А. Дамиани. В сундуке находились паломнические паспорта, несколько консульских журналов, печать вице-консульства, мундир вице-консула, канцелярские принадлежности и 2400 турецких пиастров⁵². По словам Мостраса,

расходы на компенсацию его материального ущерба и эвакуацию составили 15000 турецких пиастров: 5000 пиастров на благоустройство консульского дома в Яффе и на возмещение убытков за разграбленное имущество, 100 пиастров австрийскому агенту, 60 пиастров на каждого паломника (4920 пиастров — М.Я.) за фрахт первого австрийского судна в Яффе, 1450 пиастров капитану за обрубленные якорный трос и швартовочный канат, 35 пиастров на каждого паломника (2800 пиастров — М.Я.) за фрахт второго австрийского судна до Триеста и др. Для оплаты дополнительных расходов Мострасу потребовалась сумма в 590 испанских талеров. Следует отметить подвиг Г.И. Мостраса, оставившего свою семью на попечение британского вице-консула А. Дамиани в его доме, рисковавшего жизнью, чтобы спасти от смерти десятки русских паломников и сделавшего все от него зависящее для обеспечения их безопасного возвращения домой.

В это сложное время Мострас продолжал информировать управляющих Константинопольской миссии Г.А. Строганова и Д.В. Дашкова, находящихся в Петербурге, о политической ситуации на Святой Земле. Первый серьезный труд по вопросу паломничества на Святую Землю был написан Г.И. Мострасом на основании полученного опыта постоянного проживания в Палестине и общения с местными османскими властями, иностранными консулами, греческим духовенством и российскими подданными различных вероисповеданий. Этот документ был озаглавлен «Замечания по вопросу паломничества в Палестину, сделанные в 1821 г. почетным консулом Георгием Мострасом, вице-консулом Его Величества Всероссийского Императора в Яффе и Иерусалиме». Документ с небольшими пояснениями и доработками был направлен непосредственно министру духовных дел князю А.Н. Голицыну в Петербург 13/25 января 1822 г. из Триеста.

В 1830 г. в Яффе возобновило работу вице-консульство во главе с Г.И. Мострасом, вернувшимся в город для исполнения своих обязанностей. Любопытное сообщение о Мострасе оставил в своем дневнике французский монах М.-Д. Фердинанд де Жерамб, повстречавший его в Яффе в 1831 г. Отрицательно относясь к грекам, говоря, что для него они были хуже турок, после встречи с Мострасом он написал: «г-н Мострас, весьма приятный человек, которого его повелитель держит там исключительно для предоставления помощи поклонникам его вероисповедания»⁵³.

Такого же высокого мнения о российском вице-консуле Г.И. Мострасе были и русские богомольцы. В 1820 г. Бронников написал, что Мострасом он был «весьма доволен, да и по всему видно, что он человек добрый и честный»⁵⁴. В 1830 г., по словам паломника Стефана, он и его спутники были «чрезмерно обласканы» Г.И. Мострасом, который просил «поместить всех в особые кельях»⁵⁵. В 1835 г. А.С. Норов отметил, что он был принят «под гостеприимный кров» Мостраса, который оказал ему «много дружеских услуг»⁵⁶ и, покидая Яффу, написал, что ему было грустно расставаться

с «почтенным семейством г-на Мостраса»⁵⁷. В 1836 г. иеромонах Аникита отметил, что Мострас принял его «весьма дружелюбно» и предоставил ему «покойные жилища в монастыре Георгиевском»⁵⁸. По описанию А.С. Норова, дом российского вице-консула Г.И. Мостраса является одним из лучших в Яффе, «расположен самым приятным образом: весь ряд комнат выходит на крытую террасу, которая господствует над гаванью и заливом», а рядом с домом находится греческий монастырь Святого Георгия⁵⁹.

С 1830-х гг. к донесениям из Константинополя в Петербург стали прилагаться подробные статистические сведения о богомольцах, посещавших османскую столицу, а вице-консул в Яффе Г.И. Мострас стал прикладывать к своим донесениям в Константинополь списки русских паломников, направляющихся в Иерусалим через Яффу. Любопытно сопоставить статистические сведения о русских паломниках, отправляющихся на богомолье в Иерусалим в 1830–1833 гг. По данным канцелярии вице-консульства в Яффе, с июля 1830 г. по апрель 1831 г. в портовый город для следования в Святой Град прибыло 115 русских православных паломников, с июля 1831 г. по апрель 1832 г. — 89, с апреля 1832 г. по апрель 1833 г. — 140. По сведениям коммерческой канцелярии Константинопольской миссии, в 1831 г. в османскую столицу для следования в Святой Град, на Святую Синайскую и Афонскую горы прибыло 266 русских православных паломников, в 1832 г. — 138, в 1833 г. — 140, в 1834 г. — 106, в 1835 г. — 95, в 1836 г. — 87, в 1837 г. — 100, 1838 г. — 112⁶⁰.

Согласно статистическим данным, в 1830-е гг. немногим более тысячи русских православных паломников посетили Святую Землю, некоторые из них побывали также на Афоне и Синае. В принципе, в этот период еще нельзя говорить о появлении тенденций к увеличению числа православных паломников по ряду факторов: меры российского правительства по сдерживанию малоимущих и неимущих богомольцев от паломничества в Святой Град; проблемы с размещением поклонников в монастырях Святой Земли; неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая обстановка и отсутствие карантинной системы в Палестине.

Статистические сведения канцелярии вице-консульства в Яффе более подробны, чем данные Константинопольской коммерческой канцелярии. В отличие от своих коллег в Царьграде, включавших армян в графу «христиане», Г.И. Мострас отдельно учитывал православных, армян, протестантов и католиков, а в конце списков приводил общую статистику по султанским подданным (райа): грекам, армянам, иудеям и европейским пилигримам (англичанам и французам), посещавшим Иерусалим в период с июля 1830 г. по апрель 1833 г.⁶¹ Если с 1831 по 1838 гг. официально зарегистрированных православных поклонников, посетивших Иерусалим и Афон, было не больше тысячи, то за период с 1845 по 1851 гг. их количество возросло в несколько раз⁶².

Интересно сравнить путевые расходы от Константинополя до Яффы на примере писателей-паломников, посетивших Святую Землю в начале XIX в. Так, за проезд из Константинополя до Яффы Иван Иванович Вешняков заплатил капитану корабля 35 пиастров, Илья Степанович Сысоев — 40 левов, Кир Иванович Бронников проехал «безденежно», Серапион отдал 150 левов; лодочникам в Яффе Вешняков заплатил 20 пара, Сысоев, Бронников и Серапион — по 2 лева; носильщикам за перенос вещей до Георгиевского монастыря Вешняков заплатил 2 пара, Сысоев — 8 пара за мешок; за проезд до Иерусалима Вешняков и Бронников заплатили извозчикам по 8 пиастров, Сысоев — 18 левов, Серапион 3 рубля 60 копеек; за провоз багажа до Святого Града Бронников заплатил 6 пара за батман⁶³, Серапион — 35 копеек за пуд⁶⁴.

Паломники в своих путевых записках приводили сведения о стоимости султанских фирманов для путешествия в Иерусалим. Так, в 1817 г. Илья Сысоев и Петр Степанович Хостов отдали за фирман 26 левов (20 руб. 80 коп.)⁶⁵, в 1818 г. Яким Васильев заплатил за фирман 25 левов⁶⁶, а Анна Алексеевна и Параскева Степановна приобрели фирман за 22 рубля⁶⁷. Некоторые поклонники — Мелетий⁶⁸, братья Иван Иванович и Василий Иванович Вешняковы⁶⁹ и Кир Бронников⁷⁰ — прикладывали к своим путевым дневникам переводы фирманов на русский язык. Российское вице-консульство в Яффе, так же как и Константинопольская миссия, нередко оказывало денежное пособие неимущим поклонникам и оплачивало путевые издержки малоимущих богомольцев, а состоятельные паломники, оплачивали расходы самостоятельно.

Судьба первого российского вице-консула сложилась трагически. В 1838 г. в Яффе накануне Пасхи среди поклонников греческого монастыря Святого Георгия произошла вспышка чумы. Г.И. Мострас не прервал отношений с монастырем, понадеявшись на казенный карантин. Вскоре двое богомольцев и мать игумена заболели и умерли. Трагедия не обошла стороной и многочисленное семейство вице-консула в Яффе Мостраса, жившего с прислугой при греческой обители. В прежние годы чума не раз завозилась в этот портовый город богомольцами, но Г.И. Мострас всегда умел себя обезопасить, соблюдая строгий карантин в своем доме и прерывая все сношения с монастырем. Вскоре заболел и умер его двоюродный брат, потом две служанки-арабки, потом жена и две дочери Мостраса. В течение месяца в его доме умерло 12 человек. Между тем зараза из монастыря перешла в Яффу, где умерло около 200 человек, а потом в Рамлю, Иерусалим и его окрестности⁷¹. Сам Мострас в 1838 г. отправился на судне из Яффы в Смирну, но по дороге умер.

Российское вице-консульство в Яффе стало первым штатным консульским учреждением на Святой Земле под управлением Г.И. Мостраса «вице-консула Его Величества Всероссийского Императора

в Яффе и Иерусалиме». Создание вице-консульства России в Яффе стало первым шагом на пути учреждения штатных консульских представительства на Святой Земле: вице-консульств, консульств и генеральных консульств, в частности генконсульства в Иерусалиме, оказывавших помощь и содействие российским подданным в защите их прав и интересов.

¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 604. Л. 90–120.

² Там же. Д. 604. Л. 121–156.

³ Там же. Ф. Административные дела (АД). Оп. IV-5. 1818. Д. 17. Л. 10–84об.

⁴ Там же. Л. 85–107об.

⁵ Османский пиастр, или лев — европеизированное название османской денежной единицы из серебра, которую местные жители называли кырш, (мн.ч. куруш). Первоначально — название серебряных европейских монет в Османской империи, позднее — собственная монета (1 куруш = 40 пара), чей вес значительно менялся (от 26 до 1 грамма). В конце XVIII — начале XIX вв. — 17 османских пиастров были эквивалентны 1 рублю серебром.

⁶ Дашков Д.В. Русские поклонники в Иерусалиме (Отрывок из путешествия по Греции и Палестине) // Северные цветы на 1826 год. СПб., 1826.

⁷ Marcellus M.J. Souvenirs de L'Orient, par la Vicomte de Marcellus, Ancien Ministre Plénipotentiaire. 2 Vols. Paris., 1839.

⁸ Мутасаллим (араб.), или мюселлим (осм.) — глава гражданской администрации в провинциальных округах и городах Османской империи.

⁹ Дашков Д.В. Русские поклонники в Иерусалиме... С. 6–7, 10.

¹⁰ АВПРИ. Ф. АД. Оп. IV–30. 1821. Д. 1. Л. 43–50об.

¹¹ Там же. Л. 46об.

¹² Там же. Л. 46об.-47.

¹³ Там же. Л. 47.

¹⁴ Там же. Л. 43, 50об.

¹⁵ Дашков Д.В. Русские поклонники в Иерусалиме... С. 55.

¹⁶ Там же. С. 56–57.

¹⁷ АВПРИ. Ф. Санкт-Петербургский главный архив (СПбГА). Оп.46. 1816–1832. Д. 3. Ч. 2. Л. 1–2об.; там же. Оп. 123. Разряд IV-5. 1818–1830. Д. 2; там же. Ф. АД. Оп. 5. Разряд IV-30. 1820. Д. 316.

¹⁸ Там же. Ф. Вице-консульство в Яффе. Оп. 823. 1820. Д. 1. Л. 1–1об.

¹⁹ Там же. Ф. СПбГА. Оп. 123. Разряд IV-5. 1818. Д. 2. Л. 12–12об.

²⁰ Там же. Ф. АД. Оп. 5. Разряд IV-30. 1820. Д. 316. Л. 1.

²¹ Там же. Л. 1об.

²² Там же. Ф. Вице-консульство в Яффе. Оп. 823. 1820. Д. 1. Л. 7.

²³ Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 90/1. 1792–1796. Д. 1116. Л. 1–7; там же. 1797–1798. Д. 1298. Л. 1–3.

- 24 *Вешняков И.И.* Путевые записки во Святой Град Иерусалим и окрестности онога Калужской губернии дворян Ивана и Василия Вешняковых и медынского купца Михаила Новикова в 1804 и 1805 годах. М., 1813.
- 25 *Сысоев И.С.* Путевые записки во Святой Град Божий Иерусалим и окрестности онога Новгородской губернии города Старой Руссы подпоручика Ильи Степановича Сысоева и крестьянина Петра Хостова в 1817 и 1818 годах / ОР РНБ. Собрание ОЛДП. Q 623.
- 26 *Вешняков И.И.* Путевые записки во Святой Град Иерусалим... С. 173.
- 27 Там же. С. 173–174.
- 28 Там же. С. 64, 212.
- 29 *Сысоев И.С.* Путевые записки во Святой Град Божий Иерусалим... Л. 13об., 14, 17.
- 30 *Васильев Я.* Путешествие во Святой Град Иерусалим из России крестьянина Якимаса Васильева в 1818 году / ОР РНБ. Собрание А.А. Титова. № 889.
- 31 *Анна Алексеевна.* Путешествие во Святой Град Иерусалим села Лежнева девицы Анны Алексеевны и вдовы Параскевы Степановны в 1819 году / ОР РНБ. Собрание А.А. Титова. № 1307.
- 32 АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517. 1820. Д. 1641. Л. 39–40об; 41–41об.
- 33 Там же. Л. 28–28об.
- 34 *Бронников К.И.* Путешествие к Святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820–1821 гг. села Павлова жителем Кирием Бронниковым. М., 1824. С. 28.
- 35 Там же. С. 28–29.
- 36 *Стефан-Серапион (Агеев).* Путешествие во Святой Град Иерусалим Патриаршего Иерусалимского монастыря монаха Серапиона, именованного прежде пострижения Стефаном 1830 и 1831 годов / ОР РНБ. Собрание Н.П. Тиханова. № 511; Два путешествия в Иерусалим в 1830 и 1831 и в 1861 годах / Составила Е.Л. Румановская. М., 2006. С. 45.
- 37 *Дашков Д.В.* Русские поклонники в Иерусалиме... С. 52.
- 38 *Вешняков И.И.* Путевые записки во Святой Град Иерусалим... С. 62.
- 39 *Бронников К.И.* Путешествие к Святым местам... С. 25.
- 40 *Стефан-Серапион.* Путешествие во Святой Град Иерусалим... С. 45.
- 41 *Дашков Д.В.* Русские поклонники в Иерусалиме... С. 56–57.
- 42 АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/1. Д. 1643. Л. 20.
- 43 Там же. Ф.СПбГА. Оп. 46. Разряд II-9. 1821. Д. 1. Л. 4–4об.
- 44 Там же. Л. 4об.-5.
- 45 Там же. Ф. АД. Оп. 30. Разряд IV-30. 1822. Д. 10. Л. 29–30об.
- 46 Там же. Ф.СПбГА. Оп. 46. Разряд II-9. 1821. Д. 1. Л. 5–5об.
- 47 Там же. Л. 5об.-6.
- 48 Там же. Л. 6.
- 49 Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/1. Д. 1643. Л. 20.
- 50 Там же. Л. 18–19.
- 51 Там же. Ф. СПбГА. Оп. 46. Разряд II-9. 1821. Д. 1. Л. 11об.
- 52 Там же. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/1. Д. 1643. Л. 19.
- 53 *Geramb, de M.-J.* A Pilgrimagedo Palestine, Egypt, and Syria. Vol. I. London, 1840. P. 50.

- 54 *Бронников К.* Путешествие к Святым местам... С. 28.
- 55 *Стефан-Серапион.* Путешествие во Святой Град Иерусалим... С. 45.
- 56 *Норов А.С.* Путешествие по Святой земле в 1835 году Авраама Норова. СПб., 1838; М., 2008. С. 177.
- 57 Там же. С. 179.
- 58 *Аникита.* Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах. СПб., 1838; М., 2009. С. 75.
- 59 *Норов А.С.* Путешествие по Святой Земле... С. 177.
- 60 Русские богомольцы различных вероисповеданий, прибывшие в Константинополь: в 1831 г. — 575, в 1832 г. — 600, в 1833 г. — 727, в 1834 г. — 508, в 1835 г. — 249, в 1836 г. — 282, в 1837 г. — 359, в 1838 г. — 390 / АВПРИ. Ф. СПбГА. Оп. 46. 1831. Д. 5. Л. 2, 26; там же. 1834–1838. Д. 1. Л. 1, 27, 43, 60, 74; там же. 1838. Д. 1. Л. 1.
- 61 По сведениям Мостраса, численность султанских подданных, посетивших Иерусалим в 1830–1831 гг., была следующей: греки райа — 2860, армяне райа — 1887, иудеи райа — 397; всего: 5144, а в 1831–1832 гг.: греки райа — 2600, армяне райа — 4992, иудеи райа — 3000, английские пилигримы — 60, французские пилигримы — 80; всего: 10732; с 1832 по 1833 гг. сведения о численности нероссийских паломников отсутствуют.
- 62 АВПРИ. Ф. СПбГА. Оп. 46. 1846–1851. Д. 3. Л. 1.
- 63 1 батман — около 8 кг.
- 64 1 пуд — около 16 кг.
- 65 *Сысоев И.С.* Путевые записки во Святой Град Божий Иерусалим... Л. 3об.
- 66 *Васильев Я.* Путешествие во Святой град Иерусалим... Л. 5.
- 67 *Анна Алексеевна.* Путешествие во Святой Град Иерусалим... Л. 4.
- 68 *Мелетий.* Путешествие во Иерусалим Саровской Общежительной Пустыни иеромонаха Мелетия в 1793–1794 годах // РГАДА. Рукопись собрания Саровской пустыни. Оп. 1. Д. 305; М., 1800. С. 42–43.
- 69 *Вешняков И.И.* Путевые записки во Святой Град Иерусалим... С. 210–212.
- 70 *Бронников К.* Путешествие к Святым местам... С. 285–287.
- 71 Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. М. 1991. С. 110–111.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 75-летию Михаила Борисовича Пиотровского

09 декабря 2019 г. исполнилось 75 лет со дня рождения Михаила Борисовича Пиотровского, члена РПО при АН СССР с 1984 г., члена МОО «ИППО» с 1992 г., члена Совета Общества в 1992–2007 гг. и с 2014 г. по н/в., члена редколлегии «Православного Палестинского Сборника», председателя Санкт-Петербургского отделения Общества с 1992 г. по н/в., известного российского учёного-востоковеда, академика РАН, директора Государственного Эрмитажа. Родился в Ереване, сын выдающегося советского археолога, многолетнего директора Эрмитажа, академика Б.Б. Пиотровского. В 1961 г. он поступил на отделение арабской филологии восточного факультета Ленинградского университета, которое окончил с отличием в 1967 г., прошёл годичную стажировку в Каирском университете. С 1967 г. М.Б. Пиотровский сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, прошёл путь от лаборанта до ведущего научного сотрудника. В 1973–1976 гг. работал переводчиком и преподавателем йеменской истории в Высшей школе общественных наук в Народной Демократической Республике Йемен. В 1984 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Южная Аравия в раннем Средневековье: процесс сложения средневекового общества». С 1991 г. — первый заместитель директора, с 1992 г. по н/в — директор Государственного Эрмитажа. Действительный член Российской академии художеств, член Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН, с 2011 г. заведует кафедрой Древнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета. Одновременно с 2013 г. декан восточного факультета СПбГУ. Сфера научных интересов М.Б. Пиотровского: древняя и средневековая история Ближнего Востока, история Аравийского полуострова, Саба, Химйар, Коран и ранняя история Ислама, древнеаравийские надписи, эпические предания арабов, арабская рукописная книга, мусульманское искусство. Автор более 250 научных

и научно-популярных работ, среди них: серии статей по мусульманской мифологии в энциклопедии «Мифы народов мира», серия статей о пророке Мухаммаде, «Ислам. Энциклопедический справочник», «Эрмитаж. Собрания и собиратели», «Эрмитаж» в серии «Великие музеи мира», «Исторические предания Корана». Президент Союза музеев России с момента его учреждения в 2001 г., президент Всемирного клуба петербуржцев, председатель Попечительского совета Европейского Университета. Начиная с 1992 г., М.Б. Пиотровский непременный участник собраний и конференций МОО «ИППО», на которых выступал по значимым вопросам развития Общества и работе Санкт-Петербургского отделения. Он инициатор движения в России и Европе по восстановлению музея и археологического комплекса в Пальмире (Сирия), которые были разрушены международными террористами. «Наша обязанность — не просто отвоевать Пальмиру и восстановить всю ее красоту. Но сделать её таким уроком для людей, доказывающим, с одной стороны, что разрушать красоту нельзя. А с другой, — что красота все равно побеждает. И не только она спасает мир, но и мы ее. И она сама себя все равно спасает. И мы все, в конечном счете, воюем за культуру. И когда это война за культуру — это справедливая война» — эти слова М.Б. Пиотровского, сказанные в 18 марта 2016 г. в интервью «Российской газете», облетели весь мир. Председатель ИППО С.В. Степашин направил поздравление Михаилу Борисовичу, в котором написал: «Многие годы Вы являетесь членом Совета Императорского Православного Палестинского Общества, руководителем Санкт-Петербургского отделения ИППО, активно участвуя в деятельности старейшей в России Международной общественной организации. Желаю Вам крепкого здоровья, исполнения всех намеченных планов!»

СТЕГНИЮ ПЕТРУ ВЛАДИМИРОВИЧУ ИСПОЛНИЛОСЬ 75 ЛЕТ

14 января 2020 г. исполнилось 75 лет со дня рождения Петра Владимировича Стегния, заместитель Председателя ИППО, известный российский дипломат, ученый-историк, общественный деятель, Чрезвычайный и Полномочный посол РФ, член Российского совета по международным делам (РСМД). В 1968 г. окончил МГИМО МИД СССР. В 1968–1986 гг. он был сотрудником посольств СССР в Судане, Йемене, Египте. В 1986–1990 гг. работал советником-посланника посольства СССР в Ливии, в 1991–1992 гг. — заместителем начальника Управления стран Ближнего Востока и Северной Африки МИД России, с 31 декабря 1992 г. по 24 марта 1998 г. он был Чрезвычайным и Полномочным послом РФ в Кувейте. В 1998–2003 гг. Пётр Владимирович являлся директором Историко-документального департамента МИД России; 31 октября 1999 — 21 апреля 2003 гг. — член коллегии МИД РФ. В 2002 г. он успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Разделы Речи Посполитой 1772, 1793 и 1795 годов и дипломатия Екатерины II». С 27 февраля 2003 г. по 31 января 2007 гг. он был Чрезвычайным и Полномочным послом РФ в Турции. В этот период он активно сотрудничал с ИППО по вопросу возрождения российского научного и культурного присутствия Турции. С 31 января 2007 г. по 08 июля 2011 гг. он был Чрезвычайным и Полномочным послом РФ в Израиле, активно способствуя передаче в российскую собственность Сергиевского подворья в Иерусалиме, а также сохранению наследия ИППО в Святой Земле. Он автор многочисленных монографических изданий и статей по истории российской дипломатии. Председатель ИППО С.В. Степашин направил поздравление Петру Владимировичу, в котором написал: «Вы внесли значительный вклад в укрепление позиций России на Ближнем Востоке, развитии межгосударственного и межконфессионального диалога в регионе, который (события последних лет показывают это) является ключевым в мировой политике. ... Ваше участие в работе ИППО придаёт весомость многим начинаниям Общества и приносит свои положительные результаты. Желаю Вам крепкого здоровья и новых свершений на благо Отечества!»

К 70-ЛЕТИЮ СЕРГЕЯ ВИКТОРОВИЧА ЛАВРОВА

21 марта 2020 г. исполнилось 70 лет со дня рождения Сергея Викторовича Лаврова, почётного члена ИППО с 2005 г., министра иностранных дел Российской Федерации, постоянного члена Совета безопасности России. Он родился в Москве, в 1972 г. закончил МГИМО МИД СССР. В 1972–1976 гг. работал в Республике Шри-Ланка. В 1976–1981 гг. занимал должности третьего, второго секретаря Отдела международных экономических организаций МИД СССР. В 1981–1988 гг. — первый секретарь, советник, старший советник Постоянного Представительства СССР при ООН в Нью-Йорке (США). В 1988–1992 гг. — заместитель начальника Управления международных экономических организаций МИД СССР. В 1992 г. был назначен директором Департамента международных организаций и глобальных проблем МИД России. С апреля 1992 г. по январь 1994 г. был заместителем министра иностранных дел России, курировал деятельность Департамента международных организаций и международного экономического сотрудничества, Управления по правам человека и международного культурного сотрудничества, Департамента по делам государств СНГ. В 1994–2004 гг. С.В. Лавров являлся Постоянным Представителем Российской Федерации при Организации Объединённых Наций. Имеет ранг Чрезвычайного и Полномочного посла Российской Федерации.

09 марта 2004 г. он был назначен министром иностранных дел Российской Федерации, который занимает до настоящего времени. В сентябре 2004 г. он посетил Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме и обсуждал с её начальником архимандритом Елисеем (Ганабой) проблемы присутствия РПЦ в Израиле и вопросы возвращения в российскую собственность всего здания Миссии и Сергиевского Подворья, которое они осмотрели после беседы. Посещение Сергиевского подворья в Иерусалиме С.В. Лавровым

было первым визитом на русские постройки российского министра иностранных дел за всю нашу отечественную историю. Находясь на посту министра иностранных дел России, он постоянно уделял и продолжает уделять внимание и поддерживает деятельность МОО «ИППО», неоднократно встречался с руководством Общества, оказывал содействие его инициативам, программам и проектам, участвовал в отчётно-выборных собраниях и конференциях. Выступая на Общем годичном собрании и торжественном заседании МОО «ИППО», посвящённом 125-летию его деятельности, С.В. Лавров сказал: «Министерство иностранных дел будет и впредь всячески поддерживать Общество в его усилиях по укреплению духовного и культурного наследия России в Святой Земле через программу паломничества, через поддержку очагов русской культуры среди палестинских арабов и их соседей, через образовательные обмены и создание медицинских центров, через возвращение созданной усилиями Общества собственности России в Святой Земле».

В 2005 г. он принимал участие в переговорах, которые проводил Президент России В.В. Путин с премьер-министром А. Шароном, в том числе по вопросу о возвращении в российскую собственность Сергиевского подворья в Иерусалиме. После этого последовало три года напряжённой дипломатической работы под руководством С.В. Лаврова, в результате которой в конце декабря 2008 г. Сергиевское подворье в Иерусалиме было передано России. В июле 2009 г. в МИД РФ состоялся торжественный приём по случаю возвращения Сергиевского подворья в Иерусалиме в российскую собственность. На приёме С.В. Лавров поздравил всех собравшихся с важным событием и большим успехом отечественной дипломатии, а также выразил глубокую благодарность МОО «ИППО» за многолетнюю работу по возвращению подворья России. Он способствовал тому, что России были переданы несколько участков ИППО в Палестине.

От лица МИД РФ С.В. Лавров неоднократно поддерживал и приветствовал научные конференции и симпозиумы ИППО. Приветствуя организаторов и участников Международной научной конференции «Русская Палестина. Россия в Святой Земле», которая проходила в Москве в октябре 2009 г., он писал: «Уникальный феномен под названием Русская Палестина — результат разносторонней гуманитарной деятельности нашей страны. Эта грандиозная подвижническая деятельность обеспечила утверждение благоприятного образа России на всём Ближнем Востоке, способствовала распространению высокого стандарта христианской морали. Важный вклад в эти усилия внесло Императорское Православное Палестинское Общество». Он активно поддержал выставочный проект Общества по проведению Международной юбилейной выставки «Россия в Святой Земле: к 130-летию сотрудничества Императорского Православного Палестинского Общества с народами Ближнего Востока»,

которая была подготовлена и проведена Обществом при поддержке МИД РФ в ЦВЗ «Манеж» 05–14 июля 2012 г. Благодаря усилиям МИД РФ и лично С.В. Лаврова, участниками юбилейной выставки ИППО стали основные государства Ближнего Востока: Палестина, Израиль, Сирия, Ливан, Иордания и Египет.

В ходе визита Президента России В.В. Путина 26 июня 2012 г. на территорию Палестины он принял участие в открытии Российского центра науки и культуры в Вифлееме, размещенного на базе Центра ИППО. В своём приветствии участникам Всероссийской научной конференции «200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской Империи», которая прошла в Государственном Эрмитаже 03–04 октября 2019 г., он отметил: «Императорское Православное Палестинское Общество — старейшая общественная организация нашей страны. На протяжении многих лет многогранная деятельность ИППО способствует развитию паломничества на Святую Землю, наращиванию гуманитарных связей с ближневосточными народами, укреплению позиций России на Ближнем Востоке в целом».

Председатель ИППО С.В. Степашин тепло поздравил видного российского государственного деятеля с юбилейной датой и обратился к нему со следующими словами: «В Императорском Православном Палестинском Обществе, Почётным членом которого Вы являетесь, особо ценят усилия российской дипломатии, под Вашим руководством по возвращению России на Ближний Восток как защитника угнетённых народов и как международного посредника в урегулировании конфликтов. Благодарю Вас за неизменную поддержку и содействие международной деятельности Общества».

Многая и благая лета, Сергей Викторович!

АРХИМАНДРИТУ АЛЕКСАНДРУ (ЕЛИСОВУ) ИСПОЛНИЛОСЬ 60 ЛЕТ

12 февраля 2020 г. исполнилось 60 лет начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандриту Александру (Елисову), члену Совета МОО «ИППО». Председатель ИППО С.В. Степашин направил отцу Александру поздравление, в котором написано: «Сердечно поздравляю Вас с 60-летним юбилеем! Всю сознательную жизнь Вы посвятили служению Богу и Отечеству. Последние годы Вы достойно исполняете высокие обязанности начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, впитав традиции своих великих предшественников. Вы проявляете отеческую заботу о паломниках, прибывающих на Святую Землю, в сфере Ваших попечений церковно-дипломатическая деятельность, направленная на укрепление братских взаимоотношений с Иерусалимской Православной Церковью, многотрудная юридическая и хозяйственная деятельность по устройению жизни на участках нашей Миссии в Святой Земле. Несомненно, что в этих повседневных трудах Вам помогает богатый опыт, приобретенный Вами ранее, при исполнении многочисленных послушаний. Вы много лет являетесь членом Совета ИППО и вносите посильный вклад в деятельность Императорского Православного Палестинского Общества. Поздравляю Вас с высшей наградой Общества — Почётным знаком «Вифлеемская звезда», которой Вы удостоены по решению Совета ИППО. Желаю Вам крепости духа и крепкого здоровья!»

ЮБИЛЕЙ АННЫ ВИТАЛЬЕВНЫ ГРОМОВОЙ

15 марта 2020 г. исполнилось 60 лет со дня рождения Анны Витальевны Громовой, заместителя Председателя ИППО, председателя Наблюдательного совета Фонда содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество» (Фонд ЕСПО), старшего научного сотрудника и руководителя международного центра «Благотворительность в истории» Института всеобщей истории РАН.

А.В. Громова является автором многочисленных публикаций, каталогов выставок по европейской и российской истории XIX–XX вв., куратором российских и международных выставок, занимается изучением общественной и церковной жизни этого периода, истории благотворительных организаций в России и Европе, а также опыта благотворительной деятельности Императорского Дома Романовых.

С 2011 г. возглавляет Фонд ЕСПО, реализующий научно-прикладные программы в области просвещения и благотворительности, поддержки отечественной культуры. Фонд является организатором межрегиональных программ по изучению наследия представителей Императорского Дома Романовых, уделяя особое внимание социальным, благотворительным и просветительским инициативам Великого Князя Сергея Александровича и Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Свою работу Фонд ЕСПО ведет совместно с научным и музейным сообществом, государственными и общественными организациями. По инициативе и при участии специалистов Фонда ЕСПО в Московском Кремле был воссоздан по оригинальным эскизам В.М. Васнецова Крест-памятник Великому Князю Сергию Александровичу. Работы по воссозданию Креста проходили по поручению Президента России В.В. Путина, лично принявшего участие в церемонии открытия Креста 4 мая 2017 года.

За особый вклад в дело укрепления духовно-нравственных традиций в обществе, за церковно-общественную и просветительскую деятельность Анна Витальевна награждена Благодарственной грамотой Президента Российской Федерации В.В. Путина за воссоздание Креста-Памятника Великому Князю Сергию Александровичу в Кремле, Орденом преподобной Евфросинии Великой Княгини Московской Русской Православной Церкви (II и III степени), Орденом святой равноапостольной Княгини Ольги (III степени) Русской Православной Церкви, Орденом преподобной Евфросинии Московской Фонда благоверной Евдокии Московской, Орденом святой Людмилы Чешской Православной Церкви Чешских земель и Словакии, Юбилейным Орденом к 100-летию гибели преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Русской Православной Церкви Заграницей во внимание к усердным трудам по увековечению памяти святых новомучениц Великой Княгини Елисаветы и инокини Варвары, организацию научных конференций, посвященных святым новомученицам, Медалью преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Федоровны Каменской и Алапаевской епархии (I и II степени), Медалью Великомученицы Екатерины Екатеринбургской митрополии Русской Православной Церкви (I степени), высшей наградой Императорского Православного Палестинского Общества Орденом Вифлеемской звезды, Орденом Великого Князя Сергея Александровича Императорского Православного Палестинского Общества, Орденом Великой Княгини Елизаветы Федоровны Императорского Православного Палестинского Общества, Медалью «За просветительские труды» священномученика Константина Богородского, медалью святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова Санкт-Петербургской Духовной Академии (III степени), наградами Тобольской и Пермской епархий, знаком отличия «За заслуги перед Свердловской областью» (II степени) Правительства Свердловской области, а также другими государственными и церковными наградами.

А.В. Громова с 2011 г. входит в Попечительский совет Московского Синодального хора, является организатором возрожденного с 2011 года Крестного хода в память преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Федоровны. С 2013 г. возглавляемый Анной Витальевной Фонд координирует работу Елисаветинского сообщества, возникшего в России со времени прославления Великой Княгини. Елисаветинское сообщество объединяет общественные и церковные организации, носящие имя св. преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны и продолжающие традиции христианского просвещения, милосердия и благотворительности. Это монастыри, хосписы, сестричества милосердия, благотворительные фонды и др. География их очень широка: от Минска и Калининграда на западе, до Хабаровска и Норильска на востоке, Ростова-на-Дону, Киева и Одессы на юге. В числе Елисаветинцев — организации и объединения, монастыри

и приходы из Германии, Финляндии, Великобритании и Святой Земли. С весны 2014 г. проводится ежегодный общественно-научный Форум «Елисаветинское наследие сегодня», в котором принимают участие делегаты из различных регионов России и ближнего зарубежья.

А.В. Громова продолжает просветительские труды по изучению жизни и деятельности Елизаветы Фёдоровны, и 1 ноября, в день рождения Великой Княгини, под ее руководством с 2013 г. проходит ежегодная научная конференция «Елисаветинско-Сергиевские чтения», которой посвятили многие годы своей жизни, ныне ушедшие д.ф.н. И.К. Кучмаева, к.и.н. Л.Б. Максимова и другие ученые. В них принимают участие сотрудники исторических институтов РАН, представители федеральных, областных музеев и архивов, общественных и церковных организаций и многие другие.

С марта 2015 г. Анна Витальевна входит в состав Оргкомитета по подготовке и проведению празднования 800-летия со дня рождения св. князя Александра Невского. В 2018 г. она была удостоена премии Правительства Российской Федерации за развитие культурно-туристского кластера «Тобольск — духовная сила России». В 2018 г. выступила инициатором Национального проекта «Императорский маршрут» под эгидой Министерства культуры Российской Федерации совместно с Федеральным агентством по туризму «Ростуризм». С 2018 г. является Почетным гражданином города Алапаевска. С апреля 2019 г. — член Бюро Президиума Всемирного Русского Народного Собора. С июня 2019 г. — член Научного совета при МАРХИ. С ноября 2019 г. — член Координационного совета по подготовке и проведению памятных мероприятий, связанных со 100-летием Крымской эвакуации («Русского исхода»). Автор многих научных публикаций по истории России и Европы, международных отношений, Русской Православной Церкви, Дома Романовых, Императорского Православного Палестинского Общества.

Председатель ИППО С.В. Степашин тепло поздравил с днём рождения Анну Витальевну и сердечно поблагодарил за работу в качестве заместителя Председателя ИППО. Также Сергей Вадимович в своем поздравлении отметил: «Неоспорим Ваш вклад в увековечивание памяти первых Председателей Императорского Православного Палестинского Общества — Великого Князя Сергия Александровича и Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны. Благодаря Вашим усилиям семь лет назад в Центре ИППО был открыт и действует Музей истории Общества, который знакомит с историей ИППО, способствует изучению исторического наследия Святой Земли, воспитанию патриотических чувств и любви к России».

ПАМЯТИ ПОЧИВШИХ

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ АЛЕКСЕЕВИЧА БЕЛЯЕВА

21 октября 2019 г. скончался Сергей Алексеевич Беляев, член РПО при АН СССР с 1984 г., член МОО «ИППО» с 1992 г., известный советский и русский историк и археолог, церковный и общественный деятель, ведущий научный сотрудник Института Всеобщей истории РАН. Родился в г. Костроме, где отец находился в ссылке. По линии отца, протоиерея Алексея Сергеевича Беляева, все предки родом из Санкт-Петербурга, по линии матери, Марины Александровны (урожденной Матвеевой) — из-под Мценска. В 1930 г. отец и мать были высланы из Москвы по делу Александра Дмитриевича Самарина. Отец провёл три года на лесоповале в Архангельской области, после чего семья обосновалась в Костроме. Окончил среднюю школу в г. Скопин Рязанской обл., в 1959 г. — исторический факультет Ленинградского государственного университета. В 1970 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Города римской Северной Африки во времена владычества вандалов (по данным Виктора из Виты)». Участник раскопок в Херсонесе с 1961 г., в 1972–1984 гг. руководил экспедицией АН СССР в Херсонесе, которая, в частности, определила место крещения св. блгв. Великого Князя Владимира. Работал в Государственном Эрмитаже, затем в Ленинградском отделении Института археологии Академии наук, в 1977 г. по приглашению академика Б.А. Рыбакова перешел в Институт археологии АН СССР в Москве. С.А. Беляев был доверенным человеком Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в вопросах археологии и занимал неформальную должность главного археолога Московской Патриархии. Область научных интересов: поздняя Римская империя, раннее христианство (христианская археология, история ранней Церкви, архитектура, литургика), история Херсонеса, русская эмиграция первой волны. С начала 1990-х гг. он руководил работами по обретению святых мощей угодников Божиих, преданных поруганию в советский период.

Под его руководством было обретено более тридцати честных мощей православных святых, в том числе мощи Патриарха Тихона, Оптинских старцев, прп. Максима Грека, свт. митрополитов Московских Филарета (Дроздова) и Иннокентия (Вениаминова), архиепископа Иоанна (Поммера) в Риге и многие другие. С.А. Беляев был членом Государственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов Императорской Семьи. Он имел особое мнение о судьбе царских останков, полностью не совпадающими с выводами комиссии, в которую он входил. В рамках Рождественских Чтений с 1998 г. он двадцать лет руководил секцией «Церковные древности», заседание которой проходили в Патриарших Палатах Московского Кремля, и главными темами уже на протяжении многих лет являлись кремлёвские святыни. Автор около ста научных работ. С.А. Беляев принимал активное участие в общественной и научной деятельности ИППО, совершал в 1990 гг. поездки в Святую Землю в составе паломнических групп Общества. Он был непременным участником научных конференций и собраний ИППО. Вечная память!

АВТОРЫ СТАТЕЙ И ПУБЛИКАЦИЙ

Абузина Светлана Сергеевна, аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Аксенова Галина Владимировна, член МОО «ИППО», член Совета Московского отделения МОО «ИППО», профессор Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, доктор исторических наук.

Алексеев Алексей Иванович, заведующий отделом рукописей Российской национальной библиотеки, доктор исторических наук.

Алленов Андрей Николаевич, доцент кафедры Философии и методологии науки Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, кандидат исторических наук.

Балдин Кирилл Евгеньевич, председатель Ивановского отделения МОО «ИППО», профессор, заведующий кафедрой истории России Ивановского государственного университета, доктор исторических наук.

Беляев Леонид Андреевич, член МОО «ИППО», член-корреспондент РАН, заведующий отделом археологии Московской Руси в Институте археологии РАН, главный редактор журнала «Российская археология», доктор исторических наук.

Бутова Ритта Борисовна, член МОО «ИППО», секретарь Научной секции МОО «ИППО», член Редакционной коллегии ППС, старший научный сотрудник Института российской истории, кандидат исторических наук.

Ванькин Евгений Владимирович, член МОО «ИППО», председатель местного Академического отделения Общества в г. Москве, член Совета Московского регионального отделения МОО «ИППО», член Союза писателей России.

Вах Кирилл Алексеевич, член МОО «ИППО», заместитель руководителя Научной секции МОО «ИППО», член Совета Московского отделения Общества, генеральный директор Научно-издательского центра «Индрик», член Редакционной коллегии ППС.

Герд Лора Александровна, член МОО «ИППО», ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук.

Гришин Дмитрий Борисович, член МОО «ИППО», председатель Сергиевского мемориального фонда, кандидат исторических наук.

Громова Анна Витальевна, заместитель Председателя МОО «ИППО», председатель Наблюдательного совета Фонда содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество», старший научный сотрудник и руководитель международного центра «Благотворительность в истории» Института всеобщей истории РАН, кандидат исторических наук.

Додонов Борис Федорович, главный специалист Государственного архива Российской Федерации, кандидат исторических наук.

Дронов Иван Евгеньевич, доцент кафедры истории РГАУ — МСХА им. К.А. Тимирязева, кандидат исторических наук.

Житенёв Сергей Юрьевич, член МОО «ИППО», заместитель руководителя Научной секции МОО «ИППО», ответственный редактор Редакционной коллегии ППС, советник директора Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, кандидат культурологии.

Житин Руслан Магометович, научный сотрудник Центра фрактального моделирования социальных и политических процессов Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, кандидат исторических наук.

Зайцева Анна Александровна, ведущий сотрудник Государственного архива Российской Федерации, кандидат исторических наук.

Закатов Александр Николаевич, член МОО «ИППО», директор Канцелярии Главы Российского Императорского Дома ЕИВ Великой Княгини Марии Владимировны, доцент Московского государственного университета геодезии и картографии, кандидат исторических наук.

Камчатнов Александр Михайлович, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания Московского педагогического государственного университета; заведующий кафедрой русского языка и стилистики Литературного института им. А.М. Горького; член редколлегии журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики»; доктор филологических наук.

Копылова Ольга Николаевна, начальник отдела Государственного архива Российской Федерации, кандидат исторических наук.

Кудрина Юлия Викторовна, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, вице-президент Ассоциации историков Первой мировой войны, доктор исторических наук.

Лукина Ксения Александровна, ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации.

Мельник Владимир Иванович, член МОО «ИППО», профессор Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина, доктор филологических наук.

Михайлова Елена Михайловна, научный сотрудник отдела рукописей Российской национальной библиотеки, кандидат искусствоведения.

Монгуш Марина Васильевна, ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук.

Панин Леонид Григорьевич, профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета, председатель Новосибирского отделения Общества русской словесности, доктор филологических наук.

Петрунина Ольга Евгеньевна, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, доктор исторических наук.

Плотникова Ирина Владиславовна, директор Церковно-археологического музея Новоспасского ставропигиального монастыря, лауреат премии МОО «ИППО» им. Великого Князя Сергия Александровича.

Родионова Анна Евгеньевна, заведующая сектором хранения и учета фондов отдела рукописей Российской государственной библиотеки, кандидат философских наук.

Савельев Юрий Ростиславович, член МОО «ИППО», профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, академик Российской Академии художеств, доктор искусствоведения.

Сарабьев Алексей Викторович, член МОО «ИППО», ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук.

Степашин Сергей Вадимович, Председатель ИППО, председатель Редакционной коллегии ППС, президент Российского книжного союза, председатель Ассоциации юристов России, кандидат исторических наук, доктор юридических наук.

Суворова Евгения Юрьевна, старший преподаватель кафедры истории и теории церковного искусства Московской Духовной академии, старший научный сотрудник Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника.

Хани аль-Ахмар, сирийский общественный деятель, кандидат технических наук.

Черных Елена Александровна, младший научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова.

Якушев Михаил Михайлович, член МОО «ИППО», российский дипломат, учёный историк, специалист по истории русского православного паломничества, кандидат исторических наук.

Научное издание

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 118

Ответственный редактор
С.Ю. Житенёв

Издано в 2020 году

Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
e-mail: market@indrik.ru
or bytel./fax: +7 495 938-01-00

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 9538005
Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная.
34,0 п.л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в Net print